

Н. Н. ГОЛОВИН

**РОССИЙСКАЯ
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
В 1917–1918 гг.
том первый**

СЫНЪ МОИ ИДИ И СПАС

ЗА ЕДИНУЮ

За кѣмъ идти?

И уже два года какъ продолжается поднятая больше-
вистская гражданская война. Народъ гибнетъ, разору-
тся то къ одной, то къ другой воюющей сторонѣ, не з-
наю по тьмѣ своей рѣшить, гдѣ правда, гдѣ спасеніе, г-
дѣ и конецъ кровавымъ ужасамъ, голоду, произволу
и законности.

**ПОЧЕМУ
ТЫ НЕ НА
ФРОНТѢ**

Во-первыхъ, потому что большевики безъ грѣха жить не могутъ,
говорятъ, что уничтожаютъ буржуевъ.
отъ нихъ?
Страдаетъ весь народъ, потому что у
кто зарабатываетъ себѣ пропитаніе чест-
но, а для того, чтобы народъ не мѣша-
лся, то теперь тѣмъ какъ онъ

Почему живемъ въ кошмарѣ?
Почему-ничто не въ силахъ
Но, вотъ въ лучахъ восходящаго
поднять спасеніе. Вспомните
Машину, занесенную русскими
иногда съ дѣломъ.

РОССИЮ

девольтво КРАСНЫ

Вы знаете, что обозначает КРАСНЫЙ флаг больше
Это КРАСНОЕ знамя ороповьди всеобщей рев
гибляи мiра въ КРАСНОМЪ пожарѣ?

Кровь!

Вы знаете, что значить КРАСНАЯ армія?

Кровь! Кровавая армія!

Вы знаете, что значить КРАСНОАРМЕЕЦЪ?

Это человекъ, купленный за большевистскія ден
тораго РУКИ ВЪ КРОВИ РОДНОГО БРАТА!!!

Это кровь!

Кровавая печа въ сатаны!!

Вы знаете, почему у большевиновъ на бумага
НЫЯ ПЕЧАТИ, почему они подписываютъ ихъ КРАСН
ныями, почему вывѣси на советскіихъ учреждені
НЫЯ, еднимъ словомъ, почему вся дѣятельность бол
изобразятся на КРАСНОМЪ фонѣ?

Это все кровь! кровь! кровь!

большевики, коммунисты, бичақты, уиыны, пол
ЛЕНИНА- УЛЯНОВЪ
ПОДЪ МАСКОЙ ЛЬВА
помощники его КА
ИУФЕ. РАКОВСКИЕ,
— въ

ныт

Да здравствуетъ чистая отъ кров
чесная Армія
ПОЖАРА, КРАСНАЯ РОДИНУ!

H. T. Trenchard

Н. Н. ГОЛОВИН

РОССИЙСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В 1917 – 1918 гг.

КНИГИ 1 – 5

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2011

Издательство выражает искреннюю признательность:

*Директору архива и библиотеки Гуверовского института
войны, революции и мира (США) Р. Соуза,
сотрудникам архива А. В. Шмелеву, С. Харрисону и К. Леденхэм —
за разрешение переиздать книгу Н. Н. Головина
и помощь в работе с архивными материалами;
сотрудникам Отдела литературы Русского Зарубежья Российской Государ-
ственной библиотеки, Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына,
д. и. н. В. Ж. Цветкову — за предоставление иллюстративных материалов,
а также Л. Ю. Тресиной за содействие в подготовке издания*

В оформлении книги использованы фрагменты картины А. Ромасюкова
«История Каина и Авеля» (2010) и плакаты Белых армий.

Серийное оформление А. М. Драгового

Головин, Н. Н.

Г61 Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 1 / Н. Н. Голо-
вин; предисл., коммент. д. и. н. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс,
2011. — 560 с. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-4317-4

Книга видного военного теоретика генерала Н. Н. Головина (1875–1944) пред-
ставляет собой крупнейший обобщающий труд по истории контрреволюционного
Белого движения, впервые изданный в эмиграции в 1937 г. Автор рассматривает
весь спектр политических и военных организаций, возникших с марта 1917 г. по
конец 1918 г. и пытавшихся противостоять разрушению российской государствен-
ности. Освещаются события на всех фронтах Гражданской войны, анализируются
причины первоначальных успехов и последующих неудач Белых армий. Авторские
приложения содержат картосхемы и множество редких документов.

Первый том включает части 1–2 (кн. 1–5), дополненные современными на-
учными комментариями. В России книга публикуется впервые.

ББК 63.3(2)611-414.8
УДК 94(47):323.273

© Reprinted from Russian Counterrevolution in
1917–1918 by N. N. Golovin, with the permis-
sion of the copyrightowner, the Hoover Institu-
tion. Copyright © 1937 by the Board of Trustees
of the Leland Stanford Junior University.

© Оформление, предисловие, комментарии.
ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2011

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛОВИН И ЕГО ТРУД

Автор публикуемого труда, Николай Николаевич Головин принадлежит к числу самых видных военных деятелей Русского Зарубежья. Жизнь и судьба его достаточно типичны для русского генерала его поколения. Он родился 22 февраля 1875 г. в Москве, в военно-дворянской семье (род числился по Московской губернии). Окончив в 1894 г. Пажеский корпус, он вышел во 2-ю конно-артиллерийскую батарею, но уже в том же году был переведен в Лейб-гвардии Конную артиллерию.

Окончив в 1900 г. Николаевскую академию Генерального штаба, он в чине капитана некоторое время состоял при штабе Санкт-Петербургского военного округа; 21 апреля 1901 г. был назначен старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии, а 4 июня 1902 г. переведен на ту же должность во 2-ю гвардейскую пехотную дивизию (с 2 октября 1902 по 7 октября 1903 г. — цензовое командование эскадроном л.-гв. Кирасирского Его Величества полка). С 26 ноября 1903 г. Головин назначается обер-офицером для поручений, а 8 октября 1904 — помощником старшего адъютанта штаба Войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа; 17 апреля 1905 г. он становится начальником отделения штаба Варшавской крепости, но уже 14 июля того же года, произведенный в подполковники, назначается штаб-офицером для поручений штаба Войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а 17 октября — старшим адъютантом того же штаба. Менее чем через месяц — 5 ноября 1905 г. Головин назначается заведующим передвижением войск Петербурго-Двинского района, занимая эту должность почти 5 лет — до 22 июня 1910 г. Одновременно с 6 февраля 1908 г. он становится экстраординарным, а с 18 апреля 1909 г. ординарным профессором Академии Генерального штаба (с 6 декабря 1909 — полковник), оставаясь им до 7 января 1914 г., когда получает в командование 20-й драгунский Финляндский полк. К этому времени он уже был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1904 г.), Св. Анны 3-й степени (1906 г.) и Св. Станислава 2-й степени (1912 г.).

Перед самым началом Первой мировой войны Н. Н. Головин назначается (25 июля 1914 г.) командиром л.-гв. Гродненского гусарского полка, а 3 ноября 1914 г. — и. о. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 24 октября 1915 г. он становится и. о. начальника штаба 7-й армии, а 6 декабря 1915 производится в генерал-майоры с утверждением в должности. 17 апреля 1917 г. Головин исполняет должность начальника штаба Румынского фронта, 16 августа 1917 г. производится в генерал-лейтенанты, а незадолго до большевистского переворота — 15 октября

1917 г. назначается в распоряжение Верховного главнокомандующего и затем командует 18-м армейским корпусом. За заслуги в ходе мировой войны он награждается Георгиевским оружием (1915) и орденом Св. Георгия 4-й степени (1916).

После «украинизации» Юго-Западного и Румынского фронтов, Головин был выдвинут ген. Щербачевым на должность начальника штаба объединенного фронта и 4 декабря 1917 г. утвержден на этом посту Генеральным секретариатом Центральной Рады с одновременным возложением обязанностей временно командующего Румынским фронтом. В дальнейшем он состоял в гетманской армии, с 27 сентября 1918 г. занимая должность главы военно-исторической комиссии при Военном министерстве Украинской державы по разбору документов Юго-Западного и Румынского фронтов (в чине генерального значкового).

В декабре 1918 г., после начала петлюровского восстания против гетмана, Н. Н. Головин уезжает в Одессу. Он становится членом делегации, направленной от правительства адмирала Колчака в Англию, с 24 декабря 1918 г. — помощник представителя белого командования при Союзном командовании (утв. 2 фев. 1919). С 14 авг. 1919 г., прибыв на Дальний Восток, поступил в распоряжение адмирала Колчака, некоторое время руководил обороной Омска. После поражения войск адмирала Колчака Н. Н. Головин выехал в Русскую Армию бар. Врангеля в Крым. После эвакуации Крыма Головин переезжает во Францию.

Здесь разворачивается его многоплановая научная и организационная деятельность. К декабрю 1924 г. Головин состоит председателем полкового объединения л.-гв. Гродненского гусарского полка, на 1931 г. возглавляет группу л.-гв. Конной артиллерии в Париже, он состоит также членом Общества офицеров Генерального штаба.

Важнейшим делом его жизни в эмиграции стало создание под эгидой Русского Обще-Воинского союза Зарубежных высших военно-научных курсов в Париже, просуществовавших до 1940 г. В 1922 г. основанные в центрах расселения военной эмиграции кружки военного самообразования были объединены ген. Н. Н. Головиным в «Заочные курсы высшего военного самообразования» (в 1926 г. насчитывалось до 52 таких кружков с 550 участниками), а 22 марта 1927 г. им были организованы в Париже вечерние Высшие военно-научные курсы. По программе и задачам это был аналог академии Генерального штаба, курсы имели целью, как говорилось в «Положении» о них, «дать русским офицерам, находящимся за рубежом, высшее военное образование». Они состояли из трех классов — младшего, старшего и дополнительного с общей продолжительностью обучения 50 месяцев (800 учебных часов). По настоянию Великого князя Николая Николаевича им было присвоено имя Головина. Такие же курсы в январе 1931 г. были открыты

ген. А. Н. Шуберским в Белграде. Всего в Париже курсы закончили 82, в Белграде — 77 офицеров. Отделения имелись в Праге и Буэнос-Айресе. В тесной связи с ВВНК в Париже в 1932 г. Н. Н. Головиным был образован научно-исследовательский Институт по исследованию проблем войны и мира, коллектив которого составили преподаватели и лучшие выпускники ВВНК. Такая же военно-научная структура — Военно-научный институт — была создана в 1936 г. и в Белграде. Этот институт в 1936–1938 гг. издавал (под редакцией Н. Н. Головина) 2 раза в год свой журнал «Осведомитель» (вышло 5 номеров). Головин редактировал также выходивший в Белграде «Военный Сборник», сотрудничал со многими эмигрантскими и иностранными изданиями.

Генерал Н. Н. Головин был крупнейшим военным теоретиком и историком. Ему принадлежит более ста трудов (часть которых была переведена на все основные европейские языки), в том числе такие капитальные издания, как «Мысли об устройстве будущей русской вооруженной силы» (Париж, 1925), «Тихоокеанская проблема в XX столетии» (Прага, 1924) и «Военные усилия России в мировой войне» (т. 1–2, Париж, 1939). В сфере внимания Головина были как вопросы русской военной истории (особенно Первой мировой войны), так и вопросы военной психологии, организации, стратегии и тактики. Значительное внимание уделял он всегда и проблемам геополитики.

Во время Второй мировой войны Н. Н. Головин, как и большинство русской военной эмиграции, надеялся на то, что коммунистический режим, потерпев поражение, падет, и откроется возможность воссоздания российской государственности; он сотрудничал с Русским освободительным движением, оказывая, в частности, поддержку РОА. 10 января 1944 г. Головин скончался в Париже от сердечного приступа и был похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Личный архив генерала Головина хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стенфордском университете (США), с которым он сотрудничал с середины 1920-х гг.

Публикуемый ниже труд «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» был впервые издан в 1937 г. в 12-ти книгах в серии литературных приложений к журналу «Иллюстрированная Россия» (Париж), отпечатан был в типографии в Ревеле (Таллине). В предисловии автор отмечает: «настоящий труд по истории Российской Контрреволюции выполнен мною по заданию Института «Исследования Русской Революции» при Станфордском университете». Работа над книгой продолжалась несколько лет. В частности, в 1930–1931 гг. генерал Головин провел несколько месяцев в Гуверовской библиотеке войны

при Стенфордском университете — уже в то время крупнейшем хранилище архивных документов по истории Гражданской войны. Работал он и в ряде других библиотек — в Париже, Лондоне, Вашингтоне и др.¹

Труд Головина представляет собой попытку обобщить военно-политический опыт борьбы с большевизмом в первое время после переворота 1917 г. и в начале Гражданской войны. Автор задумывал его не как систематическое описание военных действий белых армий (такая попытка была предпринята другим военным теоретиком А. А. Зайцовым в книге «1918 год»²), а именно как политическое исследование. Поэтому ход военных действий освещается в книге лишь в самом общем виде, а основное внимание уделяется формированию и позициям антибольшевистских сил. В приложении к каждой главе Головин приводит ряд документов, в основном также политического характера.

Фактическое описание событий в сочинении Головина во многом основывается на трудах А. И. Деникина «Очерки русской смуты» и С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака», а также на работах некоторых других авторов, которые в одних случаях прямо цитируются (часто не вполне точно), а в других — пересказываются. В этом смысле новой информации книга Головина не несет. Но автор и не ставил своей задачей дать новое описание известных событий, он стремился по-своему их интерпретировать, высказывая собственные суждения об их характере, смысле и значении в соответствии с собственными политическими взглядами.

Вокруг «Российской контрреволюции» в эмигрантских кругах развернулась полемика, рецензии на книгу написали А. И. Деникин³, П. Н. Краснов⁴, С. П. Мельгунов⁵, А. А. Зайцов⁶, Н. В. Пятницкий⁷

¹ Головин Н. Н. Ответ на критику г-на Мельгунова. Письменный доклад, представленный в Правление Русской Академической группы, с. 43–44 (машинопись, Архив Гуверовского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 2).

² Зайцов А. А. 1918 год: очерки по истории русской Гражданской войны. Париж, 1934.

³ Деникин А. И. Навет на Белое движение (машинопись, Архив Гуверовского института, фонд 88074. То же: Бахметьевский архив Колумбийского университета, фонд А. И. Деникина, кор. 10).

⁴ Краснов П. Н. Новый исторический труд профессора генерала Головина (машинопись, Архив Гуверовского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 14).

⁵ Мельгунов С. П. «Российская контрреволюция» (методы и выводы ген. Головина). Доклад в Академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938.

⁶ Зайцов А. А. Труд ген. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» и учение Клаузевица // Русский Инвалид (Париж), № 134, 20 июня 1939 г.

⁷ Пятницкий Н. В. Стратегическая вылазка штатского историка С. П. Мельгунова // Сигнал (Париж), № 58, 1 июля 1939 г.

и некоторые другие лица. В июне 1939 года в Париже на собрании Русской Академической группы состоялось бурное обсуждение книги Н.Н. Головина, в котором принял участие сам автор, а также критик его работы С.П. Мельгунов¹.

Надо сказать, что точка зрения Головина по ряду вопросов весьма сильно расходилась со взглядами тех авторов, чьими трудами он пользовался. Поэтому неудивительно, что его труд в том числе и по этой причине вызвал резко негативную реакцию со стороны как Мельгунова, так и Деникина (который даже назвал сочинение Головина «наветом на Белое движение»). К тому же Головин подверг критике и некоторые конкретные аспекты военно-политической деятельности самого Деникина.

Большинство конкретных претензий оппонентов к труду Головина сводилось к характеру цитирования, оформлению ссылок и тому подобным деталям, некоторым фактическим неточностям. Вызывала возражения также категоричность некоторых высказываний, порожденных исключительно собственными умозаключениями автора. Однако нельзя сказать, чтобы полемика носила характер принципиального социально-политического противостояния в смысле «правизны» и «левизны», поскольку в этом смысле Головин и его оппоненты существенно не отличались друг от друга: в каких-то аспектах Головин выглядит более «левым», в каких-то — более «правым», чем его критики.

Если посмотреть на те существенные вопросы, освещение которых вызвало резкую реакцию оппонентов, становится очевидным, что отношение к ним было обусловлено различной геополитической ориентацией сторон, причем по состоянию именно на конец 30-х годов. Разногласия, существовавшие в российских военных и политических кругах в начале XX века относительно того, следует ли России союзничать со странами Антанты или Германией, с новой силой проявились в 1917–1918 гг. в той сложной ситуации, в которой тогда оказались противобольшевистские силы, и продолжали существовать в дальнейшем и в эмиграции. Оппоненты Головина (как Деникин, так и Мельгунов) всегда придерживались «союзнической» ориентации, тогда как сам он ко времени написания своего труда явно склонился к прогерманской ориентации (подобно всегда придерживавшемуся таковой генералу П. Н. Краснову), что и нашло заметное отражение в книге.

Головин, в частности, задним числом высказывает мнение о желательности после начала революционных событий сепаратного мира с

¹ Протокол общего собрания членов Русской Академической группы в Париже 5 июня 1939 (машинопись, Архив Гугеровского института, фонд Н.Н. Головина, кор. 15).

Германией, который, по его мнению, позволил бы избежать революции (в 1917 г. подобных взглядов он, естественно, не высказывал и не придерживался). В описании разногласий между командованием Добровольческой армии (продолжавшим считать себя в состоянии войны с Германией) и Донским атаманом П. Н. Красновым (ориентировавшимся на Германию и получавшим от нее помощь) Н. Н. Головин, безусловно, солидаризуется с позицией Краснова. Более того, эта позиция приводит его даже к благожелательному отношению к казачьему сепаратизму и вообще областничеству, с которым приходилось бороться руководству Вооруженных сил Юга России. Весьма важное значение Головин придает и выбору командованием Добровольческой армии летом 1918 г. направления основного удара на Кубань вместо совместного с Красновым наступления на Царицын, считая даже, что этот выбор (имевший целью в том числе и предотвратить занятие Кубани немцами) так же предопределил поражение в Гражданской войне белых, как битва на Марне 1914 г. — поражение Германии в мировой войне.

Именно расхождения подобного рода обусловили отношение Головина к Деникину и его политике, хотя критика иных аспектов политики Деникина носит явно «служебный» характер и выглядит действительно противоречиво. Например, одну из основных причин неуспеха Белого движения Головин видит в «недемократичности» белого командования, в его отрицательном отношении к разогнанному большевиками Учредительному Собранию и вообще к демократии. Однако, упрекая Деникина в том, что тот «применил по отношению к Учредительному собранию фигуру умолчания» и «умалчивал о неизбежности демократического устройства будущей России», Головин одобряет Краснова, относившегося к Учредительному Собранию откровенно враждебно. Впрочем, сам по себе труд Головина «Российская контрреволюция» носит не более полемический характер, чем это обычно встречается в мемуарах и исторических трудах различных представителей Белого движения. Автор не ставил специально целью критику тех или иных его руководителей, а лишь описывал события под определенным углом зрения в соответствии с теми взглядами, которые в то время разделял.

Значение труда Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» заключается прежде всего в том, что это единственная в русской эмигрантской историографии (да и вообще в историографии Гражданской войны в России) книга, дающая целостное представление о формировании и характере сил антибольшевистского сопротивления на первом этапе его существования. В России она никогда ранее не издавалась и будет интересна самому широкому кругу читателей.

Доктор исторических наук С. В. Волков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВАЯ ЕЕ ВСПЫШКА

Книга 1

Книга 2

Воспроизводится по первому изданию: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 5 частях, 12 книгах. [Париж] Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 г., вып. 23–34.

Текст печатается в современной орфографии, стиль автора полностью сохранен. В приведенных фрагментах из книги А. И. Деникина в квадратных скобках добавлены слова, пропущенные при их цитировании в книге Н. Н. Головина.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ,

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть I.

**Зарожденіе контръ-революціи и
первая ея вспышка**

Книга I-я

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя труд посвящен исследованию Русского контрреволюционного движения.

Для того чтобы быть правильно понятым, автор считает нужным пояснить, что он подразумевает под словами «контрреволюционное движение». Это крайне необходимо, потому что словами «революционный» и «контрреволюционный» слишком часто злоупотребляли в политике и в публицистике.

История последних трех веков европейских народов приучила широкое общественное мнение отождествлять «революцию» с «прогрессом». Между тем история древности с таким же успехом могла бы отучить от обязательного сочетания вышеуказанных двух понятий. К такому же выводу мы придем, изучая историю народов Азии.

Если это так, то и сочетать понятие «контрреволюции» с представлением о регрессе — тоже нет никаких научных оснований.

Мы обращаем особенное внимание читателя на это, ибо в цитируемых нами документах и источниках он постоянно будет читать слова «контрреволюция», «контрреволюционер», применяемые политическими деятелями более левого толка по отношению к своим противникам справа. Керенский называет контрреволюционером ген. Корнилова¹, Троцкий — Керенского. При этом эти слова каждый из них применяет именно в смысле «противник прогресса» или «реставратор». Характерно то, что подобное употребление слов «контрреволюция» и соответствующих прилагательных стало настолько распространенным, что каждое из обвиняемых «в контрреволюции» лиц старательно доказывает, что оно не «контрреволюционно».

А между тем, если подойти к вопросу с социологической точки зрения, то, конечно, ген. Корнилов в сентябрьские дни 1917 г. являлся контрреволюционером так же точно, как таковым являлся после ноябрьских дней 1917 г. Керенский.

Каждая революция, даже такая, которая приводит к освобождению народов, в своей основе построена на насилии. Она начинается с актов разрушения, и, следуя законам социальной психологии, она по мере своего развития все более и более становится разрушительной. Разбушевавшаяся стихия разрушения может быть остановлена только силой; эта сила и создается контрреволюционным движением.

Если революционный процесс останавливается контрреволюцией раньше, чем он разрушил омертвевшие ткани старого режима, — то контрреволюция легко превращается в реставрацию.

Если же революционный процесс останавливается контрреволюционными силами после того, как эти омертвевшие ткани разрушены, но разрушительный процесс не затронул еще живые ткани государственного организма, то революция приобретает творческий характер. На расчищенном пронесшейся бурей поле творческие силы народа создают новые формы политической и социальной жизни. Таковой и была большая французская революция XVIII столетия, завоевания которой были закреплены контрреволюцией, имевшей во главе ген. Бонапарта.

Наконец, если контрреволюционный процесс не в состоянии остановить разрушительные силы революции на надлежащей границе, революция становится регрессивной и разрушает производительные силы государства и народа.

Из только что сказанного читатель видит, что мы понимаем «контрреволюцию» как одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции.

При таком понимании контрреволюционное движение представляет собой чрезвычайно сложный комплекс. В него входят и реставрационные вожеления, и национализм, протестующий против разрушения государства, и, наконец, те демократические силы, которые хотя и участвовали в начале революции в разрушении стеснявшего социальный прогресс Старого Режима, но стремятся остановить революционный процесс на уровне, представляющем благоприятные условия для развития их политических и социальных идеалов.

Таким образом, силы, могущие входить в состав контрреволюционного движения, столь многообразны, что часто идеей, объединяющей это движение, служит не общая положительная идея (например, какой-либо общий политический или социальный идеал), а только идея негативного характера, а именно, борьба против разрушительных сил революции.

В этом случае внутреннее строение контрреволюционного движения становится особенно сложным. Отсутствие общей объединяющей политической или социальной идеи приводит к тому, что внутри самого контрреволюционного движения возникают разлагающие его процессы.

Настоящий труд и задается целью проследить возникновение и развитие контрреволюционного движения в общем процессе Русской революции.

В этом исследовании мы постараемся выяснить внутреннее строение этого движения в различные периоды революции. Нам кажется,

что подобное освещение, хотя только одной стороны Русской революции, позволит будущей исторической науке воссоздать истинную картину всей этой революции. Это тем более необходимо, что работа, которая ныне производится в Советской России, дает совершенно тенденциозное освещение интересующего нас движения. Правда, работы историков Советской России преследуют пропагандные цели, что само по себе должно служить предупреждением для очень осмотрительного пользования подобными работами. Обилие этих работ создает целый ряд ходячих мнений, которые хотя и не имеют ничего общего с наукой, тем не менее затемняют приближение к истине.

Обширные размеры настоящего труда вызвали его разделение на пять частей, причем части 1-я, 2-я, 4-я печатаются в двух книгах каждая, а части 2-я и 5-я печатаются в трех книгах каждая.

Вот эти части.

Первая часть. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка (книги 1-я и 2-я).

Вторая часть. Большевицкий переворот превращает контрреволюцию в противобольшевицкое движение (книги 3-я, 4-я и 5-я).

Третья часть. Интервенция врагов и союзников (книги 6-я и 7-я).

Четвертая часть. Освобождение Сибири и образование «Белого» Восточного фронта гражданской войны (книги 8-я и 9-я).

Пятая часть. Освобождение Дона и Кубани и образование «Белого» Южного фронта гражданской войны (книги 10-я, 11-я и 12-я).

Девизом настоящей работы является: искание правды, одной только правды и всей правды. Но если нахождение истины, составляющее сущность науки, вообще доступно для человечества лишь с некоторым приближением, то в предпринимаемой нами работе это приближение сильно затруднено близостью происшедших событий.

Как для того, чтобы получить общее представление об общем характере местности, лучше всего подняться на известную высоту, дабы впечатления, воспринимаемые глазом, не отвлекались подробностями, — так для возможности правильного суждения об исторических событиях нужен длительный промежуток времени, даже смена поколения, дабы чувство лично пережитого не мешало бы беспристрастию суждений разума.

Поэтому автор заранее соглашается, что сделанная им работа, при всем его стремлении к полному научному объективизму, все-таки не может носить наименования «Истории», а лишь только «Опыта исторического и социологического исследования».

Несмотря на подобное ограничение возможностей объективности исследования, все-таки попытки теперь же изучить только что протекавшие события имеют большое научное значение.

Настоящий труд по истории Российской Контрреволюции выполнен мною по заданию Института «Исследования Русской Революции» при Станфордском университете (Калифорния, С.А.С.Ш.²), коему и принадлежат авторские права на всех языках. Я приношу мою глубокую благодарность руководителю этого Института — профессору Г. Г. Фишеру за данное мне разрешение выпустить это русское издание и этим дать возможность Русскому читателю ознакомиться с моей работой. Это является наилучшим способом научной проверки достоверности сообщаемых мною фактов и объективности моего их освещения. В данном случае наиболее приложима старая французская поговорка: Du choc des opinions jaillit la Vérité¹.

Н. Головин

Copyright in all languages by the
„Russian Revolution Institute“
of the Hoover War Library at
Stanford University, Palo Alto, California, U. S. A.

Оборот титула оригинального издания 1937 г.

¹ В споре рождается истина (франц.). — Прим. ред.

ГЛАВА I

ОТСУТСТВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИХ СИЛ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Быстрота свержения Царской власти

8 марта¹ (23 февраля) появились первые признаки рабочих беспорядков в Петрограде. Забастовало в этот день около 80 тыс. рабочих (из общего числа в 400 тысяч).

9 марта (24 февраля) число бастующих рабочих достигает 200 тыс. Мирные митинги уступили место вооруженным столкновениям с полицией.

10 марта (25 февраля) число бастующих возросло до 250 тыс. Занятия в учебных заведениях прекратились. Весь Петроград вышел на улицу. Появились первые признаки неустойчивости войск (отказ казачьей сотни содействовать полиции на Знаменской площади).

11 марта вечером (26 февраля) Император Николай II объявил указ об отсрочке сессии Государственной Думы, которая должна была открыться на следующий день.

12 марта (27 февраля) с утра вспыхнул солдатский бунт в л.-гв. Волынском и Литовском полках, быстро передавшийся в остальные части Петроградского гарнизона. В течение этого дня Правительство, собственно говоря, *уже капитулирует*; с общего согласия всех министров, председатель кн. Голицын³ послал Государю, находившемуся в это время в Ставке (в Могилеве), телеграмму, в которой доносил, что Совет министров не может справиться с вспыхнувшим восстанием, и просил о своем увольнении.

15 (2) марта отрекается от Престола Император Николай II, передавая трон своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу, а 16 (3) марта отказывается от вступления на престол Великий Князь Михаил Александрович.

Таким образом, понадобилось всего восемь дней для того, чтобы небольшие рабочие волнения разрослись в движение такой силы, которое смело Царскую власть, имевшую четырехвековую давность.

Большинство мемуаристов ищут объяснение этой поразительной быстроты падения Царской власти в несостоятельности лиц, стоявших в это время у аппарата власти. Действительно, несостоятельность кн. Голицына (председателя Совета министров), Протопопова⁴ (министра внутренних дел), генерала Беляева⁵ (военного министра), ген. Хабалова⁶

¹ Все события указаны по новому стилю; в скобках же указан старый стиль.

(командующего войсками Петроградского военного округа) не подлежит оспариванию. И всё же причины быстроты падения Царской власти нужно искать значительно глубже. Ведь сама несостоятельность лиц, которые должны были защищать Царскую власть в марте 1917 года, являлась в значительной мере следствием крайне неудачного подбора Императором Николаем II своих ближайших сотрудников. Этот же подбор, в свою очередь, являлся следствием той моральной изоляции, в которой оказалась к началу 1917 года Царская власть.

Здесь мы подходим к глубоким и могучим силам коллективно-психического характера, роль которых в социальных явлениях при материалистическом подходе к Истории опускается. Скрытые при своем возникновении, а также в течение своего развития, они внешне выявляются в виде общих настроений, представляющих собой тот общий психический фон, на котором развиваются события. На этом фоне действуют как отдельные личности, так и массы. Цели, которые они преследуют, напряжение воли, которое они при этом проявляют, даже работа их мысли — всё это тесно зависит от тех основных психических настроений, которые в известные моменты народной жизни становятся господствующими. В особенности велика сила этих общих настроений в те периоды, когда коллективно-психическая жизнь людей получает особое напряжение, как, например, во время войны.

В области явлений коллективной психики и следует искать причины быстроты свержения Царской власти в мартовские дни 1917 года.

Слабость сопротивления Царской власти

На самом верху мы видим отрекающегося от престола Государя. Самый акт отречения в корне противоречил его собственному пониманию существа бывшей в его руках власти. Искренне веря в то, что Царская власть имеет свое происхождение «Божьей милостью», он, в течение всего своего Царствования, с большим упорством отстаивал Самодержавие от тех конституционных течений, которые шли из либеральных кругов российской общественности. Не лишено интереса отметить то, что сама возможность отречения Государя от престола даже не предвиделась нашими Основными Законами, так как эти законы тоже были построены на идее монарха «Божьей милостью», а не монарха «волей народа». И тем не менее Император Николай II отрекается от престола очень быстро, в самом начале событий, превращая своим отречением солдатский бунт Петроградского гарнизона в удавшийся мятеж, т. е. в революцию. Он отрекается, не сделав сколько-нибудь серьезных попыток борьбы против взбунтовавшегося гарнизона столицы.

Мотивы отречения Императора Николая II изложены в его манифесте, отданном в ночь с 15 (2) на 16 (3) марта¹.

Читая этот документ, нельзя не увидеть сразу же, что акт отречения был продиктован чувством глубокого патриотизма Императора Николая II. Он уходит от власти для того, чтобы в «решительные дни в жизни России... облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы...» (слова манифеста). Но историк не может не обратить внимания и на другой факт существеннейшего значения: как велик должен был быть психический перелом в душе Императора Николая II для того, чтобы он отрекся. В самом деле, вера в Царскую власть «Божьей милостью» никак не могла бы мириться с противопоставлением Царя и Отечества; интересы обоих с вышеупомянутой точки зрения могли быть только абсолютно тождественными. Это неразрывное и полное тождество и выражалось в словах «За Веру, Царя и Отечество», начертанных на всех знаменах Императорской Армии. Таким же логически вытекающим следствием из понятия Монархии «Божьей милостью» должен был бы являться и другой вывод: защита своей Царской власти является священным долгом самого Монарха.

Вот почему акт отречения Императора Николая II мог воспоследовать только после утраты им самим веры в традиционные основные идеи Царской власти.

Каково поведение в эти дни других лиц Императорской Фамилии, а именно тех, на плечи которых, согласно Основных Законов Империи, могло лечь бремя Царской власти?

За Наследника Цесаревича Алексея, мальчика 12-ти лет, отрекается сам его отец, Император Николай II.

Брат Государя, Великий Князь Михаил Александрович⁷, в пользу которого отрекся Император Николай II, на следующий же день [16 (3) марта] отказывается от вступления на престол, заявив о своем твердом решении «в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского»¹¹.

Совершая этот акт, Великий Князь Михаил Александрович сообщал акту отречения Императора Николая II за себя и сына еще большее моральное значение. Отказываясь принять бразды правления страной в столь критические для нее минуты, он вместе с тем отказывался

¹ См. приложение 1. (См. с. 43 настоящего издания. — *Прим. ред.*)

¹¹ Полный текст этого отречения приведен в приложении 2.

от выполнения долга, составлявшего моральную сущность прежней Царской власти, и этим самым колебал в основе веру народных масс в эту власть. Чтобы поступить так, нужно было, чтобы и в душе самого Великого Князя Михаила Александровича была в корне подорвана вера в эту власть.

Великий Князь Кирилл Владимирович⁸, являвшийся следующим после сына и брата Государя кандидатом на престол, ведет под своей личной командой батальон Гвардейского Экипажа на присоединение к восставшим войскам, собиравшимся около Государственной Думы. Мало того: утром того же 14 (1) марта он разослал начальникам частей Царскосельского гарнизона (Царское Село было резиденцией Императрицы Александры Феодоровны) следующую записку¹: «Я и вверенный мне Гвардейский Экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы и вверенная вам часть также присоединитесь к нам». Совершает всё это Великий Князь Кирилл Владимирович 14 (1) марта, накануне отречения Государя, т. е. в тот момент, когда поведение членов Государственной Думы, какими бы мотивами оно ни диктовалось, являлось революционным; говоря иными словами, Великий Князь Кирилл Владимирович на третий же день солдатского мятежа присоединяется к восставшим и призывает к этому и другие войска.

Не подлежит никакому сомнению, что в своих поступках и Великий Князь Михаил Александрович, и Великий Князь Кирилл Владимирович руководились также чувством патриотизма: идти на всё, лишь бы только Россия победила в тяжелой войне. Но историк опять должен отметить, что эти поступки ярко свидетельствуют, насколько подорвана была вера в Царскую власть среди тех лиц Императорской Фамилии, для которых служение идее Царской власти должно было бы являться своего рода религией.

Не менее поражает историка то бессилие в борьбе с надвигающейся угрозой, которое ярко проглядывает во всех действиях Правительства. Казалось бы, что редко можно встретить в Истории событие, приближение которого предчувствовалось почти всеми¹¹. Об этом свидетельствуют многочисленные мемуары. Тревогой перед надвигающейся социальной катастрофой полны беседы министров на их секретных заседаниях еще в 1915 году¹². Даже из среды дипломатических пред-

¹ Полк. Г. Г. Перетц. В цитадели Русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. С. 51.

¹¹ Падение Царского Режима; стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 году Чрезвычайной Следственной комиссией Временного правительства.

¹² Записаны А. Н. Яхонтовым: «Тяжелые дни» // Архив Русской революции, т. XVIII.

ставителей союзников¹ и из среды самой Царской Семьи раздаются в конце 1916 года голоса, предостерегающие Императора Николая II. И несмотря на это всеобщее ожидание, Царское Правительство оказалось совершенно неподготовленным к подавлению вспыхнувших в Петрограде беспорядков.

Английский посол Бьюкенен в своих мемуарах говорит: «Военные власти, не будь они совершенно лишены дара предвидения, должны были бы оставить в столице небольшой отряд хорошо дисциплинированных войск для поддержания порядка».

Вместо этого в Петрограде находилось до 160 000 запасных войск. Внутренний порядок в этих войсковых частях оставлял желать много лучшего. Стремление возможно скорее подготовить пополнение Действующей армии не было регулировано разумными пределами возможности. Здесь сказалось чисто бюрократическое отношение к делу, которое всё более и более проявлялось в Царском Правительстве по мере увеличения его изолирования. Запасные батальоны были до такой степени переполнены людьми, призванными из запаса, что в ротах состояло до 1000 человек вместо положенных 200. Правильное воинское воспитание такой массы было совершенно непосильно для имевшихся слабых кадров, при этом состоявших преимущественно из офицеров и унтер-офицеров ускоренной подготовки военного времени. Размещение, довольствие, обмундирование и снаряжение столь многочисленных запасных батальонов представляли большое затруднение. Все эти недочеты имели весьма пагубное влияние на обучающихся в запасных батальонах солдат. В казармах создавался нездоровый режим беспорядка, при котором воспитание подготавливавшихся в солдаты людей в духе истинной воинской дисциплины становилось невозможным. Создавалась атмосфера, благоприятная для всякой антиправительственной пропаганды. В результате Петербургский гарнизон отнюдь не мог считаться надежным на случай необходимости прекращения оружием вспыхнувших беспорядков.

Столь же нездоровая атмосфера создавалась и во всех главных городах Империи, ибо расположение запасных войск было приурочено к казармам ушедших на войну полевых войск.

Но такое положение вещей в Петрограде являлось особенно опасным. При господствовавшей в России централизации Петроград, как средоточие государственного управления, являлся как бы цитаделью

¹ *Sir George Buchanan*. "My Mission to Russia", *Sir Hembary Williams*. "The Emperor Nicholas II as I knew him". London, 1922. *Maurice Paléologue* "La Russie des Tsar pendant la grande guerre". Paris: Plon.

² *Les lettres des Grands Ducs a Nicolas II*. Paris: Payot, 1926.

Царской власти, и потому вопрос о поддержании в нем порядка получал первостепенное значение.

И вот для поддержания порядка в столице Империи, население которой достигало 1 800 000, при 400 000 рабочих, настроения которых уже с января месяца были беспокойными, Правительство могло располагать лишь 3 500 городских¹.

Слабость тех сил, на которые могло опереться Правительство для поддержания порядка в столице, объясняет до некоторой степени растерянность его в мартовские дни 1917 года.

Но кроме этой причины, растерянность Правительства в мартовские дни в еще большей мере обуславливалась кризисом чисто психологического характера. В течение 1916 года политика Императора Николая II шла по пути восстановления Самодержавия. Под влиянием же тяжелых переживаний, вызванных войной, вера в Самодержавие была подорвана даже в недрах самого правительственного аппарата.

Только этим кризисом веры и можно объяснить ту быстроту, с которой капитулируют на всех ступенях управления представители Царской власти.

Как мы говорили выше, уже 12 марта (27 февраля), то есть в первый же день солдатского мятежа, председатель Совета министров, кн. Голицын, с общего согласия всех министров посылает телеграмму Государю, в которой доносит, что Совет министров не может справиться с происшедшим восстанием и просит об увольнении в отставку. Исследователь, желающий получить полную картину поведения, как самих министров, так и ответственных за порядок в стране агентов власти, должен обратиться к стенографическим отчетам допросов и показаний, данных в 1917 году Чрезвычайной Следственной комиссии. Читателя этих исследований поражает отсутствие у этих агентов павшей власти убеждения в ее состоятельности. В этом и нужно искать причину «непротивленства», которое охватило Царское правительство в те дни, когда как раз должен был быть проявлен в борьбе максимум энергии.

Для того чтобы охарактеризовать этот дух «непротивленства», царствовавший на верхах Правительства, а также то, какое отрицательное воздействие это настроение оказывало на силы, противодействующие революции внизу, мы приведем следующей факт.

К вечеру первого дня восстания [12 марта (27 февраля)] в непосредственном распоряжении генерала Хабалова (командовавшего войсками Петроградского военного округа) оставалось верными Цар-

¹ Архив Октябрьской революции № 1. Чрезвычайная Следственная комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III. С. 315 (311). Показания пом. градоначальника Вендорфа, заведовавшего личным составом полиции.

скому правительству всего 1 500—2 000 человек. Решено было занять этими войсками Зимний дворец и там, «если нужно, то погибнуть за монархию под Императорским Штандартом». В дворцовом здании войска расположились в коридорах нижнего этажа и во дворе. Но здесь возникло совершенно неожиданное препятствие. Управляющий дворцом, ген. Комаров⁹, опасаясь, что здание и обстановка дворца могут пострадать в случае боя, просил ген. Хабалова вывести войска. Немного погодя во дворец прибыл Великий Князь Михаил Александрович, который поддержал настояния ген. Комарова и потребовал удаления войск из Зимнего дворца ввиду того, что они навлекают на дворец опасность¹. Тогда решено было перейти в здание Адмиралтейства, расположение которого среди площадей было столь же удобно для обороны, как и здание Зимнего дворца. Но во время этого перехода часть верных солдат ушла; согласно свидетельству очевидца^{II}, вывод их из Зимнего дворца произвел на солдат тягчайшее моральное впечатление. Однако на этом не кончились злоключения оставшихся верными Царскому правительству войск. На следующий день, «около 12 часов дня 28 февраля (13 марта н. ст.) остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты были по требованию морского министра выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание...»^{III}. После этого оставшиеся верными Царской власти солдаты были распушены.

По мере демонстрации полного бессилия в противодействии революции, от Царской власти отрекаются все ее правительственные органы. Вот изложение газетой «Новое Время»^{IV} торжественного заседания Святейшего Синода, происходившего 17 (4) марта. Нужно помнить при этом, что само «Новое Время» было газетой правого направления и до революции являлось как бы официальным органом высшей бюрократии. На описываемом заседании «первенствующий член Св. Синода, митрополит Владимир выразил от лица всех присутствующих радость освобождению Православной Церкви».

«Чрезвычайно сильное впечатление на присутствующих, — повествует дальше «Новое Время», — произвело то место речи обер-прокурора, когда он предложил вынести из зала заседания Св. Синода Царское кресло, как эмблему цезаро-папизма».

^I Мартынов Е. Царская армия в февральском перевороте. С. 106—108.

^{II} «Исторический Вестник» 1917 г. Апрель. «Агония старого режима (по показаниям очевидцев)» — Акаемов.

^{III} Из телеграммы военного министра ген. Беляева, адресованной в Ставку ген. Алексею // Арх. Окт. революции № 3. Чрезвычайная След. комиссия. Следственная часть, дело № 10, т. V. С. 154 (150).

^{IV} От 5/18 марта, 1917 г., № 14719.

Другая газета — «Речь», орган одной из наших либеральных партий (конституционных демократов), пишет¹, что прямо поразительно, «как легко чины разных ведомств приспособились к новому строю. Не нашлось, кажется, ни одного человека, который заявил бы, что он по своим убеждениям не может оставаться после всего совершившегося...».

Паралич воли центральной власти передался и агентам Царской власти на местах.

«Со всех концов великой России, — пишет 18 (5) марта 1917 года та же газета «Речь»², — приходят вести об отражениях, которые имела разразившаяся в столице революция на местах... судя по бесчисленным телеграфным известиям, это не революция, а парад... Отовсюду приходят одни и те же известия. Власть вырвана у старого режима, который на местах даже не пытался оказать какое-либо сопротивление. Едва ли не единственное исключение составил Тверской губернатор Бюнтинг¹⁰, который и был убит».

Вот общая картина поведения в дни революции центральных и местных властей.

Настроение и поведение различных общественных группировок и политических партий

В еще большей степени подобного же рода моральный кризис переживается в среде русской общественности.

Нарастание этого кризиса началось с особой силой летом 1915 года, когда обнаружилась ужасающая катастрофа в огнестрельном снабжении Русской Армии. Без снарядов, без ружей, отступала, истекая кровью, Русская Армия в глубь страны, оставляя неприятелю сотни тысяч кв. километров своей территории. В толще армии и народных масс поползли и ширились слухи об измене наверху. В культурных же и общественных слоях России росли оппозиционные настроения; вера в способность Царского правительства довести войну до победного конца падает; между Правительством и общественными силами страны образуется пропасть, которая всё время углубляется.

Успокоение, наступившее на боевом фронте осенью 1915 года, и блестящие победы Русской Армии летом 1916 года в Галиции мало влияют на эти настроения. Подобно тому как душевнобольной ближе принимает к сердцу печальные известия, отвечающие мучающим его мыслям, нежели известия радостные, общественные слои и народная масса России чувствительнее воспринимают наши неудачные наступ-

¹ Статья «Волшебная сказка» в № от 20 (7) марта 1917 года.

² Статья «Страна и Революция».

ления на Западном и Северном фронтах, нежели победы на Юго-Западном и Кавказском.

Вместо того чтобы успокоить болезненные настроения русского общества, Император Николай II, после небольших попыток в этом направлении, идет по пути всё большего и большего разрыва с общественными силами страны. На этот путь настойчиво его толкает его супруга — Императрица Александра Феодоровна^I. Каждый шаг, сделанный по этому пути, увеличивает общее неудовольствие, и лагерь оппозиции против Царского правительства всё возрастает. Вместе с этим растет и интенсивность чувства недовольства. В конечном итоге, к началу 1917 года, не было «ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться Царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич^{II} и Чхеидзе^{III}, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты»^{IV}.

Создается атмосфера столь сильной враждебности, что в кругах, бывших ранее вполне благонамеренными, получают распространение слухи, подрывающие моральный престиж Царской власти. Главным объектом этих слухов является Императрица Александра Феодоровна. Несчастливая роль, которую играет при дворе Распутин, объясняется в самом мрачном свете. Широкая молва обвиняет Императрицу в сочувствии врагу-немцу, и в темных народных массах доходят даже до подозрения ее в измене. Эти слухи, в корне подрывающие идею высокого значения Царской власти, питаются не только из кругов революционных партий. Даже с трибуны Государственной Думы раздаются подобного рода намеки (например, нашумевшая по всей России речь Милюкова «Глупость или измена»¹³). В среде же самой Царской Семьи и при участии очень право настроенных депутатов Государственной Думы задумывается и осуществляется убийство Распутина с целью освободить Царя и Царицу от влияния этого грязного старца. Но это убийство приводит к еще большему падению престижа Царя и Царицы. Участие в этом убийстве членов Императорской Фамилии, Великого Князя Дмитрия Павловича¹⁴ и князя Юсупова¹⁵, как бы подтверждает в глазах народных масс верность самых мрачных и грязных слухов.

Как показало произведенное революционной властью самое строгое и тщательное расследование, все эти обвинения, направленные

^I Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II. Берлин: Слово, 1922.

^{II} Крайне правый депутат Государственной Думы.

^{III} Крайне левый депутат Государственной Думы.

^{IV} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 1, с. 44.

против Императрицы, были совершенно ложными. Лояльность Императрицы Александры Феодоровны не подлежит ныне никакому сомнению. Близость же Распутина к Царской Семье объясняется исключительно одной причиной: мистической верой Государыни в целительную силу Распутина в отношении ее горячо любимого, единственного, пораженного тяжелым недугом сына, Наследника Цесаревича Алексея.

Все эти сложные слухи являлись одним из характернейших симптомов того патологического состояния общественной психики, первой причиной которого являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной. Социологу, пожелавшему понять назревание русской революции, приходится обратить большое внимание на роль, которую сыграли эти слухи. Ложные сами по себе, они тем не менее широко воспринимались, благодаря создавшейся атмосфере всеобщего разочарования и неудовольствия, и вместе с этим способствовали еще большему нарастанию этих настроений, так как в корне подрывали моральный авторитет Царской власти.

В результате Государь оказался морально изолированным. Он может опираться в своей политике, ведущей к всё большему разрыву с общественными силами страны, лишь на кучку людей, не верящих в идею, защищать которую им поручалось, а потому и совершенно не способных защитить престол в случае серьезных нападков на него.

Какой степени достигала эта моральная изолированность Императора Николая II от общественных сил страны, лучше всего доказывает поведение во время мартовских событий крайних правых группировок, т. е. тех, на которые опиралась Царская власть в своей борьбе за сохранение Самодержавия, против либеральных и революционных партий.

Исследователь может вооружиться самым сильным микроскопом, и он не найдет следа их. Шумливые в то время, когда управление находилось в руках Царской власти, лидеры и члены этих правых партий как-то сразу куда-то сгинули. Ярким показателем уклонений правых партий от их прямого долга защиты Монархии служит следующий факт. Когда обозначился полный паралич Царской власти, и в столице начала бушевать анархия, и перед Государственной Думой предстала дилемма — или захватить государственную власть в свои руки, или со всей энергией поддержать падающее Царское правительство, — правые члены Государственной Думы предпочли, за очень редкими исключениями, оказаться в «нетях», т. е. уклониться от защиты Царского правительства. Из 442 членов Государственной Думы на призыв Председателя этого учреждения М. Родзянко¹⁶ собралось не больше 150 членов, принадлежащих к левому крылу Думы и частью к ее центру.

Подобное уклонение правых могло только способствовать крену налево всего корабля Государственной Думы.

Наконец, не является ли показательным и тот факт, что из двух делегатов, поехавших настаивать на отречении Императора Николая II от престола, один был В. Шульгин¹⁷, видный представитель правого крыла Государственной Думы.

Если таково было поведение правых, то еще менее способны были защитить падающее Царское правительство либеральные партии.

Это ярко демонстрируется 16 (3) марта, когда у Великого Князя Михаила Александровича собрались члены Временного правительства, а также несколько членов Государственной Думы, с целью добиться отречения от престола этого Великого Князя. Среди этих 12-ти лиц только один Керенский принадлежал к революционной партии, все остальные были из либеральных и даже правых группировок¹. И тем не менее, все приехавшие к Великому Князю Михаилу Александровичу, кроме двух, настаивали на том, чтобы Великий Князь отказался принять бразды Правления и передал Временному правительству верховную власть впредь до созыва Учредительного Собрания, которое и должно будет разрешить вопрос о форме правления.

Из числа державшихся противоположного мнения, только один П. Н. Милюков энергично протестовал против отказа Михаила Александровича. Он доказывал Великому Князю, что укрепление нового порядка возможно лишь при сильной власти, которая нуждается в привычной традиции.

«Временное Правительство одно, без Монарха, — говорил он, — является “утлой ладьей”¹¹, которая может потонуть в океане народных волнений раньше, чем соберется Учредительное Собрание».

Интересно обратить здесь внимание на то, что П. Н. Милюков был не только политиком, но и выдающимся ученым по истории России. Не являлось ли последнее и причиной того исключения, которое представил собой в эти трагические минуты П. Н. Милюков по сравнению с остальными, в большинстве более «право» настроенными, лицами, приехавшими добиваться отречения Великого Князя Михаила Александровича.

Очень показательным для выяснения настроения наших либеральных партий является поведение самого Председателя Государственной Думы — М. В. Родзянко. Он принадлежал к умеренной либеральной партии «октябристов», занимавших в Государственной Думе центральное положение. Как по своему званию Председателя нашего Парламента, так и в силу той роли, которую он сыграл для прекращения кризиса в снабжении нашей армии, М. В. Родзянко ко времени начала революции был одним из популярнейших общественных деятелей

¹ В. В. Шульгин.

¹¹ Мартынов, [Царская семья в февральском перевороте] с. 180.

вообще, и в частности среди командного и офицерского состава армии. Нерешительность, с которой действовали военные власти в столице, во многом зависела от того, как относилось к исполнению тяжелого долга по поддержанию государственного порядка само общество. Характерной же иллюстрацией этого отношения может служить телефонный разговор между М. В. Родзянко и петроградским командующим войсками ген. Хабаловым¹ после первого применения войсками оружия для умирения разгорающегося восстания 11 марта (26 февраля).

«Родзянко. — Ваше Превосходительство, зачем стреляете, зачем эта кровь?

Хабалов. — Ваше Превосходительство, я не менее вашего скорблю, что приходится прибегать к этому, но сила вещей заставляет это сделать.

Родзянко. — Какая сила вещей?

Хабалов. — Раз идет нападение на войска, то войска волей-неволей не могут быть мишенью, они так же должны действовать оружием.

Родзянко. — Да где же нападения на войска?

Хабалов перечисляет эти случаи и упоминает о гранате, брошенной в жандармский разъезд.

Родзянко. — Помилуйте, это городской бросил.

Хабалов. — Господь с вами. Какой смысл городскому бросать?»

Не подлежит никакому сомнению, что подобное отношение со стороны Председателя Государственной Думы могло только в значительной мере усилить ту панику, которая овладела агентами Царской власти. Мешая, таким образом, принятию энергичных мер для прекращения вспыхнувших в столице беспорядков, М. В. Родзянко одновременно с этим посылает очень тревожные телеграммы Государю. В его телеграмме, посланной им Императору Николаю II вечером того дня, когда происходил вышеприведенный телефонный разговор с ген. Хабаловым, встречаются такие слова: «Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безначалию и беспорядку власти не будет положен решительный конец...»¹¹ Спасение страны Родзянко видит в простом средстве: даровании ответственного министерства.

¹ Показания Хабалова Чрезвычайной Следственной комиссии; «Падение Царского режима», т. I, с. 214.

¹¹ Журнал «Научные известия центра Наркомпроса». Сборник I. Москва, 1922 (или 1920 г.).

На следующий же день, 12 марта (27 февраля), под впечатлением начавшегося солдатского мятежа и растерянности Правительства, М. В. Родзянко, уступая настояниям собравшихся около него членов Государственной Думы, образует «Временный комитет Государственной Думы», который объявляет себя Государственной властью и присоединяется к восставшим войскам¹.

Подробное объяснение своего поведения М. В. Родзянко дает в телеграфном разговоре, который он вел с Главнокомандующим Северным фронтом, генералом Рузским в ночь с 1 на 2 (15) марта¹¹.

«...Я должен сообщить Вам, что в самом начале движения власти в лице министров стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительных; немедленно же началось братание войск с народными толпами; войска не стреляли, а ходили по улицам, и толпа им кричала — «ура». Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе, для того чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью Государству...

К сожалению, мне это не удалось, народные страсти так разгорались, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов; вынужден был во избежание кровопролития всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на всё, что более умеренно и ограничено в своих требованиях...»

В дальнейшей части своего разговора М. В. Родзянко передает требование об отречении Государя в пользу сына при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Он думает, что это умиротворит страну и что «переворот может быть добровольным и вполне безболезненным для всех, и тогда всё кончится в несколько дней; одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу...»

Но 3 (16) марта, опасаясь кровопролития, М. В. Родзянко, вместе с подавляющим большинством членов Временного Комитета Государственной Думы и Временного правительства, настоял на отказе от вступления на престол Великого Князя Михаила Александровича.

Итак, что же мы видели? М. В. Родзянко и либеральная общественность, наиболее яркой представительницей которой являлась

¹ Извещения о захвате власти Временным комитетом Государственной Думы приведены в приложении № 3. (См. с. 44 настоящего издания. — *Прим. ред.*)

¹¹ Приведен полностью в приложении № 4.

Государственная Дума, с самого же начала поплыла по течению революции, утешаясь мыслью, что этим способом она сумеет овладеть ею, хотя уже с первых шагов, как это видно из приведенной выше выдержки разговора М. В. Родзянко, жизнь дала предупреждение, что для того, чтобы остановить дальнейшее развитие разрушительных сил революции, нужно проявление каких-либо контрреволюционных сил.

Непротивленство либеральных слоев нашей общественности, конечно, объясняется прежде всего тем, что в этих кругах создалось убеждение в том, что существующее Правительство не в состоянии довести страну до победы. В воззваниях, телеграммах, письмах, исходивших от М. В. Родзянко и других представителей нашей либеральной общественности, всегда имеются два основных мотива: один — патриотический, заключающийся в желании сделать всё, чтобы обеспечить России победное завершение войны; другой — убеждение в неспособности существующего Правительства выполнить это.

Капитуляция наших либерально настроенных кругов перед только начинавшей бушевать стихией разрушения сыграла решающую роль в начале революции.

В этом легко убедиться, если посмотреть на роль, которую сыграли в начале революции наши революционные партии, изучая те источники, которые ныне издаются в СССР большевицкими исследователями. Совершенно естественно желание этих писателей преувеличить свои революционные заслуги и тем не менее беспристрастному историку придется прийти к выводу, что роль наших революционных партий в первые дни революции была слабой. Мартовские события застали врасплох наши левые партии, так же как и правые. Если и была руководящая и организующая рука, действие которой проявлялось в агитации на заводах и в казармах, то и здесь едва ли был какой-либо план, тем более что здесь деятельность наших революционных партий тесно переплеталась с работой немецких агентов, преследовавших цель вывести Россию из рядов сражающихся путем сеяния смуты в глубоком тылу ее армий.

Когда раздались первые выстрелы частей войск, вызванных для подавления вспыхнувших в столице беспорядков, это вызвало панику в среде революционных партий. Среди них раздались уже голоса о том, что нужно прекратить забастовку петроградских заводов и ликвидировать революционное движение¹.

Нужно обратить внимание на то, что эти требования о прекращении восстания происходили 11 марта (26 февраля), т. е. почти одновременно с приведенным выше разговором М. В. Родзянко с командующим Петроградскими войсками ген. Хабаловым, в котором

¹ Шляпников А. Семнадцатый год, кн. 2, с. 126.

первый высказывал протест против применения войсками оружия для усмирения восставших.

Что начавшийся 12 марта (27 февраля) переход солдатских масс на сторону бастующих рабочих оказался неожиданным для самих революционеров, подтверждает принадлежавший к более умеренным революционным кругам Б. В. Станкевич. Этот последний имел возможность наблюдать начало смуты снизу и в записках своих сумел сохранить некоторую объективность. «Кто вызвал солдат на улицу? — спрашивает он. — Масса двинулась сама... ни одна партия, при всем желании присвоить себе эту честь, не могла дать на это ответа. Кто мог предвидеть выступление? Как раз накануне его было собрание представителей левых партий и большинству казалось, что движение идет на убыль и что правительство победило...»

Но этот, так внезапно для самих революционных партий вспыхнувший солдатский мятеж, несмотря на все ужасы убийств и грабежей, которые он с собою нес, в действительности не представлял собой такой большой силы, как это могло показаться сразу.

Восставшие войска, которые сразу же лишились своих офицеров, почти поголовно уклонившихся от участия в вооруженном восстании, остались без командного состава. Солдаты разбрелись по городу и смешались с толпами народа. Многие из этих солдат вышли на улицу без винтовок, а те, которые вышли с таковыми, легко отдавали и даже продавали их^I, чем пользовались небольшие группы особенно упорных защитников старого строя^{II}. По свидетельству большевистского источника в первое время в состав революционных войск не входило ни одной сохранившей воинский порядок части^{III}.

Другим слабым местом разгоравшегося восстания была полная неорганизованность ее высшего управления. Поэтому действия восставших распались на множество отдельных выступлений без всякой связи и общего руководства. Достаточно сказать, что никто не распорядился захватить центральную телефонную станцию и прервать телеграфные линии, связывавшие Петроград с армией.

Эти выводы заимствованы нами из книги выдающегося военного ученого и боевого генерала Е. И. Мартынова¹⁸. Последний находится ныне в Красной военной академии в Москве. Он составил на основании сохранившихся в распоряжении большевиков материалов интересную работу^{IV}.

^I Суханов. Записки о революции, 1922, кн. I, с. 97.

^{II} Мартынов, Царская армия в февральском перевороте, с. 101.

^{III} Там же, с. 209.

^{IV} «Царская армия в февральском перевороте».

Решающим моментом в исходе солдатского мятежа, превратившем его в революцию, Е. И. Мартынов считает переход на сторону восставших Временного комитета Государственной Думы, объявившего себя правительственной властью и призвавшего офицерство вернуться в ряды войск Петроградского гарнизона.

С возвращением офицеров в ряды войск части последних вновь обретали некоторую организованность, но подобное восстановление порядка было куплено ценой полного подрыва в солдатской массе традиции подчинения Верховной власти. Мятежный элемент, составлявший до сих пор численно небольшую часть солдатских масс, освященный ореолом политической победы, получал над этой массой, инертной пока в своей гуще, громадное влияние.

Настроение в Действующей Армии

Восстановление порядка в восставших столичных частях возможно было только одним путем — путем энергичной борьбы. Осуществление же этой борьбы после 14 марта являлось возможным только путем применения силы со стороны Действующей Армии. Но рассчитывать на это не приходилось. Ее верхи оказались с первых же дней восстания в столице как бы парализованными.

Вместо того чтобы напрячь всю энергию, центральный аппарат управления Действующей Армией — Ставка — как-то сдал. Принимаемые им меры для прекращения войскового мятежа в столице Империи совершенно не отвечают создавшейся обстановке, да и они проводятся вяло и скоро отменяются. Такого же рода прострация царствует и на верхах главнокомандования Северным фронтом, которому надлежало первому принять меры для прекращения беспорядков в столице. Несомненно, что на эту своего рода прострацию Ставки и Главного Командования Сев. фронтом оказал большое влияние переход Временного Комитета Государственной Думы на сторону мятежников. В этом можно легко убедиться, перечитав телеграфные разговоры, которые велись в эти дни между М. В. Родзянко, с одной стороны, и генералами Алексеевым¹⁹ и Рузским²⁰ — с другой. Но несомненным должно почитаться и то, что главной причиной непротивленческой позиции, которую занял по отношению к восставшим Временный Комитет Государственной Думы, являлось в свою очередь пассивное отношение к совершающимся в столице событиям, проявленное нашим высшим командованием.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать телеграфные разговоры, о которых мы говорили выше. От наших высших начальников — ген. Алексеева и ген. Рузского, не последовало ни одного

энергичного слова, которое вселило бы М. В. Родзянко убеждение, что с разрушающей стихией нужно бороться с самого начала ее возникновения. Реплики ген. Рузского во время телеграфного разговора с М. В. Родзянко в ночь с 14 (1) на 15 (2) марта¹ очень характерны в этом отношении.

А между тем в этом разговоре М. В. Родзянко говорит не о чем ином, как об отречении Императора Николая II, т. е. об акте, должествующем потрясти в самом основании мировоззрение народных и солдатских масс.

По его инициативе ген. Алексеев и рассылает телеграммы всем Главнокомандующим фронтами, прося их убедить Государя в необходимости его отречения. Полученные ответы^{II} являются наиболее яркими показателями того кризиса веры в существующую власть, который охватил в эти дни и высший командный состав.

«...победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверх меры... Другого выхода нет...» — говорится про отречение Государя в телеграмме Главнокомандующего Кавказским фронтом Великого Князя Николая Николаевича²¹.

«...в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола...» — пишет в своей телеграмме Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген.-адъютант Брусилов²².

«Ваше Величество, — телеграфирует главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант Эверт²³, — на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы обереечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столице нет никаких...» Далее ген. Эверт пишет, что нет «иного исхода», как «принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженным им ген.-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии», т. е. отречение Императора Николая II.

Единственным из главнокомандующих, хотя бы сколько-нибудь на словах протестовавшим против отречения, был генерал Сахаров²⁴.

^I См. приложение № 4.

^{II} См. приложение № 5.

Интересно обратить здесь внимание на то, что генерал Сахаров являлся как раз единственным из вышеперечисленных лиц, не носившим звание генерал-адъютанта, т. е. наименее приближенный Государем к своему трону. Но и его протест носит несколько странную форму. «...Горячая любовь моя к Его Величеству, — телеграфирует он генералу Рузскому, — не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Думы...» Несмотря на такое грозное начало, генерал Сахаров оканчивает свою телеграмму так: «...переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищи к предъявлению дальнейших еще гнуснейших предложений». Отсюда видно, что ответ ген. Сахарова отличается от ответов других главнокомандующих не по существу, а только по внешней форме; осуждением председателя Государственной Думы он лишь прикрывает свое непротивленство. Для лучшего понимания телеграммы генерала Сахарова нужно привести еще следующую подробность. «Генерал Сахаров долго не отвечал на посланную ему телеграмму, — пишет ген. Лукомский²⁵ (ближайший помощник в эти дни генерала Алексеева), — и требовал, чтобы ему были сообщены заключения всех Главнокомандующих». Затем произошла задержка из-за перерыва связи. Вследствие такого запоздания телеграмма генерала Сахарова не была передана генералом Алексеевым генералу Рузскому для доклада Государю одновременно с телеграммами остальных главнокомандующих. Генералу Сахарову было указано генералом Алексеевым телеграфировать свой ответ непосредственно в Псков генералу Рузскому.

Передавая в Псков телеграммы главнокомандующих, генерал Алексеев сопровождал их своими заключениями: «Всепокорнейшее докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество, горячо любите Родину и

¹ Воспоминания генерала Лукомского. // Архив Русской революции, т. II, с. 24.

ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения. Ожидаю повелений».

Мы нарочно привели полный текст заключения генерала Алексева. Характерна неопределенная форма, в которой он высказывается за отречение, но по своей сути телеграмма генерала Алексева тождественна с прочими вышеприведенными телеграммами. Так же, как и в этих телеграммах, в ней три основных мотива: 1) стремление довести войну до победного конца, 2) неуверенность в солдатской массе и 3) отсутствие веры в состоятельность существующего Правительства.

Не подлежит ныне никакому сомнению, что решающим моментом в отречении Императора Николая II явились телеграммы Высшего Командования. Это доказывается тем, что после доклада генералом Рузским этих телеграмм и личного совещания с ним, также с присутствовавшими на этом докладе Начальником штаба Северного фронта генералом Ю. Даниловым²⁶ и Начальником Снабжения этого фронта генералом С. Саввичем²⁷, Император Николай II собственноручно написал следующие две телеграммы:

«Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича. *Николай*».

«Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. *Николай*».

Но эти телеграммы не успели послать, как было получено из Петрограда извещение о выезде для переговоров с Государем делегатов от Временного комитета Государственной Думы г.г. Гучкова и Шульгина. Не зная, какие условия будут поставлены Думским Комитетом, Государь потребовал составленные им телеграммы обратно, но ген.-адъютант Рузский отказал их вернуть Государю и лишь задержал их отправление. Эти телеграммы и не были отправлены, так как после разговоров с Гучковым и Шульгиным Император Николай II отрекся за себя и за сына.

Приведенные нами факты важны в психологическом отношении. Они позволяют историку утверждать, что решение Императора Николая II отречься от престола было принято им вследствие настояний высших начальников армии раньше, чем такое требование было ему предъявлено Временным комитетом Государственной Думы.

Только что приведенный вывод чрезвычайно важен для нашего исследования. Он показывает, какое решающее значение в ходе

революции сыграла армия. Правда, в первом акте этой революции — отречении Государя — сама толща армии, стоящая на позициях, не играет роли. Действующими лицами являются только самые высшие ее начальники. Но по существу дела армия участвует в событиях потенциально. Все эти высшие начальники чувствуют себя парализованными, потому что считают невозможным призвать Действующую Армию к защите рушащегося режима.

Правы ли были эти начальники? Историк невольно ставит себе этот вопрос не с точки зрения осуждения того или другого лица, а для того, чтобы выяснить настроение толщи Действующей Армии. Ответ на подобного рода вопросы исключительно труден. Скрытые в людских массах силы, еще не проявившиеся в действиях, могут учитываться только по второстепенным признакам. Одним из таких признаков для правильного суждения о настроениях солдатских масс является, конечно, оценка этих настроений со стороны командного состава. Изучение телеграмм, которыми обменивался в эти дни наш командный состав, показывает, насколько тревожно он относился к возможности опереться на армию для защиты колеблющегося трона.

Насколько широко распространен был этот пессимистический взгляд, доказывает следующий факт: только два генерала всей многомиллионной Русской Армии послали Государю Императору по телеграфу свои верноподданнические заявления с предложением вести свои войска на усмирение мятежа — это были командир Гвардейского кавалерийского корпуса, генерал Хан-Нахичеванский²⁸ и командир 3-го конного корпуса ген. граф Келлер²⁹. Характерным является здесь то, что оба эти генерала командовали кавалерийскими частями, т. е. тем родом войск, в котором к началу 1917 года сохранилась еще значительная часть кадрового состава, с которым полки выступили на войну. В пехоте же, представляющей собою главную массу армии, картина была совсем иной. Из ее состава были почти все кадровые офицеры, унтер-офицеры и рядовые, и она превратилась в многомиллионную массу крестьян и рабочих, не прошедших прежней войсковой школы и, по существу дела, лишь переодетых в солдатские мундиры. Рассчитывать, что эта масса проявит устойчивость в борьбе с подобной же ей массой, восставшей в запасных частях, было действительно трудно.

Но было бы также ошибочно думать, что толща армии была уже готовой для принятия активного участия в революции. Весьма вероятно, что было еще много верных Царской власти войсковых частей и начальников. «Но сдерживающим началом для всех [их], — пишет генерал Деникин³⁰ ¹, бывший в мартовские дни командиром VII ар-

¹ Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 1, с. 61.

мейского корпуса, — являлись два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия *тогда* была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все Главнокомандующие — признавали новую власть».

«Войска были ошеломлены, — пишет в другом месте в своих воспоминаниях ген. Деникин¹, — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов (об отречении)...»

В мартовские дни Действующая Русская Армия только присутствует при разыгрывающихся в ее тылу грандиозных событиях.

Совершенно неожиданно для нее самой она оказывается на роковом перепутье. Куда двинутся теперь эти массы — остается под знаком вопроса.

Двинутся же они должны были.

Всё раньше скрытое в тайниках души получало возможность вырваться наружу, задерживающие начала разбивались победой мятежа Петроградского гарнизона. И чем темнее была солдатская масса, тем более трудностей представляло удержать армию от разложения. Связь ее масс с народными массами усиливалась до болезненной обостренности. Спасение или гибель армии могли прийти теперь только из тыла.

Настроение народных масс

Каковы же были эти настроения в тылу, в тех народных массах, которые составляли толщу населения России.

Если трудно дать объективную картину настроения солдатских масс в Действующей Русской Армии в марте 1917 года, то во много раз труднее сделать то же самое для народных масс такой страны, как Россия.

Русские народные массы представляли собою особенно сложный комплекс. И не только в силу своей колоссальной численности и большого различия географических условий обширной территории, но главным образом вследствие сложности социальных процессов, в ней происходящих.

Прежде всего, они изживали еще остатки феодализма. Основная идея великих реформ Императора Александра II заключалась в том, чтобы уничтожить в России сословные перегородки, сделав всех граждан равными перед законом. И хотя было сделано в этом направлении

¹ Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 1, с. 60.

очень много, но для того, чтобы Россия смогла догнать Европу, требовалась неуклонная, настойчивая и систематическая работа нескольких поколений для окончательной ликвидации всех остатков феодализма. А этого не было. Сам Император Александр II в конце своего царствования проявил ряд колебаний, а его сын — Император Александр III, под впечатлением убийства революционерами Царя Освободителя, совершенно определенно пошел по пути реакции. В результате создалось очень сложное положение. В некоторых отношениях Россия стала на путь бессловности, а в других пережитки феодализма сохранились. Последнее особенно чувствительно отражалось на крестьянстве. Эта главная масса русского населения продолжала жить в рамках особого низшего сословия. Стесняемая в своем развитии этими рамками, крестьянская масса привыкла видеть в помещике-барине главную помеху. Дабы быть верно понятым, мы должны возразить здесь против имеющего большое распространение в иностранной литературе мнения о русском помещике как об угнетателе мужиков. Подобное мнение есть отчасти пережиток из времен крепостного права, а в значительной мере взрощено многочисленными памфлетами, широко распространявшимися русскими революционерами в эпоху их борьбы против Царского правительства. Русский помещик второй половины XIX века представлял собою в огромном большинстве случаев культурную силу. Стоит лишь обратить внимание на то, что сделало для подъема крестьянских масс русское Земство. Оно строило школы, больницы, проводило дороги, создавало центры для улучшения земледелия, скотоводства, коневодства и т. д. И всё это делалось несмотря на ограниченность средств и часто вопреки центральному правительству, опасавшемуся успехов и дальнейшего развития местных самоуправлений¹. Всю эту работу нес русский помещик. Русский крестьянин это видел и, как правило, хорошо относился к «своему» помещику. Но в глубине души крестьянской массы жило недружелюбное чувство к помещику вообще как представителю «барского» сословия и как к землевладельцу, захватом земли которого он думал помочь своему малоземелью. Мы отложим пока рассмотрение краеугольного для всех русских смут и революций аграрного вопроса, дабы не перебивать внимания читателя, и будем продолжать общее рассмотрение сложности психологии русских народных масс в мартовские дни 1917 года.

К неизжитым еще остаткам феодализма прибавлялось новое разделение: мы говорим о делении на классы. Россия, благодаря тесному

¹ Отношение Правительства к Земству ярко выявляется в записке графа Витте, поданной Императору Александру III, в которой он доказывал опасность для Самодержавия дальнейшего развития Земств.

общению с Европой, перешла к капиталистическому строю. Влияние его отражалось особенно сильно на городах. Создался рабочий класс и вместе с этим пришли и все социальные болезни, вытекающие из эксплуатации труда капиталом при недостаточно умелом нормировании этих взаимоотношений со стороны Государственной власти. Правительства Александра III и Николая II, не оказавшиеся в состоянии осознать неизбежность перехода Государства, достигшего известной степени развития, от строя феодального к буржуазному, а также тесно связанного с этим перехода от самодержавия к истинному конституционализму, тем более не могли осознать необходимости дальнейшей эволюции и в самом буржуазном строе. Они, как правило, смотрели даже на законные сетования рабочих, а тем более на их забастовки, как на бунт. Вследствие этого в рабочей среде накопилось много горючего материала. Малочисленность рабочего класса по сравнению с крестьянской массой не отодвигала значение рабочего класса на второй план. Рабочий класс был сосредоточен в городах и в силу этого при возникновении всяких беспорядков становился первой мятежной силой. Неправильная точка зрения Правительства на рабочий вопрос привела к упорному разрушению всяких независимых профессиональных организаций. Вследствие этого, при всякого рода беспорядках, особое влияние должны были получить скрывавшиеся в нормальное время в подполье крайние революционные организации.

К этому сложному переплету неизжитого феодализма и народившегося капитализма население России дифференцировалось еще по одному признаку.

Медленный темп развития русской социальной жизни обуславливался ее архиконтинентальным характером. А между тем вступление России в сонм Европейских держав с несравненно более быстрым темпом развития потребовало от нее более скорого, нежели это было для нее органически возможно, приобщения к европейской культуре. Это вызвало своеобразный процесс выделения из малокультурной народной массы тонкого слоя более образованных людей. При этом этот тонкий слой, независимо от его сословного или классового положения, в сильной степени обособлялся от народных масс; это обособление доходило часто до утраты взаимного понимания.

Воспитанные на началах европейского мировоззрения, представители русского образованного слоя часто были больше европейцами, нежели русскими. Этим объясняется одно интересное явление в области стратегии в мировую войну. Наше Верховное Главнокомандование в своем руководстве Русскими Армиями проявляло по отношению к своим союзникам такую высокую степень жертвенности, которая переходила границы национальных интересов.

В литературе, как русской, так и иностранной, часто можно встретить слово «интеллигенция», под которым и обозначается тот тонкий культурный слой людей, который образовался поверх многомиллионной, еще очень темной массы народа. Нужно, впрочем, предупредить, что слову «интеллигент» придавался часто в политических дебатах и более узкий смысл, а именно этим словом обозначался «не служащий» на государственной службе человек с либеральным или революционным складом мыслей. В нашем труде мы используем это слово в социологическом смысле, а именно для обозначения всякого получившего не только высшее, но и среднее образование человека, вне зависимости от его образа мыслей и вида занятий.

Создавшийся разрыв между интеллигентным слоем и народной гущей был чреват последствиями для обоих. Отрываясь от народных масс, наша интеллигенция отрывалась и от реальностей русской жизни. А это, в свою очередь, приводило к тому, что в своих политических и социальных концепциях наша интеллигенция была склонна к доктринерству и легко впадала в крайности — в «интеллигентский максимализм»; на правом фланге интеллигенции исповедовалась вера в какую-то совершенно фантастическую «самобытность» развития России, на левом фланге — европейский «организованный индивидуализм» трактовался в чисто анархических тонах.

Духовный разрыв с интеллигенцией отражался отрицательно и на народных массах. Последние переставали понимать тех лиц, которые по существу дела должны были являться его культурными руководителями. Вследствие этого и темп развития этих масс замедлялся. В своей же глубине эти массы еще не изжили тот примитивный коллективизм, который свойствен первоначальным формам социальной жизни и который, вместе с этим, являлся у нас последствием общения с азиатскими народами.

Потребность в интеллигентных силах, ввиду большого различия в темпе развития России и Европы, была такова, что русский интеллигент силой вещей становился в особое, по сравнению с прочей массой населения, положение. Очень характерным в этом отношении примером может служить положение, создавшееся в армии, построенной по закону 1874 года. Закон этот был проведен просвещеннейшим сотрудником Императора Александра II — генералом графом Милютиным. Параграф первый этого закона гласил, что «защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...». Таким образом, воинская служба объявлялась общеобязательной, всесословной и личной. А между тем, де-факто, было создано резкое различие в отношении отбывания воинской повинности лицами, получившими образование и не получившими его.

Привилегированное положение, в которое фактически попадало в России лицо, получившее образование, усиливало тот отрыв интеллигенции от народных масс, о котором мы уже говорили, и вместе с этим вызывало в глубинах этой толщи недоброжелательное отношение к интеллигенту. В упрощенной форме, народная масса видела во всяком интеллигентном человеке своего рода «барина». Во всяком случае, она считала его «чужим» человеком. Подобное отношение сильнее всего сказывалось в крестьянстве. Несомненно, что до некоторой степени здесь сказывалась и общечеловеческая борьба обскурантизма с просвещением. Но это также был и бессознательный протест против отрыва более способных и культурных сил от недр самого народа.

Отмечаемое нами отчуждение народных масс от интеллигенции имело следствием то, что массы подчинялись водительству интеллигентных сил только в том случае, когда за ними чувствовалась сила (агенты Правительственной власти). За всякого же другого рода представителями интеллигенции (культурными и политическими лидерами) они шли только постольку, поскольку это отвечало их ближайшим, чисто эгоистическим побуждениям. При таком положении вещей создавалась почва, исключительно благоприятная для демагогии.

Указываемая нами особенность очень важна для понимания настроения русских народных масс во время революции, ибо вследствие ее эти массы не способны были подняться во имя какой-либо большой идеи. Только близкая перспектива, легко осязаемая практическая цель могли служить стимулом для ее действий.

Всё вышеизложенное показывает, насколько трудно историку дать исчерпывающий ответ на вопрос о настроении русских масс в мартовские дни 1917 года.

Можно только утверждать, что рабочие и низшее городское население, начавшее беспорядки в столице, сознательно не преследовали еще никаких общих идей. Здесь был протест против случайного недостатка в съестных припасах и других затруднений, вызванных войной, — но в общем здесь прежде всего были только элементы случайного бунта, легко возникающего в социально нездоровой атмосфере при наличии неспособной к правильной организации власти. Политические лозунги, которые появлялись на плакатах по мере того, как рабочие беспорядки разрастались, представляли собою чисто партийные этикетки, при посредстве которых революционные партии пытались осмыслить и углубить случайно вспыхнувшие беспорядки. Ни в коем случае на эти лозунги нельзя смотреть, как на выражение тех идей, в защиту которых сознательно поднялся рабочий класс. Такое освещение событий стремятся дать все большевицкие исследователи, однако цели, которые они при этом преследуют, имеют очень мало общего с истинной наукой.

Но если городское население, в лице рабочих и гарнизонов запасных войск, играло в мартовские дни активную, хотя и безыдейную роль, то про крестьянство нельзя сказать и этого. Так точно, как и солдатская масса Действующей Армии, оно было ошеломлено неожиданно развернувшимися событиями и пока молчит. Оно ничем не проявляет желания защитить падающую Царскую власть. Военная катастрофа 1915 года, слухи об изменах наверху, толки, подрывающие моральный престиж Царской власти, сыграли для этого большую роль. Легкость, с которой солдатский мятеж в столице привел к падению вековой традиционной Верховной власти, подрывала в малокультурных слоях крестьянства престиж всякой Государственной власти. А это, в свою очередь, неминуемо должно было пробудить стремление к немедленному осуществлению долгие годы сдерживаемого желания получить в свои руки всю землю.

В заключение мы позволим себе сделать следующие выводы. Мартовские события представляют собою лишь удавшийся солдатский мятеж. Они отнюдь не представляют собой отдельную революцию (называемую по старому стилю «февральской»), а лишь первоначальный этап начавшейся революции. Подавляющая часть народных масс в этом первом этапе не участвует. Быстротечность и размеры победы мятежа объясняются отнюдь не действительной силой самого мятежа, а только чрезвычайной слабостью сопротивления этому мятежу.

Отсутствие каких-либо серьезно противодействующих сил в первоначальный момент революции является наиболее характерной особенностью Русской революции. Это же отсутствие обуславливает и особенности Русского контрреволюционного движения: Старый Режим был настолько психологически подорван, что зарождение контрреволюционного движения не могло произойти во имя каких-либо реставрационных идей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

**Об отречении Государя Императора Николая II от престола
Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти**

СТАВКА. НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА.

Собр. Узак. 6 марта 1917 г., № 54, Отдел Первый, ст. 344.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Подписал: «НИКОЛАЙ»

г. Псков.

2 марта 15 ч. 1917 г.

Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант

граф Фредерикс

Приложение № 2

Об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной Власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых Основных Законов Государства Российского

Там же, ст. 345.

Тяжкое бремя возложено на меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспрять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразить волю народа.

Подписал: «МИХАИЛ»

Петроград
3.III—1917

Приложение № 3

Воззвание к народу Врем. Комитета Государственной Думы, выпущенное в ночь с 12 марта (27 февраля) на 13 марта (28 февраля) 1917 г.

Временный Комитет Государственной Думы, при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием его.

Председатель Государственной Думы

М. РОДЗЯНКО

Телеграммы Врем. Комитета Государственной Думы начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, Главнокомандующим фронтами и командующим Балтийским и Черноморским флотами,
посланные в ночь с 12 марта (27 февраля) на 13 марта
(28 февраля) 1917 г.

1. Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что в виду устранения от управления всего состава бывшего совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы.

2. Временный Комитет Государственной Думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает Действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питает полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прервано или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как и доселе, армия и флот должны продолжать защиту своей родины.

Временный Комитет, при содействии столичных войск и частей и при сочувствии населения, в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений.

Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок — есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти.

Приложение № 4

**Телеграфный разговор по прямому проводу Председателя
Государственной Думы М. В. Родзянко с Главнокомандующим
Северным фронтом генералом Рузским**
в ночь с 14 (1) на 15 (2) марта 1917 года

— Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату председатель Гос. Думы Родзянко.

— У аппарата генерал-адъютант Рузский.

— Здравствуйте, Михаил Владимирович. Сегодня около 7 ч. вечера прибыл в Псков Государь Император.

Его Величество при встрече мне высказал, что ожидает вашего приезда. К сожалению, затем выяснилось, что Ваш приезд не состоится, чем я был глубоко огорчен. Прошу разрешения говорить с Вами с полной откровенностью — это требует серьезность переживаемого

времени. Прежде всего я просил бы Вас меня осведомить, сообщив истинную причину отмены Вашего прибытия в Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей беседы. *Рузский.*

— Здравствуйте, Николай Владимирович. Очень сожалею, что не могу приехать; с откровенностью скажу — причины моего неприязда две: во-первых, эшелоны, высланные Вами в Петроград, взбунтовались; вылезли в Луге из вагонов; объявили себя присоединившимися к Государственной Думе; решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда; мною немедленно были приняты меры, чтобы путь для проезда Его Величества был свободен; не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия; невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания. *Родзянко.*

— Из бесед, которые Его Величество вел со мной сегодня, выяснилось, что Государь Император сначала предполагал предложить Вам составить министерство, ответственное перед Его Величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, Его Величество выразил окончательное решение, и уполномочил меня довести до Вашего сведения об этом, — дать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением Вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдет в Вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам Вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта¹ с пометкой «Псков». Не откажите в Ваших соображениях по всему изложенному. *Рузский.*

— Я прошу Вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко; в течение двух с половиной лет я неуклонно, при каждом моем всеподданнейшем докладе, предупреждал Государя Императора о надвигающейся грозе, если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен Вам сообщить, что в самом начале движения власти в лице министров ступевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера; немедленно же началось братание войск с народными толпами; войска не стреляли, а ходили по улицам, и толпа им кричала — «ура». Перерыв занятий законодательных учреждений

¹ 15 марта по нов. стилю. — *Прим. автора.*

подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Гос. Думе вообще, а мне, в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе, для того чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью Государству.

К сожалению, мне это далеко не удалось; народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на всё, что более умеренно и ограничено в своих требованиях; считаю нужным Вас осведомить, что то, что предполагается Вами, — не достаточно и династический вопрос поставлен ребром.

Сомневаюсь, чтобы с этим можно было справиться. *Родзянко.*

— Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь, на фронте. Если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей родине грозит анархия надолго и это прежде всего отразится на исходе войны; между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой Родине; надо найти средство для умиротворения страны.

Прежде передачи Вам текста манифеста не можете ли Вы мне сказать, в каком вид намечается решение династического вопроса. *Рузский.*

— С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович.

Еще раз повторяю — ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твердо — войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться.

К Государственной Думе примкнул весь Петроградский и Царско-сельский гарнизоны; то же повторяется во всех городах; нигде нет разногласия; везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием.

Повторяю, с страшной болью передаю Вам об этом, но что же делать; в то время, когда народ в лице своей доблестной армии проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы — Правительство положительно издевалось над нами; вспомните освобождение Сухомлинова³¹; Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова³², Штюмерера³³, Протопопова; все стеснения горячего порыва народа помогать по мере

сил войне; назначение князя Голицына; расстройство транспорта, де-нежного обращения; непринятия никаких мер к смягчению условий жизни; постоянное изменение состава законодательной палаты в не-желательном смысле; постоянные аресты, погоня и розыск не сущест-вовавшей тогда еще революции — вот те причины, которые привели к этому печальному концу.

Тяжелый ответ перед Богом взяла на себя Государыня Императри-ца, отвращая Его Величество от народа.

Его присылка генерала Иванова³⁴ с георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междуусобному сражению, так как сдержат войска, не слушающиеся своих офицеров и начальников, нет решительно никакой возможности, кровью обли-вается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы. *Родзянко.*

— Всё, что Вы, Михаил Владимирович, сказали, тем печальней, что предполагавшийся приезд Ваш как бы предreshал возможность соглашения и быстрого умиротворения Родины; Ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь эти ошибки прошлого, которые в будущем повторяться не могут, при предполагаемом способе разре-шения переживаемого кризиса; подумайте, Михаил Владимирович, о будущем; необходимо найти такой выход, который дал бы немедленное умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авто-ритетного слова сделать им надлежащее разъяснение. Переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорей, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля. Войска в направлении Петрограда с фронта были отправлены по общей директи-ве из Ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется; генерал-адъютанту Иванову несколько часов тому назад Государь Император дал указание не предпринимать ничего, до личного свидания; эти телеграммы по-сланы через Петроград и остается только пожелать, чтобы они скорей дошли до генерала Иванова.

Равным образом Государь Император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма, два часа тому назад, вернуть на фронт всё, что было в пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах Родины и той отечественной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин Государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар. *Рузский.*

(Затем передает проект манифеста, предложенного генерал-адью-тантом Алексеевым.)

Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, сообщите мне равно как и об общей схеме такового. В заключение скажу, Михаил Владимирович, я сегодня сделал всё, что подсказывало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть в кратчайший срок; приближается весна, и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласование их с действиями наших союзников; мы обязаны думать также о них; каждый день, скажу более, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог. *Рузский.*

— Вы, Николай Владимирович, истерзали вконец и так растерзанное сердце; по тому позднему часу, в который мы ведем разговор, Вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но повторяю Вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство.

К сожалению, манифест запоздал; его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я просил Государя Императора; время упущено и возврата нет; повторяю Вам еще раз: народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования; наша славная армия не будет ни в чем нуждаться; в этом полное единение всех партий, и железнодорожное сообщение не будет затруднено; надеемся также, что после воззвания Временного правительства крестьяне и все жители повезут хлеб, снаряды (!) и другие предметы снаряжения; запасы весьма многочисленны, так как об этом заботились общественные организации и особое совещание.

Молю Бога, чтобы Он дал силы удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройств умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вам сказать; помогай Вам Бог, нашему славному вождю, в битве уничтожить проклятого немца, о чем в обращении, посланном к армии от комитета Государственной Думы, говорится определенно в виде пожелания успехов и побед. Желаю Вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спать спокойно. Глубокоуважающий Вас и душевно преданный *Родзянко.*

— Михаил Владимирович, еще несколько слов; дай, конечно, Бог, чтобы ваши предположения в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что, если анархия, о которой Вы говорите, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти?

Подумайте, что будет тогда с родиной нашей. В сущности, конечная цель одна — ответственное перед народом министерство и есть для сего нормальный путь для достижения цели — в перемене порядка управления Государством. Дай Бог Вам здоровья и сил для Вашей ответственной работы. Глубоко уважающий Вас *Рузский*.

— Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда всё кончится в несколько дней, одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу. Желаю всего лучшего. *Родзянко*.

— Дай Бог, чтобы всё было так, как Вы говорите. Последнее слово: скажите Ваше мнение, нужно ли выпускать манифест? *Рузский*.

— Я право не знаю, как Вам отвечать; всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. *Родзянко*.

— Я получил указание передать в Ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем пусть, что будет. Разговор наш доложу Государю. *Рузский*.

— Ничего против этого не имею и даже прошу об этом. *Родзянко*.

Приложение № 5

Телеграммы начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева и Главнокомандующих фронтами об отречении Императора Николая II

Телеграмма генерала Алексеева на имя Главнокомандующих фронтами (Генералу Рузскому была послана копия этой телеграммы.)

Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет.

По сообщении этого решения Главнокомандующим Северного фронта председателю Гос. Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта¹, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля^{II}; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Гос. Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требова-

¹ 15-го по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 12 марта нов. стиля. — *Прим. Н. Н. Г.*

ний относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве **Михаила Александровича**. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского временного правительства. Необходимо спасти Действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северным фронтом, известив меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками Действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта¹. 1917 г. 10 ч. 15 м. 1872.

Алексеев

**Телеграмма генерала Алексеева на имя Государя Императора,
переданная 2 марта 1917 г. в 14 ч. 30 м.**

Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы:

От Великого Князя Николая Николаевича:

Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему.

Осенив себя крестным знаменем, передайте ему — Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас. *Генерал-адъютант Николай*

¹ 15 марта по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

От генерал-адъютанта Брусилова:

Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет; необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника.

Генерал-адъютант Брусилов

От генерал-адъютанта Эверта:

Ваше Императорское Величество, начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы.

Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабления злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких.

Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага.

При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженном им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно видимо способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии.

Генерал-адъютант Эверт

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя.

Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее.

Ваше Императорское Величество, горячо любите Родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения.

Ожидаю повелений.

2 марта¹ 1917 г.

1878. Генерал-адъютант Алексеев

**Телеграмма генерала Сахарова на имя Главнокомандующего
Северного фронта, копия генералу Алексееву**

Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы Вам на высококомиссионное решение Государя Императора даровать стране ответственное министерство и просил главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите Родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний.

Яссы, 2 марта. 13 317. Генерал Сахаров

¹ 15 марта по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

ГЛАВА II

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Распад Государственной власти

В прошлой главе мы видели, что наша либеральная интеллигенция сразу капитулировала перед революционной стихией.

Все дальнейшие шаги Временного правительства Князя Львова³⁵ проникнуты тем же духом непротивленства. Оказавшись в плену у одержавшего победу мятежного гарнизона, оно сразу само зафиксировало это свое подчинение, установив § 7-м своей декларации¹: «не-разоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Власть же над этим гарнизоном захватывается революционными партиями. В тот самый день, когда формируется «Временный Комитет Государственной Думы», в стенах Таврического дворца собирается наскоро созданный революционными партиями «совет рабочих и солдатских депутатов», учреждение, сохранившее в глазах революционного элемента городских масс авторитет со времени неудавшейся революции 1905 года.

«Граждане, — говорится в выпущенном 12 марта (27 февраля) воззвании этого совета, — заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в семь часов вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату...»

Сорганизовавшись подобным упрощенным способом, Совет рабочих и солдатских депутатов принимает все меры к тому, чтобы парализовать всякие попытки Государственной Думы подчинить себе восставшие солдатские массы. Сейчас же вслед за тем, как Временный Комитет Государственной Думы призвал офицеров вернуться в ряды войск, дабы стать во главе их, Совет рабочих и солдатских депутатов выпускает 14 (1) марта так называемый «приказ № 1»¹¹. Значение этого приказа в революционном отношении было огромным. Он в корне подрывал всякий начальственный авторитет офицеров и фактически

¹ Полный текст этой декларации приведен в приложении № 6.

¹¹ Текст этого приказа приведен в приложении № 7.

передавал власть над солдатской массой в руки наиболее революционно настроенных рабочих и солдат.

А это в свою очередь приводило к чрезвычайно крупным общеполитическим последствиям:

1) Параллельно с Временным правительством создавался орган неофициальной, но несравненно более влиятельной власти в лице Совета рабочих и солдатских депутатов.

2) Социалистический состав лидеров этого органа предreshал быстрое дальнейшее «углубление» революции и превращение совершившегося политического переворота из буржуазной революции в социальную.

3) Создавалась исключительно благоприятная обстановка для воздействия на солдатские массы Действующей Армии, остававшиеся в первые дни революции лишь безмолвными свидетелями происходившего.

По примеру столицы в городах образуются советы рабочих и солдатских депутатов, опирающиеся на быстро революционизировавшиеся запасные войска. Это сильно расширяет революционное влияние Петроградского совета р. и с. д. на всю страну. Временное же правительство с первых дней революции само лишает себя существовавших органов исполнительной власти в провинции, убрав всех губернаторов. На смену их появились всевозможные самочинные «комитеты», «советы» и другие организации, составленные преимущественно из элементов, бывших опальными при старом режиме, из членов социалистических партий и т. д. Ни компетенция их, ни взаимоотношения, ни формы связи с высшей властью определены не были. Князь Львов ограничился суммарной мерой, назначив заместителями губернаторов и уездных предводителей — председателей губернских и уездных управ. Но состав этих «комиссаров» новой власти, сложившийся при условиях старого режима, не был ни популярен, ни удачен. А когда новые представители администрации являлись в Петроград за инструкциями, князь Львов неизменно отвечал общими фразами: «мы бесконечно счастливы, что можем творить новую жизнь народа... вместе с народом...» «Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением...» по «властным указаниям самой жизни». С появлением во главе Временного правительства Керенского подчинение провинциальной власти местным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже было санкционировано инструкциями министерства внутренних дел (напр., циркуляр Церетели от 1 августа (19 июля).

В результате Россия покрылась целой сетью самостоятельных республик... В Казани, например, Совет рабочих и крестьянских депутатов решил отпустить с фронта солдат призыва 1889 года, а когда военный

министр признал это постановление незаконным, совет постановил: уведомление министра оставить без внимания. Рязанский совет нарядил «демократическую следственную комиссию» над прокурором Сталем, посланным для следствия об аграрных погромах в Раненбургском уезде, и командировал своих делегатов «для охраны интересов крестьян». В Самаре «губернский комитет народной власти» постановил выпустить в продажу лотерейные билеты на 600 000 на покрытие своих расходов, а в Благовещенске совет взглянул на дело еще проще и решил произвести в городе поголовный обыск для обнаружения обуви и мануфактуры. Еще проще поступил Раненбургский совет, конфисковав товар у купца Шибанова и распределив его между собою... В деревнях дело шло дальше. «В с. Ильевах, Подольской губернии, была присуждена к смерти и повешена крестьянка за измену мужу-солдату. В Саратовской губернии постановили прекратить уплату податей, ибо Правительство временное и деньги могут исчезнуть, а другой волостной комитет наградил ротного фельдшера Грылева званием врача...»¹

Вот небольшие черточки, рисующие картину той анархии, которая сопровождает разрушение центральной государственной власти. В центре этот распад выражается в ряде кризисов, через которые проходит Верховная власть. Два месяца — вот тот срок, который каждому вновь организовавшемуся правительству удавалось оставаться на своем посту^{II}, причем власть этого правительства становилась всё более и более фиктивной. Самый переход от власти низвергаемой к власти ее заменявшей становился с каждым разом всё более длительным и болезненным.

Для того чтобы понять развитие русской революции, приведшее, с одной стороны к деспотии большевиков, а с другой — к зарождению русского контрреволюционного движения, необходимо выяснить, какие причины обуславливали разложение государственной власти. Уже наличие вышеуказанной ритмичности в ходе этого разложения позволяет утверждать, что сильно доминирующее значение в этом процессе принадлежало причинам объективного, а не субъективного характера.

¹ 1) Первое Временное правительство кн. Львова, состоявшее из представителей либеральной интеллигенции (Керенский в этом правительстве только «заложник революционной демократии») с 15 (2) марта по 15 (2) мая.

2) Первое коалиционное правительство Керенского (буржуазно-социалистическое) с 15 (2) мая по 15 (2) июля.

3) Второе коалиционное правительство Керенского по 11 сентября (28 авг.).

4) Третье коалиционное правительство Керенского по 7 ноября (25 окт.). — Указание на эту ритмичность сделано нами в рукописи, составленной в 1920 году и хранящейся в Хуверовской библиотеке войны (Стенфордский университет, Калифорния, С.А.С.Ш.).

^{II} Милуков П. Н. Россия на переломе, т. I, гл. VI.

Непосредственными участниками событий, а таковыми являются все составители мемуаров и напечатанных к настоящему времени книг, трудно отказаться от убеждения, что всё могло бы быть иначе, если бы понимание событий и степень волевого напряжения у непосредственных руководителей были иными. Но история, как наука, должна различать субъективный элемент от тех объективных условий, которые делают развитие событий в большой мере предрешенным. Проявления разума и воли отдельными личностями, то взаимно друг друга погашая, если они представляют собою случайные отклонения, то усиливая друг друга, если они отвечают общей тенденции развития событий, как бы «канализируются» в русло объективного хода истории.

Начало Русской революции, или так называемая «февральская революция», была, как восторженно пишут все газеты того времени, «мирной и безкровной»¹. Происходило это вследствие двух причин: всеобщего отрицательного отношения к Самодержавию, от которого не хотела отказаться Царская власть, — и столь же всеобщего, в первые минуты революции, положительного отношения к Государственной Думе. Но бессилие старой власти перед недисциплинированностью и отсталостью страны перешло по наследству и к новой власти. Это бессилие усугублялось еще свойствами нашей либеральной интеллигенции: обостренной интеллектуальностью и недостаточным развитием волевого начала. Не ограничиваемая новой властью свобода была использована крайними элементами для чисто демагогической работы, приведшей к разрушению государственности. Трудность войны и хозяйственная разруха², неподготовленность народных масс к практике народовластия, их малая культурность и неорганизованность, запоздалость политических и социальных реформ — всё это создавало исключительно благоприятную почву для демагогии. В результате разрушительным началам революции легко было получить перевес над созидательными, стихии — над сознательностью, распаду — над единством.

Временному правительству, для того чтобы превратиться в действительную Верховную государственную власть, предстояло:

- 1) внушить народным массам веру в то, что оно способно осуществить их чаяния, пробужденные падением старого режима;
- 2) образовать в своих руках достаточную физическую силу для противодействия антигосударственным стремлениям.

¹ Согласно регистрации Всероссийского союза городов число убитых и раненых на улицах Петрограда в первые дни революции исчислялось 1443, в том числе воинских чинов 869 (офицеров 60).

² Народное потребление сократилось в первый год войны на 25 %, во второй — на 43 % и в третий — на 52 %. — «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». С. 6.

При выполнении первой из перечисленных задач Временному правительству приходилось конкурировать с крайними революционными партиями в области идей политической свободы, рабочего и аграрного вопросов.

Политическая свобода была сразу же достигнута свержением Царского правительства. Но если наиболее просвещенная часть интеллигенции сознавала, что все виды этого рода свободы должны регулироваться идеей государственности, то народные массы этого не сознавали. В их понимании политическая свобода обозначала свободу делать, что вздумается, иначе говоря, была равнозначущей анархии. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть любое описание митинга или же прокламации тех партий, которые, угождая толпе, вовлекали ее в свой лагерь. Создавались столь социально нездоровые условия, что вся пресса приняла ярко демагогический характер, трактуя на каждой своей странице о неограниченности прав гражданина и почти не упоминая об обязанностях последнего по отношению к государству. При таких условиях Временное правительство оказалось в трагическом положении. Вынужденное блюсти интересы государственности, оно встречало на каждом шагу оппозицию со стороны наиболее революционно настроенных партий, которые широко пользовались демагогическими приемами для того, чтобы подрывать популярность Временного правительства, выставляя его врагом народа. Таким образом, не в области идей политической свободы могло Временное правительство завоевать доверие народных масс.

Трудность положения Временного правительства усугублялась еще тем психологическим разрывом, который существовал между нашим интеллигентным слоем и народными массами. Мы говорили выше, что наша интеллигенция была более европейской, чем русской. И чем просвещеннее были представители нашей интеллигенции, тем сильнее это выражалось.

Обеспечение политических свобод Временное правительство видело в немедленном проведении в жизнь наиболее прогрессивных форм демократии. Например, для выбора в Учредительное Собрание решено было применить пропорциональный принцип; как известно, даже в Великобритании, где демократический строй насчитывает века, принцип пропорциональности при выборах в Парламент еще не проведен. Временное правительство не учитывало полной незрелости русских народных масс. Примитивному же мышлению этих масс были лучше понятны более примитивные формы народовластия. Такой понятной для них формой и были Советы. Несовершенство системы выборов и их многостепенность, позволявшая легко исказить истинную народную волю, малокультурным массам были непонятны. Зато быстрота и простота непосредственно ими ощущалась. Подобное положение ве-

щей создавало чрезвычайно благоприятную почву для демагогии, а это, в свою очередь, заранее обеспечивало победу крайних революционных течений над Временным правительством.

Борьба с крайними революционными элементами в области рабочего вопроса оказалась еще труднее. Демагогия левого фланга русского социализма пользовалась особенным успехом среди малокультурных рабочих масс.

Рабочий, победивший совместно с солдатом запасных войск и матросом, считал себя господином положения. Поэтому брошенный в среду рабочих лозунг «диктатура пролетариата» вполне отвечал их настроениям. Эта «диктатура» и осуществлялась рабочими, преследуя узко эгоистические цели, не заботясь о том, что в корне разрушались сами предприятия. Насколько чудовищны были требования о повышении заработной платы, свидетельствуют следующие цифры: в 18-ти предприятиях Донецкого угольного бассейна, с общей валовой прибылью за последний год в 75 миллионов рублей, рабочие потребовали повышения заработной платы в 240 миллионов рублей в год. Общая сумма этого повышения во всех горнопромышленных и металлургических заводах Юга достигала 800 миллионов рублей в год; на Урале это повышение равнялось 500 миллионам рублей, несмотря на то, что общий годовой оборот исчислялся в 200 миллионов рублей. Ставки рабочей платы возросли на 200—300 %. Все эти требования сопровождались полным падением трудовой дисциплины, и в результате предприятия стали гибнуть и промышленность разрушаться. В Петрограде к июню месяцу закрылось 20 % промышленных заведений.

Дабы как-нибудь парализовать демагогические обещания, брошенные лидерами левого социалистического лагеря, Временное правительство, не обладавшее в городах никакой властью, вынуждено было тоже давать широкие обещания, часто трудно выполнимые, — но все-таки оно провозгласило своей главной задачей «борьбу с хозяйственной разрухой», то есть косвенно борьбу с захватными стремлениями рабочего класса. Таким образом рассчитывать на опору рабочего класса Временному правительству не приходилось.

Трудное, но несколько иное, было положение Временного правительства в области аграрного вопроса. Опасаясь вступить на почву социальной революции, оно отложило проведение радикальной аграрной реформы до Учредительного Собрания. А между тем «все вопросы отступают на второй план перед вопросом о земле», говорит сводка за март—май, составленная канцелярией Государственной Думы из отчетов депутатов. «Это то, чем дышит огромная часть населения России...»¹.

¹ Красный Архив, т. XIV, с. 45.

«...Для крестьянина новый строй — это земля. Он это ясно и твердо усвоил. А земля для него всё...»¹. Взволновавшееся крестьянство требовало немедленного разрешения вопросов о земле. В результате Временное Правительство пошло на компромисс, издав 4 мая (21 апреля) положение о «Земельных комитетах». В компетенцию этих комитетов вошло «разрешение вопросов, споров и недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений». При этом комитетам дано было право издавать обязательные постановления по всем этим вопросам. Подобным компромиссным решением Временное правительство предоставило течение важнейшего процесса революции всецело во власть стихии. Руководство этим процессом было выпущено им из своих рук.

Образовавшиеся по всей стране «земельные комитеты» с чрезвычайной быстротой стали во главе аграрного движения. Они тоже вначале подпали под влияние демагогии социалистов-революционеров левого крыла. Они сочли, что решение аграрного вопроса «переходит в руки самого трудового населения... в направлении раскрепощения земли от частной собственности без всякого выкупа», причем «все земли без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов», также и «рабочие руки», «сбор сена, зерна» и т. п. и, наконец, «решительные меры по реквизиции» всего живого и мертвого инвентаря; и всё это с «устранением всякой стеснительной опеки губернских и уездных комиссаров», то есть тех представителей государственной власти, при посредстве которых Временное правительство сделало 29 (16) июля робкую попытку, хотя бы как-нибудь влиять в области аграрного вопроса, разрешение которого пошло по совершенно стихийным путям.

Начались крестьянские волнения и насильственные захваты помещичьих имений. Наиболее анархические формы принимали эти волнения тогда, когда в среду крестьян вливалась струя вооруженных солдат, дезертировавших с фронта. Однако выше уже упомянутая нами сводка отчетов депутатов Государственной Думы¹¹ указывает, что аграрное движение 1917 года отличается «более мягким характером, чем это было в 1905 году...». Эту большую «мягкость» движения сводка объясняет уверенностью крестьян, что на этот раз земля будет их. Кроме того, сравнительная мягкость движения объясняется тем, что всё молодое и более пылкое население деревни находится на фронте. Как только оно появлялось в деревне в лице дезертиров, сейчас же начинались резкие выступления: захваты, поджоги и разгромы.

¹ Красный Архив, т. XV, с. 58.

¹¹ Там же, с. 34.

В серии «Архив Октябрьской революции» издан в 1927 году том, посвященный крестьянскому движению 1917 года. Собранные в нем материалы приводят большевицкого исследователя к интересному с нашей точки зрения выводу. Апрель—июль «дают невиданный в истории пример развертывания крестьянской борьбы за землю в условиях своеобразной легальности...» «Существенно то, что стихийное доверие к буржуазии определяло преобладание в эти месяцы таких форм движения, которые по крестьянскому пониманию не противоречили законам и намерениям правительства».

В приведенных выше строках большевицкий исследователь крестьянского движения 1917 года констатирует чрезвычайно существенный психологический факт. Крестьянская масса, в своих стихийных действиях по осуществлению своих желаний, значительно отличалась от рабочей массы. В то время как последняя сразу же пошла по пути отрицания власти Временного правительства, крестьянская масса в первые месяцы революции стремилась только к одному — к захвату земли, во всех же остальных отношениях она оставалась лояльной по отношению к Временному правительству.

Отсюда видно, что если бы последнее сразу же решительно взяло в свои руки радикальное решение земельного вопроса в пользу крестьян, оно могло бы обрести в крестьянских массах те контрреволюционные силы, которые остановили бы углубление революции на том пределе, далее которого разрушаются не только устарелые формы, но и жизненные ткани государственного организма. Однако Временное правительство не решилось взять в свои руки решение аграрного вопроса, а предоставило его собственному, стихийному течению. Не сказалось ли и в этом то взаимное непонимание между нашей интеллигенцией и народными массами, о котором мы уже говорили выше?

Прочитывая цитированную уже несколько раз сводку¹, нельзя не обратить внимания на искреннее отчаяние членов Государственной Думы, когда им пришлось воочию столкнуться с этим взаимным непониманием. «Полученные в деревне книги, — говорится в одном из отчетов, — были написаны языком... каким угодно, только не тем, на котором говорит народ. И чем хотели добросовестнее здесь отнестись к своей задаче и выполнить ее при помощи серьезных первоклассных сил, тем получалось хуже: вместо хлеба давали камень. Требовались переводчики с этого непонятного языка на язык народный». «Нет слов, — пишет делегат из Псковской губернии, — передать о том смущении, стыде и боли, которые охватывают человека, убежденного в том, что так скудно, так мало даваемое — по существу представляет камень

¹ Красный Архив, т. XV, с. 54—55.

вместо хлеба, ибо оно непонятно, чуждо, темно по самому изложению, по самому языку своему для деревни...»

Несомненно, что нерешительность Временного правительства в проведении аграрной реформы проистекала в значительной мере и от того бессилия, в котором оно оказалось в столице и в городах.

Так же точно, как и в мартовские дни, была только одна сила, на которую Временное правительство могло бы опереться. Это была Действующая Армия. За влияние в Действующей Армии и разгорается жесточайшая борьба.

Борьба за власть в Действующей Армии и разложение Армии

На одном из полюсов борьбы за власть над Армией стоял ее командный состав, который прилагает все свои усилия, чтобы сохранить боеспособность Армии. В начале революции командный состав, в подавляющей своей части, был всецело на стороне Временного правительства.

На противоположном полюсе борьбы находились крайние социалистические партии с большевиками во главе; их первой целью являлось преодолеть то препятствие, которое стояло на пути дальнейшего углубления революции: командный авторитет офицерского состава, ибо этот офицерский состав был лоялен по отношению к Временному правительству. Для достижения этой цели они толкают солдатские массы на бунты и убийства офицеров, не останавливаясь перед полным разрушением самого организма Армии.

Между этими двумя полюсами борьбы пребывают остальные политические группировки, в том числе и представители Временного правительства различных его составов. Краеугольный камень, вокруг которого ведется борьба, — это сохранение в Армии воинской дисциплины. Различные стадии этой борьбы ярко отражают на себе свойства нашей интеллигенции: непонимание реальностей жизни в тех случаях, когда она пытается творить, и максимализм — в тех случаях, когда она стремится разрушать. Крайне характерна та демагогия, посредством которой наши политические партии пытаются привлечь на свою сторону солдатские массы. Само Временное правительство не избежало этих путей и отличается от своих крайних противников лишь степенью этой демагогии, при этом достаточно высокой. Несомненно, что это являлось следствием малой культурности наших народных масс, а также отсутствием в них воспитания в истинно демократических идеях. Сказывался также и тот «дух непротивленства» перед надвигающимися событиями, который проявила наша либеральная интеллигенция, начиная с первых дней революции. По существу говоря, политика

Временного правительства по отношению к Армии та же, что и по отношению к стране: это всё время продолжающаяся капитуляция.

Сдача первых позиций выразилась в разгоне высшего командного состава. В течение первых же недель военным министром Временного правительства А. И. Гучковым³⁶ было уволено со службы 150 старших начальников, в том числе 70 начальников дивизий. Несомненно, что в числе удаленных были и плохие начальники. Но их было совсем не так много, как это утверждал А. И. Гучков перед солдатскими комитетами¹. Три года тяжелой войны способствовали подбору в Русской Армии к 1917 году вполне удовлетворительного командного состава. Со стороны Гучкова это был чисто демагогический прием, чтобы понравиться солдатским массам. Но дискредитированием с первых же шагов командного состава, бывшего вполне лояльным по отношению к Временному правительству, подрубался сук, на котором оно могло бы удержаться. В недра же самой Армии вносился развал. Такой хрупкий организм, каковым была Армия в дни революции, мог держаться только по инерции и не допускал новых потрясений. Допустимо было лишь изъять безусловно вредный элемент, которого, повторяем, было в общем немного, но во всяком случае, без излишнего подчеркивания и не делая его программным.

Сделав первый шаг по пути демагогического заигрывания с солдатской массой, пришлось делать и следующие. Мы не будем давать здесь подробной картины того разрушения Армии, которое вносилось самим Временным правительством под громким словом «демократизации». Интересующихся мы отсылаем к ярким страницам труда ген. Деникина^{II}. А. И. Гучков и его ближайшие сотрудники^{III} в свое оправдание указывают на исключительно трудное положение, в котором находилось Временное правительство, оказавшееся, как мы говорили выше, в плену у Петроградского гарнизона и рабочих. Отрицать это не приходится. Однако мы хотели бы также указать, что именно для того, чтобы избавиться от этого плена, нужно было отстоять власть старого командного состава. Сдавая одну позицию за другой, А. И. Гучков оказался в конце концов перед требованием Совета рабочих и солдатских депутатов об опубликовании так называемой «декларации прав солдата». Гучков предпочел уйти в отставку. Его заменил Керенский, который сейчас же утвердил и объявил (22/9 мая) эту декларацию^{IV}.

^I См. его речь 12 мая (29 апреля) 1917 г., сказанную на съезде делегатов фронта (в приложении № 8 приведена выдержка из этой речи).

^{II} Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 2, с. 5—65.

^{III} Рукопись ген. Филатьева, бывшего одним из помощников военного министра А. И. Гучкова.

^{IV} Полный текст этой декларации приведен в приложении № 9.

Объявление ее представляло собою большую победу крайне левых элементов по пути разрушения Армии и потому вызвало в офицерском составе большое недовольство против Временного правительства. Эта декларация, говорившая только о «правах» солдата, воспринималась солдатской массой как отрицание каких-либо «обязанностей». Она лишила офицерский состав всякой дисциплинарной власти, подорвала его командный авторитет, узаконила полную распущенность находящихся в тылу запасных войск и открыла неограниченные возможности для дальнейшего революционизирования солдатских масс Действующей Армии, запаздывавших, по сравнению с тыловыми войсками, в своем разложении.

Правда, в § 14 было указано на право командного состава в боевой обстановке применять меры «до использования вооруженной силы включительно» против подчиненных, не исполняющих приказание. Однако в общем контексте декларации заявление об этом праве звучало столь неубедительно, что производило скорее впечатление желания законодателя сохранить за собою возможность найти в лице офицера «козла отпущения» во всех боевых неустойках развратившейся солдатской массы. Так оно и было понято офицерским составом.

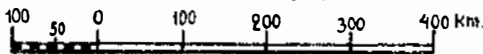
В результате непротивленческой политики Временного правительства с первых же дней революции начался развал Действующей Армии. Однако нужно отметить, что большая дисциплинированность войсковых частей, стоявших лицом к врагу, а также то боевое товарищество, которое установилось в предшествующие годы между солдатами и офицерами, замедляло процесс разложения этих частей. В начале революции бунты и убийства офицеров происходили почти исключительно в тылу и во флоте. Но по мере того, как Советы солдатских депутатов запасных частей захватывали власть в тылу, их влияние всё более и более распространялось и на солдатские массы Действующей Армии. Это разлагающее влияние тыла на Действующую Армию очень характерно сказывалось в следующем явлении. Если сравнивать по степени разложения наши фронты (группы) армий, стоящие против германо-австрийцев, то можно установить такую неизменно все время державшуюся градацию¹. В худшем состоянии находились армии Северного фронта. Здесь особенно сильно сказывалась непосредственная близость Петрограда, главного очага разлагающей заразы. Затем шли армии Западного фронта, на которые влияла Москва, другой главный революционный центр. В несколько лучшем положении были армии Юго-Западного фронта — в Киеве, находившемся у них в тылу, дольше держался порядок. Наконец, в несравненно лучшем состоянии находились наши армии Румынского

¹ См. схему № 1 на с. 65.

СХЕМА N1.

ФРОНТЫ НАШИХЪ АРМІЙ ВЪ 1917 ГОДУ.

масштабъ:

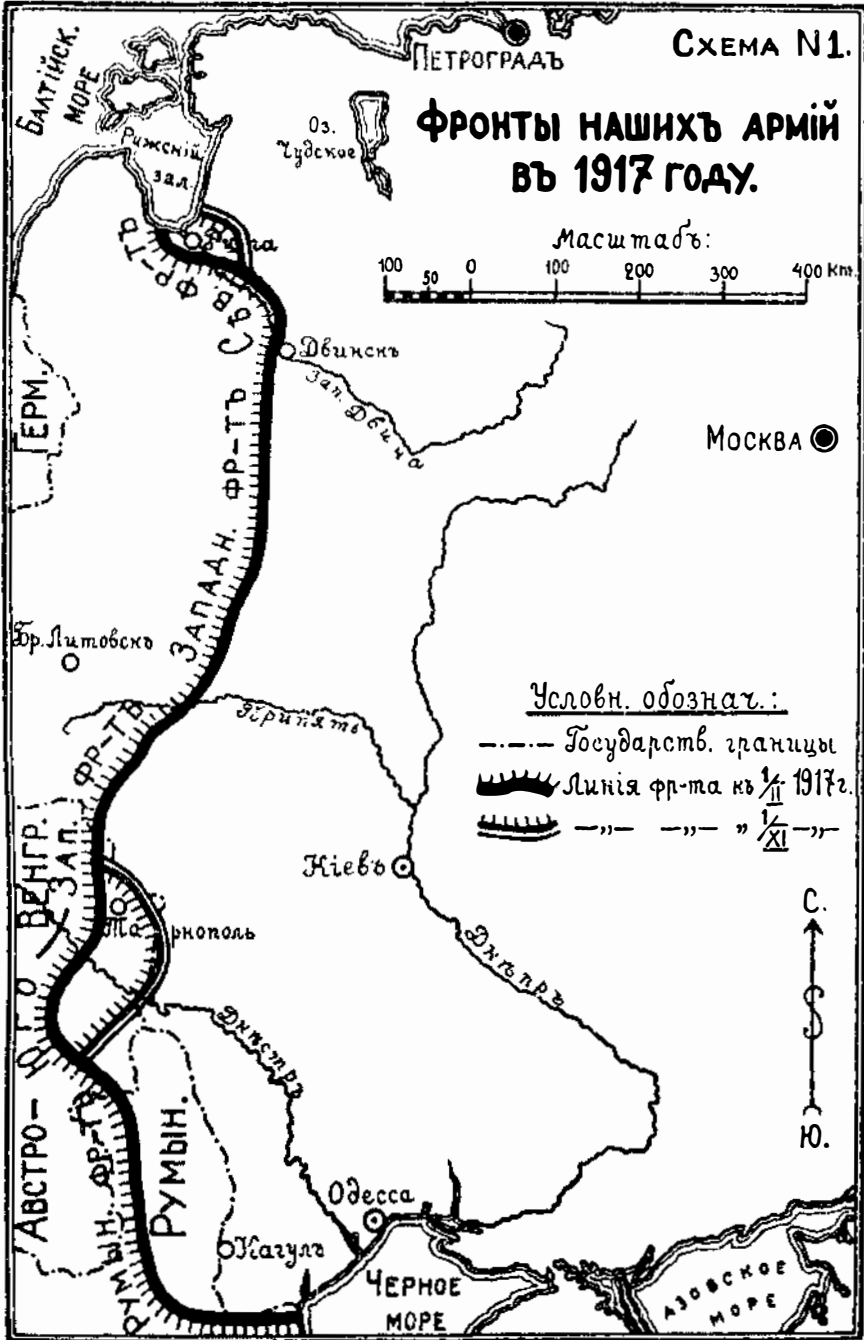

МОСКВА ©

Условн. обознач.:

----- Государств. границы
 Линія фр-та къ $\frac{1}{11}$ 1917г.
 —, — —, — " $\frac{1}{X1}$ —, —

C. H.

фронта. Удаление главных революционных центров и то обстоятельство, что революционная пропаганда труднее проникала в эти армии, так как эта пропаганда должна была считаться с некоторыми, хотя и небольшими, затруднениями, встречаемыми на территории Румынии. Интересно указать здесь и на такую подробность. Если сравнивать между собою моральное состояние русских армий Румынского фронта, то зависимость развала войск Действующей Армии от тыла будет видна столь же ярко. В худшем состоянии была наша 9-я армия, правофланговая, в которую разрушающие влияния проникали из соседней (8-й) армии Юго-Западного фронта. Следующей по пути разложения шла наша 6-я, левофланговая, армия, к которой Русская граница приближалась у Кагула и в которую проникали тыловые влияния из Одессы. В лучшем же положении была 4-я русская армия, выдвинутая наиболее глубоко на румынской территории и имевшая ближайшими соседями румынские войска. Вместе с наибольшим удалением больного русского тыла на замедление разложения солдатской массы влияло и это соседство; солдатская масса 4-й русской армии чувствовала, что в руках общего русско-румынского командования есть некоторая «сила», а главное — наш солдат видел перед собою здоровый пример.

С целью побороть это разлагающее влияние тыла Верховный Главнокомандующий ген. М. В. Алексеев и все Главнокомандующие фронтами (группами) армии — ген. Брусилов (Юго-Западного), ген. Щербаев³⁷ (Румынского), ген. Гурко³⁸ (Западного) и ген. А. М. Драгомиров³⁹ (Северного), приезжали в Петроград для того, чтобы своим коллективным выступлением обратить внимание Временного правительства на чрезвычайную опасность той политики непротивления революции, которую оно вело по отношению к Действующей Армии. 17 (4) мая состоялось соединенное заседание Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором и были заслушаны заявления нашего Высшего Командного состава. Отчет этого заседания чрезвычайно интересен¹. Речи генералов Алексеева, Брусилова, Щербачева, Гурко, Драгомирова ярко обрисовывают прогрессирующий развал Действующей Армии и бессилие командного состава остановить это разложение без властной помощи Временного правительства. «Нам нужна власть» — так кончает свое слово генерал Брусилов. «Вы вырвали у нас почву из-под ног, потрудитесь ее восстановить... Если Вы хотите продолжать войну до желательного нам конца, — говорил ген. Гурко, — то необходимо вернуть армии власть...»

Мы знаем, в каком критическом положении было Временное правительство. Оно могло обрести эту власть, только опершись на

¹ Приведен в приложении № 10.

Действующую Армию; остановить же развал этой силы могла лишь «власть» Временного правительства. Создавался своего рода заколдованный круг. И вот здесь возникает существеннейший вопрос — могла ли Россия в таких условиях продолжать войну?

Вопрос о мире

Из прошлой главы мы видели, что либеральная часть нашей интеллигенции сразу же присоединилась к революции, исходя из идеи, что существующее Царское правительство с его самодержавными тенденциями не может дать России победы в войне. Мы видели также, насколько ее поведение в дни солдатского мятежа Петроградского гарнизона было пассивным. Настоящая глава показала такую же пассивность ее в вопросах рабочего контроля, передачи крестьянам земли, и даже в вопросах сохранения боеспособности Армии. Главным мотивом подобного поведения был страх перед возникновением гражданской войны, так как в этом случае войну с внешним врагом продолжать было нельзя, на точке же зрения необходимости продолжения войны до победного конца вся государственно-мыслящая интеллигенция стояла твердо и непоколебимо. В этом убеждении сходились все: начиная от отрекшегося от престола Императора Николая II и правых политических группировок, поддерживавших его в самодержавных тенденциях, все либерально-мыслящие общественные круги с Родзянко, кн. Львовым и Милюковым во главе и кончая умеренными социалистами с их неизменным представителем в составе Временного правительства Керенским. В этом отношении правы те писатели, которые утверждают, что так называемая «февральская революция» была «патриотической».

Но историк и социолог должен внести здесь одну существенную поправку. Основные течения, которые определяют собою ход таких крупных социальных явлений, как революции, могут быть долго скрыты в недрах масс. Сами эти массы могут даже долго не сознавать те основные стимулы, которые ими двигают; последнее особенно естественно в массах малокультурных и не привыкших к сознательному участию в государственной жизни. Подобное положение и было в России в 1917 году. Поэтому, изучая революционный процесс, начавшийся в России в марте 1917 года во всем его целом, нельзя приписывать ему тот характер, каковой он имел на поверхности, т. е. в сознании русского интеллигентного слоя.

На вопрос: желали ли массы русского народа продолжения войны, — дальнейшие события нашей революции дают историку совершенно определенно отрицательный ответ.

Под тяжелым впечатлением катастрофы, пережитой Русской Армией летом 1915 года, начали нарастать в солдатских и народных массах усталость от войны и желание мира. Пока еще существовал освященный вековой традицией государственный строй, эти чаяния оставались скрытыми в недрах этих масс, привыкших к пассивному подчинению Царской власти. Однако, некоторые из более чутких и близко стоящих к солдатам офицеры уже чувствовали, насколько солдатские настроения не отвечали тому, что излагалось в официальных сообщениях и говорилось в патриотически настроенных кругах русской интеллигенции. В этом отношении интересным документом является письмо одного из раненых офицеров, посланное министру внутренних дел Протопопову 7 февраля (25 января), т. е. за месяц до начала революции. Автор этого письма говорит, что следовало бы послать Милюковых и Маклаковых (т. е. лидеров нашей либеральной интеллигенции) в окопы, дабы они увидели, что такое война: легко из кабинета предлагать воевать «до победного конца». Он считает, что войну продолжать нельзя и надо заключить мир, пока нет ни победителей, ни побежденных. «Если мир не будет заключен в самом ближайшем будущем, то можно с уверенностью сказать, что будут беспорядки... Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние... не из малодушия и трусости, а потому, что никакой пользы от этой борьбы они не видят»¹.

В первые же дни мартовских беспорядков в числе надписей на красных флагах и плакатах, которые появились над мятежными толпами, были и требования мира. Конечно, эти надписи, подобно политическим лозунгам, являлись приманкой, которой крайние революционные партии пытались привлечь на свою сторону мятушиеся городские толпы. Однако самый факт впервые открытого предъявления требования мира был показателен.

По мере углубления и расширения революционного движения требования мира звучат всё громче и отчетливее. На солдатских митингах и различного рода сборищах говорят о прекращении войны не только представители левого крыла социализма. Говорят и простые солдаты. При этом они говорят, не стесняясь присутствием высшего начальства. «Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам», — рассказывает генерал Брусилов². «...Я долго убеждал полк и когда спросил — согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат — мир во что бы то ни стало, долой войну».

¹ Блок А. Последние дни Старого Режима // «Былое», 1919, № 15, с. 19.

² Речь Брусилова перед Врем. правительством 17 (4) мая 1917 г., см. приложение № 10.

В воспоминаниях В. Д. Набокова⁴⁰, бывшего управляющим канцелярией Совета министров Временного правительства первого состава, можно прочесть следующую выдержку¹:

«В моих бумагах хранится несколько писем, в то время и позже мною полученных от гр. Н. Н. Игнатьева⁴¹, человека, прослужившего всю свою жизнь на военной службе, командовавшего во время войны Преображенским полком, — настоящего офицера и при этом очень неглупого, вдумчивого и серьезного человека. Эти письма произвели на меня большое впечатление. Скоро в них зазвучала такая нота: **надо отдать себе ясный отчет в том, что война кончена, что мы больше воевать не можем и не будем, потому что армия стихийно не хочет воевать.** Умные люди должны придумать способ ликвидировать войну безболезненно, иначе произойдет катастрофа... Я показал одно из писем Гучкову. Он его прочел и вернул мне, сказав при этом, что он получает такие письма массами. «Что же вы думаете по этому поводу?» — спросил я. Он только пожал плечами и ответил что-то вроде того, что приходится надеяться на чудо. Но чудо не произошло, процесс пошел естественным и необходимым путем и привел к естественному и необходимому концу».

Стихийное желание окончить войну выражается не только на словах, но и в признаках объективного характера.

Прежде всего, одним из таких признаков могли служить те затруднения, которые встречало Военное министерство при посылке укомплектований в Действующую Армию. Как мы знаем, запасные войска Петроградского гарнизона выговорили себе право под предлогом «защиты революции» не идти на фронт. Подобные же предложения выставили и запасные войска, расположенные в других городах². В тех же случаях, когда все-таки удавалось пополнения отправить, то шли они очень неохотно и в большом числе дезертировали во время пути. Это дезертирование доходило иногда до 60 % состава маршевой части.

Другим объективным признаком нежелания воевать являлось развившееся в Действующей Армии уже со второго месяца революции массовое «братание» с врагом. Были участки фронта, на которых военные действия по существу прекратились. Пехотные массы проявляли в этом отношении столь большую настойчивость, что громили те свои артиллерийские наблюдательные пункты, с которых наши артиллерийские офицеры отдавали распоряжения об открытии батареями огня.

¹ Архив Русской революции, т. I, с. 75.

² Например — на одном Кавказском фронте имелось в тылу в запасных частях 104 000 человек; «но различные местные комитеты парализовали власть кавказского командования, не выпуская запасных полков на фронт и считая их «обеспечением против контрреволюции». — Деникин, т. I, вып. 1, с. 172.

Наконец, третьим и наиболее характерным объективным признаком нежелания воевать являлся массовый уход солдат из рядов Действующей Армии. Этот уход шел многими путями. Уходили под предлогом болезней, причем солдатские толпы штыками заставляли врачей эвакуационных пунктов выдавать им свидетельства об увольнении. Уходили под предлогом участия в солдатских комитетах, советах, чисто фиктивных командировок. Наконец, просто дезертировали.

Дабы дать представление о тех колоссальных размерах, каких достигал этот «самотек» в тыл, мы приведем следующие цифры. До революции средняя месячная заболеваемость солдат Русской Армии измерялась в 100 000 человек. После революции она *превосходит* 225 000. Никаких эпидемий не было. Общий итог не возвратившихся в Армию больных, по данным доктора Аврамова¹, до 1 января 1917 года, то есть за 29 месяцев войны, исчислялся в 721 500 солдат, а за только 9 месяцев 1917 года (с 1 января по 1 октября) он исчисляется в 1 172 500 солдат. На основании более подробного анализа, сделанного нами в труде «Военные усилия России в мировую войну»^{II}, мы можем прийти к выводу, что размеры дезертирования из Действующей Армии солдат только под одним предлогом болезни с 1 января по 1 октября 1917 года достигали 1 000 000 человек.

Если мы посмотрим теперь на число зарегистрированных (т. е. явных) дезертиров, то мы увидим, что до революции из Русской Армии в среднем дезертировало около 7000 солдат в месяц; начиная с марта 1917 года это число увеличивается в пять раз, достигая 35 000.

Самое трудное — это учет, какое число солдат уходило из окопов в солдатские советы, комитеты, в фиктивные командировки. Один из военных представителей Великобритании при Русской Армии, генерал Нокс, очень хорошо осведомленный обо всем происходившем у нас, указывает в своих воспоминаниях^{III}, что число солдат в различных советах и комитетах одного лишь Юго-Западного фронта измерялось 85 000 человек. Если вспомнить, что у нас было пять фронтов и что при этом Юго-Западный шел не во главе разложения, то для всей Действующей Армии подобный вид уклонения солдат от ведения войны должен исчисляться сотнями тысяч.

^I Работа доктора Аврамова была опубликована в «Известиях народного комиссариата Здравоохранения» № 1–2, 1920 г. Данные из нее приведены в статье Л. И. Сазонова «Потери России в войну 1914–1918 гг.», напечатанной в «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг.». Вып. I, Гос. издат., 1923, с. 175.

^{II} Глава VI рукописи, хранящейся в Carnegie Endowment for International Peace.

^{III} *Major General Alfred Knox. With the Russian Army 1914–1917*, p. 699–700.

В итоге мы будем близки к истине, если скажем, что с 1 марта по 1 ноября 1917 года число солдат, явно или замаскировано дезертировавших, должно исчисляться 2 000 000. По существу говоря, это была своего рода фактическая демобилизация Армии!

Вследствие ее оторванности от народной толщи, нашей интеллигенции было действительно трудно понять истинные настроения народа. Различные выявления этих настроений она рассматривает через очки своих собственных устремлений. В нежелании укомплектований идти в Действующую Армию, в братании, в массовом уходе в тыл, наша интеллигенция, в том числе и командный состав, видит лишь последствия падения дисциплины. Затем, когда эти явления принимают стихийный характер, раздаются обвинения русских масс в отсутствии патриотизма. Широкое распространение получила солдатская фраза, прозвучавшая на одном, а может быть, и на нескольких митингах: «Немец до нас далеко, мы Тамбовские, так зачем же нам воевать».

Однако существо дела было иное.

Русский народ, в лице своей солдатской массы, показал в 1914, 1915 и 1916 годах высокую степень жертвенности во имя государства. По первому же зову Царя он пошел, в августе месяце 1914 года, под знамена старой Русской Армии, пошел без всякого уклонения, показывая в этом отношении пример нашей интеллигенции.

В то время как в среде последней сразу же обнаружились стремления уstraиваться в тылу (к абмюскированию), на сборных пунктах воинских начальников, куда стекались запасные нижние чины, сплошь и рядом делались заявления, о которых рассказывает наш известный писатель А. И. Куприн. Он был в качестве отставного офицера назначен, с объявлением мобилизации, в состав приемной комиссии одного из уездов Петроградской губернии. Он утверждает, что много было случаев, когда призванные комиссией запасные нижние чины отказывались от медицинского освидетельствования, заявляя, что они вполне здоровы и годны для службы в войсках и что они не желают напрасно отнимать время у приемной комиссии. А вот что записывает про начало войны председатель Государственной Думы М. В. Родзянко:

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменою настроения жителей столицы. Кто эти люди, — спрашивал я себя с недоумением, — которые ходят по улице с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства. Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это — рабочие, те самые рабочие, которые несколько дней тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады. На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил

ответ: вчера было семейное дело; мы горячо ратовали о своих правах; для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, проходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю, как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами. Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют следующие цифры: к мобилизации явилось 96 % призывных, явилось без отказа и воевали впоследствии на славу».

Цитированная только что выдержка из воспоминаний председателя Государственной Думы ценна тем, что ссылается на один совершенно объективный показатель: 96 % подлежащих призыву явилось к воинским начальникам; между тем, трудные условия, в которых находился у нас точный учет чинов запаса, заставлял предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой может дойти до 12—15 %¹. Следовательно, уклонения от мобилизации со стороны народных масс совершенно не было.

Величайшая доблесть, проявленная русскими войсками в кампании 1914 года², которая спасла наших союзников от проигрыша войны, является другим объективным показателем о той высокой степени патриотизма, на которую способен был русский народ.

В наших работах по исследованию военных усилий России в мировую войну³, нам пришлось натолкнуться на следующий мало известный, но поразительный факт. Из числа 1 400 000 русских пленных, находившихся в германских концентрационных лагерях, 260 000 пыталось бежать. Такого высокого процента попыток к бегству не дала ни одна из воевавших армий.

Когда говорят о патриотизме, то нужно помнить, что таковой не есть простое чувство, а чрезвычайно сложный комплекс идей, чувств, инстинктов. У малокультурного человека патриотизм иной, чем у культурного, и он более инстинктивен, нежели сознателен. Русской народной массе был присущ высокий патриотизм, ибо лишь при наличии такового могло быть построено столь великое государство, каким была Россия. Но патриотизм этот был примитивным, если можно так выразиться — «сырым». Вековое, чисто пассивное участие в создании своего Государства не приучило наши народные массы к осознанию

¹ *Зайончковский*. Подготовка России к Мировой войне, с. 14.

² Желающих убедиться в этом мы отсылаем к нашим трудам по истории кампании 1914 г. на Русском фронте, тома II и III.

³ «Русский инвалид», 1929, моя статья «Еще несколько цифр из минувшей войны».

государственных интересов во всей их современной сложности. Веками сложившаяся традиция видеть в Царе неразделимое целое с отечеством облегчала ему его поведение по отношению к Государству. Моральный подрыв веры в Царскую власть, начавшийся до революции, и дальнейшее быстрое разрушение этой веры в корне разрушило и саму политическую формулу, в которой народ принял войну. Во всех газетах, листовках, речах, исходящих не только из революционного лагеря, но и из либеральных и даже из кругов, бывших до революции умеренно правого направления¹, звучало поношение павшего Царя.

Необычайно сильное влияние в этом отношении оказало печатное слово. Роль прессы в области коллективной психологии хотя и общеизвестна, но все же еще недооценена. В особенности сильно было ее влияние в первые месяцы революции на наши малокультурные массы, когда эти массы, с верой неопита, набросились на газеты. «...Крестьянин, чем слабее в печатном слове, тем с большей верой относится к нему», — отмечают отчеты делегатов Государственной Думы¹¹. «У него убеждение: что то, что в книжке напечатано, то, значит, — правда. И вдруг он читает одну газету — одна правда, читает другую — там другая правда...» Но в одном сходились все газеты и листовки того времени — это в изображении отрекшегося Императора Николая II во всех его деяниях, как врага народа. А это не только окончательно подорвало веру народных масс в Царскую власть, но неминуемо привело и к следующему логическому построению: Царь начал войну; он всё делал вопреки воле и интересам народа; стало быть, война народу не нужна. Вот силлогизм, который лежит в основе всех тогдашних рассуждений солдатской и народной масс.

Кризис самой идеи войны, переживаемый этими массами, и обуславливал, прежде всего, и нежелание пополнений идти в Действующую Армию, и братание с неприятелем, и массовый уход в тыл, и, наконец, и само падение дисциплины. Солдатские массы стихийно разрушали самый организм Армии, чтобы поставить Правительство перед невозможностью продолжать войну.

На упомянутом выше совместном заседании Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, происходившего 17 (4) мая, Главнокомандующий армией Западного фронта — генерал Гурко сказал: «Вы говорите — революция продолжается. Послушайте нас; мы более знакомы с психологией войск; мы пережили с ними и славные, и печальные страницы.

¹ Чтобы убедиться в том, мы предлагаем просмотреть статьи, напечатанные сейчас же после начала революции в таком «правом» печатном органе, как «Новое Время».

¹¹ Красный Архив, т. XVI, с. 51.

Приостановите революции и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг и довести Россию до состояния, когда вы можете продолжать свою работу...»

Это вызвало реплику со стороны одного из членов Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов — Скобелева⁴², который сказал, что «революция не может начинаться и прекращаться по приказу. Революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции... охватит всю Россию, когда уразумеет 70 % неграмотных».

В этих двух антитезах выражается та дилемма, перед которой стояло Временное правительство и от решения которой зависел дальнейший ход революции.

Само собою разумеется, что, произнося слова «прекратите революцию», ген. Гурко вовсе не придавал им того смысла, который, в полемических целях, приписал им г. Скобелев. Вопрос шел не о приказе прекратить революцию, а о том, что революционизирование 70 % неграмотных российской народной массы и продолжение труднейшей войны, ставшей непонятной этой массе, являлись процессами между собою совершенно несовместимыми. Временное же правительство сначала пассивно (эпоха кн. Львова), а затем и активно (эпоха Керенского) шло по пути, указанному Скобелевым. Но в то же время оно задавалось целью продолжать войну. Создавалось величайшее внутреннее противоречие, которое осложняло и без того исключительно трудное положение Временного правительства. Плывая по течению революции, оно заискивало у солдатских масс, не останавливаясь, в угоду им, перед разрушением воинской дисциплины и травлей командного состава. Между тем возможность продолжения войны требовала, чтобы Временное правительство делало свою ставку не на солдата, а на офицера.

Зарождение контрреволюционных настроений

Что представлял собою в это время русский офицер? Большевицкие историки, стремящиеся вложить все социальные явления в прокрустово ложе классовой борьбы, изображают русского офицера как яркого представителя дворянства (помещиков) и буржуазии. У большевицких же деятелей это был любимый демагогический прием для натравливания солдатских масс на офицерство. В действительности же это было совершенно не так. Как мы уже имели случай говорить выше, Русская Армия законом 1874 года была построена на всесословном начале. Как и в прочих областях социальной жизни России, приостановка в развитии демократических реформ Императора Александра II отразилась и на армии. Остатки сословности в офицерском корпусе оста-

вались еще не вполне изжитыми. Однако не следует преувеличивать силу и размеры этих пережитков. Они, главным образом, отражались в узком кругу Гвардии и до некоторой степени в кавалерии. По существу же говоря, Русским офицером мог сделаться всякий, кто только получал соответствующие военные образование и подготовку. Мы могли бы назвать много случаев, когда в эпоху, предшествовавшую мировой войне, генералами становились лица, вышедшие из среды крестьян.

Не было и того «классового» различия между офицерами и солдатами, которое особенно усиленно муссируется современной красной военной литературой. Нашего рядового офицера, с его нищенским материальным положением, никак нельзя было причислять к «буржуазии».

Однако в Русской Армии существовало между офицерами и солдатами одно различие, которое не проявлялось столь резко в армиях других государств. Русский офицер, в силу полученного им образования, являлся по отношению к солдату «интеллигентом». А как мы говорили уже в первой главе, темные народные массы в каждом интеллигенте видели своего рода «барина».

Разразившаяся в 1914 году война потребовала от России развертывания миллионных армий, что в свою очередь потребовало чрезвычайного увеличения офицерского состава. Каково было это увеличение, показывают следующие цифры:

В армии мирного времени численность офицерства измерялась в 30 000. К осени же 1917 года эта численность достигала 250 000¹. К этому нужно прибавить безвозвратные потери (убитые, умершие, искалеченные и окончательно потерявшие здоровье) офицерства за время войны, превосходившие 60 000. Таким образом, война потребовала более 300 000 офицеров.

По сравнению с составом мирного времени это было десятикратное увеличение.

Подобная колоссальная потребность в офицерском составе окончательно уничтожила в комплектовании офицерства все сословные пережитки. В офицеры брались все, кто хоть сколько-нибудь по своему образованию мог вместить ускоренную подготовку к офицерской службе. А это в свою очередь вызвало в офицерской среде своеобразный процесс. Офицерский состав всё более и более забирал в себя всю молодежь русской интеллигенции и, теряя свой прежний профессиональный облик, приобретал всё более облик русского интеллигента. Насколько уже в зиму 1915—1916 гг. стерлись какие-либо сословные или «классовые» различия младшего офицерства от народной массы

¹ В Действующей Армии и ее тылах около 200 000; в запасных войсках и учреждениях глубокого тыла (подчиненных Военному министру) 40 000—50 000.

свидетельствуют следующие цифры: в эту зиму автору настоящей книги пришлось в качестве начальника штаба 7-й армии организовать школы для усовершенствования прибывавших на укомплектование армии прапорщиков. Из 1000 прапорщиков, прошедших курс этих школ, около 700 происходило из крестьян и лишь 40 из дворян¹.

Повышенная во время войны потребность в интеллигентных силах во всех отраслях государственной деятельности привела к оригинальному процессу в среде самой интеллигенции. Эта потребность чрезвычайно облегчала всякому лицу, получившему какое-либо образование, возможность устроиться на службу в тылу. Вследствие этого ни в одном из воевавших европейских государств не создавалось столь благоприятных условий для уклонения интеллигентного лица от вступления в ряды Действующей Армии, или, проще говоря, для амбюскирования. Это, в свою очередь, приводило к тому, что в состав младших офицеров войсковых частей Действующей Армии приходил только тот интеллигент, который устоял от искушения «окопаться в тылу»; таким образом, в среде молодых поколений нашей интеллигенции создавался своего рода социальный отбор наиболее патриотично и действенно настроенного элемента, который и собирался в виде младших офицеров Действующей Армии.

Когда грянула революция и началось преследование офицера со стороны бунтующей солдатской массы и травля его со стороны революционно настроенной интеллигенции, из рядов офицерского состава Действующей Армии самотеком ушли все более слабые духом, а также оппортунисты, собиравшиеся делать революционную карьеру.

Таким образом, мы видим, что революция усилила тот процесс социального отбора, о котором мы только что говорили.

Весьма важно усвоить отмеченное нами выше социальное явление для того, чтобы понять генезис нашего контрреволюционного движения.

В первые дни революции масса русского офицерства приняла ее вместе с Временным правительством. Она лояльно пошла за последними. Она верила заявлениям Родзянко, членов Исполнительного комитета Государственной Думы и Временного правительства, а также прочих лидеров нашей либеральной интеллигенции о том, что целью совершившегося переворота являлось стремление обеспечить России возможность довести войну до победного конца. В этом убеждении утверждали ее и слова манифеста отрекшегося Императора, а также приказ популярного в Армии Великого Князя Николая Николаевича, ехавшего с Кавказа принимать вновь Верховное Командование: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы Родины, Я, Верховный

¹ Остальные 260 происходили из купцов, мещан и рабочих.

Главкомандующий, признал ее, показав тем пример исполнения нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей Армии и Флота неуклонно повиноваться установленному Правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

Но едва успел новый Верховный Главкомандующий доехать до Ставки, как, в угоду Совету рабочих и солдатских депутатов, правительство кн. Львова сменило его.

Во всех последующих шагах Временного правительства офицер Действующей Армии видел неуклонную капитуляцию перед разрушительными силами революции и быстро прогрессирующий развал Государственности и Армии.

Тяжелые сомнения запали в его душу. Вместе с либеральной интеллигенцией он не защищал павшее Царское правительство как раз потому, что верил, что новое правительство поможет довести войну до победного конца. А то, что идея прекращения войны была для массового офицера синонимом гибели России, это было психологически совершенно естественно. Нужно вспомнить тот особый коллективный психоз, который охватывал все воюющие европейские народы во время войны. И этот коллективный психоз усиленно поддерживался интенсивной пропагандой, которую вело как само правительство, так и все патриотически настроенные общественные круги. Каждодневные статьи в печати, листовки, речи, письма, всё это стремилось поддержать атмосферу борьбы на высшей точке кипения. В России при том невнимании, с которым относилось дореволюционное правительство к активному участию в государственной жизни народных масс, это постоянное «накаливание» атмосферы мало отражалось на низах народа. Массы его, в особенности же крестьянские, продолжали жить своей особенной жизнью, замкнутой в узкие рамки местных интересов; они продолжали покорно нести на своих плечах тяжести войны, но с чисто пассивным участием; с такого рода участием они и раньше строили вместе с Царским правительством Великую Россию. Но в среде интеллигенции, в особенности в ее части так патриотически и действенно настроенной, как было офицерство 1916–1917 гг., в этих кругах «отдача» пропаганды войны была полной. Это прибавило в 1917 году новую черту различия между психикой интеллигенции и настроением народной толщи.

По мере развития революции офицерская масса нигде не видит оздоровления и творчества, а лишь одно проявление разрушающих сил. В особенности резко и больно ощущает она развал своей Армии, с которой она связана тяжелыми кровавыми жертвами. Каждодневно на ее глазах Армия теряет свою боеспособность. А согласно прочно внедренному во всё внутреннее существо офицера пониманию, поражение равнозначно гибели России.

Временное правительство на словах и в своих воззваниях продолжает развивать мысль о необходимости продолжать войну. Оно всё время подогревает обостренный активный патриотизм офицерской массы. И в то же самое время оно во всем уступает солдатской массе, не желающей больше воевать. Вследствие этого последняя привыкает видеть в своем командном составе единственное препятствие на пути к немедленной ликвидации войны. Отсюда и получает начало тот разрыв между офицером и солдатом, который, всё углубляясь, превращается затем в пропасть, разделившую «белую» и «красную» армии. Мы особенно настаиваем на том, что линия этого разрыва прошла не между какими-то сословными или «классовыми» интересами офицеров и солдат, а между твердым убеждением в необходимости продолжать войну до победного конца — с одной стороны, и примитивным мировоззрением, не видящим цели продолжения этой войны — с другой.

Левое крыло социалистов с большевиками во главе пользуется создавшимся в Армии расслоением. Оно широко развивает демагогию для того, чтобы внушить солдатской массе, что командный состав является «классовым врагом», скрыто преследующим во всех своих действиях лишь одну цель — реставрацию. Непротивленческая же позиция по отношению к разрушительным силам революции, занятая Временным правительством, приводит к тому, что вся офицерская масса оказывается на положении какого-то «политически неблагонадежного» элемента. Это отталкивает офицерскую массу от Временного правительства и подрывает ее веру в творческие силы революции.

Здесь мы хотим обратить внимание читателя на одно чрезвычайно интересное социально-психическое явление. «В первой стадии февральской “бескровной” революции русский революционный процесс не имеет никаких видимых врагов — ни “внутренних”, ни “внешних”. Долгое время ссылка на “контрреволюционную опасность” оставалась лишь демагогическим приемом, лишенным реального основания...»¹.

И вот, в значительной мере, эта демагогия стимулирует зарождение отсутствовавших до сих пор противодействующих революции сил. Очагом этих контрреволюционных сил становится масса русского офицерства.

Яркую и точную формулировку назревавшего в среде офицерства Действующей Армии настроения дает Верховный Главнокомандующий ген. М. В. Алексеев в речи, произнесенной им 20 (7) мая при открытии офицерского съезда в Ставке (в Могилеве)².

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. I, с. 42.

² На этом съезде собралось 300 представителей офицерства; из них 76 % от боевых частей, 17 % от тыловых строевых частей и 7 % от тыла. Мы считаем,

«...В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати, — говорит генерал Алексеев, — мы часто встречаем фразу — Отечество в опасности... Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей своею тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупить демагогической фразой: “мир без аннексий и контрибуции”. Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат — на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, то есть на весь правый берег нашего Днепра.

А мы-то что? Разве допустит до этого Русская Армия? Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны...

Будем откровенны: упал воинский дух Русской Армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни.

Внутри — где та сильная Власть, о которой горюет всё государство? Где та мощная Власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?

Нам говорят, что скоро будет; но пока ее нет.

Написали на нашем знамени великое слово — Братство, но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями Русской Армии — офицерами и солдатами.

И вот, в такие минуты, собрался первый съезд офицеров Русской Армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного и неотложного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье; чтобы дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва — нет победы, без победы — нет спасения, нет России...

Согрейте же Ваш труд любовью к Родине и сердечным расположением к солдату; наметьте путь, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того, чтобы они сделались искренними

что голос этого съезда действительно выражал истинное настроение офицерства, а не те заявления, которые раздавались со стороны офицеров-демагогов, пытавшихся, подыгрываясь к солдатской толпе, делать революционную карьеру. Фальсификация офицерского голоса была очень на руку лидерам крайних революционных партий. В наиболее крупном масштабе такая фальсификация имела место в Петрограде, где офицерский состав, совершенно морально подавленный, покорно шел по указке демагогов.

и сердечными Вашими товарищами. Устраните ту рознь, какая искусственно посеяна в нашей семье.

В настоящее время — это общая болезнь... Что за дело, что масса армии искренно, честно и с восторгом приняла новый порядок и новый строй.

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам Великой Армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит Вас и даст силы к работе».

Сейчас вслед за этой речью, ген. Алексеев был удален с должности Верховного Главнокомандующего. Левая и крайняя революционные партии усмотрели в ней начало контрреволюции. По существу дела они были правы. Вследствие того непротивленства, которое проявляли с самого начала революции либеральные и умеренные круги нашей общественности, с их стороны нельзя было ожидать какого-либо противодействия дальнейшему углублению революции. Таковое могло явиться лишь из той части этой же интеллигенции, которая была гораздо более действенно настроена, то есть из среды офицерства.

Удаление генерала Алексеева и замена его оппортунистом — генералом Брусиловым, могли лишь усилить недоверие офицерского состава к Временному правительству. В красивой речи генерала Деникина, бывшего в это время начальником штаба генерала Алексеева, сказанной им при закрытии вышеупомянутого офицерского съезда, звучат уже враждебные Правительству нотки.

Речи генералов Алексеева и Деникина являются очень важными документами для историка, желающего увидеть психологические истоки русской контрреволюции. В этих истоках нет даже и тени каких бы то ни было реставрационных вожелений. Главенствует и всё собою покрывает лишь одна идея: спасти разрушающуюся Государственность и наиболее яркое ее выражение во время войны — Армию. Подтверждением того, что авторам обеих цитированных речей удалось понять то, что происходило в душе нашего рядового офицера, которому было суждено сыграть столь действенную роль в контрреволюционном движении, служит сама жизнь: и генерал Алексеев, и генерал Деникин стали впоследствии главными вождями так называемого «Белого» движения.

Это отсутствие какого-либо реставрационного оттенка в истоках русской контрреволюции показывает, что эти истоки оказались лежащими не в пластах наших право-политических группировок, а в пластах нашей либеральной интеллигенции. Будучи всегда государственно настроенной, несмотря на свою малую приспособленность к борьбе, она, силой самой жизни, выделила из себя те наиболее действенные соки, в которых и начался бродильный процесс, создавший первые противодействующие разрушительной стихии революции силы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 6

Декларация Временного правительства

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении воинской дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий.

Приложение № 7

ПРИКАЗ № 1, выпущенный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 14 (1) марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах воен-

ного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2 сего марта¹.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной Комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и **ни в коем случае не выдаваться офицерам** даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов

Приложение № 8

Выдержки из речи военного министра А. И. Гучкова,

сказанной им на съезде делегатов фронта 12 мая (29 апреля) 1917 г.

В военном ведомстве давно свили себе гнездо злые силы — протекционизма и угодничества. С трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывал, что нас ждут неудачи, если мы не примем

¹ 15 марта по нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

героических мер... для изменения нашего командного состава... Наши опасения к несчастью оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сделал попытку убедить власть сделать необходимое, но вместо этого меня взяли под подозрение... Нашей очередной задачей (с началом революции) было дать дорогу талантам. Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были не способны проникнуться новыми формами отношений, и в течение короткого времени в командном составе нашей армии было произведено столько перемен, каких не было, кажется, никогда ни в одной армии... Я сознавал, что в данном случае милосердия быть не может, и я был безжалостен по отношению к тем, которых я считал неподходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, было даже десятки, но я советовался с людьми знающими и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением. Во всяком случае всё, что есть даровитого в командном составе, выдвинуто нами. С иерархией я не считался. Есть люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчас командуют армиями... Этим мы достигли не только улучшения, но и другого, не менее важного: провозглашение лозунга «дорогу таланту» ...вселило в души всех радостное чувство, заставило людей работать с порывом, вдохновенно...

Приложение № 9

**«Декларация прав солдата», отданная военным министром
А. Ф. Керенским в Приказе по Армии и Флоту
22 (9) мая 1917 года**

Приказываю ввести в жизнь армии и флота следующие, согласованные с п. 2 декларации Временного Правительства от 7 марта¹ с. 2. положения об основных правах военнослужащих:

1) Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2) Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.

3) Каждый военнослужащий во внеслужебное время имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

4) Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование и при-

¹ 20-го по нов. стилю — *Прим. Н. Н. Г.*

нуждаем к присутствию при богослужениях и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве не обязательно.

5) Все военнослужащие в отношении своей переписки подчиняются правилам, общим для всех граждан.

6) Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.

7) Всем военнослужащим предоставляется право ношения гражданского платья вне службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всех военнослужащих, находящихся в Действующей армии и в военных округах, расположенных на театре военных действий.

Право разрешать ношение гражданского платья военнослужащим в некоторых крупных городах, находящихся на театре военных действий, предоставляется главнокомандующим армиями фронтов или командующим флотами. Смешанная форма ни в каком случае не допускается.

8) Взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской дисциплины на чувстве достоинства граждан свободной России и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

9) Особые выражения, употребляющиеся как обязательные для ответов одиночных людей и команд вне строя и в строю как, например, «так точно», «никак нет», «не могу знать», «рады стараться», «здравия желаем», «покорно благодарю» и т. п. заменяются общеупотребительными: «да», «нет», «не знаю», «постараемся», «здравствуйте» и т. п.

10) Назначение солдат в денщики отменяется.

Как исключение, в Действующей армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом) офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству **разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового и лица, к которому он назначается, с платой также по соглашению**, но не более одного вестового на каждого из упомянутых чинов.

Вестовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются как в Действующей армии, так и во внутренних округах и назначаются на тех же основаниях, как и вестовые для личных услуг.

11) Вестовые для личных услуг не освобождаются от боевой службы.

12) Обязательное отдавание чести как отдельными лицами, так и командами отменяется.

Для всех военнослужащих взамен обязательного отдания воинской чести устанавливается взаимное добровольное приветствие.

Примечание: 1. Отдание воинских почестей командами и частями при церемониях, похоронах и т. п. случаях сохраняется; 2. Команда «смирно» остается во всех случаях, предусмотренных строевыми уставами.

13) В военных округах, не находящихся на театре военных действий, все военнослужащие в свободное от занятий службы и нарядов время имеют право отлучаться из казармы и с кораблей в гавани, но лишь осведомив об этом соответствующее начальство и получив надлежащее удостоверение личности.

В каждой части должна оставаться рота или вахта (или соответствующая ей часть) и, кроме того, в каждой роте, сотне, батарее и т. п. должна оставаться еще и ее дежурная часть.

С кораблей, находящихся на рейдах, увольняется такая часть команды, какая не лишает корабля возможности, в случае крайней необходимости, немедленно сняться с якоря и выйти в море.

14) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями.

15) Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья не допускаются¹.

Примечание: из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется.

16) Применение наказаний, не упомянутых в уставе дисциплинарном, является преступным деянием, и виновные в нем должны предаваться суду. Точно так же должен быть предан суду всякий начальник, ударивший подчиненного в строю или вне строя.

17) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут телесному наказанию, не исключая и отбывающих наказания в военно-тюремных учреждениях.

18) Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности

¹ Таковых в Русской Армии не было, и закон и раньше предусматривал и карал эти правонарушения. — *Прим. Н. Н. Г.*

и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной части. **Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях** (приказы по воен. ведомству 16 апр.¹ № 213 и 8 мая^{II} с. г. № 274) **принадлежит выборным войсковым организациям.**

Объявляя настоящее общее положение, предписываю принять его (как и правила, установленные приказом по военному ведомству с. г. № 114) в основании при пересмотре уставов и законоположений, определяющих внутренний быт и служебную деятельность военно-служащих, а равно дисциплинарную и уголовную их ответственность.

Военный и морской министр А. КЕРЕНСКИЙ

Приложение № 10

Отчет соединенного заседания

Временного правительства и Исполнительного Комитета

Совета рабочих и солдатских депутатов 17 (4) мая,

на котором были заслушаны доклады Верховного Главнокомандующего ген. Алексеева и Главнокомандующих: Юго-Западным фронтом ген. Брусилова, Северным фронтом генерала А. М. Драгомирова, Румынским фронтом генерала Щербачева и Западным фронтом генерала В. Гурко

Генерал Алексеев. Я считаю необходимым говорить совершенно откровенно. Нас всех объединяет благо нашей свободной родины. Пути у нас могут быть различны, но цель одна — закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее, хотя бы и уставшей и потерпевшей, но отнюдь не искалеченной.

Только победа может дать нам желанный конец. Тогда только возможна созидательная работа. Но победу надо добыть; это же возможно только в том случае, если выполняются приказания начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа.

Сидеть в окопах — не значит идти к концу войны. Противник снимает с нашего фронта и спешно отправляет на англо-французский — дивизию за дивизией, а мы продолжаем сидеть. Между тем обстановка наиболее благоприятна для нашей победы. Но для этого надо наступать.

Вера в нас наших союзников падает. С этим приходится считаться в области дипломатической, а мне особенно в области военной.

¹ 29-го по нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 21-го по нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

Казалось, что революция дает нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно. Лозунг — «без аннексий и контрибуций» приводит толпу к выводу — «для чего жертвовать теперь своею жизнью».

Вы спросите, — где же власть, где убеждения, где, может быть, даже физическое принуждение? Я должен сказать, что реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии. Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал. Этому способствует и недостаток снабжения. Надо учесть еще и происшедший в армии раскол. Офицерство угнетено, а между тем именно офицеры ведут массу в бой. Надо подумать еще и о конце войны. Все захочет хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядок произвела недавно на железных дорогах масса отпускных и дезертиров. А ведь тогда захотят одновременно двинуться в тыл несколько миллионов человек. Это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно. Имейте еще в виду, что возможен при демобилизации и захват оружия.

Главкомандующие приведут вам ряд фактов, характеризующих положение армии. Затем я дам заключение и выскажу наши пожелания и требования, выполнение которых является необходимым.

Генерал Брусилов. Прежде всего, я должен нарисовать вам, что представляет собою офицерский и солдатский состав армии в данное время. Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили 50 % кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армий. Большие потери — убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров — всё это привело к тому, что попадают полки, где состав обернулся 9—10 раз, причем в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2—4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры — молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду неопытности.

И вот на эту среду выпала задача переустроиться на новый лад. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворот, необходимость которого чувствовалась, который даже запоздал, упал все-таки на неподготовленную почву. Мало развитой солдат понял это, как освобождение «от офицерского гнета». Офицеру же нанесли обиду — его

лишили прав воздействия на подчиненных. Начались недоразумения. Были, конечно, виноватые из старых начальников, но все старались идти навстречу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это влиянием со стороны. Приказ Совета № 1 смутил армию. Приказ № 2 отменил этот приказ для фронта. Но у солдат явилась мысль, что начальство что-то скрывает — одни хотят дать право, другие отнимают.

Офицеры встретили переворот радостно. Если бы мы не шли навстречу перевороту так охотно, то может быть он не прошел бы так гладко. А между тем оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам осталось довольствоваться только ролью каких-то париев свободы.

Свобода на несознательную массу подействовала одурачивающе. Все знают, что даны большие права, но не знают какие, не интересуются и обязанностями. Офицерский состав оказался в трудном положении. 15—20 % быстро приспособились к новым порядкам по убеждению; вера в них солдат была раньше, сохранилось и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75 %, не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Мы принимаем меры освободить их из этой скорлупы и слить с солдатами, так как офицеры нужны нам для продолжения войны, а других офицеров у нас сейчас нет. Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить — всё это мешает взаимному пониманию. Необходимо разъяснить и внушить массе, что свобода дана всем. Я знаю солдата 45 лет, люблю его и постараюсь слить с офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и особенно Совет солдатских и рабочих депутатов также должны приложить все силы, чтобы помочь этому влиянию, которое нельзя отсрочивать во имя любви к родине.

Это необходимо еще и потому, что заявление «без аннексий и контрибуций» необразованная масса поняла своеобразно.

Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк и, когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мной появился плакат — «Мир во что бы то ни стало, долой войну».

При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: «Сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил: «Мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника».

В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей: зачем же калечиться?»

Но этот случай единичный. Чаще войска, особенно находящиеся в резерве, отзывчиво относятся ко взглядам о необходимости продолжать войну.

Воззвания противника, написанные хорошим русским языком, братанье с противником и распространяемая в большом количестве экземпляров газета «Правда» приводят к тому, что, несмотря на то, что офицерский состав желает драться, влияния он не имеет. Наступление является поэтому делом чрезвычайно трудным.

Необходима дисциплина; нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитет офицеров Правительству и Совету. Если этого не будет, то исчезнет что есть.

Наступление или оборона? Успех возможен только при наступлении. При пассивной обороне всегда прорвут фронт. Если войска дисциплинированы, то прорыв можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированных войск нет, они не обучены, офицеры не имеют власти. Успех противника при таких условиях легко может повести к катастрофе. Поэтому необходимо внушить массе взгляд, что надо не обороняться, а наступать.

Один из выдающихся корпусов занимал пассивный участок. Когда его хотели сменить, с целью поставить на активный участок, то корпус отказался уйти, желая остаться на прежнем участке, и одновременно разослал телеграммы «всем».

Армия должна знать, что неисполнения приказаний никто не одобряет, и тогда дисциплина, в размерах, необходимых нам для войны, восстановится. Я делаю всё. Но взываю к Совету помочь мне выполнить долг, так как мои усилия недостаточны.

Кроме того, наступлению мешает неподготовленность тыла: запасов продовольствия нет — мы живем изо дня в день; конский состав в ужасающем виде — есть даже падеж от бескормицы; не хватает обозов; отпущены рабочие руки, благодаря этому дороги в отчаянном состоянии; не хватает людей, тогда как противник увеличивает срок службы, мы же его уменьшаем.

Итак, нам недостает многого. Но все-таки численное превосходство на нашей стороне. Если противник справится с французами и англичанами, то затем бросится на нас, и тогда нам будет нехорошо.

Нам нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться, и мы приветствуем от всего сердца коалиционное правительство. Власть только тогда крепка, когда опирается на армию, олицетворяющую вооруженную силу народа.

Генерал Драгомиров. Я дополню картину, нарисованную генералом Брусиловым, оценкой положения на Риго-Двинском фронте, прикрывавшем Петроград. Распоряжения к нам приходили всегда позже,

опережаемые живой почтой. В армиях создалось впечатление, что начальство скрывает получаемые приказы, и создался раскол между офицерами и солдатами. После больших усилий удалось привести армию в более или менее нормальное состояние. Под словом «нормальное состояние» я понимаю лишь прекращение эксцессов.

Господствующее настроение в армии — жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедовать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям. Своеобразно поняв лозунг «без аннексий», не будучи в состоянии уразуметь положение различных народов, темная масса всё чаще и чаще задает вопрос: «Почему к нашему заявлению не присоединяется демократия наших союзников?» Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружение — «зачем нам, мы воевать не собираемся». Работы прекратились. Необходимо принимать даже меры, чтобы не разбирали обшивку в окопах и чинили дороги.

В одном из отличных полков на принятом участке оказалось красное знамя с надписью «мир во что бы то ни стало». Офицер, разорвавший это знамя, должен был спастись бегством. Целую ночь группы солдат-пятигорцев разыскивали по Двинску этого офицера, укрытого штабом.

Ужасное слово «приверженцы старого режима» выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много офицеров хороших, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться.

Но еще более опасны медленные, тягучие настроения. Страшно развился эгоизм. Каждая часть думает только о себе. Ежедневно приходит масса депутатий — о смене, о снабжении и т. п. Всех приходится убеждать и это чрезвычайно затрудняет работу командного состава. То, что раньше выполнялось беспрекословно, теперь вызывает целый торг. Приказание о переводе батареи на другой участок сейчас же вызывает волнение — «Вы ослабляете нас, значит, изменники». Когда оказалось необходимым вывести в резерв на случай десанта противника, ввиду слабости Балтийского флота, один корпус, то сделать это было нельзя, все заявляли — «мы и без того растянуты, а если еще растянемся, то не удержим противника». А между тем раньше перегруппировки удавались нам совершенно легко. В сентябре 1915 года с Западного фронта было выведено 11 корпусов, и это спасло нас от разгрома, который мог бы решить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагирует на малейшее изменение.

Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми

разнообразными предложениями: плохая погода; не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетов заинтересованных частей.

Наряду с этим сильно развилось искание места полегче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командиры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие, ради личных выгод, занять позицию.

При известии о том, что в одной из казачьих областей было наводнение, причем сильно пострадали несколько станиц, целый полк казаков потребовал отправления на родину. После переговоров удалось прийти к соглашению — отправить по два человека на взвод.

Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний. «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет; не дойдет и японец».

С отдельными лицами можно говорить, и удастся добиваться желательных результатов. Но с общим настроением удастся справляться лишь с большим трудом.

Недостойно ведет себя лишь очень незначительная часть офицеров, стараясь захватить толпу и играть на ее низменных чувствах. В одном из полков был вынесен приговор суда общества офицеров об удалении из полка одного из офицеров. Офицер этот, собрав группу солдат, апеллировал к ним, призывая заступиться за него, изгоняемого из полка за то будто бы, что он защищал солдатские интересы. С большим трудом удалось успокоить собравшуюся толпу солдат, но офицера пришлось оставить в полку.

Выборное право нигде не было проведено полностью, но явочным порядком местами вытесняли неугодных, обвинив их в приверженности к старому режиму, а местами оставили начальников, признанных безусловно непригодными и подлежащими увольнению. Не было никакой возможности заставить отказаться от просьб об оставлении таких непригодных лиц.

Что касается эксцессов, то были отдельные попытки стрельбы по своим офицерам.

Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вот уже два месяца армии наносятся тяжелые удары, и вместо пользы армии переворот принес колоссальный вред. Если так будет продолжаться дальше, то это — начало конца, армия прекратит существование, так как нельзя будет думать не только о наступлении, но даже и об обороне.

Чувство самосохранения развивается до потери самого элементарного стыда, принимает панический характер.

Из 14 дивизий описанные явления наблюдались в шести.

Немцы учили и отлично использовали появившееся у нас стремление к миру. В период развала и разрухи началось братание, поддерживавшее это мирное направление, а затем уже, с чисто провокационными целями, германцы стали присылать парламентаров.

Но есть явления и отрадные, и если мы получим поддержку, то разовьем их. Хорошо настроены отдельные национальности — латыши, поляки, украинцы.

Самое главное — вернуть командному составу авторитет. Во всех последних актах проглядывает забота только о солдате.

Мой отец еще в 60-х годах прошлого столетия начал борьбу за раскрепощение солдата и введение разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану Генерального штаба, Александр II сказал: «Я требую от тебя дисциплины, а не либеральных мыслей». Не мне — его сыну — стоять за сохранение старого порядка, но я не могу сочувствовать развалу армии. Всё, что теперь делается, губит армию. Единственное упоминание об офицерах — благодарность Гучкова — явилась как бы насмешкой над офицерами, попавшими в резерв.

Так больше продолжаться не может. Нам нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у нас почву из-под ног, потрудитесь ее теперь восстановить. Раз на нас возложены громадные обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести к победе миллионы порученных нам солдат.

Генерал Щербачев. Нас привело сюда сознание важности момента и лежащей на нас громадной ответственности. Нам необходимо воскресить былую славу Русской Армии, и мы глубоко убеждены, что уедем отсюда с твердой уверенностью, что наши доводы приняты во внимание.

Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены.

Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он не образован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже верных идей необходимо считаться.

Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий Русской Армии, заслужившую в прежних войсках название «железной» и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась

начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать.

Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление, — прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления.

Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной России доблестно дрались; свергнув же правительство, стремившееся к позорному миру, граждане свободной России не желают драться и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно. Но это так.

Причина — исчезла дисциплина; нет доверия к начальникам; Родина — для многих пустой звук.

Эти условия тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на Румынском фронте, где приходится считаться не только с более тяжелыми, чем на других фронтах, военными условиями, но и с очень запутанной политической обстановкой.

Горный, непривычный для равнинного жителя театр войны угнетающе давить на психику войск; часто слышатся голоса «заберите нас из этих проклятых гор». Продовольственные затруднения, создавшиеся благодаря тому, что приходится базироваться на одну железнодорожную линию, усиливают это недовольство. То, что мы ведем борьбу на территории Румынии, истолковывается как борьба «за Румынию», что также не встречает сочувствия. Не всегда доброжелательное отношение местных жителей истолковывается как нежелание помочь тем, кто сражается за них же. Возникают трения, иногда разрастающиеся вследствие того, что часть румын считает нас виновниками тех поражений, которые они понесли и из-за которых они лишились большей части своей территории и достояния.

Румынское правительство и представители союзников знают и учитывают происходящее у нас в армии брожение, и отношение к нам союзников меняется. Я лично замечаю, что между нами и союзниками пробежала кошка: нет прежнего уважения к нам, нет веры в мощь Русской Армии.

Я высоко держу власть, но если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен на наш счет.

В 1914 году мы прошли всю Галицию. В 1915 году при отступлении мы забрали на Юго-Западном фронте 100 000 пленных, — сами судите, что это было за отступление и каков был дух войск. Летом 1916 года мы

спасли от разгрома Италию. Неужели же теперь мы изменим общему делу союзников и принятым на себя обязательствам?

Развал в армии налицо, но он поправим. И если бы нам это удалось, то через 1 1/2 месяца наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдут вперед. История будет поражена, с какими ничтожными средствами мы добились блестящих результатов в 1916 году. Если вы хотите поднять Русскую Армию и превратить ее в мощный организм, который продиктует условия мира, то вы должны помочь нам. Дело поправимо, но лишь в том случае, если начальники получают одобрение и доверие. Мы надеемся, что вся верховная власть в армии будет передана Верховному главнокомандующему, который один может распоряжаться войсками. Мы исполним волю Временного правительства, но дайте нам могучую поддержку.

Генерал Гурко. С чувством грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитет военных начальников глубоко подорван. Я думал, что волна революции уже достигла верха и дальше пойдет улучшение, но — я ошибся.

Если вы хотите продолжать войну до желательного нам конца, то необходимо вернуть армии власть.

А между тем мы получили проект декларации. Гучков не нашел возможным подписать ее и ушел. Я должен сказать, что если штатский человек ушел, отказавшись ее подписать, то для нас, начальников, она неприемлема. Она создаст полное разрушение всего уцелевшего.

А ведь она должна дойти до самой маленькой ячейки — до роты.

Коснусь вопроса об отдавании чести. Можете назвать его приветствием, но оно должно быть обязательным. В самом элементарном обществе установлено взаимное приветствие и считается оскорблением, если один из знакомых умышленно не приветствует другого. Войдите в шкуру тех, кто на этой почве столкнется в бою. Какие отношения признаются декларацией нормальными, если узаконить это неуважение к начальнику.

Дом не строят из одних кирпичей. Если вы введете декларацию, то армия рассыплется в песок.

Надо торопиться. Время не терпит. Необходимо создать нормальные условия для совместной работы тех, кто вместе отдает Родине свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сделаете этого теперь, то скоро уже ничего не будет.

Я расскажу вам один эпизод из периода, когда я временно исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего.

13 февраля¹ с. г. я долго убеждал бывшего царя дать ответственное министерство. Как последний козырь я выставил наше международное

¹ 26 февраля по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

положение, отношение к нам союзников, указал на возможные последствия, но тогда моя карта была бита.

Наше международное положение я хочу охарактеризовать теперь.

Прямых указаний, как реагируют наши союзники на наш отказ от продолжения борьбы, нет. Мы не можем потребовать, чтобы они высказали свои сокровенные мысли, но подобно тому, как на войне нам часто приходится решать вопрос «за противника», так и здесь пытаемся разобраться, решая «за союзников».

Начать было легко, но волна революции захлестнула нас. Я надеюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживем все. Если же этого не будет, если союзники убедятся в нашем бессилии, то при принципах реальной политики у них будет единственный выход — заключить сепаратный мир. И при этом они даже не нарушат обязательств, так как ведь мы обязались драться совместно, а теперь стоим. Если же один дерется, а другой, как какой-то китайский дракон, сидящий в окопах, ожидает результата драки, то согласитесь, что у того, кто дерется, может возникнуть мысль о сепаратном мире. И этот мир будет заключен, конечно, на наш счет. От наших союзников австро-германцы ничего получить не могут — финансы расстроены, а естественных богатств нет; наши финансы тоже расстроены, но у нас есть огромные нетронутые естественные богатства. Но к такому решению союзники придут, конечно, в крайности, так как это будет не мир, а длительное перемирие. Отъехавшись на наш счет, воспитанные на идеалах 19 века, германцы вновь обрушатся на нас и наших бывших союзников.

Вы, может быть, возразите — если это возможно, то отчего бы не заключить наш сепаратный мир раньше. Тут я прежде всего затрону нравственную сторону. Ведь обязалась Россия, а не ее бывший самодержец. Мне был известен, когда вы этого еще не знали, факт двоедушия Романова, заключившего вскоре после 1904—1905 годов союз с Вильгельмом, когда еще действовал франко-русский союз. Свободный русский народ, сам ответственный за свои поступки, не может отступить от своих обязательств. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнем переговоры, то в тайне это остаться не может. Через 2—3 дня об этом узнают наши союзники. Они тогда также вступят в переговоры, и начнется аукцион — кто больше даст. Союзники, конечно, богаче нас, но борьба там еще не кончена, а кроме того, за наш счет наши противники могут получить значительно больше.

С точки зрения именно международного положения нам надо доказать, что мы еще можем воевать. Я не буду продолжать революционирования армии, так как если это продолжится, то мы можем оказаться не в состоянии не только наступать, но даже обороняться. Оборона еще гораздо труднее. В 1915 году мы отступали — начальники

приказывали и их слушали; вы могли требовать от нас, так как мы воспитали армию. Теперь положение иное — вы создали нечто совершенно новое и отняли у нас власть; накладывать теперь ответственность на нас нельзя — она ляжет всецело на ваши головы.

Вы говорите — «революция продолжается». Послушайте нас — мы больше знакомы с психологией войск, мы пережили с ними и славные и печальные страницы. Приостановите революцию и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг и довести Россию до состояния, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернем вам не Россию, а поле, где сеять и собирать будет наш враг, и вас проклянет та же демократия. Так как именно она пострадает, если победят германцы; именно она останется без куска хлеба. Ведь крестьяне всегда просуществуют своей землею.

Про прежнее правительство говорили, что оно «играет в руку Вильгельму». Неужели то же можно сказать про вас? Что же это за счастье Вильгельму. Играют ему в руку и монархи, и демократия.

Армия накануне разложения. Отечество в опасности и близко к гибели. Вы должны помочь. Разрушать легче, и если вы умели разрушить, то умейте и восстановить.

Генерал Алексеев. Главное сказано, и это правда. Армия на краю гибели. Еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние 2 1/2 месяца. Мы сделали всё возможное, отдаем и теперь все силы, чтобы оздоровить армию. Мы верим А. Ф. Керенскому, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь нам. Но этого недостаточно. Должны помочь и те, кто разлагал. Тот, кто издавал приказ № 1, должен издать ряд приказов и разъяснений.

Армия — организм хрупкий; вчера она работала; завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная твердая власть; без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен.

Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмешивайтесь. Если хотите, то назначьте таких, которые будут делать перед вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что без дисциплины армия не может существовать. Дух критики заливает армию и должен прекратиться, иначе он погубит ее.

Если будет издана декларация, то, как говорил генерал Гурко, все оставшиеся маленькие устои, надежды рухнут. Погодите, время будет. То, что уже дано, не переварено за эти 2 1/2 месяца. У нас есть уставы,

где указаны и права, и обязанности; все же появляющиеся теперь распоряжения говорят только о правах.

Выбейте идею, что мир придет сам по себе. Кто говорит — не надо войны, тот изменник; кто говорит — не надо наступления, тот трус.

У вас есть люди убежденные; пусть приедут к нам и не метеором промелькнут, а проживут и устранят сложившиеся предрассудки. У вас есть печать — пусть поднимет она любовь к Родине и потребует исполнения каждым его обязанностей.

Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то вспомните, что говорил генерал Гурко о нашем международном положении. Работать мы будем; помогите же нам и вы.

Кн. Львов. Мы выслушали слово главнокомандующих, понимаем все сказанное и исполним свой долг, во имя родины, до конца.

Церетели⁴³. Тут нет никого, кто способствовал бы разложению армии, кто играл бы в руку Вильгельма.

Я слышал упрек, что Совет способствовал разложению армии. Между тем все признают, что если у кого в настоящее время и есть авторитет, то только у Совета. Что было бы, если бы его не было? К счастью, демократия помогла делу, у нас есть вера в спасение.

Как идти вам? У вас могут быть два пути: один — отвергнуть политику Совета, но тогда у вас не будет никакого источника власти, чтобы собрать армию и направить ее для спасения Родины; другой путь — это путь верный, испытанный нами, путь единения с народными желаниями и чаяниями. Если командный состав не объяснил ясно, что вся сила армии, поставленной для защиты страны, в наступлении, то нет такой магической палочки, которая могла бы это сделать.

Говорят, что лозунг «без аннексий и контрибуций» внес разложение в армию, в массы. Возможно, что он был понят неправильно, но надо было разъяснить, что это — конечная цель; отказаться же от этого лозунга нельзя. Мы сами сознаем, что Родина в опасности, но защита ее — дело всего русского народа.

Власть должна быть единой и пользоваться доверием, но путь для этого — разрыв со старой политикой. Единение может быть основано только на доверии, которого ничем нельзя купить.

Идеалы Совета не есть идеалы отдельных кучек; это идеалы всей страны; отказаться от них — значит отказаться от всей страны.

Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа и ее надо было организовать.

Масса солдат хочет продолжать войну. Те, кто не хотят этого, не правы, и я не хочу думать, чтобы не хотели они из-за трусости. Это

результат недоверия. Дисциплина должна быть. Но если солдат поймет, что вы не боретесь против демократии, то он поверит вам. Этим путем можно спасти армию. Этим путем Совет укрепил свой авторитет.

Есть только один путь спасения — путь доверия и демократизации страны и армии. Совет заслужил **доверие** этим путем и имеет теперь возможность проводить **свои** взгляды, и пока это так, еще не все потеряно. Укрепляйте же доверие к Совету.

Генерал Алексеев. Не думайте, что пять человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренне присоединились и зовем вас к совместной работе. Я сказал — посылайте к нам лучших людей, пусть они работают вместе с нами. Мои слова звучали горечью, но не упреком. Не упрек, а призыв я посылаю Вам.

Скобелев. Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упрёки. Что происходит в армии, мы знаем. То положение, которое вы описали, действительно внушает тревогу. Достигнуть при всем этом конечных целей, выйти с честью из создавшегося положения, будет зависеть от величия духа русского народа.

Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим, и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были. Необходимо сказать правду: мероприятия командного состава привели к тому, что за 2½ месяца армия не уразумела происшедшего переворота.

Мы понимаем, что вам не легко. Но когда нам говорят — прекратите революцию, то мы должны ответить, что революция не может начинаться и прекращаться по приказу. Революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции, как верно здесь было определено, охватит всю Россию, когда ее уразумеют 70 % неграмотных.

Мы отнюдь не домогаемся выборного командного состава.

Мы согласны с вами, что у нас есть власть, что мы сумели ее получить. Но когда вы поймете задачи революции и дадите уразуметь народу объявленные лозунги, то получите ее и вы.

Народ должен знать, для чего он воюет. Вы ведете армию, чтобы разгромить врага, и вы должны разъяснить, что стратегическое наступление необходимо для осуществления заявленных принципов.

Мы возлагаем надежды на нового военного министра и надеемся, что министр-революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции в тех головах, в которых он протекает слишком медленно.

Военный министр Керенский. Я должен сказать присутствующим, как министр и как член правительства, что мы стремимся спасти страну и восстановить активность и боеспособность Русской Армии. **Ответственность мы берем на себя, но получаем право вести армию и указывать ей путь дальнейшего развития.**

Тут никто никого не упрекал. Каждый говорил, что он перечувствовал. Каждый искал причину происходящих явлений. Но наши цели и стремления — одни и те же. Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому Совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ.

Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело — спасти нашу свободу.

Прошу ехать на ваши посты и помнить, что за вами и за армией — вся Россия.

Наша задача — освободить страну до конца. Но этот конец сам не придет, если мы не покажем всему миру, что мы сильны своей силой и духом.

Генерал Гурко. Мы с вами (возражение Скобелеву и Церетели) рассуждаем в разных плоскостях. Главное, основное условие существования армии — дисциплина. Мерило стойкости части — это тот процент потерь, который она может понести, не теряя боеспособности. Я 8 месяцев пробыл в южноафриканских республиках и видел там части двух родов: 1) небольшие, дисциплинированные и 2) добровольческие, недисциплинированные. И вот, в то время как первые при потерях даже до 50 % продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторые, несмотря на то, что составлены были из добровольцев, отдававших себе отчет, за что они сражаются, уже после 10 % потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить их драться. Вот разница между войсками дисциплинированными и недисциплинированными.

Мы просим дать дисциплину. Мы всё делаем и убеждаем. Но не обходим и ваш авторитетный голос.

Надо помнить, что если противник перейдет в наступление, то мы рассыпаемся, как карточный дом.

Если вы не откажетесь от революционирования армии, то возьмите сами власть в свои руки.

Князь Львов. Цели у нас одни и те же, и каждый выполнит свой долг до конца. Позвольте поблагодарить вас, что вы приехали и поделились с нами.

НАРАСТАНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Вопрос о переходе Русской Армии в наступление

Решение Временного правительства продолжать войну до победного конца поставило перед ним и Высшим Командованием вопрос об исполнении взятых на себя до революции обязательств перед союзниками перейти в наступление весной 1917 г.

9 апреля (27 марта) Временное правительство опубликовало свою декларацию о задачах войны. «Оборона во что бы то ни стало нашего собственного достоинства, — заявляло оно, — и избавление страны от вторгшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа... Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов... но... не допустит, чтобы Родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства: **...при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников...**»¹

Последняя фраза подтверждала наше обязательство перейти в наступление.

Но через месяц в ноте от 1 мая (18 апреля) министра иностранных дел, переданной союзникам, задача Русской Армии формулируется уже иначе: «...всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы... усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче — **отражать врага, вторгшегося в самые пределы нашей родины**»².

Начальная фраза приведенной выше выдержки грешит оптимизмом, не отвечавшим действительности. Тем не менее, заключительная фраза говорит только об обороне.

Подробно изучая деятельность Временного правительства, беспристрастный историк должен констатировать факт, что в области стратегии, а в частности в вопросе о переходе Русской Армии в наступление, это Правительство всецело подчинилось мнению большинства наших стар-

¹ Жирн. наш. (Н. Н. Г.).

² Жирн. наш. (Н. Н. Г.).

ших генералов. В среде же последнего господствовала точка зрения, что наступление является единственным способом спасти Русскую Армию от дальнейшего разложения. Типичным представителем этой точки зрения являлся ген. Деникин, выдвинутый в первые же дни революции Временным правительством на ответственную должность Начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Вот как он обосновывает свой взгляд:

«Центральные Державы дошли до полного истощения <...> Если осенью 1916 года наступление наше, не увенчавшееся решительным стратегическим успехом, поставило враждебные армии в критическое положение, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношение их изменилось значительно в нашу пользу, а союзники к весне 1917 года заносили громовой удар над головами врагов...»

«...Мы не могли¹ не наступать... наше решение не наступать стало бы, несомненно, известно противнику, который немедленно начал бы переброску своих сил на запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных народов... Но проклятие предательства не дает счастья...»

«Наконец, Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, Русская Армия несомненно и быстро догнала бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством победы... Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед Государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и оправдывался целью — спасения Родины»^{II}.

Сам Верховный Главнокомандующий, генерал Алексеев, судя по его письму (№ 2188) к военному министру А. И. Гучкову, написанному 25 марта, держался иной точки зрения.

«Что касается до намечаемых мною совместно с союзными нашими армиями оперативных планов, — говорит он в этом письме, — то об этом в данную минуту говорить уже поздно, ибо решения были приняты на конференции в Шантильи 15-го и 16 ноября 1916 года и на конференции в Петрограде в феврале 1917 года. Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками — или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их»^{III}.

^I Жирн. ген. А. И. Деникина.

^{II} Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 1, с. 175–178.

^{III} Жирн. наш. (Н. Н. Г.).

«Обязательства эти сводятся к следующему положению: Русская Армия обязуется не позже, как через три недели, после начала наступления союзников, решительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вследствие организационных работ, расстройства транспорта и запасов, мы можем начать активные действия не раньше первых чисел мая».

«Данные Вашего письма говорят, что и этого **измененного обязательства мы исполнить не можем**^I. Без укомплектования начинать какую-либо операцию обширного размера немыслимо. Придется высказать союзникам, что ранее **июля** (по старому стилю. — *Примеч. Н. Н. Г.*) **они не могут на нас рассчитывать**^{II}, объяснив это теми или другими благовидными предложениями».

«Таким образом, сила обстоятельств приводит нас к выводу, что в ближайшие четыре месяца наши армии должны сидеть спокойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба операции».

Из этого письма мы можем заключить, что генерал Алексеев, хотя и в осторожной форме, высказывался против наступления.

Вернемся поэтому к мнению его ближайшего помощника генерала Деникина о необходимости наступления.

В основе стратегической части рассуждений последнего лежит ошибка. В самом деле, из слов ген. Деникина видно, что весь расчет на спасение Русской Армии был основан на одержании окончательной победы, приводящей к миру. Между тем в 1917 году война еще находилась в той стадии, когда применима была только стратегия изнурения и когда Наполеоновские сокрушающие удары, решающие сразу судьбу войны, были невозможны. В особенности же это было невозможно для Русской Армии, которая, несмотря на то, что вышла из катастрофы в боевом снабжении, все-таки оказывалась в 1917 году, по сравнению с далеко шагнувшей вперед в военной технике германской армией, более отсталой, нежели в 1914 году. Эта техническая отсталость Русской Армии не позволяла не только рассчитывать на сокрушающую победу на Русском фронте, но и вообще на большой и прочный успех, который, по словам ген. Деникина, оздоровил бы настроение армии «если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы». Наоборот, нужно было ожидать, что в лучшем случае наше наступление быстро замрет, не приведя ни к каким видимым для массы успехам.

Что касается нашего участия в совместном с союзниками наступлении весной 1917 года, то таковое с конца мая утрачивало стратеги-

^I Жирн. наш. (Н. Н. Г.).

^{II} Жирн. наш. (Н. Н. Г.).

ческий смысл. Дело в том, что предпринятое на французском театре так называемое наступление ген. Нивеля окончилось неудачей. 16 мая генерал Нивель был смещен с поста Главнокомандующего французской армией и заменен генералом Петеном. Последний перешел к формам стратегии «изнурения» (*guerre d'usure*). В этих условиях наше наступление представляло совершенно изолированную операцию и по существу говоря — стратегическую авантюру. То, что союзники продолжали настаивать на нашем наступлении, являлось лишь следствием их крайне эгоистического отношения к России, в которой они видели лишь неисчерпаемый резервуар людей, кровь которых может быть использована для их интересов. Циркулировавшая в это время среди русских солдат фраза, что «французы и англичане решили драться с немцами до последней капли крови... русского солдата», заключала в себе долю истины. Эгоистическое отношение союзников к России для всякого вдумчивого человека обнаруживалось в следующем факте. Союзники усиленно приветствовали русскую революцию как переход к демократическому строю, но при этом закрывали глаза на то, что проявление в России демократического начала должно было бы прежде всего выразиться в том, чтобы не продолжать войну, вопреки воле русского народа, ибо эта война была начата помимо волеизъявления народных масс. Между тем союзники вели в России усиленную пропаганду в пользу продолжения войны. Характерно, что толкать Россию на продолжение войны приезжали представители не только буржуазных партий, но и социалистических, как, например — г. Вандервельде и даже французский коммунист Кашен. Вся эта пропаганда имела отрицательные результаты. Она только увеличивала разлад между офицерами и солдатами, т. к. многие из этих приезжих союзных представителей, из желания понравиться солдатской массе, в своих речах подрывали престиж русского офицера. Автору пришлось быть непосредственным свидетелем подобной печальной роли, которую сыграли в русских армиях Румынского фронта такие почтенные деятели как уже упомянутый выше г. Вандервельде и французский министр снабжений, тоже социалист, г. Тома. На солдат они оказать никакого положительного влияния не могли, слишком были они далеки от мировоззрения русского простолюдина, но на нашу либеральную интеллигенцию и на оборончески настроенные круги социалистов, а также на командный состав армии, они оказали влияние, затруднив им понимание тех процессов, которые, в действительности, происходили в толще народной. Мы указывали уже в одной из предыдущих глав, что наша интеллигенция в своем понимании была более европейской, нежели русской. В нашем командном составе это сказалось в том, что в своих стратегических расчетах он ставил себе такие задания, которые выходили

из пределов русских возможностей. Так было и в рассматриваемом нами вопросе о переходе нашей армии в наступление.

Была еще и другая причина, также психологического характера, которая затемняла стратегическое мышление нашего командного состава, настаивавшего на переходе Русской Армии в наступление.

Если внимательно вчитаться в донесения военачальников в период первых месяцев революции, то во многих из них можно встретить заявления о том, что после переворота стремление к победе в войсках осталось, и даже в некоторых частях усилилось. Подобные заявления обуславливались двумя причинами. Одной из них являлось то, что с началом революции военачальники, доносившие обратное, считались «не понимающими духа времени» или даже брались под подозрение как «контрреволюционеры». Военный министр А. И. Гучков, а затем А. Ф. Керенский пачками увольняли таких начальников. Благодаря этому правдивость донесений была затруднена. Другой причиной была искренняя вера среди части командного состава, выдвинутого в первые месяцы революции на верхи управления, что революция — патриотическая, а вследствие этого была вера в творческие силы этой революции. Если вновь перечитать приведенные выше обоснования ген. Деникиным наступления Русской Армии, нельзя не убедиться, что в основе всех его рассуждений лежат не стратегические данные, а вера в революционный пафос. Мы обращаем внимание читателя, насколько даже в будущем виднейшем вожде русской контрреволюции было в начале революции искреннее ее приятие и в некоторых отношениях даже ее идеализация.

Подготовка к наступлению облегчает формирование контрреволюционной силы

Подготовка Русской Армии к наступлению не могла не отразиться на формировании контрреволюционных сил. В условиях готовящегося наступления внутренние противоречия в политике Временного правительства по отношению к Армии выявлялись более резко. В самом деле, энергично поддерживая идею наступления, оно этим самым предъявляло к Армии, а в частности к офицерам, усиленные требования; одновременно уступая на каждом шагу революционным требованиям солдат, оно потворствовало развалу Армии. Это обостряло чувства разочарования и недовольства офицерского состава Временным правительством и порождало в нем стремление собственными силами бороться против разрушительных сил революции.

Это настроение выразилось прежде всего в образовании в офицерской среде различных офицерских союзов. Вышеупомянутый офицерский съезд в Ставке в конце мая 1917 г. являлся ярким явлением этого рода.

Стремление офицерства бороться с разрушающими силами революции выразилось и в том, что часть офицерства вошла в состав стихийно создавшихся в войсковых частях солдатских советов, с целью использовать свое еще не вполне утраченное влияние на солдат. Нужно отдать справедливость генералу М. В. Алексееву, что он с самого начала использовал это обстоятельство. В этом духе и было написано его секретное письмо Главнокомандующим и Командующим армиями. В этом письме он рекомендовал ввести в солдатские советы офицерский элемент, дабы не оставлять темную солдатскую массу без руководства. Так было положено начало войсковым «комитетами», первый состав которых сыграл, в общем, положительную роль. Впоследствии эти «комитеты» под влиянием прогрессирующей деморализации армии переродились и превратились в демагогические солдатские советы. Но справедливость требует признать мудрость решения генерала Алексеева. Несомненно, что положение офицеров, имевших дело с войсковыми комитетами, было очень трудное, подчас даже трагичное.

Вдумчивые военачальники приняли все меры, чтобы через посредство «комитетов» восстановить свое влияние на солдатские массы. В этом отношении особенно умело действовал командующий Черноморским флотом адмирал Колчак⁴⁴. Этим способом он не только задержал на некоторое время разложение Черноморского флота, но даже матросы комитета этого флота (напр., матрос Баткин⁴⁵) посылались на сухопутный фронт для уговаривания армейских солдат.

Возможность влиять на солдатские массы через комитеты была широко использована для убеждения их в необходимости наступления. Это внушение получило большую силу, когда голос командного состава был поддержан Керенским и теми представителями Петербургского совета рабоч. и солд. депутатов, которые принадлежали к оборонческому крылу социалистических партий.

Проповедь наступления не могла быть построена иначе, как на призыве к патриотизму. Несомненно, что этот призыв был услышан в сильно поредевших рядах кадровых солдат (особенно в среде унтер-офицеров), которые вместе с воинским воспитанием восприняли и большее сознание государственности. И вот в Армии начался своеобразный процесс. Стали формироваться особые отборные части. Они получили различного рода наименования: революционных полков, батальонов смерти, ударных батальонов... В них собирались офицеры из тех разложившихся войсковых частей (в особенности из так называемых «третьих» дивизий, крайне неудачно сформированных как раз перед самой революцией и в силу этого разлагавшихся чрезвычайно быстро), в которых жизнь командного состава делалась совершенно невозможной. Вместе с этими офицерами уходило из этих частей и то

меньшинство солдат, в которых сознание воинского долга не было еще заглушено вакханалией революционного своеволия.

Уход офицеров и лучших солдат из разлагавшихся частей ускорял процесс их гниения. Но с другой стороны, эти офицеры и солдаты, оставаясь в своих частях, вследствие своей малочисленности, не могли бы остановить слишком далеко зашедший процесс разложения, и всё равно сами были бы осуждены на гибель. Собрание же этой «соли» Армии в отборных частях возрождало ее силу. А эта сила могла быть использована впоследствии для приведения в порядок или для роспуска бунтующих частей.

Действительно, вскоре же после начала этого процесса начали создаваться хотя и малочисленные, но отличные войсковые части. Уже в начале июня автору этой книги пришлось использовать их для обезоружения взбунтовавшейся в тылу 163-й пех. дивизии (одна из упомянутых выше «третьих дивизий»), объявившей в Кагуле независимую социалистическую республику с прапорщиком Филипповым во главе. Интересно отметить здесь, что наличие «твердых» частей привело к тому, что в вышеупомянутом случае не было пролито ни одной капли крови. Вскоре после этого произошли аналогичные случаи на Юго-Западном фронте (усмирение VII Сибирского корпуса).

По существу говоря, процесс формирования отборных частей представлял собою не что иное, как самозарождение действующей контрреволюционной силы. Прилагательное «революционный», которое неизменно сопутствует наименованию каждой из таких отборных частей, представляло собою не столько «защитную» окраску от взора крайних революционеров и разлагавшейся солдатской массы, сколько выражало искренний отказ этих частей от преследований каких бы то ни было реставрационных целей. Контрреволюционное значение этих формирований оставалось скрытым от большинства участников. Социологически этот процесс происходил бессознательно, т. е. стихийно. Даже Высшее Командование искренне не отдавало себе отчета в сущности этого процесса. Загипнотизированное идеей наступления, оно видело в нем только способ формирования ударных частей, которые будут первыми же брошены в атаку. Оно думало также, что формирование ударных частей из добровольцев вызовет патриотический пафос в солдатских и народных массах, подобно тому как это сделал призыв волонтеров во время большой французской революции. Представителем такого взгляда являлся ген. Брусилов в бытность его Главнокомандующим Юго-Западного фронта, на котором, как мы знаем, и предполагалось наносить главный удар. 4 июня (22 мая) он отдает по фронту приказ (№ 561), в котором говорится: «...Для поднятия революционного наступательного духа Армии является необходимым

сформирование особых, ударных, революционных батальонов, набранных из волонтеров в центре России, чтобы этим вселить веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов, с тем чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собою колеблющихся...»

Генерал Алексеев смотрел иначе. 3 июня (21 мая) он телеграфировал (№ 3813) генералу Брусилову: «Сбор в тылу Армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла наших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования...»

Генерал Алексеев оказался прав: с тыла не пришел полезный элемент. Те, кто ожидали другого, а именно того, что из страны придут массы энтузиастов-добровольцев, подобно тому как это было в свое время во Франции, ошибались в корне: скрытой, но, несмотря на это, главной движущей силой Русской революции 1917 года являлось нежелание народных масс продолжать войну.

Видел ли генерал Алексеев, что социологическая сущность процесса, выделения отборных частей, заключалась в том, что сам организм Армии вырабатывал в себе противоядие против отравления революционным ядом, мы не знаем. Ему не пришлось более высказываться по этому вопросу, так как в ночь на 4 июня (22 мая) в Ставку пришла телеграмма, удаляющая его с поста Верховного Главнокомандующего.

Пропаганда наступления, усиливая импульс для формирования отборных частей, ускоряла этим и созидание контрреволюционных сил. Однако необходимо констатировать и тот факт, что значительная часть Высшего Командования не отдавала себе в этом отчета, искренне веря, что патриотический пафос, с которым была принята революция в первые дни широкими кругами интеллигенции, заразил и народные массы. Это непонимание реального положения вещей было столь велико, что само же Высшее Командование готовилось послать в голову атакующих войск те ударные части, в которых собирались наиболее здоровые элементы Армии. При нежелании солдатской массы наступать эти отборные части были осуждены на неминуемую гибель. Иначе говоря, само же Высшее Командование готовилось собственными руками уничтожить первые ростки той силы, которая могла бы послужить ему опорой для обратного овладения властью над Армией. Не служит ли это убедительным доказательством того, насколько в самом зарождении активных контрреволюционных сил отсутствовал какой-либо заговор и насколько это зарождение происходило стихийно?

Но если пропаганда и подготовка к наступлению ускоряли процесс созидания контрреволюционных сил в Армии, то вместе с этим они

обостряли также и настроения на противоположном полюсе. Среди темных солдатских масс всё сильнее и сильнее прививалась мысль, что офицерский состав настаивает на наступлении исключительно из своих личных расчетов. Как ни нелепо было подобное мнение, но оно начало так настойчиво звучать на солдатских митингах, что командующий IX-й армией генерал Лечицкий⁴⁶ донес 3 мая (20 апреля) военному министру телеграммой (№ 01225) содержание одной записки, которая ходила по рукам солдат. Содержание этой записки тем более характерно, что, как это видно из полуграмотной формы изложения, ее текст был рожден в самой солдатской массе. Вот этот текст: «Братья, Просим вас не подписываться которому закону нас хотят погубить, хотят делать наступление, не нужно ходить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы не было нигде наступления по фронту, нас хотят сгубить начальство. Они изменники, наши враги внутренние, они хотят опять, чтобы было по старому закону. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалование, вот и они хотят сгубить нас, мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот побьют, нам всё равно не прорвать фронт неприятеля, нас тут всех сгубят, я разведчик хорошо знаю, что у неприятеля наставлено в десять рядов рогаток и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от пулемета. Нам нечего наступать, пользы не будет; если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт, передавайте братья и пишите сами немедленно...»

Таким образом, пропаганда и подготовка к наступлению усиливали расслоение между двумя органически неразрывными частями Армии: между офицерским и солдатским составами.

Провал июльского наступления вызывает некоторую временную депрессию в революционных настроениях

1 июля (18 июня) две центральные армии Юго-Западного фронта перешли в наступление. После отличной артиллерийской подготовки двинута была в атаку пехота. Впереди шли отборные части. Остальная пехота следовала неохотно, причем были такие случаи, когда полки, подойдя к покинутым неприятелем окопам, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия так разрушила эти окопы, что негде будет ночевать. Всё же, благодаря отличной работе артиллерии и самоотверженности отборных частей, в течение первых двух дней наступления намеченные для захвата участки неприятельской позиции были взяты. В дальнейшем XI-я и VII-я армии топчутся на месте, т. к. пехота явно не хочет наступать. «Считаю своим долгом донести, — телеграфирует Командующий XI-й армией, — что, несмотря на победу 18 и

19 июня¹, которая должна была укрепить дух частей и наступательный порыв, этого в большинстве полков не замечается и в некоторых частях господствует определенное убеждение, что они свое дело сделали и вести непрерывное наступление не должны».

Тем временем, 6 июля (23 июня) в дело вступила VIII армия, находившаяся на левом фланге Юго-Западного фронта. Командующий этой армией генерал Корнилов бросил для производства прорыва все свои отборные части. Повторилась та же самая картина: сразу наша атака имеет успех; но по мере продвижения вперед отборные части тают от потерь, а сзади идущая прочая пехота всё более и более разлагается. Самый небольшой нажим неприятеля заставляет всю VIII-ю армию, глубоко проникнувшую в расположение австро-венгров, в полном беспорядке отхлынуть назад.

К 14–15 июля (1–2 июля) наступление на Юго-Западном фронте замерло окончательно. На Северном и Западном фронтах, где должны были производиться удары второстепенного значения, солдатские массы еще резче выявили свое нежелание воевать. Там были полки, которые не только отказывались двигаться вперед, но даже препятствовали это делать другим, арестовывая походные кухни частей боевой линии и т. п.¹¹.

В результате там, где атаки все-таки состоялись, как это было на Юго-Западном фронте, потери, которые понесли войска, всецело пали на долю отборных (ударных) частей и тех немногочисленных пехотных полков, которые устояли еще от разложения. Таким образом, из строя выбыли как раз те элементы долга и порядка, опираясь на которые командный состав еще мог бы кое-как поддерживать в армии остатки воинской дисциплины. С уничтожением этих элементов армии представляли собою неустойчивые толпы, которые должны были побежать от первого же нажима неприятеля.

Такой нажим и был произведен немцами 19 (6) июля на Юго-Западном фронте... и армии Юго-Западного фронта панически хлынули назад, бросая артиллерию и запружая дезертирами все дороги. Как велико было их число, свидетельствует следующий факт. Один отборный батальон, уцелевший благодаря своему позднему прибытию в XI-ю армию, задержал в тылу этой армии за одну ночь в окрестностях Волочиска 12 000 дезертиров. Бегущие толпы солдат, предводительствуемые большевиками, производили на своем пути величайшие зверства. Они убивали попадавшихся офицеров, грабили местных жителей, насиловали женщин и детей, под большевицкие крики «режь буржуя».

¹ 1 и 2 июля нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ Донесение Главнокоманд. Северным фронтом; цитировано в книге «Разложение Армии в 1917 году», с. 181.

Впечатление, произведенное этой катастрофой, получившей наименование Тарнопольского разгрома, было настолько сильно, что вызвало резкое изменение в настроении войсковых комитетов Юго-Западного фронта. Характерной иллюстрацией такого изменения может служить телеграмма, которую 22 (9) июля послали Временному правительству комитеты и комиссары XI-й армии: «Начавшееся 6 июля¹ немецкое наступление на фронте XI-й армии разрастается в неимоверное бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед геройскими усилиями меньшинства, определился резкий и губительный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии всё возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них, — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Положение требует самых серьезных мер... Сегодня Главнокомандующим^{II}, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию...»

Как мы говорили выше, уже сама подготовка к наступлению вызвала одновременно с подъемом патриотизма в сознательных элементах Армии озлобление в темных солдатских массах, не желавших воевать. Когда же началось наступление, этот двойной процесс обострился. Большевики, поставившие свою карту на немедленное окончание войны, попытались использовать это обострение. 16 (3 июля), т. е. еще за два дня до Тарнопольского разгрома, произошло вооруженное выступление части Петроградского гарнизона против Временного правительства. В течение двух дней этот мятеж был легко прекращен несколькими выстрелами казачьей конной батареи, казачьими полка-

¹ 19 по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 21 (8) июля, т. е. накануне цитируемой телеграммы, Главнокомандующим Юго-Западным фронтом стал генерал Корнилов, заменивший на этом посту генерала Гутора. Эта замена произошла по требованию комиссара Юго-Западного фронта, социалиста-революционера и известного террориста Савинкова. В своей телеграмме Временному правительству Савинков сообщил, что, познакомившись в начале июля с деятельностью командующего 8-й армией генерала Корнилова, он пришел к заключению, что последний является наиболее подходящим человеком для восстановления дисциплины в Армии. («Архив Октябрьской революции»; Дело о Корнилове, № 27; лист 37; Показания Савинкова Следственной комиссии.)

ми и юнкерским батальоном¹. Быстрая ликвидация этого выступления обуславливалась отрицательным отношением к нему большинства Совета солдатских и рабочих депутатов. И без Тарнопольского разгрома, одно впечатление от провала наступления на фронте было достаточно, чтобы временно охладить революционный пафос этого совета, в котором оборонческое крыло социалистических партий не утратило еще своего влияния.

Когда в Армии и в стране распространились известия о Тарнопольском разгроме, то некоторое отрезвление от революционного угара первых месяцев революции распространилось и на менее сознательные элементы солдатских масс. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть, и это почувствовали многие из русских людей.

То, что катастрофа на Юго-Западном фронте оказала некоторое, хотя и временное, психологическое воздействие не только на солдатские комитеты, но и на самые солдатские массы, свидетельствует последовавшее за этой катастрофой уменьшение дезертирства. Правда, в нашем распоряжении могут быть лишь цифры, регистрирующие явное дезертирство. Как мы говорили в прошлой главе, наряду с явным дезертирством происходило дезертирство замаскированное, во много раз превосходившее явное; констатировать цифрами уменьшение этого скрытого дезертирства не представляется никакой возможности. Но само уменьшение явного дезертирства должно служить достаточным показателем.

Вот численность зарегистрированных штабами дезертиров в различные периоды^{II}.

С начала войны до начала революции:

195 130, что дает среднее в полмесяца **3423**

После начала революции до 15/28 мая:

85 921, что дает среднее в полмесяца **17 185**

С 15/28 мая до 1/14 июня..... 16 342

С 1/14 июня до 15/28 июня..... 11 213

С 15/28 июня до 1/15 июля..... 19 294

С 1/14 июля до 15/28 июля 23 864

С 15/28 июля до 1/14 августа 13 805

^I «Дни затмения», Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Половцева в 1917 году, с. 120—130.

^{II} Данные взяты из таблицы № 16 «Россия в мировой войне 1914—1918 года в цифрах». Центральное Статистическое управление; Отдел военной статистики. Москва, 1925.

Из этой таблицы мы видим, что кривая дезертирования, поднявшаяся сразу после начала революции, два раза затем падает; первый раз во второй половине июня (по новому стилю), второй раз — в первой половине августа (по новому стилю). Первое падение по сравнению с предшествующей цифрой измеряется 30 %, второе — 45 %. Это второе большое падение численности дезертирования происходит после польского поражения.

Августовское уменьшение дезертирства не является исключительным следствием мер, принятых генералом Корниловым для восстановления дисциплины. Оно является также следствием некоторого изменения в настроениях солдатских масс. Доказательством верности этого утверждения служит первое из отмеченных нами понижений дезертирования, имевшее место во второй половине июня; тогда никаких репрессивных мер для приостановки разложения армии не принималось, и это понижение может быть отнесено лишь к некоторому возбуждению патриотического чувства в солдатских массах под влиянием усиленно ведшейся в это время пропаганды наступления.

Приостановка в процессе разложения Армии, произошедшая под впечатлением неудачи июльского наступления, совпадает с периодом некоторого успокоения крестьянства.

Об этом свидетельствуют числа крестьянских волнений в течение первых пяти месяцев революции. Эти данные были напечатаны 7 сентября (25 августа) в газете «Рабочий»:

	В первой половине месяца ^I	Во второй половине месяца ^{II}
Март	3	9
Апрель	52	111
Май	175	337
Июнь	391	464
Июль	489	288

Рассматривая эти данные, мы увидим удивительное совпадение с приведенными выше данными о движении численности дезертирства.

В первой половине августа (по новому стилю — или во второй половине июля по старому) число крестьянских волнений сразу падает на 40 %. Как раз в этот же период времени, как мы видим, дезертирство в Армии уменьшается на 45 %.

^I По старому стилю — по новому же стилю это будет вторая половина месяца.

^{II} По старому стилю — по новому же стилю это будет первая половина следующего месяца.

В томе, посвященном исследованию крестьянского движения в 1917 году (в серии «Архива Октябрьской революции»), также встречается указание на то, что в августе аграрное движение стало спокойнее и число имений, захваченных движением, уменьшилось на 33 % против июльского.

Наступившее некоторое успокоение в крестьянской среде объясняется, конечно, также и временем уборки хлебов, когда, как общее правило, крестьянские волнения временно затихают.

Но вышеуказанное совпадение между уменьшением числа крестьянских волнений и дезертирства из Армии наводит на мысль, что поражение на фронте нашло свой отзвук и в крестьянских массах.

Таким образом, наступление, приведшее к поражению, сыграло своего рода положительную роль, вызвав в солдатских и народных массах проблески инстинкта государственного самосохранения. Однако не подлежит никакому оспариванию, — и это подтверждается всеми документами, — что подобный результат совершенно не входил в расчеты ни нашего командования, ни в расчеты тех политических кругов, которые поддерживали идею наступления.

Этот факт прибавляет лишнюю черту, характеризующую те стихийные пути, по которым надвигалась наша контрреволюция.

Но если неудавшееся наступление и вызвало какое-то временное отрезвление в части солдатских масс, то оно вместе с этим еще более дискредитировало в глазах этих масс идею продолжения войны. Дело в том, что вся пропаганда о необходимости наступления была построена на том, что продолжение войны возможно только при условии нашего наступательного образа действий. Понесенное в наступлении поражение вселило в солдатские массы убеждение в невозможности для нас наступать, а это, в свою очередь, явилось теперь новым аргументом для признания невозможности для масс продолжать войну.

Таким образом стремление к миру усилилось, и вопрос о скорейшем окончании войны стоял перед Временным правительством в более резкой форме, чем раньше.

Вот почему неправильно было бы назвать констатированное нами выше частичное отрезвление масс переломом в настроении. Вернее назвать его временной приостановкой в революционизировании. Такое затишье может быть и началом более длительного успокоения, но оно может быть также и затишьем перед новой вспышкой бури.

Признаком же надвигающейся грозы являлось другое психическое следствие неудавшегося наступления. Моральный авторитет высшего командного состава в глазах солдат был подорван, ибо всякое поражение подрывает таковой. Масса всегда рассуждает элементарно, да кроме того, в данном случае была и доля истины; в таких крупных стратегических опе-

рациях, как наступление целого фронта, в основе должен лежать элемент расчета, а не риска. Наше же высшее командование сильно погрешило в расчете. Масса это почувствовала. Уменьшение веры в свой командный состав в солдатских массах облегчало новое усиление влияния революционных партий. А потому можно было ожидать, что приостановившиеся в своем развитии революционные настроения начнут опять быстро нарастать. В особенности же потому, что с обострением стремления к миру влияние на эти массы легче всего могли получить большевики, усиленно проповедовавшие немедленную ликвидацию войны.

В офицерских кругах испытанное Армией поражение оказало иное действие. Оно обострило еще более те настроения, с которыми офицерство пошло в наступление. Ярким выразителем этих обостренных настроений явился тот же генерал Деникин на совещании министров и главнокомандующих, происходившем 29 (16) июля в ставке¹.

В красноречиво построенном докладе генерала Деникина проведены три основные идеи, которые являлись доминирующими в это время в среде офицерства Действующей Армии.

Идея первая — продолжать войну во что бы то ни стало. Хотя, говоря теперь о переходе к обороне, ген. Деникин противоречит тому, что он говорил, доказывая необходимость наступления (см. приведенную выше выдержку из его книги: «**Мы не могли не наступать...**»), но нам важно не это, а тот непоколебимый дух, который толкал наше офицерство продолжать борьбу с противником до победы, дух, присущий каждой доблестной армии; поэтому естественно, что решение об окончании войны должно было исходить не из среды командного состава, а должно было являться актом государственной мудрости и гражданского мужества самого Правительства.

Идея вторая — Правительство должно поставить ставку на офицера, а не на солдата; в обстановке, создавшейся в России, эта идея вытекала как логическое следствие из первой.

Идея третья — военная диктатура. Хотя генерал Деникин и не произносит этих слов, но требования, изложенные в пунктах 2-м, 3-м, 4-м, 5-м и 8-м, могли быть осуществлены только диктатурой, которая подразумевалась военной, потому что требования, перечисленные в вышеуказанных пунктах, могли быть осуществлены лишь военной силой. Слова генерала Деникина о том, что Верховный Главнокомандующий должен быть ответственным перед Временным правительством, являлись неосуществимым обещанием, ибо сам же генерал Деникин в конце своей речи показал не только озлобление, но далее высокую меру презрения

¹ Генерал Деникин был в это время Главнокомандующим армиями Западного фронта.

к Временному правительству; при таких моральных условиях влияние Временного правительства на Верховного Главнокомандующего, сосредоточившего в своих руках всю реальную силу, могло равняться только нулю. Доказательством верности нашего заключения может служить первая же телеграмма генерала Корнилова, назначенного через два дня после этого совещания Верховным Главнокомандующим. В этой телеграмме, посланной Временному правительству, он заявлял, что считает себя ответственным лишь «перед собственной совестью и всем народом».

Требования генерала Деникина представляли собою, если можно так выразиться, военную программу «максимум». Самый ход уже достаточно запущенного революционного процесса создавал для Временного правительства столь тяжелые «объективные условия», что даже при проявлении наибольшей доброй воли и наибольшей энергии оно бессильно было осуществить эту максимальную военную программу. Историкам важно констатировать здесь этот «максимализм», дабы понять, что он таил в себе начала близкого контрреволюционного взрыва. Причем опять приходится обратить внимание на то, что в основе этого «максимализма» не лежало никакой реставрационной идеи, а он являлся продуктом патриотизма, болезненно обостренного только что пережитым позором и ужасами поражения. В этом отношении речь генерала Деникина также весьма показательна. Глубокое страдание при виде гибнущей родины проявилось в его речи так ярко, что присутствующий на совещании глава Временного правительства А. Ф. Керенский, несмотря на то, что заключительные слова ген. Деникина были направлены по преимуществу по его адресу, все-таки не мог не понять истинных мотивов этой речи. Когда генерал Деникин кончил, А. Ф. Керенский встал и, пожав его руку, сказал: «Благодарю Вас, генерал, за Ваше смелое, искреннее слово»¹.

Обострение настроений офицерского состава выразилось в росте явных и скрытых офицерских союзов, организаций. Так, например, одно из коллективных обращений к генералу Корнилову от 13 августа (31 июля) исходило от десяти петроградских организаций:

1 — Военной лиги; 2 — Союза Георгиевских кавалеров; 3 — Союза воинского долга; 4 — Союза чести Родины; 5 — Союза добровольцев народной обороны; 6 — Добровольческой дивизии; 7 — Батальона свободы; 8 — Союза спасения Родины; 9 — Общества 1914 года; 10 — Республиканского центра.

Кроме того, существовали организации районные, полковые и т. д.¹¹.

¹ *Генерал Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 2, с. 186.*

¹¹ Там же, т. II, с. 27.

**В либеральных кругах июльские события
вызывают контрреволюционные настроения
и стремление к военной диктатуре**

Катастрофический провал нашего наступления особенно сильно отразился на настроениях нашей либеральной интеллигенции. Иллюзия, что революция открывает пути к победе, была разбита. Разрушающаяся армия тянула за собою в пропасть государство. Однако вопрос о мире остается для либеральной интеллигенции по-прежнему неприемлемым. Оставался тогда лишь один путь: экстренными и репрессивными мерами восстановить боеспособность армии. Но этого достигнуть можно было, лишь устранив зависимость Правительства от Советов солдатских и рабочих депутатов. Нарождалась идея диктатуры. Попытка мятежа Петроградского гарнизона только усилила это настроение. Наконец, проявившиеся сепаратистские тенденции Финляндии и на Украине вызвали опасения расчленения России: идея же ее Единства была столь же дорога нашим либеральным кругам, как и правым. Всё это вместе взятое направляло нашу либеральную интеллигенцию в русло борьбы против революции. Таким образом, тот же обостренный войной патриотизм, который побуждал наших либералов, из страха перед гражданской войной, к непротивленству революции, теперь толкал ее в противоположный лагерь — в лагерь нарождающейся контрреволюции.

На состоявшемся в начале августа в Москве съезде несоциалистических общественных групп настроения нашей интеллигенции получили свою формулировку. Общею мыслью и общим чувством представителей самых разнообразных политических групп и общественных течений, собравшихся на этом совещании, было «создание сильной национальной власти, которая спасет единство России»¹. Яркой нитью проходит через все постановления этого совещания протест против подмены «всенародных задач партийными». Настаивая на том, что патриотические мотивы играли основную роль в новых настроениях нашей либеральной интеллигенции, так же как и в прежних ее настроениях, мы вместе с этим не отрицаем значения и мотивов классового характера. Мы только считаем, что большинство исследователей Русской революции, ставящих на первое место классовые мотивы, грешат против исторической истины. В этой ошибке, несомненно, сказывается влияние экономического материализма с его стремлением объяснить все исторические события борьбой классов. В настроениях нашей

¹ Из вступительного слова докладчика организационной комиссии кн. А. Н. Трубецкого, одного из видных профессоров Московского университета и представителя либералов.

либеральной интеллигенции патриотические мотивы играли первенствующую роль и среди этих мотивов на первом месте — стремление к успешному окончанию войны. Последнее не мешает тому, что в новых настроениях нашей либеральной интеллигенции начинают звучать и классовые мотивы. Протест против «подмены всенародных задач партийными» получал также и более узкое толкование. Так, в газете «Речь» (орган конст.-демокр. партии, шедшей во главе нашей либеральной интеллигенции, в номере от 29 (16) июля) были напечатаны требования торгово-промышленных организаций. Параграф 4-й этих требований настаивал на том, что Врем. правительство не вправе предпринимать коренную ломку существующих социальных отношений до Учредит. Собрания. Говоря более общими словами, протест против «подмены всенародных задач партийными» превращался в требование ограничить революцию рамками «буржуазной революции».

Но на этом пути предстояло преодолеть сопротивление социалистических партий. Последние, под общим туманным наименованием «революционной демократии», были полными господами во всех советах, комитетах и подобного рода организациях. Дабы охарактеризовать создавшееся положение, мы приведем данные о составе состоявшегося в Петрограде в июне Всероссийского съезда представителей советов всей страны и армии.

В нем состояло:

Социалистов-революционеров.....	285
Социалистов-демократов меньшевиков	248
Социалистов-демократов большевиков.....	105
Интернационалистов	10 ¹
Внефракцион. социалистов	73
Объедин. социал-демократов	10
Бундовцев	10
Группы «Единства»	3
Народных социалистов	3
Трудовиков.....	5
Анархо-коммунистов	1

Таким образом в этом скрытом, но фактическом правительстве не было **ни одного не социалиста**¹.

Требования либеральных партий, чтобы Временное правительство «решительно порвало со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов и советов и других подобных организаций», могло

¹ В оригинале у А. И. Деникина: 32. — *Прим. ред.*

² *Деникин. Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 1, с. 107.*

быть осуществлено лишь в том случае, если эти требования могли быть поддержаны силой. Такой силой в условиях войны могла быть опять только армия. Теперь, когда либеральные партии решились вступить на арену действительной борьбы с революцией, это было ими осознано. «Теперь, — говорил П. Н. Милюков, один из виднейших лидеров нашей либеральной интеллигенции, — сознание государственных элементов вполне проявилось. Теперь ситуация ясна... Революционные партии... с самого начала развили тактику, точную формулировку которой я слышал тогда, в первые дни революции, от одного видного социалистического деятеля: всё зависит от того, за кем пойдет армия, за вами или за нами»¹.

К рассматриваемому нами времени армия уже расслоилась на два лагеря: на офицеров и солдат. Либеральные партии, решившие продолжать войну, могли ставить ставку только на офицеров, тем более что быстрое восстановление боеспособности армии требовало принятия быстрых и репрессивных мер против солдат. Подобное положение предreshало тесный союз между либеральной интеллигенцией, командным составом армии, а также ее тяготение не только к диктатуре, но к диктатуре военной.

Находится и генерал, в которого всё более и более начинает верить либеральная интеллигенция, видя в нем военного диктатора, могущего железной рукой остановить Армии и Ставку от дальнейшего развала. Это генерал Корнилов. Популярность последнего особенно возросла после того, как в газете «Русское Слово» (буржуазный московский орган, имевший наибольшее распространение во всей России) оказалась напечатанной его телеграмма от 24 (11) июля, которую он, минуя Верховного Главнокомандующего, послал сейчас же после вступления в должность Главнокомандующего Юго-Западным фронтом Временному правительству.

«Армия обезумевших темных людей, — говорилось в этой телеграмме, — не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит...»

«Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным правительством или если оно не сумеет этого сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди...»

«Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого, от первого дня сознательного существования донине, проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хотя и неспрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах

¹ Суханов Ник. Записки о революции, кн. 5-я (Летопись Революции).

в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины, и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшее дни».

«Необходимо немедленно, в качестве временной меры, исключительно вызываемой безвыходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий. Довольно! Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению для защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего».

Эта телеграмма возымела свое действие. На следующий же день в заседании Временного правительства закон о восстановлении смертной казни и о введении военно-революционных судов был единогласно принят и немедленно же по телеграфу введен в действие. Этот факт, в связи с самим тоном телеграммы, ставшей вопреки правилам военной цензуры достоянием печати, чрезвычайно поднял в кругах офицерства и либеральной интеллигенции, жаждавших скорейшего водворения порядка, престиж генерала Корнилова. Он был засыпан сочувственными телеграммами и письмами, выражавшими преклонение перед его патриотизмом и гражданским мужеством. Наоборот, негодование против Временного правительства в этих же кругах возросло и выражалось в довольно бурных формах¹. Как показывает внимательное изучение возникновения этой телеграммы, составление ее и передача в печать была сделана в ближайшем окружении генерала Корнилова с расчетом на этот ее двойной эффект.

Под давлением этих настроений, несмотря на антидисциплинарный характер телеграммы, Временное правительство назначает 1 августа (19 июля) генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим вместо генерала Брусилова.

Перелому в настроении нашей либеральной интеллигенции соответствует и некоторое оживление в правых кругах. В частных совещаниях членов Государственной Думы слышались речи ультраправых депутатов Пуришкевича и Масленникова. Большевицкие источники особенно муссируют это первое появление на поверхности политической жизни правых кругов, стремясь этим окрасить движение, которое собиралось вокруг ген. Корнилова, в проявление реставрации. На самом же деле это совершенно не отвечает действительности. Ген. Корнилов тщательно отгораживался от правых партий. Когда Пуришкевич пожелал видеть ген. Корнилова и последний принял его,

¹ Мартынов Е. И. Корнилов, с. 29.

то на следующий же день в газете «Русское Слово», поддерживавшей ген. Корнилова, было напечатано: «Прием депутата продолжался не более 2 минут и носил строго официальный характер». Да и сами голоса правых звучали теперь не призывами к реставрации, а лишь напоминали о гибнущей Родине. Идея восстановления монархического строя и им казалась совершенно нецелесообразной для текущего момента. Тот же В. Пуришкевич, впоследствии, на суде большевицкого трибунала, говорил: «Но как я мог покушаться на восстановление монархического строя — который, я глубоко верю, будет восстановлен — если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по-моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Больной Царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? Весь трагизм моего положения, как идеолога-монархиста, в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани». В этих словах В. Пуришкевича, убившего Распутина в целях освободить из-под его влияния Императора Николая II, заключается вполне искренняя формулировка настроения многих идейных монархистов в первый период революции.

Керенский на пути к диктатуре

В среде «революционной демократии», под влиянием катастрофы на фронте и вооруженного выступления Петроградского гарнизона, происходит депрессия и расслоение. Большевики, являвшиеся вдохновителями этого неудавшегося мятежа и скомпрометированные своими сношениями с Германским генеральным штабом¹, отталкивают от себя всех остальных социалистов. На них начинают смотреть как на врагов, с которыми не может быть мирных разговоров и соглашений^{II}. Особенно сильно проявляется депрессия в оборонческом крыле социалистов. Здесь большую роль играют также патриотические чувства. Историки противоположного лагеря не склонны видеть этого, применяя слово «патриотизм» исключительно в рамках своего собственного понимания этого слова. Между тем, стремление использовать революцию для

¹ Вот официальная формулировка Прокурора Петроградской Судебной палаты: с первых же дней организация Ленина «в целях способствования находящимся в войне с Россией Государствами во враждебных против нее действиях вошла с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации Русской Армии и тыла, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовала пропаганду среди населения и войск... а также в тех же целях в период времени 3—5 июля (по ст. ст. — Прим. Н. Н. Г.) организовала в Петрограде вооруженное восстание против существующей в Государстве Верховной власти».

^{II} Суханов Ник. Записки о революции, книги 4-я и 6-я.

изменения социального строя страны нисколько не противоречило горячей любви к Родине, так же точно, как и стремление либеральных партий изменить политический строй не противоречило таковой же их любви. Депрессия в социалистических партиях в связи с активным настроением либеральных кругов выдвигает вопрос о диктатуре и в самом Петроградском совете солд. и рабоч. депутатов. «Мы не должны закрывать глаза, — говорил Дан (один из видных лидеров соц.-демократ. меньшевиков), — что Россия стоит сейчас перед военной диктатурой. Мы обязаны вырвать штык из рук военной диктатуры. А это мы можем сделать только признанием Вр. правительства Комитетом общественного спасения. Мы должны дать ему неограниченные полномочия, чтобы оно могло в корне подорвать анархию слева и контрреволюцию справа... Не знаю, сможет ли уже правительство спасти революцию, но мы обязаны сделать последние попытки. Только в единении революционной демократии с правительством спасение России...»^I

При создавшейся после июльских событий обстановке «диктатура была объективно необходима», — пишет в своих «Записках о революции» социалист Суханов⁴⁷ II. Диктатура требовала диктатора. Находившийся во главе Вр. правительства кн. Львов совершенно не отвечал подобной роли. «Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленством в слащаво-елейный официальный оптимизм — это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера», — так характеризует близко наблюдавший кн. Львова его сотрудник во Вр. правительстве П. Н. Милюков^{III}. Тем более не годился он на роль «буржуазного диктатора», которого социалистические круги хотели противопоставить ожидавшемуся «военному диктатору».

21 (8) июля кн. Львов ушел, уступив место А. Ф. Керенскому. Последний понимал, на что идет, о чем свидетельствуют его слова, сказанные журналистам тотчас же по возвращении его из Действующей Армии, после неудачного ее наступления. «Главной задачей настоящего времени, — говорил он, — исключительного по тяжести событий, является концентрация и единство власти... Опираясь на доверие широких народных масс и армии, правительство спасет Россию и скует ее единство кровью и железом, если доводов разума, чести и совести окажется недостаточно...»^{IV}

Первые шаги Керенского проникнуты некоторой энергией. На следующий же день после ухода кн. Львова он потребовал от Исп.

^I Суханов Ник., кн. 5-я, с. 19.

^{II} Там же, с. 16.

^{III} Милюков П. Н. Россия на переломе, т. I, с. 82.

^{IV} Суханов Ник. Записки о революции, кн. 5-я, с. 17.

комит. Совета солд. и раб. депутатов признания «неограниченных полномочий для восстановления организации и дисциплины в Армии». Затем посыпался целый дождь репрессивных мер в тылу и на фронте. Большевики попрятались; населению было приказано выдать оружие. Кронштадт, представлявший собою всё время самый опасный очаг мятежа, принужден был выдать своих вождей. На фронте введена смертная казнь. «Краса и гордость революции», Балтийский флот приведен в некоторую субординацию. Многие из большевицких газет закрыты; введена военная цензура и произведено много арестов. Невский проспект увидел демонстрацию явно контрреволюционного характера: торжественные церковные похороны убитых казаков, подавлявших июльское восстание Петроградского гарнизона, и на этих похоронах присутствовало всё Правительство с Керенским во главе. «Диктатурой пахло в воздухе», — так оканчивает перечисление всех вышеуказанных мер П. Н. Милюков¹, очень строго относящийся к Керенскому и склонный видеть в нем главную причину всех дальнейших печальных событий нашей революции.

Вот характеристика, которую дает тот же П. Н. Милюков Керенскому в его диктаторской роли: «Он (Керенский) говаривал, что масса не умеет признавать власть «в пиджаке». Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе Наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремящий голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях»¹¹. Не подлежит спору, что многое в этой жестокой характеристике правильно. Верно и то, что Керенский — лишь «казался» таким человеком, который требовался. Он оказался много, много меньше той роли, которая на него выпадала. Но условия, в которых пришлось выступать Керенскому, настолько были трудны, что беспристрастный историк должен, восстанавливая картину происшедшего, с большим вниманием изучить объективные возможности выполнения Керенским возлагаемой на него роли.

Задания, возлагаемые на Керенского либеральной частью нашей интеллигенции, были:

- 1) Продолжать войну;
- 2) Остановить революцию на грани между политической и социальной.

Мог ли рассчитывать Керенский при таких заданиях «опираться на доверие широких народных масс и армии», как он говорил в упомянутой выше речи журналистам.

¹ Россия на переломе, с. 83.

¹¹ Там же, с. 82.

Многომиллионное крестьянство ждало земли; откладывание решения аграрного вопроса до Учредительного Собрания, идея которого вовсе не была близка сердцу крестьянина, не давало ему положительного ответа, поэтому всякая политическая партия, которая сулила ему немедленное же утверждение земли за ним, неминуемо привлекала его на свою сторону. Такую политику и вели большевики. Стало быть, если Керенский в области аграрного вопроса останется на прежней «непредрешенной» позиции Временного правительства кн. Львова, он не может приобрести доверие крестьянских масс.

Доверие армии! Но армия к этому времени уже расслоилась на два лагеря, и приходилось выбирать между ними. Рассчитывать на доверие солдат не приходилось, т. к. солдатская масса жаждала окончания войны. Нужно было идти в офицерский лагерь. Но там доверие к Временному правительству было уже подорвано, и там подрастали свои военные вожди; конкурировать с ними не приходилось.

Таким образом, положение Керенского по существу дела было безнадежное. Но то, что ясно теперь, когда события уже совершились, не было ясно тогда, когда они совершались. Ошибка, которую делала либеральная интеллигенция, заключалась в том, что она переоценивала моральное воздействие июльских событий на народные массы. Она применяла в этом отношении масштаб, который был годен только для нее самой. Выше мы указывали, что поражения на фронте оказали некоторые воздействия на крестьянские массы. Но отсюда еще далеко до решительного перелома в настроении. Вот как пишет об этом соц.-дем. Суханов¹: «Вообще говоря, июльская встряска очень немного коснулась провинции. Никакого перелома, никакого узла на линии развития революции июльские события здесь не образовали. Отклики «июля» были только в психологии верхов: кадеты^{II}, энесы^{III} и примыкающие играли на июльском разгроме перед лицом масс. Но массы, не видевшие воочию событий, реагировали слабо. Здесь продолжался «нормальный» процесс завоевания низов большевиками». В психологии солдатских масс Действующей Армии воздействие поражения было несравненно сильнее; мы об этом говорили уже выше. Но, говоря о настроении солдатских масс, приходится раздельно рассматривать Действующую Армию и те запасные части, которые оставались в стране. На настроение этой тыловой армии воздействие Тарнопольского разгрома было иное, ибо они тоже «не видали воочию» разыгравшееся на фронте бедствие. Здесь на изменение в настроении подействовало другое событие:

¹ Суханов Ник. Записки о революции, книга 5-я, с. 124.

^{II} «К.-Д.» — конституционные демократы (Прим. Н. Н. Г.).

^{III} «Н.-С.» — народные социалисты (Прим. Н. Н. Г.).

а именно подавление июльского Петроградского восстания. В этом отношении «особенно показательна депрессия, наступившая среди матросов красного флота. Флотские организации и общие собрания кораблей, вслед за частями гарнизона, стали обращаться с повинными, — с просьбами — «снять позорные обвинения...». Матросы выражали полную готовность беспрекословно подчиняться Правительству и только просили назначить следственную комиссию, чтобы те **сами** нашли зачинщиков»^I. Но так как в основе этой депрессии лежало не впечатление от поражения на фронте, а впечатление от подавления мятежа, то использовать такое настроение Керенский мог только в том случае, если бы в руках у него была сила. Устремления же тыловых солдатских масс оставались прежними: больше не воевать. Тот же Суханов, выдержку из записок которого мы приводили, где он говорит о малой отдаче июльских событий в провинции, пишет в другом месте: «Июльские события не могли остаться без отклика в провинции. В ряде городов отзвуки июльской катастрофы выразились в виде солдатских бунтов и вспышек...» Это «движение повсюду было подавлено довольно легко...». Но в окончательном результате «большевизм среди провинциальных гарнизонов разлился широкой рекой. Солдат решительно не хотел воевать...»^{II} В другом месте^{III}, описывая свою поездку в Ярославль, где он присутствовал на местном митинге, он определенно заявляет: «Вся солдатчина шла за большевиками».

Керенский решил осуществлять диктатуру, опираясь на советы. Но, как мы видели из вышеизложенного, оборонческие социалистические партии, составлявшие в них большинство, были осуждены на потерю влияния на массы, которые всё сильнее привлекали в свой лагерь не останавливающееся ни перед какими ложными обещаниями большевики. Таким образом, Керенский не обретал этим методом реальной силы для осуществления сильной и полной власти. Тем более что подобная политика возбуждала против него либеральные партии, в основе требований которых по существу дела лежал разгон советов, комитетов и тому подобных организаций. Политика Керенского могла вызвать только растущую враждебность друг к другу в обоих политических лагерях: либеральном и социалистическом. Личные же свойства Керенского усугубляли подобный эффект. Он уступал то одной, то другой стороне, прикрывая внутреннее противоречие своей политики звонкой фразой. В этом отношении характерны его две речи, произнесенные в один и тот же день (17 (4) августа) перед двумя собраниями.

^I Суханов Ник. Записки о революции, книга 5-я, с. 24.

^{II} Там же, с. 13, 14.

^{III} Там же, с. 124.

В министерстве внутренних дел он говорил, что «слишком много невежества и слишком мало опыта оказалось в том свободном народе» и что «всё, что мешает» правительству в его работе по осуществлению твердой власти, он будет считать «реакцией и контрреволюцией, какими бы... демагогическими взглядами... оно ни прикрывалось».

Увы, переехав из министерства в Смольный в новое помещение Исполн. комитета (Совета солд. и рабоч. депутатов) министр-председатель стал указывать контрреволюцию в ином месте и направил свои угрозы по другому адресу.

Московское Государственное Совещание

Не решаясь сделать выбор ни туда, ни сюда, Керенский, для сохранения собственной власти, балансировал между обеими сторонами. Самым наглядным выражением этой политики балансирования является собранное им в Москве 26–28 (13–15) августа Государственное Совещание. В состав его были приглашены в качестве членов: от Исполнит. комит. рабоч. и солд. депутатов — 100; от Совета крестьянских депутатов — 100; от фронтовых организаций — 100; от Государственной Думы всех четырех созывов — 300; от городских и земских самоуправлений — 400; от торгово-промышленных организаций — 120; от сельскохозяйственных и землевладельческих обществ — 100; от высших учебных заведений — 100; от рабочих профессиональных организаций — 75; от кооперативов — 300; от национальных организаций — 80; всего — 1925 делегатов.

«В зале и на сцене Большого театра состязались готовые разойтись окончательно лагеря русской общественности, довольно равномерно распределившиеся между правой и левой половинами обширного помещения. Когда хлопала ораторам одна половина, другая молчала или свистала. Никаких решений и не предполагалось выносить. Не было и голосований. Не предполагалось даже вначале и иных выступлений, кроме правительственных. Правительство делало смотр силам, противопоставляя левым правых и видя в этом средство — самому удержаться в середине. В действительности оно, потеряв уже левых, теперь теряло правых. Ибо за полтора месяца, протекших со времени июльских дней до Московского совещания, левые успели оправиться от смущения, а правые успели выставить своего кандидата в диктаторы...¹ Это был ген. Корнилов.

«...Керенский ехал на совещание, напуганный слухами, что не только военный заговор готовится, но что он уже созрел и провозглашение

¹ Миллюков. Россия на переломе, т. I.

диктатуры будет приурочено к самым дням совещания. Этим объяснялись его истерические угрозы «железом и кровью» по неизвестному адресу. Но это же сообщило особенный эффект выступлениям генералов Алексеева, Корнилова, Каледина⁴⁸. Впечатление силы осталось не на стороне правительства — и не на стороне поддерживавшей его части социализма... Большевики, герои будущего, отсутствовали в зале Большого театра. В общем итоге правительство опять получило внешнее признание и поддержку. Но авторитет его был в Москве поколеблен личным впечатлением, произведенным Керенским. Не государственный человек чувствовался за туманными угрозами и надутыми декларациями собственного могущества, а запуганный двусторонними опасностями, с трудом удержавший равновесие на той математической линии, на которой опасности сходились. Ясно было, что ни та, ни другая сторона не считает его вполне своим. На чью сторону он станет, когда эти стороны столкнутся в последней схватке над его головой? В Москве еще нельзя было найти окончательного ответа на этот вопрос. Ясно было лишь, что послеиюльский «диктатор успел сделать несколько шагов влево, хотя в то же время вся его тактика использования чрезвычайных полномочий сближала его с правыми»¹.

Вместо умиротворения Московское совещание подлило масло в огонь разгоревшихся политических страстей; противоречия между лагерями «либеральной» демократии и «революционной» демократии углублялись; атмосфера взаимного недоверия и болезненной подозрительности сгустилась. Член первой Гос. Думы, один из видных представителей русских либералов, В. Д. Набоков пытался внести умиротворение. Отвечая на запугивания Керенского «железом и кровью», он сказал знаменательные слова: «Не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах и выходит на улицу с оружием в руках. Страшна та контрреволюция, которая, под влиянием происходящих кругом ужасов, начинает зреть в наших сердцах и умах... Борьба с ней не есть борьба словами, как бы громки и сильны они ни были. С ней нельзя бороться железом и кровью. С ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти... Нам хотелось бы, чтобы был найден вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет, те слова, которые... должны звучать, как голос всей нации...» Но эти примирительные слова являлись, по существу говоря, приговором Керенскому.

В развитии русского контрреволюционного движения собранное Керенским Московское Государственное Совещание сыграло не только роль подтолкнувшую нашу либеральную интеллигенцию, и

¹ Миллюков. Россия на переломе, т. I, с. 85, 86.

вместе с нею офицерство, к скорейшему активному выступлению. Оно обрисовало облик другой силы, вовлекаемой в контрреволюционный лагерь. Это было казачество. Поэтому и наибольшее впечатление на собравшихся в московском Большом театре делегатов Государственного Совещания произвела речь недавно избранного Донским Казачеством атамана генерала Каледина, который в то же время явился на Московское Государственное Совещание уполномоченным представителем всех 11-ти^I казачьих войск. Вот как описывает это впечатление один из участников совещания^{II}.

«Вдумчивая, медленная, сдержанно страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемненных густыми темными бровями, серьезностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он никогда не смеется, с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной, благородной фигурой оратора».

«...Казачество не опьянело от свободы... — говорил ген. Каледин. — Оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине, с оружием в руках на полях битв и внутри, в борьбе с изменой и предательством». На раздавшиеся слева крики «контрреволюционер!» ген. Каледин, смотря в упор на вождей революционной демократии, спокойно продолжал^{III}: «Обвинение в контрреволюционности было брошено в казачество именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство, по призыву министров-социалистов, 3 июля^{IV} вышли, решительно как всегда, — с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства. Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов и предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан и грубого нарушения свободы слова, печати, собраний, казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности...

^I До революции существовало одиннадцать казачьих войск. Вот перечисление в порядке численности каждого из казачеств: Донское, Кубанское, Оренбургское, Терское, Забайкальское, Сибирское, Уральское, Семиреченское, Астраханское, Амурское, Уссурийское. Административное управление (на правах губернатора) каждым из этих казачеств было возложено на назначаемого Государем Императором Наказного Атамана. С началом революции все казачества вернулись к своей исторической традиции управляться Войсковыми Атаманами, выбранными Войсковыми кругами.

^{II} Милуков. История второй русской революции, т. I, вып. 2, с. 38.

^{III} Там же, с. 139.

^{IV} 16 по новому стилю. — Прим. Н. Н. Г.

казачество призывает все живые силы страны... к укреплению республиканского строя...

...Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы, комитеты, и отдающая себе отчет, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп... Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами должен быть немедленно и резко поставлен предел» ...И под продолжающиеся крики левой половины совещания «контрреволюционер!» он кончил свою речь так: «Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины».

Речь генерала Каледина и то, как она была принята представителями «революционной демократии», чрезвычайно характерны. Само содержание речи генерала Каледина показывает, что он был в значительно большей степени истинный демократ, чем те, кто кичливо называли себя в это время «революционными демократами». Последние, присоединяя к слову «демократия» слово «революционная», не замечали, что в условиях совершившейся уже политической революции они сходили с пути «истинной» демократии, вся сущность которой заключается в эволюционном развитии государственной и социальной жизни согласно свободно выявляемой воле всего народа. Будучи нелогичными по отношению к самим себе, они были еще более нелогичными по отношению к политическим противникам. Крики «контрреволюционер», которыми они сопровождали речь ген. Каледина, они применяли в смысле «реставратор». Они при этом не подозревали, что своим нестерпимо сектантским отношением они выковывали настоящую контрреволюцию и в лагерь этой контрреволюции они толкали генерала Каледина.

Нужно здесь предупредить читателя, что решительный тон речи генерала Каледина, более решительный даже, чем тон речи Корнилова, отвечал крайне решительному характеру этого генерала. Настроение представляемого им казачества в эти минуты далеко не было столь определено. Казачество в своих массах еще переживало революционный процесс. В его среде бурлили те же страсти, как и в среде солдатских и крестьянских масс, поэтому сейчас оно не могло представить собою ту силу, которая выступит бороться с разрушающими революционными силами во имя спасения всей России. В этом отношении речь ген. Каледина грешит преувеличением. Но у себя, на своих землях, против анархии в своей местной жизни казачество уже

начало бороться. Само избрание генерала Каледина, изгнанного из командующих армий генералом Брусиловым за его «несоответствие духу времени» (так квалифицировался в это время всякий начальник, не подыгрывавшийся к революции), не остановило Донское казачество избрать его атаманом. Самый факт этого избрания уже показывает разницу в ходе революционного процесса в солдатско-крестьянских массах и в казачьих. В силу особых исторических условий в местной жизни и в быту казачества сложилась и прочно прижилась демократическая традиция, которая и помогла ему «не опьянеть от свободы», как совершенно правильно сказал ген. Каледин. Также отвечал духу казачества глубокий демократизм речи ген. Каледина. Преувеличение Калединым готовности казачества с оружием в руках выступить против разлагающих государство сил оказало некоторое психологическое воздействие в том лагере, где стремились к скорейшему установлению военной диктатуры; оно вызвало там преувеличение возможностей и потому усилило и нетерпение.

Как оценивались шансы на успех в этом лагере, можно прочесть в телеграмме дипломатического представителя при Ставке кн. Гр. Н. Трубецкого⁴⁹, адресованной министру иностранных дел Терещенко⁵⁰. «Трезво оценивая положение, — говорится в этой телеграмме, — приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского корпуса и лучшие строевые части Армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу всё казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах — растущее недовольство существующим порядком, в большинстве же народной и городской массы — притупившееся ко всему равнодушие, которое подчиняется удару хлыста»¹.

Разыгравшиеся затем события показали, что этот прогноз оказался весьма далеким от действительности. Тем не менее, он представляет для историка большой интерес, т. к. объясняет ту легкость, с которой решился на свое выступление генерал Корнилов.

¹ Цитировано у Милюкова «Россия на переломе», т. I. с. 87, 88.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 11

Речь Главнокомандующего Западным фронтом генерала Деникина,
сказанная на совещании министров и главнокомандующих,
происходившем в Ставке (в Могилеве) 29 (16) июля 1917 года

С глубоким волнением и в сознании огромной нравственной ответственности я приступаю к своему докладу и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет мое слово теперь — при самодержавии революционном.

Вступив в командование фронтом, я застал войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство казалось странным тем более, что ни в донесениях, поступавших в Ставку, ни при приеме мною должности положение не рисовалось в таком безотрадном виде. Дело объясняется просто: пока корпуса имели пассивные задачи, они не проявляли особенно крупных эксцессов. Но когда пришла пора исполнить свой долг, когда был дан приказ о занятии исходного положения для наступления, тогда заговорил шкурный инстинкт, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизий не становились в исходное положение. Потребовалась огромная работа начальников всех степеней, просьбы, угрозы, убеждения... Для того чтобы принять какие-либо решительные меры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующих войск. Так прошел почти месяц. Часть дивизий, правда, исполнила боевой приказ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169 пех. дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8—10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство, грабежи, иногда убийства...

Я решился на крайнюю меру: увести в тыл 2-й Кавказский корпус (без 51-й пех. дивизий) и его и 169-ю пех. дивизию расформировать, лишившись таким образом в самом начале операции без единого выстрела около 30 тысяч штыков...

На корпусный участок кавказцев были двинуты 28-я и 29-я пех. дивизии, считавшиеся лучшими на всем фронте... И что же: 29 дивизия, сделав большой переход к исходному пункту, на другой день почти вся (два с половиной полка) ушла обратно; 28 дивизия развернула на позиции один полк, да и тот вынес безапелляционное постановление — «не наступать».

Всё, что было возможно в отношении нравственного воздействия, было сделано.

Приезжал и Верховный Главнокомандующий и после своих бесед с комитетами и выборными 2-х корпусов вынес впечатление, что «солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись...». Это неправда. Начальники в невероятно тяжелой обстановке сделали всё, что могли. Но г. Верховный главнокомандующий не знает, что митинг 1-го Сибирского корпуса, где его речь принималась наиболее восторженно, после его отъезда продолжался... Выступали новые ораторы, призывавшие не слушать «старого буржуя» (я извиняюсь, но это правда... Реплика Брусилова — «Пожалуйста»...) и осыпавшие его площадной бранью. Их призывы также встречались громом аплодисментов.

Военного министра, объезжавшего части и вдохновенным словом подымавшего их на подвиг, восторженно приветствовали в 28-й дивизии. А по возвращению в поезд его встретила депутация одного из полков, заявившая, что этот и другой полк через полчаса после отъезда министра вынесли постановление — «не наступать».

Особенно трогательна была картина в 29-й дивизии, вызвавшая энтузиазм, — вручение коленопреклоненному командиру Потийского пех. полка красного знамени. Устами трех ораторов и страстными криками потийцы клялись «умереть за Родину...». Этот полк в первый же день наступления, не дойдя до наших окопов, в полном составе позорно повернул назад и ушел за 10 верст от поля боя...

В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты.

Быть может, среди комиссаров и есть черные лебеди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрошеное и преступное вмешательство, не может не разлагать армии.

Я вынужден дать характеристику комиссаров Западного фронта. Один, быть может, хороший и честный человек — я этого не знаю, — но утопист, совершенно не знающий не только военной жизни, но и жизни вообще. О своей власти необычайно высокого мнения. Требуя от начальника штаба исполнения приказания, заявляет, что он имеет право сместить войскового начальника до командующего армией включительно... Объясняя войскам существо своей власти, определяет ее так: «Как военному министру подчинены все фронты, так я являюсь военным министром для Западного фронта...»

Другой — с таким же знанием военной жизни — социал-демократ, стоящий на грани меньшевизма и большевизма. Это известный докладчик военной секции Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который развал, внесенный в армию декларацией, счел недостаточным и требовал дальнейшей «демократизации»: отвода

и аттестации начальников, отмены второй половины § 14, предоставлявшей право применять оружие против трусов и негодяев, требовал свободы слова не только «во внеслужебное время», но и на службе.

Третий — не русский, по-видимому, с презрением относящийся к русскому солдату, подходил к полку обыкновенно с таким градом отборных ругательств, к каким никогда не прибегали начальники при царском режиме. И странно: сознательные и свободные революционные воины принимают это обращение, как должное; слушают и исполняют. Комиссар этот, по заявлению начальников, приносит несомненную пользу.

Другое разрушающее начало — комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многих комитетов, всеми силами исполняющих свой долг. В особенности отдельных членов их, которые принесли несомненную пользу, даже геройской смертью своею запечатлели свое служение Родине. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни в малейшей степени не окупит того огромного вреда, который внесло в управление армией многовластие, многоголовие, столкновения, вмешательства и дискредитирование власти. Я мог бы привести сотни постановлений, вносящих дезорганизацию, дискредитирующих власть. Ограничусь лишь более выпуклыми и характерными.

Совершенно определенно и открыто идет захват власти.

Орган фронтового комитета в статье председателя требует предоставления комитетам **правительственной** власти.

Армейский комитет 3-й армии в постановлении, поддержанном к моему удивлению командующим армией, просит «снабдить армейские комитеты полномочиями военного министра и Центрального комитета солдатских и рабочих депутатов, дающими право действовать от имени Комитета...».

При обсуждении знаменитой «декларации» по поводу § 14 мнения во фронтовом комитете разделились. Часть отвергла вторую половину его вовсе, другая потребовала добавления: «членам фронтового комитета предоставляется при тех же обстоятельствах право применять все меры до применения вооруженной силы включительно против тех же лиц и даже самих начальников». Вот куда идет дело...

В докладе секции Всероссийского съезда читаем требования, чтобы органам солдатских самоуправлений предоставлено было право отвода, аттестации начальников, **право участия в управлении армией**.

И не думайте, что это только теория. Нет. Комитеты захватывают в свои руки все вопросы — боевые, бытовые, административные. И это наряду с полной анархией во внутренней жизни и службе частей, вызванной сплошным неповиновением.

Нравственная подготовка наступления шла своим чередом.

Фронтовой комитет 8 июня^I вынес постановление — «не наступать»; 18 июня^{II} перекрасился и высказался за наступление. Комитет 2-й армии 1 июня^{III} решил не наступать, 20 июня^{IV} отменил свое решение. Минский совет рабочих и солдатских депутатов 123 голосами против 79-ти не разрешал наступать. Все комитеты 169-й пехотной дивизии постановили выразить недоверие Временному правительству и считать наступление «изменой революции» и т. п.

Поход против власти выразился целым рядом смещений старших начальников, в чем в большинстве случаев приняли участие комитеты. Перед самым началом операции должны были уйти командир корпуса, начальник штаба и начальник дивизии важнейшего ударного участка. Подобной участи подверглись в общем 60 начальников, от командира корпуса до командира полка...

Учесть всё то зло, которое внесено было комитетами, трудно. В них нет своей твердой дисциплины. Вынесенное отрядное постановление большинством голосов — этого мало. Проводят его в жизнь отдельные члены комитета. И большевики, прикрываясь положением члена комитета, не раз безвозбранно сеяли смуту и бунт.

В результате — многоголовие и многовластие; вместо укрепления власти — подрыв ее. И боевой начальник, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всех сторон — должен был властно и мужественно вести в бой войска...

Такая нравственная подготовка предшествовала операции. Развертывание не закончено. Но обстановка на Юго-Западном фронте требовала немедленной помощи. С моего фронта враг увел туда уже 3—4 дивизии. Я решил атаковать с теми войсками, которые остались, по виду хотя бы, верными долгу.

В течение трех дней наша артиллерия разгромила вражеские окопы, произвела в них невероятные разрушения, нанесла немцам тяжелые потери и расчистила путь своей пехоте. Почти вся первая полоса была прорвана, наши цепи побывали на вражеских батареях. Прорыв обещал разрастись в большую, так долгожданную победу...

Но... обращаюсь к выдержкам из описания боя.

«Части 28-й пех. дивизии подошли для занятия исходного положения лишь за 4 часа до атаки, причем из 109-го полка дошло лишь две с половиной роты с 4-мя пулеметами и 30 офицерами; 110-й полк дошел в половинном составе; два батальона 111-го полка, занявших щели, отка-

^I 21-го нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 1 июля нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} 4-го нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} 3 июля нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

зались от наступления; в 112-м полку солдаты целыми десятками уходили в тыл. Части 28-й дивизии были встречены сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем и залегли у своей проволоки, будучи не в силах продвинуться вперед; только некоторым частям штурмовиков и охотников Волжского полка со взводом офицеров удалось захватить первую линию, но вследствие сильного огня им удержаться не удалось, и к середине дня части 28-й дивизии вернулись в исходное положение, понеся значительные потери, особенно в офицерском составе. На участке 51-й дивизии атака началась в 7 часов 5 минут. 202-й Горийский и 204-й Ардагано-Михайловский полки, а также две роты Сухумцев, штурмовая рота Сухумцев и штурмовая рота Потийского полка быстрым натиском прорвались через две линии окопов, перекололи штыками их защитников и в 7 часов 30 мин стали штурмовать 3-ю линию. Прорыв был настолько стремителен и неожидан, что противник не успел открыть своевременно заградительного огня. Следовавший за передовыми полками 201-й Потийский полк, подойдя к первой линии наших окопов, отказался идти далее и, таким образом, прорвавшиеся части не могли быть своевременно поддержаны. Двигавшиеся вслед за Потийцами части 134-й дивизии, вследствие скопления в окопах Потийцев, а также вследствие сильного артиллерийского огня противника, задачи своей не выполнили и частью рассыпались, частью залегли в наших щелях. Не видя поддержки сзади и с флангов, Горийцы и Ардаганцы пришли в смущение, и некоторые роты, потерявшие убитыми офицеров, начали медленно отходить, а за ними все остальные, однако, без особенного давления со стороны немцев, которые только при отходе наших частей открыли по ним сильный артиллерийский и пулеметный огонь... Части 29-й дивизии не успели своевременно занять исходное положение, так как солдаты, вследствие изменившегося настроения, шли неохотно вперед. За четверть часа до назначенного начала атаки правофланговый 114-й полк отказался наступать; пришлось двинуть на его место Эриванский полк из корпусного резерва. По невыясненным еще причинам 116-й и 113-й полки также своевременно не двинулись...

После неудачи утечка солдат стала всё возрастать и к наступлению темноты достигла огромных размеров. Солдаты, усталые, изнервничавшиеся, не привыкшие к боям и грохоту орудий после стольких месяцев затишья, бездеятельности, братания и митингов, толпами покидали окопы, бросая пулеметы, оружие, и уходили в тыл...

Трусость и недисциплинированность некоторых частей дошла до того, что начальствующие лица вынуждены были просить нашу артиллерию не стрелять, так как стрельба своих орудий вызывала панику среди солдат...»¹

¹ Выдержки из описания боя штабом 20-го корпуса.

Вот другое описание командира корпуса, принявшего его накануне операции и поэтому совершенно объективного в оценке подготовки ее.

«...Всё для успешного выполнения наступления было налицо: обстоятельно разработанный план; могущественная, хорошо работавшая артиллерия; благоприятная погода, не позволявшая немцам использовать свое превосходство в авиационных средствах; перевес наш в силах, своевременно поданные резервы, обилие огнестрельных припасов, скажу еще — удачно выбранный участок для наступления, позволявший укрыто и близко от окопов расположить большое количество артиллерии, имевший благодаря сильно волнистому его характеру много скрытых подступов к фронту, незначительное расстояние между нашей линией и линией противника и, наконец, отсутствие естественных препятствий между линиями, которые требовали бы их форсирования под огнем противника. Кроме того, обработка солдат комитетами, начальством и военным министром Керенским, которая в конечном итоге сдвинула на самый трудный первый шаг.

Успех, крупный успех, был достигнут, да еще со сравнительно незначительными потерями с нашей стороны. Прорваны и заняты три линии укреплений; впереди оставались лишь отдельные оборонительные узлы, и бой мог скоро принять полевой характер; подавлена неприятельская артиллерия, взято в плен свыше 1400 германцев и захвачено много пулеметов и всякой добычи. Кроме того, врагу нанесены крупные потери убитыми и ранеными от артиллерийского огня, и можно с уверенностью сказать, что стоявшие против корпуса части временно выведены были из строя...

Всего на фронте корпуса редким огнем стреляло 3—4 неприятельских батареи и изредка 3—4 пулемета. Ружейные выстрелы были одиночные»...

Но пришла ночь...

«Тотчас стали поступать ко мне тревожные заявления начальников боевых участков о массовом, толпами и целыми ротами, самовольном уходе солдат с неатакованной первой линии. Некоторые из них доносили, что в полках боевая линия занята лишь командиром полка со своим штабом и несколькими солдатами...»

Операция была окончательно и безнадежно сорвана.

«...Пережив таким образом в один и тот же день и радость победы, достигнутой при условиях неблагоприятного боевого настроения солдат, и весь ужас добровольного лишения себя солдатской массой плодов этой победы, нужной Родине, как вода и воздух, я понял, что мы, начальники, бессильны изменить стихийную психологию солдатской массы, и горько, и долго рыдал...»¹

¹ Выдержки из описания боя 1-го Сибирского корпуса.

Эта бесславная операция, тем не менее, повлекла серьезные потери, которые теперь, когда каждый день возвращаются толпы беглецов, установить трудно. Через головные эвакуационные пункты прошло до 20 тысяч раненых. Я пока воздержусь от заключения по этому поводу, но процентное отношение рода ранения показательно: 10 % тяжело-раненых, 30 % в пальцы и кисть руки, 40 % прочих легкораненых, с которых повязок на пунктах не снимали (вероятно, много симулянтов) и 20 % контуженых и больных.

Так кончилась операция.

Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона **против 29 вражеских**; 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких.

И всё пошло прахом.

Из ряда донесений начальников можно заключить, что настроение войск, непосредственно после операции, такое же неопределенное, как было.

Третьего дня я собрал командующих армиями и задал им вопрос: «Могут ли их армии противостоять серьезному (с подвозом резервов) наступлению немцев?»

Получил ответ: «Нет».

«Могут ли армии выдержать организованное наступление немцев теми силами, которые перед нами в данное время?»

Два командующих армиями ответили неопределенно, условно. Командующий 10-й армией — положительно.

Общий голос: «У нас нет пехоты...»

Я скажу более.

У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала.

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4 месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования.

Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов — учреждения в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему.

Вскоре после своего нового назначения военный министр сказал мне:

— Революционизирование страны и армии окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа...

Я позволил себе доложить:

— Окончено, но несколько поздно...

Объявлена декларация прав военнослужащих. Все до одного военные начальники заявили, что в ней — гибель армии. Бывший Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев телеграфировал, что декларация — «последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии...» Бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом, генерал Брусилов здесь, в Могилеве, в совете главнокомандующих заявил, что еще можно спасти армию и даже двинуть ее в наступление, но лишь при условии — не издавать декларации.

Но нас никто не слушал.

Параграфом 3-м разрешено свободно и открыто высказывать политические, религиозные, социальные и прочие взгляды. Хлынула в армию политика.

Солдаты расформировываемой 2-й Кавказской грен. дивизии искренне недоумевали: «За что? Разрешили говорить, где хочешь и что хочешь, а теперь разгоняют...» Не думайте, что такое распространительное толкование «свобод» присуще лишь темной массе. Когда 169-я пех. дивизия нравственно развалилась, а все комитеты ее в крайне резкой форме выразили недоверие Временному правительству и категорический отказ наступать, я приказал расформировать ее. Но встретил неожиданное осложнение: комиссары нашли, что юридически здесь нет состава преступления, что на словах и на бумаге — всё можно. Нужно, чтобы было налицо фактическое неисполнение боевого приказа...

Параграфом 6-м установлено, чтобы все без исключения печатные произведения доходили до адресата... Хлынула в армию волна разбойничьей (большевицкой) и пораженческой литературы. Чем стала питаться наша армия, и, по-видимому, за счет казенной субсидий и народных денег, это видно из отчета «Московского военного бюро», которое одно снабдило фронт литературой в таких размерах:

С 24 марта^I по 1 мая^{II} выброшено 7972 экз. «Правды», 2000 экз. «Солдатской Правды», 30 375 «Социал-демократа» и т. д.

^I 6 апреля нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 14-го нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

С первого мая^I по 11 июня^{II}: 61 525 экз. «Солдатской Правды», 32 711 экз. «Социал-демократа», 6999 экз. «Правды» и т. д.

Того же направления литература была выброшена в деревню «через солдат»^{III}.

Параграфом 14-м установлено, что никого из военнослужащих нельзя наказывать без суда. Конечно, эта «свобода» коснулась лишь солдат, так как офицеров продолжали жестоко карать высшей мерой — изгнанием.

Что же вышло?

Главное военно-судное управление, не уведомив даже Ставку, ввиду предстоящей демократизации судов, предложило им приостановить свою деятельность, за исключением дел исключительной важности, как, например, измена. Начальников лишили дисциплинарной власти. Дисциплинарные суды частью бездействовали, частью бойкотировались (не выбирались).

Правосудие вконец было изъято из армии.

Этот бойкот дисциплинарных судов и поступившее донесение о нежелании одной части выбирать присяжных весьма показательны. Законодатель может столкнуться с таким же явлением и в отношении новых военно-революционных судов. И в этих частях присяжных необходимо будет заменить назначенными членами.

В результате целого ряда законодательных мер упразднена власть и дисциплина, оплеван офицерский состав, которому ясно выражено недоверие и неуважение.

Высшие военачальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются, как домашняя прислуга.

В одной из своих речей на Северном фронте военный министр, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой: «Я могу в 24 часа разогнать весь высший командный состав, и армия мне ничего не скажет».

В речах, обращенных к войскам Западного фронта, говорилось: «В царской армии вас гнали в бой кнутами и пулеметами... Царские начальники водили вас на убой, но теперь драгоценна каждая капля вашей крови...»

Я, главнокомандующий, стоял у пьедестала, воздвигнутого для военного министра, и сердце мое больно сжималось. А совесть моя говорила: «Это неправда. Мои железные стрелки, будучи в составе всего лишь восьми батальонов, потом двенадцати взяли более 60 тысяч пленных, 43 орудия... и я никогда не гнал их в бой пулеметами. Я не водил на убой войска

^I 14-го нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 24-го нов. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Отчет в газете «Фронт» № 25.

под Мезоляборчем, Лутовиско, Луцком, Чарторийском. Эти имена хорошо известны бывшему главнокомандующему Юго-Западным фронтом...»

Но всё можно простить, всё можно перенести, если бы это нужно было для победы, если бы это могло воодушевить войска и поднять их к наступлению...

Я позволю себе одну параллель.

К нам на фронт, в 703-й Сурамский полк приехал Соколов с другими петроградскими делегатами. Приехал с благородной целью бороться с тьмой невежества и моральным разложением, особенно проявившимся в этом полку. Его нещадно избили. Мы все отнеслись с негодованием к дикой толпе негодяев. Всё всполошилось. Всякого ранга комитеты вынесли ряд осуждающих постановлений. Военный министр в грозных речах, в приказах осудил позорное поведение сурамцев, послал сочувственную телеграмму Соколову.

Другая картина...

Я помню хорошо январь 1915 года, под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой, полковник Носков⁵¹, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел свой полк в атаку на отвесные неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадил его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли.

Я спрашиваю господина военного министра: обрушился ли он со всей силой своего пламенного красноречия, обрушился ли он всей силой гнева и тяжестью власти на негодных убийц, послал ли он сочувственную телеграмму несчастной семье павшего героя?

И когда у нас отняли всякую власть, всякий авторитет, когда обездушили, обескровили понятие «начальник», вновь хлестнули нас больно телеграммой из Ставки: «начальников, которые будут проявлять слабость перед применением оружия, смещать и предавать суду».

Нет, господа. Тех, которые в бескорыстном служении Родине полагают за нее жизнь, вы этим не испугаете.

В конечном результате старшие начальники разделились на три категории: одни, невзирая на тяжкие условия жизни и службы, скрепя сердце, до конца дней своих исполняют честно свой долг; другие опустили руки и поплыли по течению; а третьи неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со времен татарского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями.

Офицерский состав... мне страшно тяжело говорить об этом кошмарном вопросе. Я буду краток.

Соколов, окунувшийся в войсковую жизнь, сказал: «Я не мог и представить себе, какие мученики ваши офицеры... Я преклоняюсь перед ними».

Да. В самые мрачные времена царского самодержавия опричники и жандармы не подвергали таким нравственным пыткам, такому издевательству тех, кто считался преступниками, как теперь офицеры, гибнущие за Родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революции.

Их оскорбляют на каждом шагу. Их бьют. Да, да, бьют. Но они не придут к вам с жалобой. Им стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, в углу землянки не один из них в слезах переживает свое горе...

Неудивительно, что многие офицеры единственным выходом из своего положения считают смерть в бою. Каким эпическим спокойствием и скрытым трагизмом звучат слова боевой реляции:

«Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. В это время на редуте № 3 появился белый флаг. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед. Судьба их неизвестна — они не вернулись...»¹

Мир праху храбрых. И да падет их кровь на головы вольных и невольных палачей.

Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но, вместе с тем, по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную **казнь** для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления.

¹ Описание 38-го корпуса.

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро. Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но, по крайней мере, они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии.

Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас.

На этом новом крестном пути русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его — светлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не дает счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

Ведите русскую жизнь к правде и свету, — под знаменем свободы. Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

...Если в вас есть совесть.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ,

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть I.

**Зарожденіе Контръ-революціи и
первая ея вспышка**

Книга 2-я

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ГЛАВА IV ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Генерал Корнилов

В общем итоге тех сложных настроений, анализу которых мы посвятили предшествующую главу, назревавшая борьба персонифицировалась в двух личностях: в Керенском и в Корнилове. Эта персонификация, к которой часто приходит в последней своей стадии борьба в области социальной жизни, есть интереснейшее социологическое явление. Особенно резко оно выражается в наиболее напряженные периоды, как, например, во время войны и в революции. Настоящая работа задает себе целью исследовать преимущественно объективную сторону русского контрреволюционного движения. Субъективная сторона отдельных событий этого движения представляет собою тоже большой исторический интерес. Исследованию каждого из событий, с такой точки зрения, должна быть посвящена подробная работа. Последняя должна вестись как бы под микроскопом, ибо для составления истинной картины субъективной стороны события требуется изучение решительно всех деталей. Поэтому изучение так называемого «Корниловского выступления» требует специального и, весьма вероятно, многотомного труда. Научные работы, подобные нашей, требуют иных методов исследования. Стремясь выделить объективную сторону целого цикла явлений, мы должны подняться над подробностями субъективных элементов социальной жизни, подобно тому как для того, чтобы увидеть общую картину местности, нужно подняться на высокую гору. Вот почему, исследуя в настоящей главе выступление генерала Корнилова, представляющее собою первую вспышку контрреволюционного движения, мы не будем восстанавливать перед читателем всей фактической стороны, а будем останавливать внимание только на тех фактах и на тех «субъективностях», которые нужны для понимания объективной стороны изучаемого нами социального процесса.

Вышеуказанная «персонификация» в столкновении двух личностей — Корнилова и Керенского — придавала этой борьбе чрезвычайно субъективный характер. «К несчастью России, оба лица..., от которых зависело сделать успешной... последнюю попытку к спасению, были

до последней степени не приспособлены и для этой задачи, и для взаимного союза»¹. Но появление Керенского на верхах Правительства, а генерала Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего не было случайностью. Оно само являлось следствием «объективных условий». Эти условия создают определенный «социальный подбор». В здоровом общественном организме этот подбор приводит к тому, что, выражаясь словами английской пословицы, «надлежащей человек» оказывается на «надлежащем месте». В больном общественном организме, в особенности при сильной социальной болезни, этот процесс может приводить и к другим результатам; на «надлежащем месте» оказываются не «надлежащие люди», а те, которые более отвечают ненормальным вкусам больного общества.

Взвинченное настроение тех кругов интеллигенции, патристическое чувство которых было больно уязвлено провалом наступления, и в особенности Тарнопольским разгромом, требовало замены оппортуниста генерала Брусилова более колоритной фигурой, нежели предшественник генерала Брусилова ген. Алексеев. А между тем последний, несомненно, был единственным «надлежащим» человеком на посту Верховного Главнокомандующего в создавшихся к этому времени чрезвычайно сложных условиях... Это он вывел Русские армии из катастрофы 1915 года, это он восстановил их в зиму 1915—1916 гг. и сделал их способными одержать Галицийскую победу 1916 года. Но фигура его была слишком скромна. Обывательское мнение требовало более ярких фигур. Оно отворачивалось от Кутузовых и искало Багратионов. Такой ярко выраженной фигурой героя и был генерал Корнилов.

Безумно храбрый, прямолинейно решительный, властный и честолюбивый, он как нельзя больше отвечал психологии революционного времени. И не случайно было то, что рукой, выдвинувшей ген. Корнилова на верхи Главнокомандования, была рука известного террориста, социалиста-революционера Савинкова⁵². Чрезвычайно характерна в вышеуказанном психологическом отношении первая встреча комиссара Юго-Западного фронта Савинкова с командующим 8-й армией генералом Корниловым. «Генерал, — сказал Савинков, — я знаю, что если сложатся обстоятельства, при которых вы должны будете расстрелять меня, вы меня расстреляете». Потом, после некоторой паузы, он прибавил: «Но если условия сложатся так, что мне придется вас расстрелять, я тоже это сделаю».

Прямолинейная решительность, которая сделала генерала Корнилова одним из лучших строевых генералов, не исчерпывала того, что требовалось от Верховного Главнокомандования. Особенно в револю-

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. I, с. 103.

ционное время на этом посту требовалась решительность более сложного порядка. Мы позволим себе такое сравнение: генерал Корнилов стремился разрубать все встречающиеся на его пути узлы, подобно тому, как это сделал с гордиевым узлом Александр Македонский. Между тем узлы, создаваемые в социальной жизни «объективными условиями», приходится развязывать или даже только распутывать. Вот почему, повторяем, с виду менее решительный, но более мудрый генерал Алексеев более подходил к роли Верховного Главнокомандующего.

По иронии судьбы генерал Алексеев был убран с этой должности за контрреволюционность как раз рукой Керенского, которому предстояло теперь столкнуться в лице генерала Корнилова с несравненно более строптивым подчиненным Временного правительства.

Сильный характер, уверенность в самом себе в сочетании с некоторой упрощенностью в понимании политической жизни приводили к тому, что ген. Корнилов допускал только один путь спасения страстно любимой им Родины, а именно тот, который он сам видит. Отсюда легко мог возникнуть мессианизм, т. е. вера в то, что Россия может быть спасена только им, Корниловым. Конечно, здесь находило отклик его честолюбие, но несомненно, что в еще большей мере эта вера в свою собственную миссию питалась из источников более высокого характера, а именно из глубокого патриотизма и крайней действенности его натуры.

Одним словом, генерал Корнилов вполне отвечал облику тех революционных генералов, которые сыграли большую роль в истории Франции на рубеже XVIII и XIX столетий. Различие было лишь в объективных условиях: французская революция вызвала величайший патриотический подъем во французских народных массах и повела ряд наступательных войн; наша же революция сама явилась последствием тяжелой войны и выявила нежелание народных масс продолжать эту войну. Патриотический же подъем для продолжения борьбы с внешним врагом вместе с либеральной интеллигенцией переходит из революционного лагеря в контрреволюционный.

Чрезвычайная сложность объективных условий была такова, что не поддавалась разрешению упрощенными способами и по кратчайшим путям. Вследствие этого ген. Корнилов, несмотря на его большой характер, в тех случаях, когда сам не видел прямолинейного разрешения возникавших перед ним вопросов, легко подпадал под влияние посторонних лиц. Его склонность к упрощенным способам действий благоприятствовала влиянию лиц с упрощенным мирозерцанием, легко бравшихся за решение сложнейших проблем вследствие своей недобросовестности и беспринципности¹. Генерал Корнилов — сам

¹ Ген. Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II. с. 15.

высококачественный и добросовестный человек — судил своих советников по себе, принимая легковесность их предложений за решительность и не видя, что его толкают на путь чистого авантюризма.

При таких субъективных условиях назначение генерала Корнилова на пост Верховного Главнокомандующего предreshало неминуемо его дальнейшее стремление к военной диктатуре. Мы знаем, что уже как только он узнал о своем назначении Верховным Главнокомандующим, он потребовал¹ от Временного правительства признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая этим, как правильно замечает генерал Деникин, «оригинальную схему суверенного командования».

«30-го или 31 июля^{II} в разговоре со мной, — пишет далее очень близко знавший генерала Корнилова ген. Деникин, — он упоминал о полной мощи Верховного Главнокомандующего, но несколько расширенной правами по умиротворению взбаламученной народной стихии. Позднее в беседах с целым рядом лиц, так или иначе причастных к движению, выдвигаются самые разнообразные формы «сильной власти», как то: пересоздание на национальных началах кабинета Керенского, перемена главы правительства, введение Верховного Главнокомандующего в состав правительства, совмещение званий министра-председателя и Верховного, директория и, наконец, единоличная диктатура. Нет сомнения, что [и] сам генерал Корнилов, и в особенности ближайшее его окружение склонялись к этой последней форме правления...»^{III}.

Однако тоже не подлежит никакому сомнению, что, стремясь к военной диктатуре, генерал Корнилов не задавался никакими реставрационными целями. «Он смотрел на себя, — пишет тот же генерал Деникин, — как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном кругу сил, облепивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных и во всеоружии силы, опирающейся на восстановленную армию, поддержать и привести эту власть до изъявления народной воли».

В борьбе между Керенским и Корниловым замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые могли бы разъединить враждующие стороны. Так же как Керенский, Корнилов всей душой признавал политические завоевания революции, так же как Керенский, он был сторонником передачи земли крестьянам, так же как Керенский, он признавал, что суверенною властью является власть

^I Телеграмма от 1 августа (19 июля) 1917 г. Цитировано в 3-й главе.

^{II} 12 или 13 августа по стар. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Ген. Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II. с. 35.

народа, а потому совершенно искренне хотел довести страну до созыва Учредительного Собрания; наконец, он был сторонником продолжения войны, но, как мы знаем, Керенский тоже разделял это убеждение.

Ни до выступления, ни во время его Корнилов не ставил определенной политической программы, а говорил только о спасении России от губящей ее анархии. Он говорил только, как великий патриот, но не как политический вождь. Вследствие этого «политический облик Корнилова остался для многих неясным и теперь... Вокруг его имени плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю...». «Монархист — республиканец. Реакционер — социалист. Бонапарт — Пожарский. Мятежник — народный герой. Такими противоположениями полны отзывы о покойном вожде. И если Чернов⁵³ некогда в своем возмутительном воззвании объяснял планы Корнилова желанием «задушить свободу и лишить крестьян земли и воли», то митрополит Антоний^{II} в слове, посвященном памяти Корнилова, упрекнул погибшего... в «увлечении революционными идеями».

«Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Напрасно было в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии»...

Одно только можно совершенно твердо утверждать: основным мотивом всего поведения генерала Корнилова был горячий патриотизм, который был возбужден до самой высокой точки кипения от вида разлагающейся армии и страны, стремительно шедшей в пропасть анархии; будучи волевым и крайне действенным человеком, он не мог мириться с тем, что «будущее народа — в слабых безвольных руках»^{III}.

Столкновения Керенского с генералом Корниловым

Столкновения ген. Корнилова с Керенским начались с самого вступления его в должность Верховного Главнокомандующего. Он требовал быстрейшего принятия предложенных им мер для восстановления боеспособности армии. На упомянутом в предыдущей главе совещании в Ставке 29 (16) июля требования Корнилова были

^I Социалист-революционер, министр земледелия в правительстве Керенского.

^{II} Принадлежащий к ультра-монархическим кругам.

^{III} Из «Обращения к народу» ген. Корнилова 9 сентября (28 августа).

повторены и систематизированы другими военачальниками (преимущественно ген. Деникиным). Его союзником был ставший в это время военным министром Савинков. Но Керенский, ведший свою политику балансирования между двумя расходящимися политическими лагерями — либеральным и социалистическим, — колебался и этим внушал всё большее и большее недоверие к себе ген. Корнилову. 16 (3) августа последний подал Временному правительству «Записку», в которой перечислялись те меры, которые он считал необходимыми для скорейшего прекращения развала Армии и анархии в тылу. Главнейшими из указанных мероприятий являлись: распространение на всю территорию России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тяжчайших преступлений, преимущественно военных; восстановление дисциплинарной власти начальников; введение в узкие рамки деятельности войсковых комитетов с установлением ответственности их перед законом.

Во время самого доклада генерала Корнилова Временному правительству на заседании 16 (3) августа произошел инцидент, который, по свидетельству ген. Деникина, произвел на Корнилова сильнейшее впечатление. Психологическое значение этого инцидента для дальнейшего поведения ген. Корнилова было огромным. Три участника этого инцидента различно трактуют мотивы и детали его. Но сущность его заключается в следующем: Керенский остановил доклад ген. Корнилова, когда последний коснулся вопроса о намеченной операции на Юго-Западном фронте, а военный министр Савинков прислал записку, выражавшую неуверенность в том, что «сообщаемые Верховным Главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известными противнику в товарищеском порядке»¹. Генерал Корнилов «был страшно поражен и возмущен тем, что в Совете министров Российского государства Верховный Главнокомандующий не может без опаски касаться таких вопросов, о которых он в интересах обороны страны считает необходимым поставить Правительство в известность»^{II}.

Подтверждения в том, что всё происходящее в Совете министров немедленно же сообщается на сторону, не пришлось ожидать. 17 (4) августа, т. е. на следующий же день вышеупомянутого совещания Временного правительства, секретный доклад Корнилова находился

¹ Через Петроградский совет рабоч. и солдат. депутатов, где имелись германские шпионы; из бесед же с Савинковым ген. Корнилов вынес впечатление, что передатчиком всего происходящего в Совете министров Совету рабоч. и солд. депутатов был министр земледелия социалист-революционер Чернов.

^{II} Показания Следственной комиссии.

уже в портфеле советского официоза «Известий», и с 18 (5) августа началось печатание выдержек из него и одновременная травля Верховного Главнокомандующего. Всё настойчивее и настойчивее раздавалось требование об удалении ген. Корнилова с занимаемого им поста. Генерал Корнилов предполагал, что это требование находит отклик в мыслях самого председателя Совета министров. Что он мог думать это, свидетельствует Савинков, который пишет, что Керенский «почти ежедневно возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным Главнокомандующим будет сам Керенский»^I. 20 же (7) августа помощник Верховного Комиссара предупредил Корнилова, что, «по сведениям из Петрограда, вопрос об его отставке решен окончательно»^{II}.

Недоверие Корнилова к Керенскому возросло до такой степени, что когда 23 (10) августа он приезжал в Петроград по настоянию Савинкова для личных переговоров с Керенским, его сопровождал для личной охраны эскадрон Текинского конного полка с пулеметами^{III}. Пока происходил в Зимнем дворце доклад ген. Корнилова, Текинцы установили в вестибюле дворца пулеметы, а сами расположились в полной готовности для выручки Верховного Главнокомандующего^{IV}.

На следующий день после этой поездки происходит интересный разговор между ген. Корниловым и его начальником штаба генералом Лукомским. Разговор касался перевозки 3-го конного корпуса, стоявшего в резерве Юго-Западного фронта в районе железнодорожного треугольника Новосokolьники — Невель — Великие Луки, откуда он легко мог быть переброшен по жел. дорогам или к Риге, или к Петрограду, или к Москве. В состав этого корпуса входили дивизии, наиболее сохранившие воинский порядок (1-я Донская казачья, Уссурийская и Кавказская Туземная). Несомненно, что перевозка этого корпуса производилась с главной целью направить его затем на усмирение Петроградского гарнизона. Попытка мятежа, которую произвела под влиянием большевиков часть этого гарнизона в июле месяце, как раз тогда, когда Русская Армия переживала тяжелые дни на фронте, заставляла принять меры для предохранения от подобного уже удара ножом в спину при всяком дальнейшем кризисе на фронте. Естественно было поэтому подготовить всё, чтобы не быть застигнутым врасплох. Факт проезда Ленина со своими сателлитами через воюющую Германию,

^I Савинков. К делу Корнилова. (Цитировано у Деникина, т. II, с. 18.)

^{II} Мартынов Е. И. Корнилов [(Попытка военного переворота)], с. 48.

^{III} Текинский полк нес в Ставке охрану Верх. Главнокомандующего; он был вызван ген. Корниловым, бывшим очень популярным среди Текинцев, вследствие знания их языка.

^{IV} Мартынов Е. И. Корнилов, с. 53.

а также выясненная контрразведкой денежная поддержка Германским генеральным штабом лидеров большевиков заставляли генерала Корнилова не сомневаться в тесной связи действий врага на фронте с действиями большевиков в тылу. В Ставке же имелись достоверные сведения нашей разведки, что германцы готовят прорыв нашего Северного фронта в районе Риги, а от контрразведки — о готовящемся в это же время вооруженном выступлении большевиков в Петрограде. Истинная цель перевозки 3-го конного корпуса скрывалась от Керенского. Перед Правительством эта перевозка была мотивирована тем, что «обозначилась возможность наступления против Риги». Такое скрывание объяснялось тем, что Корнилов помнил поведение Керенского в первый же день после подавления июльского восстания. Согласившись сначала на арест главарей большевиков¹, Керенский затем выпустил на свободу Троцкого; министр же юстиции Переверзев, опубликовавший документы, уличавшие сношение лидеров большевиков с германским Генеральным штабом, должен был уйти в отставку². Кроме того, инцидент, имевший место на заседании Совета министров 16 (3) августа, заставлял Корнилова быть очень осторожным в таком деле, которое в конечном своем результате должно было привести к прекращению установившегося с начала революции двоевластия. Безответственная, но фактическая власть Петроградского совета рабоч. и солд. депутатов была бы свергнута, а ответственная, но пока бессильная власть Временного правительства обрела бы реальную силу. Вот как генерал Корнилов сам объяснил своему начальнику штаба в разговоре 24 (11) августа смысл переброски 3-го конного корпуса. Сообщая генералу Лукомскому, что, по данным контрразведки, в начале сентября (по стар. стилю) ожидается новое выступление большевиков, он сказал: «Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтобы он нигде и никогда не собрался... Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа³ подтянуть к Петрограду, и, если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины, как следует. Руководство этой операцией я хочу передать генералу Крымову⁵⁴. Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Против Временного правитель-

¹ «Дни затмения» (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 году). Изд. «Возрождение», с. 143.

² Миллюков. История второй Русской революции. Т. I, вып. 2, с. 1, 13, 15.

³ По новому стилю в начале сентября. — Прим. Н. Н. Г.

ства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что в последнюю минуту удастся с ними договориться... я лично ничего не ишу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся»...¹.

Что понимал ген. Корнилов под словами «очищенное и укрепленное» Вр. правительство, можно заключить из того, что он сказал в своем показании Следственной комиссии¹¹: во-первых, исключение из состава Вр. правительства «тех министров, которые, по имевшимся у него сведениям, были предателями Родины»; несомненно, это был отзвук того инцидента, который имел место в заседании Совета министров 16 (3) августа; во-вторых, такое переустройство Вр. правительства, «чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть». Нужно вспомнить здесь, что Временное правительство уже «переустроивалось» два раза после начала революции, таким образом в этом отношении ген. Корнилов не являлся первым нарушителем «идеи легитимности» Временного правительства, согласно которой первый состав Вр. правительства не должен был бы изменяться до сбора Учредительного Собрания.

Московское Госуд. Совещание, происходившее 26–28 (13–15) августа, не могло улучшить взаимоотношения между Корниловым и Керенским. Оно могло только содействовать окончательному падению престижа второго, как правителя, в глазах первого. Как мы говорили в прошлой главе, это совещание являлось моральным провалом Керенского как государственного деятеля. Для того чтобы понять психологическую подкладку дальнейшего поведения Корнилова, это обстоятельство должно быть внимательно учтено. Вера его в свою миссию спасти Россию могла от этого лишь значительно усилиться. На его героический характер должно было оказать сильнейшее моральное воздействие не только то, что происходило в здании Большого театра, на самом Совещании, но и те горячие овации, которыми он был встречен в Москве. Видный представитель либеральной интеллигенции, член Государственной Думы Родичев⁵⁵ в своем обращении к Корнилову говорил: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. Мы верим, что во главе обновленной Русской Армии Вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич «Да здравствует генерал Корнилов» — теперь клич надежды — сделается возгласом народного торжества. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает Вас».

¹ Ген. *Лукомский*. Воспоминания. Т. I, с. 227. Берлин: Книгоиздательство Кирхнера.

¹¹ Газета «Общее Дело», от 2 (15 по нов. стилю) октября 1917 г., «Объяснительная записка Корнилова» (показания его).

То, что происходило в Москве, являлось лишь наиболее ярким звеном в длинной цепи приветствий, обращений, адресов, которые генерал Корнилов получал со всех сторон, как только началась травля его в советской печати, и стали циркулировать слухи о возможности его смещения с должности Верховного Главнокомандующего.

Так 19 (6) августа Совет союза казачьих войск^I в экстренном заседании принял резолюцию, в которой говорилось^{II}: «Генерал Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения. Совет союза казачьих войск, как представитель всего Российского казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, ввиду нежелания власти спасти родину, честь армии и свободу народа действительными мерами. Совет союза казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимает с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова. Совет союза казачьих войск громко и твердо заявляет о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою Л. Г. Корнилову».

20 (7) августа конференция Союза Георгиевских кавалеров единогласно постановила:

«Всецело присоединиться к резолюции совета казачьих войск и твердо заявить Временному правительству, что если оно допустит восторжествовать клевете и генерал Корнилов будет смещен, то Союз Георгиевских кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством».

В тот же день 20 (7) августа главный комитет Союза офицеров послал во все штабы фронтов и армий и военному министру следующую телеграмму^{III}:

«Главный комитет Союза офицеров Армии и Флота в тяжелую годину бедствий все свои надежды на грядущий порядок возлагает на любимого вождя генерала Корнилова. Мы призываем всех честных

^I Совет союза казачьих войск образовался из делегатов, присланных каждым из существовавших до революции 11-ти казачеств. Но после революции небольшая часть Сибирских казаков, живущих в средней Сибири, а именно Енисейские и Красноярские, потребовала наличия своих представителей в Совете. Таким образом, в этом Совете имелись представители от 13-ти казачеств (см. статью А. Н. Трепова «Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году» в томе II «Донской Летописи», с. 231).

^{II} Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 15, л. 36.

^{III} Там же, № 36, л. 44.

людей и всё Русское офицерство незамедлительно высказать ему свое полное доверие, подтвердив, что его честная, твердая и испытанная во многих боях рука, его имя и пролитая кровь за Родину являются, может быть, последним лучом надежды на светлое будущее России. Мы не допускаем возможности вмешательства в его утвержденные правительством действия каких бы то ни было лиц или учреждений и готовы всемерно поддерживать его в законных требованиях».

Имелась также и телеграмма съезда несоциалистических общественных групп, собравшегося, как упоминалось в прошлой главе, в Москве перед Государственным совещанием. Эта телеграмма была подписана председателем съезда Родзянко (бывш. Председателем Гос. Думы) и гласила: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской Армии. Совещание заявляет, что всякое покушение на подрыв вашего авторитета в Армии и России она считает преступлением и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам Бог по воссозданию могучей Армии и спасения России».

Моральное воздействие всех этих и многих других сочувственных телеграмм и писем могло только усилить веру Корнилова в правильность избранного им пути и стимулировать его к скорейшему действию. «Но, кроме проявления официальных и деловых сношений, сумма впечатлений, утверждавших Верховного Главнокомандующего в его намерениях, слагалась и другим путем: множество личных разговоров, из которых одни известны, другие станут достоянием гласности, третьи унесены с собою в могилу собеседниками, — разговоров, веденных с ответственными представителями общественных и политических групп или от их имени, — создавало иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его»¹.

«...от поклонения, которым окружали его представители буржуазии, у Корнилова закружилась голова, — пишет в своей книге Е. И. Мартынов², — и он окончательно уверовал в то, что сама судьба избрала его для спасения России». Книга Е. И. Мартынова составлена для Красной армии, поэтому она тенденциозно и очень недоброжелательно относится к генералу Корнилову. Но отмеченное Е. И. Мартыновым психологическое воздействие всех обращений, телеграмм, речей, оваций несомненно правильно; они утвердили ген. Корнилова в вере в свою миссию спасти Родину. И не потому, что «у Корнилова

¹ Ген. Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 33.

² Мартынов. Корнилов, с. 73.

закружилась голова», как пишет Е. И. Мартынов, желая внушить читателю мысль, что в основе поведения Корнилова исключительно лежало его честолюбие; нет, это воздействие было особенно сильным именно вследствие других свойств ген. Корнилова: его горячего патриотического чувства, его героического характера, его прямолинейного ума.

Более верно выражает состояние духа ген. Корнилова его ближайший сподвижник по Белому Движению ген. Деникин: «А он — суровый, честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, не искушенный в политике и плохо разбиравшийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, — [он] искренне уверовал в провиденциальность своего назначения. С этой верой жил и боролся, с нею же умер на высоком берегу Кубани»¹.

1 сентября (19 августа) опáсения генерала Корнилова сбылись. В этот день германцы начали наступление на Северном фронте. Прорвав его, они в ночь со 2 на 3 сентября (20 на 21 августа) овладели Ригой. Мы потеряли богатый промышленный город со всеми военными оборудованиями и запасами, а главное, мы потеряли надежную оборонительную линию, падение которой ставило под сильную угрозу стратегическое направление на Петроград. «Дезорганизованные массы солдат неудержимым потоком устремляются по Псковскому шоссе и по дороге Бидер—Лимбург...» — говорится в сообщении Ставки от 3 сентября (21 августа). В таких условиях мятеж в Петрограде являлся особенно опасным. Большевицкие писатели утверждают, что в это время вооруженного выступления в столице ими не подготавливалось. Вопрос этот не может считаться доказанным, ибо эти писатели, считающие объективность науки буржуазным предрассудком, стремятся создать легенду вокруг своей последовавшей в ноябре победы; из этой легенды они старательно выключают даже какие бы то ни было намеки на свои бывшие просчеты; в этом своем старании они доходят до того, что отрицают большевицкую подкладку даже в июльском восстании. Для изучаемой нами сейчас психологической обстановки «выступления» ген. Корнилова важно не это, а то, что ген. Корнилов имел много оснований предполагать, что большевики, пользуясь затруднениями на фронте, произведут в столице восстание, и еще больше оснований опасаться катастрофических результатов мятежа при создавшихся стратегических условиях.

«По имеющимся в распоряжении Правительства сведениям, большевики готовятся к вооруженному выступлению между 1 и

¹ Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 2, с. 195.

5 сентября^I. В Военном министерстве к предстоящему выступлению относятся весьма серьезно. Ленинцы, по слухам, мобилизируют все свои силы...» Вот как газета «Русское Слово» формулирует ту тревогу, с которой относились общественные круги к этому выступлению. Интересно отметить, что эти строки были напечатаны в номере газеты, вышедшей 1 сентября (19 августа), то есть тогда, когда о только что начавшемся в этот день наступлении немцев в редакции газеты ничего не было известно. Когда же на следующий день стало известным, что предсказания ген. Корнилова, сделанные им на Московском Государственном Совещании, об ожидающемся прорыве немцев на Северном фронте сбылись, тревога достигла еще большего напряжения.

В этот же день, т. е. 2 сентября (20 августа), Керенский по докладу военного министра Савинкова согласился на «объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т. е. для борьбы с большевиками»^{II}.

5 сентября (23 августа) Савинков приехал в Ставку, в Могилев, для личных переговоров с ген. Корниловым. Как видно из протокола пребывания Военного министра в Ставке^{III}, день объявления столицы на военном положении приурочивался к подходу 3-го конного корпуса к Петрограду, причем все собеседники — как чины Ставки, так и Савинков, и полковник Барановский (близкий свойственник Керенского), состоявший начальником военного кабинета Керенского, — пришли к заключению, что «если на почве предстоящих событий кроме выступления большевиков выступят и члены Совета, то придется действовать и против них»; при этом «действия должны быть самые решительные и беспощадные»^{IV}.

Предположение, что Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов может держать теперь сторону большевиков, обосновывалось тем, что произошло на заседании этого совета 31 (18) августа. На этом заседании, вопреки порядку дня, по настоянию большевиков, обсуждались вопросы о смертной казни и об арестах ленинцев. В предложенной соц.-демократом меньшевиком Мартовым^V резолюции выражался протест против введения смертной казни на фрон-

^I По старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} *Савинков*. К делу Корнилова.

^{III} Этот протокол напечатан в приложении к книге В. Владимировой «Контрреволюция в 1917 г.». В приведенном Владимировой тексте имеются ошибки. Напр.: пребывание Савинкова отнесено к 6 и 7 сентября (24 и 25 августа), тогда как он был в Могилеве 5 и 6 сентября (23 и 24 августа).

^{IV} Цитировано у ген. Деникина: *Очерки Русской Смуты*, т. II, с. 21–22.

^V Его настоящая фамилия — Цедербаум.

те, «как меры устрашения солдатских масс в целях порабощения их командному составу», а также — «требовать от Временного правительства ее отмены и заклеить ведущуюся милитаристическими и буржуазными кругами агитацию за дальнейшее распространение смертной казни».

В защиту Временного правительства выступил бывший до сей поры наиболее влиятельным из лидеров этого совета умеренный социалист Церетели. «Почему вы не протестовали против этого ужасного института тогда, когда он был введен, очень скоро после событий 3—5 июля¹, — спрашивал он своих противников. — Если тогда вы хранили молчание, значит, было что-то такое, что вас заставляло молчать... А теперь, если вслед за вашим постановлением не последует отмены смертной казни, что же вы вызовете на улицу толпу, чтобы требовать свержения правительства...»

«Да! — кричали большевики, перебивая Церетели. — Да, мы вызовем толпу и будем добиваться свержения правительства!..» Вышеупомянутая резолюция была принята советом, всеми голосами против четырех голосов вождей совета. В числе этих четырех был сам Церетели². Нельзя было ярче показать, что Петроградский совет не находится уже в руках умеренных лидеров.

Как мы знаем, одним из требований «Записки» ген. Корнилова, поданной им Временному правительству, являлось требование распространения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за тяжчайшие преступления, преимущественно военные, и на тыловые войска и на население страны. Приехавший в Ставку Савинков сообщил, что законопроект о мерах для прекращения анархии в тылу, согласованный с требованиями Корнилова, будет проведен в ближайшее время. При этом он также высказал свое предположение, что опубликование этого закона вызовет выступление большевиков, а может быть и Совета рабоч. и солдат. депутатов³.

Из всего изложенного выше видно, что ген. Корнилов имел все основания предполагать, что колебания Керенского кончились, и он решил окончательно порвать зависимость Временного правительства от советов. Поэтому он совершенно искренно ответил на заданный Савинковым при окончании беседы с ним вопрос: «Каково Ваше отношение к Временному правительству?» — «Передайте Александру Федоровичу, что я буду всемерно его поддерживать, ибо это нужно для блага отечества».

¹ По старому стилю, июльский мятеж в Петрограде. — *Прим. Н. Н. Г.*

² *Милуков. История второй Русской революции. Т. I, вып. 2, с. 150.*

³ Вышеупомянутый протокол пребывания воен. мин. Савинкова в Ставке.

6 сентября (24 августа) Савинков уехал из Ставки, весьма довольный результатами своей поездки, «хотя настроения Ставки показались ему напряженными». Но в этот же день к накопившемуся во взаимоотношениях между ген. Корниловым и Керенским пороку была приложена горящая спичка, которая вызвала взрыв.

Этой спичкой — явился В. Н. Львов⁵⁶. Последний был обер-прокурором Св. Синода (Министр вероисповеданий) в первом составе Врем. правительства князя Львова. Его деятельность в качестве члена Кабинета министров так характеризуется В. Д. Набоковым, бывшим в это же время Правителем Дел Временного правительства. В. Н. Львов будучи «одушевлен самыми лучшими намерениями... — пишет Набоков, — поражал своей наивностью да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением... к общему положению... Он выступал с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое отношение не только в среде Правительства, но и у чинов Канцелярии...»

В. Н. Львов по собственному почину решил сделаться посредником между Керенским и Корниловым. Вступив в сношение с авантюристическим окружением ген. Корнилова, он без всякого ведома самого ген. Корнилова явился к Керенскому. «Владимир Николаевич Львов с глазу на глаз сообщил мне, — говорит Керенский¹, — что он уполномочен спросить меня, буду ли я вести переговоры о реконструкции Врем. правительства, причем несколько раз упирал на то, что он должен, но кому именно он не говорил, привезти тот или иной определенный ответ от меня и ссылался на то, что он сейчас же должен уехать. Не имея определенного указания, от кого исходили эти уполномочия В. Н. Львова, я не считал для себя возможным отказаться от дальнейших переговоров с Львовым, ожидая от него в дальнейшем более точного разъяснения, в чем дело».

Сам же В. Н. Львов так рассказывает¹¹ про то же: «Я прямо вырвал у А. Ф. Керенского дозволение обратиться к разным общественным силам страны с целью формирования кабинета на общенародных основаниях».

Сопоставляя оба показания, можно сделать один бесспорный вывод: Керенский решил использовать В. Н. Львова как разведчика. Слухи о заговоре в Ставке, личная неприязнь к Корнилову, упоение властью и честолюбие, ослепили его до такой степени, что он не отдавал себе отчета, что его поступок при создавшейся психологически напряженной обстановке легко мог превратиться в провокацию.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 25, л. 1. Показания Керенского судебному следователю.

¹¹ Там же, № 25, л. 6. Показания Львова.

6 сентября (24 августа) В. Н. Львов приехал в Ставку и явился ген. Корнилову. «Корнилову я сказал, — говорит В. Н. Львов¹, — что имею согласие Керенского узнать его *требования*, определенно и ясно изложенные. Я коснулся также вопроса о реорганизации власти на началах создания широкого народного кабинета...» Генерал же Корнилов рассказывает так²: «Когда 24 августа в 11 часов (вечера) ко мне пришел Львов, то он сразу сказал, что явился от Керенского с поручением. На мой вопрос, в чем дело, он сказал, что А. Ф. Керенский просит меня высказать мое мнение о положении страны и желает знать, что при создавшемся положении не следует ли ему уйти от власти; если же он может рассчитывать на мою поддержку, то он останется».

Под впечатлением только что бывших разговоров с Савинковым и заседания бывшего накануне при участии начальника военного кабинета Керенского, полковника Барановского, Корнилов поверил Львову и попросил зайти к нему за ответом на следующий день утром. Свой ответ ген. Корнилов излагает так:

«Я очертил общее положение страны и армии, заявил, что, по моему [глубокому] убеждению, единственным выходом из тяжелого положения является установление военной диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении. Я заявил, что не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия — будь то сам Керенский, ген. Алексеев, ген. Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что, если бы так случилось... я от такого предложения не отказался бы. Я просил Львова передать Керенскому, что независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и отношения ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым. Я просил передать Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на Керенского готовится покушение; поэтому я прошу Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться [с ним] окончательно. Я просил передать ему, что честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке»³.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 27, л. 156, показания Львова.

² Там же, № 27, л. 191, дополнительное показание Корнилова.

³ Цитировано в книге ген. Деникина «Очерки Русской Смуты», т. II, с. 48, 49.

Показания Львова об этом разговоре, изложенные в более общей редакции, в существе дела вполне сходятся с рассказом Корнилова. Например, Львов не упоминает фамилии предполагаемых ген. Корниловым диктаторов (в том числе и самого Керенского), а излагает так: «Ввиду грозной опасности, угрожающей России», — говорил по словам Львова Корнилов, — я не вижу иного выхода, кроме немедленной передачи власти Временным правительством в руки Верховного Главнокомандующего... Кто будет Верховным Главнокомандующим, меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством. — Я сказал Корнилову: «Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не Вам...» Не нужно забывать, что Львов давал свои показания, когда Керенский был уже «победителем», а ген. Корнилов «быховским» узником⁵⁷.

Таким образом, предложения генерала Корнилова, хотя и изложенные в очень определенной форме, характера ультиматума не носили. Вопрос о личности диктатора сам ген. Корнилов оставлял открытым. Из разговора на следующий день с Верховным Комиссаром Филоненко⁵⁸ видно, что ген. Корнилов смотрел на разговор с Львовым как на способ сговориться с Керенским, причем готов был даже поступиться идеей единоличной диктатуры. Филоненко доказывал невозможность, при существующих условиях, единоличной диктатуры. Корнилов представлял разные возражения, склоняясь к единоличной диктатуре, но, в конце концов, уступил, сказав: «Да, я тоже стою за директорию. Я обещал Савинкову поддержку Керенского, хотя он слабый человек, и исполню это. Но только надо всё делать скорей, ведь время не ждет».

После разговора с генералом Корниловым В. Н. Львов опять попал в среду тех авантюристов, которые пристроились около генерала Корнилова и, как мы упоминали выше, сношениями с которыми он и начал свои шаги по примирению Корнилова и Керенского.

«Оглушенный всей этой хлестаковщиной Корниловского политического окружения... — пишет генерал Деникин, — он совершенно потерял масштаб в оценке веса, значения и роли своих собеседников, Добрынский⁵⁹, могущий «по первому сигналу выставить до 40 000 горцев и направить их куда пожелает», Аладьин⁶⁰, якобы посылающий Корниловскую телеграмму Донскому атаману Каледину с приказом начать движение на Москву и от имени Верховного и офицерского союза требующий, чтобы ни один министерский пост не замещался без ведома Ставки... Завойко⁶¹, назначающий министров и «собирающийся созвать Земский собор»... Профессор Яковлев, разрешающий каким-то неслыханным образом¹ аграрную

¹ В оригинале: «способом». — *Прим. ред.*

проблему...»^I... «Стоит прочесть повествование В. Львова, изображающее сцены и разговоры за кулисами Корниловского выступления; [и] если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие политического окружения»^{II}. — Все эти лица всеми силами стремились импонировать не особенно умному Львову. Между прочим, на последнего особенно сильное впечатление произвел Завойко, занимавший более чем скромную должность личного ординарца ген. Корнилова, тем не менее позволявший себе вмешиваться в разговор Верховного Главнокомандующего со Львовым, высказывая при этом свои мнения тоном, не допускавшим возражения. «В общем, я вынес такое впечатление, — говорит в своем показании Львов^{III}, — что генерал Корнилов в отношении политики находился всецело под влиянием Завойко, и последний вертит генералом Корниловым как хочет». Ген. Корнилов, представляющий собою волевого и строевого начальника, не сумел установить более сложный, но долженствующий быть не менее строгим, порядок и дисциплину высшего штаба. Более мягкий, чем Корнилов, генерал Алексеев был более способен к этому.

«Вернулся Львов в Петроград, — продолжаем мы выписку из книги генерала Деникина^{IV}, — окончательно сбитый с толку в той атмосфере беспардонной фронды и кричащей о себе и своих тайнах на каждом шагу «конспирации», которая окружила Ставку. И привез целый ряд «государственных актов», составленных и врученных ему Завойкой: проект манифеста к армии от имени Корнилова, принимавшего на себя Верховную власть; проект воззвания к солдатам по поводу жалования^V им земельных наделов...; список министров нового кабинета, тут же наскоро набросанный Завойко...; словесное внушение Завойко, развивавшего по-своему указания Корнилова, — предъявить правительству три пункта: 1) немедленная передача правительством военной и гражданской власти в руки Верховного Главнокомандующего, 2) немедленная отставка всех членов Временного правительства, 3) объявление Петрограда на военном положении. Наконец, вернулся Львов с твердым убеждением, основанным на всем слышанном, что Корнилов желает спасти Керенского, но что в Ставке вынесли Керенскому «смертный приговор». Это последнее обстоя-

^I Очерки Русской Смуты, т. II, с. 50.

^{II} Там же, с. 41.

^{III} Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове. № 27, л. 156, показание Львова.

^{IV} Очерки Русской Смуты, т. II, с. 51.

^V В оригинале у Деникина: «дарования». — *Прим. ред.*

тельство, по-видимому, окончательно нарушило душевное равновесие Львова и отразилось на всем характере... разговора его с Керенским и в значительной мере повлияло на решение последнего. Маленькая житейская подробность, вероятно, небезынтересная для бывшего премьера, который в своей книге не раз останавливается на грозившей ему смертельной опасности, очень туманно касаясь источников ее: 26 августа^I для него в Могилеве в губернаторском доме приготовили комнату рядом со спальней Корнилова, выселив для этой цели одного из членов его семьи... Верховный не играл своим словом».

8 сентября (26 августа) В. Н. Львов поехал к Керенскому и, передавая ему разговор с ген. Корниловым, путал то, что говорил сам Корнилов с тем, что говорили вышеупомянутые лица Корниловского окружения. Керенский, выслушав доклад, «умышленно», как говорит он сам, уверил Львова, что не имеет «больше ни сомнения, ни колебаний и решил согласиться». Эту хитрость он применил для того, чтобы заставить Львова изложить на бумаге сказанное. Львов, не подозревая ловушки, изложил письменно, но опять перепутал Корниловские предложения с требованиями Завойко. Последние и были им написаны на том документе, который он передал Керенскому. Теперь Керенский решил «установить формальную связь В. Львова с Корниловым для того, чтобы Временное правительство этим же вечером могло принять решительные меры». Для этого он вызвал по прямому проводу ген. Корнилова и в отсутствие Львова начал говорить с ген. Корниловым не только за себя, но и за Львова, обманывая таким способом Корнилова. «Подобный прием, уместный для сыщика, был, конечно, неприличен для главы правительства», — совершенно справедливо замечает Е. И. Мартынов в своей книге, посвященной Корниловскому выступлению^{II}. Ввиду того, что этот инцидент возымел громаднейшее моральное значение на дальнейшие отношения офицерства не только к Керенскому, но и к социалистам вообще, мы приведем весь разговор, согласно сохранившейся в архиве телеграфной ленте^{III}:

Керенский. «Здравствуйтесь, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов^{IV} и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать, согласно сведениям, переданным Владимир Николаевичем.

^I 8 сент. по новому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} «Корнилов», с. 97.

^{III} Военно-ученый архив, дело № 876; цитировано у Мартынова «Корнилов», с. 97, 98 и 183.

^{IV} Напомним, что Львова у аппарата не было (*Прим. Н. Н. Г.*).

Корнилов. «Здравствуйте, Александр Федорович. Здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, с просьбою доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок».

Керенский (за Львова). «Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили меня известить Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить».

Корнилов. «Да, подтверждаю, что просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев».

Керенский (за себя). «Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимир Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя, надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?»

Корнилов. «Настойчиво прошу, чтобы Борис Викторович приехал с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас».

Керенский. «Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае».

Корнилов. «Во всяком случае».

Керенский. «До свидания, скоро увидимся».

Корнилов. «До свидания».

В этом разговоре, кроме подлога (Керенский говорил за отсутствующего Львова), бросается в глаза, что вместо того, чтобы сообщить Корнилову для подтверждения самый документ, то есть записку Львова, Керенский ограничился общими расплывчатыми фразами. Интересно привести здесь мнение, высказанное по поводу этого телеграфного разговора на следующий день комиссаром Временного правительства при Ставке, Филоненко. Когда ему показали ленту этого разговора, он «высказал, что и форма вопроса Керенского и ответ генерала Корнилова абсолютно недопустимы в каких-либо серьезных деловых сношениях, а тем более при решении дела громадной государственной важности, так как А. Ф. Керенский не обозначил, что же он спрашивает, а генерал Корнилов не знал, на что, собственно говоря, отвечает. «Впоследствии ближайший помощник Керенского Некрасов, подталкивавший Керенского на скорейший разрыв с Корниловым, объяснял это пред-

ставителям печати тем, что по аппарату было опасно передавать столь секретный документ, как записка Львова. Как будто бы нельзя было прибегнуть к шифру, тем более что записка Львова заключала в себе всего около сорока слов.

Однако Керенский считал, что имеющиеся у него в руках записка Львова и телеграфная лента переговоров с Корниловым представляют собою документы, устанавливающие не конфликт, а «преступление», и что ликвидировать его нужно не дальнейшими «переговорами с преступным генералом, а волей Временного правительства, коей нарушивший свой долг главнокомандующий должен немедленно подчиниться». Так он ответил Савинкову, настаивавшему на том, что возникший «конфликт» нужно постараться ликвидировать мирно и без огласки.

В собранном Керенским в эту же ночь заседании Временного правительства он заявил, что «считает возможным бороться с поднятым Корниловым мятежом лишь при условии предоставления Временным правительством ему единолично всей полноты власти». Выслушав это заявление, все присутствующие министры тут же написали прошения об отставке и вручили их Керенскому. Последний сейчас же послал в Могилев следующую телеграмму:

«Ставка. Генералу Корнилову. Приказываю вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому, которому, впредь до прибытия нового Верховного Главнокомандующего, вступить во временное исполнение обязанностей Главковерха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский»¹.

Мы привели эту телеграмму дословно, так как на ней отразилось смешение понятий о поведении носителя Верховной власти с произволом обывателя в своих личных делах. Верховный Главнокомандующий мог быть уволен от должности только постановлением Временного правительства, а не единоличным распоряжением министра-председателя. То, что Керенский получил отставки всех министров и становился временно единоличным властителем, не могло быть известным в Ставке. Эта перемена в телеграмме подобной государственной важности, как устранение от должности Верховного Главнокомандующего да еще в столь тревожное время, должна быть точно оговорена. Даже формально она носила характер не Государственного акта, а характер увольнения хозяином предприятий своего приказчика: телеграмма эта была подписана просто «Керенский» и отправлена без номера. Эта внешняя форма телеграммы была настолько подозрительна, что сам комиссар Временного правительства при Ставке Филоненко, когда ему была показана эта

¹ Цитирована у Мартынова: «Корнилов», с. 101.

телеграмма, выразил сомнение в ее подлинности и для разрешения этого вопроса вызвал к аппарату военного министра Савинкова¹.

Итак, не только мятежа, но и никакого преступления по отношению к Временному правительству ген. Корнилов еще не совершал, как Керенский уже объявил его «преступным генералом» и «нарушившим свой долг Главнокомандующим».

Выступление ген. Корнилова против Временного правительства

Ген. Корнилов не подозревал, что, начиная с посещения Львова, Керенский ведет с ним нечистую игру. По свидетельству начальника дипломатической канцелярии в Ставке кн. Трубецкого^{II}, видевшего ген. Корнилова сейчас после мистификационного телеграфного разговора Керенского, «вздых облегчения вырвался из его груди», и на вопрос кн. Трубецкого «значит, Правительство идет Вам навстречу во всем?» — Он ответил: «Да».

После разговоров с военным министром Савинковым во время его посещения Ставки, последняя спешно вызвала с фронтов наиболее твердых офицеров, для отправления их в Петроград, где они должны были с помощью юнкеров и надежных солдат образовать команды для противодействия ожидающемуся выступлению большевиков, впредь до прибытия 3-го конного корпуса. Последнему же было приказано грузиться в поезда, причем эта погрузка уже происходила во время вышеприведенного телеграфного разговора Керенского. Вот почему телеграмма последнего с отрешением ген. Корнилова от должности Верховного Главнокомандующего произвела эффект внезапно разорвавшейся бомбы.

Первая мысль, которая пришла большинству читавших телеграмму, была та, что она подложная, присланная с целью задержать движение 3-го кон. корпуса к Петрограду.

Вторая мысль заключалась в том, что увольнение ген. Корнилова произведено Керенским не по доброй воле, а под давлением Петроградского совета солд. и рабоч. депутатов. Как мы знаем, на только что бывшем заседании в Ставке, на котором присутствовали и военный министр Савинков, и начальник военного кабинета Керенского полковник Барановский, было высказано, что, вероятно, «на почве предстоящих событий, кроме выступления большевиков, выступят и

¹ Архив Октябрьской революции, Дело о Корнилове, № 18, л. 103. Лента переговоров Филоненко с Савинковым.

^{II} Мартынов. Корнилов, с. 99.

члены совета», и что в этом случае необходимо решительно действовать и против них.

Возникло даже предположение, что Керенский стал пленником, если и не в физическом смысле этого слова, то в моральном; предшествующая неустойчивая политика давала основание для такого предположения.

Вот мотивы, которые в чрезвычайно напряженной психологической обстановке, создавшейся в Ставке, побудили ген. Корнилова не подчиниться телеграмме Керенского. Его же начальник штаба, ген. Лукомский, которому приказывалось временно принять должность от ген. Корнилова, послал председателю Совета министров следующую телеграмму:

«Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде вами и сообщенное от вашего имени Савинковым и Львовым, ныне изменилось. Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно¹, и это поведет лишь к гражданской войне, к окончательному разложению армии и к позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собою ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за Армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в Армии, который погубит Россию. Ожидаю срочных указаний. 27 августа^{II} № 6406, Лукомский».

В течение 9 сентября (27 августа) Савинков и ряд лиц принимают меры, чтобы найти мирный исход из создавшегося положения. Но с одной стороны, ген. Корнилов упорствует в своем нежелании сдать должность^{III}, с другой стороны, Керенский, опасаясьдвигающегося на Петроград 3-го конного корпуса, торопится приобрести содействие со стороны Петроградского совета, а это могло быть достигнуто лишь скорейшим объявлением генерала Корнилова мятежником. С этой целью, пока еще шли переговоры по аппарату с генералом Корниловым, ближайшим помощником Керенского Некрасовым⁶² было передано для опубликования особое официальное извещение

^I Вопрос идет о движении 3-го кон. корпуса к Петрограду. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 9 сент. нов. стиля. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Объяснение ген. Корнилова, а также его дальнейший разговор с Савинковым и Маклаковым приведены в приложении № 12.

Председателя Совета министров, которое появилось в тот же день в экстренных выпусках газет. Вот текст этого извещения, представлявшего собой также и приказ:

«От министра председателя. Объявляю: 26 августа¹ генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им, по личному усмотрению, будет составлено новое правительство для управления страной. Действительность полномочий члена Государственной Думы Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу.

Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения Родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на Верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан.

Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются, и о таковых население своевременно будет поставлено в известность. Вместе с тем приказываю:

1. Генералу Корнилову сдать должность Верховного Главнокомандующего генералу Клембовскому⁶³, Главнокомандующему армиями Северного фронта, преграждающего пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность Верховного Главнокомандующего, оставаясь во Пскове.

2. Объявить г. Петроград и Петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении.

3. Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения Родины. Всех чинов Армии и Флота призываю к самоотверженному и спокойному выполнению долга защиты Родины от врага внешнего».

Это извещение было сообщено в Ставку и во все штабы в виде телеграммы № 4163. В Могилеве эта телеграмма была получена поздно вечером 9 сентября (27 августа). Ложное объяснение конфликта вызвало там взрыв негодования. Немедленно же из Ставки за подписью гене-

¹ 8 сент. по новому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

рала Корнилова для всеобщего извещения была послана во все штабы, учреждения и по линиям железных дорог следующая телеграмма:

«Телеграмма министра-председателя за № 4163, во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной Думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Аладьин. Таким образом, свершилась **великая провокация**, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевицкого большинства Советов, действует в полном согласии с планами Германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает Армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех Русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди Русское сердце, все, кто верит в Бога — в Храмы, молитесь Богу об явлении величайшего чуда, спасения родимой земли!

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать Русский народ рабами немцев, я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский Народ, в твоих руках жизнь твоей родины!»

Мы нарочно привели полный текст обеих телеграмм. Они имеют большое психологическое значение для изучения контрреволюционного движения. Не только потому, что «Извещение» Керенского, хотя и не произносило слово «мятежник», но по существу дела объявляло его таковым в ту минуту, когда никакого мятежа еще не было; не только потому, что спровоцированная этим объявлением телеграмма ген. Корнилова действительно призвала к «мятежу» против Временного правительства; эти телеграммы особенно важны тем, что зафиксировали окончательный разрыв внутри той силы, которая вырабатывалась инстинктом самосохранения государственного организма для борьбы против дальнейшего действия разрушительных сил революции.

Эти телеграммы читались людьми в исключительно повышенном психическом состоянии. Многие из этих слов вызвали мысли, которые надолго врезались в их души; самые слова были забыты, но мысли,

воспринятые в повышенной до крайности психической обстановке, опустились в подсознание и приобрели силу тех представлений, которые, раз усвоенные массами, требуют для своего разрушения больших усилий.

«Извещение» Керенского не только лживо излагало предшествующие разрыву события; оно, не произнося слова «реставрация», внушало мысль о реставрационном характере выступления ген. Корнилова. Подобное обвинение имело в обстановке того времени величайшую силу воздействия на массы. Крестьянин боялся потерять захватываемую им землю, рабочий — создавшееся для него привилегированное положение; солдат — возможность немедленного же прекращения войны. Для крестьянина и рабочего само по себе имя Корнилова очень мало говорило. Поэтому для них не было никаких оснований верить его заверениям, что ему «лично ничего не надо». Наоборот, они склонны были скорее не доверять ему, так как в их примитивной психологии факт, что Корнилов «царский генерал», неразрывно связывался с представлением реставратора. Вот почему «Извещение» Керенского бросало семена на чрезвычайно благоприятную почву для взращивания недоверия к генералу Корнилову, а вместе с ним и к тому виду контрреволюционного движения, которое впоследствии получило название «белого». А что представляло собою имя ген. Корнилова для солдат? Ответим словами генерала Краснова⁶⁴, ставшего впоследствии одним из виднейших вождей Белого Движения, а в рассматриваемые нами минуты ехавшего к 3-му конному корпусу. «Для солдат, — говорил Краснов¹, — имя Корнилова стало равнозначным смерти, казни и всяким наказаниям. «Корнилов хочет войны, — говорили они, — а мы желаем мира». В таких психологических условиях призыв генерала Корнилова не мог конкурировать с призывом Керенского. Более того, «Извещение» Керенского зажигало огонь вражды солдатской массы к офицерской, ярким представителем которой являлся генерал Корнилов.

В прошлой главе мы говорили, что на Московском Государственном Совещании обрисовался облик новой контрреволюционной силы: казачества. Но мы уже указали там, что в самом казачестве в это время еще бушевала революционная стихия. Мы указали также, что заявления ген. Каледина были в этом отношении преувеличенными и преждевременными. Вот почему, хотя среди рядов казаков «Извещение»-приказ Керенского и не имел того же эффекта, как среди солдатской массы, но и призыв-приказ ген. Корнилова тоже не вызвал желания идти бороться под его знаменем. Рядовой казак, не могущий еще разобраться

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив Русской революции, т. I, с. 104.

в той политической неразберихе, которую он видел вокруг себя, хотел пока остаться нейтральным. Опять-таки жажда окончания войны, которую он также испытывал, не располагала его идти за Корниловым. Тот же генерал Краснов, пробираясь к штабу 3-го конного корпуса, обгонял его эшелоны, двигавшиеся к Петрограду. Беседуя с солдатами и казаками, он вынес следующее впечатление: «Психология тогдашнего крестьянина и казака была проста до грубости: долой войну; давай нам мир и землю; мир по телеграфу. А приказ настойчиво звал к войне и победе».

При таких условиях «Извещение» Керенского получало громадную демагогическую силу: оно не только подрывало самого Корнилова; оно натравливало народные массы на ту силу, при помощи которой он сам хотел продолжать войну... и по иронии судьбы, к которой ему суждено было через два месяца обратиться за собственным спасением.

«Извещение» Керенского написано рукой, искушенной в политических интригах; это была рука его ближайшего помощника Некрасова, усиленно толкавшего Керенского на скорейший разрыв с Корниловым.

Горячий патриотический призыв телеграммы генерала Корнилова мог быть услышан лишь малоприспособленной к борьбе нашей либеральной интеллигенцией и буржуазией. Но это не была действенная сила. Более дальновидные люди предвидели это. Так, например, В. А. Маклаков¹, один из выдающихся представителей нашей либеральной интеллигенции, предупреждал Новосильцева⁶⁵: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, особенно М-в^{II}. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся»^{III}. Этот несколько жесткий отзыв был, очевидно, сказан В. А. Маклаковым, чтобы охладить пыл авантюристического окружения ген. Корнилова. На самом деле и либеральные, и буржуазные партии были в это время бессильны действительно поддержать ген. Корнилова в случае немедленного «ку д'эта»^{IV}.

Было только сочувствие.

Требовался еще период подготовки и организации для того, чтобы это сочувствие могло превратиться в действенную силу.

Такое положение дела было даже формулировано. В Москву, в эпоху бывшего там съезда представителей несоциалистических общественных группировок, прибыл из Ставки капитан Роженко⁶⁶, присланный,

^I Осенью 1917 года был назначен Врем. правительством Российским послом в Париже.

^{II} Здесь подразумевается лидер констит.-демократов. (П. Н. Милюков. — *Прим. ред.*).

^{III} Цитирована у ген. Деникина: *Очерки Русской Смуты*, т. II, с. 31.

^{IV} *Coup d'état* — государственный переворот (*франц.*). — *Прим. ред.*

по-видимому, по инициативе политического окружения ген. Корнилова. Капитан Роженко обратился к вышеупомянутому Новосильцеву с просьбой собрать на частное совещание наиболее видных общественных деятелей, дабы поставить их в известность относительно назревающих событий. На квартире одного из лидеров конституционно-демократической партии, возглавлявшей в эти минуты нашу либеральную общественность, состоялось собрание влиятельных членов Гос. Думы и политических деятелей. Доклад Роженко на этом собрании «своей легкостью произвел на всех тягостное впечатление», — пишет ген. Деникин¹. Один из участников собрания так описывает этот эпизод: «Обсуждать тут же этот доклад увлекающегося офицера не хотели. Было ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех...» Через несколько дней взволновавшее всех сообщение обсуждалось вновь в более широком кругу либеральных и консервативных политических деятелей. «После долгих объяснений, — говорит один из них, — П. Н. Милюков от лица деятелей конституционно-демократического направления сделал заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать Совет раб. и солд. депутатов. Но настроение масс таково, что они никакой помощи оказать не могут. Массы будут против них, если они активно выступят против Правительства и Совета раб. и солд. депутатов. Поэтому на Милюкова и его единомышленников рассчитывать нельзя». К этому заявлению присоединились знаком молчаливого согласия остальные общественники.

Несостоятельность ген. Корнилова как Верховного Главнокомандующего и состояла в том, что он не уяснял себе всей сложности процессов социальной жизни. Он был героем-солдатом, Верховный же Главнокомандующий в условиях современной войны, когда борются между собой не армии, а сами народы, — должен быть прежде всего Государственным человеком.

В распоряжении генерала Корнилова была только одна действенная сила — это было всё то же наше рядовое офицерство. В этой среде призыв генерала Корнилова нашел громадный отклик. Этот отклик, в связи с обрисовавшейся картиной провокации, жертвой которой стал ген. Корнилов, не только притянул к нему сердца патриотов-офицеров, но навсегда оттолкнул их и от Керенского, и от социалистов вообще. В примитивно политически мыслящем массовом офицерстве навсегда закрепилось убеждение, что всякий социалист, крайний или умеренный, должен быть, в конце концов, «предателем отечества». Эта привившаяся в подсознании нашего рядового офицерства идея будет влиять в течение всего последовавшего Белого Движения и будет

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II.

мешать вождям этого движения использовать в работе по воссозданию России тех многочисленных социалистов, которые — так же как и правые, и либералы — любили свою Родину.

Для того, чтобы использовать тот порыв, который мог вызвать в офицерской среде ген. Корнилов, требовалась внимательная и продуманная работа по подготовке и организации. Офицерство было вкраплено в солдатские массы. Оно было крайне стеснено в своих взаимоотношениях, т. к. солдатские массы жадными глазами следили за всякой офицерской организацией. Сделано ли было что-нибудь в этом отношении ген. Корниловым? Мы говорили выше, что сейчас же после разговора с Савинковым Ставка вызвала с фронта некоторое число офицеров и направила их для подавления ожидающего в столице восстания большевиков. Но это мероприятие было принято слишком поздно, проводилось при этом крайне торопливо, вследствие чего и не могло привести к другому результату, как поставить вызванных офицеров в трудное положение. Других мероприятий подобного рода через Ставку, как нормальный исполнительный орган воли Верховного Главнокомандующего, не проводилось. Сам начальник Штаба, этот ближайший помощник Верховного Главнокомандующего, был вне какой-либо подобной подготовки.

Нам кажется, что это служит лучшим доказательством того, что генерал Корнилов «ку д'эта» не замышлял.

Однако, помимо самого генерала Корнилова, в окружении, конечно, делались попытки организовать заговор; всё это производилось с таким легкомыслием, с таким незнанием дела, что если, с одной стороны, Керенский, знавший уже в августе все нити этой младенчески организованной конспирации, мог не опасаться ее, то с другой стороны, сам ген. Корнилов, призывая своей телеграммой к восстанию против Временного правительства, должен был бы знать, что единственная реальная сила, на поддержку которой он мог рассчитывать, еще не была для этого достаточно организована.

Тем не менее, уступив чувству глубокого возмущения приемами своего политического противника и поддавшись влиянию своего окружения, ген. Корнилов бросил свой призыв. Это не было актом Государственной мудрости, которая должна была быть главным качеством Верховного Главнокомандующего.

Второй раз наше офицерство вовлеклось в авантюру.

Первый раз — это было июльское наступление, представлявшее собою стратегическую авантюру.

Теперь это была политическая авантюра.

Первая авантюра уже озлобила солдат против офицеров.

Вторая сделала их врагами.

В этом отношении ген. Корнилов вместе с Керенским играли в руку своего общего врага — большевиков, окончательно расчлняя Русскую Армию на две враждебные части, которые впоследствии будут называться одна Белой, а другая Красной армией. Керенский подрывал веру солдатского лагеря в патриотические намерения офицерства и утверждал в этом лагере убеждение, что все требования дисциплины, которые исходили из рядов Командного состава, диктовались лишь одним желанием — желанием поработения солдат в личных офицерских интересах. Генерал же Корнилов окончательно подрывал в офицерстве идею Временного правительства. До сих пор, несмотря на кризисы, происходившие во Временном правительстве и приводившие к изменению его состава, все-таки идея хотя бы некоторой легитимности сохранялась; сохранялась, следовательно, и идея Временного правительства, долженствовавшего без «ку д'ета» довести страну до Учредительного Собрания. В своей телеграмме ген. Корнилов обвиняет Временное правительство в том, что оно «действует в полном согласии с планами Германского Генерального штаба»; это было обвинением в измене; между тем, несмотря на всё недостойное поведение Керенского, подобного обвинения ему не могло быть брошено. В составе Временного правительства находились и представители либеральных партий, сочувствовавших ген. Корнилову; своим обвинением в измене ген. Корнилов чрезвычайно затруднял и их положение. Но главным было то, что в создавшихся в это время условиях подрыв идеи Временного правительства неминуемо вел к диктатуре. Как мы знаем, у генерала Корнилова не было в руках той силы, при помощи которой он мог бы осуществить диктатуру. Стало быть, он открывал двери для осуществления диктатуры тем лицам, которые сумеют, хотя бы обманными способами, привлечь к себе солдатские и народные массы. Наибольшие шансы имели в этом отношении большевики, которые были единственной из политических партий, сулившей немедленный мир.

Любопытна история составления телеграммы ген. Корнилова.

Корреспондент газеты «Русское Слово» Лембич⁶⁷ объяснил Следственной комиссии, что эта телеграмма была написана в адъютантской комнате ординарцем ген. Корнилова Завойко, которую он прочел вслух присутствовавшим, а затем понес к ген. Корнилову. Через несколько минут Завойко вернулся с подписанной телеграммой и, обратившись к Лембичу и к корреспонденту «Утра России» Митропольскому, сказал: «Вот вам, господа корреспонденты, исторический документ, огласите его»¹.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 9, л. II. Показания Лембича.

«Очевидно, Завойко, — пишет по этому поводу Мартынов^I, — стремившийся к перевороту, умышленно придал ответному объявлению Корнилова такой характер, чтобы, насколько возможно, помешать примирению».

По показанию начальника дипломатической канцелярии в Ставке, кн. Трубецкого, эта телеграмма, означавшая окончательный разрыв, была отправлена без ведома начальника Штаба и генерал-квартирмейстеров, которые ее не читали и узнали об ее отправлении лишь утром 10 сентября (28 августа)^{II}.

Характерное совпадение: истинными авторами таких решающих ход событий документов как «Извещение» Керенского и «Призыв» ген. Корнилова, были ни тот, ни другой из лиц, в которых персонифицировалась борьба. С одной стороны, это был Некрасов^{III}, с другой — Завойко. Оба эти лица в политическом отношении представляли собою абсолютно отрицательные фигуры.

11 сентября (28 августа) от имени ген. Корнилова было объявлено следующее «Обращение к Народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий, генерал Корнилов, перед лицом всего народа, объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему народу Русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного. Истинный сын народа Русского погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет — свою жизнь.

В эти поистине ужасающие минуты существования отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное правительство, забывая вопрос независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью к власти, своей нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшему на беззаветное служение ему, не стоять на страже

^I Мартынов. Корнилов, с. 111.

^{II} Газета «Общее Дело», № 8 от 4 октября, Записка кн. Трубецкого.

^{III} Инициатива, редакция и даже подпись фамилии Керенского приписываются Некрасову. Следственная комиссия так и не добилась подлинника.

великих свобод, великого будущего своего народа. Но ныне будущее это в слабых, безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства, распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского. Очнитесь, люди Русские, от безумия ослепления и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина.

Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междуусобной брани и забывая обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному правительству и говорю: приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ Русский к великому будущему, достойному Могучего Свободного Народа».

Тон заключительных слов этого документа несравненно более примирительный, нежели тон «Призыва» генерала Корнилова, посланного накануне. Здесь уже нет обвинения Времен. правительства в измене. Несомненно, что генерал Корнилов готов был во имя интересов Родины идти на уступки. Однако этот документ тоже вышел из-под пера ординарца Верховного Главнокомандующего Завойки, вдохновлявшего ген. Корнилова на непримиримость. И вот в это обращение оказались включенными слова, в которых ген. Корнилов давал торжественное обещание перед Россией умереть, но не допустить своего смещения с поста Верховного. Этим возможность мирной ликвидации конфликта сводилась к нулю, т. к. ни одно Правительство, как бы оно ни именовалось — «Временным» или «Народной Обороны», — не могло согласиться с тем, чтобы кто-либо мог не подчиниться его верховной воле и это в особенности в то время, когда требовались энергичнейшие меры по восстановлению в Армии субординации и дисциплины; первая, так же как и вторая, не могли быть возрождены одними репрессивными мерами, а прежде всего примером, подаваемым сверху.

Впрочем, опасения политического окружения ген. Корнилова, что он пойдет на примирение, были излишни. Со стороны Керенского делалось всё, чтобы подобное примирение было невозможным. В тот же день, как ген. Корнилов выпустил свое «Обращение к Народу», Керенский опубликовал следующий приказ войскам Петрограда:

«Восставший на власть Временного Правительства бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, заявлявший о своем патриотизме и верности народу в своих телеграммах, теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта, ослабив его сопротивление нещадному врагу — Германцу, и все эти полки отправил против Петрограда. Он говорит о спасении Родины — и сознательно

создает братоубийственную войну. Он говорит, что стоит за свободу, — и посылает на Петроград Туземную дивизию. Товарищи, час испытания вашей верности свободе, революции наступил, и, в сознании святости исполняемого долга перед Родиной, встретьте стойко и славно ваших, обманутых генералом Корниловым, бывших товарищей по армии. Пусть увидят они перед собою истинные революционные полки, непреклонно решившиеся защищать Правительство революции, и пусть, пока не поздно, поймут и устыдятся того дела, на которое их преступно послали. Если же не поймут, я, ваш министр, уверен, что вы без страха и до конца исполните свой великий долг».

А несколько часов позже по всем железным дорогам тыла и фронта была разослана телеграмма Керенского, которой приказывалось «никаких распоряжений бывшего Верховного Главнокомандующего Корнилова, **изменившего Родине**, не исполнять».

Теперь уже Керенский объявлял ген. Корнилова изменником. Такая квалификация при самом строгом суждении поведения ген. Корнилова никак не могла быть к нему применена. Ибо ген. Корнилов с фронта для ослабления его никаких полков не снимал; 3-й конный корпус был взят из резерва Юго-Западного фронта. Последнее было известно Временному правительству, и сам Керенский еще 1 сентября (19 августа) приказал военному министру Савинкову просить у генерала Корнилова этот конный корпус для реального осуществления военного положения в Петрограде и для защиты Временного правительства от каких бы то ни было посягательств, в частности, от посягательства большевиков¹.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 27, л. 37. Показания Савинкова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 12

Вторая часть переговоров генерала Корнилова с Савинковым и Маклаковым по аппарату

между 2 и 7 часами пополудни 9 сентября (27 августа) 1917 года

Корнилов. Отвечаю по пунктам вашего сообщения.

Первое: в телеграмме генерала Лукомского подразумевается, что правительство приняло определенные решения относительно большевиков и Советов, так как для осуществления этого решения вы, от имени Временного правительства, предложили мне двинуть к Петрограду конный корпус, причем между нами было условлено, что окончание сосредоточения этого корпуса явится, по моей телеграмме вам, указанием момента объявления Петрограда на военном положении, что изложенное было заявлено мне вами в присутствии генералов Лукомского, Романовского и полковника Барановского.

Второе: в беседах наших 24 и 25 августа в Ставке¹, я высказал вам, что колебания правительства в проведении принципиально принятой им программы, предложенной вами и мною, приводят к тому, что намеченные меры запаздывают и за их проведение в жизнь нам приходится расплачиваться нашей Русской территорией и новым позором армии. Я указывал, что, по моему глубокому убеждению, только сильная твердая власть, не колеблющаяся ни перед какою ответственностью и олицетворяемая диктатурой, единоличной или коллективной, в зависимости от дальнейшего хода событий — может спасти страну от гибели. Далее я заявил вам, что, независимо от личных моих взглядов на характер и свойства А. Ф. Керенского и его отношение ко мне, я признаю участие его в составе правительства безусловно необходимым. Кроме того я заявил, что признаю также безусловно необходимым и ваше участие в составе правительства.

Третье: по отъезде вашем мною были получены новые тревожные известия о положении дел на фронте и в тылу: приготовления немцами производства десанта на побережье Рижского залива, убийство начальника 3-й пехотной дивизии и комиссара Особой армии, телеграмма о количестве погибших при взрыве в Казани снарядов и пулеметов. Эти сведения были приняты мною во внимание во время беседы с В. Н. Львовым, который, по его словам, приехал по поручению

¹ Тут ошибка, т. к. Савинков был в Ставке 23 и 24 августа (5 и 6 сентября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*).

А. Ф. Керенского с предложением высказать ему мой взгляд на три варианта на организацию, намечаемые самим А. Ф. Керенским: первый вариант — уход Керенского из состава правительства; второй — участие Керенского в составе правительства, и наконец, третий — предложение мне принять диктатуру, с объявлением таковой нынешним Временным правительством. Я заявил, что, по моему глубокому убеждению, я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении.

Я просил В. Н. Львова передать А. Ф. Керенскому и вам, что участие вас обоих в составе правительства считаю безусловно необходимым, просил передать мою настойчивую просьбу приехать в Ставку для принятия окончательного решения, причем заявил, что в виду имеющихся у меня точных сведений о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков, я признаю положение крайне грозным и в частности считаю нахождение вас и А. Ф. в Петрограде весьма опасным для вас обоих, почему предложил приехать в ставку, гарантируя своим честным словом вашу полную безопасность. Вчера, при обсуждении общего положения дел с комиссарверхом, мы пришли к окончательному выводу, что для спасения страны необходимо немедленное установление коллективной диктатуры в виде Совета обороны при непременном участии в нем А. Ф. Керенского, вашем, М. М. Филоненко и моем. Об этом взгляде моем вы были поставлены иносказательно в известность М. М. Филоненко. Вчера вечером, во время разговора с министром-председателем по аппарату, я подтвердил ему переданное через В. Н. Львова и был в полном убеждении, что министр-председатель, убедившись в тяжелом положении страны и желая работать в полном согласии со мной, решил сегодня выехать в Ставку, чтобы здесь принять окончательное решение. Сегодня я получил телеграмму о моем отозвании. Я вновь повторяю, что мне интересы моей родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к родине я доказал, рискуя много раз собственной жизнью, и ни вам, ни остальным министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед родиной. Я глубоко убежден, что совершенно неожиданное для меня решение правительства принято под давлением Совета с. и р. д., в состав которого вошло много людей, запятнавших себя изменой и предательством. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу в угоду врагу, уходу с поля битвы, и поэтому, в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своею совестью, я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей Родиной, я со своего поста не уйду. Задержание отъезда М. М. Филоненко вызвано моим стремлением не осложнять и без того запутанное положение дел. Ближайшие мотивы моего решения

он объяснит вам лично. Я кончил. Генерал Корнилов, 27 августа¹. 1917 года. 5 часов 50 минут. *Ставка*.

Савинков. Я не буду спорить с вами, генерал, я доложу о нашем разговоре Временному правительству, но я считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что я по поручению министра-председателя просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против Временного правительства, откуда бы они ни шли. Что касается возможной высадки противника, то я узнал о ней из беседы с вами в Ставке, а также о количестве взорванных пулеметов и снарядов в Казани. Филоненко говорил так иносказательно, что того смысла его слов, на который вы указываете, я не усмотрел. Лавр Георгиевич, я, как вам известно, стоял на точке зрения необходимости чрезвычайно сильной революционной власти, и этого ни от кого не скрывал, но власть революционная не может быть властью единоличной, и я докладывал вам, что если бы даже А. Ф. Керенский объявил себя диктатором, то даже и он нашел бы во мне врага. Из изложенного вами я усматриваю, что Львов сыграл в этом деле плачевную, если не сказать больше, роль. Я не могу забыть ваших последних слов, в Ставке, что вы готовы всемерно поддерживать А. Ф. Керенского, если это нужно для блага отечества, и моего ответа вам, что я счастлив слышать эти слова. Я боюсь, что порожденное Львовым недоразумение сыграло роковую для нашей родины роль, и я с прискорбием вижу, что все мои труды не дали результата. Лавр Георгиевич, я уже сказал, что мне не надлежит спорить с вами, но у аппарата Маклаков, он хочет говорить с вами. Угодно вам выслушать его? И еще одно слово: следует ли понимать ваши слова о Филоненко, что он уже вами отпущен?

Корнилов. М. М. Филоненко находится рядом со мной у аппарата и не выедет из Могилева до завтрашнего дня. С В. А. Маклаковым поговорю с удовольствием.

К Маклакову: Что прикажете?

Маклаков^{II}. В передаче Львова ваше предложение было принято здесь, как желание насильственного государственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение. Вы недостаточно верно осведомлены о политическом настроении. Такая попытка была бы несчастьем для России, повела бы к гибели армии, резне офицеров

^I 9 сентября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Один из видных представителей русской интеллигенции, член кадетской партии, впоследствии был назначен Временным правительством послом в Париж.

и победе Вильгельма; необходимо принять все меры ликвидировать эти недоразумения без соблазна и огласки. Вы недостаточно в курсе того, что здесь происходит; если могу быть полезным, охотно приеду в Ставку.

Корнилов. Возможно, что я недостаточно ясно разбираюсь в нынешних политических течениях, но только для меня ясно то, что страна и армия неудержимо идут в пропасть и своим последним неосторожным шагом правительство еще более обострило положение. Я охотно встретился бы с вами, с Керенским и Савинковым здесь в Ставке, и думаю, что недоразумение могло бы быть устранено при **личных объяснениях**, только полагаю, что при существовании последней телеграммы о моем отзывании почва для благополучного исхода вряд ли благоприятна.

НЕУДАЧА ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Неудача Корниловского выступления

Уже к вечеру 11 сентября (29 августа), то есть на второй же день после отказа генерала Корнилова сдать Верховное Главнокомандование и на следующий день после его «Обращения к народу», выяснилась неудача его выступления против Временного правительства.

Спешное отрешение генерала Корнилова от должности Верховного Главнокомандующего было теми «тридцатью серебряниками», которыми Керенский покупал содействие советов, тех самых советов, против которых военный министр Савинков и начальник военного кабинета Керенского Барановский только что высказали, от имени Правительства, согласие действовать совместно с ген. Корниловым. Сейчас же после появления цитированного в прошлой главе «Извещения» Керенского состоялось в ночь с 9 на 10 сентября (с 27 на 28 августа) соединенное заседание исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, на котором была вынесена следующая резолюция: «Предоставляя г. Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна являться самая решительная борьба с заговором генерала Корнилова, Центральный И.К.С.Р. и С.Д. и И.К.С.Кр.Д. обещает Правительству самую энергичную поддержку в этой борьбе». На этом же заседании было постановлено образовать Комитет для борьбы с контрреволюцией, в состав коего должны были войти по три представителя от большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров и народных социалистов, по пяти от В.Ц.И.К. и от И.К.С.Кр.Д. и по два от Центрального совета профсоюзов и Петроградского совета. В действительности этот комитет являлся лишь исполнительным органом; вдохновителем его было Бюро военной организации большевиков, под председательством Подвойского¹, так как оно пользовалось наибольшим влиянием среди солдат и рабочих Петрограда.

За день 11 сентября (29 августа) большевиками были устроены митинги в войсковых частях Петроградского гарнизона, на которых велась усиленная пропаганда против генерала Корнилова. «Необходимо отметить, — пишет Е. И. Мартынов, — что еще накануне Керенский

¹ Был впоследствии первым военным министром у большевиков.

обратился к большевикам с просьбой повлиять на солдат, встать на защиту революции»¹.

Таким образом, Керенский ставил теперь ставку на большевиков, не сознавая, что они являлись для него гораздо более опасными врагами, чем ген. Корнилов. Вместе с тем он совершил и другую ошибку. Реальной помощи в деле организации защиты Петрограда от наступающего 3-го конного корпуса большевики оказать не могли. Запасные войска, стоявшие гарнизоном в Петрограде, до такой степени утратили какие бы то ни было боевые качества, что степень их сопротивляемости войскам, сохранившим воинский порядок, равнялась нулю. Притом память о неудаче июльского мятежа была еще свежа, и потому гарнизон Петрограда был охвачен паникой, которую не могли успокоить никакие митинговые выкрики большевиков. Победа Керенского зависела не от силы сопротивляемости Петроградского гарнизона, а от того, что при создавшихся условиях стороны, атакующей Петроградский гарнизон, не оказалось.

«Какая страшная драма разыгралась в темной душе солдата в эти дни, — записывает свои впечатления о 3-м конном корпусе ген. Краснов². — Какие ужасные мысли ползли и копошились в его мозгу. Начальники с Верховным Главнокомандующим, генералом Корниловым, вели солдат против Временного правительства, того Временного правительства, которое дало им неслыханную свободу...» 11 сентября (29 августа) днем генерал Краснов говорил с солдатами только что прибывших на станцию Дно двух эшелонов Приморского драгунского полка, входившего в состав 3-го конного корпуса. Они собрались на митинг и горячо обсуждали, кто изменник — Корнилов или Керенский. «Мы должны исполнить приказ нашего Верховного Главнокомандующего, как верные солдаты, без рассуждений, — сказал генерал Краснов. — Русский народ в Учредительном Собрании рассудит, кто прав — Керенский или Корнилов, а сейчас наш долг повиноваться». — «Господин генерал, — отвечал солидный подпрапорщик, вахмистр со многими георгиевскими крестами. — Оборони Боже, чтобы мы отказывались исполнить приказ. Мы с полным удовольствием. Только вишь ты, какая загвоздка вышла. И тот изменник, и другой изменник. Нам дорогой сказывали, что Корнилов в Ставке уже арестован, его нет, а мы пойдем на такое дело. Ни сами не пойдем, ни вас под ответ подводить не хотим. Останемся здесь, пошлем разведчиков узнать, где правда»...

При таких психологических условиях достаточно было солдатам двух противоположных сторон **оказаться** друг против друга, чтобы

¹ Мартынов. Корнилов, с. 113.

² Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив Русской революции, т. I, с. 119.

появилось то же «братание», которое стало привычным явлением на позициях. Только на «внутреннем фронте» это братание чрезвычайно облегчалось, ибо на обеих сторонах были «свои» солдаты. До этой же встречи те же психологические условия создавали исключительно благоприятную почву для пропаганды против участия в борьбе генерала Корнилова с Керенским. На своем пути в Псков, ген. Краснов везде наблюдал одну и ту же картину¹. «Где на путях, где в вагонах, на седлах у склонившихся к ним головами вороных и караковых лошадей сидели драгуны и среди них юркая личность в солдатской шинели. Слышались отрывочные фразы: «Товарищи, что — же вы? Керенский вас из-под офицерской палки на свободу вывел, свободу вам дал, а вы опять захотели тянуться перед офицерами»... Или: «Товарищи, Керенский за свободу и счастье народа, а генерал Корнилов за дисциплину и смертную казнь; ужели вы с Корниловым?»... и т. п.

Вывод был ясен; и по справедливому замечанию ген. Краснова напрашивалось уже привычное заключение: «арестовать офицеров и послать в Петроград делегацию — спросить что делать». Офицеров не арестовали, но к Керенскому поехали представители от комитетов дивизий, — за советом и помощью^{II}. А тем временем железнодорожные «комитеты» выполняли телеграмму Керенского, посланную им еще 9 сентября (27 августа): «все эшелоны, следующие на Петроград и в район его, задерживать и направлять в пункты прежних стоянок». В результате, как пишет генерал Краснов^{III}, происходило следующее: «По чьему-то, никому не известному распоряжению к какому-нибудь эшелону прицепляли паровоз и везли его два-три перегона: сорок—шестьдесят верст; потом он оказывался где-то в стороне, на глухом разъезде, без фуража для лошадей и без обеда для людей».

Создавалось столь невозможное положение, что генерал Крымов решил 10 сентября (28 августа) выгружать эшелоны и вести далее свои части к Петрограду походным порядком. Генерал Крымов был одним из наиболее решительных и энергичных генералов Русской Армии. Он был хорошо известен среди командного состава этими своими качествами. И тем не менее, уже на следующий день, т. е. 11 сентября (29 августа), когда к нему приехал из Ставки ген. штаба полковник Лебедев с приказанием ген. Корнилова — сосредоточить свой корпус, быстро двинуться к Петрограду и неожиданно занять его, — он просил передать, что он «фактически лишен возможности исполнить это

^I Архив Русской революции, т. I, с. 191.

^{II} Миллюков. История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 265.

^{III} Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив Русской революции, т. I, с. 121.

распоряжение»^I. Ген. Деникин в своем труде бросает косвенно упрек генералу Крымову в том, что дерзания не было^{II}. Но сам же ген. Деникин пишет про настроение войск 3-го конного корпуса так: «До 29 августа (11 сентября нового стиля) войска шли на Петроград официально для поддержки Временного правительства. В этот же день Крымов объявил о столкновении Керенского с Верховным и призывал оставаться послушными распоряжениям последнего, напоминая постановление казачества о недопустимости смещения^{III} Корнилова. Вместе с тем, подтверждал свой приказ двигаться на Петроград, где, по его сведениям, начались беспорядки. Такая неопределенная постановка цели уже ни казаков, ни солдат удовлетворить не могла. Вопрос стоял проще и определеннее: с Временным правительством против Корнилова, или с Корниловым против Временного правительства»^{IV}.

Несколькими страницами выше сам ген. Деникин дает ответ: «Несомненно, офицерская среда в конечном итоге была готова на всё. Но в толще войск настроение оказалось иное: 3-й конный корпус, Кавказская туземная дивизия... были *тогда* вполне способны идти с Корниловым против большевиков... но в отношении Временного правительства они сохраняли еще нейтралитет: ни за него, ни против него идти не хотели»^V. Из приведенных выше выдержек из воспоминаний ген. Краснова, бывшего непосредственным свидетелем происходившего в толще 3-го конного корпуса, мы видели, что нижние чины отлично понимали дилемму, стоявшую перед ними; та или иная редакция приказа генерала Крымова не играла никакой роли. Положение всё равно было безнадежным.

Утром на следующий день, 12 сентября (30 августа), к ген. Крымову явился присланный Керенским полковник ген. штаба Самарин⁶⁸, лично хорошо известный генералу Крымову.

По свидетельству ген. Дитерихса⁶⁹ — начальника штаба Крымова, «Самарин передал Крымову, что Керенский, во имя спасения России, просит его приехать в Петроград, гарантируя честным словом его безопасность...»^{VI}. Генерал Крымов подчинился и поехал. Такая уступчивость со стороны ген. Крымова, человека весьма упорного, объясняется тем, что к этому времени для него стало уже ясным, что выступление генерала Корнилова окончательно проиграно.

^I Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 25, л. 24, показание Лебедева.

^{II} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 71.

^{III} В оригинале у Деникина: «смены» — *Прим. ред.*

^{IV} Там же, с. 69, 70.

^V Там же, с. 39, 40.

^{VI} Мартынов. Корнилов, с. 142.

Прибыв утром 13 сентября (31 августа) в Петроград, ген. Крымов явился к Керенскому. Произошло бурное объяснение. Описание этой беседы приведено в показаниях Керенского, но, конечно, нуждается в проверке.

К концу этой беседы вошел военно-морской прокурор, который предложил Крымову прибыть через два часа в Главное военно-морское судное управление для допроса. «Несомненно, что подобное начало, — пишет Мартынов¹, — мало гармонировало с тем честным словом, которое Керенский дал Крымову накануне через полковника Самарина». Из Зимнего дворца Крымов поехал к своему знакомому, занимавшему квартиру в доме, где помещался кабинет военного министра, и там застрелился.

Смерть Крымова, в связи с обстановкой его вызова, породила слух о том, что ген. Крымов был убит в здании Военного министерства. Этот слух упорно жил в офицерской среде и содействовал усилению враждебного недоверия этой среды к Керенскому и его партии. Факт самоубийства Крымова не подлежит сомнению. Перед смертью он написал письмо, которое поручил своему адъютанту передать генералу Корнилову в собственные руки. Начальник штаба генерала Корнилова — ген. Лукомский, в своих воспоминаниях^{II}, рассказывает о получении этого письма в Могилеве:

«Подходя к кабинету ген. Корнилова, я встретил выходявшего оттуда адъютанта Крымова. Генерал Корнилов сидел за письменным столом, откинувшись на спинку кресла. На мой вопрос, что содержится в письме генерала Крымова, Корнилов, помолчав несколько секунд, сказал: «Крымов застрелился сам». — На мой повторный вопрос ответил: «Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, а никто его не убивал». — Ясно было, что Корнилов почему-то, как тогда, так и впоследствии, не хотел никому сообщать содержание полученного им письма».

Так же быстро провалилось «выступление» генерала Корнилова и на самом фронте. Генерал Деникин, бывший в это время Главнокомандующим Юго-Западного фронта, сейчас же по получении «призыва» генерала Корнилова, телеграфировал Керенскому: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля^{III} на совещании с членами Временного правительства, я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши

^I «Корнилов», с. 151.

^{II} Воспоминания ген. Лукомского. Берлин, 1922, т. I, с. 251.

^{III} 29-го по новому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду»¹. По существу говоря, эта телеграмма призывала к восстанию. Командующие армиями Юго-Западного фронта, получив ее, сочли своим долгом присоединиться к своему Главнокомандующему и передали эту телеграмму далее вниз, в корпуса и дивизии. Результат получился плачевный. На следующий же день сам главнокомандующий генерал Деникин и его командующие армиями были арестованы в своих штабах толпами солдат. Вместе с этим произошел целый ряд резких эксцессов в корпусах и дивизиях, жертвами которых явились строевые офицеры, заподозренные солдатскими массами в сочувствии генералу Корнилову.

Главнокомандующие Северным, Западным и Румынским фронтами поступили осмотрительнее, нежели генерал Деникин. Они не выступали против Временного правительства, а лишь послали ему телеграммы, указывающие на гибельность для армии смещения генерала Корнилова. Вот, для примера, одна из таких телеграмм, а именно телеграмма генерала Щербачева, главнокомандующего Румынским фронтом:

«Военному министру. Считаю смену Верховного командования в настоящее, особенно трудное время, которое переживает Россия, — крайне опасной в военном отношении. С другой стороны, вполне разделяю меры, предложенные генералом Корниловым для поднятия дисциплины в целях восстановления боеспособности армии, считаю долгом совести заявить, что смена генерала Корнилова неминуемо губительно отразится на армии и защите России. Обращаюсь к вашему патриотизму, во имя спасения Родины, сохранить армию от раскола»².

Главнокомандующий же Кавказским фронтом — генерал Пржевальский, послал в Могилев следующую телеграмму:

«Ставка. Генералу Корнилову. Я остаюсь верным Временному правительству и считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне губительными для отечества»³.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 9, л. 9.

² Там же.

³ Там же.

В своем труде «Очерки Русской Смуты» генерал Деникин следующим образом объясняет, почему ген. Корнилов «нравственной поддержки со стороны «маршалов» не получил»¹.

«Корнилов не верил, — пишет ген. Деникин, — в стремление к активному выступлению высшего командного состава и не считал поэтому необходимым посвящать его заблаговременно в свои намерения; если не ошибаюсь, никуда, кроме Юго-Западного фронта, ориентировка не посылалась. По существу Главнокомандующие и командующие не располагали ведь ни реальными силами, ни реальной властью, находясь в почетном, иногда и не в почетном, плену у революционных организаций. Тем не менее, создать узлы сопротивления путем формирования послушных частей, хотя бы для удержания в своих руках — более или менее длительного — военных центров и штабных технических аппаратов, было, конечно, и необходимо, и возможно. Но для этого нужен был некоторый подбор главных начальников, а для всего вместе — **время**. Между тем быстро прогрессирующий распад страны и армии, по мнению генерала Корнилова, не давал возможности планомерной подготовки. Наконец, Корнилов считал, что в случае успеха — признание всех старших начальников было обеспечено, а при неуспехе — меньшее число лиц вовлекалось в дело и под ответ». В других местах своего труда ген. Деникин упрекает Главнокомандующих в недостатке «дерзания». Нам кажется, что обстановка была несравненно сложнее, чем то думает генерал Деникин, и при этом настолько сложной, что те задачи, которые стояли на очереди, примитивным «дерзанием» не разрешались. Дерзание требовалось, но дерзание высшего порядка. Иногда воздержание от соблазна преждевременно сорвать процесс, требующий длительного вызревания, требует гораздо большего характера, чем немедленное же проявление самой бурной энергии. Все главнокомандующие подготавливали и верные части, и центры сопротивления. Но, как мы уже знаем, процесс формирования верных частей был сорван проявлением необоснованного «дерзания» в области стратегии, приведшего к неудачному июльскому наступлению. В эти отборные части солдаты уже не шли. Те же части, в которых они еще были, становились, за малыми исключениями, всё менее надежными. Вследствие этого эти отборные части приобретали всё более «офицерский» характер. Таким образом, процесс морального обособления офицерства от солдат еще обострялся, и офицерство становилось единственной и последней козырной картой, находившейся в руках того игрока, который, призывался спасать не только армию, но уже всю Российскую государ-

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 61–62.

ственность. Поэтому рисковать выкладывать эту карту при условии, что она легко может быть бита, являлось актом государственного легкомыслия. В данном случае требовалась не азартная, а тонко и продуманно-разыгрываемая игра.

Была и другая причина, характера морального, заставлявшая главнокомандующих приложить все свои усилия не к подталкиванию ген. Корнилова на дальнейшие ходы по тому пути, на который он вступил по своей горячности и под влиянием своего авантюристического политического окружения, а, наоборот, к ликвидации возникшего конфликта мирным путем. Все главнокомандующие, не в меньшей степени, чем ген. Корнилов и ген. Деникин, понимали значение восстановления в армии субординации и дисциплины. Они, конечно, отлично сознавали, что как первая, так и вторая требовали для своего восстановления репрессивных мер; однако большой опыт в Высшем Командовании подсказывал им, что приостановка развала Армии не могла быть достигнута одним только применением этих мер. Требовался также и ряд мер морального порядка. Среди таковых в распоряжении высшего командования имелась пока лишь одна: личный пример. Поэтому, подымая голос за восстановление смертной казни, требовалось убедить солдата, что делается это во имя спасения Родины, а не из личных интересов, в чем старательно убеждали солдат на митингах большевики и близкие к ним партии. Успех же проводимой Высшим Командованием идеи требовал, в свою очередь, поддержания им авторитета Временного правительства и полного ему подчинения; при этом подчинения безусловного, без суждения о качествах или недостатках того или иного лица, ибо вопрос шел о государственной субординации представителю Верховной государственной власти.

Мы цитировали выше слова ген. Краснова на митинге драгун Приморского полка: «Мы должны исполнить приказ нашего Верховного Главнокомандующего, как верные солдаты, без рассуждения. Русский народ рассудит в Учредительном Собрании, кто прав..., а сейчас мы должны повиноваться». Это была та основная идея, которая в различных вариациях внушалась офицерским составом солдатам. И нужно сказать, если подобные слова и не доходили до сердца всех, то во всяком случае они задевали сердца лучших из солдат и заставляли их призадумываться. Однако, при пошатнувшемся доверии солдатской массы к командному составу, убедительность подобных слов могла основываться лишь на одном — на том, чтобы солдат мог продолжить подобный метод рассуждения до самого верха, а именно сказать: «Мои начальники тоже должны беспрекословно подчиняться Временному правительству, как носителю Верховной Государственной власти впредь

до Учредительного Собрания, которое и рассудит и т. д...» Одним словом, «военная субординация» могла логично обосновываться только как часть более общего целого — «субординации государственной». В том же случае, если «цепь» субординации, связывавшая солдата с самым верхом Государственной Власти, разрывалась в каком-либо звене, нижняя часть этой цепи падала. В последнем случае требование военной субординации переходило из области идей общегосударственных в область персональную, и даже в область личных вкусов и личных интересов. Чем примитивнее было мировоззрение нашего солдата, тем труднее было ему разобраться и тем более было данных, что теперь, когда из-под его понимания выбит последний устой привитой ему веками традиционной государственной власти, он пойдет за теми из политических лидеров, которые будут сулить ему скорейшее выполнение его желаний классового и даже эгоистического характера. Ответ, который услышал ген. Краснов на митинге Приморского драгунского полка, тем более характерен, что он исходит от «солидного подпрапорщика, вахмистра, со многими георгиевскими крестами». Стало быть, это говорил один из тех представителей нашей старой армии, на которых держался в свое время весь порядок и солдатская дисциплина Российской Императорской Армии. «Оборони Боже, — говорил он, — чтобы мы не исполнили приказ... Только вишь ты, какая загвоздка вышла. И тот изменник, и другой изменник...»

Более опытные главнокомандующие понимали, что выступление ген. Корнилова, обреченное на полную неудачу, ввергало солдатскую массу в окончательную анархию. В то же время они учитывали, что оно подставляло наше офицерство под новые удары. При этом за неудачу будут расплачиваться лучшие из офицеров, которые сразу же откликнутся с полной верой на призыв своих начальников.

А и без этого положение офицеров в эти дни было чрезвычайно тяжелым. Вздурораженные солдатские массы пользовались всяким предлогом для того, чтобы свести счеты с теми из офицеров, которые стояли за воинский порядок в частях, а также с «умеренными» членами войсковых комитетов, посильно помогавшими офицерам поддерживать этот порядок.

Немедленно же вслед за получением «извещения» Керенского и «призыва» генерала Корнилова, во всех частях фронта самочинно образовались особые «революционные» трибуналы, в которых большевики впервые приобретали в Действующей Армии главенствующую роль. Наиболее резко проявилось всё только что изложенное на Юго-Западном фронте. Вот почему осторожность главнокомандующих диктовалась не робостью, как это можно заключить из книги ген. Деникина, а более глубоким пониманием обстановки и большей мудростью.

Ликвидация Корниловского выступления и роль генерала Алексеева в этой ликвидации

Подобные же чувства и мысли определили в эти тяжелые дни поведение бывшего Верховного Главнокомандующего — ген. М. В. Алексеева.

Еще в ночь с 9 на 10 сентября (с 27 на 28 августа) Керенский предложил ген. Алексееву заменить генерала Корнилова на должности Верховного Главнокомандующего. Ознакомившись с лентами переговоров по аппарату, ген. Алексеев ответил категорическим отказом, заявив, что «дело нужно закончить выяснением недоразумений, соглашением и оставлением ген. Корнилова в должности, чтобы избавить армию от толчков и потрясений»¹.

11 сентября (29 августа) состоялось назначение Верховным Главнокомандующим Керенского и был подписан Указ Временного правительства о предании генералов Корнилова, Лукомского, Деникина и Маркова⁷⁰ (начальника штаба ген. Деникина) суду «за мятеж». Одновременно была назначена и «Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Корнилове и соучастниках его, учинивших восстание». Керенский предложил ген. Алексееву занять должность его начальника штаба.

В ночь на 12 сентября (30 августа) генерал Алексеев согласился принять это назначение.

Трудно себе представить, каких громадных нравственных мучений стоило ген. Алексееву решиться на этот шаг. Здесь мы имеем дело с проявлением величайшего гражданского мужества и большой государственной мудрости, которые и позволили ген. Алексееву не поддаваться чувствам личной симпатии, а руководствоваться лишь общими интересами. В своем показании ген. Алексеев говорит, что он принял должность начальника штаба Керенского для того, чтобы предотвратить «распад Верховного управления». Кроме того, он считал, что своим влиянием он облегчит судьбу участников Корниловского выступления. Последним же в это время уже угрожала серьезная опасность.

Как только выяснилась неудача наступления на Петроград 3-го конного корпуса, разложившимися тыловыми частями стали самочинно формироваться карательные отряды для ареста Корнилова и разгрома Ставки. В этом отношении особенно усердствовал командующий войсками Московского военного округа — полковник Верховский⁷¹, делавший в это время свою революционную карьеру.

¹ Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове. № 27, л. 2, показания ген. Алексеева.

От этих отрядов можно было ожидать самых диких эксцессов; составленные из большевистствующих элементов, они стремились показать свое рвение путем мести ген. Корнилову и его соучастникам. Это рвение особенно усилилось, когда выяснилось, что в распоряжении ген. Корнилова имеется лишь Корниловский ударный и Текинский конный полки; артиллерии у него не было вовсе, а Георгиевский батальон, находившийся также в Могилеве, с самого начала стал на сторону Временного правительства. В Корниловском полку, составленном из добровольцев VIII-й армии (во время командования этой армией генерала Корнилова), числилось около 200 офицеров и 2500 нижних чинов. Несмотря на преданность этого полка ген. Корнилову, всё-таки семь офицеров и несколько сот нижних чинов отказались принять участие в борьбе против Временного правительства и были отправлены в другие части¹.

Согласившись стать начальником штаба нового Верховного Главнокомандующего Керенского, ген. Алексеев принимал на себя роль миротворца. Он должен был уговорить ген. Корнилова подчиниться постановлениям Временного правительства, а именно сдать должность Верховного Главнокомандующего и предоставить себя в распоряжение Чрезвычайной Следственной комиссии. Говоря более общими словами: генерал Алексеев ставил себе задачей ликвидировать возможно безболезненное Корниловское выступление.

Как показало дальнейшее течение событий, то обстоятельство, что эта ликвидация была произведена именно рукою генерала Алексева, спасло не только непосредственных участников этого выступления, но и всё лучшее строевое офицерство. Генерал Алексеев помогал Главнокомандующим спасти как раз ту распыленную силу, которая, впоследствии, собралась на его зов и под знаменами того же ген. Корнилова, ген. Деникина и многих других вождей Белого Движения и героически боролась за Россию.

Приступая к выполнению своей трудной задачи, генерал Алексеев вызвал к часу дня 12 сентября (30 августа) к аппарату для переговоров по прямому проводу ген. Корнилова. Но еще до начала этих переговоров, утром 12 сентября (30 августа), по указанию ген. Корнилова, начальником его штаба была составлена следующая телеграмма на имя Керенского²:

«Представляется совершенно недопустимым, чтобы руководство по оперативной части из Ставки было прервано хотя бы на один день.

¹ Слабость сил ген. Корнилова была в то время хорошо известна в Московском совете; см. доклад Шубина, напечатанный в «Известиях Московского совета р. и с. депутатов» от 12 сентября (по новому стилю от 25 сентября).

² Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 6, л. 138.

Является безусловно необходимым немедленное ваше указание в Ставку и на фронты о том, чьи распоряжения должны исполняться. Данные с фронта указывают на возможность возобновления серьезных операций противника на Северном фронте, на Jakobstadском и Двинском направлениях, и на Румынском фронте — на Черновицком направлении. Генерал Корнилов, учитывая стратегическую обстановку и не допуская возможным, чтобы создавшимся положением мог воспользоваться противник, и имея в виду лишь пользу Родины, поручил мне передать следующее: 1) Если будет объявлено в России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то он немедленно, со своей стороны, примет меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним. Генерал Корнилов еще раз заверяет, что лично для себя ничего не искал, а добивался лишь установления могучей власти, способной вывести Россию из того позора, в который она ввергнута. Никаких контрреволюционных замыслов ни генерал Корнилов, ни другие не питали и не питают. 2) Приостановить предание суду генерала Деникина и подчиненных ему лиц. 3) Считает вообще недопустимым аресты генералов и других лиц, необходимых прежде всего армии в эту ужасную минуту, и требует немедленного их освобождения. 4) Немедленный приезд в Ставку генерала Алексева, который, с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, а с другой стороны, являлся бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку. От себя прибавлю, что указание Ставке и фронтам о том, чьи оперативные распоряжения подлежат беспрекословному выполнению, необходимо сделать безотлагательно. 5) Генерал Корнилов требует, чтобы Правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, Корнилова, еще не сдавшего Верховного командования, и вносящих смуту в стране и войсках. Со своей стороны, генерал Корнилов обязуется не выпускать приказов войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных. 6499. Лукомский».

Во время составления этой телеграммы ген. Корнилову не было еще ничего известно о 3-м конном корпусе. Связь с ним была совершенно потеряна; полковник Лебедев, получивший, как мы знаем, накануне поручение от ген. Крымова доложить генералу Корнилову, что Крымов «фактически лишен возможности исполнить» распоряжения ген. Корнилова, не вернулся еще в Ставку. Поэтому генерал Деникин прав, когда, упоминая об этой телеграмме, говорит, что «это не была еще безусловная сдача...»¹. В ней генерал Корнилов идет только на уступки; из того, что он просит о немедленной присылке в Ставку генерала Алексева, можно

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 66.

даже заключить о том, что он согласен сдать Верховное Командование. Напомним, что, как мы уже указывали в прошлой главе, в конце «Обращения к народу», выпущенного генералом Корниловым накануне — 10 сентября (28 августа), тоже звучат примирительные ноты. Несомненно, что генерал Корнилов идти на гражданскую войну, в то время как приходилось вести войну против внешнего врага, отнюдь не хотел. Он только ошибочно думал, что желаемые им изменения могут быть чрезвычайно легко и быстро достигнуты усмирением Петроградского гарнизона 3-м конным корпусом. Поэтому и телеграмма Керенскому, составленная утром 12 сентября (30 августа), заключает в себе не только условия, но даже требования. Насколько генерал Корнилов не представлял себе действительной обстановки, свидетельствует 3-й пункт только что цитированной телеграммы, в котором Керенскому предъявляется требование о немедленном освобождении «генералов и других лиц»... Керенский был бессилён сделать это потому, что для одержания победы над генералом Корниловым, он поторопился обратиться за помощью в большевистствующий лагерь и теперь был связан с последним. Между тем, вопрос, возбужденный генералом Корниловым, имел громаднейшее значение, ибо он вовсе не ограничивался узкими рамками небольшого числа генералов и офицеров, открыто примкнувших к выступлению генерала Корнилова. Вопрос шел о спасении лучшей части нашего офицерства. Сделать это мог только генерал Алексеев, возможно скорее ликвидируя само выступление.

Нам приходится остановить внимание на этом вопросе, ибо во многих мемуарах непосредственных участников Корниловского выступления между строками можно прочесть мысль, что генерал Алексеев, будучи введен в заблуждение Керенским, сыграл отрицательную роль, помешав возможному успеху генерала Корнилова. В этом отношении большой исторический интерес представляют собою переговоры, которые ведет по аппарату генерал Алексеев с генералами Корниловым и Лукомским перед своим приездом в Могилев (Ставку).

Эти переговоры ярко показывают всё различие в понимании обстановки генералом Алексеевым и генералом Корниловым. Они также обрисовывают различие внутренних обликов этих будущих вождей Добровольческой Армии. Корнилов, это генерал-тактик, знающий, что победа небольших войсковых соединений не может быть достигнута без риска; лично безумно храбрый, он любит этот риск и предпочитает порыв терпеливому расчету. Генерал Алексеев, это — генерал-стратег, знающий, что в высшей стратегии не должно быть элемента риска, а что всё должно быть обосновано на точном и холодном расчете; он знает также, что за просчет в области стратегии платят неизмеримо большие круги лиц, чем за просчет в тактике; он знает, что в области стратегии

часто требуется прервать бой и отступить для того, чтобы подготовить новый бой, создав этим тактике наиболее благоприятные для победы условия. Судьбе угодно было, чтобы в скором времени оба эти генерала одновременно стали во главе Добровольческой Армии. И тот, и другой, в особенности же генерал Корнилов, сохраняют в памяти, что изучаемые нами здесь дни им пришлось находиться в противоположных лагерях.

От часу до трех часов пополудни 12 сентября (30 августа) между генералом Алексеевым и генералом Корниловым происходил условленный разговор по аппарату. Подлинный текст этого разговора приведен в приложении к настоящей главе¹.

Вот наиболее существенная его часть.

Ген. Алексеев начал с того, что познакомил ген. Корнилова с трагической обстановкой, создавшейся на фронтах после выступления ген. Корнилова: «От всех главнокомандующих в военном министерстве получены телеграфные запросы, кому они должны подчиняться. Юз-фронт (Юго-Западный фронт) лишился всех старших чинов своего штаба и снабжений. Все они арестованы, и управление фронтом находится в слабых, неорганизованных руках. Управление Северного фронта, по-видимому, не в лучшем положении. В Выборге, на почве безначалия, солдатский бунт. Орановский⁷², по-видимому, погиб...»¹¹

Далее ген. Алексеев сообщает положение дивизий ген. Крымова, о коих в Ставке имели весьма смутное представление. «В тяжкие минуты развала управления армиями, — продолжает ген. Алексеев, — нужны определенные и героические решения. Временное правительство принимает решение вручить Верховное Главнокомандование министру-председателю с тем, чтобы начальником штаба был назначен генерал Алексеев. Подчиняясь сложившейся обстановке, повинуюсь велениям любви к Родине, после тяжелой внутренней борьбы, я готов подчиниться этому решению и взять на себя труд начальника штаба. Но такое решение мое требует, чтобы переход к новому управлению совершался преемственно и безболезненно»... Далее, шадя самолюбие ген. Корнилова, он переходит к вопросу о сдаче им Верховного Главнокомандования: «Объяснив Вам общее тяжелое положение, прибавлю, что мое решение подсказано мне единой мыслью быть полезным Родине и сослужить ей в критическую минуту, быть может, последнюю службу, так как сознаю, что иного исхода нет. Прошу откровенно высказать всё, что можете, и указать, какой путь можно было бы избрать для перехода

¹ Приложение № 13

¹¹ Ген. Орановский, командир 43-го корпуса, расположенного в Финляндии. В первые же дни Корниловского выступления ген. Орановский и старшие чины его штаба были утоплены солдатами.

управления к другим лицам. Если Вы считаете, что минута для этого перехода назрела и требуется обстановкой, я могу, быть может, сегодня же вечером выехать в Смоленск и возможно спешно прибыть в Могилев для переговоров, в качестве не занимающего официальное положение в армии, но Временное правительство считает, что только немедленное объявление нового состава Верховного Управления положит предел неопределенному положению фронтов, а особенно Финляндии и тыла...»¹

Генерал Корнилов уклонился от прямого ответа на поставленный ему генералом Алексеевым вопрос. Вместо ответа он прочел телеграмму генерала Лукомского, текст которой приведен нами несколько выше, после чего сказал: ответ по содержанию этой телеграммы прошу мне дать в возможно скорейший срок, **так как от ответа будет зависеть дальнейший ход событий**. Прошу ответить, когда Вы рассчитываете быть в Могилеве. Ваш приезд необходим».

Генерал Алексеев обещал немедленно предъявить телеграмму Временному правительству, добавив, что от последнего и **«будет зависеть, когда оно даст ответ**. Я заинтересован только в том сейчас, чтобы были отданы распоряжения исполнять ваши оперативные указания и приказ по управлению войсками до фактического перехода управления ко мне, так как войска теперь остаются без всякого руководства, между тем кризис может наступить каждую минуту. Мольба о сильной, крепкой власти, думаю, есть общая мольба всех любящих Родину и ясно отдающих себе отчет об истинном ее положении. Поэтому Вы можете быть убеждены в самой горячей поддержке вашего призыва. Но каков будет результат, пока сказать не могу. Я совершенно не ориентирован в общей внутренней обстановке управления...»

В начале четвертого часа пополудни ген. Лукомский отправил Керенскому вышеприведенную телеграмму № 6499.

Ответом на нее было распоряжение Временного правительства по радиотелеграфу о том, что все оперативные приказания генерала Корнилова, а также отдаваемые его именем, обязательны для всех. Создалось оригинальное положение, когда за Верх. Главнокомандующим, отчисленным от должности и преданным суду за мятеж, было временно оставлено оперативное управление. Это был один из тех многочисленных парадоксов, которые порождались сочетанием войны и революции.

Тогда же была послана ген. Корниловым следующая циркулярная телеграмма: «Главнокомандующим фронтов, командующим войсками округов, Атаману Войска Донского, начальникам железных дорог всей сети. Сегодня я был вызван к аппарату генералом Алексеевым. На сле-

¹ В Финляндии, а именно в Выборге, в Гельсингфорсе и в Або так же, как и в тылу, происходили эксцессы солдатских толп против офицеров.

данное мне предложение я ответил, что ни мною, ни теми, кто со мной, никогда не руководили и не руководят побуждения личного свойства, почему, как я заявил с самого начала, я **согласен передать Верховное Командование Армией, при условии** создания сильного независимого Правительства, которое единственно может довести страну до победы и учредительного собрания, **и требую** со стороны нынешнего Правительства прекращения выступлений, превратно истолковывающих мои цели и стремления, восстановления чести тех, которые последовали моему призыву спасти страну, № 6502. ген. Корнилов».

Этой телеграммой генерал Корнилов уже совершенно определенно выражал согласие сдать должность, но опять ставил свои условия. Вследствие этого ген. Алексеев при своем втором разговоре по аппарату с ген. Корниловыми в тот же день в 8 часов вечера, осведомившись о том — получена ли радиограмма Правительства относительно оперативного управления, предупредил, что «на другие вопросы пока ответа не дано».

По окончании разговора с ген. Алексеевым, не зная еще про судьбу генерала Крымова, генерал Корнилов написал ему письмо, которое отправил с офицером-ординарцем. Это письмо¹ не дошло по назначению, но оно характерно обрисовывает, насколько ген. Корнилов не представлял себе действительной обстановки. Он просит ген. Крымова осветить ему «дальнейшие шансы на возможность крепкого нажима средствами, имеющимися» в распоряжении ген. Крымова. «Если же обстановка позволяет, — кончает ген. Корнилов свое письмо, — действуйте самостоятельно в духе данной мною вам инструкции». Из этого письма видно, что генерал Корнилов, пойдя на уступку в вопросе о сдаче Верховного Главнокомандования, предполагал, используя силы ген. Крымова, понудить Временное правительство принять те свои требования, которыми он обуславливал свой уход с занимаемого им поста.

Из всего вышеизложенного видно, насколько трудна была миссия ген. Алексеева. Трудность эта была двусторонней, так как с противоположной стороны Керенский, по-видимому, тоже не отказывался от мысли ликвидировать Ставку вооруженной силой. Он назначил полковника Верховского, особенно муссировавшего в это время среди солдат Московского гарнизона идею подавления силой «мятежа в Ставке», военным министром с производством «за отличия» в генералы. Не сдав еще своей должности командующего войсками Московского военного округа, этот новый генерал с усиленным рвением продолжал грузить в поезда эшелоны для усмирения Ставки и ареста генерала Корнилова.

¹ Приведено в приложении № 14.

К полудню 14 (1) сентября Верховский успел погрузить 15 воинских поездов и послать ген. Алексееву такое извещение: «Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский⁷³, Плющевский-Плющик⁷⁴, Пронин⁷⁵ и Сахаров⁷⁶ должны быть немедленно арестованы и препровождены. Это является целью моей поездки, которую считаю совершенно необходимой. Вызвал Вас к аппарату, надеясь услышать, что эти аресты произведены»^{II}.

Кроме того, по пути в Могилев, в Витебске, ген. Алексеев узнал, что распоряжением Керенского в г. Орше собирается отряд полковника Короткова для действий против Могилева и для ареста генерала Корнилова^{III}.

Зная, какими дикими эксцессами оканчиваются подобные экспедиции, генерал Алексеев употребляет всю силу своего морального авторитета, чтобы приостановить движение к Могилеву всех этих эшелонов. Верховскому он телеграфировал: «Ваших войск надобности нет. Ваше движение может быть предпринято только по приказанию Главковерха, что он подтвердил мне сейчас по аппарату. Кого именно надлежит арестовать, решит Чрезвычайная Следственная Комиссия, прибывшая в Могилев»^{IV}.

Принимая все от него зависящие меры для того, чтобы приостановить движение войск против Ставки, генерал Алексеев пожелал до своего приезда в Ставку получить от генерала Корнилова определенные ответы о подчинении его Временному правительству. Поэтому в ночь на 14 сентября (1 сентября) он остановил свой поезд в Витебске и вызвал к аппарату генерала Лукомского, причем, опять щадя самолюбие генерала Корнилова, он облекает свои вопросы в наиболее мягкую, хотя и вполне определенную, форму. «...Прошу ответить мне, — начал свой разговор ген. Алексеев^V. — 1) Считаете ли, что я следую в Могилев с определенным служебным положением или только для переговоров? 2) Предполагаете ли, что с приемом мною руководства армиями, дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев... Следственной Комиссией под председательством Главного военно-морского прокурора Шабловского⁷⁷? ...Прошу ответить на эти два вопроса, ибо от этого будет зависеть мое собственное решение, так

^I Офицеры Ген. штаба Ставки.

^{II} Архив Октябрьской революции. Дело о Корнилове, № 27, л. 2, показания Алексеева.

^{III} Там же.

^{IV} Военно-Ученый архив. Дело № 812, л. 53.

^V Полный текст этого разговора приведен в приложении № 15.

как я не могу допустить себя быть простым свидетелем тех событий, которые подготовляются распоряжениями и которых нужно безусловно избежать; поэтому-то я решил вызвать Вас из Витебска с тем, чтобы не было каких-либо недоразумений, а главное получить данные для сношений моих с Петроградом». Не будучи удовлетворен уклончивым ответом, данным генералом Лукомским, генерал Алексеев просил разбудить ген. Корнилова. «...После тяжелого размышления, — продолжает свой разговор ген. Алексеев, — я вынужден был силой обстоятельств принять назначение во избежание других решений, которые могли отразиться на армии. В решении этом я руководствовался только военной обстановкой, не принимая во внимание никакие другие соображения. Но теперь возникает вопрос существенной важности: прибыть в Могилев только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другою волею, невозможно. Или придется взять всё, или совершенно отказаться от появления в Могилеве... явиться невольным участником столкновения двух воль, не от меня зависящих, я считаю для себя и недопустимым, и недостойным. Или с прибытием в Могилев я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни и службы Армии, или совсем не должен принимать должности. В этом отношении я не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, так как это может повлечь за собою непоправимые последствия... Временное правительство приняло известное решение; остается с ним согласиться или действовать по иным соображениям»...

В ответ на это ген. Лукомский сказал: «Для получения мною вполне определенного ответа от ген. Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: 1) что делается с Крымовым, и 2) решено ли направлять сюда что-либо для ликвидации вопроса?»

Генерал Алексеев по первому вопросу объяснил, что утром 13 сентября (31 августа) в Петрограде он видел генерала Крымова, сказавшего ему, что в 12 часов дня он должен быть у Керенского; теперь, в Витебске «циркулируют неясные слухи, что с генералом Крымовым что-то случилось», но он этому не верит. «На второй Ваш вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей; к глубокому сожалению, на пути узнал, что непосредственно из Петрограда отдаются распоряжения, которые становятся мне известными случайно, о направлении средств для насильственной, если нужно, ликвидации. Потому-то я и высказал, что для меня и недостойно, и недопустимо пребывание при таких условиях в Могилеве. Вот причина, вследствие которой для меня необходим ясный ответ, от него будет зависеть мое решение, но, к сожалению, я

не могу повлиять на остальные распоряжения, сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидации было бы большой ошибкой».

Генерал Лукомский пошел к Корнилову, после чего передал от его имени следующий ответ: «Генерал Корнилов просит Вас приехать, **как полномочного руководителя армиями**. Но вместе с этим ген. Корнилов настаивает, чтобы Вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились и к нему не подводились, ибо, по настроению здешних войск, произойдет кровопролитие, которого генерал Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны, он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Генерал Корнилов просит вас ответить — можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена».

На это генерал Алексеев ответил коротко: «Сделаю всё».

Арест генерала Корнилова и предание его суду

Днем 14 (1) сентября ген. Алексеев прибыл в Могилев и без всяких затруднений принял в свое подчинение Ставку. Беседуя с Керенским по аппарату¹, он настаивал на прекращении каких бы то ни было распоряжений о посылке войск против Ставки. Он напоминал, что принял на себя обязательство окончить дело путем одних переговоров и выполнит свое обещание. «Мне не было сделано даже намек на то, что уже собираются войска для решительных действий против Могилева...» Керенский оправдывался, приводя совершенно фантастические данные о вооруженных силах и укреплениях Ставки. По-видимому, он всё еще не мог прийти в себя от пережитой им паники. Он настойчиво требовал ареста генерала Корнилова. «Если через два часа не получу от Вас ответа, — заканчивает он свой разговор, — я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены свободы действий». По иронии судьбы он высказывал опасения, аналогичные тем, которые, пять дней перед этим, возникли у генерала Корнилова, когда он получил телеграмму о своем отрешении и думал, что Керенский захвачен в плен советами.

В исходе дня Керенский приказал начальнику своего военного кабинета, полк. Барановскому, послать ген. Алексею напоминание. «Верховный Главнокомандующий, — говорится в этой телеграмме², — требует, чтобы генерал Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми

¹ Разговор по прямому проводу между 3 час. 30 мин. и 5 час. 10 мин. дня 14 (1) сентября.

² Цитировано у ген. Деникина: Очерки Русской Смуты, т. II, с. 74–75.

бедствиями. Демократия взволнована свыше меры, и всё грозит разразиться страшным¹ взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления советов и большевизма ожидается не только здесь, в Петрограде, но и в Москве, и в других городах. В Омске арестованы командующий войсками, власть перешла совету. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедление и гибель всего дела спасения Родины, или немедленные решительные действия, аресты указанных вам лиц и тогда возможна еще борьба. А. Ф. Керенский ожидает, что государственный разум подскажет ген. Алексееву решение, и он примет его немедленно: арестует ген. Корнилова и его соучастников... Сегодня, сейчас, необходимо дать это в газеты, чтобы завтра утром об аресте узнала вся организованная демократия. Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Советы бушуют, и разрядить атмосферу можно только проявлением власти и арестом Корнилова и других. Повторяю, дальнейшее промедление невозможно. Нельзя дальше только разговаривать, надо решаться и действовать...»

Действительно, солдатские массы, взбудораженные выступлением ген. Корнилова и опьяненные неожиданно легким и скорым успехом, бушевали везде — и на фронте и в тылу. То же самое происходило в Могилеве. Поэтому, произведя в тот же день вечером арест ген. Корнилова, ген. Алексеев не только выполнял приказ Временного правительства, но также руководствовался желанием охранить безопасность ген. Корнилова. Отвечая на телеграмму Барановского, он сообщил, что «войска, находящиеся в Могилеве, верны Временному правительству и подчиняются безусловно Главковерху (то есть Керенскому). Около 22 часов генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать [его] отряда далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет. Таким образом, за семь часов времени пребывания моего в Могилеве были исполнены только дела и исключены разговоры. Около 24-х часов прибывает следственная комиссия, в руки которой будут переданы чины уже арестованные и будут арестованы по требованию этой комиссии другие лица, если в этом встретится надобность. С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы советов, являются неоспоримым фактом»¹¹.

¹ В оригинале у Деникина: «колоссальным». — *Прим. ред.*

¹¹ Цитировано у ген. Деникина: Очерки Русской Смуты, т. II, с. 75.

Генерал Корнилов и ближайшие соучастники его выступления были сначала подвергнуты домашнему аресту, т. е. оставлены на своих квартирах с приставлением к ним часовых. Но затем они были переведены в г. Быхов, находящийся в 50 километрах от Могилева. Тут они были помещены в здание женской гимназии, бывшем католическом монастыре. Недели через две в Быхов были перевезены генерал Деникин и арестованные с ним чины управления Юго-Западного фронта.

Ввиду крайнего озлобления солдатских масс против ген. Корнилова, была применена оригинальная форма охраны. Таковая была двойной: наружная — состоявшая из солдат Георгиевского батальона при Ставке, посты этой охраны и осуществляли лишения свободы «быховских узников», — внутренняя же охрана неслась преданными ген. Корнилову Текинцами, которые охраняли его и арестованных вместе с ним лиц от проявления какого-либо насилия извне. Насколько враждебно было настроение солдатских масс, свидетельствует сам Деникин: «Неоднократно проходившие через станцию Быхов солдатские эшелоны проявляли намерение расправиться с арестованными. Были случаи высадки и движения [их] в город... Угроза самосуда висела над Быховцами»¹. От такого самосуда спасла их формируемая Ставкой, из уроженцев Польши, национальная Польская дивизия. Возможность положиться на эту дивизию и была причиной помещения всех арестованных по делу ген. Корнилова в Быхове.

Озлобление солдатских масс против ген. Корнилова сказывалось еще в том, что они очень внимательно следили, чтобы «Приказ Армии и Флоту» от 30 августа (12 сентября по нов. стилю), в котором было объявлено, что ген. Корнилов и его соучастники предаются военно-революционному суду, был исполнен. На этом виде суда настаивал и Совет раб. и солд. депутатов. Комиссар Юго-Западного фронта Иорданский писал: «Солдаты думают, что генералов нужно судить таким же военно-революционным судом, каким судили их самих последние месяцы». Несомненно, это была очень благодарная тема для дальнейшего митирования солдат против командного состава, ибо все солдаты понимали, что военно-революционные суды были введены главным образом после энергичного требования самого ген. Корнилова. Этой темой, с большим искусством, пользовались большевики для того, чтобы внушить солдатской массе, что офицер ее классовый враг. На всех митингах они дискредитировали патриотические мотивы поведения ген. Корнилова, доказывая, что он, как классовый враг, руководствовался вовсе не общими интересами, а узко классовыми, и что затяжка суда над ним является доказательством того, что к командному составу

¹ Очерки Русской Смуты. т. II, с. 94.

применяются другие законы, чем в отношении солдат. То, что дело ген. Корнилова было в существе своем чрезвычайно сложно, ибо, как мы видели выше, налицо была провокация со стороны главы Правительства, не могло быть понятно примитивному рассуждению солдата.

Наличие провокации со стороны Керенского, может быть и бессознательной, но тем не менее лежащей в основе Корниловского выступления, было настолько очевидно, что, как свидетельствует ген. Лукомский, «после первых же допросов, произведенных членами Следственной комиссии, выяснилось, что все они относятся к нам в высшей степени благожелательно...¹ и что Следственная комиссия «постарается затянуть следствие, насколько только это будет возможно, и будет настаивать на гласном нормальном суде»¹¹.

Суждение истории принципиально отличается от суждений суда. История никогда не осуждает и не оправдывает, она лишь устанавливает факты. Точное же «установление фактов» необходимо для того, чтобы науки, изучающие общественную жизнь, могли составить правильное представление как о внутреннем строении ее явлений (социальная статика), так и о законах, определяющих их развитие (социальная динамика). Существенным вопросом на этом научном пути является установление хотя бы весьма приблизительных границ между «субъективными» элементами и «объективными» условиями каждого из крупных исторических событий. В драме, разыгравшейся в России в сентябре месяце, главные персонажи этой драмы играют столь ярко выраженную «индивидуальную» роль, что исследователь легко может поддаться соблазну приписать «субъективному» элементу слишком большое значение. В начале прошлой главы мы говорили, что уже появление на решающих ролях тех или иных лиц само по себе является следствием соответствующих «объективных условий». Здесь же мы коснемся другого интересного вопроса, который также поможет уловить еще иную зависимость «субъективного элемента» от «объективных условий». Керенский отрицает «провокацию» со своей стороны и настаивает на наличии заблаговременно организованного «заговора» со стороны ген. Корнилова. Ген. Корнилов отрицает наличие «заговора» с его стороны и настаивает на «сознательной провокации» Керенского. Ответ на этот вопрос требует специального исторического исследования, основанного на полном и всестороннем освещении всех фактов. В настоящей же работе мы ограничимся только тем, что

¹ «Воспоминания ген. Лукомского». Берлин, 1922, с. 258.

¹¹ Там же. Довольно подробное описание деятельности этой Следственной комиссии в статьях «Дело о Корниловском восстании (из воспоминаний)» за подписью Н. У. в №№ 2663, 2666 и 2667 газеты «Возрождение», Париж, 1932.

в дополнение к изложенному уже нами мы приведем выдержку из труда П. Н. Милюкова, одинаково строго относящегося и к Керенскому, и к ген. Корнилову.

«Несомненно, вся трагичность положения Временного правительства для большинства общественных кругов выяснилась далеко не сразу. Но, по мере того как она выяснялась, не могло, конечно, не расти нетерпение патриотически настроенных групп. Как выражение этого нетерпения не могла не являться мысль о замене данного Правительства, неспособным быть сильным, другим Правительством — или другим неподходящим лицом. Одно время на эту роль выдвигался в известной среде адмирал Колчак, проживавший в Петрограде после своей отставки. Конечно, замена эта мыслилась в ином порядке, чем переговоры и соглашения с органами «революционной демократии»¹.

«...Трудно установить, в какой степени и когда именно ген. Корнилов был посвящен в эти планы, имевшие, несомненно, характер заговора. **Формально** личность Корнилова, во всяком случае, оставалась вне подозрения. Однако слухи о заговоре довольно близко подходили к интимному кругу лиц, собиравшихся около Корнилова в Ставке и, несомненно, имевших на него личное влияние. Имя Завойко, известного уже нам «ординарца» Корнилова, упоминается не раз Керенским в связи с довольно ранними слухами о приближения насильственного переворота. Нет оснований сомневаться, что Завойко, которого знающие люди рисуют человеком, у которого честолюбие затемняло его ум, вел такие разговоры. Другой непризнанный политический гений, член первой Думы Аладьин, умевший сочетать крайнее самомнение с большой практической покладливостью, также сумел вкратиться в доверие Корнилова и стать его постоянным советником в Ставке. Чтобы открыть секрет этой зависимости Корнилова от случайных людей, нужно иметь в виду его характер, в котором крайне ревнивая и упрямая защита своей самостоятельности очень своеобразно соединялась с какою-то детскою доверчивостью к людям, умевшим ему польстить. Достаточно представить себе то положение, при котором Завойко, кустарный политик, освещал для Корнилова перспективы внутренней политики, а Аладьин, импонировавший англичанам своим мнимым влиянием в России, а русским — такой же своей ролью в Англии, являлся авторитетом в вопросах политики внешней, чтобы оценить всю ограниченность кругозора, в котором вырабатывались практические шаги Корнилова. Специфический характер влияния Завойко и Аладьина настолько бросался в глаза в Ставке, что Савинков еще 7 (20 по новому стилю) августа, «на свой страх и риск, приказал учредить на-

¹ Милюков П. Н. История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 167.

блюдение за ними», подозревая их, по собственному признанию, «как крупных заговорщиков».

«Обстоятельства сложились так, что влияние этих людей шло в том самом направлении, в каком эволюционировало и собственное настроение Корнилова. 3 (16 нового стиля) августа он еще откровенно беседовал с Правительством о средствах военной победы и внутреннего оздоровления. Через неделю острой борьбы Савинкова с Керенским из-за права Корнилова быть заслушанным в заседании Временного правительства это настроение резко изменилось... 10 (23 по нов. стилю) августа Корнилов прямо заговорил с Керенским о слухах по поводу своей отставки и весьма прозрачно намекнул ему, что в случае конфликта он решению Керенского не подчинится. В Москве в дни, предшествовавшие совещанию, этот конфликт казался наступившим, — и перед ним отступил не Корнилов, а Керенский. Если бы, как опасались окружающее Корнилова, он получил отставку, то конфликт, по всей вероятности, тогда же принял бы острую форму и вышел бы наружу. Хотя этого не случилось, тем не менее, в Москве же Корнилов указал в своей речи тот момент, дальше которого он не хотел отлагать решительные шаги для «спасения страны от гибели и армии от развала». Этим моментом было предсказанное им падение Риги. Этот факт, по его мнению, должен был вызвать такой прилив патриотического возбуждения, как тот, который был налицо, но прошел неиспользованным для внутренней политики после краха русского наступления в начале июля. Теперь, как Корнилов лично мне говорил при свидании в Москве 13 августа (26 по новому стилю), он этого случая пропускать не хотел, и момент открытого конфликта с Правительством Керенского представлялся в его уме уже совершенно определившимся, вплоть до заранее намеченной даты, 27 августа (9 сентября нового стиля)».

«Значило ли это, что Корнилов сознательно готовил «заговор» против Правительства? Как это ни странно, но в уме Корнилова мысль о заговоре не совмещалась с его намерениями. Он был совершенно искренен, когда впоследствии, в своем показании, то есть в официальном документе, смешивая «заговор» с монархической «контрреволюцией», торжественно заявлял: «Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и принадлежать не буду, а всегда поддерживал те из них, которые задаются одним намерением — спасти страну от гибели и вывести армию из развала. Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления может решить только Учредительное Собрание, которое одно лишь может выразить державную волю Русского Народа. Я заявлял, что не буду поддерживать ни одной

политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, так как считаю, что династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны». Не считая себя «контрреволюционером» в том смысле, какой придавался этому понятию в те дни, Корнилов уже поэтому не считал себя и «заговорщиком»¹.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что сознательно генерал Корнилов в заговоре не участвовал. «Если я был бы тем заговорщиком, — говорил ген. Корнилов французскому корреспонденту Клоду Ане^{II}, — каким рисовал меня Керенский, если бы я составил заговор для низвержения Правительства, я, конечно, принял бы соответствующие меры. В назначенный час я был бы во главе своих войск и, подобно вам, не сомневаюсь, что вошел бы в Петроград почти без боя. Но в действительности я не составлял заговора и ничего не подготовил. Поэтому, получив непонятную телеграмму Керенского, я потерял двадцать четыре часа. Как вы знаете, я предполагал, или что телеграф перепутал, или что в Петрограде восстание, или что большевики овладели телеграфом. Я ждал подтверждения или опровержения. Таким образом, я пропустил день и ночь: я позволил Керенскому и Некрасову опередить себя... Железнодорожники получили приказы: я не мог получить поезда, чтобы проехать в окрестности столицы».

Не лишено интереса отметить, что сам Керенский^{III} показал, что «Львов неоднократно повторял, что самое важное для них (т. е. для ген. Корнилова) это то, чтобы произошла легальная передача власти, чтобы не было захвата, а чтобы было формальное постановление Временного правительства». Львов три раза возвращался к этому и настойчиво повторял, что «чрезвычайно важно для них постановление правительства о передаче власти, чтобы все произошло в легальных формах».

Напомним здесь, что Временное правительство уже до выступления Корнилова дважды изменило свой состав, причем после второй из перемен князя Львова заменил сам же Керенский. Таким образом, идея несменяемости Временного правительства до Учредительного Собрания, то есть как раз основная идея «Временного правительства», была уже утрачена. Правда, генерал Корнилов собирался добиться желательного ему изменения состава правительства «давлением» 3-го конного корпуса и офицерских организаций на петроградские советы, но, с другой стороны, и все предыдущие изменения состава правительства были до-

¹ Миллюков П. Н. История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 171—174.

^{II} «La révolution russe» par Claude Anet, II, p. 154.

^{III} «Дело Корнилова» с. 113.

стигнуты тоже «давлением», но с другой стороны — со стороны советов. Вот почему в условиях того времени, в понимании генерала Корнилова, его линия поведения отнюдь не являлась «мятежной» по отношению к Временному правительству. По этой же причине он, с одной стороны, искренне стремился к известному «легитизму» передачи власти, с другой стороны, также искренне не хотел поднимать гражданской войны.

Таким образом, если генерал Корнилов и оказался запутанным в заговор, который наивно плелся вокруг него в его авантюристическом политическом ближайшем окружении, то это участие действительно было бессознательное. Так же точно и мятежником против Временного правительства он стал только тогда, когда Керенский уже объявил его таковым. Но и после посылки телеграммы в ночь с 9 на 10 сентября (с 27 на 28 августа) ген. Корнилов искренне не считает себя таковым. Он только хочет выиграть время для оказания 3-м конным корпусом «давления» на петроградские советы для того, чтобы добиться этого изменения в составе правительства, которое он считает нужным для возможности продолжения войны. Что это было именно так, свидетельствует его приказ (№ 900) от 11 сентября (29 августа), в котором генерал Корнилов мотивирует, почему он требует преобразования Правительства. Вот соответствующая часть этого приказа:

«Мне известно из фактических письменных данных, донесений контрразведки, перехваченных телеграмм и личных наблюдений следующее:

- 1) Взрыв в Казани... произошел при несомненном участии германских агентов.
- 2) На организацию разрухи рудников и заводов Донецкого бассейна и юга России Германией истрачены миллионы рублей.
- 3) Контрразведка из Германии доносит:
 - а) намечается одновременный удар на всем фронте с целью заставить дрогнуть и бежать нашу развалившуюся армию;
 - б) подготовлено восстание в Финляндии;
 - в) предполагаются взрывы мостов на Днестре и Волге;
 - г) организуется восстание большевиков в Петрограде.
- 4) Передается эпизод, бывший во время доклада генерала Корнилова в Совете министров 16 (3) августа, рассказанный нами выше.
- 5) Я имею основание подозревать измену и предательство в составе различных безответственных организаций, работающих на немецкие деньги и влияющих на работу Правительства».

Пребывание России в состоянии войны создавало вокруг Верховного Главнокомандующего особенно нервно-напряженную атмосферу. Поэтому для правильного суждения о поведении ген. Корнилова нужно непременно учесть и ту особенную психологию, которая создавалась

мировой войной во всех частях народа, в особенности же в армии. Более чем вероятно, что поведение того же генерала Корнилова во главе вооруженных сил в мирное время было бы совершенно иным, нежели оно было во время войны.

Учтя все эти обстоятельства, нельзя не прийти к мысли, что рука, которая вызвала взрыв в виде Корниловского наступления, принадлежит никому другому, как самому Керенскому. Последний же также искренне отрицает свою провокационную роль, как искренне отрицает ген. Корнилов свое участие в заговоре, имевшем целью свержение Временного правительства.

Таким образом, перед нами интереснейшее в социологическом отношении явление: два действующих лица, субъективное поведение которых наложило резкий отпечаток на весь ход борьбы между возглавляемыми ими сторонами, бессознательно разыгрывают совсем не те роли, которые они, по своим искренним убеждениям, хотели разыграть. В основе этого явления лежит то, что, несмотря на «видимую» свободу действий каждого из этих действующих лиц, их поведение было предрешиено общими «объективными» условиями. Поведение каждого из этих действующих лиц обуславливалось психологией того социального круга, к которому принадлежал каждый из них. Ген. Корнилову, обладавшему всеми высокими качествами героя-офицера, в то же время были присущи недостатки, свойственные русскому, даже образованному, офицеру. Авторитарический режим не развивал широкого понимания общественной жизни вообще, а тем более в офицерской среде. Он воспитывал преувеличенную веру в то, что всякое проявление социальной жизни всецело может быть направлено в желательном направлении одним только приказом сверху, поддержанным силой. То, что в современных условиях социальной жизни приходится считаться со стремлениями самих масс — не укладывалось в рамки вышеуказанного упрощенного мировоззрения.

Керенский — типичный представитель нашей левой интеллигенции, адвокат по профессии, участник многочисленных политических процессов. Его понимание общественных явлений в корне отличалось от понимания тех же явлений ген. Корниловым. Привыкший всегда участвовать в протесте против Власти и бороться против нее, Керенский, оказавшись сам этой властью, думал, что можно воздействовать на массы одними только словами. Ухватки мелкого адвоката и привычка к участию в политической интриге предопределили и те методы его поведения, которые даже самый благожелательный исследователь не может квалифицировать достойными представителя Верховной власти. По существу говоря, понимание Керенским совершавшихся событий было столь же примитивным, как и Корниловское. Примирение этих

двух упрощенных, а потому и нетерпимых мировоззрений сильно затруднялось тем, что основной русской особенностью, проходящей через все стороны ее исторического процесса — политическую, социальную, интеллектуальную и национальную, — всегда была слабость сцепления и цементирования частей, составляющих социальный агрегат. Эта мысль объясняет отсутствие солидарности во многих событиях русской патриотической жизни, когда, казалось бы, обе разошедшиеся стороны были заинтересованы в этой солидарности.

Так было и в настоящем случае. От столкновения ген. Корнилова с Керенским выигрывали только большевики, торжество которых было гибелью России в понимании ген. Корнилова и в понимании Керенского.

«Мятеж» генерала Каледина

Поведение генерала Корнилова являлось ярким выражением того контрреволюционного настроения (мы берем эти слова в установленном нами смысле), котороеросло к этому времени в офицерской среде Действующей Армии; это ясно видно из всего изложенного в предыдущих главах. Несколько труднее понять то, что и «провокационное» поведение Керенского также отвечало настроениям определенной среды. Если последнее не отчетливо выделяется в истории Корниловского выступления, то зато оно вполне ясно видно в так называемом Калединском «мятеже».

В 3-й главе настоящей книги мы говорили о той речи, которую произнес на Московском Совещании ген. Каледин, и о том впечатлении, которое произвела эта речь на всех присутствующих. Для примитивного понимания той среды, ярким представителем которой являлся Керенский, этого было достаточно, чтобы счесть непреложным факт участия в «заговоре» для свержения Временного правительства и ген. Каледина.

Трезвое обсуждение затруднялось еще той паникой, которая царствовала в кругах, близких к Керенскому, и в среде Советов в первый день по получении Корниловского «Призыва», выпущенного в ночь с 9 на 10 сентября (в ночь с 27 на 28 августа). Если день 9 сентября (27 августа) можно назвать днем **недоразумения**, то дню 10 сентября (28 августа) приличествует другое название — дня **правительственной паники**¹.

Это паническое настроение еще продолжалось даже тогда, когда не могло быть уже никаких сомнений в том, что Корниловское движение провалилось. Мы могли убедиться в этом из переговоров Керенского по прямому проводу с ген. Алексеевым, когда последний находился уже в Могилеве и без всяких затруднений принял в свое подчинение Ставку.

¹ Милюков П. Н. История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 233—234.

Как раз в дни Корниловского выступления генерал Каледин совершал, как атаман Донского Войска, объезд глухих станиц этой области. Один из политических деятелей Донского Казачества, Н. М. Мельников⁷⁸ совершенно верно указывает: если бы ген. Каледин участвовал в «заговоре» ген. Корнилова, то он не забивался бы в глушь как раз в дни выступления последнего. И вот, в то время, когда атаман переезжал из станицы в станицу, вдали от железной дороги, мирно беседуя со станичниками, 11 сентября (29 августа) по всей России была разослана следующая провокационная телеграмма: «От Атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, Временным правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщения Москвы с Югом».

Это ложное сообщение было передано в газеты из бюро печати при Временном правительстве¹¹ вечером 10 сентября (28 августа). Где был первоисточник этого сообщения? Мы имеем дело с «самозарождением» слухов — явлением характерным для коллективной психологии в минуты чрезвычайно напряженного настроения масс.

Керенский, не приняв никаких мер для проверки этого сообщения путем запроса самого ген. Каледина, вызвал к себе в Зимний дворец весь президиум Совета казачьих войск и в резких выражениях потребовал, чтобы они «заклеймили ген. Корнилова и ген. Каледина, как изменников и бунтовщиков», не довольствуясь тем воззванием к станичникам, в котором этот Совет призывал к повиновению Временному правительству.

Совет казачьих войск совершенно справедливо ответил, что он не может осудить своих старших представителей, не выяснив верности всех сообщаемых данных. Он твердо заявил, что «Совет не может работать под давлением и угрозой» и, «дав резолюцию о подчинении Временному правительству, другую вынести не представляет для себя возможным».

Пока происходили эти нервные переговоры Керенского с Советом казачьих войск, Командующий войсками Московского военного округа, полковник Верховский, раздувавший, как мы видели выше, среди Московского гарнизона сведения о Корниловском «мятеже», демонстративно телеграфировал 12 же сентября (30 августа) ген. Каледину:

«1) С фронта идут через Московский округ в область Войска Донского эшелоны казачьих войск в ту минуту, когда враг прорывает фронт и идет на Петроград.

¹ Мельников Н. М. «А. М. Каледин. (Личность и деятельность). Воспоминания» // Донская Летопись, № 1, с. 30.

¹¹ Милюков П. Н. История второй Русской революции, с. 248.

2) Мною лично получены сведения о том, что станция «Поворино»¹ занята казаками.

Я не знаю, как это понимать. Если это означает объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба, которую начал генерала Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей Армии и всей России. Поэтому, появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения я буду рассматривать как восстание против Временного правительства. Немедленно издан приказ о полном уничтожении всех идущих на вооруженное восстание, а сил к тому, как вам известно, у меня достаточно».

На следующий день Керенский, продолжавший не принимать мер для проверки полученных им сообщений, разослал телеграмму, объявлявшую ген. Каледина мятежником. Последний отрешался от должности Атамана и вызывался в Могилев, в Ставку, для дачи показаний Следственной комиссии, расследующей дело Корнилова. Одновременно с этой телеграммой в разных местах Области Войска Донского была получена телеграмма нового военного министра Верховского, призывавшая к аресту ген. Каледина¹¹.

Телеграммы Керенского и Верховского взбаламутили советы солдатских запасных полков, расположенных в Области Войска Донского и неказачье население этой Области. Само казачье население, хотя еще не изжившее революционный процесс, тем не менее поддержало выборное Правительство своей Области. Для самого же Войскового правительства беспочвенность обвинения генерала Каледина была очевидна. Однако устранение Керенским ген. Каледина от должности в связи с выступлением против Врем. правительства генерала Корнилова создавало исключительно серьезное положение и требовало безотлагательного разрешения его Войсковым Кругом.

Помощник Атамана — М. Богаевский⁷⁹ — принял меры к благополучному возвращению генерала Каледина в Новочеркасск и к экстренному созыву депутатов Войскового Круга на 18 (5) сентября.

Заседания Войскового Круга продолжались с 18 (5) по 27 (14) сентября. Войсковой круг приступил к рассмотрению дела ген. Каледина. По старинному казачьему праву, Войсковой Круг принял на себя судебные функции. Это было его исключительным правом — судить своего выборного Атамана. Для того чтобы Круг был свободен в своих суждениях и решениях, Каледин сложил с себя свои полномочия, передав их своему помощнику, и предстал перед Кругом как частное лицо.

¹ Донская Летопись, № 2, с. 134 — статья Каклюгина [Войсковой атаман Каледин и его время].

¹¹ Там же.

Вопрос об отъезде ген. Каледина в Могилев, несмотря на выраженное им желание дать ответ перед Следственной комиссией, разрешен Кругом отрицательно. Крайне характерна для обрисовки того, насколько пал в глазах Казачества моральный авторитет Керенского, мотивировка Кругом этого своего решения:

1) Временное правительство не имеет власти гарантировать безопасность Каледину от самосудов разнузданной черни, направленной Керенским против Корнилова и Каледина.

2) «С Дона выдачи нет»¹.

По содержанию обвинительных пунктов ген. Каледин дал Кругу подробные и исчерпывающие объяснения. Интересно то место его показаний, где он говорит о своей последней беседе с ген. Корниловым в Москве во время Московского Государственного Совещания.

«К нему (к ген. Корнилову) у меня были дела и по Донской Области, и по вопросам политическим общегосударственного значения. Времени у него было мало. Временное Правительство не хотело допустить его на Совещание. Опасались резкого тона с его стороны. Это — солдат в полном смысле слова и казак, думающий прежде всего об армии и о благе России. Я это говорю не для защиты Корнилова: суд в свое время, если только возможен в эту эпоху гласный и беспристрастный суд, осветит темное Корниловское дело. Это глубоко печальный эпизод, который отодвинул спасение Родины далеко назад. Мы говорили с Корниловым не больше часу. Мы обменялись с ним взглядами на общее политическое положение Государства. Заявляю и не считаю это преступным, что наши взгляды о благе Родины совпадают. Ни генерал Корнилов, ни я не искали ничего для себя.

Я говорю это не для адвокатуры, а для освещения вопроса, ложно толковавшегося в прессе разными лицами и даже министрами.

Корнилов и я сошлись на том, что не может быть и речи о возврате к старому режиму. Речь шла о правоспособном Правительстве, не одностороннем, а твердо стоящем на обеих ногах, Правительстве коалиционном из людей, знающих свое дело, государственных. Я безусловно объявляю, что Корнилов, хотя и видел от Царей только хорошее, является сторонником республиканского демократического образа правления.

Говорю это к тому, что в борьбе — острота ее заставляет не стесняться средствами — ссылались на заявление министра-председателя Керенского о том, что Корнилов стремится к государственному перевороту.

Это заявление можно оправдать, так как это является общей формулой. Но эту общую формулу господ «министры» уточнили. Судя

¹ Старинный ответ Донских казаков на требование Москвы о выдаче ушедших на Дон. (Прим. Н. Н. Г.)

по газетам, министр Авксентьев заявил, что Корнилов стремится к старому режиму, монархическому строю. Это есть **ложь**^I.

Я знаю Корнилова, как человека. Немного надо времени, чтобы узнать людей. Корнилов не лгал, когда говорил о своих республиканских убеждениях.

Разумеется, это пущено для того, чтобы подорвать всякую почву под ногами Корнилова. Я это говорю не для оправдания выступления Корнилова, а для освещения обстоятельств дела. После разговора с Корниловым у меня с ним больше свиданий не было»^{II}.

Генерал Каледин твердо заявил, подкрепив свои заявления честным словом гражданина-Донца, что никакой телеграммы-ультиматума с объявлением войны России он не посылал Правительству, о передвижении казачьих частей не знал и сообщений Правительству о занятии казаками ст. Поворино не делал.

Внимательно рассмотрев всё это дело, Круг оправдал ген. Каледина. Но верхом торжества для ген. Каледина было появление на Круге только что бывшего в Правительстве Керенского министра труда г. Скобелева^{III}. «Скобелев не сумел дать ответ ни на один из вопросов, в упор поставленных ему ген. Калединым, и принужден был сознаться, что сведения о «мятеже» ген. Каледина Правительство имело только от общественных организаций и газет. На вопрос, на каком же основании он сам и Авксентьев говорили о «мятеже» Каледина на заседании Совета министров, Скобелев мог только ответить: «не знаю», «не помню». Тогда ген. Каледин спросил его: «как могло Правительство, питаясь ложными слухами и сплетнями, отдать приказ о моем аресте, зная, что приказ может вызвать самосуд толпы надо мною». При напряженном внимании Круга Скобелев сконфуженно бормотал что-то о прерогативах правительственной власти. «Теперь вы видите, каково Правительство», — закончил ген. Каледин свою речь, обращаясь к Кругу, который отвечал на этот вопрос новой бурной овацией Атаману»^{IV}.

Резолюция Войскового Круга, принятая после этого, 23 (10) сентября, гласила:

^I Авксентьев был членом партии соц.-рев.; по иронии судьбы ему пришлось обратиться за помощью к казакам в Петрограде для защиты Временного правительства во время большевицкого переворота. В своих воспоминаниях г. Авксентьев высказывает наивное удивление тому, что был встречен казаками с большим недоверием. — [См. его статью «Из октябрьских воспоминаний» в газете «Дни», № 1229 от 6.11.1927].

^{II} Донская Летопись, № 2, с. 126 — статья Каклюгина.

^{III} Принадлежал к партии социал-демократов.

^{IV} Милуков. История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 276.

«Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории, при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно не представило никаких доказательств своих обвинений и не послало своего представителя на Круг.

Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже — провокация или плод расстроенного воображения.

«Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: немедленного восстановления Атамана во всех правах, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования, при участии представителей Войска Донского, виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных.

Ген. Каледину, еще не вступившему в должность по возвращении из служебной поездки по Области, предложить немедленно вступить в исполнение своих обязанностей Войскового Атамана»¹.

В ответ на этот приговор была получена телеграмма за подписью военного министра Верховского:

«От имени Временного правительства счастлив засвидетельствовать, что недоразумения первых дней рассеяны. Казачество в его целом не дало втянуть себя в безумную попытку Корнилова. Клеветнические наветы на Казачество должны умолкнуть, виновность отдельных лиц может быть установлена судебным разбирательством. Генерал Каледин во исполнение своего гражданского долга должен безотлагательно явиться в Могилев к Председателю Следственной Комиссии для дачи показаний»².

Но моральный авторитет Правительства был настолько подорван в глазах казачества поведением самого Керенского, а также Авксентьева⁸⁰, Скобелева, Верховского, что Круг, допуская возможность новой провокации по отношению к ген. Каледину, не позволил последнему ехать в Могилев. 25 сентября (12 сентября) Круг вынес резолюцию, в которой указывалось, что поездка генерала Каледина в Могилев «не безопасна» и что, если Следственная комиссия нуждается в показаниях генерала Каледина, она может прибыть для снятия этих показаний в Новочеркасск.

¹ Донская Летопись, № 2, с. 140 — статья Каклюгина.

² Там же.

Изучение так называемого «мятежа» генерала Каледина является необходимым дополнением для изучения психологических условий выступления генерала Корнилова. Здесь никакого «мятежа» не оказалось, ибо генерал Каледин представлял собою выдающегося государственного человека. Объявление его «мятежником» не сбило его с путей государственного понимания явлений. Он сразу же сложил свои полномочия и предстал на суд Войскового Круга. Вследствие этого провокационное поведение другой стороны выступает с такой яркостью. Для оценки же поведения самого Керенского в Корниловском выступлении оно тоже служит ярким дополнением. Мы видим, что сам Керенский был тоже жертвой той «провокации», паутина которой стихийно плелась в близких к нему по мировоззрению кругах, так же точно, как Корнилов был жертвою того «заговора», который ему приписывался.

Это бессознательное участие обоих главных действующих лиц в событиях, которые, казалось бы, носят такой резкий отпечаток их индивидуальной воли, представляет собою один из наиболее интересных объектов для исследования коллективной (социальной) психологии. Только такое изучение и даст ответ на те вопросы, перед которыми остановился историк П. Н. Милюков, обсуждая поведение Керенского в ночь с 8 на 9 сентября (с 26 на 27 августа), то есть в момент послышки им телеграммы, отрезающей генерала Корнилова от Верховного Главнокомандования:

«Понимал ли Керенский в эту минуту, что, объявляя себя противником Корнилова, он выдает себя и Россию с руками Ленину? Помнил ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для Правительства? Чтобы понять это, нужно было слишком от многого отказаться. Трагизм Керенского, особенно ярко очертившийся в эту минуту решения, состоял в том, что хотя он уже многое понял, но отказаться ни от чего не мог. И он «им», этим «контр-революционерам» «революции» не отдал». Вопреки обещанию, данному в Москве¹, погубить душу, а Родину спасти, Керенский душу свою спас, а погубил Родину, «отдав революцию» тем другим, о которых сам знал, что они ведут Россию к гибели. Если можно сосредоточить в одной хронологической точке то «преступление» Керенского перед Россией, о котором так много говорили, то это «преступление» было совершено в эту минуту, вечером, 26 августа (8 сентября по новому стилю).

«В комментариях к своим показаниям^{II} Керенский обнаружил несомненное понимание того объективного факта, что 26-е августа^{III}

^I На Государственном Совещании. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} «Дело Корнилова», с. 145, 149.

^{III} По старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

предрешало 26 октября¹. Но он пытался повернуть политическое острие этого объяснения в сторону своих политических противников»^{II}. По его мнению, виноват Корнилов и либеральные партии тем, что помешали ему, Керенскому, удержать идею «общенациональной власти», посредством излюбленной им политики балансирования, или, как сам он называл ее, «поддержания национального равновесия».

Однако ни вечером 8 сентября (26 августа), ни во все другие дни Керенский не стоял на высоте той «общенациональной» позиции, которую собирался защищать. Он действовал как раз против нее. В истории Калединского «мятежа» это видно особенно ярко благодаря фону, который представляет собою исключительно государственно-мудрое поведение генерала Каледина.

Да и как же мог защищать «общенациональную» позицию политический деятель со столь примитивным государственным кругозором, что он не отдавал себе отчета в том, что такая защита не может производиться посредством «углубления революции» и при этом во время тяжелейшей войны, продолжение которой этот самый деятель считал необходимым. На пути усиливающегося революционного настроения масс общенациональные ценности, представляющие собою не что иное, как элементы государственности, являлись препятствиями. Как же мог защищать «общенациональную позицию» человек, настолько лишенный государственного понимания, что ему не приходила даже в голову мысль о долге Верховной Власти проверять слухи, сплетни и сообщения нервно-настроенных обывателей, прежде чем принимать, на основании подобного рода источников, решения столь великого Государственного значения, как объявление «мятежниками» Верховного Главнокомандующего и Выборного главу целой большой области.

Здесь, несомненно, сказались, кроме личных свойств Керенского, также общие свойства той среды, к которой он принадлежали, а именно левой интеллигенции. Лишенная автократической властью возможности участвовать в творческой государственной работе, она воспиталась в духе критики и протеста. Борясь с автократической властью, она приучилась идеализировать революцию. Когда же вспыхнуло пламя революции, многие из представителей этой левой интеллигенции могут быть уподобленными мотылькам, выующимся вечером вокруг горящей свечи, совершенно не сознавая, что светящееся пламя также и обжигает до смерти. Таким бессознательным мотыльком был и Керенский.

^I Большевицкий переворот по старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} *Милюков П. Н.* История второй Русской революции, т. I, вып. 2, с. 216–217.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 13 Телеграфный разговор генерала Алексеева с генералом Корниловым

между 1 и 3 часами пополудни 12 сентября (30 августа) 1917 г.

Алексеев. От всех главнокомандующих в военном министерстве получены телеграфные запросы, кому они должны подчиняться. Юзфронт лишился всех старших чинов своего штаба и снабжений. Все они арестованы, и управление фронтом находится в слабых неорганизованных руках. Управление Северного фронта, по-видимому, не в лучшем положении. В Выборге, на почве безначалия, солдатский бунт. Орановский, по-видимому, погиб, Уссурийская дивизия остановилась в районе Ямбурга, первая Донская и Кавказская туземная в районе Луги и Вырицы. В тяжкие минуты развала управления армиями нужны определенные и героические решения. Временное правительство принимает решение вручить верховное командование министру-председателю с тем, чтобы начальником штаба был назначен генерал Алексеев. Подчиняясь сложившейся обстановке, повинуюсь велениям любви к родине, после тяжелой внутренней борьбы, я готов подчиниться этому решению и взять на себя труд начальника штаба. Но такое решение мое требует, чтобы переход к новому управлению совершился преемственно и безболезненно. Преемственность нужна в мыслях по управлению войсками, чтобы не ломать уже сделанного, вести дело обороны по началам, вами принятым. Безболезненность нужна для того, чтобы в корень расшатанный организм армии не испытал еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми. Высказанные мною сегодня условия по оздоровлению армии исходят из начал, вами заявленных и, кроме того, к ним присоединяются условия, вызываемые расстройством состава наших старших командующих лиц; нужно призвать из выбывших прежних начальников тех, кто может дать сильную волю, знание и умение. Объяснив вам общее тяжелое положение, прибавлю, что мое решение подсказано мне единой мыслью быть полезным родине и сослужить ей в критическую минуту, быть может, последнюю службу, так как сознаю, что иного исхода сейчас нет. Прошу очень откровенно высказать всё, что можете, и указать, какой путь можно было бы избрать для перехода управления к другим лицам. Если вы считаете, что минута для этого перехода назрела и требуется обстановкою, я могу, быть может, сегодня же вечером выехать в Смоленск и возможно спешно прибыть в Могилев. Лично я предпочитал

первоначально приехать в Могилев для переговоров, в качестве не занимающего официального положения в армии, но Временное правительство считает, что только немедленное объявление нового состава верховного управления положит предел неопределенному положению фронтов, а особенно Финляндии и тыла. Ожидаю вашего ответа и прошу сообщить, где находится Дитерихс.

Корнилов. Генерал Дитерихс, по моим сведениям, находится с генералом Крымовым. Незадолго перед тем, как я был вызван вами к аппарату, генерал Лукомский, по моему поручению, заготовил телеграмму министру-председателю, которую я вам прочту: «Представляется совершенно недопустимым, чтобы руководство по оперативной части из Ставки было прервано хотя бы на один день. Является безусловно необходимым немедленное ваше указание в Ставку и на фронты о том, чьи распоряжения должны исполняться. Данные с фронта указывают на возможности возобновления серьезных операций противника на Северном фронте, на Якобштадском и Двинском направлениях, и на Румынском фронте, на Черновицком направлении. Генерал Корнилов, учитывая стратегическую обстановку и не допуская возможным, чтобы создавшимся положением мог воспользоваться противник, имея в виду лишь пользу родины, поручил мне передать следующее: 1) если будет объявлено в России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то он немедленно примет со своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним. Генерал Корнилов еще раз заверяет, что лично для себя ничего не искал и не ищет, а добивался лишь установления в стране могучей власти, способной вывести свободную Россию и армию из того позора, в который они ввергнуты нынешним правительством. Никаких контрреволюционных замыслов ни генерал Корнилов, ни другие не питали и не питают; 2) приостановить немедленно предание суду генерала Деникина и подчиненных ему лиц; 3) считает вообще недопустимым аресты генералов, офицеров и других лиц, необходимых прежде всего армии в эту ужасную минуту; 4) генерал Корнилов считает безусловно необходимым немедленный приезд в Ставку генерала Алексеева, который, с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, а с другой — явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку; 5) генерал Корнилов требует, чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его — Корнилова, еще не сдавшего верховного командования, и вносящих смуту в стране и войсках. Со своей стороны, генерал Корнилов обязуется не выпускать приказов к войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных. Лукомский».

Дальше я уже продолжаю от своего имени. Ответ по содержанию вышеприведенной телеграммы я прошу мне дать в возможно скорейший срок, так как от ответа будет зависеть дальнейший ход событий. Прошу ответить, когда вы рассчитываете быть в Могилеве. Ваш приезд необходим.

Алексеев. Приехать могу первого или второго сентября, нужно — ускорю, хотя нахожусь в Петрограде без всяких вещей. Вашу телеграмму сейчас предъявляю Временному правительству, и от него будет зависеть, когда оно даст ответ. Я заинтересован только в том сейчас, чтобы отданы были распоряжения исполнять ваши оперативные указания и приказы по управлению войсками до минуты фактического перехода управления ко мне, так как войска теперь остаются без всякого руководства, между тем кризис может наступить каждую минуту. Мольба о сильной, крепкой власти, думаю, есть общая мольба всех любящих родину и ясно отдающих себе отчет об истинном ее положении. Поэтому вы можете быть убеждены в самой горячей поддержке вашего призыва. Но каков будет результат, пока сказать не могу. Я совершенно не ориентирован в общей внутренней обстановке управления. Как только можно будет дать вам ответ, вызову вас к аппарату, пока же прошу поручить подготовить боевое расписание в пределах возможного, боевой численный состав, степень обеспечения огнестрельными припасами, продовольствием и об условиях дальнейшего подвоза продовольствия.

Корнилов. Состояние армии и внутреннее состояние страны мне известно, почему я твердо и категорически заявляю, что нельзя ни на минуту откладывать вашего приезда в Могилев. Если ваш приезд будет отложен до 2 сентября, то я слагаю с себя всякую ответственность за дальнейшие события.

Алексеев. Я ускорю прибытие, но убедительно прошу держать в своих руках управление, чтобы устранить то безвластие, в котором находится сейчас армия, и делать те распоряжения, которые подсказываются угрожающим положением неприятеля. Здесь важны не только дни, но часы и минуты. С шестнадцатого июля, когда я в последний раз изучил обстановку по документам ставки, я руководствуюсь исключительно сведениями печати. Этот материал не достаточен для того, чтобы сделать какие-нибудь распоряжения, потому-то я так и настаивал на необходимости полнейшей преемственности в управлении войсками и думаю, что вы вполне со мной согласны и ради родины и судьбы армии не прервете моей оперативной работы до минуты, когда можно будет мне со знанием обстановки приступить к делу. Эта моя просьба вытекает из интересов армии, из стремления прекратить или, по крайней мере, смягчить возможную катастрофу.

Корнилов. Я вполне разделяю ваше мнение, но для того, чтобы я мог продолжать свою работу и создать положение, отвечающее обста-

новке, необходимо, чтобы правительство изменило свои распоряжения, в силу которых прекратились намеченные мною стратегические перевозки войск.

Алексеев. Постараюсь добиться этой отмены.

Приложение № 14

Письмо генерала Корнилова к генералу Крымову,
написанное днем 12 сентября (30 авг.) 1917 г.

Глубокоуважаемый Александр Михайлович.

Посылаю Вам копии приказов и воззваний, с которыми я обратился к войскам и народу по поводу своего конфликта с Временным правительством. Послал двух человек к Каледину **с просьбой надавить**. Ответ от Каледина можно ожидать примерно 4 сентября. Приказом Временного правительства я, Лукомский, Деникин и несколько других генералов отрешены от должностей и преданы военно-революционному суду за мятеж, но вместе с тем я получил приказание руководить операциями до приезда генерала Алексеева, назначенного наштаверхом. Алексеев приезжает завтра к ночи. Получился эпизод — единственный в мировой истории: главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве родине и преданный за это суду, получил приказание продолжать командование армиями, так как назначить другого нельзя.

С подателем сего доставьте мне возможно подробные сведения о расположении ваших полков, настроении ваших офицеров, казаков и всадников, о связи, имеющейся у вас с организациями, на которые мы рассчитывали, **и на дальнейшие шансы на возможность крепкого нажима средствами, имеющимися в вашем распоряжении**. Ориентируйте меня в обстановке и тогда получите от меня дальнейшие указания. Если же обстановка позволяет, **действуйте самостоятельно в духе данной мною вам инструкции**. Преданный Вам

Л. Корнилов.

Приложение № 15

**Телеграфный разговор генерала Алексеева с начальником штаба
Верховного Главнокомандующего генералом Лукомским**
в три часа пополудни 14 (1) сентября 1917 г.

Алексеев. Я говорю из Витебска в дополнение разговоров с главноверхом от 14 и 20 часов 30 августа¹.

¹ 12 сентября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

Циркулирующие сплетни и слухи окутывают нежелательным туманом положение дел, а главное, вызывают некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда отсюда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне:

1) Считаете ли, что я следую в Могилев с определенным служебным положением или только для переговоров?

2) Предполагаете ли, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев, вероятно 2 сентября¹, или вечером 1 сентября^{II}, Следственной комиссией под председательством Главного военно-морского прокурора Шабловского?

Лукомский. Вы кончили, Михаил Васильевич?

Алексеев. Да, я кончил и прошу ответить мне на эти два вопроса, ибо от этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себя быть простым свидетелем тех событий, которые готовятся распоряжениями и которых безусловно нужно избежать; поэтому-то я решил вас вызвать из Витебска с тем, чтобы не было каких-либо недоразумений, а главное — получить данные для сношений моих с Петроградом.

Лукомский. Сегодня вечером генерал Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас, как на лицо, предназначенное на должность Наштаверха, и предполагал после разговоров с вами, показав вам ряд документов, которых вы, вероятно, не имеете, дать вам свое окончательное решение, считая, что, быть может, ознакомившись с делом, вы несколько измените тот взгляд, который, по-видимому, у вас сложился. Во всяком случае, уверяю вас, что генерал Корнилов не предполагает устраивать из Могилева форт Шаброль и в нем отсиживаться. Я убежден, что ради того, чтобы не прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких-либо непоправимых несчастий, вам не будут чиниться никакие препятствия по оперативным распоряжениям. Вот всё, что я знаю. Если этот ответ вас не удовлетворяет, я могу разбудить генерала Корнилова и дать вам дополнительный ответ. Нужно ли?

Алексеев. Да, придется разбудить, так как всего сказанного вами недостаточно. После тяжелого размышления я вынужден был силой обстоятельств принять назначение во избежание других решений, которые могли отразиться на армии. В решении этом я руководствовался только военной обстановкою, не принимая во внимание никаких других соображений. Но теперь возникает вопрос существенной

¹ 15-го по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 14-го по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

важности: прибыть в Могилев только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другою волею, невозможно. Или придется взять всё, или совершенно отказаться от появления в Могилеве. Я сказал вам, что после моего отъезда из Петрограда оттуда идут распоряжения, идущие помимо меня, но прямо касающиеся событий, которые могут разыграться в Могилеве. Поэтому явиться невольным участником столкновения двух воль, не от меня зависимых, я считаю для себя и недопустимым, и недостойным. Или с прибытием в Могилев я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни и службы армии, или совсем не должен принимать должности. В этом отношении я не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, так как это может повлечь за собою непоправимые последствия. Я понимаю, что документы могут осветить мне ход событий; думаю, что мой взгляд не идет вразрез с сутью этих документов. Но в настоящую минуту вопрос идет о практическом разрешении создавшегося положения. Временное правительство приняло известное решение; остается или с ним согласиться или действовать по иным соображениям. Повторяю, что слухов и сплетен слишком много, разобраться в них трудно, почему мне и необходима полная ясность в ваших предположениях.

Лукомский. Для получения мною вполне определенного ответа от генерала Корнилова на ваши вопросы, было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: 1) что делается с Крымовым и 2) решено ли направить сюда что-либо для ликвидации вопроса? Если возможно ответить на эти вопросы, то я полагаю, что от генерала Корнилова, решение которого зависит, конечно, от него одного, ибо он главный, я в состоянии буду дать вам ответ определенный.

Алексеев. Я задержал свой отъезд сегодня, чтобы дожидаться приезда генерала Крымова в Петроград, видел его и разговаривал с ним. На пути видел бригадных командиров Туземной дивизии и читал записку, присланную им от генерала Крымова. Записка говорит об отводе Туземной дивизии в район станции Дно и о прибытии начальников дивизии и бригадных командиров в Петроград. Первая Донская дивизия южнее Луги, Уссурийская собрана в районе Ямбурга. Сейчас в Витебске циркулируют неясные слухи, что с генералом Крымовым что-то случилось, но слухам этим я не доверяю и полагаю, что он остался в Петрограде. Крымов говорил мне, что в 12 часов он должен был быть у Керенского. На второй ваш вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей; к глубокому сожалению, на пути узнал, что непосредственно из Петрограда отдаются распоряжения, которые становятся мне известными совершенно случайно, о направлении средств для

насильственной, если нужно, ликвидации. Потому-то я и высказал, что для меня и недостойно, и недопустимо пребывание при таких условиях в Могилеве. Вот причина, вследствие которой для меня необходим ясный ответ, от него будет зависеть мое решение, но, к сожалению, я не могу повлиять на остальные распоряжения, сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидации было бы большою ошибкою.

Лукомский. Сейчас разбужу генерала Корнилова и сообщу его ответ.

После перерыва:

Лукомский. Генерал Корнилов просит вас приехать, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим Корнилов настаивает, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились и к нему не подводились, ибо по настроению здешних войск произойдет кровопролитие, которого генерал Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Генерал Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена.

Алексеев. Сделаю всё.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУДАЧИ ПЕРВОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ВСПЫШКИ

Сильное повышение революционных настроений

Подобно тому, как неудача июльского мятежа Петроградского гарнизона вызвала депрессию революционных настроений и подъем контрреволюционных, неудача Корниловского выступления вызвала депрессию в контрреволюционном лагере и большой подъем революционной волны.

Повышение революционных настроений резко отразилось на «советах». В заседании Петроградского совета 13 сентября (31 августа) громадным большинством была принята резолюция, предложенная большевиками. Эта резолюция требовала отстранения от власти представителей всех либеральных партий и передачи власти представителям «революционного пролетариата» и крестьянства. В качестве правительственной программы эта резолюция требовала, чтобы, не дожидаясь Учредительного Собрания, была декретирована Республика; она требовала отмены частной собственности на помещичью землю, заключения мира, отмены смертной казни на фронте, неограниченной ничем свободы агитации в армии, конфискации всех «буржуазных» газет и т. п.

За передачу власти в руки «революционной демократии», т. е. за устранение от участия в политической жизни либеральных партий, высказалось также 115 резолюций из 165, присланных различными провинциальными организациями.

Особенно сильно сказалось повышение революционных настроений в Петрограде. Здесь руководящая роль в Совете солдатских и рабочих депутатов переходит к большевикам. Чхеидзе, Скобелев, Чернов, далеко не умеренные представители социалистических партий (социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков), принуждены были уйти из президиума этого Совета, как слишком «умеренные»; также должен был покинуть президиум всегда поддерживавший Керенского социал-демократ Церетели. Новым председателем совета стал большевик Бронштейн, выступивший под фамилией Троцкого и сыгравший затем выдающуюся роль при свержении власти Временного правительства.

Сентябрьские выборы в районные думы столицы показали громадный рост большевизма — вместо 11 % мест большевики получили 51 %. Это возрастание произошло за счет социалистов-революционеров (процент занимаемых ими мест упал с 58 % до 14 %) и социал-демо-

кратов более умеренного по сравнению с большевиками толка (процент их упал с 12 % до 4 %).

Не лишено интереса отметить здесь, что в большинстве провинциальных городов (643 из 779) к 15 (2) сентября выборы в новые демократические органы самоуправления дали только 7 % большевикам в губернских и 2 % в прочих городах¹.

Только что отмеченный нами факт наглядно показывает, насколько Петроград продолжал оставаться главным очагом революционного движения. Неудача первой контрреволюционной вспышки представляла собой победу петроградского пролетариата. Поэтому естественно, что скачок в повышении революционных настроений в столице должен был значительно опередить рост таковых же настроений в стране. Догонит ли страна в этом отношении столицу, или же настроения последней снизятся до уровня страны, в значительной мере зависело от морального авторитета Правительства.

Полное падение авторитета Временного правительства

«Победитель» генерала Корнилова — Керенский, с возглавляемым им новым Правительством, оказался совершенно лишенным возможности проявить в чем-либо Верховную Государственную власть. Он пытается продолжать свою политику балансирования или, как он сам называет ее, политику поддержания «национального равновесия».

Но это балансирование становится невозможным, так как теперь с правой его стороны уже не могло быть прежней опоры.

В лагере либеральных и государственно-настроенных партий царил не одна только депрессия; поведение Керенского в конфликте с Корниловым породило там враждебность и полное недоверие к нему. Рассчитывать на поддержку этих партий, как на противовес требованиям крайних революционных партий, ему больше не приходилось.

Керенскому оставалось только кренить налево.

Он пробует удовлетворить требования слева декретированием Республики. Он собирает в Петрограде новое Совещание, но на этот раз не «Государственное», а «Демократическое». Целью этого Совещания является установление «единого демократического фронта», дабы слить либеральные (буржуазные) демократические партии с социалистическими, т. е. с так называемой «революционной демократией»; кроме того, из этого Совещания должен был родиться «Совет Российской Республики», задачей которого являлась поддержка совершенно павшего авторитета Временного правительства.

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. I, с. 112—113.

Немощность «Демократического Совещания» ярко выявилась в резолюции по главному вопросу, ради которого оно было собрано. Голосование формулы о необходимости коалиции между социалистической и несоциалистической демократией дало 766 голосов против 688; поправка об исключении из состава Правительства конституционно-демократической партии (к.-д.), т. е. главной из либеральных партий, принята 565 голосами против 483; наконец, после этого резолюция в целом о необходимости коалиции была отвергнута 813 голосами против 183. Чтобы выйти из создавшегося положения, противоречащего в своей основе идее демократии, лидеры центра и правого крыла социалистического лагеря сняли совершенно вопрос о коалиции и с огромным трудом провели новое постановление, в силу которого из состава Совещания выделялся особый представительный орган — предпарламент, причем «в случае привлечения в состав Правительства и цензовых элементов», таковой должен был пополниться делегатами от буржуазных групп. Это же постановление устанавливало ответственность Правительства перед «предпарламентом», который получал наименование: «Совета Российской Республики».

Почти вся печать, хотя и по различным побуждениям, напутствовала окончание «Демократического совещания» однообразной эпитафией: в потоке слов погибла еще одна революционная иллюзия.

Рожденный в таких условиях, «Совет Российской Республики» не мог пользоваться авторитетом. Таковым по-прежнему продолжали пользоваться Советы солд., рабочих и крестьянских депутатов, причем авторитет этих революционных организаций возрос теперь до небывалой еще высоты. Народные и солдатские массы шли теперь за этими советами уже без оглядки и беспрекословно.

До какой степени власть Правительства Керенского стала бессильной, свидетельствует тщетность его попытки прекратить функционирование тех многочисленных самочинных революционных организаций, которые пышным цветом расцвели по всей стране и Армии после призыва Керенского «спасать революцию» от Корнилова. Эти организации присвоили себе различные громкие наименования: «революционных трибуналов», «революционных комитетов», «комитетов по спасению и охране революции» и т. п. Во многих местах, применяя демагогические приемы, они подчинили себе уже существовавшие более умеренные комитеты и советы; везде их существование было ознaменовано всевозможным произволом и насилиями.

Правительство Керенского, «свидетельствуя от имени всей нации о чрезвычайных заслугах этих комитетов», объявило об их упразднении, так как «самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться, как

с действиями самоуправными и вредными республике»^I. Но в тот же день из недр Центрального исполнительного комитета советов, вышел приказ^{II}, чтобы все эти революционные организации, «ввиду продолжающегося тревожного состояния, работали с прежней энергией...». И все эти самочинные организации категорически отказались признать за Правительством право роспуска^{III}.

Бессилие Керенского после победы над Корниловым так характеризуется в газете М. Горького «Новая Жизнь»: «Бессильная в самостоятельной борьбе с контрреволюцией, неспособная к положительной творческой работе в деле обороны и борьбы с разрухой, живущая за счет авторитета и поддержки Совета^{IV} и его руками выводящая страну из-под смертельного удара Корниловщины — наша власть чувствует себя достаточно независимой и неограниченной... в пределах Зимнего дворца.

Народные массы, в которых вера в прежнюю традиционную Царскую власть была окончательно подорвана пропагандой, широко разлившейся по всей стране, начиная с марта месяца, причем в этой пропаганде участвовали не только революционные, но и либеральные партии, теперь совершенно изверились во власти Временного правительства. Здесь невольно вспоминаются пророческие слова П. Н. Миллюкова, сказанные им в то время, когда представители Временного правительства и Комитета Государственной Думы уговаривали Великого Князя Михаила Александровича отречься от принятия Престола. Временное правительство, по его словам, являлось «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений раньше, чем соберется Учредительное Собрание. Что же видела перед собою толща русского народа в течение рассмотренных нами революционных месяцев? В недрах самого Временного правительства происходило одно изменение за другим, между тем как здравый смысл подсказывал народу, что сущность идеи «Временного правительства» заключалась именно в том, чтобы оно без перемен в своем составе довело страну до Учредительного Собрания и этому последнему сдало временно воспринятую верховную власть, отдав отчет в ее использовании.

Такова была идейная сторона, которая была разрушена.

Какова же была практическая сторона?

Народ хотел мира. Временное правительство упорно говорило о войне. Мало того, оно освятило своим авторитетом несчастное июльское наступление. Поражение, понесенное нами в этом наступлении,

^I Указ от 17 (4) сентября.

^{II} Резолюция «комитета народной борьбы с контрреволюцией».

^{III} Суханов, т. VI, с. 20—29, 48—51.

^{IV} раб. и солд. депутатов. — *Прим. Н. Н. Г.*

сильно подорвало моральный авторитет Временного правительства. В самом деле, простой смысл народа не мог понять, каким образом можно начинать военную операцию, заранее осужденную на поражение. Если до наступления и была в среде народа колеблющаяся часть, которая думала, что, может быть, окончательная победа действительно так близка, как это говорилось от имени Временного правительства на всех митингах, то, когда вместо победы перед глазами того же народа разверзлась пропасть катастрофы, его стремление возможно скорее окончить войну усилилось и стало уже всеобщим. А Временное правительство, с сильно подорванным моральным авторитетом, продолжало настаивать на продолжении войны.

Главная масса народа — крестьянство — хотела землю, Временное правительство уклонилось от быстрого и окончательного разрешения этого вопроса, отложив его до Учредительного Собрания. Но для того чтобы как-нибудь удовлетворить требования крестьянской стихии, оно передало временное разрешение аграрного вопроса «земельным комитетам». Мы уже сказали выше, к чему это привело. Здесь же подчеркнем только то, что такая передача имела тот величайший моральный эффект, что многомиллионное русское крестьянство приучилось видеть в «комитетах» или «советах» власть, которая может удовлетворить его чаяния.

Во второй главе мы приводили выдержку из заключения большевистского исследователя о крестьянском движении 1917 года. В этой выдержке указывается, что до июля месяца Временное правительство пользовалось еще стихийным доверием крестьянства, и борьба последнего за землю протекала в условиях «своеобразной легальности». Но начиная с сентября, крестьянство отворачивается от Временного правительства. Движение в деревнях принимает формы восстания. Предисловие к «Крестьянскому движению в 1917 году», на основании анализа обширного материала по крестьянскому движению того времени, отмечает, что «в сентябре и октябре аграрное движение поднимается на уровень крестьянской войны». В этом предисловии указывается, что число имений, охваченных движением в сентябре, возросло на 30 % против августа, а в октябре еще поднялось на 43 % по сравнению с сентябрем¹.

Окончательный подрыв авторитета Временного правительства отражался в том, что революционное бурление усиливается и в городах. При этом во многих случаях исследователь не может не обратить внимания на отсутствие идейной подкладки во вспыхивающих там и здесь беспорядках. Это своего рода клокотание лавы в вулкане перед самым началом извержения.

¹ Гражданская война 1918—1921 гг. Т. I, с. 14. Москва: Военный Вестник, 1928.

Картину усиления анархии во всей стране дает приводимая ниже выдержка из статьи газеты «Русские Ведомости» от 3 октября (20 сентября). «Русские Ведомости» были органом прогрессивной части профессоров Московского университета и отличались всегда серьезным характером своих статей.

«По всей России разлилась широкая волна беспорядков. Киев, Бахмут, Орел, Тамбов, Козлов, Ташкент, запад и восток, центр и окраины попеременно или одновременно становятся ареной погромов и разного рода беспорядков. В одних местах беспорядки возникают на почве продовольственных затруднений, в других толчок к ним дает разгром солдатской толпой винного склада, в третьих просто никто не в состоянии ответить на вопрос, отчего возникли беспорядки. Город жил, казалось, мирной жизнью, но неожиданно толпа выходит на улицу и начинает разбивать лавки, творить насилия над отдельными лицами, подвергать самосуду представителей администрации, хотя администрация и была выборной. Стихийность и бессмысленность погромов ярче всего бросаются в глаза, и эти особенности беспорядков больше всего затрудняют борьбу с ними. Убеждать, обращаться к разуму и совести? Но именно разум-то тут и отсутствует, а совесть заснула крепким сном. Прибегать к мерам репрессии, к содействию вооруженной силы? Но именно эта вооруженная сила, в лице солдат местных гарнизонов^I, играет главную роль в погромах... Всего две недели назад военный министр^{II} очень успокоительно говорил о положении дел в Московском военном округе^{III}, и за эти две недели пришлось уже снаряжать специальные военные экспедиции для подавления беспорядков в Орше, Тамбове, Козлове. **Толпа**, в худшем смысле этого слова, всё более и более выходит на улицу и **начинает себя чувствовать господином положения**, не признавая над собою никакой власти. Иногда эта толпа выкидывает те или иные большевицкие лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевицкой или анархической. Просто толпа, как толпа: темная, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубых интересов...»

Только что приведенная выдержка представляет собою наблюдения очень вдумчивого современника. Она ярко обрисовывает ту социологическую стадию, в которую вступала русская революция. С окончательным подорванием авторитета Правительства и дезорганизованностью сил, могущих так или иначе оказать противодействие разлагающему

^I Тыловые запасные части войск. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Верховский. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Этим Верховский восхвалял свою собственную деятельность в роли Командующего войсками Московского воен. округа, каковым он был до назначения военным министром. — *Прим. Н. Н. Г.*

процессу революции (контрреволюционные силы), эта последняя не сдерживается уже никакими «сдерживающими центрами». Коснувшись дна народной толщи, революция выкидывает наверх преступную чернь. Она вступает в стадию, в которой криминальный элемент становится господствующей силой, подымающей и ведущей толпы.

Истинными победителями генерала Корнилова были, как мы видели, Советы рабочих и солдатских депутатов. Это приводит к тому, что авторитет их в глазах народных масс чрезвычайно вырос.

Таков закон социальной жизни: истинный авторитет власти создается сочетанием веры масс в то, что эта власть осуществляет идеи, соответствующие желаниям этих масс, и веры в то, что эта власть обладает **реальной силой**. Теперь картина была совершенно ясна: реальная сила окончательно находилась в руках «советов рабочих и солдатских депутатов». При таких условиях политика «балансирования» Керенского могла только раздражать советы, подобно тому как она в свое время раздражала генерала Корнилова и всех сочувствовавших последнему. Эта политика «балансирования» могла только опять ускорить взрыв, но на другой стороне — на крайне левой. А у этой крайне левой стороны уже была готова и вооруженная сила: запасные (тыловые) войска.

Эти войска всецело подпали под влияние большевиков. Депрессия после неудачи июльского восстания была теперь совершенно смыта «победой» над генералом Корниловым. Тыловые войска чувствовали себя «победителями»; к этой же победе их привели большевики; авторитет последних возрос до громадной высоты. Новый председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Троцкий, так резюмирует это подчинение: «после жестокого урока июльских дней» эти массы отказались от собственной инициативы и ожидают призыва сверху». Если же мы вспомним, что большевики с самого начала выкинули на своих знаменах лозунг «немедленного прекращения войны», а теперь добавили к нему новый, совершенно соответствующий настроянию масс, лозунг «вся власть советами», то станет понятным, что запасные войска являлись к этому моменту уже армией большевиков. Расположенные в главных городах Империи, с общей численностью в 1 000 000 солдат, они представляли собою большую силу, которая совершенно обеспечивала большевикам захват власти, когда они пожелают.

Окончательное расчленение Русской Армии на два враждебных лагеря: офицерский и солдатский

В самой Действующей Армии, после конфликта Керенского с генералом Корниловым, произошел окончательный разрыв между двумя лагерями: офицерским и солдатским. При этом разрыв этот доходит

до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими. Это уже две вражеские армии, которые еще не носят особых названий, но по существу это Белая и Красная армии.

Жертвенная роль, которую взял на себя генерал Алексеев, когда он согласился стать начальником штаба Керенского, ставшего Верховным Главнокомандующим, представляла собою последнюю попытку хотя бы как-нибудь примирить эти два лагеря, слив их опять в единую Российскую Армию. Генерал Алексеев представлял собою лицо, которому верило офицерство, Керенский — лицо, которое в первые месяцы революции являлось кумиром солдатских масс.

Но подобное примирение было уже неосуществимым. На пятый день после принятия генералом Алексеевым Ставки, вечером 18 (5) сентября, в Могилев прибыл новый Верховный Главнокомандующий Керенский в сопровождении военного министра Верховского. Последний, вернувшись через день в Петроград, 20 (7) сентября выступил в заседании бюро В.Ц.И.К. с заявлением¹, что «Алексеев не может оставаться на своем месте — он не понимает психологии современного войска». Верховский, продолжавший свою политику подыгрывания к тыловой солдатской массе, понимал, что эта масса, ощутившая теперь «силу победы», не хотела никакого примирения. Положение ген. Алексеева в Ставке становилось невыносимым. Он не мог чувствовать доверия к Керенскому и в то же время он ежечасно убеждался, что в столкновении ген. Корнилова с Керенским оказался побежденным не только первый. Моральный авторитет Керенского среди солдатской массы был окончательно подорван. «Я сознаю, — писал ген. Алексеев одному из союзных военных агентов, — свое бессилие восстановить в армии хоть тень организации: комиссары препятствуют выполнению моих приказов, мои жалобы не доходят до Петрограда; Керенский рассыпается в любезностях по телеграфу и перлюстрирует мою корреспонденцию; не взирая на все обещания его, судьба Корнилова остается загадочной...»². В письме же своем к ген. Каледину генерал Алексеев пишет: «...Три раза я взывал к совести Керенского, три раза он давал мне честное слово, что Корнилов будет помилован; на прошлой неделе он показывал мне даже проект указа, одобренный якобы членами правительства... Всё это ложь и ложь, Керенский не подымал даже этого вопроса... По его приказу украдены мои записки. Он или к... или сумасшедший. По-моему к...».

«Но совершенно невыносимым стало положение генерала Алексева, — пишет генерал Деникин³, — когда он получил неожиданное

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II.

² Chessin. Au pays de la démence rouge.

³ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 78.

сведение, что его действия вызывают осуждение со стороны... ген. Корнилова, который считает, что с ликвидацией Ставки роль генерала Алексева окончена и что дальнейшее пребывание столь авторитетного лица на посту начальника штаба только укрепляет морально позицию Керенского...» Эти строчки, исходящие из-под пера генерала Деникина, чрезвычайно знаменательны. Они показывают, что даже в том лагере, в котором высоко поддерживалось знамя России, в котором жертвенный огонь патриотизма продолжал гореть, озлобление от всего пережитого в дни Корниловского выступления и ликвидации его, было столь велико, что выдвигался самоубийственный лозунг: «Чем хуже, тем лучше».

В самом деле: гибель Керенского означала приход к власти большевиков; следовательно, поддерживать в тот момент Временное правительство Керенского означало спасти Россию от самого ужасного для нее зла — от большевиков. Сказанное Деникиным, несомненно, выражает отношение к Керенскому лучшей части офицерства, а также и наиболее действенно настроенной части либеральной и правой интеллигенции. При таких условиях Временное правительство было обречено на гибель. Верховная Государственная власть лежала низверженной; нужно было только, чтобы какие-нибудь руки подобрали ее. Руки большевиков и сделали это.

Поэтому большевики совершенно правы, утверждая, что в ноябре (в октябре по ст. ст.) они Правительственную власть не низвергали, а только подобрали уже брошенную.

«Обреченность» спасательной работы генерала Духонина

23 (10) сентября ген. Алексеев ушел с поста начальника Штаба Верховного Главнокомандующего и был заменен генералом Н. Н. Духониным⁸¹. Последний являлся одним из тех молодых генералов, которых выдвинула война. Обладая такую же личной храбростью и таким же мужеством, как ген. Корнилов, ген. Духонин, кроме того, обладал еще одним громадным качеством: он обладал большим спокойствием духа, позволявшим его разуму трезво оценивать существующую реальную обстановку, а это гарантировало Русскую Армию от каких-либо авантюрных мероприятий. Будучи горячим патриотом, он в то же время соединял этот патриотизм с большой терпимостью ко взглядам инакомыслящих, а это, в свою очередь, содействовало широкому государственному кругозору. Отсутствие честолюбия облегчало ему не только в сознательных своих действиях, но и в подсознательных, руководствоваться одной только идеей — спасением России; какая бы то ни была примесь стремления, хотя бы бессознательного, соединить непременно

спасение России со своим «Я» отсутствовала у него. Ген. Духонин в полном смысле слова был человеком, который смотрел на служение Родине, как на жертвенный подвиг, вовсе не сопровождающийся обязательно личной славой.

Если ген. Алексеев представлял собою генерала старой формации, умудренного громадным опытом Верховного Главнокомандования, то ген. Духонин являлся молодым генералом, по своим личным качествам наиболее отвечавшим творческой работе по воссозданию Российской Армии в новых условиях, создавшихся с падением Царской власти. Но подобно генералу Алексееву, генерал Духонин был слишком скромен и потому не отвечал облику «революционного» генерала, создавшемуся в представлении нашей интеллигенции, воспитанной на идеализации большой французской революции. По этой причине такие лица, как генерал Духонин, не могли быть призваны вовремя.

Подобно тому как возвращение генерала Алексеева на верховожделение Действующей Армии явилось запоздалым, так же точно запоздалым было появление на этих верхах генерала Духонина.

Корниловское выступление представляет собой преждевременный взрыв накапливавшихся контрреволюционных настроений. После него приходилось начинать большую часть работы сначала. Но условия этой работы стали во много раз хуже, чем они были несколько месяцев тому назад.

Ген. Духонин не мог рассчитывать даже на ту единственную поддержку, на которую рассчитывал ген. Корнилов. Офицерство, истрадавшееся и загнанное, находилось теперь всецело в руках озверевших солдатских масс. Если раньше организационная работа среди офицеров была трудна, то теперь, после неудачи Корниловского выступления, она стала невозможной. Сознание своего полного бессилия во много крат усиливало озлобленность офицерства против Временного правительства, во главе которого стоял «победитель» Корнилова — Керенский. Эта озлобленность достигла уже той степени, при которой враждебно встречался каждый становившийся около Керенского хотя бы даже для того, чтобы спасти погибшую Россию.

Жертвой подобного несправедливого отношения и становился генерал Духонин. В этом легко убедиться, прочтя строки, написанные генералом Деникиным в его «Очерках Русской Смуты»¹. Эти строки тем более знаменательны, что они написаны после того, как Духонин геройски принял мученическую смерть за Россию, и при этом отчасти за то, что не побоялся спасти ген. Корнилова, ген. Деникина и других, дав возможность всем «быховским узникам» уйти от расправы боль-

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 96.

шевики. Вот как ген. Деникин характеризует безукоризненно чистую личность генерала Н. Н. Духонина:

«В лице Духонина, ставшего фактически Верховным Главнокомандующим, Керенский и революционная демократия, представленная комиссарами и комитетами, нашли действительно тот идеал, который они долго и напрасно искали до тех пор. Духонин — храбрый солдат и талантливый офицер Генерального штаба, принес им добровольно и бескорыстно свой труд, отказавшись от всякой борьбы в области военной политики и примирившись с ролью «технического советника» — той ролью, которую революционная демократия мечтала навязать всему командному составу. ... Духонина никто из них не заподозривал в малейшем отсутствии лояльности. Он не препятствовал продолжавшимся упражнениям творцов «революционной армии», хотя и не облакал свое отношение к ним в пафос и ложь Брусиловской тактики. Духонин стал **оппортунистом** пар екселянс»¹...

Духонин оппортунист! Вот, казалось бы, наиболее несправедливое обвинение, которое можно ему бросить. Несомненно, когда ген. Деникин писал эти слова, в нем продолжало отсутствовать то душевное равновесие, без которого ум не может справедливо оценивать происходящее. Если такое равновесие не могло восстановиться после нескольких лет в человеке, выделяющемся из общей массы, то что же должно было происходить тогда в рядовом офицерстве — тогда, когда разыгрывалась сама драма?

В стране творилось нечто невообразимое^{II}. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест под многоговорящими заголовками: Анархия, Беспорядки, Погромы, Самосуды и т. д. Министр Прокопович^{82 III} поведал «Совету Российской республики», что не только в городах, но и над Армией висит злобещий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом — сплошное пространство, объятые анархией, и нет сил преодолеть его. На всех железных дорогах, на всех водных путях идут разбои и грабежи. Так, в караванах с хлебом, шедших по Мариинской водной системе в Петроград, по пути разграблено крестьянами при сочувствии или непротивлении военной стражи сто тысяч пудов из двухсот. Статистика Военного министерства, за одну неделю только в тыловых войсках и при этом принимая в расчет лишь «исключительные» события, давала 24 погрома, 24 «самочинных выступления» и 16 «усмирений вооруженной силой». В особенности сильно страдала прифронтовая полоса. Тылы Действующей Армии как бы наверстывали

^I Par excellence, в полном смысле слова, настоящий (франц.). — Прим. ред.

^{II} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 108.

^{III} Министр продовольствия, принадлежал к социалистам.

теперь, после победы над ген. Корниловым, свою прежнюю «отсталость» в распушенности по сравнению с запасными войсками глубокого тыла. Один из начальников дивизий дает, например, в своем донесении следующую мрачную картину положения Подольской губернии, для охраны порядка в которой стояли его части (Кавказская туземная дивизия). «Теперь нет сил дольше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметаю всё, уничтожают посе́вы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имения... В каждом селе развито винокурение, с которым нет возможности бороться, вследствие массы дезертиров. Самая плодородная страна — Подолия — погибает. Скоро останется голая земля».

На самом же фронте Действующей Армии, после победы над Корниловым, развал пошел уже полным ходом. Большевики и наши враги германцы энергично эксплуатируют создавшееся положение. «Настроение фронта, — доносит в своей сводке комиссар Западного фронта Жданов¹, — ухудшается в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма; распространяются газеты «Буревестник», «Товарищ»¹¹, немецкая газета «Русский вестник»¹¹¹...»

Какую силу мог противопоставить ген. Духонин для удержания этой разбушевавшейся анархии?

Мы знаем, что в руках его предшественников такая сила нарастала: формировались отборные добровольческие части из офицеров и солдат, уходящих из состава разваливающихся окончательно частей. Ко времени, когда ген. Духонин очутился во главе Армии, число таких частей было уже значительным, но это были в подавляющем большинстве «тела» без «души». «Душа» отлетала. Первый удар, как мы уже говорили выше, был нанесен им июльским наступлением. Эта стратегическая авантюра не только нанесла им физический ущерб, так как большая часть потерь пала как раз на эти отборные части, но она нанесла им и тяжелый моральный удар. Патриоты, пошедшие в эти отборные части, шли в них как в «ударные», так что они понимали, что идут на исключительно большие потери. Но в июльские дни они увидели, что, вместо того чтобы возбуждать среди солдат других частей воодушевление и восхищение, они вызывают в них лишь чувство озлобления. Они почувствовали себя чем-то вроде «штрейкбрехеров».

¹ Сводка сведений о настроении частей войск Западного фронта с 12/25 по 15/28 октября 1917 г.

¹¹ Большевицкая газета.

¹¹¹ Газета, издаваемая в немецкой армии для распространения в наших окопах через посредство большевиков.

Затем авторитет высшего командного состава, по зову которого они шли в ударные части, был сильно подорван, так как у них родилось тяжелое чувство сомнения в том, что этот высший командный состав находится на высоте понимания ведения современной большой войны. Это сомнение среди солдат отборных частей породило, в свою очередь, другое — сомнение в возможности вообще победить немцев, а следовательно, и в самом боевом смысле существования «ударных» частей.

Второй, еще более тяжелый удар, был нанесен этим добровольческим частям неудачей Корниловского выступления. Это выступление раскрыло скрытый политический смысл создания «отборных» частей. Большинство, а вероятно и все «ударники», догадывались об истинном политическом смысле их. Но «маска» ударных частей облегчала им поступления в эти части, а также самую жизнь этих частей бок о бок с прочими частями разлагающейся Армии. Теперь «маска» была сорвана. Быстрый провал Корниловского выступления, получившего внешний вид необоснованной политической авантюры, подрывал веру в спасительную политическую миссию этих частей.

Всё изложенное и привело к тому, что мы выразили выше, уподобив эти отборные части после Корниловского выступления «телу без души». На такие части генерал Духонин не мог положиться. Не в них мог он обрести ту силу, которая была нужна теперь в еще большей мере против разбушевавшейся анархии.

Ген. Духонин ищет возможности создать нужную для прекращения этой анархии силу на других путях. Русская революция, следуя социологическим законам, определяющим ход всякой революции, низвергающей автократический режим, вызвала в Государстве центробежные силы. В подавляющем большинстве это было лишь выявлением протеста против той излишней централизации, на которой строил Российскую Империю старый режим. Эти центробежные силы вызывали подъем «местных патриотизмов». И вот ген. Духонин решил создать теперь более прочные части, используя этот подъем «местных патриотизмов», а именно формируя «национальные» части. Следуя этой идее, Ставка начала спешно формировать части: Украинские, Сибирские (не только по названию), Польские, Татарские и др. Кроме того, Ставка прилагает все усилия для скорейшего окончания формирования из захваченных нами австро-венгерских пленных Чехо-Словацкого корпуса и Сербской дивизии. Что подобные войска действительно представляли теперь собою единственные части, в которых существовал хотя бы относительный воинский порядок, видно и из того обстоятельства, о котором упоминает сам ген. Деникин, что «быховские узники» обязаны были своим спасением от самосуда над ними проходящих частей лишь присутствию в Быхове Польской дивизии.

Здесь мы имеем дело с чрезвычайно интересным социологическим явлением: во всех случаях, когда большевизм был побежден, это было только на почве «национализма». Так было во всех отделившихся от России ее частях; так было в Баварии, в Венгрии и в других странах, в которых по окончании войны произошли вспышки большевизма; впоследствии это особенно ярко выявилось в Италии и в Германии.

Правда, избранный генералом Духониным путь заключал в себе опасность привести к расчленению России. Но гарантией против такого окончательного расчленения являлись географические и экономические условия, которые обусловили само создание старой России; оставаясь неизменными, они представляли собой те «объективные условия», которые предопределяли и дальнейшее единство обновленной России. Одно только было несомненным: мероприятия ген. Духонина предрешили будущую Единую Россию в виде федерации, а не в виде узкоцентрализованного «унитарного» государства. Правильность избранного ген. Духониным пути подтверждалась и тем, что происходило в казачьих областях, в особенности на Дону.

Там, несмотря на бушующую революционную стихию, процесс революции не вызвал такой беспредельной анархии, как в прочих областях России. Мудрый генерал Каледин понял спасительную силу «местного патриотизма» в те минуты, когда Имперский «патриотизм» переживает кризис. Опираясь на этот «местный казачий патриотизм», он и вышел победителем из конфликта с Керенским; в нем он искал опору для борьбы с возросшей после неудачи выступления генерала Корнилова анархией в среде неказачьего населения области, особенно сильно бушевавшей в городах, где стояли совершенно обольшевичившиеся солдатские запасные части.

Но путь, который избрал генерал Духонин, требовал времени. Пока же ген. Духонину приходилось опираться для поддержания хотя бы какого-нибудь порядка в Армии на войсковые комитеты. Наследие, полученное им от ген. Корнилова, было в особенности тяжело потому, что сорвавшаяся попытка ген. Корнилова до чрезвычайности усилила авторитет солдатских советов в глазах солдатских масс, как в тылу, так и в Действующей Армии. Подымать вопрос об уничтожении этих учреждений являлось теперь совершенно праздным и бессмысленным. Овладеть же вновь солдатской массой можно было, только получив влияние в войсковых комитетах. Как мы говорили выше, большевики учили это и выкинули лозунг: «Вся власть советам», употребив при этом все усилия, чтобы овладеть этими советами. Ген. Духонину пока оставался только один метод: поддерживать умеренные, не большевицкие элементы в советах и в связи с ними работать над поддержанием хотя бы остатков самого ничтожного порядка в Армии. Только этим путем

возможно было произвести те «усмирения вооруженной силой», о которых упоминает приведенная несколько выше статистика Военного министерства.

Трагическое положение ген. Духонина было настолько очевидным, что даже строгий критик его, ген. Деникин, назвав его «оппортунистом пар экселянс», находит смягчающие его вину обстоятельства... «В противовес другим генералам, видевшим в этом направлении новые перспективы для неограниченного честолюбия или более покойные условия личного существования, — он шел на такую роль, заведомо рискуя своим добрым именем, впоследствии и жизнью, исключительно из-за желания спасти положение. Он видел в этом единственное и последнее средство».

Действительно, это было единственное и последнее средство. Но трагичность положения заключалась в том, что и это единственное средство требовало, для своего воздействия, известный период времени. А его-то в распоряжении ген. Духонина не оказалось.

Моральная заслуга ген. Духонина велика **именно** тем, что он не отчаялся, а продолжал бороться за спасение России до последней минуты.

Нам приходилось уже указывать на то, что вообще все методы спасения России были недействительны при том условии, что война будет продолжаться. Как в свое время заявил Главнокомандующий Западным фронтом — генерал Гурко, перед Временным правительством стояла дилемма: прекратить революцию или прекратить войну. Первую прекратить сразу, не создав противореволюционной силы, было нельзя. Стало быть, оставалось только одно — кончить войну. Подобное радикальное лечение было единственным действительным способом спасения — народные массы, и в особенности солдатские, продолжать войну не желали. По мере того как в них нарастало ощущение собственной силы, это желание массами немедленного мира становилось столь напряженным, что его с полным правом можно уподобить силе стихийной.

Настроения в Действующей Армии, в период нахождения генерала Духонина на посту начальника штаба Верховного Главнокомандования, ярко очерчены в одной из Сводок военно-политического отдела Ставки¹.

«Общее настроение Армии, — говорится в этом отчете, — продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине этого месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются **неудержимая жажда мира**, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-либо реальной развязке... Армия представляет из себя огромную,

¹ Полный текст этой Сводки приведен в приложении № 16.

усталую, плохо одетую и плохо прокармливающуюся, озлобленную толпу людей, **объединенных жаждой мира** и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще...»

Вопрос о мире становится еще более острым

Таким образом, вопрос о немедленном заключении мира после неудачного выступления ген. Корнилова стал еще более острым, чем раньше. Но решение этого вопроса принадлежало не генералу Духонину, а Временному правительству.

Временное же правительство относилось непримиримо не только к началу мирных переговоров, но даже к прямому и твердому заявлению союзникам, что Россия, вследствие происходящей в ней революции, воевать не может.

Крайне яркой иллюстрацией отношения Временного правительства, а также всей нашей хотя бы сколько-нибудь национально-мыслящей интеллигенции к вопросу о переговорах с союзниками о необходимости скорейшего окончания войны, являются дебаты в комиссиях и в пленарных заседаниях Совета Российской Республики в последние дни существования Временного правительства.

На секретном соединенном заседании комиссий по обороне и по иностранным делам, состоявшемся 2 ноября (20 октября), т. е. за пять дней до большевицкого переворота, военный министр Верховский выступил с докладом¹, представлявшим правдивую картину того, что происходило в Армии.

После очерка катастрофического положения последней и изложения принятых для спасения положения мер, генерал Верховский резюмировал, согласно журналу заседания, свой доклад так:

«Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что **воевать мы не можем**. Во всяком случае, сам А. И. Верховский, не обинуясь, заявляет, что не чувствует себя в силах продолжать работать в прежнем направлении, и уже просил министра-председателя подыскать ему преемника. Изложенный им план восстановления нашей боевой мощи сам по себе хорош, но А. И. Верховский в него не верит, так как он является лишь паллиативом, неспособным преодолеть всё более развивающуюся и разлагающую пропаганду мира. Уже сейчас имеются сведения о том, что некоторые части решили, не дожидаясь зимы, уйти

¹ Журнал соединенного заседания комиссий (Совета Российской Республики) по обороне и по иностранным делам от 2 ноября (20 октября) приведен в приложении № 17.

из окопов... Если до сих пор большевики не выступили для захвата власти, то только потому, что представители фронта пригрозили им усмирением. Но кто поручится, что через пять дней эта угроза сохранит свою силу, и большевики не выступят¹... Единственная возможность бороться со всеми этими тлетворными и разлагающими влияниями — это вырвать у них (большевиков) почву из-под ног, другими словами, самим немедленно возбудить вопрос о заключения мира».

Доклад Верховского вызвал бурю негодования среди членов комиссий, и его попытка открыть глаза присутствующих на истинное положение вещей не увенчалась успехом.

Происшедшие затем прения очень ярко показывают нежелание возражавших трезво посмотреть в лицо уже вплотную приблизившейся гибели. Под формальными предлогом, что военный министр выступил со своим докладом, не осведомив о нем весь состав Временного правительства, совещание «решило отложить прения до выяснения точки зрения Правительства».

Беспристрастие требует указать здесь, что недоверие, с которым было встречено в вышеуказанном заседании комиссий заявление Верховского о невозможности продолжать войну, обуславливалось также недоверием и к самому Верховскому. Всего десять дней перед этим, в заседании Совета Республики, Верховский громогласно заявлял: «Люди, говорящие, будто русская армия не существует, не понимают того, что говорят... Приходится слышать вздорные речи, будто с наступлением холодов армия уйдет из окопов и не исполнит своего долга. Это — **явный вздор**».

Не подлежит сомнению, что Верховский, являясь типичным демагогом, в своих выступлениях руководствовался не столько исканием истины, сколько честолюбивым расчетом, и это учитывалось членами комиссий. И тем не менее то, как было встречено последнее заявление Верховского о необходимости скорейшего заключения мира, может являться примером, рисующим неприемлемость этой идеи для русской интеллигенции всех партий, но не принадлежащей к социалистам интернационалистического толка.

На следующий же день после изложенного выше выступления Верховского в комиссиях Совета Республик в одной из национально-настроенных газет — «Общее дело», издаваемой старым революционером Бурцевым, появилась статья об этом докладе. В этой статье Верховский обвинялся в измене. Временное Правительство закрыло газету «Общее дело». Это только усилило общественный интерес к уходу Верховского с должности военного министра.

¹ Это предсказание А. И. Верховского в точности сбылось. (Прим. Н. Н. Г.)

До какой степени национально-настроенная интеллигенция не отдавала себе отчета в истинном положении вещей, свидетельствует следующий факт.

6 ноября (24 октября), т. е. накануне большевицкого переворота, на квартире министра иностранных дел Терещенко состоялось совещание лидеров различных партий Совета Республик и некоторых членов Временного правительства. На этом заседании П. Н. Милюков настаивал на необходимости занятия Константинополя.

Попытка Верховского вырвать из рук большевиков ту пропаганду, которую они притягивали в свой лагерь солдат и народные массы, заставила их лидеров торопиться со свержением Временного правительства, и 7 ноября (25 октября) последнее было свергнуто.

Основной причиной всего только что изложенного являлась оторванность нашей интеллигенции от народных масс, о которой мы уже много раз говорили.

При громадном различии культурного уровня русской интеллигенции и русских народных масс степень осознания целей войны первой и вторыми была столь же различна. Отсутствие ясного понимания этих целей приводило к тому, что жертвы, требуемые войной, несравненно тяжелее психически ощущались в народных низах, нежели на верхах. Поэтому совершенно естественно, что нежелание продолжать войну могло уже проявиться во всей своей силе в низших слоях населения задолго до того, как было надломлено упорство преследования национальных целей в более культурных слоях.

Такого рода явление и имело место в России. В результате и содалась та полная слепота и глухота даже наиболее выдающихся представителей русской интеллигенции, которая не позволила им понять создавшуюся, после мартовского переворота, психически социальную невозможность для России продолжать войну.

Наша либеральная интеллигенция, Временное правительство и поддерживавшая его часть социалистов продолжали рассматривать вопрос о продолжении войны исключительно с точки зрения тяжелых последствий, которые повлек бы за собой выход России из рядов сражающихся. Последнее, конечно, явилось бы равносильным признанию поражения. Только они совершенно не отдавали себе отчета в том, что это поражение уже произошло в марте месяце, что теперь вопрос мог идти только о том, как уменьшить тяжесть этого поражения, и что дальнейшее проявление упорства вело только к ухудшению его последствий.

Здесь мы входим в область совершенно еще не исследованной природы войны. Обыденное представление о «последствиях войны» ограничивается областью территориальных изменений и экономических тягот. Между тем война является социальным процессом, кото-

рый, главным образом, охватывает область человеческого духа. Еще в 1907 году, в работе¹, посвященной изучению психологической стороны военной борьбы, автор этой книги пришел к выводу, что каждое сражение, а следовательно, и сама война кончаются не исчерпанием материальных средств, а чисто психическим актом отказа от борьбы одной из воюющих сторон.

В русских народных массах этот психически-коллективный процесс «отказа от борьбы» уже вполне назрел в 1917 году. Противиться их стремлению к миру было равносильно желанию преградить плотиной мощную реку. Такая попытка, как известно, неминуемо ведет к катастрофе. Накопившаяся в запрудах вода прорвет, в конце концов, плотину и одновременно с этим произведет большие разрушения и на берегах. Тот же результат ожидает попытки идти наперекор стихийному стремлению масс к миру. Чем менее культурны эти массы, тем сильнее их потянет к политическим лидерам партий, исповедующих интернационал.

В этом и заключается секрет окончательного торжества Ленина. Было бы очень большой ошибкой предполагать, что требование Лениным и его последователями немедленного заключения мира являлось признаком того, что они представляли собою единственную часть русской интеллигенции, которая лучше других понимала русские народные массы. Для них, как для ярых поклонников Маркса и проповедуемого последним «интернационала», отрицание «национальной войны» являлось существеннейшей частью их доктрины. Таким образом, мы видим здесь только случайное совпадение стремления, которым удачно воспользовались Ленин и его сателлиты для захвата власти. Тут напрашивается один общий социологический вывод: конец современной большой войны в стране, народные массы которой потеряли веру в победу, создает чрезвычайно благоприятные условия для появления у власти крайних партий «интернационалистического» толка. Напомним Парижскую коммуну 1871 года.

Подобное социальное последствие войны является для народа несравненно более тяжелым, чем какие бы то ни было урезы территории и какая бы то ни была контрибуция. Оно тем ужасно, что разрушает моральные ценности народа, и трагическая судьба России, пошедшей по этому пути, служит яркой иллюстрацией к вышесказанному.

Если таковы были настроения нашей национально-настроенной интеллигенции, то естественно, что еще более непримиримой к идее заключения мира была офицерская среда.

¹ Головин Н. Н. Исследование боя; исследование деятельности и свойств человека, как бойца. СПб., 1907 г. Диссертация на звание экстраординарного проф. Императорской Николаевской военной академии. 192 с. и 11 чертежей.

Мы уже указывали выше, что гонения, которые испытывал с марта офицерский состав, усиливали в нем патриотические настроения; слабые и оппортунисты ушли, остались только сильные духом. Это были те люди — герои, в которых идея жертвенного долга, после трехлетней титанической борьбы, получила силу религии. Но получить такую страшную силу идея эта могла только тогда, когда одновременно с ней прочно привилась и идея, что существование России тесно связано с интересами союзников и что без совместного с союзниками полного сокрушения Германии, России грозит гибель.

Здесь мы опять входим в область коллективной психологии. Война, как специфический процесс общественной жизни, вызывает в последней и свои специфические явления. Подрывая волю слабых, она закаляет дух более энергичных. Последнее же неминуемо усиливает, в известных кругах, дух непримиримости. Психические последствия этого рода явлений можно было наблюдать во всех воевавших странах даже долго после заключения мира. Напомним настроение расистов в Германии и националистических кругов во Франции.

Неудача Корниловского выступления могла только усилить эти настроения. Связь большевиков с Германским генеральным штабом была очевидна. Победа Керенского, которая по существу являлась победой большевиков, приводила к тому, что в офицерской среде прочно установилось убеждение, что Керенский и все умеренные социалисты являются такими же врагами Родины, как и большевики. Различие между ними только в «степени», а не по существу.

Зарождение Белого Движения

16 (3) сентября, т. е. через день после ареста ген. Корнилова, в органе соц.-демократов меньшевиков «Рабочая Газета» можно было прочесть следующие мысли: по мере развития революции «один слой буржуазии за другим отходил от революции...» и «начинал с ней борьбу». «...Этот отход буржуазии не совершился бы так быстро и не имел бы таких опасных... последствий, если бы революционная демократия проявила больше революционного творчества в деле организации обороны страны, установления в тылу и в армии революционного порядка, разрешения продовольственного кризиса, борьбы с хозяйственной разрухой. Разочарование в революции и возбуждение против рабочих и солдат не охватили бы таких широких кругов населения, если безответственная агитация не толкала бы рабочие и солдатские массы на путь опасных авантюр».

Во главе этой газеты стоял тот самый Мартов (Цедербаум), который, как мы говорили в главе IV, на заседании Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов 31 (18) августа, поддержал большеви-

ков, предложив резолюцию, в которой выражался задним числом протест против введения смертной казни на фронте, «как меры устрашения солдатских масс в целях порабощения их командному составу». Прошло всего шестнадцать дней, и разыгравшееся Корниловское выступление открыло ему глаза на то, что сама «революционная демократия» своим поведением вызывала контрреволюцию.

Напомним, что более дальновидный В. Д. Набоков предупреждал еще на Московском Государственном Совещании, от имени либеральной интеллигенции, о той контрреволюции, «которая, под влиянием происходящих кругом ужасов, начинает зреть в наших сердцах и умах...».

Психологическое значение неудачи Корниловского выступления и заключается в том, что те гонения, которые испытали все, кто примкнул к этому движению или только сочувствовал ему, могут быть уподоблены тем ударам молота, которые придают раскаленному железу определенные формы.

Неудача генерала Корнилова вызывает в пока расплывчатых контрреволюционных настроениях оформление одного из его течений. В дальнейшем в этом течении будут происходить изменения, но изменения эти, по существу своему, во многом предопределены. Так из желудя, ничем не похожего на развесистый старый дуб, вырастает в конце концов только дуб. Впоследствии это контрреволюционное течение получит наименование Белого Движения.

«Что посеял, то и пожнешь», — говорит русская пословица. Каков был посев, из которого выросло Белое Движение, читатель мог видеть из предшествующих глав.

Патриотизм, окрашивающий гребни первых волн революции, исчезает с них и всё более и более конденсируется в контрреволюционном движении. В этом заключается основное различие между Русской и большой Французской революциями, различие, предопределившее разные пути их развития.

Сделавшийся душою Белого Движения патриотизм имеет специфический отпечаток «психологии войны». Если можно так выразиться, это «военный патриотизм» с героизмом и самопожертвованием, доведенными до наибольшей высоты на одном полюсе, и верою в решающее значение «силы» — на другом. Этим предreshалась главенствующая роль в Белом Движении офицерства. Настроения последнего начнут играть доминирующую роль в среде патриотически настроенной интеллигенции. До Корниловского выступления имело место обратное: патриотически настроенная интеллигенция определяла поведение офицерства.

Только что указанное составит существенную специфическую особенность русского Белого Движения.

Неудача Корниловского выступления налагает несмыслимую печать на офицерство. Как всякое поражение, оно вызвало в офицерстве некоторую депрессию. Но дух его не был побежден. Затаив временно внутри себя свои идеи, оно стало еще непримиримее.

Эти психологические последствия можно было ярче всего наблюдать на чинах Корниловского полка, той отборной войсковой части, которая была сформирована ген. Корниловым еще во время его командования VIII-й армией. В знак безусловной верности своему вождю, этот полк принял наименование «Корниловского». При перемещении генерала Корнилова сначала на должность Главнокомандующего Юго-Западным фронтом, а затем на должность Верховного Главнокомандующего, этот полк всюду сопровождал его, составляя как бы его личную гвардию. Хотя в этом полку были солдаты-добровольцы, но по мере нарастания розни в Русской Армии между офицерами и солдатами, этот полк принимал всё более и более дух «офицерской части». Поражение генерала Корнилова особенно сильно должно было отразиться на духе этого полка. Командир его — капитан Нежинцев⁸³ приказал спороть «корниловскую» эмблему, которую носили чины этого полка в виде нарукавного знака¹. В своем письме к генералу Корнилову капитан Нежинцев так объяснил свой поступок: «Я приказал снять эмблему, так как был бессилен в борьбе с темной солдатской массой... Но, сняв дорожку нам эмблему... мы ею прикрыли наш ум, наше сердце и волю...»

Капитан Нежинцев впоследствии доблестно сражался против большевиков и запечатлел своею смертью верность своих слов. Слова его верны и по отношению ко всему офицерству. Потеряв из своей среды новую серию «ослабевших», оно еще крепче стало исповедовать свою идею служения Родине.

По совершенно верному замечанию ген. Деникина^{II}, после Корниловского выступления «в словаре революции появился новый термин — «корниловцы». Он применялся и в армии, и в народе, произносился с гордостью или с возмущением, он выражал собою «резкий протест против существовавшего режима и против всего того комплекса явлений, который получил наименование «Керенщины».

Гонения, которым подверглось офицерство после неудачи Корниловского выступления, прочно сковали между собою наиболее действенные элементы. Таким образом, оно увеличивало в этой среде «силу внутреннего притяжения». Было также последствие противоположного характера: «сила отталкивания» офицерской среды от неоднородных

¹ На голубом фоне череп со скрещенными костями и надпись «Корниловцы».

^{II} Очерки Русской Смуты, т. II, с. 81—82.

элементов значительно возросла. Русское офицерство военного времени, не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки. Только в отличие от того, что утверждают большевики, это обособление вовсе не обуславливалось какими-либо сословными или имущественными признаками, а исключительно данными социально-психического порядка.

Прежде всего, это обособление офицерства отразилось в отношении к солдату. До Корниловского выступления офицерство всеми силами стремилось не допустить углубления образовавшейся в Армии трещины между ним и нижними чинами. Теперь оно признало этот разрыв как совершившийся факт. Произошло окончательное «расщепление» между этими двумя долженствующими частями Армии. Это привело и к более глубоким социологическим последствиям, а именно к «изолированию» Белого Движения от контрреволюционных процессов, происходящих в толще народных масс.

Поведение Керенского в дни Корниловского выступления довело озлобление, накапливавшееся в офицерстве против «революционной демократии», до высшей степени и прочно закрепило его. Коллективная психология, как и психология субъективная, знает моменты, когда полученное впечатление закрепляется на всю жизнь. В результате психология Белого Движения будет проникнута предубеждением против каждого из представителей «революционной демократии». Социалисты, в представлении рядового офицера, т. е. того героя-бойца, на которого будет поставлена вся ставка национальной контрреволюции, являются предателями Родины.

В этом озлоблении и недоверии к «революционной демократии» скажется в значительной мере то разочарование, которое испытал офицерский состав в самой революции. Он с полной верой пошел за Временным правительством в уверенности, что революция — национальна и имеет главной целью расчистить пути к победе над немцами. Обманувшись в своих ожиданиях, рядовое офицерство, во время Корниловских дней, могло убедиться в слабости и несостоятельности нашей либеральной интеллигенции. Дав своим возглавлением победу революции в мартовские дни, либералы оказались игрушкой революционной стихии, разнуждать которую они помогли.

Вследствие этого русское офицерство вышло из Корниловских дней также и с недоверием к либеральной части нашей интеллигенции.

И в результате, констатирует тот же Деникин¹, «в офицерстве, под влиянием августовских событий, произошел... психологический сдвиг...сдвиг пока еще не в области политического мирозерцания, а лишь

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 83—84.

в поисках тех общественных группировок, которые удовлетворяли бы элементарным запросам их оскорбленного [человеческого] достоинства и возмущенного чувства патриотизма. В Корниловские дни офицерство видело, что либеральная демократия, в частности кадеты, за немногими исключениями находится или «в нетях», или в стане врагов. Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впоследствии немаловажную роль в создании известных политических настроений в стане антибольшевицкой армии. Офицерство больно почувствовало тогда, что его бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная...»

Вот те настроения, которые закрепляются в офицерстве неудачей Корниловского выступления и которые оно принесет с собою в Белое Движение. Это возымеет величайшие социологические последствия. В нарастающей контрреволюции намечаются трещины. Вместо одного общего народного движения предопределяется разделение его на отдельные течения, несогласованные между собою и даже иногда друг другу враждебные.

Насколько решающее значение имела для оформления Белого Движения неудача Корниловского выступления, свидетельствует следующий факт. Излагая в главе IV «выступление» генерала Корнилова, мы обратили внимание читателя, что в борьбе Керенского и Корнилова отсутствовали прямые политическое и социальные лозунги, которые могли бы разъединить враждующие стороны.

«Никогда, — свидетельствует генерал Деникин¹, — ни до выступления, ни во время его — ни официально, ни в порядке частной информации, Корнилов не ставил определенной политической программы. Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием... является плодом позднейшего коллективного творчества «быховских узников»».

Это служит подтверждением сделанного нами выше вывода о роли «неудачи» Корниловского выступления: она явилась тем «молотом», который обрисовал определенные политические формы Белого Движения.

Вот эта программа, составленная небольшою комиссией «быховских узников» при участии генерала Деникина и утвержденная генералом Корниловым:

«1) Установление Правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций — впредь до Учредительного Собрания.

2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 14.

3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4) Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6) Разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания».

Для исследователя, стремящегося втиснуть весь ход истории в узкие рамки материализма, только что приведенная программа должна представлять собой лишь клочок бумаги, на котором «быховские узники» упражнялись в политике, коротая скучные дни своего заточения.

История же судила иначе.

Исстрадавшееся и изверившееся в политических лидерах русское офицерство пойдет в своей массе только за военными вождями. Среди же последних ближе всего к их сердцу будут те, которые проявили наибольшую непримиримость к Временному правительству. «Побежденный» Керенским генерал Корнилов приобретает теперь в глазах офицерства такой ореол, который выдвигает его как неоспоримого главу контрреволюции. Заключение же в Быхове становилось своего рода моральным стажом для выдвижения на верхи Белого Движения. «Быховской программе» суждено было лечь в основу Белого Движения.

Перечитывая эту программу, нельзя не убедиться в том, что она носит исключительно «военный» характер. Все изложенные в ней требования преследуют только одну цель: довести войну до победного конца. Для этого и требуется сильная, безответственная власть. Но и только для этого, так как эта же сильная власть не смеет разрешить ни одного основного государственного или социального вопроса. Всё это откладывается до Учредительного Собрания. Таким образом, в политическом и социальном отношениях Быховская программа носит печать полного **«непредрешенства»**. С точки зрения этого «непредрешенства» наименование контрреволюционного течения, принявшего Быховскую программу, Белым Движением совершенно правильно. Подобно белому цвету, представляющему собой синтез всех цветов спектра, Белое Движение ожидало, что победа над врагом Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок.

Эта мечта оказалась силой и в то же время слабостью Белого Движения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 16

Сводка донесений о настроении Действующей Армии

за время с 28 (15) октября по 12 ноября (30 октября) 1917 года

Не подлежит оглашению.

За отчетный период подробные и систематические сведения поступили с Юго-Западного и Северного фронтов, от остальных фронтов доставлялись только эпизодические сведения, таким образом, настоящая сводка не может дать правильной картины о состоянии армий всех фронтов, а отображает лишь положение дела в отдельных частях.

Общее настроение армий продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение и приводят к разочарованию. В этом отношении особенно характерный отзыв дает командир 12-й армии, который говорит, что армия представляет из себя «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием». Такая характеристика без особой натяжки может быть применима ко всему фронту вообще. На почве этого разочарования наблюдается усиленное развитие в частях войск национальных притязаний: украинцев, литовцев, латышей и поляков; особенного обострения указанные притязания достигли в 12-й армии. Переходя к перечислению отдельных фактов, рисующих состояние армии, необходимо указать прежде всего на значительное число случаев отказа от исполнения боевых распоряжений относительно смены тех или иных частей с позиции. Таких случаев было зарегистрировано: в 12-й армии — 2, 1-й — 3, в Особой и в 11-й — по 1-му, в 7-й — 4, в 9-й — 2. Кроме того, со стороны многих частей раздаются настоячивые требования отвода их в тыл под угрозой оставления к определенному сроку позиций (1-я Кавказская стрел. дивизия 1-й армии, 13-я Сиб. див., 431-й и 432-й пех. полки 108-й див. 7-й армии); самовольно оставили позиции части 11-й Сиб. див. 10-й армии, причем увещания местных комитетов, членов ревкома,

командного состава не достигли цели; тоже 296-й Грязовецкий полк и одна рота 431-го полка 7-й армии; 691-й полк и 306-й полк 46-го корпуса Особой армии отказались выступить на позиции. Между прочим, в 141-м полку 12-й армии был выработан план ухода в тыл, согласно которому, в случае отказа ротных командиров, постановлено их убить, а затем обратиться к батальонным и полковому командирам, потребовать особый поезд и ехать в Псков. Мотивом этого ухода было выставлено, с одной стороны, перемирие, делающее лишним стояние полка на фронте, а с другой — необходимость участия в выборах в Учредительное Собрание. План пока не приведен в исполнение.

Случаи братания участились и распределяются между отдельными армиями следующим образом: в Особой — 7, 11-й — 3, 7-й — 7 и по всему Румынскому фронту. Командный состав и комитеты принимали все меры к недопущению или прекращению братания. В некоторых случаях на участке 74-го и 76-го п. п. 12-го корпуса, 296-го п. 41-го корпуса и 13-й Сиб. див. 7-й армии братание происходило по инициативе противника с провокационной целью; это было замечено членами ревкома, которые обратились к противнику с воззванием о недопустимости братания, ввиду общих переговоров о мире. На территории упомянутого 296-го п. была организована сходка наших солдат и противника, которая длилась 20 минут.

Во 2-й дивизии 1-го Туркестанского корпуса Особой армии наши и немецкие солдаты разгуливают вместе, причем последние доходят до наших резервных рот; то же наблюдается и на участке 431-го полка 108-й див. 7-й армии. Особенно усиленное братание наблюдается на территории 19-й див. 12-го корпуса 7-й армии, где за неделю — с 20 по 27 октября¹ — было два случая увода в плен наших солдат во время братания; кроме того, пользуясь легкомысленным доверием наших солдат, австрийские офицеры 21 октября² ходили по своему берегу реки Сбруча с планшетками и фотографическими аппаратами и снимали наши окопы. Уговоры и увещевания офицеров и комитетов вызывают озлобление. В районе 432-го полка завязана меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздается музыка. В 442-м полку 57-й див. Особой армии офицерам, протестовавшим против братания, угрожали штыками. К прискорбным результатам привело братание на территории 6-й армии, где три наших солдата пошли к проволочным заграждениям противника, здесь их сфотографировали и дали табак. Возвращаясь, они нашли головку дистанционной трубки, при разборке которой все трое были ранены.

¹ С 2 по 9 ноября нов. стиля. (Прим. Н. Н. Г.)

² 3 ноября нового стиля. (Прим. Н. Н. Г.)

Отношение к командному составу по-прежнему недоверчивое. Наиболее печальные факты с этой точки зрения имели место в следующих случаях: в 227-м полку Особой армии на глазах командира и офицеров убит прапорщик Баранов; рядовой 43-го полка 7-й армии убил двумя выстрелами из винтовки подпоручика 123-го полка, при попытке арестовать его солдаты оказали сопротивление, и убийца скрылся. Во второй батарее 39-го корпуса Особой армии в землянку командира была брошена бомба, которой контужено три офицера; в 1-й Кавказской артиллерийской бригаде 1-й армии выстрелом через окно ранен командир батареи. Кроме того, подвергнуты аресту 50 офицеров 126-й дивизии Особой армии, двигавшейся на Луцк (впоследствии все офицеры освобождены после ликвидации самого выступления дивизии); командир 541-го Велижского полка и 6 офицеров (12-й армии) по обвинению в контрреволюционности; командиры 37-го Грайворонского полка и командир 9-й роты того же полка (1-й армии).

Предупреждая закон о выборности командного состава, некоторые части стали осуществлять у себя это право ранее его официальной санкции. Так — в 4-м самокатном батальоне⁸⁴ (Особой армии) были отстранены командир 3-й роты и заведующий хозяйственной частью, и на их место избраны солдаты; в 648-й дружине командиром избран комиссар; комитет летучего пункта 3-й гвардейской див. отстранил начальника и завладел всем имуществом; комитет санитарного поезда сместил старшего врача, заведующего хозяйством и сестер милосердия и избрал новых лиц (11-я арм.); в 5-й Кавказской див. был смещен делопроизводитель хоз. части за отказ выдать несколько перьев, в чем было усмотрено желание со стороны делопроизводителя помешать выборам в Учредительное Собрание (12-я арм.); в 74-й див. 41-го корпуса выло вынесено постановление об упразднении должностей дивизионного интенданта и начальника хозчасти с передачей их функций особым комиссиям (7-я армия); в 53-м Сиб. стрелк. полку отказались принять прибывшего после эвакуации командира; комитет частей штаба 11-й армии постановил реквизировать собственных офицерских лошадей, обыскивать уезжающих офицеров и отбирать у них оружие, перевести офицеров на общежитие.

Параллельно с приведенными фактами нельзя не отметить отрядного явления полной солидарности командного состава 32-й дивизии 8-й армии с комитетами и дружной работы офицеров наравне с солдатами во всех организациях; точно так же полное соглашение достигнуто между командным составом и ревкомом 12-й армии, где командарм Новицкий⁸⁵ и все комкоры беспрекословно подчинились власти ревкома.

Что касается работ и занятий, то, как сказано в вводной части, таковые вообще не производятся за весьма ничтожными исключениями;

езде мотивами выставляется ненужность работ, ввиду скорого мира, в некоторых же случаях сверх того в качестве мотивов приводится малая дача хлеба (737-й Абловинский полк 1-й армии).

Погромное движение заметно растет и принимает организованный характер на территории 11-й дивизии 7-й армии, где разоряется и уничтожается имущество, как помещиков, так и крестьян. Командный состав и комитеты бессильны в борьбе с этим злом. Между прочим, солдатами 13-й Сиб. дивизии той же армии был произведен еврейский погром в районе расположения штадива, дальнейшее развитие которого было приостановлено с помощью пулеметной команды. На участке 10-й армии в имении Дуброво солдаты, вооруженные ружьями и бомбами, разграбили всё имущество: домашнюю птицу, скот, белье, посуду и деньги. Вместе с тем, для предотвращения погромов национальный блок 12-й армии признал желательным образование при армии в Ставке комиссии из представителей национальных организаций, по одному от каждой, для охраны местного населения от грабежей национальными полками.

Обращаясь в заключение к тем фактам, которые характеризуют отношение армии к новому политическому строю, надлежит прежде всего заметить, что симпатии солдатских масс вполне определенно склоняются на сторону этого строя, приобретающего с каждым днем всё большее и большее число приверженцев, начиная с крупных войсковых частей — фронтов армий и кончая более мелкими единицами: полками, ротами и т. п. Сделанный вывод иллюстрируется следующими конкретными данными.

В 3-м Сибирском корпусе 2-й армии вся власть перешла в руки Военно-Революционного комитета, над командным составом установлен контроль, выделена особая оперативная комиссия, выборы командного состава прошли без особых трений; в 7-й армии тоже власть в руках ревкома; во всех войсковых частях 3-й армии образованы ревкомы, к которым перешла вся полнота власти, армейский комитет пользуется громадным влиянием и авторитетом, во все учреждения назначены комиссары. Такой же комитет образован на всей территории 11-й армии. 32-я пех. див. 6-й армии вынесла постановление о бесповоротном признании власти Совета; съезд Юго-Западного фронта признал необходимым передать всю власть на фронте вновь избранному общеармейскому комитету и установить контроль над оперативной деятельностью в контакте с секретариатом Украинской Рады.

Центральный комитет служащих почтово-телеграфных учреждений Северного фронта, протестуя против требования комиссара, чтобы все распоряжения п.-т.¹ отдела были санкционированы им, обращает

¹ Почтово-телеграфного. — *Прим. ред.*

внимание ревкома на пагубные действия его агента и призывает к правильной работе и тесному сплочению вокруг своих организаций, для защиты Учредительного Собрания, верховного хозяина земли Русской.

За начальника военно-политического отдела упонаштаверха.

(Подпись)

Приложение № 17

Журнал соединенного заседания Комиссии (Совета Российской Республики) по обороне и по иностранным делам

2 ноября (20 октября) 1917 г.

Открыв заседание в 9 ч 30 мин вечера, председатель комиссии по иностранным делам М. И. Скобелев указал, что, ввиду особенно тесной связи в настоящий момент между вопросами обороны и внешней политики, он, по соглашению с президиумом комиссии по обороне, счел нужным созвать настоящее соединенное собрание комиссий. Вместе с тем, принимая во внимание, что предстоит заслушать весьма секретное сообщение военного министра, он предлагает считать заседание совершенно закрытым, даже для членов совета, не входящих в состав комиссий или президиума совета.

Предложение М. И. Скобелева о признании заседания совершенно закрытым комиссиями было принято.

Получивший засим слово военный министр А. И. Верховский заявил, что он имеет в виду дать комиссиям откровенные и исчерпывающие сведения о состоянии армии; останавливаясь на материальной стороне вопроса и обращаясь, прежде всего, к численности наших сил, военный министр указал, что таковые выражаются цифрой 10,2 миллионов, из коих 6 миллионов приходится на фронт и непосредственный тыл, 3 миллиона на разные организации военного времени и 1,2 миллиона на тыл в строгом смысле слова. Из указанного количества собственно бойцов, т. е. людей, вооруженных винтовками, пулеметами и пушками, немногим менее 5 миллионов; организации земского и городского союзов отвлекают 200 тысяч людей, Красный Крест — 100 тысяч, постройка и эксплуатация железных дорог — 600 тысяч.

Содержать такую огромную армию, как это было признано еще в августе, государству в настоящее время не по средствам. Вследствие этого возбужден был вопрос о сокращении численности наших военных сил, в соответствии с чем и основным заданием для этих сил должно быть в будущем не наступление, а оборона. Сокращение намечено в размере 59 дивизий, за счет коих уже отпускаются призывы 1895—1898 гг. и подготавливается отпуск 1899 года. Делается всё возможное, чтобы ускорить проведение этих мер, и предполагается, что,

благодаря им армия, т. е. фронт и непосредственный тыл, сократятся на 500 тысяч, т. е. до $5\frac{1}{2}$ миллионов. Помимо этого принимаются меры и к сокращению тыловых учреждений, что может освободить еще 150—200 тысяч. Что же касается организаций военного времени, как Земский и Городской союзы, то возникший было вопрос об их расформировании или сокращении с 3 млн до $1\frac{1}{2}$ —1 млн отпал, так как за невозможностью вовсе упразднить деятельность упомянутых учреждений это должно было бы повести лишь к замене пайков в натуре денежным довольствием, что фактически неосуществимо.

В итоге все возможные сокращения дадут не более 1,2 млн, т. е. армия уменьшится до 9 млн. Между тем, по заявлению министра продовольствия представляется возможным прокормить лишь 7 млн. Однако на сокращение до этой цифры не согласна Ставка, считающая цифру в 9 млн минимальной для сохранения фронта.

Переходя далее к стоимости войны, военный министр указал, что она обходится в настоящее время от 65 до 67 млн в день. Из них собственно на военные нужды тратится 8 млн, на довольствие всех видов — 23 млн, на артиллерию, технические заказы, железные дороги — 25 млн и на пайки семьям призванных — 10 млн. При этом расходы непрерывно повышаются: в 1914 г. они составили 4 миллиарда, в 1915 г. — 11 миллиардов, в 1916 — 18 миллиардов, в 1917 г. ожидается перерасход в 8 миллиардов. По требованию Министерства финансов была предпринята работа по сокращению военного бюджета, но оказалось возможным уменьшить его лишь на 5 млн в день, что явно недостаточно.

Что касается снабжения армии продовольствием, то о его тяжелом положении дают представление следующие приведенные военным министром цифры. В сентябре доставка муки по всем фронтам не превышала 26 % потребности, зернового фуража — 48 %. Дача хлеба на Западном фронте уменьшена до 1 ф., сухарей до $1\frac{7}{8}$ ф. сейчас подается не более 20 вагонов вместо необходимых 122. На Северном фронте положение было настолько критическим, что потребовался подвоз провианта пассажирскими поездами; тем не менее фронт уже начинает испытывать голод, тем более что возникают опасения и относительно мяса, которого не довозится 50 %. Весьма печально обстоит дело и в тыловых округах; Московский округ живет со дня в день, прибегая нередко к силе оружия для добывания припасов.

Весьма отстает от потребности, определяемой в $2\frac{1}{2}$ млн пар в месяц, и изготовление обуви. Еще в январе изготовлено было 1300 тыс. пар, в сентябре же эта цифра упала до 900 тыс. Большие заказы, сделанные за границей, тоже не помогают. Англия уже отказалась от поставки $2\frac{1}{2}$ млн пар сапог, Америка взялась изготовить $3\frac{1}{2}$ млн, но

срок поставки отсрочен, пока же получено только 116 тысяч; сравнительно лучше обстоит дело в Японии, уже доставившей 233 тыс. пар из заказанных на 1 янв.¹ 1918 г. 700 тысяч пар.

Из теплых вещей изготовлено до 3 млн полушубков, но выдаются они только наполовину, за невозможностью их доставить; тельники, фуфайки, брюки имеются на всех, но и здесь затруднение в доставке. Что касается теплого белья, то им армия обеспечена.

О печальном состоянии вымирающей авиации говорилось на Московском совещании; в таком же положении находится и автомобильное дело. За вооружение тревоги пока нет, так как и артиллерийских припасов, и винтовок довольно, с точки зрения стратегических заданий.

Таковы данные о материальном состоянии армии. Переходя от них к характеристике моральных факторов, военный министр подчеркнул, что в этом отношении положение еще безотраднее. Основной двигатель войны — власть командного состава и подчинение масс — в корне расшатан. Ни один офицер не может быть уверен, что его приказание будет исполнено, и роль его сводится, главным образом, к уговариванию. Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения. О восстановлении дисциплины путем издания законов и правил или посредством смертной казни нечего и думать, так как никакие предписания не исполняются. Некоторую роль могли бы играть и еще играют местами выборные комитеты, особенно армейские, но их влияние падает по мере того, как они, становясь на государственную точку зрения, тем самым отрываются от масс, которым эта точка зрения недоступна. Так, в 5-й армии пропаганда большевиков уже одержала верх над более умеренными течениями.

Никакого обучения на фронте не происходит. Из командного состава более старые служащие, вплоть до командиров батальонов, еще удовлетворяют боевым заданиям, но младшие офицеры, особенно послереволюционные, обладают лишь самой ничтожной подготовкой.

Общий развал особенно развился и усилился под влиянием Корниловской истории. Что касается выхода из этого тяжелого положения, то его, строго говоря, нет, тем не менее военный министр, по чистой совести, обдумал и проводит все те меры, которые могли бы способствовать поднятию боеспособности армии к весне 1918 года.

Общий план этих мер распадается на несколько частей. Во 1-х, в связи с уже упомянутым ранее сокращением вооруженных сил, имеется в виду призвать новобранцев срока 1920 года, зачислив их в лучшие имеющиеся кадры, где они могли бы избежать разложения.

¹ 14-го по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

Во 2-х, обращается серьезное внимание на упорядочение дисциплины в тылу. Для этого вводится начало подчинения тыла фронту; таким образом, все активные части будут иметь соответствующие запасные в своем полном распоряжении, вплоть до права налагать кары. При этом надо иметь в виду, что здесь может сыграть известную роль наблюдаемая между фронтом и тылом рознь; многие фронтовые части определенно заявили, что готовы хотя бы силой привести к повиновению тыл.

Наряду с этим принимаются меры к борьбе с анархией вообще. Для этого военное ведомство готово не пожалеть от 100 до 150 тысяч боевых солдат и офицеров, могущих составить надежные кадры милиции; в этом направлении уже начаты переговоры с земскими и городскими самоуправлениями. Что такая мера более чем необходима и своевременна, показывает всё разрастающийся развал в тылу. Достаточно сказать, что насчитывается не менее 2 миллионов дезертиров, которых нет никакой возможности изловить. До сих пор при всех стараниях удалось собрать не более 200 тыс. дезертиров, но и это оказалось бесполезным, так как подобные развращенные элементы, вернувшись на фронт, лишь усиливают и ускоряют его разложение.

К третьей категории мер относятся урегулирование прав и обязанностей комиссаров и их отношения к командному составу; соответствующие правила будут вскоре опубликованы.

Трудности, возникавшие при разрешении этого вопроса, были весьма велики. Прежде всего, опыт всех времен и народов учит, что только при полноте власти командного состава может существовать действительная дисциплина. С этой точки зрения само существование института комиссаров представляется ненормальным, свидетельствуя о происходящем развале. Поэтому по проекту правил всё, что только возможно в отношении власти и авторитета, сохраняется за командным составом. С другой стороны, приходится считаться с тем, что последний и в чисто военном смысле не всегда оказывается на высоте задачи, вызывая тем законное недовольство солдатской массы, не желающей идти на убой из-за неподготовленности начальников. На этой почве возникло и выдвигается требование об аттестации командного состава солдатскими организациями; но уступить этому требованию значило бы открыть дорогу полному развалу, ибо хорошо известно, что наиболее популярными оказываются всегда наиболее покладистые офицеры; люди же требовательные и устойчивые, несогласные уступать массе, вызывают нередко недовольство. Так, гвардейская кавалерия оказалась совершенно разрушенной благодаря устранению почти всех офицеров, причем немалую роль здесь сыграла и принадлежность офицеров к состоятельным семьям высшего общества.

Этот сложный вопрос подвергся обсуждению в Ставке и в совещании представителей фронта при министре. Об аттестациях постановлено было не упоминать, но окончательного решения еще не вынесено. Наиболее правильным, по-видимому, представлялся бы средний путь, дающий возможность ввести наблюдаемое явление в приемлемые формы, а именно предоставление солдатским комитетам лишь права обоснованного отвода нежелательных офицеров, причем от начальства зависело бы удовлетворять такого рода заявления или оставлять их без последствий. При таких условиях лишь мотивированные жалобы, содержащие определенные указания на злоупотребления или непригодность данного лица, имели бы шансы на успех.

Особую категорию мер составляют заботы о культурно-просветительном воздействии на армию путем устройства клубов, кинематографов, лекции, поездок, продажи литературы и т. п. На эту надобность уже отпущен кредит в 2 млн рублей.

Что касается непосредственного поднятия дисциплины, то в этом отношении, по мнению А. И. Верховского, прежде всего подлежат реформе существующие дисциплинарные суды, действующие крайне медленно и неудовлетворительно. Чтобы устранить это зло, предполагается постановить, что, если такой суд в течение 48 часов не вынесет решения, то кара налагается единолично начальником. Равным образом последнему предоставляется вся полнота власти там, где суда вовсе не существует.

Далее, имеется в виду образование особых штрафных полков, подлежащих общим карам в виде лишения отпусков, содержания и т. п.

Необходимо признать, что и в офицерской среде, при всех ее несомненных заслугах, имеются недоброкачественные элементы; нередко явление, что офицеры запасных частей неделями и месяцами ничего не делают, и нет никакой возможности заставить их ходить на занятия. Поэтому и в отношении офицерства необходимо восстановление дисциплинарной власти.

Изложенная система мер является, в глазах военного министра, максимальной для данного момента. Действительное же создание дисциплины возможно лишь при наличности силы, на которую можно опираться. Поэтому уже теперь обращается внимание на образование таких надежных частей, для чего поощряется возникновение ударных и добровольческих батальонов, наиболее организованные казачьи и кавалерийские части сводятся в дивизии и корпуса и т. п.

В заключение, необходимо отметить меры к улучшению ныне весьма тяжелого материального положения офицеров.

Приведенная программа преобразований была, между прочим, предложена союзным военным агентам и встретила с их стороны пол-

ное сочувствие и одобрение; никаких дополнительных мер они указать не могли.

Закончив изложение своей программы, военный министр счел нужным особенно подчеркнуть то разлагающее влияние, которое вносится в армию большевиками. Идеиногo большевизма, собственно говоря, в армии вовсе нет; лозунги его воспринимаются лишь для того, чтобы прикрыть ими возможность неисполнения долга, и этим пользуются все так называемые «шкурники». При таких условиях всякий призыв к организации, к самоограничению, встречает отпор со стороны масс, не понимающих, что они должны воевать. Всякая борьба с этим явлением заранее осуждена на неудачу. Только крайние меры, в виде полного изгнания политики из армии, могли бы помочь, но на них не решаются; а если бы и нашлись офицеры, готовые осуществить такую меру, то они были бы немедленно убиты. Совершенно бессильны в этом смысле армейские организации, всё более и более теряющие свой авторитет или сами перекрашивающиеся в большевизм.

Резюмируя содержание своего сообщения, военный министр вновь подчеркнул следующие основные данные: 1) сокращение армии в желательных размерах не может быть произведено по стратегическим соображениям; 2) армия не может быть при таких условиях прокормлена; 3) равным образом, она не может быть должным образом одета и обута; 4) командовать некому; 5) большевизм продолжает разлагать наши боевые силы.

Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем. Во всяком случае, сам А. И. Верховский, не обинуясь, заявляет, что не чувствует себя в силах продолжать работать в прежнем направлении и уже просил министра-председателя подыскать ему преемника. Изложенный им план восстановления нашей боевой мощи сам по себе хорош, но А. И. Верховский в него не верит, так как он является лишь паллиативом, неспособным преодолеть всё более развивающуюся и разлагающую пропаганду мира. Уже сейчас имеются сведения о том, что некоторые части решили, не дожидаясь зимы, уйти из окопов. В ближайшем будущем предстоит съезд советов, который не преминет усилить это настроение и общую тягу к миру. Если до сих пор большевики не выступили для захвата власти, то только потому, что представители фронта пригрозили им усмирением. Но кто поручится, что через пять дней эта угроза сохранит свою силу и большевики не выступят? Нельзя забывать и того, что мирная пропаганда усиленно поддерживается Германией, и **министру достоверно известно, что две выходящие здесь газеты получают средства от неприятеля.** Единственная возможность бороться со всеми этими тлетворными и разлагающими влияниями — это вырвать у них почву

из-под ног, другими словами, самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Реальные данные, на которые мы можем при этом опираться, состоят, во 1-х, в том, что мы, при всей нашей слабости, связываем на нашем фронте 130 неприятельских дивизии, и во 2-х, в нашей задолженности союзникам, достигающей 20 миллиардов. Такого рода аргументы совершенно достаточны для того, чтобы побудить союзников согласиться на прекращение этой истощающей войны, нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса. Вместе с тем несомненно, что весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоровляющие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию и на фронте, и в тылу. А так как самое заключение мира потребует значительного времени на переговоры, то к этому времени можно рассчитывать на воссоздание боевой мощи армии, что, в свою очередь, благоприятно отразится на самых условиях мира.

Председательствующий М. И. Скобелев, вновь обратив внимание на закрытый характер заседания, указал, что сообщение военного министра надлежит рассматривать как материал для суждения о внешней политике, но, прежде чем перейти к этой последней, он считал бы целесообразным предоставить желающим задавать военному министру краткие вопросы по содержанию его заявлений.

Министр иностранных дел М. И. Терещенко просил военного министра разъяснить, в связи с вопросом о питании армии, является ли цифра 9 миллионов, составляющая, по словам А. И. Верховского, численность наших военных сил, бумажной или действительной; другими словами, входят ли в нее 2 миллиона дезертиров? Далее, представляется важным знать, как было поставлено продовольствие армии в прошлом году. Что касается общих выводов военного министра, то невольно напрашиваются вопросы: неужели военный министр полагает, что можно успешно бороться с немецкой пропагандой мира предложением осуществить те цели, которые она себе ставит? Засим, почему мир может быть выгоден тыловым частям, напр., Петроградскому гарнизону, и как объяснить себе, что фронт, казалось бы, более страдающий от войны, всё же находит в себе силы для того, чтобы браться усмирить праздный тыл?

Военный министр возразил, что приведенные им цифры означают не фиктивное, а реальное число лиц, получающих казенный паек. Ручаться за полную их точность нельзя, для этого необходима проверка путем переписи армии, которая и предпринята интендантством. Во всяком случае известно, что состав армии на 2 млн превышает число людей, могущих быть прокормленными государством. Что касается

прошлогодных данных, то о них в настоящее время министр справки представить не может.

Министр иностранных дел заметил, что, по его сведениям, прошлогодня нехватка достигала 47 %, тем не менее армия устояла. Засим М. И. Терещенко констатировал, что еще не получил ответа на свои главные вопросы: о причинах разницы в настроениях тыла и фронта и о целесообразности борьбы с германской пропагандой путем выполнения ее заданий.

Военный министр указал, что вопрос о разнице тыловых и фронтовых настроений существенной роли не играет, тем более что после состоявшегося подчинения запасных частей действующим дивизиям, последние в любой момент могут затребовать пополнения от первых. По второму вопросу А. И. Верховский должен сказать, что он ставит его гораздо шире, чем М. И. Терещенко. Речь идет не об осуществлении немецких притязаний, а о спасении государства, т. е. о сохранении из него всего того, что возможно по реальному соотношению сил. И только при немедленном активном выступлении в пользу мира эта цель может быть достигнута. Напротив, при продолжении войны к весне положение еще ухудшится, и анархия усилится, особенно если будет плохой урожай.

Председательствующий М. И. Скобелев обратился к министру иностранных дел с предложением приступить к своему сообщению по внешней политике.

П. Н. Милюков, взяв слово к порядку дня, заметил, что доклад военного министра, ввиду своей полноты и важности затронутых им вопросов, заслуживает отдельного обсуждения; в случае же немедленного выступления министра иностранных дел прения неизбежно раздвоились бы между двумя центрами изложения.

Печорский⁸⁶, возражая П. Н. Милюкову, полагал, что следует немедленно заслушать министра иностранных дел, чтобы установить линию поведения наших делегатов на предстоящей общесоюзной конференции.

Председательствующий поставил вопрос о порядке прений на голосование; большинство комиссий высказалось за открытие прений по сообщению военного министра, но пока лишь в форме постановки ему дополнительных вопросов.

Ю. О. Цедербаум (Мартов) осведомился, входят ли в названную А. И. Верховским цифру в 10,2 млн также и 2 млн дезертиров.

Военный министр ответил на поставленный вопрос отрицательно.

Ю. О. Цедербаум (Мартов) спросил, чем объясняется, что фронтовые части высказывают готовность раздавить анархию в тылу, и можно ли рассчитывать на эту готовность даже при провозглашении лозунгов мира.

Военный министр указал, что эта уверенность покоится на заявлениях фронтовых организаций, которые труднее поддаются обману, чем тыловые. В этом отношении характерно, что даже вновь переизбранные комитеты, давшие перевес большевикам, высказываются за подавление тыловых беспорядков.

Иков⁸⁷ задал вопрос, каким образом, при давлении на союзников в смысле скорейшего заключения мира, могут быть использованы те реальные данные, о которых упоминал А. И. Верховский.

Военный министр разъяснил, что в случае нежелания союзников идти навстречу нашим мирным стремлениям союзники должны были бы считаться с неминуемым полным разрушением нашей армии, а это имело бы последствием, во 1-х, переброску 130 неприятельских дивизий на союзный фронт, и, во 2-х, вероятную невозможность выполнения нами наших финансовых обязательств.

Мартынов пожелал узнать, подвергались ли выводы военного министра обсуждению во Временном правительстве, и если да, то как оно к ним относилось, и в частности, имело ли оно в виду какие-либо способы восстановления боеспособности армии.

Министр иностранных дел заявил, что взгляды военного министра Временному правительству не докладывались и что он выслушивает их здесь впервые.

Военный министр, подтверждая формально заявление министра иностранных дел, вместе с тем указал, что сущность его мнений была давно известна Временному правительству. Что касается других планов воссоздания нашей боевой мощи, то таковых во Временном правительстве не возникало.

Бельдзюкевич⁸⁸ осведомился, намного ли сократилась наша армия по сравнению с прошлым годом.

Военный министр ответил, что сокращение это было незначительным, а именно с 11 до 10,2 млн.

Б. И. Богданов высказал опасение, что предлагаемые А. И. Верховскому вопросы слишком уведут собрание в сторону от его главной задачи — обсуждения вопросов внешней политики, и считал желательным перейти к ним немедленно.

Председательствующий объяснил, что согласно постановлению комиссий о порядке прений, он должен предоставить слово еще 5 записавшимся ораторам. Только после этого может быть поставлен вопрос о дальнейшем ходе заседания.

Д. Розенблюм полагал, что борьба с разлагающими настроениями могла бы рассчитывать на больший успех при более умелой постановке снабжения и продовольствия. Ставя этот вопрос еще более широко, надо сказать, что борьба с большевизмом должна вестись по существу

путем смелых и твердых примеров, удовлетворяющих массы, на которых давно настаивала революционная демократия.

А. И. Верховский возразил, что на улучшение продовольственного дела нельзя надеяться ввиду того, что всё народное хозяйство неуклонно разрушается, и запасы продуктов истощаются. Уже сейчас недостаток продовольствия побуждает многие части грозить уходом с фронта, отказываться принимать теплые вещи и строить землянки; при этом указанные настроения тотчас же проникают и в соседние части.

Сизиков⁸⁹ высказал желание точнее узнать личный взгляд военного министра на выход из нашего тяжелого положения.

А. И. Верховский выразил убеждение, что весть о том, что мир решен, тотчас вызовет в армии прилив энергии. Тогда найдутся части, которые, во имя сохранения страны к моменту мира, возьмутся подавить анархию и развал как на фронте, так и в тылу. В результате ко времени заключения мира армия и порядок в стране будут восстановлены, и, следовательно, в нашем распоряжении будет вполне реальная сила.

Н. К. Кульман⁹⁰ напомнил, что об одном решении французского конвента было замечено: «ему обрадуются очень умные монархисты и не очень умные республиканцы». Это изречение вполне приложимо к тому, что предлагает военный министр, ибо немедленный мир означает не что иное, как потерю доступа к Балтийскому морю, а это равносильно крушению надежд, связанных с революцией.

Военный министр возразил, что его интересуют не завоевания революции, а спасение страны.

Н. К. Кульман выразил недоумение, может ли мир с аннексиями в пользу Германии считаться спасением страны.

Военный министр полагал, что пора от громких и красивых слов перейти к трезвой оценке положения. Надо решать, что нам по карману и что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится.

Е. Д. Кускова⁹¹ просила военного министра ответить на следующие вопросы: во 1-х, знал ли министр о состоянии армии, когда вступал в должность? Во 2-х, выступал ли он сегодня в качестве частного лица или представителя Временного правительства? Этот формальный вопрос представляет большую важность ввиду того, что, по словам министра иностранных дел, изложенные военным министром данные и в особенности сделанные им выводы не были предметом обсуждения во Временном правительстве; наконец, в 3-х, как конкретно представляет себе министр постановку вопроса о мире в данных условиях и имел ли он по этому поводу беседу с представителями союзников?

Военный министр ответил, что в бытность его командующим войсками Московского военного округа горизонт его сведений был,

конечно, уже, но и по вступлении в должность министра ему не сразу удалось разобраться во всех вопросах ввиду того, что механизм осведомления был поставлен в министерстве весьма несовершенно. Теперь, по ознакомлении со всей картиной жизни армии, он приходит к изложенному им выводу о мире, причем вопрос этот составляет для него тяжелую личную драму, так как, с одной стороны, уходить в связи с вопросом о мире означало бы вызывать взрыв в армии, а с другой, быть пассивным участником ее разложения он не желает. Что касается постановки вопроса о мире, министр полагает, что соответствующие шаги должны быть предприняты совместно с союзниками.

Е. Д. Кускова высказала, что представленные министром разъяснения еще более запутывают дело, не давая ответа на ряд логических противоречий. С одной стороны, армия признается неспособной воевать; с другой, союзники могут и не согласиться на заключение мира, сейчас. Как логически выйти из такого положения и какой возможен при этом мир? Не значит ли это, что мы должны просто сдать на милость врагов и союзников?

Военный министр возразил, что до сих пор никто еще не давал союзникам вполне откровенного освещения положения нашей армии, и это создавало у них иллюзию, что она хоть на что-нибудь пригодится, по пословице «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Между тем нельзя сомневаться, что к весне мы не будем в состоянии связывать и 60 дивизий противника. Надо это прямо сказать союзникам, и тогда они отнесутся к делу более серьезно, особенно после недавнего поражения Италии.

Е. Д. Кускова подчеркнула свою неудовлетворенность разъяснением министра, не давшим никакого ответа на вопрос о конкретной, реальной постановке вопроса о мире.

Малевский⁹² осведомился, что произойдет, если союзники не пойдут на наше предложение о заключения мира.

Военный министр указал, что в этом случае, будучи связаны известными обязательствами, мы должны будем подчиниться судьбе, т. е. пройти через такие испытания, как восстание большевиков, которые в случае успеха, тоже за отсутствием организационных сил, не в состоянии будут создать твердой власти, анархия и все последствия, которые из нее вытекают.

Дмитриенко⁹³ задал вопрос о причинах чрезмерной загруженности нашего тыла, по сравнению с союзниками. В то время как у нас на одного действительного бойца приходится трое тыловых, запасных и т. п., во Франции на одного тылового приходится двое в окопах.

Военный министр указал, что отмеченное различие объясняется слабым развитием у нас технических средств, заставляющим заменять

грузовую тягу, узкоколейные железные дороги и т. п. приспособления — живой силой.

Дмитриенко осведомился, насколько в действительности важен факт отвлечения нами в настоящее время 130 дивизий противника, если иметь в виду, что немцы посылают на наш фронт пострадавшие во Франции части как бы для отдыха.

Военный министр, признавая, в известной степени, правильность сделанного Дмитриенко замечания, полагал, однако, что указанные дивизии могли быть использованы неприятелем и на пассивных участках Западного фронта.

Дмитренко задал вопрос о тех формах, в которых выражается и могла бы выразиться техническая помощь союзников.

Военный министр ответил, что помощь нужна прежде всего в смысле снабжения подвижным составом наших железных дорог. Однако она оказывается далеко не в надлежащем размере, и со стороны союзников замечается даже уклонение от выполнения сделанных обещаний. Так, из заказанных в Америке 2375 паровозов только небольшая часть поставлена, а при таком замедлении сама помощь **теряет** значение, так как не покрывает убыли вследствие изнашивания. Равным образом и содействие американских инженеров по поднятию провозоспособности Сибирской железной дороги не дало ничего. Что касается артиллерии и снарядов, то в этом отношении Англия неохотно идет нам навстречу, ссылаясь на то, что поставляемые ею орудия легко могут попасть в руки немцам при нынешнем состоянии русской армии. Между тем мы отдали под Тарнополем всего 12 английских пушек, тогда как Италия потеряла на этих днях целых 300. Весьма печально обстоит дело и с авиацией, которая у нас совсем угасает за отсутствием достаточной поставки аппаратов из-за границы. Только в последнее время дело пошло лучше, после того как мы предложили компенсацию в виде чугуна и древесного угля.

Министр иностранных дел заметил, что по имеющимся у него цифровым данным американским инженерам удалось упятерить провозоспособность Сибирской железной дороги.

П. Б. Струве⁹⁴, взяв слово к порядку дня, находил невозможным продолжать обсуждение сделанного военным министром лично от себя первостепенной важности сообщения; такое обсуждение, по мнению оратора, может состояться лишь после того, как комиссии узнают взгляд правительства в целом.

Министр иностранных дел, поддерживая предложение П. Б. Струве об отложении прений, заявил, что он, со своей стороны, не может выступить в данном заседании от лица правительства ввиду неожиданного возникшего разномыслия с военным министром, который не

докладывал правительству о сделанных им сегодня выводах, в корне противоречащих всей предшествовавшей политике правительства.

Председатель предложил, прежде чем решать вопрос о порядке дня, выслушать последнего оратора, записавшегося для задания вопросов.

Ю. О. Цедербаум (Мартов) спросил военного министра, следует ли понимать его заявления о подавлении анархии внутри страны в смысле установления диктатуры.

Военный министр ответил, что суть не в названии, но что для борьбы с анархией так же необходима сильная единоличная власть, как и для командования армией, и в этом смысле означенная власть может считаться диктатурой.

За исчерпанием списка ораторов, записавшихся в порядке предложения вопросов, председатель предложил перейти к выяснению дальнейшего порядка обсуждения.

Н. В. Савич⁹⁵ полагал необходимым затребовать от военного министерства более подробные цифровые данные по вопросам, затронутым министром. В частности, желательно было бы иметь сведения по тем же вопросам о снабжении обувью, одеждой и продовольствием за прошлую зиму. Эти данные могли бы быть представлены комиссии лично начальниками отдельных управлений ведомства, которых и следует поэтому пригласить в следующее заседание.

Председатель заметил, что для этого надо конкретно формулировать вопросы, и предложил перейти к разрешению вопроса о том, следует ли теперь же заслушать сообщение министра иностранных дел или же отложить его выступление до выяснения точки зрения Временного правительства в целом по существу сообщения военного министра.

Ф. И. Дан⁹⁶ полагал, что нет никаких оснований откладывать прения по внешней политике, для которых представленные военным министром данные являются вполне достаточным основанием, в смысле выяснения нашей обороноспособности.

М. М. Винавер⁹⁷, возражая Ф. И. Дану, заметил, что предложение Н. В. Савича клонится именно к проверке тех безнадежных выводов, которые сделаны военным министром, и потому не может быть оставлено без внимания. С другой стороны, комиссии не могут обсуждать вопросов внешней политики, пока не устранено обнаружившееся только что резкое разногласие по вопросу о мире между министрами военным и иностранных дел. При таких условиях следует высказаться за отложение обсуждения до установления правительством своей окончательной точки зрения.

Председатель полагал, что министр иностранных дел может, не откладывая своего сообщения, выступить теперь же, так как для всех несомненно, что он является официальным руководителем внешней

политики. Что же касается сообщения военного министра, то оно должно быть рассматриваемо лишь как вспомогательный материал для суждений о внешней политике.

Министр иностранных дел, со своей стороны, подчеркнул, что он считал бы неуважением по отношению к членам комиссии выступить в качестве частного лица, выступить же в качестве министра он не может, не зная, как относится Временное правительство к суждениям, высказанным военным министром лично от себя.

П. Н. Милюков полагал, что, во всяком случае, после выяснения точки зрения правительства, вопрос о внешней политике должен составить предмет обсуждения обеих комиссий, и притом в той именно постановке, какую ему дал военный министр, т. е. в тесной связи с вопросом о нашей обороноспособности.

Дмитриенко заметил, что чисто технические данные, которыми интересовался Н. В. Савич, могли бы быть рассмотрены отдельно комиссией по обороне.

Председатель поставил на разрешение комиссии вопрос о дальнейшем порядке обсуждения.

Соединенное заседание комиссий большинством голосов постановило рассмотреть технические данные, связанные с докладом министра, в особом заседании комиссии по обороне, для обсуждения же вопроса об обороне и внешней политике во всем объеме назначить вновь соединенное заседание.

В 12 ч 10 мин ночи заседание было закрыто председателем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Книга 3

Большевицкий переворот
превращает контрреволюцию
в противобольшевицкое движение

Книга 4

Образование областных
противобольшевицких движений

Книга 5

Развитие общероссийского
противобольшевицкого движения

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ,

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть II.

**Большевицкій переворотъ превращаетъ контръ-
революцію въ противобольшевицкое движеніе.**

Книга 3-я

**ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

БОЛЬШЕВИЦКИЙ ПЕРЕВОРОТ ПРЕВРАЩАЕТ КОНТРРЕВОЛЮЦИЮ В ПРОТИВОБОЛЬШЕВИЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА VII СВЕРЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Социологическая сущность большевизма

Создавшаяся в России в ноябрьские дни 1917 года социально-психическая обстановка была иная, чем в мартовские дни того же года. Революционный процесс захватил уже самую толщу народных масс. Вся страна представляет собою клокочущую лаву. Повсюду разлилась широкая волна беспорядков и погромов. При этом бросалась в глаза стихийность и бессмысленность этих погромов.

«Что это — революция или бунт рабов?» — говорил либеральный депутат Родичев на собрании членов Государственной Думы четырех созывов.

«**Толпа** в худшем смысле этого слова выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положения... толпа: темная, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубых интересов...» Эти слова взяты нами из газеты «Русские Ведомости» от 3 октября (20 сентября) 1917 года и уже цитировались нами в прошлой главе. Мы указали там, что эти слова ярко обрисовывают ту социологическую стадию, в которую осенью 1917 года вступила русская революция.

Коснувшись дна народной толщи, революционный процесс выкидывает наверх моральные поддонки общества. Русская революция вступает в стадию, в которой преступный элемент становится господствующей силой, подымающей и ведущей «толпы».

В тех же «Русских Ведомостях», в номере от 2 ноября (20 октября), можно прочесть следующую корреспонденцию о происходящем в Петрограде:

«На окраинах, на петроградских заводах, Невском, Обуховском и Путиловском, большевицкая агитация за выступление идет вовсю. Настроение рабочих масс таково, что они готовы двинуться в любой момент. За последние дни в Петрограде наблюдается небывалый на-

плыв дезертиров. Весь вокзал переполнен ими. На Варшавском вокзале не пройти от солдат подозрительного вида, с горящими глазами и возбужденными лицами. Все окраины производят в этом отношении ужасающее впечатление. По набережной Обводного канала бесцельно движутся толпы пьяных матросов... Имеются сведения о прибытии в Петроград целых воровских шайк, чувствующих наживу. Организуются темные силы, которыми переполнены чайные и притоны... В связи с ожидаемым выступлением большевиков, в частных кредитных учреждениях замечается усиленное требование клиентами банков принадлежащих им ценностей». Это объясняется «убеждением широких масс населения, что выступающие большевики прежде всего обратятся к разгрому частных коммерческих банков».

В той социально-психической обстановке, которая создавалась к началу ноября 1917 года, «толпы» склонны были идти только за крайними партиями, соблазненные их призывами к разрушению. В этих патологических условиях страшную силу приобретали брошенные Лениным лозунги: «Грабь награбленное» и «Режь буржуя». Весь преступный элемент привлекался в ряды большевиков и становился их соратниками. Это имело громадное, действенное значение.

В этом отношении чрезвычайно показательны слова самого Ленина, который любил цинично говорить, что на 100 большевиков имеется лишь один идейный человек, тридцать же девять представляют собою криминальный элемент, а остальные 60 — дураки.

Привлекая на свою сторону весь преступный элемент, освободившийся от прежних сдерживающих государственных начал, Ленин получал многочисленнейший кадр сотрудников, которые были вездесущи и которые автоматически, в силу патологической психики масс, становились везде вожаками толп.

Каждая революция, не остановленная вовремя, проходит через стадию, в которой «преступные толпы» получают большую силу. Это — своего рода социологический закон революций. Великая Французская революция тоже прошла через эту стадию.

То, что крайние политические партии стремятся использовать эту стадию в свою пользу, — то же наблюдается в истории. Но такой полной и окончательной ставки на преступный элемент, как это сделали лидеры большевиков, не делал никто, и этим они поставили себя на совершенно особое место. Что это именно так, свидетельствуется тем, что Ленину пришлось объявить все моральные сдерживающие начала — выдумками буржуазии. Вступив на этот путь, Ленин и его последователи вынуждены были затем освятить такой террор, который по своей жестокости является непревзойденным в мировой истории. Этот же путь приводил большевиков к преследованию всякой религии.

Особые социально-психические условия чрезвычайно благоприятствовали тому, чтобы ставка Ленина на преступный элемент привела к желательным для него результатам.

«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — говорит величайший русский поэт А. С. Пушкин¹, описывая Пугачевский бунт.

Другой великий русский писатель — Достоевский, в своем знаменитом романе «Бесы», пророчески описал методы большевиков: «Мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат... одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного и подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот что надо. А тут еще свеженькой кровушки, чтобы попривык... Мы провозгласим разрушение... Ну-с, и начнется смута. Раскачка такая пойдет, какой мир не видал... затуманится Русь...»

И «в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо»... Это будет общество, в котором «каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом... Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях — клевета и убийства»... Путь через «безграничную свободу» — к «безграничному деспотизму».

Эти мысли величайших русских писателей очень показательны для понимания психологической стороны Русской революции. Для того чтобы стать великим национальным писателем, нужно, прежде всего, обладать даром интуитивного понимания психических особенностей народных масс, особенностей, скрытых от взоров обыденных людей. И Пушкин, и Достоевский этим даром обладали. Оба эти писателя, пророчески предвидя путь, по которому суждено было пойти, русской революции, указывают на одну и ту же предопределяющую его причину: это — темнота русских народных масс.

В первой главе нашего труда мы обратили внимание читателя на чрезвычайную сложность социальных процессов, происходивших к началу революции в русских народных массах. К неизжитым остаткам феодализма и нарождающемуся капитализму прибавлялось разделение по культурному признаку. Нужда Великодержавной России в интеллигентных силах вызвала образование на темной, малокультурной народной массе тонкой пленки русской интеллигенции. Отвечая по своим качествам требованиям западноевропейской культуры, русская интеллигенция обладала свойствами тепличного растения. Это приво-

¹ «Капитанская дочка», глава XIII.

дило к отрыву интеллигенции от реальностей русской жизни и, прежде всего, к отрыву от русских народных масс.

Последствием этого разрыва явилось, в глубинах народной толщи, недоброжелательное отношение ко всякому интеллигенту. Склонный, как каждая малокультурная масса, к упрощенному пониманию, русский народ видел во всяком интеллигентном человеке своего рода «барина». Более чем часто признаком принадлежности к привилегированному слою для масс являлся крахмальный воротничок.

Здесь сказывалась не борьба сословий или классов, а борьба обскурантизма с просвещением.

Если мы бросим беглый взгляд на мировую историю, то легко сможем убедиться в том, что каждая высшая стадия культуры достигается народами не мирным путем, а путем тяжелой, кровавой борьбы. Стоит только вспомнить, что христианство, выдвинувшее принцип самоценности каждой отдельной личности, легший в основу «организованного индивидуализма», составляющего сущность европейской культуры, потребовало для своего торжества многотысячных жертв в лице христианских мучеников. Темные массы делают шаг к свету только после упорного и жестокого сопротивления.

Ставка на преступные и темные стороны масс и составляет социологическую сущность большевизма. Ею объясняется его связь с психикой народа, потерпевшего в войне поражение. Подорванный, благодаря поражению, авторитет Правительства не может уже сдерживать склонности к насилию, к разрушению и к жестокости, которые просыпаются в людских массах под влиянием войны. Именно эти патологические условия и являются той благоприятной средой, в которой легко прививаются и размножаются микробы большевизма. Конец Франко-Прусской войны 1870—1871 гг. дал очень яркую картину этого патологического процесса в виде вспышки Французской коммуны. Статистические исследования прежних войн показывают, что во время неудачных войн % преступности повышается¹. В 1917 году настроение русских масс представляло собою психику народа, потерпевшего поражения. Ленин учел эти условия, и в своих писаниях перед 1917 годом он развивает мысль о тесном сродстве большевизма с войною; он указывает на перерождение внешней войны в гражданскую, как на наиболее верный путь водворения большевицкого владычества.

Социологическая сущность большевизма как послевоенной социальной болезни народов, потерпевших поражение, подтвердилась последовавшими после окончания мировой войны революционными

¹ См. книгу П. Сорокина: "Contemporary Sociological Theories". Harper Brothers; New-York, 1928, p. 341, подстрочные примечания № 68 и 69.

выпешками. В конце 1918 года произошли большевицкие восстания в Германии и Австрии, повторившиеся в первой в 1920 и 1921 гг.; в 1919 — такие же восстания имели место в Венгрии, в 1920 году — в Турции, в 1923 году — в Болгарии.

Русская Армия не была разбита на полях сражений. Но те жертвы, которые потребовались от России, оказались слишком тяжелы для ее некрепкого в социальном отношении организма. Катастрофа, пережитая в кампанию 1915 года, окончательно подорвала психическую способность русских масс к дальнейшей борьбе. И поражение пришло не с фронта, а из тыла, в виде революции, начавшейся в марте 1917 года.

Успех Ленина и его партии в России объясняется именно тем, что их устремления совпадали с теми психико-патологическими процессами, которые с особой силой развивались в русских массах.

Почти никогда не отмечается в научных исследованиях то, что специфической особенностью большевизма являются не социальные идеи, ими исповедуемые, а резкий и полный разрыв с моралью, понимаемой даже в широком смысле. Господство в исторической науке материалистического или рационалистического толкования общественных явлений не позволяет исследователям прислушаться к голосу публицистики, которая, в этом отношении, не была безгласной.

Научное признание факта непосредственной и тесной связи большевизма с патологическими процессами коллективной психологии имеет громадное значение. Только оно сможет объяснить ту силу, которую в известных условиях может получить большевизм, силу, которая при рационалистическом подходе к оценке явлений объяснима быть не может.

Глава Временного правительства кн. Львов в беседе с кн. А. Д. Голицыным, указывавшим ему на опасности, сопряженные с проповедью Ленина, вскоре после приезда последнего из Германии, совершенно убежденно говорил: «Чего вы волнуетесь; ведь проповедь большевизма так нелепа, что никогда не привьется»¹.

Вследствие того же непонимания социологической сущности большевизма, некоторые из представителей русских правых партий на выборах в Учредительное Собрание подали свои голоса за большевиков. Они думали, что, голосуя за социализм, «доведенный до абсурда», они приведут к скорейшему провалу неприемлемых для них идей.

Но самое замечательное это то, что сами русские социалисты долго не могли отказаться от своего идеологического родства с большевиками. Экономический материализм, лежащий в основе их социологического понимания, не позволял им увидеть ту моральную непреходимую пропасть, которая лежала между ними и большевиками. Только

¹ Газета «Возрождение», № 2089 от 20 февраля 1931 года.

имея в виду всё вышесказанное, исследователь сможет объективно понять поведение русских социалистов в трагические моменты захвата большевиками **власти** над Россией. Нужно воздать должное Ленину за то, что он **умело** использовал это непонимание социалистов: только тогда, когда власть окончательно была захвачена большевиками, он объявил, что его партия — не социалистическая, а коммунистическая.

Силы большевиков

Признав мораль буржуазным предрассудком, Ленин мог уже без всяких ограничений вступить на путь обмана. Если политика никогда не являлась областью человеческой деятельности, в которой процветала бы добродетель, то в Истории еще ни одно политическое учение планомерно не доходило до той степени обмана, до которой дошли большевики. Обман стал их основным методом, а в среде несознательных масс он является незаменимым и самым верным средством для захвата власти.

Солдатам большевики обещают немедленный мир. На всех солдатских митингах, во всех солдатских советах и комитетах большевики кричат против «буржуев», «империалистов», не жалеющих человеческой крови. Но они не договаривают, что план Ленина для утверждения господства его партии основан прежде всего на том, чтобы использовать психически-патологические условия, созданные тяжелой войной для перерождения ее в побоище еще более кровавое, — в войну гражданскую. Ленину нужен мир на внешнем фронте для того, чтобы освободить могущие ему быть полезными силы для действий на внутреннем фронте. Потом, когда солдатские массы будут им нейтрализованы, он кинет переходный лозунг: «Мир хижинам, война дворцам». Пока же он и его сателлиты кричат на митингах только о немедленном окончании «империалистической бойни».

Темная солдатская масса легко реагировала на эти лозунги. Слова об интересах России уже не доходили до их сердца, потому что эти слова исходили из лагеря Временного правительства и командного состава. Авторитет же как первого, так и второго был совершенно подорван неудачами июльского наступления и Корниловского выступления.

Обещанием немедленного заключения мира большевики обеспечивали себе, в худшем случае, благожелательный нейтралитет солдатской массы Действующей Армии и ее быстрый самороспуск.

Нейтралитет крестьян покупался обещанием немедленного же закрепления в их руках земли, не дожидаясь Учредительного Собрания. О том, что право собственности на землю в корне противоречило коммунистической идеологии, большевики крестьянским массам не говорили.

Благодаря таким политическим маневрам, большевики гарантировали себя на ближайшее время от каких-либо контрреволюционных настроений в подавляющей части народных масс России. Они могли быть спокойны, что ни крестьянство, ни солдаты Действующей Армии на защиту Временного правительства не станут. Более того — большевики могли даже рассчитывать на некоторое сочувствие этих легко поддающихся обману, малосознательных масс.

Но большевикам этого было мало. Обманым же путем они заручились содействием тех активных элементов, которые аморфные массы солдат и крестьян выделили из себя в многочисленные Советы и комитеты. «Вся власть Советам» — пестрит на бесчисленных плакатах, выставляемых большевиками после Корниловского выступления. «Вся власть Советам» — кричат их представители на митингах и в толпах.

В примитивном представлении русских народных масс этот лозунг был синонимом народовластия. Крестьянин видел в нем закрепление за ним обладания землей через посредство своего сельского земельного комитета; солдат видел в осуществлении этого лозунга окончательное освобождение его от дисциплины и возможность громко требовать мира через посредство своего совета; рабочий усматривал в нем способ захвата в свои руки фабрик.

О том, что вместе с властью на представителей народа выпадает также тяжелая ответственность за государство — народные массы не думали: во-первых, в силу своей малой сознательности, а во-вторых, в силу той патологической психики, которая создалась к ноябрю 1917 года. Это было время коллективного психоза. Народные массы были опьянены ощущением ничем не ограничиваемой свободы. Просматривая газеты и листовки того времени, предназначенные для этих масс, читатель нигде не встретит напоминания об обязанностях гражданина. Происходила какая-то вакханалия демагогии. Представители «революционной» демократии конкурировали между собой в стремлении предложить народу больше и говорили ему только о его правах.

Как мы указывали в первой главе, разрыв между интеллигенцией и русскими народными массами приводил к тому, что эти массы шли за представителями интеллигенции только постольку, поскольку это отвечало их ближайшим, чисто эгоистическим побуждениям. Это обстоятельство само по себе уже приводило к тому, что в тех случаях, когда из рядов «либеральной» демократии раздавались предостерегающие голоса, они не находили в народных массах никакого отзвука.

В рассматриваемый нами период русской революции моральное расщепление между интеллигенцией и народными массами России стало полным. Это являлось лишней причиной тому, что всякого рода «советы» были гораздо ближе сердцу русских народных масс, чем Государственное

и Демократическое совещания и Предпарламент, созываемые Керенским. Победа над Корниловым, в глазах этих масс, была победой Советов, и, в частности, наиболее левого их крыла — большевиков.

Народное понимание «советов» как органов осуществления демократического управления в корне противоречило стремлению Ленина к жесточайшему деспотизму. Но это не могло его остановить. Как мы говорили выше, социологическая особенность большевиков, как политической партии, заключалась не во внешне исповедуемой ими идеологии, а в том, что, откинув все моральные императивы, они получали возможность ввести обман как основное средство для воздействия на эмоциональные проявления народных масс. Для фальсификации же народной воли «советы», с их крайне примитивным устройством, представляли неограниченные и легкие возможности.

Вместе с этим, выкидывая лозунг «Вся власть Советам», большевики чрезвычайно облегчали себе подготовку к восстанию. Всякий риск, сопряженный с этой подготовкой, устранился тем «невесомым» фактором, который Троцкий называет «советской легальностью». По мере роста популярности «советов» в народных массах, в этих последних образовывалось свое понятие «легальности», особое от правительственного; постоянное фактическое нарушение закона «советами» не считалось «нелегальным».

Вот собственное признание Троцкого по этому поводу: «Мы называем это восстание легальным в том смысле, что оно выросло из нормальных условий двоевластия. И при господстве соглашателей¹ в Петроградском совете бывало не раз, что совет проверял и исправлял действия правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в Историю под названием Керенщины. Придя в Петроградском совете к власти, мы, большевики, только продолжили и углубили методы двоевластия... мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание Петроградского гарнизона».

Сталин, в своей полемике с Троцким, не опровергает, а только подтверждает его утверждения, что все шаги по подготовке восстания «были проделаны под лозунгом защиты Петроградского совета от возможных выступлений контрреволюции, чтобы тем легче стянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы»¹¹.

¹ Так большевики называли соц.-демократов меньшевиков и соц.-революционеров. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ Статья Троцкого «Уроки октября» в [книге] «1917 г.» (I и II, 81–84 (?)); статья Сталина против Троцкого в сборнике: «За партию, за Ленина» (цитировано у М[илукова: «Россия на переломе», т.] I, с. 118).

Хотя в составе многих советов (комитетов) большинство еще принадлежит к соц.-революционерам, это не смущает большевиков. Они знают, что многие из этих соц.-революционеров — «мартовские», т. е. стали таковыми лишь после Мартовского переворота. Они учитывают, что идейная устойчивость лиц, примкнувших к политической партии только в минуты ее успеха, не велика. И эта устойчивость тем меньше, чем менее культурна масса, которой всегда импонирует сила.

Обладание силой большевики и ставят себе первой целью. Такой силой являлись 800 000 запасных войск, стоявших гарнизонами в столицах и в главных городах.

Обеспечив за собою большинство в Петроградском совете солдатских и рабочих депутатов, большевики нисколько не считаются с тем, что ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный комитет), остававшийся исполнительным органом Всероссийского съезда Советов, находится в руках соц.-революционеров. Как только они убедятся, что солдаты Петроградского гарнизона с ними, большевики не постесняются объявить ВЦИК контрреволюционным. Для того чтобы соблюсти видимость «советской легальности», Троцкий приурочивает вооруженное выступление ко дню сбора нового съезда Советов, назначенного на 7 ноября (25 октября). Этим обесценивался ВЦИК прежнего съезда. Вместе с тем Троцкий рассчитывал, что, с одной стороны, при усиливавшемся революционном настроении страны среди делегатов нового съезда возрастет число большевиков; с другой стороны, он рассчитывал, что, поставив новый съезд перед начатым уже восстанием, он этим заставит умолкнуть сторонников Временного правительства.

Однако существующий пока ВЦИК имел возможность влиять на управление войсками Петроградского гарнизона: при Штабе округа имелось особое совещание из представителей ВЦИК'а, контроль которого подвергались все распоряжения этого Штаба.

С целью устранить его влияние Троцкий, как председатель Петроградского совета, собрав представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона, большевицки настроенных, под предлогом контрреволюционности Штаба округа и ВЦИК'а, настаивает на образовании особого «Военно-революционного комитета» из состава Петроградского совета, в котором, как мы уже говорили, большинство было большевицкое, для осуществления настоящего «советского контроля над действиями Штаба округа».

Другой воинской силой на стороне большевиков был Флот. «Краса и гордость революции» — так именуются матросы в многочисленных большевицких документах того времени. Причиной того, что матросы действительно составляли «авангард революции», было то обстоя-

тельство, что в их составе было много фабричных рабочих, а потому настроение матросов отражало на себе рабочее настроение, в противоположность армии, где среди солдат господствующими настроениями были крестьянские.

В рабочей же среде «большевицкие» настроения в самом деле были преобладающими. Это была та часть населения России, из которой комплектовались наиболее крайние и активные сотрудники большевиков; «диктатура пролетариата» сулила им превращение в господствующее сословие.

Матросы и рабочие составляли ядро «Красной гвардии», отряды которой явились наиболее устойчивою частью большевицких сил, выступивших в ноябре 1917 года.

Решительность большевиков и «балансирование» Керенского

5 ноября (23 октября) «военно-революционный комитет» предъявил Штабу Петроградского военного округа требование допустить его с правом решающего голоса к контролю всех распоряжений этого Штаба. Поставленный Керенским во главе Петроградского военного округа полковник Полковников отказал, пытаясь опереться на находившееся при его Штабе совещание делегатов ВЦИК.

Тогда «Военно-революционный комитет», опираясь на делегатов Петроградского гарнизона, разослал во все части этого гарнизона телефонограммы о том, что Штаб округа, отказываясь признать авторитет «военно-революционного комитета», тем самым порывает «с революционным гарнизоном» и Петроградским советом и становится «прямым орудием контрреволюционных сил». Вместе с этим «Военно-революционный комитет» отдал приказание о том, что «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные военно-революционным комитетом, не действительны». Для осуществления же своего командования «Военно-революционный комитет» разослал своих специальных комиссаров.

Штаб Петроградского военного округа превращался фактически в маховое колесо, с которого был снят приводной ремень.

В тот же день в многолюдном заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в присутствии многочисленной публики, видный большевик Антонов⁹⁸, член «военно-революционного комитета», сделал доклад о первых двух днях деятельности комитета. «Почти все части гарнизона, — доложил он, — уже признали власть комитета и его комиссаров. К нему начали обращаться и разные столичные учреждения. Наборщики одной типографии запросили комитет, следует ли исполнять заказы, которые они признали черносотенными — и

комитет постановил, чтобы ни один подозрительный заказ не исполнялся без его санкции. Рабочие Кронверкского арсенала пожаловались, что по распоряжению штаба из арсенала выдается значительное количество винтовок. Комитет послал в арсенал своего комиссара, который задержал 10 тысяч винтовок, предназначенных для отправки в Новочеркасск. Комитет постановил вообще, чтобы рабочие выдавали оружие со складов и заводов не иначе, как по его ордеру. Антонов заявил, что «военно-революционный комитет» не только осведомлен о мерах, которые Правительство принимает на случай восстания, вызывая войска с фронта и из разных городов, но уже и принял со своей стороны предупредительные меры. Во время своего доклада Антонов отметил, что, несмотря на угрозы Штаба округа и ВЦИК, комиссары «военно-революционного комитета» до сих пор не арестованы. «Да и не посмеют арестовать», — прибавил он под гром аплодисментов.

Против чувствующих, что физическая сила на их стороне, большевиков действовало Временное правительство, подавленное ощущением своего бессилия. Несколькими часами позже только что упомянутого заседания в Смольном¹, в Зимнем дворце происходило заседание Врем. правительства. На нем делал доклад молодой и совершенно неопытный командующий войсками Петроградского военного округа — Полковников⁹⁹, и Керенский со своими министрами обсуждали вопрос об аресте «военно-революционного комитета». Но Временное правительство на это не решилось и постановило: ждать дальнейшего развития действий¹¹.

Нерешительность поведения самого Керенского очень ярко обрисовалась на следующий день 6 ноября (24 окт.) во время его выступления на заседании Предпарламента, которое волею судеб было последним. Речь Керенского «не такая намеренно красивая, как обыкновенно, скорее взволнованная и растерянная, даже в эту минуту была направлена не к тому, чтобы подавить восстание, а к тому, чтобы оправдать себя в глазах левых, и даже в глазах восставших»¹¹¹.

В лагере большевиков разговоры велись на другом языке: «Гражданская война началась. Война объявлена, и военные действия начались. Мы должны твердо сказать себе это. Керенский и его агенты — наши открытые враги: никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают — их бьют» (московская газета «Социал-Демократия»).

¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обосновался в зданиях Смольного института; с захватом власти над этим советом большевиками, «Смольный» стал штаб-квартирой большевиков; здесь же функционировал и «военно-революционный комитет».

⁹⁹ Милуков П. Н. История второй Русской революции, т. I, вып. III, с. 202.

¹¹¹ Там же, с. 203—208.

А утром 7 ноября (25 окт.) из Смольного было выпущено следующее воззвание: «К гражданам России. Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета р. и с. д. Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства. Это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян...»

Противодействующие силы, которые могла встретить новая вздымающаяся волна революции

Нерешительность Керенского, кроме его личных свойств, объясняется также поведением той части «революционной демократии», на сочувствии которой он всё время пытался обосновать свою власть.

В этот последний день пребывания у власти Керенского социалисты уклонились от исполнения его призыва «мужественно стать в те или другие ряды». Они надеялись запоздалыми обещаниями немедленного мира и немедленного утверждения за крестьянами захваченной последними земли привлечь на свою сторону солдатские и крестьянские массы. В этом духе и принимается большинством Предпарламента резолюция после вышеупомянутой речи Главы Врем. правительства 6 ноября (24 окт.). В этом же духе говорят и лидеры социалистов, приехавшие к Керенскому в тот же день в 11 час. вечера. Это были Авксентьев¹, Гоц¹⁰⁰, Дан и Скобелев.

Приступая к переговорам с этой делегацией, Керенский заявил, что он возмущен принятой резолюцией, что «Правительство после такой резолюции завтра же утром подаст в отставку» и что «голосовавшие за нее должны взять на себя всю ответственность за события, хотя, по видимому, они имели о них очень малое представление».

«На эту мою взволнованную филиппику, — рассказывает Керенский¹¹, — спокойно-рассудительно ответил Дан, тогда не только лидер меньшевиков, но и и. д. председателя ВЦИК. Прежде всего Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что «неприятная для самолюбия правительства» резолюция (левого) большинства Совета республики (Предпарламента) полез-

¹ Социалист-революционер, председатель ЦИК Совета крестьянских депутатов.

¹¹ Статья Керенского «Гатчина» в томе X «Современных Записок».

на и существенна для «перелома настроения в массах», «что эффект ее уже сказывается», и теперь влияние большевицкой пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желания», без их санкции. «В заключение, — говорит Керенский, — Дан, упомянув, что большевики «завтра же» (всё завтра) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только «раздражают массы» и что вообще я своим «вмешательством» лишь «мешаю представителям большинства советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания». «Для полноты картины, — прибавляет Керенский, — нужно добавить, что как раз в это время, как мне делалось это значительное сообщение, вооруженные отряды красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания...»

Заявления Дана ярко иллюстрируют настроения тех социалистов, в руках которых находилось еще большинство ВЦИК'а, провинциальных советов (комитетов) и только что избранных по новому закону городских дум. Они не видят, что уже поднявшаяся новая волна революции грозит снести не одни только правее их стоящие элементы. В своем узком революционном доктринерстве они не понимают, что возможность приступить к творческой государственной работе в желаемом для них направлении обуславливается лишь энергичнейшей борьбой контрреволюционных сил против дальнейшего углубления революции. Они боятся этой борьбы, считая себя ближе к большевикам, чем к соседям справа.

«Ко мне являлась делегация Городской Думы, — глумится в своих воспоминаниях Троцкий¹, — и поставила мне несколько неподражаемых вопросов: предполагаем ли мы выступления, какие и когда? Думе необходимо об этом знать «не менее чем за 24 часа». Какие меры приняты Советом для охранения безопасности и порядка? И пр. и пр. Я ответил изложением диалектического взгляда на революцию и предложил Думе участвовать через одного делегата в работах военно-революционного комитета. Это их испугало больше, чем самый переворот. Закончил я, как всегда... «если правительство пустит в ход железо, ему ответит сталь». — Будете ли вы разгонять нас за то, что мы против перехода власти к советам? — Я ответил: «Нынешняя Дума отражает вчерашний день; если возникнет конфликт, мы предложим населению перевыборы Думы по вопросу о власти». — Делегация ушла с тем, с чем пришла. Но оставила после себя уверенное чувство в нашей победе».

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь, т. II, с. 47.

Благодаря пониманию диалектического развития революции, большевики без колебаний решили дилемму, властно поставленную жизнью: «Родина» или «революция», выбрав революцию. Социалисты же уклонились от этого выбора, хотя уже наступал «12-й час», и всё еще хотели спасти и «Родину», и «революцию». Этот факт чрезвычайно ослаблял их сопротивляемость в наступающей борьбе.

Настроение либеральных партий характеризуется поведением их представителей в Предпарламенте и в Правительстве¹. Составлявшая правое крыло в Предпарламенте либеральная демократия боролась с представителями «революционной» демократии, согласившимися лишь на условную поддержку Правительства, и единодушно настаивала на необходимости вотума, возможно значительным большинством, осуждение начавшегося восстания. Но тут нужно напомнить, что к осени 1917 года либеральная интеллигенция утратила всякое влияние на народные массы. Последние относились к ней прямо враждебно, видя в интеллигенции, под влиянием социалистической пропаганды, «цензовый элемент», преследующий свои «классовые цели», и «врагов народа».

Влиять на ход государственной жизни либеральная интеллигенция могла только одним способом: через своих представителей — «министров не социалистов», вошедших именно с этой целью в состав последнего правительства Керенского.

Нужно отдать справедливость этим министрам, что они, с А. И. Коналовым¹⁰¹ во главе, настойчиво добивались от Керенского принятия решительных мер против подготовляемого большевиками восстания. Разговоры об этом велись 26 (13) октября. Ответы Керенского были уклончивы: меры приняты, опасаться нечего, военное положение дает достаточные средства обороны в случае надобности. 27 (14)-го Коналов настоял на выслушании Правительством доклада начальника штаба Петроградского военного округа. Из этого доклада выяснилось, что по существу дела никаких предупредительных мер не принято и что Правительство будет застигнуто восстанием врасплох. Недовольный повторными настояниями Коналова, Керенский просто стал уклоняться от бесед и от прямых ответов на прямые вопросы. Единственными мерами, принятыми в эти дни, являлись приказы по Петроградскому военному округу полковника Полковникова. В этих приказах не было недостатка в решительных выражениях; но это были только слова. В действительности же и без того ничтожные силы, оставшиеся в распоряжении Штаба Петроградского военного округа, в виде

¹ Из общего числа 523 членов Предпарламента около 150 принадлежало представителям «либеральной демократии».

юнкеров военных училищ, были разбросаны малыми группами для охраны различных правительственных учреждений. Подобное распыление охраняющих порядок сил чрезвычайно облегчало выступление большевиков. Собрав даже небольшой активный кулак, большевики легко могли уничтожить юнкеров по частям.

В своих воспоминаниях^I Керенский не только обвиняет Полковникова в несостоятельности как командующего войсками, но идет и дальше: «Мы, члены Правительства, — пишет он, — слишком поздно узнали, что, как сам Полковников, так и часть его Штаба вели в эти дни двойную игру и примыкали как раз к той части офицерства, в планы которой входило свержение Временного правительства руками гг. большевиков».

Описывая тревожную ночь с 6 ноября (24 октября) на 7 ноября (25 октября), когда он пришел в Штаб округа, Керенский пишет^{II}: «Офицерство, собравшись в значительном количестве в Штабе, вело себя по отношению к Правительству, а в особенности, конечно, ко мне, всё более вызывающе. Как впоследствии я узнал, между ними, по почину самого Полковникова, шла агитация о необходимости моего ареста. Сначала об этом шептались, а к утру стали говорить громко, почти не стесняясь присутствием посторонних...»

«Не подлежит сомнению, — пишет Керенский дальше^{III}, — что всю эту ночь полк. Полковников и некоторые другие офицеры Штаба округа находились в постоянных сношениях с противоправительственными (?) правыми (!) организациями, усиленно тогда действовавшими в городе, например, с советом союза казачьих войск, с союзом Георгиевских кавалеров, с СПб.^{IV} отделом союза офицеров и прочими подобного же рода военными и гражданскими учреждениями».

«Последующие историки выяснят, — пишет П. Н. Милюков^V, — был ли предметом этих переговоров коварный: проект низложения Керенского руками большевиков, как подозревает Керенский, или последняя попытка организовать оборону». Со своей стороны, на основании изучения известных нам фактов, мы склонны утверждать, что предполагаемого Керенским коварного заговора не было. Но было другое.

Во-первых, Керенскому офицерская и казачья среда не только не верила, но сама, после его поведения во время Корниловского выступления и Калединского «мятежа», была уверена в его «коварной двойной

^I Статья Керенского «Гатчина» в томе X «Современных Записок».

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Санкт-петербургским. — *Прим. ред.*

^V История второй Русской революции. Т. I, вып. III, с. 220.

игре». Вследствие этого, естественно, нарождалась мысль, которая тем же Милюковым формулируется так: «Без Керенского можно будет легче и скорее справиться с большевиками»¹.

Во-вторых, в ноябрьские дни Керенский стал перед результатами своего собственного подбора высших военных начальников. Этот подбор, основанный не на цензе профессиональных знаний, а на цензе «революционной благонадежности», таил в себе роковые опасности. При создавшейся после «победы» Керенского над Корниловым психологической обстановке, все лучшие военачальники, если не были удалены Керенским, то сами удалились от сотрудничества с ним. Своим поведением в сентябрьские дни Керенский не только морально оттолкнул от себя всю лучшую часть офицерства, но также поселил в ней чувства глубочайшего недоверия и враждебности. Только такие исключительные личности, как генерал Духонин, смогли найти в себе моральные силы, чтобы во имя спасения России пренебречь этим прочно установившимся враждебным отношением к Керенскому, даже рискуя при этом своей собственной репутацией в родном офицерстве.

Керенский оказался морально столь же изолированным, как и Император Николай перед началом революции. Около него собрался, так прозванный в Армии, «детский сад». Это были неопытные, молодые полковники, согласившиеся пойти в ближайшие сотрудники Керенского из карьерных соображений. Типичными представителями этого «детского сада» являлись: сам военный министр Верховский со своими ближайшими помощниками, командующий войсками Петроградского военного округа — Полковников и командующий войсками Московского военного округа — Рябцев¹⁰². Ждать от них умения распоряжаться, особенно в столь трудных условиях борьбы, какие создались в ноябрьские дни, не было никаких оснований. Столь же было мало оснований искать в их поведении идейную подкладку. Между тем перечисленные выше лица являлись теми военными начальниками, от распорядительности которых, в случае выступления большевиков, в первую очередь зависела защита Временного правительства.

Однако, если историку приходится отвергнуть обвинения Керенского в существовании коварного заговора против него среди рядового офицерства, то, с другой стороны, историк не может не констатировать того, что созданная самим же Керенским на верхах армии моральная обстановка была столь нездорова, что возможность предательства там существовала. Немного дальше мы увидим ту отрицательную роль, которую сыграл в отношении Керенского его протеже, взятый на этот раз из настоящих генералов, — генерал Черемисов, назначенный им

¹ История второй Русской революции. Т. I, вып. III, с. 219.

Главкомандующим Северным фронтом армии. В политическом отношении этот командный пост был важнейшим в Д[ействующей] Армии, ибо главнокомандующему Северным фронтом армий подчинялись также войска Петрограда и Кронштадта.

В воспоминаниях и статьях, написанных представителями «революционной» демократии, можно очень часто встретить упреки, обращенные к офицерству в том, что оно плохо защищало в ноябрьские дни Временное правительство. Один из авторов этой категории — Суханов утверждает, что энергичные действия 500 юнкеров, офицеров и казаков, еще в ночь на 4 ноября (22 октября) «имели немало шансов разгромить, парализовать Смольный»¹. Объективный учет сил заставляет усомниться в такой легкости «разгромить и парализовать Смольный». Суханов, так же как и прочие «историки» из среды «революционной демократии», находится под властью общечеловеческого свойства: чрезвычайной трудности видеть свои собственные ошибки. А такой роковой ошибкой было непонимание «революционной демократией» диалектического развития революции, в чем их и упрекал Троцкий.

Вследствие этого непонимания «революционная демократия» с соц.-революционерами во главе систематически разрушала всякую силу, которая казалась им контрреволюционной. В результате к ноябрю месяцу 1917 года офицерство оказалось связанным по рукам и ногам самим же Керенским и поддерживающей его «революционной демократией».

Во-первых, офицерство было обезглавлено. Вожди, за которыми оно пошло бы с самоотвержением, были или арестованы, или удалены. Лица, поставленные им на замену, не только не пользовались уважением, но часто даже презирались. Такие условия командования не благоприятствуют проявлению высшего напряжения воли бойцов к победе. Последние неохотно рискуют своею жизнью тогда, когда нет доверия к верхам, а есть даже подозрение в предательстве.

Во-вторых, офицеры, распыленные в толще армии, были бессильны что-либо сделать после неудачи Корниловского выступления: солдатская масса видела в офицере своего врага. Защищать Временное правительство офицерство могло бы только в том случае, если бы оно было собрано в специальные части. Но организация специальных «офицерских» частей была невозможна. Сам Керенский и представители «революционной демократии» этого не допустили бы. В своем узкопартийном мировоззрении они неразрывно сочетали понятие «контрреволюции» с реставрацией, а потому боялись всякой контрреволюционной силы.

Для того чтобы представить себе действительные возможности защиты офицерством Временного правительства, нужно еще указать

¹ Суханов. Записки о революции, кн. 7-я, с. 48, 99.

на то, что мемуаристы, трактующие этот вопрос, исходят из совершенно неверного представления о количественном составе русского офицерства в ноябре 1917 года. Нередко можно встретить сетование, что сотни тысяч офицеров, находившихся в Петрограде, Москве и других больших городах, не вышли на борьбу с большевиками. В действительности же осенью 1917 года во всей Русской Армии, как на фронте, так и в ее глубоком тылу, было около 250 000 офицеров¹. Из них в Действующей Армии находилось налицо 130 тыс. Таким образом, общее число офицеров, находившихся в тылу, может исчисляться в одну сотню тысяч. Но в это число входят также раненые и больные, находившиеся в тылу на излечении. В это число входят и офицеры, состоявшие в запасных войсках. Эта категория офицеров находилась в полном смысле слова в плену у солдат этих частей. Наконец, офицеры тыловых учреждений, которые представляли собой малогодный боевой элемент.

Таким образом, вопрос может идти не о сотнях тысяч, а только о нескольких десятках тысяч офицеров, распыленных по всей обширной территории России и **несорганизованных**.

Из всего вышеизложенного видно, что к ноябрю месяцу офицерство не представляло собою силы, которая сама по себе могла бы поддержать Временное правительство. В этом были виноваты, прежде всего, сам Керенский и представители «революционной демократии». Разрушая все зачатки организации офицерства в самостоятельную силу, они этим самым уничтожали возможность найти поддержку в этой среде в случае попыток к насильственному захвату власти со стороны представителей крайних революционных сил.

Конечно, трудно было ожидать, чтобы офицерская среда, после всего пережитого, способна была проявить большой пафос в защите правительства Керенского. Однако то, что офицерство, воплотившее в себе всю наиболее патриотически настроенную часть молодой интеллигенции, готово было защищать государственную власть в лице существующего Временного правительства, если бы только оно видело этому малейшую возможность, не представляет сомнений. Насколько же такая возможность среди офицеров отсутствовала, явствует из письма ген. Алексеева от 21 ноября, в котором он пишет: «Наличные офицеры, могшие принять участие в обороне Зимнего дворца, остались без оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов... В результате, — заключает ген. Алексеев, — гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная».

Готовность офицерства поддержать Временное правительство подтверждается следующим фактом: единственным родом войск, ос-

¹ См.: глава II, с. 75 наст. издания.

тавшимися в ноябрьские дни в подчинении у командующих войсками в Петрограде и Москве, были юнкерские училища. Настроение же юнкеров тесно зависело от настроения офицерства. Прежде всего, в культурном отношении офицеры и юнкера принадлежали к однородной среде (интеллигенции). Во-вторых, между офицерами и юнкерами существовала профессиональная связь, так как вторые готовились стать первыми, т. е. офицерами.

Падение дисциплины в Армии и развал Государства не могли не отразиться деморализующе на юнкерских училищах.

Так же, как и в солдатских полках, там существовали «комитеты». При этом дело осложнялось еще тем, что, наравне с юнкерами, в этих комитетах участвовали также и солдаты, обслуживающие училище в виде нестроевых и уборщиков казарм. Хотя эти последние и были в меньшинстве, но моральная депрессия, царствовавшая в офицерском составе гарнизонов столицы и крупных городов, отразилась и на психологии юнкеров, поэтому большевики, проникнувшие в состав солдат, обслуживающих училища, угнетающе действовали на настроения юнкеров. В особенности это имело место в Петрограде, где после неудачи Корнилова солдаты-большевики чувствовали себя победителями и держали себя вызывающе.

Чтобы дать читателю представление о той нездоровой моральной атмосфере, которая царила в военных училищах, мы приведем выдержку из воспоминаний офицера той школы¹, офицеры и юнкера которой фактически были последней защитой Зимнего дворца с заседавшими там министрами.

Когда пришло приказание, вызывавшее школу на защиту Временного правительства, командир школы не смог потребовать от своих подчиненных исполнения их прямого долга путем простого приказа, как это происходит во всякой «здоровой» военной части. Он вынужден был раньше собрать в зале школы юнкеров и солдат на митинг для «выяснения отношения школы к Временному правительству».

«Вот входит на кафедру первый оратор, — описывает цитируемый нами очевидец. — Это лидер кадетской партии² Школы юнкер Х., и краткий, горячо-страстный призыв полился к слушателям». Оратор призывал на поддержку Временного правительства впредь до открытия Учредительного Собрания. «Порывистые требования слепого подчинения лишь офицерству Школы, лишь военным законам, стоящим

¹ Ораниенбаумская школа прапорщиков; воспоминания же принадлежат перу А. Синегуба: «Защита Зимнего дворца», статья напечатана в томе IV «Архива Русской революции».

² Конституционно-демократическая партия. — *Прим. Н. Н. Г.*

вне всяких советов и комитетов, вызывают бурю аплодисментов и восторженный гул одобрения, за которым оратора не слышно...» Следующий оратор из юнкеров, принадлежащих к партии социалистов-революционеров, призывает также к энергичной поддержке Временного правительства и подчинению офицерам. Затем выступает новый юнкер с аналогичным заявлением. Но это выступление вызывает гул в задних рядах зала и на балконе. Внезапно началось какое-то движение к дверям. Звонок председательствующего не помогает. И вдруг раздаются крики: «Уходят чины нестроевой роты». Требование залы: «Тише...» Вдруг чей-то звонкий голос с балкона покрывает весь гам: «Товарищи солдаты нестроевой роты постановили соблюдать нейтралитет. А так как на этом собрании решается вопрос о братоубийстве и борьбе капитала против свободы рабочего, трудящегося народа, против нашего защитника Владимира Ильича Ленина и, значит, образованного им народного правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, решили вас, господа, оставить одних, нам с вами **не** по дороге...»

В первой главе нашего труда мы говорили о том, что наряду с остатками разделения на сословия и с разделением на классы, вносимым нарождающимся в России капитализмом, в ней существовало еще другое специфическое разделение на интеллигенцию и малокультурные массы. Юнкера ноябрьских дней 1917 года ни в коем случае не могли быть причислены ни к представителям дворянства, ни к представителям капитала. Их единственное отличие от солдат нестроевой роты заключалось в том, что они, в силу полученного образования, были «интеллигентами». Окончательное расхождение солдат и юнкеров, совершившееся на описанном в приведенной выдержке митинге, являлось лишь одним из частичных проявлений того общего патологического процесса, который для захвата власти над государством был использован Лениным и его сподвижниками.

Темные солдатские массы, ослепленные демагогией большевиков, вступают на путь дальнейшего углубления и расширения революции. Юнкера же, примкнув к офицерам, отрывались от народных масс и переходили в лагерь контрреволюции.

Ощущение этого разрыва с народными массами больно отражается в душе юнкерской молодежи. В газетах ноябрьских дней можно найти много следов смущения, испытанного юнкерами, пошедшими на идейный подвиг защиты Государства и обвиняемыми в «классовых интересах». Очень показательно в этом отношении напечатанное в Москве воззвание представителей шести школ прапорщиков, которые, зовя в свои ряды солдат, печатно заявляют, что в их среде почти нет дворян, что в огромном большинстве они — выслужившиеся солдаты-

фронтвики, «истинные представители солдатской массы», и что среди них «много истинных и давних социалистов».

Такие настроения не могли не парализовать порыв юнкерских частей. Такое же влияние должно было оказывать на юнкеров и сознание их малочисленности по сравнению с «океаном» солдатской массы. Наконец, возглавление военачальниками, не пользующимися доверием, вселяло мысль о безнадежности подвига.

В таких условиях вступавшая, в виде юнкерской молодежи, в ряды контрреволюции новая сила не могла проявить максимального напряжения в борьбе.

Посмотрим теперь, какую помощь могло получить Временное правительство от казаков.

В составе Петроградского гарнизона находилось три Донских казачьих полка. В ночь на 7 ноября (25 октября), после окончания вышеизложенного объяснения Керенского с делегатами социалистических групп меньшевицкого толка, в Зимний дворец явилась делегация от казаков. По рассказу Керенского¹, эта делегация желала узнать у главы Правительства, какими силами оно располагает для подавления мятежа, и требовала личного распоряжения Керенского с личным же ручательством, что на этот раз казачья кровь «не прольется даром», как это было во время подавления июльского выступления большевиков. Это заявление в психологическом отношении крайне показательное. Из него видно, как низко упал моральный авторитет Керенского. Это падение его авторитета было прямым следствием его политики балансирования вообще и, в частности, его поведения в дни «Корниловского выступления» и «Калединского мятежа».

Разговор с Керенским произвел на казачью делегацию неблагоприятное впечатление.

В течение всей ночи Штаб округа уговаривал казачьи полки выступить для охраны порядка. Штабы казачьих полков не отказывали прямо, а отвечали, что вот-вот, через 15—20 минут, они «всё выяснят» и «начнут седлать лошадей». Помехой к скорейшему разрешению этого колеблющегося настроения казаков — стать ли на защиту Временного правительства, несомненно, являлось их недоверие к личности Керенского и к «революционной демократии», его поддерживающей. А между тем именно в эту ночь с 6 ноября (24 октября) на 7 (25 октября) большевики объявили из Смольного о низложении Врем. правительства.

Для того чтобы рассмотрение сил, которые могли быть привлечены на защиту Временного правительства, было исчерпывающим, надо сказать несколько слов об ударных и национальных частях.

¹ Его статья «Гатчина».

Относительно первых мы напомним уже сказанное нами в предыдущих главах. Возможность создания отборных частей была подорвана нашим неудачным июльским наступлением. Сама же идея их создания была окончательно сорвана неудачей Корниловского выступления. Хотя число ударных частей к осени 1917 года и было значительно, но, повторяя сказанное нами выше, эти части представляли собою «тела без души». Они не были воодушевлены идеей беззаветной борьбы с силами, разрушающими Государство. Кроме того, присутствие в них солдат предопределяло их тяготение к «нейтралитету» в том случае, если бы потребовалась защита Временного правительства против большевиков.

Исключение могли составить только те части, которые утратили свой солдатский характер и приобрели чисто «офицерский», как, например, Корниловский полк, из которого большинство солдат ушло, или батальоны женщин-добровольцев. Но и те и другие насчитывались единицами.

Если «ударные» части в ноябре месяце 1917 года представляли собой «перезрелые плоды», то национальные части, которые усиленно формировались генералом Духониным, являлись плодами еще «недозрелыми». Это подтверждается теми замечаниями, которые ген. Духонин сделал на полях письма, написанного ему ген. Корниловым. По поводу перевода для защиты Ставки от большевиков одного из Чешских полков и одного Польского уланского полка ген. Духонин пишет: «Ставка не считает их вполне надежными. Эти части одни из первых пошли на перемирие с большевиками». По поводу же предложения ген. Корнилова о занятии Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями Польского корпуса ген. Духонин делает следующую пометку: «...полков 1-й польской дивизии из Быхова не желательно (брать) для безопасности арестованных¹. Части 1-й дивизии имеют слабые кадры и потому не представляют реальной силы. Корпус определенно держится того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела России».

Большевицкий переворот и защита Временного правительства

Выступившие 7 ноября (25 октября) части Петроградского гарнизона, предводительствуемые большевиками, легко оттеснили в течение дня разбросанные по городу команды и посты юнкеров и к вечеру окружили Зимний дворец, в котором собрались министры. Сам Керенский еще утром уехал в Псков торопить вызванные им войска для подавления большевицкого восстания.

¹ Ген. Корнилова, Деникина и других вместе с ними арестованных. — *Прим. Н. Н. Г.*

Для защиты Зимнего дворца пришли Ораниенбаумская школа прапорщиков и взвод Константиновского артиллерийского училища. К ним присоединился отряд казаков «стариков», не согласившихся с решением своей «молодежи» — держать нейтралитет в завязавшейся борьбе. Пришли также инвалиды — георгиевские кавалеры и рота «женского батальона смерти». Начата была постройка баррикад. Но в то время, когда части занимали предназначенные для обороны места, взвод артиллеристов Константиновского военного училища получил по телефону приказание вернуться в казармы и ушел. За ним ушли казаки. Защищать Временное правительство остались только юнкера Ораниенбаумской школы и женская ударная рота.

Окружившие Зимний дворец большевики в восьмом часу вечера открыли сперва ружейную, а потом орудийную стрельбу. С Невы стрелял крейсер «Аврора». По иронии судьбы это был тот самый военный корабль, к матросам-большевикам которого в сентябре месяце являлся, от лица Временного правительства Скобелев «со шляпой в руках просить, — чтобы они охраняли Зимний дворец от Корниловцев»¹.

Около 10 часов вечера заместитель Керенского — Коновалов послал из Зимнего Дворца губернским и уездным комиссарам следующую телеграмму:

«Петроградский Совет р. и. с. депутатов объявляет Временное правительство низложенным и потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера Авроры, стоящего на Неве. Правительство может передать власть только Учредительному Собранию, а посему постановлено не сдаваться и передать себя защите народа и армии, о чем послана телеграмма Ставке. Ставка ответила о посылке отряда, пусть армия и народ ответят на попытку поднять восстание в тылу борющейся армии. Первое нападение на Зимний дворец в 10 ч вечера было отбито».

В то самое время, когда большевики бомбардировали Правительство в Зимнем дворце, ночью 7 ноября (25 октября) собрался новый съезд Советов в составе 560 съехавшихся делегатов. Хотя в составе делегатов было лишь 250 большевиков, факт уже начавшегося восстания и решительный тон последних оказали влияние на социалистов. 69 левых социалистов-революционеров присоединились к большевикам, что дало им, хотя и незначительное, но большинство. То, что Троцкий называет словами «советская легальность», было лидерами большевиков достигнуто. Оставшиеся в меньшинстве социалисты ушли со съезда и, собравшись в здании Петроградской Городской Думы вместе с глас-

¹ Троцкий Л. Моя жизнь, т. II, с. 44.

ными этой Думы, сделали попытку оказать «народную» поддержку осажденным министрам. Они двинулись процессией к Зимнему дворцу в надежде уговорить большевиков отказаться от дальнейших действий. Первый же патруль матросов остановил это шествие. После переговоров с комиссаром Военно-революционного комитета процессии было заявлено, что она должна немедленно же вернуться, иначе она будет расстреляна. Участники процессии повернули обратно в Городскую Думу. Жизнь жестоко посмеялась в этот трагический вечер над непониманием того, что разрушительная сила может быть остановлена силой же, а не уговорами.

Около 3-х часов ночи большевики ворвались в Зимний дворец и арестовали находившихся там министров. С этого момента власть Временного правительства перестала существовать. Остатки его, не попавшие в плен при захвате большевиками Зимнего дворца, вошли в сношения с Петроградской Городской Думой, Центральными Комитетами партий социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков и образовали «Всероссийский комитет спасения Родины и революции». В самом названии только что названного комитета проявляется партийное доктринерство, господствующей в этом комитете партии соц.-революционеров, которые всё еще не понимали, что «спасать революцию» можно только с большевиками, а «спасать Родину» — только посредством контрреволюции. Трудно было поэтому рассчитывать на успех действий этого вновь создавшегося «Комитета».

Пока в Петрограде происходили вышеописанные события, сам глава Временного правительства приехал в Псков, где находился Штаб Главнокомандующего Северного фронта армий — генерала Черемисова¹⁰³. Здесь его ожидало горькое разочарование.

«А. Ф. Керенский пожал то, что посеял. Отношение к нему в армии было уже давно резко отрицательное, доходившее до ненависти в среде тех государственно настроенных элементов, которые он выбрасывал, как неспособные сразу освоиться с идеями и фразеологией «демократизированной» армии. Он не встретил поддержки и в среде тех, кого он выдвинул... руководясь их репутацией радикалов и создавая им неожиданно блестящую карьеру. Эти последние были за Керенского, когда ветер дул в его сторону. Теперь они первые спешили повернуть ему спину, в ожидании новых хозяев. Таким образом, очень скоро оказалось, что Керенского не хотели защищать ни его враги, ни его друзья. Злой рок судил, чтобы в ту минуту, когда нужно было собрать все силы на защиту Русской Государственности, эта Государственность связывалась с именем Керенского...»¹

¹ Миллюков. История второй Русской революции, т. I, вып. III, с. 240.

Скорейшая помощь могла быть подана 3-м конным корпусом, тем самым, который предназначался Корниловым для подавления ожидавшегося им восстания большевиков. По иронии судьбы над разложением этого корпуса, по просьбе самого Керенского, потрудились в Корниловские дни большевики.

Утром 7 ноября (25 октября) командир 3-го конного корпуса ген. Краснов получил телеграмму Керенского о движении к Петрограду на выручку Временного правительства.

3-й конный корпус, как неблагонадежный в «контрреволюционном» смысле, был распылен по многочисленным стоянкам. Для выполнения полученного приказа генералу Краснову пришлось прежде всего иметь дело с Главнокомандующим Северным фронтом генералом Черемисовым.

Ген. Краснов может почитаться типичным представителем той категории старых офицеров, которые, видя разрушение революцией горячо любимой Родины, стали контрреволюционерами. Это были те, которых Керенский и «революционная демократия» зачисляли в разряд «политически неблагонадежных» и которых они боялись. Внешним их признаком являлось то, что они говорили о «верности Родине».

Черемисов, тоже выдающийся генерал, являлся представителем другой категории старых офицеров. Это были те, которые увидели в революции широкие возможности к личному возвышению. Для того чтобы быть признанными «соответствующими духу времени», они пошли по пути демагогии и всячески старались доказать свою «верность революции». Это были те, на которых Керенский и «революционная демократия» ставили свою ставку.

В лице генерала Краснова и генерала Черемисова история как бы подвела итог той политической линии, которую проводил в армии Керенский.

Получив приказание о движении к Петрограду, генерал Краснов тотчас же отдал распоряжение стянуть по жел. дороге разбросанные части своего корпуса к Луге (жел.-дорожная станция, находящаяся в 150 км к ю.-з. от Петрограда), откуда идти к Петрограду походом, чтобы избежать участи генерала Крымова.

Но генерал Черемисов отменил распоряжение генерала Краснова, чем сделал немедленное движение всего 3-го конного корпуса на Петроград невозможным. Как только ген. Краснов узнал об отмене своего распоряжения, он сейчас же поехал в Псков для того, чтобы лично объясниться с Главнокомандующим Северного фронта. Он приехал к генералу Черемисову к 3 часам ночи на 8 ноября (26 октября), т. е. как раз тогда, когда защита Зимнего дворца переживала свои последние минуты. К этому времени генерал Черемисов уже имел объяснение

с прибывшим в Псков Керенским. По словам последнего, Черемисов «не скрыл», что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбою обреченного Правительства. Он не только отказал в какой-либо помощи, но посоветовал Керенскому скорее уехать из Пскова.

Генералу Краснову Черемисов подтвердил свои распоряжения. На недоуменный вопрос ген. Краснова, как примирить это с приказанием Верховного Главнокомандующего Керенского — 3-му конному корпусу наступать на Петроград — ген. Черемисов ответил: «Временного правительства нет, оно разогнано в Петрограде большевиками, Верховный Главнокомандующий скрылся неизвестно куда, и вам надлежит исполнять мои приказания, как главнокомандующего».

Уходя от Черемисова, ген. Краснов узнал, что первый утаил от него, что Керенский находится тут же, в Пскове, и хочет видеть Краснова.

Скрепя сердце и подавляя в себе «гадливое отвращение», записывает в своих воспоминаниях ген. Краснов, пошел он на зов Керенского. Он шел «не к Керенскому», а к Родине, которая «не сумела найти вождя способнее...». Он хотел «исполнить присягу».

«Я доложил, — пишет далее Краснов, — что не только нет корпуса, но нет и дивизии; части разбросаны по всему Северо-Западу России, и их надо раньше собрать: двигаться малыми частями безумие». «Пустяки, — ответил Керенский, — вся Армия стоит за мной, я сам поведу ее, и за мной пойдут все...» «Вы получите все ваши части, — сказал находившийся с Керенским генерал-квартирмейстер Штаба Северного фронта Барановский (бывший перед этим начальником военной канцелярии Керенского), — не только 1-ю Донскую, но и Уссурийскую; кроме того, 37-ю пех. дивизию», 1-ю Кавалерийскую, весь 18-й армейский корпус...»

Ген. Краснов пошел спасать Временное правительство. Но он предупредил Керенского, что последний глубоко ошибается, думая о своей популярности. «Ваше имя непопулярно», — постоянно повторяется, как припев, в его разговорах с Керенским в последующие дни. Во время одного из таких разговоров, на предложение Керенского «поговорить с Казачьим Комитетом», ген. Краснов ответил, что после Корниловской и Калединской историй имя Керенского непопулярно среди казаков. Когда Керенский все-таки исполнил свое намерение и говорил с казаками, из рядов слушателей раздавались крики: «Хотите в крови нашей захлебнуться... по колена в крови ходить будете». Был и такой случай: вызванный для доклада сотник Карташев не хотел пожать поданной ему Керенским руки и сказал: «Извините меня, я подать вам руки не могу, я — Корниловец». «Таких Корниловцев, — замечает ген. Краснов, — была едва не половина отряда».

Непонимание Керенским действительного положения вещей являлось вполне искренним. Это было прямым следствием тех партийных шор, в которых ходили наши социалистические партии. Привыкшие в Царское время исключительно к революционной деятельности, т. е. к разрушению и критике, они не смогли, конечно, сразу же после марта 1917 года измениться. А между тем они стали как бы правительственной партией, что требовало от них творчества, т. е. синтеза. Последний же возможен только при отказе от партийного доктринерства. Керенский, так же как и его товарищи по партии социалисты-революционеры, с присущим им узким партийным фанатизмом, не заметили, что первые волны революции, вынесшие их на своих гребнях, сменились теперь новыми волнами. В своем наступательном движении революция нуждалась в новых вождях, более «революционных», то есть способных на большее разрушение.

Непонимание того, что происходит, доходило у Керенского до такой степени, что принимало даже комический характер. Так, например, при подходе к Гатчине¹ эшелона с казаками, с которым ехали сам Керенский и ген. Краснов, первый торжественно возвел ген. Краснова в сан командующего армией, идущей на Петроград. «Командующий армией и две роты, — саркастически замечает Краснов, — всего 700 всадников, а если придется спешить — всего 466 человек...»

В такой силе и осталась «армия» ген. Краснова². Ни одна из частей, обещанных Керенским и Барановским, к Краснову не присоединилась; частью не пошли, частью были задержаны генералом Черемисовым.

«Идти с этими силами на Петроград, — говорит генерал Краснов, — было не «безумство храбрых», а просто глупость». Не дождавшись до поздней ночи 9 ноября (27 октября) никаких подкреплений, казаки, бывшие с Красновым, стали роптать. «Это обман... Это опять такая же авантюра, как в Корниловские дни... на казачьих спинах хотят играть... говорили, идет пехота, а где же пехота...»

А между тем подошедшие из Петрограда в Гатчину большевицкие части сдались; о силах Краснова ходили преувеличенные слухи. Гарнизон Гатчины объявил себя «нейтральным».

Казаки Краснова тоже не горели желанием драться за Керенского. Вечером 9 ноября (27 октября) к Краснову пришла делегация от его казаков с просьбой арестовать Керенского. Когда Краснов отказал

¹ Жел.-дорожная станция в 40 км от Петрограда, на которой высадился эшелон Краснова.

² 5 1/2 сотен, 6 пулеметов и 8 орудий, в Гатчине к ним присоединилось еще 2 1/2 сотни.

ей, сказав, что «казаки никогда не были предателями», то делегация просила по крайней мере «не допускать Керенского близко к отряду».

«Зачем вы допускаете сюда Керенского, — говорил Краснову Савинков, приехавший из Петрограда, — ...казаки спасут Россию от большевиков, но спасителем себя выставит Керенский, и этот недостойный человек станет снова кумиром толпы...»

Столь же отрицательно относилось к личности Керенского, как мы знаем, и офицерство. Это сразу же выразилось в том, что офицеры Гатчинского гарнизона, уговаривавшие солдат не выступать против казаков Краснова, прислали к последнему делегацию, которая говорила: «Керенский всем мешает. Его не любят и за ним не пойдут. Лучше было бы, если Вы взяли всю эту работу на себя, арестовали Керенского и стали бы во главе движения».

В этих словах слышатся первые ноты того лейтмотива, который станет впоследствии главкомандующим в контрреволюционном движении. Это — отвращение рядового офицерства ко всякому роду политических деятелей и доверие только к военачальникам. Это будет иметь крупные следствия, являющиеся характерными для Русского контрреволюционного движения, а именно то, что его действительными вождями могли стать только военачальники.

В ноябрьские дни это отвращение рядового офицерства к политике выразилось в ненависти к личности Керенского.

При создававшихся моральных условиях трудно было ожидать, чтобы малочисленный отряд Краснова проявил тот пафос борьбы, который один только может дать торжество численно слабому над во много раз численно превосходящим противником. Такое же превосходство противника было подавляющее. Так, подходя к Царскому Селу¹ со своими пятьюстами казаками^{II}, Краснов встретился с гарнизоном около 15 000, подкрепляемым все время приходящими из Петрограда отрядами Красной гвардии. Последние представляли собою организацию скорее разбойничьего характера, чем военного. Но, по сравнению с не желавшими драться с кем бы то ни было солдатскими массами запасных полков, они являлись сравнительно более упорным противником. Однако и их боеспособность была не велика, и Краснову после дня боя удалось занять Царское Село. Но на место сдававшихся Краснову или убежавших перед ним солдатских масс, вырастали новые, посланные большевиками из Петрограда. Вместе с этим выяснилось, что никаких подкреплений к Краснову не придет. Настроение в отряде Краснова

^I В 20 километрах от Петрограда.

^{II} Часть своих сил ген. Краснов вынужден был оставить в Гатчине для охранения порядка в тылу.

стало заметно ухудшаться. «Большевицкие агитаторы, — пишет Савинков, — доказывали казакам, что большевики и казаки — братья и служат одной и той же цели, ибо те и другие прежде всего желают, чтобы Керенский сложил с себя полномочия... С этой пропагандой было невозможно бороться: в Царском Селе было несколько тысяч гарнизона: в этой вооруженной толпе тонула горсть казаков Краснова».

Вечером 12 ноября (30 октября), после целого дня боя, несмотря на тактический успех, Краснов отвел свой отряд к Гатчине. Ясно было видно, что казаки драться больше не хотят. С отступлением в Гатчину разложение в отряде Краснова пошло уже быстрым темпом. Казачьи комитеты вступили в переговоры с большевиками. Парламентеры последних, пишет ген. Краснов, «безбожно лстя казакам и суля им немедленную отправку в специальных поездах на Дон, заявили, что они заключать мир с генералами не согласны, а желают заключить мир через головы генералов с самими казаками».

Этот демагогический прием отслаивания темной массы от интеллигентных руководителей являлся излюбленным приемом большевиков. Он открывал им широкое поле для обмана, путем предложения плохо разбиравшимся, малокультурным низам условий, которые большевики и не собирались выполнять. Так, предложенные в Гатчине казакам условия перемирия говорили не только о полной амнистии всем казакам и их вождям, но также всем юнкерам, офицерам и другим, противодействующим восстанию большевиков в Петрограде. Они заключали в себе и следующий интересный параграф:

«Открыть все заставы и установить свободное сообщение со столицей. Товарищи Ленин и Троцкий, впредь до выяснения их невинности в государственной измене, не должны входить как в министерство, так и в народные организации». С другой стороны, казаки должны были **«передать Керенского в распоряжение революционного комитета для предания гласному народному суду под охраной трех представителей от казаков, трех от партий и трех от матросов, солдат и рабочих Петрограда. Обе стороны дают честное слово, что над ним и вообще ни над кем, ни в коем случае, не будут допущены никакие насилия и самосуды».**

Привезший из Петрограда эти условия матрос Дыбенко — один из видных участников большевицкого переворота, уверял при этом казаков, что его товарищи вовсе не стоят за Ленина и готовы поменять его на Керенского — «ухо за ухо».

Как только ген. Краснов узнал, что казаки договариваются о выдаче Керенского, он дал последнему возможность бежать.

Таков почти комический конец, завершивший попытку самого главы Временного правительства вырвать из рук большевиков захваченный ими в Петрограде аппарат центральной власти.

В самом Петрограде эта попытка отозвалась чрезвычайно трагично.

После захвата министров в Зимнем дворце в ночь на 8 ноября (26 октября) руководство сопротивлением большевикам перешло, как мы говорили выше, в руки «комитета спасения Родины и Революции». Одновременно борьбой руководила военная комиссия при Центральном комитете партии социалистов-революционеров.

В этой среде, родственной по своему политическому мировоззрению Керенскому, существовало такое же ложное представление о действительной обстановке, а именно, что «в СПб гарнизоне, как в полках, так и в специальных войсках, было еще достаточно организованных антибольшевицких элементов, готовых при первом удобном случае выступить против большевиков»¹.

Из показаний Ракитина-Брауна, Краковецкого¹⁰⁴ и Фейта в Московском процессе соц.-революционеров в июне 1922 года видно, что военной комиссией с.-р. был разработан план восстания, целью которого был захват Смольного и удар в тыл стоявшим против отряда Краснова в Гатчине частей Петроградского гарнизона. План этот был утвержден на особом совещании, в котором участвовали Авксентьев, Гоц, Богданов и полк. Полковников. Но части Петроградского гарнизона, вопреки расчетам соц.-революционеров и комитета спасения, уклонились от участия; единственным надежным элементом оказались юнкера.

В Смольном узнали о плане соц.-революционеров. Получив об этом сведения, рассказывает Ракитин-Браун, мы (т. е. несколько соц.-революционеров) решили форсировать события и поднять восстание. И юнкерская молодежь была брошена на верную гибель.

Утром 11 ноября (29 октября) в Петрограде началась канонада, «происхождение и смысл которой», по свидетельству самого Керенского, «оставались совершенно непонятными гражданским и военным руководителям антибольшевицкого движения в СПб».

Помощник Командующего войсками Петроградского военного округа, соц.-революционер прапорщик Кузьмин, так описывает в газете «Народ»¹¹ то, что происходило 11 ноября (29 октября) в Петрограде:

«С 7—8 ч. утра началась осада Владимирского военного училища. Я был разбужен пальбой из пушек, пулеметов и ружей. Юнкера и женский ударный батальон отстреливались до 2-х часов и потом сдались. С той и другой стороны были раненые и убитые. Сколько их, я не знаю. В стенах училища пробиты бреши; двери и окна раз-

¹ Статья Керенского «Гатчина» в томе X «Современных Записок».

¹¹ Орган правых социал-революционеров.

биты и разворочены... С момента сдачи толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в училище и учинила кровавое побоище. Многие были заколоты штыками, — заколоты безоружные. Мертвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги. Убийцы грабили мертвых и снимали с них шинели и сапоги, тут же надевая их на себя.

Оставшихся в живых повели группами под усиленным конвоем в Петропавловскую крепость, подвергая их издевательствам и провожая ругательствами и угрозами. Это было кровавое шествие на Голгофу.

Сдавшихся юнкеров и женщин ударного батальона безжалостно расстреливали сотнями. Очевидец-солдат, который рассказал мне о злодеянии, совершившемся в Петропавловской крепости, закрыл лицо руками и, плача, отошел в сторону...»

А вот другое свидетельство об этих событиях, написанное А. И. Шингаревым¹⁰⁵¹.

«Артиллерийским огнем не только покорено юнкерское Владимирское училище, но и разрушены соседние дома, убиты и ранены дети, женщины, расстреляно мирное гражданское население. Сдавшиеся юнкера на городской телефонной станции выводились на улицу и здесь зверски убивались; еще живые, с огнестрельными ранами, сбрасывались в Мойку, добивались о перила набережной и расстреливались в воде. Убийцы-мародеры тут же хладнокровно грабили их, отнимая сапоги, деньги и ценные вещи. Рассказ комиссара Адмиралтейского района об этих фактах, лично им наблюдавших, вызвал крики и стоны в заседании Городской Думы.

...Еще вчера от одного из гласных я слышал фактическое описание обыска в одной из женских организаций, были издевательства, безмерная наглость и грубость, аресты. Во время обыска исчезли ценные вещи, серебряные ложки, платья, деньги. Новые жандармы унесли с собою всё, что имело в их глазах какую-либо ценность, но оставили кое-что и свое: на полу после их ухода нашлась германская марка».

11 ноября (29 октября) вошло в историю с трагическим наименованием «Кровавое воскресенье». Оно поразило своей жестокостью воображение обывателя, несмотря на то, что нервы этого обывателя достаточно уже огрубели в пережитой трехлетней мировой войне и в 8-месячной революции. Но он не знал, что это была только «проба пера» Ленина; это были лишь первые проблески восходящего кровавого деспотизма большевиков.

¹ Письмо в редакцию газеты «Русские Ведомости» А. И. Шингарева. Шингарев был одним из министров Врем[енного] прав[ительства] прежнего состава и был, несколько времени спустя, зверски убит большевиками.

ГЛАВА VIII

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ В СТРАНЕ И ПРЕВРАЩЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В АНТИБОЛЬШЕВИЦКОЕ

Нерешительность «революционной демократии»

Одновременно с восстанием в Петрограде произошло вооруженное выступление большевиков в Москве. Но это выступление было почти подавлено военными училищами с присоединившимися к ним группами офицеров. Хотя количественно силы большевиков и превосходили значительно силы юнкеров (около 15 000 на стороне большевиков и приблизительно 3—3½ тысячи на стороне юнкеров), но здесь сказалась большая дисциплинированность и большая боеспособность последних. И это несмотря на неумение и малую решительность, проявленную командующим войсками Московского военного округа полковником Рябцевым, принадлежавшим, как я говорил выше, к «детскому саду», выдвинутому **Керенским** на верхи Армии.

Утром 10 ноября (28 октября) «весь центр Москвы... — вспоминает большевик Ольминский, — был в руках юнкеров; в их руках были вокзалы, трамвайная, электрическая станция, телефоны... Бывали моменты, когда казалось, что центру (т. е. Военно-революционному комитету) только и остается, что бежать. Это сильно отражалось на настроении членов В.-Р. комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и к уступкам...»

Но эта назревающая военная победа контрреволюционных сил оказалась неиспользованной. Настроение в рядах победителей было далеко не радужное. К тяжелому чувству участия в гражданской войне присоединялось гнетущее чувство недоверия к управляющим верхам. Офицеры и юнкера не доверяли ни Рябцову, ни «Комитету общественной безопасности», являвшемуся руководящим центром действий против большевиков. Этот комитет образовался при Городской Думе, и в нем господствовали социалисты-революционеры.

Вместо энергичного использования начинавшегося разложения в рядах большевиков этот комитет повел переговоры о заключении перемирия. Большевикам это было нужно для того, чтобы восстановить порядок в своих рядах и подвезти подкрепления. Получив их в значительном числе и подбодренные известиями о неудаче наступления генерала Краснова на Петроград, большевики в ночь с 12 ноября (30 октября) на 13 ноября

(31 октября) предъявили «Комитету общественной безопасности» требование «безусловной сдачи с угрозой артиллерийского обстрела Думы». Комитет вынужден был возобновить борьбу, но уже при изменившихся к худшему условиях. Измученным непрерывными усилиями юнкерам, упустившим возможность использования успеха их первого удара, предстояло теперь сражаться с подвезенными, на смену разбитым при первом выступлении большевицким войскам, новыми десятками тысяч. Для бомбардировки Кремля, который составлял теперь центр сопротивления юнкеров, сосредоточивались тяжелые орудия. Стягивались и броневики, которых у юнкеров было только два, и то сломанных.

После двух дней борьбы сопротивление юнкеров было сломлено, и большевики стали хозяевами Москвы.

В Москве, так же как и в Петрограде, к попытке оказать вооруженное сопротивление перевороту большевиков массы не примкнули. В Москве, в этой чисто русской по духу столице России, за русскую государственность сражались четыре тысячи юнкеров, студентов и прапорщиков; солдаты и рабочие были на стороне большевиков, а городское мешанство не выставило никакой национальной гвардии. Психологически это было весьма показательно.

Оценивая поведение Московского «Комитета общественной безопасности» в ноябрьские дни, историк П. Н. Милюков пишет: «Социалистическая Дума вела себя почти нейтрально»¹. Это пассивное поведение он объясняет тем, что «Городская Дума, взявшая на себя руководство защитой, принципиально не хотела призывать к гражданской войне. Она лишь брала на себя своеобразную роль политического прикрытия между армиями и мятежниками... Не признавая переворота, думский комитет зывал к стране и к фронту: решающий голос в борьбе должен был принадлежать по этой концепции всей демократии России и Действующей Армии... Комитет апеллировал к стране. На тысячи телеграмм он получил сотни ответов. Но они запоздали и пришли после развязки. Ошибочна была и надежда продержаться, пока не выскажется фронт... Фронт сам выжидал, пока не явилась возможность перейти на сторону победителя»².

Другой историк — С. П. Мельгунов¹⁰⁶, сам принадлежащий к социалистическому лагерю, так очерчивает поведение русских социалистов в ноябрьские дни³:

«Всякая борьба требует определенности и ясности. Большевицкому насилию надо было противопоставить безоговорочный при-

¹ Милюков П. Н. Россия на переломе, т. II, с. 9.

² Милюков П. Н. История второй Русской революции, т. I, вып. III, с. 289.

³ [Мельгунов С. П.] Н. В. Чайковский [в годы Гражданской войны], с. 30.

зв — бороться с ними. Поведение социалистической демократии в большинстве случаев было чрезвычайно двойственно... Страх перед «буржуазной контрреволюцией» заглушал подчас ужас перед реальным большевизмом...»

«Под знаменем демократии, олицетворяемой в данный момент партией соц.-революционеров, в Москве геройски сражались группы студенческой и офицерской молодежи. Они исполняли свой гражданский долг, с недоумением взирая на «Комитет общественной безопасности», который вел их за собою. Это было не общее дело, а как бы только партийное. Только под этим флагом должно было явиться спасение от захвата Москвы большевизмическим Военно-революционным комитетом. Едва ли повторится в истории сцена, зарисованная в воспоминаниях бывшего члена партии с.-р. Вознесенского... Он рассказывает о том, как формировался «Комитет общественной безопасности». — «Официальных агентов Временного правительства было в Москве два: губернский комиссар Эйлер (к.-д.)^I и заместитель комиссара по городу Москве Базилев (н.-с.)^{II}. Их обоих я встретил нервно расхаживающих в коридоре около кабинета городского головы во время заседания формировавшегося «Комитета общественной безопасности». Помню отлично, что оба они выразили желание присутствовать в заседании Комитета. Но, увы, по предложению Руднева^{107 III}, собрание не пожелало допустить в этот важный момент на решающее совещание Комиссаров Временного правительства»...

Отмеченная нерешительность «революционной демократии» сказалась и в деятельности «Всероссийского комитета Спасения Родины и революции», возникшего в Петрограде после трагикомического шествия Городской Думы в Зимний дворец.

«...Благие намерения (этого) комитета, — совершенно справедливо пишет Мельгунов^{IV}, — как бы заранее были обречены на неудачу, ибо в основу его организации была положена в соответствии с духом времени презумпция, что Россию должны спасти только социалисты. В исполнительный орган, т. е. в душу организации, вошли представители Городской Думы, Совета крестьянских депутатов, Петроградского совета рабочих депутатов (первого добольшевизмического состава), Центрального комитета партии соц.-революционеров, соц.-демократов-меньшевиков и труд.<овиков>-нар.<одных>-социалистов. Таким

^I Конституционалисты-демократы. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Народные социалисты. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Городской голова, социалист-революционер. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} [Мельгунов С. П.] Николай Васильевич Чайковский, с. 34—37.

образом «буржуазные» элементы, хотя бы и демократические, были в сущности отвергнуты... Двойственность и некоторая неопределенность позиции революционной демократии проявлялись не только в отказе от коалиции с буржуазными элементами, но и в самом отношении к большевикам и к методам борьбы с ними».

«Прежде всего, особую позицию заняли меньшевики. Они уклонялись от официального участия в заседаниях Комитета спасения, ибо, по словам их представителя Вайнштейна¹⁰⁸, они еще «не самоопределились»... Позднее на съезде, в декабре 1917 года, партийное большинство совершенно определенно заняло позицию, враждебную всяким вооруженным выступлениям против большевиков...»

Даже «правые» меньшевики далеко не были солидарны в отношении борьбы с большевиками. Показательна в этом отношении позиция Церетели — одного из тех, кто в первый период революции наиболее последовательно развивал идею коалиции с буржуазией. В «Красном Архиве» (№ 10) воспроизведен протокол заседания ЦИК'а Совета р. и с. депутатов первого созыва после ноябрьских дней. Церетели произносит 25 (12) ноября речь о текущем политическом моменте. Он целиком под гипнозом возможной контрреволюции, и эта боязнь низводит на нет «идейную, беспощадную, как говорит соц.-демократка Зарецкая, борьбу с большевиками». Сейчас — по мнению Церетели — главная задача демократии **объединение всех сил, но не для борьбы с большевиками...** а для ее собственного укрепления и для **спасения революции...** «С момента большевицкого восстания, — заканчивал Церетели дискуссию о борьбе с большевиками, — произошло нечто такое, что исключает возможность коалиции. Вся буржуазия кадетской партии объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками. Для меня несомненно, что ликвидация большевицкого восстания, это расстрел пролетариата, и, предвидя это, мы всегда боялись большевицкого выступления. **Вред, который оно сейчас принесет, не так велик, как в будущем, когда произойдет расправа с ними...** Мы должны иметь в виду, что, когда большевики станут в положение падения, мы не сможем больше стоять в стороне непримиримости. Соглашение невозможно с большевиками, пока они сильны, но надо **подготовить им отступление**, когда в их среде начнется разложение».

«Можно ли было увлечь массы на борьбу с большевиками, — справедливо спрашивает Мельгунов, — заблаговременно подготавливая почву для отступления и запугивая идущей контрреволюцией» (Церетели в своей речи пугал Калединым).

Нечто аналогичное происходило и в партии соц.-революционеров. «Мы не говорим уже о левых соц.-революционерах, отделившихся от партии и пошедших рука об руку с большевиками. Конфликты воз-

никали и в рядах оставшихся. Так, например, ЦК партии должен был с самого начала распустить Петербургскую организацию потому, что местная ее конференция заявила решительный протест против резолюции ЦК о недопустимости участия членов партии в большевицком Военно-революционном комитете. Примеров можно было бы привести много — свидетельствует Мельгунов. — Снять с себя «ответственность» за происходящее, быть «на страже революции» — вот основные мотивы всех партийных соц.-рев. выступлений»¹.

Видный народный социалист Н. В. Чайковский¹⁰⁹ так характеризует линию Чернова, лидера центральной части социалистов-революционеров: «Она граничилась с линией левых с.-р., т. е. пыталась конкурировать в демагогическом влиянии на широкие круги населения». «Их — т. е. последователей Чернова — хватило на громкую фразу призыва к оружию, но не к действительной организации вооруженной борьбы, о которой они никогда серьезно не думали».

Нерешительное настроение социалистов в Петрограде и Москве отражалось соответственно и на местах¹¹. Вот, например, характеристика Минского комитета, которую дает в телеграфном разговоре Начальник штаба Западного фронта армий ген. Вальтер¹¹⁰ с генерал-квартирмейстером Ставки Дитерихсом: «Комитет составилась частью из благожелательного элемента и частью из большевиков; такой блок получился от того, что эсеры и эсдеки, вообще благомыслящие, не были уверены, что военная сила их достаточно твердо поддержит против Совдепа, т. е. большевиков, а затем не были уверены, чем кончится борьба в Петрограде... Большевики решительно проводят свою линию, а средние, т. е. меньшевики, по своему политическому убеждению, не желают решительных действий против большевиков. Все решительно держат камертон по Петрограду: как только в Петрограде будет развязан узел в пользу Временного правительства, так сейчас же отпадет всякое влияние Совдепа и большевиков. К этому надо прибавить полное отсутствие симпатии к Керенскому. Если всё суммировать, то отсюда и результаты: боязнь оказать открытую помощь Петрограду и Москве. Многие в душе сочувствовали бы этой помощи, но скрывают».

Нерешительное поведение социалистов непосредственно отразилось на самой борьбе. Боевые действия юнкеров не могли достигнуть высшего напряжения. Двойственность линии поведения социалистов чувствовалась, и бойцы поневоле озирались, ожидая, что вот-вот руководители переменят фронт.

¹ [Мельгунов С. П.] Николай Васильевич Чайковский, с. 38.

¹¹ См. книгу XXIII «Красного Архива», статья «Октябрь на фронте».

«Ясно, что при таких условиях Комитет Спасения, в котором приняли участие многие лидеры революционных партий, не мог объединить силы, способные бороться с большевиками»^I.

В результате «политическая роль Комитета Спасения падала с каждым днем по мере того, как становились всё безнадежнее расчеты на быструю ликвидацию большевиков. Номинально Комитет продолжал существовать, от времени до времени подавая реплики на те или другие явления жизни, фактически же весьма скоро утратил всякое реальное значение...»^{II}

Один из участников Всероссийского комитета Спасения Родины и Революции Игнатьев^{III}, подводя итоги первоначальной борьбы с большевиками под флагом этого Комитета, пишет в своей брошюре: «...Они (соц.-революционеры) встали на точку борьбы. Они хотели ее, но в то же время боялись ее, боялись в этой борьбе порвать с меньшевиками, которые самоопределились, боялись генералов, с которыми нужно было иметь дело, боялись пропустить коалицию с большевиками без непосредственных участников переворота^{IV} и, наконец, надеялись победить большевиков мирным путем, через Учредительное Собрание, выборы в которое были не за горами. И эта боязнь, и эта надежда на Учредительное Собрание объективно парализовала волю эсеров, создавала двойственность игры, двойственность линии поведения — и воевать с большевиками и не воевать; надо воевать, а духа всеобъемлющего нет...»

Захват большевиками центрального аппарата управления Действующей Армии (Ставки)

Ночью 4 ноября (21 октября), т. е. через сутки после образования в Петрограде большевицкого Военно-революционного комитета, Керенский, в своем телеграфном разговоре с ген. Духониным, так характеризует положение в Петрограде: «...Мой приезд (в Ставку) в общем задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, восстаний и тому подобное...», а осложнениями в правительстве, связанными с необходимостью удаления Верховского с должности Военного министра «после заявлений его, сделанных в секретном заседании международной Комиссии Совета Республики по вопросу о боеспособности армии и возможности продолжения войны»^V... Сейчас в Петербургском гарнизоне

^I Мельгунов. Николай Васильевич Чайковский, с. 38.

^{II} Цитировано у Мельгунова, «Н. В. Чайковский», с. 40.

^{III} Принадлежал к партии народных социалистов.

^{IV} Большевики усыпляли соц.-революционеров разговорами о коалиционном социалистическом правительстве без Ленина и Троцкого. — *Прим. Н. Н. Г.*

^V См. главу VI и приложение № 17.

не идет усиленная попытка большевицкого военно-революционного комитета совершенно оторвать полки от командования. Сегодня они разослали явочных комиссаров, а центральный комитет Совета р. и с. д.¹ объявил их незаконными и так далее, думаю, что мы с этим легко справимся...»

Вот как ориентирует в создавшейся в Петрограде политической обстановке Глава Правительства и в то же время Верховный Главнокомандующий своего начальника штаба, пребывающего в Могилеве (в Ставке) и всецело поглощенного животрепещущими вопросами сохранения боеспособности разваливающейся многомиллионной Действующей Армии.

В ночь с 6 ноября (24 октября) на 7 ноября (25 октября) в Ставку пришла телеграмма командующего Петроградским военным округом Полковникова:

«Доношу, что положение в Петрограде угрожающее... Сознавая свою ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства».

Получив это тревожное известие, Ставка принимает все зависящие от нее меры, чтобы поторопить движение направляемых в Петроград частей войск. Вместе с этим Ставка собирает сведения о настроении в войсках Действующей Армии^{II}. Это настроение рисуется генералу Духонину так: все высшие войсковые комитеты высказываются за поддержку Временного правительства при условии скорейшего заключения мира и немедленной передачи земли крестьянам^{III}.

Но в своих распоряжениях ген. Духонин встречает препятствия со стороны Главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова. Последний, как мы знаем, уже отменил посылку войск в Петроград. Он не ограничился этим, а пытается уговорить своего соседа Главнокомандующего Западным фронтом генерала Балуюева^{IV} тоже не посылать войск на поддержку Петрограда, ложно сообщая ему о падении Временного правительства еще до фактического взятия Зимнего дворца^V.

^I Центральный Исполнительный комитет Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} См. приведенную в приложении № 18 Сводку данных о настроении фронта к 6 ч. веч. 7 ноября (25 октября).

^{III} См. приложение № 19, в котором приведен полностью телеграфный разговор ген. Деникина со Штабом Сев. фронта в ночь с 7 ноября (25 окт.) на 8 ноября (26 окт.).

^{IV} См. приведенный в приложении № 20 телеграфный разговор главнокомандующего Зап. фронтом ген. Балуюева со Ставкой вечером 7 ноября (25 октября).

Генерала Духонина генерал Черемисов ложно уверяет^I, что Керенский, приехавший в Псков, решил устраниваться от власти и выразил желание передать должность Верховного Главнокомандующего ему — Черемисову. «Вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, — говорит генералу Духонину Черемисов, — чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были бы прекращены».

В ответ на это генерал Духонин попросил Черемисова пригласить к телеграфному аппарату самого Керенского. Но генерал Черемисов этой просьбы генерала Духонина не исполнил. «Невозможно, в его же интересах», — ответил он.

Через полтора часа, получив телеграмму Главнокомандующего Западным фронтом генерала Балужева, в которой тот сообщал о переговорах с ним Черемисова^{II}, генерал Духонин опять говорит по аппарату с последним^{III}:

«...Если главковерх Керенский предполагает передать должность Вам, то я во имя горячей любви к Родине умоляю Вас разрешить мне передать об этом Временному правительству, с которым у меня есть связь; Вас же не останавливать отданных распоряжений войскам, назначенным в Петроград. Я убежден, что при надлежащей организации всё обойдется без особых кровопролитий, зато будет сохранена неприкосновенность фронта и Вам, как будущему Главковерху, не придется считаться с весьма тяжелым...»

«Извиняюсь, Николай Николаевич, — перебивает Духонина Черемисов, — меня давно уже зовут...» — и таким образом уклоняется от дальнейших разговоров.

Напечатанные документы не оставляют никакого сомнения в печальной роли, сыгранной генералом Черемисовым; подобно многим, он недооценивал силу большевиков и, по-видимому, думал, свалив Керенского, захватить верховную власть в свои руки.

Двуличная игра Черемисова затормозила прибытие эшелонов войск Действующей Армии на подкрепление Краснову. Она имела также разлагающее влияние на высшее управление Армией; возможность Духонина осуществлять это управление и без этого была малой.

Однако окончательный удар делу Верховного Управления наносит бегство самого Верховного Главнокомандующего Керенского. Последний даже не озаботился назначить себе заместителя.

^I См. приведенный в приложении № 19 телеграфный разговор.

^{II} См. приложение № 21.

^{III} Опять см. приложение № 19.

Узнав об этом бегстве, Духонин 14 (1) ноября разослал всюду следующую телеграмму:

«Сегодня, 1 ноября¹ войсками ген. Краснова, собранными под Гатчиной, было заключено с гарнизоном Петрограда перемирие, дабы остановить кровопролитие гражданской войны. По донесениям ген. Краснова, Керенский оставил отряд, и местопребывание его не установлено. Вследствие сего, на основании Положения о Полевом Управлении войск, я вступил во временное исполнение должности Верховного Главнокомандующего и приказал остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. В настоящее время между различными политическими партиями происходят переговоры для формирования Временного правительства. В ожидании разрешения кризиса призываю войска фронта спокойно исполнять свой долг перед Родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы Родной Земли».

В тот же день генерал Духонин получил из Быхова письмо генерала Корнилова, которое начиналось следующими словами:

«Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны и армии направление. Для Вас наступает минута, когда люди должны дерзать или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии. По тем неполным, отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное...»

Далее генерал Корнилов высказывал генералу Духонину свое мнение о том, какие меры должны быть приняты для защиты Ставки.

Но точка зрения генерала Духонина была иной: ему, конечно, была лучше видна создававшаяся обстановка, нежели Корнилову, сидящему в Быховском заключении. Он вполне отдавал себе отчет, что после бегства Главы Временного правительства последнего состава ни на какие части Действующей Армии для восстановления этой власти рассчитывать не приходится. Он отдавал себе также отчет, что неудача Корниловского выступления подорвала и дезорганизовала контрреволюционные силы. Требовалось время для воссоздания и сорганизации их. Вводить эти силы в решительные действия теперь для восстановления у власти лидеров социалистических партий, самих ведших, как мы видели, двойственную политику, — было бы равнозначно обречению их верной гибели. То, что произошло с юнкерскими училищами, только подтверждает правильность точки зрения ген. Духонина.

Так же, как и Корнилов, генерал Духонин не строил себе иллюзий относительно возможности остановить разрушительную стихию

¹ Ст. ст. — *Прим. Н. Н. Г.*

революции одними лишь словами. Но вместе с этим он понимал и то, что применение противодействующей силы может быть успешно лишь в том случае, если можно найти в окружающей среде какой-нибудь отзвук; чем меньше имеющаяся в руках организованная контрреволюционная сила, тем больше должна быть подготовлена окружающая среда к соответствующему «резонансу».

В создавшейся безнадежной обстановке генерал Духонин видел для себя, после бегства Керенского, только один путь: подготовить, для применения контрреволюционной силы, «резонирующие» элементы в среде войсковых комитетов. Это приводило его на тот же путь, по которому пошли формировавшиеся в столице и других городах «Комитеты спасения» — иначе говоря, это приводило его к политическому подчинению правому крылу и центру «революционной демократии».

Избрав этот путь, генерал Духонин выпустил обращение к стране:

«К вам, представителям всей Русской демократии, к вам, представителям городов, земств и крестьянства — обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряньте духом и дайте исстрадавшейся земле Русской власть — власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан и чуждую насилия, крови и штыка».

В Могилев, в Ставку, приехали лидеры социал-революционеров и социал-демократов-меньшевиков, которые не хотели признать власть большевиков: Чернов, Авксентьев, Скобелев и другие. Они повели бесконечные разговоры о создании новой власти и потонули в партийных догмах... Но каждый новый день показывал, что все эти лидеры покинуты солдатами и народными массами. Последние не хотели идти против большевиков. Солдаты — потому, что одним из первых распоряжений Ленинского правительства была радиотелеграмма¹ «всем, всем, всем» о прекращении войны с предложением солдатам самим установить немедленное фактическое перемирие на фронтах. Крестьянам первым же декретом Совета народных комиссаров было объявлено о передаче им всех земель.

Ощущение полного расщепления с солдатскими и народными массами привело к тому, что из Могилева стали, под различными предлогами, уезжать все.

Убедившись в безнадежности делаемой им попытки, Духонин остается верен себе до последней минуты: **он не подпадает соблазну растратить слабые контрреволюционные силы для защиты Ставки и себя.** Когда было получено известие о движении эшелонов большевических войск, под начальством большевического верховного главнокомандую-

¹ См. в приложении № 22 телеграмму Ленина от 9/22 ноября.

шего — прапорщика Крыленко, для захвата Ставки, общеармейский комитет при Ставке распустил себя и рассеялся. В этот день, 2 декабря (19 ноября) командиры ударных батальонов, прибывших в Могилев по собственной инициативе для защиты Ставки, явились к ген. Духонину. Духонин приказал батальонам в тот же день покинуть город: «Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное Собрание от разгона»...

Сберегая таким образом контрреволюционные силы для борьбы в будущем, генерал Духонин озаботился и о том, чтобы спасти для этой борьбы подходящих вождей. Он вполне отдавал себе отчет, что избранная им линия поведения лишила его популярности среди самых ценных по действенности элементов контрреволюции и что в слагающейся психологической обстановке эти элементы пойдут только за такими вождями, как генерал Корнилов или генерал Деникин.

Утром 2 декабря (19 ноября) в Быхов к генералу Корнилову явился из Ставки полковник Кусонский¹¹² и доложил ему:

«Через четыре часа Крыленко¹¹³ приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Быховские узники были ген. Духониным спасены, между ними — генерал Корнилов и генерал Деникин — будущие вожди Белого Движения.

Генерал Духонин ясно понимал, что освобождая «быховских узников», он **подписывал себе смертный приговор**. Тем не менее, он остался в Могилеве, так как не хотел, чтобы гнев большевиков обрушился на головы его подчиненных. Он решил испить горькую чашу, выпавшую на его долю, до дна.

На уговоры этих подчиненных он отвечал: «Я имею тысячи возможностей скрыться, но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня расстреляют. Но это смерть солдатская».

3 декабря (20 ноября) озлобленная толпа большевиков на глазах у своего Главковерха Крыленко, бросила генерала Духонина на штыки и растерзала его, а после этого жестоко надругалась над его останками.

Для того чтобы вполне понять поведение генерала Духонина, необходимо указать, что его точка зрения на создавшуюся в ноябрьские дни обстановку, совпадает с точкой зрения генерала Алексеева.

8 ноября (26 октября) к генералу Алексееву, на конспиративную квартиру, прибыл Савинков; с «пафосом, скрестив руки на груди»¹,

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 133.

обратился он к генералу Алексееву с речью, которая кончилась следующими словами:

«Итак, генерал, я вас призываю исполнить свой долг перед Родиной. Вы должны сейчас же со мной ехать к Донским казакам^I, властно приказать им седлать коней, стать во главе их и идти на выручку Временного правительства. Этого требует от вас Родина»...

«Присутствовавший при разговоре ротмистр Шапрон^{II} стал горячо доказывать, что это — бессмысленная и непонятная авантюра... Генерал Алексейев отклонил предложение Савинкова, как совершенно безнадежное»^{III}.

Из вышеизложенного мы видим, что генерал Алексейев смотрел на создавшуюся обстановку еще более пессимистически, чем генерал Духонин. Последний, как мы знаем, принял все зависящие от него меры для защиты Временного правительства и только бегство его Главы — Керенского остановило выполнение этих принятых мер.

Такова была в тот момент точка зрения генерала Алексеева, того самого, который вскоре затем приступит к созданию на Дону «Алексеевской организации», превратившейся затем в Добровольческую Армию. Когда Корнилов, Деникин и остальные «быховские узники» различными путями проберутся на Дон, они найдут «Алексеевскую организацию» уже родившейся.

Разгон Учредительного Собрания

В воспоминаниях социалиста-революционера Соколова^{IV}, после начала революции близко соприкасавшегося с солдатскими массами, можно прочесть следующую интересную запись:

«Из всех политических партий, с идеей Учредительного Собрания узами особенно тесными, я бы сказал кровными, была связана партия социалистов-революционеров... Для них не было мыслимо народоправство без Учредительного Собрания, а сама революция, казалось им, должна иметь своей вершиной изъявления народной воли, провозглашенной через Учредительное Собрание. С нежностью своеобразной, с трогательным идеализмом относилось большинство социалистов-революционеров к Учредительному Собранию. Им казалось, да и не им одним, впрочем, что всё дело состоит только в том,

^I Казачьим полкам, находившимся в Петрограде. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Личный адъютант генерала Алексеева. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 133.

^{IV} «Архив Русской революции», т. XIII, статья Бориса Соколова «Защита Учредительного Собрания».

чтобы «довести страну до Учредительного Собрания...». Достаточно прочесть речи, которые произносились руководящими лицами как партии эсеров, так и правительства. Лейтмотивом их было всегда это Учредительное Собрание, «до которого надо довести страну». Вопросы и проблемы текущего дня, неотложные в своей важности, требовавшие разрешения немедленного, откладывая до этого времени. Вопросов войны и мира, земельных вопросов, о которых кричали, казалось, сами камни российские, считалось невозможным касаться, ибо разрешить их было призвано только Учредительное Собрание»¹.

Но народные массы далеко не были так проникнуты этой верой в спасительность Учредительного Собрания. «Быть может, это печальный факт, быть может, горькая правда, но я предпочитаю сказать об этом, чем умолчать, — пишет тот же Соколов. — Их симпатии тяготели вполне определенно и нескрываяемо к Советам. Эти последние были для них институтами близкими им и родными, напоминающими им их деревенские сходы. Заседания прифронтовых Советов привлекали с первых же дней большое количество посторонних слушателей, которые вмешивались в дела советские, влияя нередко на их решения. Как армейский комитет, который солдаты называли «нашим Советом», так и столичные Советы казались им близкими, а деятельность их им понятной. Не раз в первые месяцы мне приходилось слышать от солдат, и притом наиболее интеллигентных, возражения против Учредительного Собрания. Для большинства из них это последнее ассоциировалось с Государственной Думой, учреждением им далеким. «К чему какое-то Учредительное Собрание, когда есть наши советы, где заседают наши депутаты, которые могут всё разрешить, во всем разобраться»¹¹.

Малокультурные русские народные массы не могли вместить в себя сложные идеи, на которых строится современная демократия. Они совершенно не задумывались даже над тем, что многостепенность выборов из низшего совета в высший создает условия, в которых подтасовка народной воли производится с чрезвычайной легкостью. Они были слепы к тому, что широко практикуемая советами кооптация в свой состав членов, не избранных народом, приводила к полному произволу тех, кто в данную минуту захватил влияние в Советах. Как малые дети, русские народные массы в своей вере в Советы руководствовались лишь ощущением близости к ним местных Советов, быстроты их образования и возможностью отстаивания в них «интересов своей колокольни».

Широкая агитационная работа, которую вели социалисты-революционеры в течение первых восьми месяцев революции, популяризирую

¹ Вышеназванная статья [Б. Соколова], с. 15.

¹¹ Там же, с. 16.

в народных массах идею Учредительного Собрания, оказала известное влияние. Это связало, в представлении этих масс, идею «Учредительного Собрания» с партией социалистов-революционеров и обеспечило последним большинство на выборах. Но это влияние не было настолько глубоко, как это предполагала наша «революционная демократия». Тем не менее большевики, совершая свой переворот, не решились сразу порвать с идеей Учредительного Собрания. Напротив того, сведя пропаганду против Временного правительства перед его свержением, они обвиняли его в нежелании созвать Учредительное Собрание.

Так, например, Троцкий за две недели до переворота огласил от имени большевицкой фракции особую декларацию, в которой подчеркивалось, что «буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя»¹.

На следующий же день после переворота большевицкая газета «Правда», ставшая официозом Ленинского правительства, на первой странице жирным шрифтом печатала: «Товарищи, вы своей кровью обеспечили созыв в срок хозяина Земли Русской, Всероссийского Учредительного Собрания». Свергнув Временное правительство, большевики рассчитывали, что при пассивности и малой культурности русских масс, под впечатлением совершенного переворота, они получат большинство, которое и санкционирует захват ими власти.

«Мы всеми силами стремимся к созыву Учредительного Собрания, ибо только оно может успокоить разоренную империалистической войной страну», — так говорит большевицкий главковерх Крыленко на съезде Комитетов Юго-Западного фронта, собранном вскоре после захвата Ставки и убийства ген. Духонина. «Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать именно это Учредительное Собрание. Разве не продекларировало оно этот созыв на сентябрь месяц, потом на октябрь... Да, мы свергли его потому, что оно было буржуазное по своему духу и контрреволюционное по своей тактике. Мы это сделали потому, что этого хотел Петроградский гарнизон и петроградский пролетариат. Лакеям буржуазии и социал-предателям нет места во главе Российской Социалистической Республики... Теперь у власти мы, то есть советы, — правда, советы, очищенные от буржуазных и мелкобуржуазных элементов. И мы хотим, чтобы советы правили страной до того дня, когда соберется Всероссийское Учредительное Собрание, до того дня, когда раздастся властный голос

¹ Цитировано в кн.: *Вишняк М.* Учредительное Собрание. Изд. «Современных Записок», Париж, 1932, с. 87.

последнего. И мы хотим, мы требуем от вас, товарищи-солдаты, чтобы вы поддержали нас, чтобы вы утвердили лозунг «Вся власть советам до дня созыва Учредительного Собрания». Поддержите нас, товарищи-солдаты, во имя ваших же интересов».

Ожидания большевиков не оправдались. По мере того, как выяснялось, что в предстоящем Учредительном Собрании у них не будет большинства, отношение к нему большевицкого правительства стало меняться. Не прошло и двух недель после переворота, как тот же руководящий большевицкий орган печати заявлял: «Ожидать от Учредительного Собрания безболезненного решения всех проклятых вопросов не только пахнет кретинизмом, но и политически опасно... Созыв Учредительного Собрания стоит и падает с советской властью». В переводе на более ясный язык это означало признание Учредительного Собрания **постольку-поскольку** его решения будут соответствовать видам правительства Ленина. Еще через две недели та же «Правда»¹ уже совершенно отчетливо формулирует эту мысль и печатает: «Если линии поведения советов и Учредительного Собрания разойдутся, если между ними возникнет разногласие, встанет вопрос о том, кто точнее, правильнее и определеннее выражает волю народных масс. Мы полагаем, что советы, благодаря особенностям своей организации, точнее, правильнее, определеннее выражают волю рабочих, солдат и крестьян»...

Суть же дела заключалась в том, что Ленин и его сателлиты подготавливали ко времени открытия Учредительного Собрания новый съезд советов, в котором участвовали бы только большевики и левые эсеры.

Вместе с этим большевицкие лидеры начали подготавливать наиболее безболезненный для них роспуск Учредительного Собрания.

Для того чтобы внести полное расстройство в самый механизм сбора Учредительного Собрания, Ленинское правительство арестовало 9 декабря членов «Всероссийской комиссии», руководившей выборами в Учредительное Собрание. В тот же день оно арестовало и трех видных представителей конституционно-демократической партии (кадетов), избранных членами Учредительного Собрания: Ф. Ф. Кокошкина¹¹⁶, А. И. Шингарева и князя П. Долгорукова¹¹⁷||, а через три дня оно опубликовало декрет о том, что «члены руководящих учреждений партий кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и суду революционных трибуналов»¹¹⁸||. Декрет заканчивался словами: «Спаси страну

¹ № 193.

¹¹⁶ Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев были вскоре убиты большевиками в больнице.

¹¹⁸ Газета «Правда» от 30 ноября (13 декабря) 1917 года.

может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа».

Этот декрет представлял собою удар по самой идее «Учредительного Собрания»; вместе с этим он делал невозможным присутствие на его открытии не только депутатов-кадетов, но и вообще всех депутатов несоциалистов.

Учитывая ту нерешительность в борьбе против большевиков, которую проявила центральная часть партии эсеров с Черновым во главе, Ленинское правительство приняло меры, чтобы обезглавить правое крыло этой партии, стоявшее на более непримиримой к большевикам позиции. Оно арестовало членов Учредительного Собрания Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова¹¹⁸, А. И. Гуковского¹¹⁹ и П. А. Сорокина¹²⁰.

8 января Ленин окончательно снял маску и опубликовал свои девятнадцать тезисов об Учредительном Собрании. В этих тезисах объявлялось, что это учреждение пригодно только для «буржуазной республики», тогда как «советская республика представляет не только высшую форму демократических учреждений, но и единственную, способную обеспечить безболезненный переход к социализму». Если «национальная воля» в Учредительном Собрании отделится от воли большевиков, Учредительному Собранию угрожал разгон.

Приняв все эти подготовительные меры для разгона Учредительного Собрания, Ленин назначил его открытие на 18 января. К этому дню из числа установленных законом 808 членов Учредительного Собрания было избрано 707 человек. Среди них оказалось большевиков только 175, а поддерживавших их левых эсеров — 40. В противоположном лагере было 492 человека. Из них 388 принадлежали к социалистам и распределялись так: эсеров — 370, эсдеков меньшевиков — 16, народных социалистов — 2. Депутаты-несоциалисты были в числе 103. Из них: 17 кадетов и 86 принадлежащих к казачьим, национальным и иным группировкам¹.

Ко времени открытия Учредительного Собрания выборы не были произведены или не были окончены в Кубанско-Черноморском и Терско-Дагестанском округах, в Туркестане и в Степном крае (Западная Сибирь). Это составляло 101 неизбранный депутат. Не подлежит сомнению, что эти неизбранные депутаты, долженствовавшие представлять собою Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское и Семиреченское казачества, Западно-Сибирское крестьянство и киргизское население не могли быть настроены в пользу большевиков, а увеличили бы число депутатов несоциалистов.

¹ Партийная принадлежность одного депутата из 707 неизвестна.

18 января на открытие Учредительного Собрания, вместо 808 членов, полагавшихся по закону, пришло менее 400. Столь малое число собравшихся членов объясняется следующими причинами:

а) 101 член, как я говорил выше, не были еще избраны;

б) 106 членов, вследствие анархии, царящей на путях сообщения, не смогли прибыть в Петроград;

в) декрет Ленина, объявлявший врагами народа всех представителей несоциалистических партий, лишал возможности явиться в Учредительное Собрание депутатов-несоциалистов;

г) лишены были возможности прибыть многие из наиболее видных правых социалистов; они тоже были объявлены «врагами народа» за сопротивление, оказанное ими большевикам во время ноябрьского переворота.

Таким образом, на первом же заседании Учредительного Собрания **не было кворума**, то есть половины членов плюс один. Для Учредительного Собрания, собранного по закону 1917 года, таким кворумом явилось бы присутствие не менее 405 членов. Судя же по подсчету голосов во время избрания председателя Учредительного Собрания, число собравшихся членов равнялось 397.

Хотя открытие Учредительного Собрания и было назначено в полдень, и все наличные депутаты собрались к этому часу, фактически оно открылось лишь в четыре часа дня.

Дело в том, что когда не осталось уже никакого сомнения, что Ленин решил разогнать Учредительное Собрание, если оно не подчинится его воле, социалисты-революционеры образовали «Лигу защиты Учредительного Собрания». На собрании этой «Лиги» 3 января, в присутствии 210 представителей социалистических партий и рабочих организаций, было решено организовать в день открытия Учредительного Собрания мирную процессию к Таврическому дворцу¹. Социалисты всё еще продолжали не отдавать себе отчета в том, что сущность большевизма есть насилие, а потому для борьбы с ним тоже должна быть применена сила.

Характерно то, что сами народные массы инстинктивно понимали это. Уже цитированный мною Соколов рассказывает, что приглашение приходить на демонстрацию без оружия вызвало «бурю негодования» в небольшевицки настроенном Семеновском полку: «Что вы смеетесь, что ли, над нами, товарищи?» 18 января, когда манифестация проходила мимо казарм этого полка, из толпы солдат раздавались иронические напутствования: «Смотрите, защищайте хорошо Учредительное Собрание», «Берите в плен самого Ленина» и т. д.

¹ Учредительное Собрание должно было заседать в Таврическом дворце, там, где ранее заседала Государственная Дума.

Двинувшаяся к Таврическому дворцу процессия и другие манифестации были разогнаны выстрелами отрядов Красной гвардии и кронштадтских матросов. Большевицкие лидеры ждали исхода этих уличных столкновений. Когда выяснилось полное их подавление, один из лидеров — Свердлов, открыл Учредительное Собрание.

Крайне показательно поведение В. Чернова и его «главного штаба», который, под названием «комиссии первого дня», руководил в этот день действиями эсеров. Они тоже ждали с открытием Учредительного Собрания до исхода столкновений на улицах. Казалось бы, что, призвав народные массы для демонстраций вне стен Таврического дворца, эсеры были морально обязаны устроить такую же демонстрацию и внутри этих стен. «Самооткрытие» Учредительного Собрания и явилось бы ею. Проявив этим свою «суверенность», оно выразило бы вместе с тем и непризнание насильственного захвата Лениным государственной власти.

Робость эсеров в то время, когда на улицах Петрограда проливалась уже кровь призванных ими на свою же защиту народных масс, тождественна их поведению в отношении юнкеров, которых они призвали в дни ноябрьского переворота в Петрограде и в Москве на защиту Временного правительства Керенского. Здесь, так же как и тогда, происходило, хотя и бессознательное, но все-таки предательство.

Только в четыре часа, когда демонстрации, устроенные эсерами на улицах Петрограда, были уже разогнаны большевиками, эсеры попытались сами открыть заседание Учредительного Собрания. На трибуну вышел для этого, в качестве «старейшего» члена Учредительного Собрания, эсер С. П. Швецов.

Но эта попытка легко была сорвана большевиками. Не успел С. П. Швецов выйти на трибуну, как «сзади и рядом с ним появляется ряд фигур», — пишет один из очевидцев этого события — М. В. Вишняк¹²¹. «Секретарь ЦИК'а, будущий чекист Аванесов¹²², вырывает из рук Швецова звонок и передает его Свердлову». Последний, являвшийся председателем ЦИК'а, избранного нового большевицкого съезда Советов, который в ноябре месяце санкционировал большевицкий переворот, объявил заседание Учредительного Собрания открытым. Для того, чтобы помешать членам Учредительного Собрания протестовать против этого акта насилия, произведенного на самой председательской трибуне, Ленин, лично руководивший деятельностью большевиков, послал записку в большевицкую фракцию. «И точно по команде, — пишет тот же Вишняк¹², — поднимается Степанов-Скворцов¹²³ и предлагает пропеть

¹ Всероссийское Учредительное Собрание. Изд. «Современных Записок». Париж, 1932, с. 103.

¹² Там же, с. 104.

интернационал. Все встают. Поют. У левых и правых свои дирижеры. У эсеров — находящийся впереди Чернов, время от времени оборачивающийся лицом к депутатам и широкой жестикуляцией силящийся их вдохновить и увлечь...»

Эсеры, лишенные руководства более культурных из своих лидеров, возглавляемые Черновым, попались в расставленную им Лениным ловушку. Вместо бурного и непримиримого протеста против нарушения основных принципов демократии, Чернов и руководимые им эсеры состязались с большевиками в пении интернационала. Эта унижительная картина знаменовала собой моральный провал Учредительного Собрания.

В самом деле, насилие, произведенное на председательской трибуне при открытии Учредительного Собрания, затрагивало не только достоинство этого учреждения. Ленин сразу противопоставил идее «вся власть Учредительному Собранию» идею «вся власть Советам». Отсутствие немедленного же и непримиримого протеста со стороны членов Учредительного Собрания было равнозначно отказу от «суверенности» Учредительного Собрания.

Было и еще одно обстоятельство, требовавшее непримиримого протеста против большевицкой власти. Как я говорил выше, Ленинское правительство объявило целую категорию членов Учредительного Собрания «врагами народа». Такой мерой оно натравливало на них криминальные элементы, изобилующие в рядах большевиков, и этим оно фактически лишало их возможности участвовать в открытии Учредительного Собрания. Что этим членам действительно грозила не только опасность, но даже и смерть, свидетельствует трагическая участь, которая постигла в ту же ночь (18 января) двух из членов Учредительного Собрания — Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева, которые находились в руках правительства Ленина.

Самый факт нахождения под арестом в минуту открытия Учредительного Собрания трех его членов — Ф. Ф. Кокошкина, А. И. Шингарева и кн. П. Долгорукова, в основе нарушал «свободу» волеизъявления народа, без которой Учредительное Собрание теряло всякий моральный смысл. То, что ко дню открытия Учредительного Собрания большевики выпустили из тюрьмы арестованных ими членов его из партии эсеров: Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова, А. И. Гуковского и П. А. Сорокина, несколько не могло оправдывать насилия над более правыми депутатами. Основной принцип демократии — «равенство» делал одноценными между собою всех членов Учредительного Собрания. Выпуская из тюрьмы правых эсеров, Ленин ставил новую ловушку перед Черновым и его «главным штабом». Он рассчитывал, что присущая этим эсерам партийная узость мышления не позволит им сразу же поставить вопрос о существовании Учредительного Собрания только

потому, что в тюрьме сидят представители буржуазии. Между тем отсутствие такого протеста со стороны эсеров должно было всенародно продемонстрировать то, что все громкие фразы о демократии, которые так обильно звучали в речах и пестрели в статьях эсеров, являются только словами; что эсеры, кичливо считающие себя единственными истинными носителями идей демократии, являются демократами лишь постольку, поскольку это выгодно для их партии.

Опять «комиссия первого дня» попала в ловушку, расставленную ей Лениным. Не протестуя против насилия, учиненного над членами Учредительного Собрания, она торопилась скорее избрать Председателя. Таковым и был выбран Чернов 244 голосами против 151. Конкурировала с ним лидер левых эсеров — М. Спиридонова¹²⁴, проводимая большевиками и получившая 153 голоса против 244 «черняков»¹.

Дальше последовала речь избранного председателя Чернова. Даже такой пристрастный в пользу своих однопартийцев свидетель, как М. Вишняк, избранный в секретари Учредительного Собрания, упоминая о речи Чернова, вынужден признать, что «она была выдержана в интернационалистических и социалистических тонах, порою не чуждых» демагогии. Точно оратор искал общего языка с большевиками, в чем-то хотел их заверить или переубедить... **Это было не то...**¹¹.

Другой эсер, тоже свидетель происходившего — О. С. Минор, рассказывая о впечатлении, произведенном речью Чернова на его единомышленников, говорит¹¹: «Речь Чернова многих и многих не удовлетворила теми уклонами, которые как бы давали исход некоторой левизне, некоторыми уступками в сторону большевиков. В самом деле, программная речь В. М. Чернова была построена как бы нарочно для того, чтобы создать какую-нибудь возможность совместной с большевиками законодательной работы».

Я нарочно привел самые мягкие отзывы о речи Чернова, принадлежащие перу его однопартийцев. Если же взять отзывы свидетелей, видевших происходящие события не в партийных шорах социалистов-революционеров, то все они могут быть резюмированы в следующих словах: Чернов унижительно заискивал у большевиков, пытаясь показать им свою «революционную» благонадежность.

Ценою несовместимого с достоинством такого высокого учреждения, как Учредительное Собрание, поведения Чернов и его «главный штаб» хотели купить у большевиков продолжение жизни этого

¹ Всероссийское Учредительное Собрание. Изд. «Современных Записок». Париж, 1932, с. 107.

¹¹ Вишняк М. Всероссийское Учредительное Собрание, с. 108.

¹¹¹ Сборник статей разных авторов. Москва, изд. «Верфь», 1918, с. 128.

собрания. Часы продленной такою ценою жизни они хотели использовать для того, чтобы объявить от имени Учредительного Собрания закон о социализации земли. Они упустили только из виду главное: спасая «жизнь» Учредительного Собрания, они губили его «душу».

Морально, после речи Чернова Учредительное Собрание 1917 года умерло. Юридически же, за отсутствием законного кворума, оно не родилось. Когда же Ленин приказал фракции большевиков и левых эсеров уйти, заседание Учредительного Собрания превратилось в заседание партии социалистов-революционеров. Среди всеобщего бедлама, остававшиеся с Черновым 250 социалистов-революционеров наскоро, минуя формальности, пропускали заготовленные в партийных сферах эсеровской фракции «постановление о государственном устройстве России» и «Закон о земле». Из последнего успели пропустить лишь первые десять статей, когда произошел следующий инцидент.

В 4 часа 40 минут утра на трибуну председателя поднялся караульный матрос Железняков¹²⁵. «Он хлопнул Чернова по плечу, — рассказывает свидетель этого инцидента¹, — и, зевая, сказал, что уже поздно, пора спать, и потому время расходиться. Такое обращение смутило Чернова, который, памятуя опыты истории, стал бормотать о насилии и о правах Учредительного Собрания. Но зевающий матрос Железняков хотел спать, ему некогда было слушать разговоры, и он приказал закрыть заседание, угрожая — в случае неповиновения — вооруженной силой. И еще раз Чернов пробормотал что-то, уже неслышное, — и, как испуганное палкой пастуха стадо, Учредительное Собрание быстро разошлось и попряталось, спасаясь от арестов.

Так, бессильное и одинокое, Учредительное Собрание, члены которого столь часто говорили о долге и о жертве, перестало существовать. И оно не нашло в себе мужества сопротивления и силы героизма, оно трусливо разбежалось, спасая себя, и вместе с Учредительным Собранием в вечность уходила еще одна страница русской революции — печальная страница слабости людей. Потом, через несколько месяцев, мы видели отдельных членов Учредительного Собрания, делавших разное и рассказывающих печатно и устно о насилии, что произвели большевики над народным представительством. Но никогда не говорили они, как позорно-трусливо разбежались при первом окрике вихрастого мальчугана-матроса...»

Так недостойно закончилось недостойно начатое первое и единственное заседание Учредительного Собрания. К крови, пролитой за Учредительное Собрание за его стенами, не прибавилось ни одной капли, пролитой внутри этих последних.

¹ *Петр Рысс*. Русский опыт. Париж: Север, 1921, с. 214—216.

Разгоняя Учредительное Собрание, большевики решительно отбрасывали социалистов-революционеров с пути дальнейшего развития Русской революции. Теперь положение этой партии, главенствовавшей после Мартовского переворота, становилось очень трудным. Само принятое ими наименование не просто социалистов, а социалистов-«революционеров» как бы намечало их стремление всегда плыть по течению революции. Между тем бурный поток последней, сломав сдерживающие плотины, потек в условиях реальностей русской жизни совсем не по тому руслу, по которому ожидали социалисты-революционеры. И на этом неожиданном ими пути они были обогнаны соперниками, оказавшимися гораздо более «революционно» последовательными в своих поступках — это были большевики. Что оставалось теперь делать социалистам-революционерам? Из лагеря революции они были вытолкнуты большевиками. Среднего положения в вспыхнувшей борьбе быть не могло. Вся политика Керенского, а также само поведение социалистов в ноябрьские дни служило ярким предупреждением. Им оставалось только идти в лагерь контрреволюции, выкинув на своих знаменах лозунг «Восстановление верховной власти Учредительного Собрания».

Но в контрреволюционном лагере они не могли встретить тепло-го приема. В этом лагере доминирующее положение уже занято было офицерством. Восемь месяцев революции воспитали в последнем отношения далеко не благожелательные для социалистов. Как всякая масса, так и офицерская тяготела к упрощенному пониманию явлений и связанному с таковым приписыванию всех зол отдельным лицам или партиям. Такие виновные и были найдены — это были социалисты-революционеры. На их плечи и взваливались все беды, в том числе и такие, в которых они не были повинны. Изложенное в предыдущих главах показывает, что созданию подобной психологии значительно содействовал узкопартийный и нетерпимый дух самих социалистов-революционеров, не смогших, став главенствующей партией, стать на широкую государственную точку зрения. Легкомыслие, с которым социалисты-революционеры пользовались в ноябрьские дни для восстановления власти Временного правительства кровью юнкерской молодежи, могло только усилить то недоверие к социалистам, которым уже было проникнуто офицерство. Недоверие это доходило в своих крайних формах до подозрения в сознательном предательстве.

При таких психических условиях и лозунг о восстановлении Верховной власти Учредительного Собрания, приносимый с собою в контрреволюционный лагерь лидерами социалистов-революционеров, терял в этом лагере действительное значение. «Учредительное Собрание» оказывалось слишком тесно связанным с партией социалистов-революционеров. Это наносило существеннейший ущерб самой идее

«Учредительного Собрания», так как теперь борьба за Учредительное Собрание была равнозначна борьбе за восстановление власти социалистов-революционеров. Подобные перспективы не могли увлечь за собою главную массу офицерства.

К враждебному отношению к социалистам теперь прибавилась еще существеннейшая данная. Легкость, с которой прошел разгон Учредительного Собрания, и безразличное отношение к этому разгону народных масс наглядно показывали, что время засилья социалистов-революционеров прошло. Становилось ясным, что народные массы, а именно крестьянские, шли за ними только временно, пока они предполагали, что через них легче всего добиться захвата земли. Теперь же, когда захват этот произошел и большевиками сразу же был узаконен, социалисты-революционеры были крестьянским массам больше не нужны.

При создавшейся новой социально-психической обстановке идея «Учредительного Собрания» могла объединить разнородные силы, собиравшиеся в контрреволюционном лагере, только при одном условии: если социалисты-революционеры пришли бы в этот лагерь с отказом от претензий на главенство. А этого-то не было; полученное ими большинство при выборах в Учредительное Собрание еще более утвердило их в убеждении, что они являются единственными выразителями народной воли. Их самоуверенная нетерпимость могла только еще более усилить сомнения, зародившиеся после разгона Учредительного Собрания не только в кругах офицеров, но и в среде либеральной интеллигенции — сомнения в том, является ли возможным при малокультурности русских народных масс выявить подлинную народную волю при посредстве столь сложной системы выборов, каковая была установлена Временным правительством. В основе этой «пропорциональной» системы должно было лежать широкое сознательное участие народных масс в политической жизни. Без этого народные массы легко становились игрушкой в руках небольшого числа более энергичных политиков. Равнодушие, с которым народные массы встретили разгон своих избранников в Учредительном Собрании, подтверждало также и это.

Большевизм и крестьянство

Обособленность крестьян в особое сословие, оторванность от интеллигенции придали революционному процессу, происходящему в крестьянской среде, характер как бы обособленной аграрной революции.

До осени 1917 года аграрная революция представляла собою только подымающуюся волну. Происходил захват помещичьей земли. С 1 марта по 1 ноября 1917 года было зарегистрировано 5660 аграрных конф-

диктов¹. И все-таки, как мы указывали выше, аграрное движение в этот период не носило того разрушительного характера, который оно сразу же приняло во время аграрных беспорядков 1905–1906 гг. Несомненно, что среди крестьянства существовала тенденция избегать разгромов и поджогов помещичьих имений. Крестьянство верит во Временное правительство и ждет его решения о передаче ему этих имений. Но с падением авторитета Временного правительства, в сентябре месяце начались погромы. В октябре же месяце революционный пожар пылал уже повсюду в 22 губерниях. Это была «настоящая крестьянская война», которая и послужила одним из главных аргументов, толкнувших осенью 1917 года Ленина к захвату власти. «Обязательность немедленного восстания рабочего класса он доказывал тем, что в этот момент, и ни в какой другой, рабочие смогут осуществить свою пролетарскую революцию»^{II}.

Гениальный русский химик Д. И. Менделеев в своей замечательной книге «К познанию России»^{III}, построенной на изучении данных Всероссийской переписи 1897 года, пришел к следующему выводу:

«Огромное большинство русского населения по обеспеченности землей находится в таком же положении, в каком 300–400 лет тому назад находилось большинство стран Западной Европы. Это положение вызвало там такие исторические события, как религиозные войны, бунты, революции, Наполеона и т. д., и такой напор к переселению, что Америка и берега Африки быстро стали наполняться европейскими выходцами».

Книга Менделеева вышла в 1907 году, то есть сейчас же после нашей революции 1905 года, и он полагал, что эта последняя объясняется прежде всего сильной сгущенностью земледельческого населения Европейской России, ибо «пример древней Азии и Западной Европы показывает, что нужда в переселениях и в других коренных переменах становится настоятельной, когда на жителя приходится земли мало, а именно меньше 4-х десятин (4,3 га) всей земли на душу всего населения».

Приводя эту выдержку из книги Менделеева, мы вовсе не хотим утверждать, подобно демографической школе социологии, что демографический элемент является единственным фактором, определяющим течение социальной жизни. Но в интересующем нас случае этот элемент получал исключительное значение. Главная масса русского крестьянства не только страдала от малоземелья, но буквально испытывала острый земельный голод.

^I *Maslov Sergej. Agrarni Revoluce v Rusku. Praha, 1928, p. 41.*

^{II} См. предисловие А. Яковлева к кн. «Крестьянское движение в 1917 г.».

^{III} Издание А. С. Суворина, С.-Петербург, 1907, с. 25–26.

Земельный голод в России, представлявшей собою, как любят выражаться, «океан» земли, — звучит каким-то парадоксом. А между тем в 1917 году малоземельность главной массы русского крестьянства была несравненно большей, чем даже предполагал Менделеев.

Три причины обуславливали это малоземелье.

Во-первых, более половины России представляло собою территорию, негодную для земледелия^I.

Во-вторых, чрезвычайная неравномерность заселения России. $\frac{2}{3}$ всего населения было сосредоточено на треугольной площади Петроград—Челябинск—Ростов^{II}, которая представляла собою $\frac{1}{9}$ часть всей территории России. Если же взять еще меньший треугольник: Псков—Симбирск—Одесса^{III}, составлявший только $\frac{1}{16}$ часть территории, то здесь жила $\frac{1}{2}$ всего населения России.

В этих двух районах обеспеченность крестьян землею исчислялась в 1897 году^{IV}:

для района А — менее 1,5 гектара,

для района Б — 2,5—3 гектара.

В-третьих, большой прирост населения приводил к тому, что к осени 1917 года только что указанные цифры уменьшились.

В районе А — 1,25 гектара.

В районе Б — $2\frac{1}{2}$ гектара.

Для того чтобы оценить значение этих цифр, мы приведем для сравнения данные, касающиеся наиболее населенных европейских стран.

На одну душу населения, живущего от сельского хозяйства, приходилось^V:

Великобритания (1896 г.).....	2,82	гектара
Дания (1901 г.).....	2,70	“
Германия (1907 г.).....	1,95	“
Франция (1892 г.).....	1,83	“
Чехословакия (1920 г.).....	1,40	“
Бельгия (1902 г.).....	1,31	“

^I См. схему № 2; на этой схеме Россия взята в границах СССР, ибо эта территория весьма близко соответствует территории России в 1917 г. без областей, занятых врагом, и без Эстляндии и Финляндии.

^{II} На схеме район А + Б.

^{III} На схеме район А.

^{IV} Семенов Д. П. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Евр. России. Петербург, изд. Типографии Министерства Внутр. Дел, 1904, с. 16, 17.

^V Maslov Sergej. Agrarni Revoluce v Rusku, p. 15.

Говоря о земельной тесноте главной массы русского крестьянства, нужно принять во внимание одно существеннейшее обстоятельство: «земельная теснота» зависит не только от величины имеющейся в распоряжении земледельца площади земли, но также и от принятой системы хозяйства. Производственное значение гектара земли при интенсивном земледелии в 3—4 раза больше, чем при примитивном трехпольном хозяйстве, применяемом русским крестьянством.

Приняв во внимание это, мы с полным научным правом можем утверждать, что главная масса русского крестьянства испытывала **острый земельный голод**.

В «Красном Архиве» (том XIV) воспроизведена картограмма Главного Земельного комитета, дающая наглядное представление о том, как шло аграрное движение в различных губерниях Европейской России с 1 марта до 15 августа. Из нее мы можем убедиться, что наибольшего напряжения аграрная революция достигла в районе «А».

Закрепощение крестьян на века задержало процесс колонизации территорий, вошедших впоследствии в состав Российской империи. Оно отразилось и на самой психике русского крестьянства, предопределив собою те формы, в которые вылилась его жажда земли. Только с 1861 года русский крестьянин перестал быть сам **собственностью** и за полвека не смог в своей массе осознать идею **собственности**. «Мы Ваши», говорили крестьяне помещикам во время крепостной неволи, «а земля наша». Теперь она стала «Божия», «Царская» или «ничья» потому, что когда ее было мало — это было самое простое решение. Как бы политически ни относиться к праву собственности, один факт должен быть признан: степень освоения права собственности прямо пропорциональна развитию индивидуального начала в обществе. Крепостное состояние крестьян не могло содействовать развитию в них индивидуального начала, их естественно тянуло к эгалитарному (уравнительному) и общинному пользованию землей. Этим и объясняется та живучесть, которую обнаружила общинная форма владения землей даже после освобождения крестьян.

Наша социалистическая интеллигенция подвела под примитивное, недоразвившееся мировоззрение крестьянства идеологическую базу. В этом и заключалась громадная роль, которую сыграла в последние полвека для крестьянства партия социалистов-революционеров. Ее представители создали целую политическую программу, основной идеей которой была социализация земли. Сущность этой программы может быть сведена к следующим пяти пунктам: 1) упразднение частной и всякой иной собственности на землю, которая должна быть объявлена «общенародным достоянием»; 2) признание за каждым гражданином равного права на пользование землей; 3) проведение равномерного на

пространстве всей России распределения земли между хозяйствующими над нею; 4) признание исключительно трудового пользования землей; 5) полное самоуправление хозяйствующего на земле населения в сфере его земельных отношений и тщательное устранение органов исполнительной власти от вмешательства в эти отношения...

Эта программа сделалась предметом самой настойчивой пропаганды. В царское время эта пропаганда велась тайно, через так называемый «третий элемент», то есть сельских учителей, землемеров, агрономов, статистиков, — служащих в земствах и, как правило, крайне радикально настроенных. Крестьянин внимательно прислушивался к этой пропаганде. Но его примитивный, а следовательно, прежде всего практический ум видел в ней только одно: право на безвозмездный захват земли у помещиков. Мы не будем занимать читателя рассмотрением исторических и социальных причин, обусловивших прочное внедрение этой идеи в подсознание крестьянина, идеи, оформленной на его собственном жаргоне словами «черный передел». На призыв «черного передела» он подымался с Пугачевым еще в XVIII веке; «черный передел» являлся лозунгом и всех многочисленных крестьянских волнений в последующих столетиях... Когда же, начиная с марта 1917 года, русская деревня была наводнена миллионами брошюр, журнальных и газетных статей, речей на сельских сходах, исходящих из лагеря социалистов-революционеров, то эта пропаганда, в обстановке напряженного психоза, в котором находилось население России с начала революции, могла только разжечь его жажду к немедленному же захвату помещичьих имений, а также земель удельных, монастырских, церковных и казенных. Воздействие этой пропаганды ослепляло крестьянское, и без того недоразвитое, понимание государственных интересов и парализовало проповедь Временного правительства о необходимости предоставить решение аграрного вопроса Учредительному Собранию. Опять нужно подчеркнуть, что крестьянин стремился только к одному: к «черному переделу». В этом и заключалось огромное психологическое различие между настроениями крестьянства и партийных социалистов-революционеров. Последние думали, что они истинные вожди крестьянства, в то время как крестьянство смотрело на них лишь как на нужных ему в данную минуту попутчиков. Здесь, несомненно, сказывалась та духовная оторванность русской интеллигенции от русских народных масс, на которую нам приходилось уже многократно указывать. То, что масса русского крестьянства видела в социалистах-революционерах лишь нужных попутчиков, объясняет поразивший многих современников факт: дав свои голоса социалистам-революционерам для образования большинства в Учредительном Собрании, крестьянская масса никак не реагировала на разгон большевиками этого Собрания. Социалисты-

революционеры не были больше нужны крестьянству, так как первым декретом Ленина был санкционирован захват крестьянами всех частновладельческих земель. Зимний дворец был взят большевиками около 11 часов вечера 7 ноября. В 2 же часа ночи на 8 ноября, то есть через три часа, декрет Ленина о земле был уже издан.

«Его трудно назвать законом, — пишет в своем интересном исследовании русской аграрной революции С. Маслов¹, — так он был краток, так неточен, так полно отдавал аграрный строй на волю гулявших тогда социальных волн». Но суть дела для Ленина была не в законе, устанавливающем какой бы то ни было порядок; суть дела была в том, что Ленин хотел привлечь на свою сторону крестьян или, по крайней мере, временно их нейтрализовать. Этому своему назначению декрет от 2-х часов ночи на 8 ноября отвечал вполне: он просто передавал в руки крестьян все помещичьи имения, а также все земли удельные, монастырские, церковные со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями.

Чрезвычайно интересно, как Ленин через несколько дней объяснил этот свой первоначальный декрет на собравшемся как раз во время переворота новом съезде Советов: «Как демократическое правительство, — говорил он^{II}, — мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проведя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами, и если они даже этой партии дадут в Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем, пусть так. Жизнь лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца и мы с другого будем решать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам».

Так говорил Ленин, когда он еще не решил разгонять Учредительное Собрание.

Через месяц после разгона последнего, 19 февраля 1918 г., в годовщину освобождения Императором Александром крестьян, Ленин издает «основной закон о социализации земли». Этот закон являлся не чем иным, как осуществлением аграрной программы социалистов-революционеров, а следовательно, ничем не отличался от того декрета, который социалисты-революционеры пытались провести 18 января

^I Maslov Sergej. Agrarni Revoluce v Rusku, p. 41.

^{II} Цитировано в книге М. Вишняка «Всероссийское Учредительное Собрание», с. 87, 88.

на единственном заседании Учредительного Собрания. Ленин не собирався всерьез проводить в жизнь аграрную пропаганду социалистов-революционеров. Ему только нужно было выбить социалистов-революционеров с занятой ими позиции в крестьянской среде. Он не задавался вопросом, нравится ли эта программа по существу крестьянским массам; он знал только одно: крестьяне привыкли ее слышать. «Украв.ее» от социалистов-революционеров, Ленин действительно выбивал их из седла.

Наше утверждение, что социалистическая идеология была чужда русскому крестьянству, подтверждается той ревностью, с которой он относился к своему владению усадьбой землей, представлявшей собою даже в «общине» его собственность. Так же точно доказательством тяготения русского крестьянина к собственности может явиться успех, с которым начала осуществляться так называемая Столыпинская реформа.

Эта реформа имела целью создать среди крестьян класс собственников. Наша радикальная интеллигенция в силу различных причин отнеслась к Столыпинской реформе отрицательно. Но в настоящем труде нас интересует не это, а то, какой отзвук нашла эта реформа среди самих крестьян.

Цифры дают красноречивый ответ. За десять лет, в течение которых действовало Столыпинское законодательство (1907—1916 гг.), из 10 400 000 крестьянских дворов, живших в общине, добровольно ушло, переводя земли в частную собственность, 2 465 000, то есть 24 %. Вместе с прежними подворниками новые собственники составили около 44 % всех крестьянских дворов. «Можно думать с большой вероятностью, — пишет С. Маслов¹, — что без мировой войны и революции, противообщинное законодательство привело бы к полной ликвидации русской общины». «Предельно уравнилельное мировоззрение крестьян, — пишет тот же автор в другом месте, — разлагалось, заменяясь частнособственническим».

Это обстоятельство предопределяло социально-психическое расслоение крестьян на три течения. На правом фланге — крестьяне-собственники с прочно сложившейся частновладельческой психологией; большевики окрестили их «кулаками». В середине находилась главная масса крестьян, по большевицкой терминологии — «середняки». К этой массе принадлежало большинство и из только что выделившихся на подворное владение крестьян. Вышли они из общины в силу инстинктивного тяготения к собственности, но их «собственническое» мировоззрение еще не устоялось. С другой стороны, к этой средней массе принадлежит и большая часть крестьян-общинников, в которых,

¹ *Maslov Sergej. Agrarni Revoluce v Rusku*, p. 27.

согласно определению большевистских лидеров, «мелкобуржуазный уклон» был несомненным. Именно эта часть крестьянства привыкла видеть в социалистах-революционерах своих практических лидеров. Поэтому большевики склонны приписывать ей эсеровские настроения.

Наконец, на левом фланге крестьянской массы находилась крестьянская беднота, безземельные или малоземельные крестьяне. Их нищенское положение создает из них крайний революционный элемент. Они настроены не только против помещиков, но и против более богатых крестьян. От всякого передела земли они могут только выигрывать. Поэтому в них особенно сильно стремление к уравнительному и коллективному пользованию землей.

Указанное нами подразделение крестьян на три слоя будет иметь большое значение в дальнейшем развитии контрреволюционного движения. Из среды крестьян-собственников выйдут идейные борцы против большевиков. Наиболее многочисленная масса «середняков» будет колебаться в зависимости от того, насколько она будет верить тому, что захваченная ими земля будет им оставлена, деревенская же беднота всегда будет сочувствовать большевикам.

В зависимости от преобладания в определенном районе того или другого слоя крестьянства, предопределяется трудность или легкость возникновения в этом районе контрреволюционных настроений.

Понятно, что в районе «А», где крестьянство испытывало наиболее острый «земельный голод», психика «деревенской бедноты» должна была господствовать.

Однако, несмотря на одинаковую земельную тесноту, напряжение аграрной революции на территории Украины было меньшим, чем в Великорусских губерниях района «А». В этом легко убедиться, взглянув опять на упомянутую выше картограмму, напечатанную в XIV томе «Красного Архива». Причина этого явления лежит в том, что в бывших Малороссийских губерниях «общинное» владение землей не получило того же развития, как в Великороссии. В то время, как до Столыпинской реформы в Великорусских губерниях 80 % крестьянских земель находилось в общинном владении, в правобережной Украине (к западу от р. Днепра) те же 80 % находились в подворном владении¹. В Левобережной же Украине отсутствие переделов придавало общинному владению чисто формальный характер.

Это обстоятельство привело к тому, что «собственнические» настроения среди крестьянства окажутся на Украине более прочно утвердив-

¹ Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России. Сост. Д. П. Семенов. Изд. Мин. Внутр. дел; Петербург, 1904.

шимися. И действительно, впоследствии, когда украинское крестьянство отойдет от угара аграрной революции и начнет различать подлинное лицо большевизма, оно подымет ряд крестьянских восстаний.

Возвращаясь к вопросу об аграрной перенаселенности, мы должны констатировать факт, что в районе, обозначенном литерой «Б», объективные условия для возникновения контрбольшевицких выступлений были более благоприятными, нежели в районе «А». Эти условия улучшаются по мере приближения к полосе «В»¹, которая в отношении аграрной заселенности была наиболее благополучной. Эта полоса, начинающаяся на западе Донской областью, захватывает Северное Предкавказье, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Киргизские степи и затем длинную лентой тянется вдоль Сибирской магистрали и Амурской железной дороги. В этой полосе расположены были все наши казачества; здесь же жило сибирское крестьянство. В этой полосе и образовались все главные очаги областных контрреволюций.

Делая эти широкие обобщения, я должен, однако, указать, что при детальном рассмотрении создавшаяся обстановка окажется сильно осложненной другими данными.

В казачьих областях Европейской России возникнет борьба между казаками и вселившимися в их области крестьянами, так называемыми «иностранцами». В Сибири позже иммигрировавшие крестьяне — «новоселы», будут зариться на земли обжившихся и занявших лучшие земли крестьян — «староселов»... Одним словом, русское крестьянство не представляло собою нечто монолитно целое, а было «многоликим».

Эта «многоликость» обуславливалась еще различной степенью воздействия в историческом прошлом так называемого «крепостного права», которое разными категориями крестьян ощущалось различно. Наиболее резко крепостное право угнетало крестьян в части Великороссии, лежащей к югу и западу от р. Волги, а также в правобережной (к западу от р. Днепра) Украине; здесь большинство крестьян было «частновладельческими» и «крепостное право» действительно носило характер рабства. Вследствие этого аграрные волнения в этих районах часто приобретали характер «бунта рабов», что сильно облегчало воздействие большевицкой пропаганды. Нужно, впрочем, отметить, что в Поволжских губерниях (Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская) осуществление крепостного права смягчалось применением «оброка»¹¹;

¹ См. схему № 2.

¹¹ «Оброк» был уплатой крепостным определенной суммы помещику. Этим самым крепостной освобождался от принудительной работы на своего хозяина. Очень многие из оброчных крестьян жили в городах, занимаясь ремеслами и торговлей.

этот факт нашел свое отражение на психике крестьянства: число крестьянских погромов тут меньше, чем в центральной Великороссии.

По мере удаления от Москвы на север, восток и юг число помещичьих (частновладельческих) крестьян уменьшается. В Архангельской губернии их совсем нет, в Вятской — менее 3 %, а в Олонецкой — 4 %, в Астраханской — 5 %, в Таврической — 8 %; в губерниях, лежащих к востоку от Волги (Самарской, Оренбургской, Уфимской, Казанской) — менее 15 %¹. В этих губерниях крестьяне были «государственными» или «удельными», то есть принадлежали не «помещику», а государству или прямо Государю. Жизнь этих крестьян, в особенности «государственных», не носила столь резко выраженного рабского характера, как жизнь помещичьих (частновладельческих) крестьян; в результате, север и юг Европейской России, а также Поволжье окажутся неблагонадежными в большевицком отношении.

Ко всему сказанному выше о крестьянстве надо добавить, что крестьяне Украины, Поволжья и Сибири сохраняли большее стремление к независимости, нежели крестьяне центра России, в силу исторической наследственности.

Из центра России в течение веков уходило наиболее энергичное население, сначала убегая к югу от основных Московских земель, в так называемое Дикое Поле¹¹, а затем на восток — за Волгу. Напомним, что все крупнейшие крестьянские восстания, например Стеньки Разина (в XVII веке) и Пугачева (в XVIII веке), происходили как раз в Поволжье. Правда, здесь в ближайшем соседстве находилось особое стимулирующее начало в виде казачьей вольницы, представлявшей собою тех же крестьян, но еще более энергичных и окончательно ушедших из подъяремного положения.

Вот та чрезвычайно сложная картина, которую представляло собою наше крестьянство. Однако, несмотря на всё его многообразие, в ноябре месяце 1917 года оно было во власти одной и той же идеи: немедленно захватить помещичьи имения и прочие земли, не находящиеся в крес-

¹ Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Евр. России. Сост. Д. П. Семенов. Изд. Мин. Вн. дел. Петербург, 1904, с. 10, 11.

¹¹ Диким Полем называлось в XV–XVI вв. непокоренное Московским государством пространство к югу от р. Оки и до Крыма. В степях Дикого Поля «казаковали» как русские люди, бежавшие от власти Московских царей, так и татары, жившие на Волге. При Иване IV Грозном большая часть Дикого Поля была присоединена к Москве. Казачество, не захотевшее подчиниться государственной власти, ушло к югу, на низовья рек Дона и Донца, и на восток — за Волгу. — Проф. С. Ф. Платонов. Учебник Русской истории для средней школы. С.-Петербург, 1913, с. 166–167.

стьянских руках. В этом устремлении объединились в одно целое богатый крестьянин, середняк и бедняк. Лозунг Ленина «Грабь награбленное» разнуздывал деревенскую чернь, подтолкнувшую находившиеся уже во власти психоза деревенские толпы на революционные выступления в их крайних формах. Аграрная революция загорелась ярким пламенем.

Завоевание большевиками страны

Таким образом, осенью 1917 года всё крестьянство было отвлечено захватом земли и имущества не крестьянских поместий. Действующая армия, с объявлением Лениным прекращения войны, расходилась по домам и при этом расходилась быстро, ибо солдаты торопились, чтобы не опоздать на дележку земель.

Оба эти обстоятельства очень облегчали большевикам, захватившим власть в обеих столицах и в Ставке, распространить свое владычество над всей страной. В главных городах в распоряжении большевиков имелись развращенные ими запасные войска. Во всех этих городах можно было наблюдать ту же самую картину: по получении известия о падении Временного правительства в городе образовывалась общественная власть с социалистами-революционерами во главе, которая выставляла своим лозунгом ожидание решения Учредительного Собрания. Тогда большевики подымали гарнизон. Социалисты-революционеры призывали на поддержку население; на этот призыв откликалась лишь юнкерская молодежь и отдельные офицеры. После краткой борьбы, иногда жестокого артиллерийского обстрела, общественная власть сдавалась; большевики первым делом уничтожали офицерство и юнкерскую молодежь. После этого в городе начинались повальные обыски, грабежи, насилия и истребление буржуазии.

Однако старая Армия, даже в обольшевиченных запасных своих частях, все-таки оставалась ближе по своим настроениям к крестьянству, чем к большевикам. Солдаты старой Армии были куплены большевиками лишь обещанием прекращения войны; когда же последнее было достигнуто, солдат опять должно было потянуть к лидерам из социалистов-революционеров в силу уже образовавшейся привычки, а также потому, что в среде этих лидеров они видели больше уважения национально-государственных начал, чем у большевиков, эти начала отрицавших и заменявших их идеей интернационала.

Подобная перемена настроения почувствовалась большевиками уже во время унижительных переговоров о мире, которые велись ими в Брест-Литовске. Даже левые социалисты-революционеры заколебались в своей поддержке большевиков. «В конце февраля советское правительство переехало в Москву. Произошло это не только потому, что

по ходу Брестских переговоров Петрограду могло угрожать нашествие немцев, но и потому, что настроение Петроградского гарнизона, при помощи которого большевики захватили власть, стало ненадежным...»¹

Изменившееся настроение солдат нашло некоторый отклик и в среде петроградских рабочих и кронштадтских матросов. Появляются требования об отставке советского правительства и передаче власти разогнанному Учредительному Собранию. Для того чтобы не оказаться в конце концов в плену у Петроградского гарнизона, как это случилось с Временным правительством, перемена столицы была необходимой... Репрессии против бывших героев октябрьской революции было гораздо удобнее провести из Москвы. Неокрепшая власть окружила себя там более надежной охраной — из инородцев: германских и венгерских военнопленных, латышских стрелков и китайских рабочих»¹¹.

Ленин, задавшийся целью поднять классовую войну, сразу же отдал себе отчет, что для этого требуется скорее всего сформировать соответствующую вооруженную силу. «Новая социалистическая армия не должна вести войну на внешнем фронте против неприятельской армии... она будет стоять на страже советской власти, как основа ее существования, и, вместе с тем, главнейшая задача армии будет заключаться еще в том, чтобы раздавить буржуазию»¹¹¹.

Исходя из этой точки зрения, еще в половине января большевики издали декрет об организации «рабоче-крестьянской армии» из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящегося класса». В основу формирования этой «красной армии» был положен добровольческий принцип. Идейними устоями этой новой вооруженной силы стали отряды Красной гвардии, составленные из большевицки настроенных рабочих. Центрами их образования явились фабрично-заводские районы, главным образом, Петроградский, Московский, Иваново-Вознесенский и Харьковский, а также Донецкий каменно-угольный бассейн.

Матросы, близкие по своему мировоззрению к рабочему классу, тоже представили собой морально-движущую силу этих формирований. Кроме этого, в последние влились все наиболее разраставшиеся в течение восьмимесячной революции элементы сухопутной армии, как Действующей, так и из запасных частей.

Если в среде рабочего контингента, несомненно, находился идейно преданный большевикам элемент, с пафосом откликнувшийся-

¹ Милуков. Россия на переломе, т. II, с. 140.

¹¹ Там же.

¹¹¹ Секретный протокол заседания большевицкого «Военного Совета»; цитировано у Деникина, т. II, с. 210.

ся на завоевание пролетариатом господствующего положения, то в пришедших из армии элементах господствовала другая психология, психология деклассированного солдата, ожесточившегося среди потоков пролитой на войне крови и не желавшего возвращаться к мирному труду.

Наконец, в формируемую большевиками вооруженную силу ринулся весь преступный элемент, как тот, который был выпущен из тюрем, так и тот, который образовался в горниле революционного психоза. Как я указывал в начале прошлой главы, большевики широко раскрыли двери этому элементу, надеясь, таким образом, дать сильный волевой импульс дальнейшему углублению революции.

Современная историческая большевицкая литература стремится приписать рассматриваемому нами периоду формирования красной вооруженной силы героический характер. Старательно выковываются легенды, которые должны послужить для воспитания в большевицком духе подрастающей молодежи СССР. Некоторую идеализацию первоначального красного воина можно даже найти и в знаменитом стихотворении Блока «Двенадцать». Но анализируя эту вооруженную силу совершенно объективно, нельзя не прийти к заключению, что она по своему внутреннему содержанию и внешнему облику подходила скорее к типу разбойничьих шайек, чем регулярной армии. Если во главе ее формирования оказывались энергичные люди, которым удавалось сковать их дисциплиной, то из них создавались те красные «отряды», которые циркулировали по железным дорогам и завоевывали для большевиков страну. Такими были отряды Вацетиса, Антонова-Овсеенко, Муравьева, Сиверса, Саблина, Егорова, Петрова, Знаменского и других¹.

«Завязка гражданской войны, — пишет большевицкий военный историк², характеризуя этот период большевицкой борьбы, — возникла на фоне тех местных столкновений движущих сил революции и контрреволюции, которые явились следствием октябрьского³ переворота в обеих столицах и почти во всех промышленных центрах. Территориальное размежевание сил обеих сторон, а вместе с тем и линии фронтов возникли гораздо позднее, пока же весь театр военных действий представлял лишь ряд отдельных очагов борьбы, разьединенных в пространстве. Сквозные железнодорожные магистрали явились связующими нитями между этими очагами и теми

¹ См. схему первую, приложенную в главе II, тома III «Гражданская война 1918—1921 гг.», издано большевиками в 1928 году.

² *Какурин*. Стратегический очерк гражданской войны. Гос. изд., 1926.

³ По новому стилю — ноябрьского. — *Прим. Н. Н. Г.*

направляющими руслами, по которым устремилась первая волна революционных сил из победоносных центров на помощь боровшимся за торжество революции окраинам. Ограниченное количество организованных вооруженных сил и их неприспособленность для полевых действий, в свою очередь, также влияли на их привязанность к железным дорогам. Отсюда возникло название этого периода гражданской войны — «эшелонным». Роль стратегии в период эшелонной войны по существу должна была свестись и свелась к оказанию содействия стихийным выявлению масс и к направлению их движений в желательные для нее русла. На большее рассчитывать было трудно, так как самые массы еще не были организованы в военном отношении и поэтому не могли быть восприимчивы к военному руководству, проводимому до самых низов. Основная задача красной стратегии периода эшелонной войны заключалась в расширении и закреплении завоеваний революции в пространстве. Из этой основной задачи вытекал и способ действий».

Красный террор — главный метод утверждения большевицкой власти

Вышеуказанный способ действий заключался в том, что после того, как прибывшие по железной дороге красные эшелоны покоряли под ножи большевицкой власти город, они приступали к **истреблению** всех, кто заподозривался в противодействии советской власти. Этот принцип **истребления** был сразу же возведен руководителями большевиков в основной метод ведения начатой ими гражданской войны. Латыш Лацис, ставший затем виднейшим деятелем Чека, мотивировал это решение тем, что будто бы для гражданской войны «законы не писаны». «Капиталистическая война, — писал Лацис в официальном большевицком органе, — имеет свои законы в разных конвенциях... Но подойдите к нашей гражданской войне, вы ничего подобного не увидите. Вы станете смешным, применяя или требуя применения этих законов, считавшихся когда-то священными... Вырезать всех раненых в боях против тебя: вот закон гражданской войны... В гражданской войне для противника нет судов... Бей, чтобы не быть побитым». Так говорили наверху большевицкого олимпа. Непосредственные исполнители — красные командиры, вторили этому. Представитель красных войск Сиверса — Волынский, явившись на третий день после завоевания города Ростова в местный Совет рабочих депутатов, на раздавшиеся из меньшевицкого лагеря крики «убийца», спокойно ответил: «Каких бы жертв это нам ни стоило, мы совершим свое дело, и каждый с оружием в руках восставший против советской власти не будет оставлен

в живых. Нас обвиняют в жестокости, и эти обвинения справедливы. Но обвиняющие забывают, что гражданская война — война особая. В битвах народов сражаются братья, одураченные господствующими классами; в гражданской войне идет бой между подлинными врагами. Вот почему эта война беспощадная¹.

Такой идеологией пытались прикрыть лидеры большевиков принцип **истребления** противников. Однако они забывали при этом, что хотя войны внутренние и являются более жестокими, чем войны внешние, история показывает, что проповедуемая ими крайняя бесчеловечность вовсе не является непереносимым условием ведения гражданской войны. Примером может служить хотя бы Американская гражданская война.

Выдвигаемое большевиками оправдание своей бесчеловечности в рассматриваемый нами период не выдерживает критики еще по другой причине.

Изложенное в предшествующих главах показывает, насколько в ноябре 1917 года контрреволюционные силы были дезорганизованы. Эта дезорганизация была столь велика, что сопротивление, встреченное большевиками при завоевании страны, трудно даже назвать гражданской войной. Большевики просто избивали контрреволюционно настроенные элементы, последние же лишь защищались от полного уничтожения.

Если подойти к сразу проявленной большевиками жестокости с точки зрения, изложенной мною в начале прошлой главы, а именно что большевизм является социальной болезнью, разрушающей человеческую культуру, то признание лидерами большевиков крайнего террора за основной метод утверждения своей власти явится естественным и логически последовательным. Для того чтобы оставаться вождями дикающих толп, Ленин и его сторонники должны были руководствоваться в предпринятом ими кровавом завоевании России правилами первобытных дикарей.

О настроении народных масс, наиболее ожесточенные элементы которых шли на формирование «красных отрядов», можно судить по тем страницам труда генерала Деникина^{II}, на которых он описывает, как, переодетый польским помещиком, он странствовал по России сейчас же после бегства из Быхова.

«Эти... скитания... в забитых до одури и головокружения человеческими телами вагонах, на площадках и тормозах, простаивание по много часов на узловых станциях — ввели меня в самую гущу рево-

^I «Рабочее Дело», 14 февраля 1918 года.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. II, с. 147—148.

люционного народа и солдатской толпы, — записывает генерал Деникин. — Раньше со мной говорили как с Главнокомандующим и потому по различным побуждениям не были искренни. Теперь я был просто «буржуй», которого толкали и ругали — иногда злобно, иногда так — походя, но на которого, по счастью, не обращали внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся.

Прежде всего, разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное, веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей история¹. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала за окно вагона «буржуя», разбивала череп начальника станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни: царило одно желание — захватить или уничтожить. Не подняться, а принизить до себя всё, что так или иначе выделялось. Сплошная апология невежества. Она одинаково проявлялась в словах грузчика угля, который проклинал свою тяжелую работу и корил машиниста «буржуем» за то, что тот, получая дважды больше жалованья, только ручкой вертит...

...Трудно облечь в связные формы тот сумбур мыслей, чувств и речи, которые проходили в живом калейдоскопе менявшегося населения поездов и станций. Какая беспросветная тьма! Слово рассудка ударялось как о каменную стену. Когда начинал говорить какой-либо офицер, учитель или кто-нибудь из «буржуев», к их словам заранее относились с враждебным недоверием. А тут же какой-то, по разговору, полуинтеллигент в солдатской шинели развивал невероятнейшую систему социализации земли и фабрик. Из путаной, обильно снабженной мудреными словами его речи можно было понять, что «народное добро» будет возвращено «за справедливый выкуп», понимаемый в том смысле, что казна должна выплачивать крестьянам и рабочим чуть ли не за сто прошлых лет их протори и убытки за счет буржуйского состояния и банков. Товарищ Ленин к этому уже приступил. И каждому слову его верили, даже тому, что на «Аральском море водится птица, которая несет яйца в добрый арбуз, и оттого там никогда голода не бывает, потому что одного яйца довольно на большую крестьянскую семью». По-видимому, впрочем, этот солдат особенно расположил к

¹ В оригинале у Деникина: «истерия». — *Прим. ред.*

себе слушателей кошунственным воспроизведением ектеньи «на революционный манер» и проповеди в сельской церкви:

— Братие! Оставим все наши споры и раздоры. Сольемся воедино. Возьмем топоры и вилы и, осеня себя крестным знамением, пойдем вспарывать животы буржуям. Аминь.

Толпа гоготала...»

Так было положено начало красного террора, который сразу же был применен как основной метод для завоевания страны. Так как оправдание его «особыми свойствами гражданской войны», для которой «закон не писан», не было достаточным, тем более что в рассматриваемый нами период большевики везде были нападающей стороной, их лидеры вскоре выдвинули другую, более широкую мотивировку этого террора. «Беспощадное истребление эксплуататоров», «Уничтожение паразитных классов общества», «Полное подавление буржуазии» — такие лозунги были способны влить новый импульс в преступные элементы общества, всплывшие, как пена, на поверхность будущего революционного океана.

В «Правде» (от 11 сентября 1918 года) можно прочесть статью Н. Осинского, в которой в следующих словах развивается окончательно оформившаяся теория красного террора. «От диктатуры пролетариата над буржуазией мы перешли к красному террору — системе уничтожения буржуазии как класса — так быстро, что вопрос о терроре обсуждался на митингах только неделю спустя после обсуждения вопроса о диктатуре».

В такой формулировке роль красного террора расширялась: он становился не только основным методом покорения страны и удержания власти над нею, но и одним из главных методов управления.

Применяемый в стране с малокультурными массами, не изжившими еще психологию войны и в то же время доведенными революционным возбуждением до белого каления, красный террор принял такие размеры, какие поставят его в истории мира на первое место среди явлений такого рода. Комиссия, учрежденная генералом Деникиным в его бытность Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, собрала богатейший материал по красному террору.

Эта Комиссия была составлена из опытных судебных властей и имела в своем составе представителей от союзников. Она пришла к ужасающей цифре в 1 700 000 истребленных большевиками и призванными ими к сотрудничеству преступными элементами общества. Эта цифра, с подразделением на рубрики, была напечатана в марте 1922 года в «Таймсе». Воспроизводя эти данные, историк Милюков пишет:

«Ввиду невозможности проверить основания, на которых построена эта таблица, и ввиду очевидной гипотетичности важнейших составляемых, на нее нельзя ссылаться как на документальное доказательство при суждении о терроре. Но едва ли следует считать преувеличенным ее общий итог»¹.

Другой историк — Мельгунов — считает эту таблицу «фантастической», но в то же время посвящает исследованию «Красного террора» целую книгу, изучение которой опять приводит к выводу, что общий итог погибших от большевицкого террора, сообщенный газетой «Таймс», навряд ли преувеличен.

В рассматриваемый период времени сами народные массы еще не страдали от красного террора. Как я говорил выше, эти массы были «заняты»: крестьяне — овладением и разделом земли, солдаты — уходом с фронта; поэтому они не мешают большевикам в их овладении властью над страной. Напротив того, в лице своих преступных элементов, они помогают большевикам в проведении террора над теми, которых эти последние считают своими врагами. Это участие поддонков малокультурного народа не только раздвинуло рамки террора количественно; оно придало ему характер такой жестокости и извращенного садизма, который навряд ли превзойден в каннибальских племенах самой глухой части Африки.

Освобожденные от всяких моральных норм, ближайшие исполнители теорий Ленина изощрялись в изыскании способов получить признания своих жертв всевозможными пытками. Палачи же устроили из казни своеобразный спорт опьяненных вином и кокаином людей, кончавших нередко свою карьеру в доме сумасшедших.

У каждого из этих исполнителей были свои излюбленные пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки». В Воронеже сажали пытаемых в бочки, утыканные гвоздями, и катали; выжигали на лбу пятиконечную звезду; священникам же надевали венок из колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пилили кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Полтаве, например, было посажено на кол 18 монахов и затем на колу сожжены. В Екатеринославе распинали и побивали камнями. В Одессе офицеров сжигали в топках кораблей. В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо и потом, через полчаса, откапывали. Самое пребывание в тюрьмах, переполненных выше всякой меры, грязных и полных насекомыми, среди уголовных преступников, подсаживаемых в качестве шпионов, при крайне скудной и отвратительной пище, без всяких медицинских средств, без допроса в течение месяцев и в то

¹ Россия на переломе, т. I, с. 194.

же время при постоянной опасности немедленного расстрела часто в качестве «заложника», а иногда в виде меры для «очищения» тюрьмы — самая эта обстановка была источником утонченной моральной и физической пытки¹.

Контрреволюция принимает форму антибольшевического движения

Осуществляя небывалый еще в истории кровавый террор, большевики плыли по течению разбушевавшейся революции. Вместе с этим, потворствуя разнуздавшимся поддонкам малокультурного народа, они получали возможность использовать всю их злобу для разрушения «старого», с их точки зрения, мира.

Вслед за сокрушением политического строя, на очереди стояло разрушение социального порядка, построенного на праве собственности. Углубление революции должно было вести к разрушению семьи и веками сложившегося быта. Религия объявляется Лениными «опиумом», которым усыплялись народные массы классом эксплуататоров, и поэтому тоже подлежащей уничтожению. Даже наука, основывающаяся на свободе творческой мысли, разрушалась для замены ее особой «марксистской» наукой.

Одним словом, большевики отдавали всё во власть революционной стихии. Поэтому они совершенно правы, считая, по сравнению с собой, все остальные партии контрреволюционными. В самом деле, каждая из правее их стоящих партий, даже присвоившая себе название революционной, как, например, социалисты-революционеры, не могла идти так далеко в деле разрушения существующего порядка, как большевики. Для этих партий где-то находился предел, перешагнуть который они не могли. Когда разрушительная стихия революции этот предел переходила, они, по существу дела, становились контрреволюционными, ибо их задачей становилась остановка революционного процесса с тем, чтобы приступить к созидательной работе в желаемом для них направлении.

Конечно, применяя по отношению к своим противникам термин «контрреволюционеры», большевики отнюдь не руководствуются

¹ Миллюков П. Россия на переломе, т. I, с. 193. Обширный подбор фактов можно найти в книге другого историка — С. П. Мельгунова под заглавием «Красный террор» (Берлин, 1924, 2-е изд.). Кроме того, фактический материал издан Центральным бюро партии социалистов-революционеров под заглавием «Чeka» (Берлин, 1922 г. Специально относительно духовенства см. "The Assault of Heaven, a collection of facts and documents based mainly upon official sources". Compiled by A. A. Valentinov, Berlin. 1924).

какими-либо научными целями. Они просто используют этот термин для того, чтобы внушить не только русскому народу, но и общественному мнению цивилизованного мира, что их противники преследуют «реставрационные» цели. Они пользуются прочно привившимся представлением, что контрреволюция и реставрация — синонимы.

Во введении я предупреждал читателя, что в настоящем труде я беру понятие «контрреволюция» в широконаучном, социологическом смысле, то есть в смысле одной из частей диалектически развивающегося процесса революции.

Я указывал также, что силы, входящие в состав контрреволюционного движения, чрезвычайно многообразны, имея на правом фланге реставрационные вождедения, а на левом — те революционные партии, которые признали необходимость прекратить дальнейшие разрушения, вносимые революцией. Я говорил еще, что часто идеей, объединяющей контрреволюционное движение, служила не общая политическая или социальная положительная идея, а только идея негативного характера — идея борьбы с разрушительными силами революции.

До появления у власти большевиков контрреволюционное движение не имеет четкой формы. Доказательством этому служит описанное выше Корниловское выступление. Я указывал уже, что чрезвычайно характерной чертой последнего являлось отсутствие прямых политических или социальных лозунгов, которые разъединяли бы Корнилова и Керенского. Так же как Керенский, Корнилов всей душой признавал политические завоевания революции, так же как Керенский, он был сторонником передачи земли крестьянам; так же как Керенский, он признавал суверенную власть народа, а потому совершенно искренне хотел довести страну до созыва Учредительного Собрания. Наконец, Корнилов был сторонником продолжения войны, — как известно, и Керенский разделял это убеждение.

С появлением у власти большевиков контрреволюция, хотя и во много раз более разнородная по своей внутренней структуре, чем во время выступления генерала Корнилова, отделяется резко обозначенной чертой от большевицкого фазиса революции. Ров, отделяющий обе стороны, заполнялся кровью большевицкого террора и становился всё менее и менее проходимым...

Решающая роль, которую сыграет в оформлении русской контрреволюции большевизм, и предопределяет внешний ее облик. Русское контрреволюционное движение превращается в противобольшевицкое движение. По этой причине в дальнейшем изложении я буду применять этот термин. Он очень ясно обозначает ту негативную политическую и социальную идею, которая объединяет всё последующее течение русской контрреволюции.

Максимализм большевицкой программы и кровавое насилие, применяемое новыми вождями революции для осуществления этой программы, собирают в антибольшевицком лагере самые разнородные и даже враждебные друг другу политические группировки. Наиболее ярким примером таких взаимно враждебных противобольшевицких сил могут служить, с одной стороны, социалисты-революционеры, задавшиеся целью восстановить власть того Учредительного Собрания, в котором они обладали большинством, и с другой — офицерство с выкристаллизовывающейся в его среде идеологией Белого Движения.

В противобольшевицкий лагерь по мере отрезвления вступят казачьи массы, а затем, по мере того, как будет уменьшаться напряжение аграрной революции, потянутся и крестьяне. Во главе последних пойдут крепкие и зажиточные крестьяне-собственники, в которых чувство государственности было более развито, чем в прочей темной массе. Нарастание противобольшевицких настроений в казачьих и крестьянских массах предопределил образование **очагов** восстаний. Ввиду причин, изложенных в начале настоящей главы, эти противобольшевицкие очаги возникнут в районах, представляющих собою окраины по отношению к прежней Московской Руси. В зависимости от степени «местного патриотизма», противобольшевицкое движение в каждом из этих очагов примет более или менее резко выраженный «областнический» характер. Очень часто это областное противобольшевицкое движение будет заключать в себе элементы протеста против излишней централизации, существовавшей в прежней Российской Империи. В своих крайних формах эти протесты будут доходить до сепаратистских устремлений.

Большевицкий террор, ускоривший превращение контрреволюционного движения в широкое антибольшевицкое движение, усилил также и контрреволюционные настроения среди элементов, уже находившихся в контрреволюционном лагере. Кровавое гонение большевиков спаяет русское офицерство в своего рода социально-психический коллектив, обособившийся от остальных политических, социальных и экономических группировок. Моральное сплочение и обособление русского офицерства достигнет такой напряженности, что многие исследователи Русской революции склонны видеть в этом обособлении **«классовый»** признак. Особенно любят распространяться на эту тему исследователи большевицкого лагеря, старающиеся изо всех сил втиснуть социальную жизнь в прокрустово ложе классовой борьбы. Но как много раз мне уже приходилось указывать, большевицкая наука не задается целью отыскания объективной истины, а лишь старается оправдать и утвердить ленинизм. Ленин, бывший гениальным демагогом, широко использовал возможности внедрить в малосознательные

народные массы убеждение, что «офицер есть классовый враг». Между тем, как раз в России в 1917 году офицерство менее чем в какой-либо другой стране могло почитаться представителем буржуазии. С еще меньшим правом могло оно почитаться представителем класса «помещиков». Если искать в нашем офицерстве принадлежность к какому бы то ни было классу, то несомненно, что большинство младших офицеров и юнкеров 1917 года вышло из крестьянства. Относительно же сословного признака нельзя даже серьезно говорить. В кипящем котле восьмимесячной революции остатки отживающей сословности, еще существовавшие в Царской Армии, совершенно испарились.

Затрагиваемый нами здесь вопрос представляет собой интереснейшую тему для специального социологического исследования: насколько быстро способны социально-психические условия при большом напряжении сформировать коллектив, приобретающий такую же обособленность, как класс или сословие.

Применение террора возымело по отношению к офицерству еще другой результат, кроме его сплочения. Устрашение действовало на слабых, и они отпадали; стремясь укрыться от взора большевиков, они растворялись в той среде, из которой они вышли. С другой стороны, этот террор укреплял дух сильных. Большевицкие гонения способствовали отбору в среде офицерства героического элемента.

История знает много примеров подобного морализующего влияния гонений. Наиболее ярким из таких примеров является начальный период христианства. Героический облик офицера, дерзнувшего, несмотря на почти верную гибель и угрозу нечеловеческих пыток, не выпустить из рук знамя борьбы за Россию, унижаемую и разрушаемую большевиками, как магнит начал притягивать к себе и наиболее героическую часть русского учащегося юношества.

И они — офицеры, юнкера, кадеты и учащаяся молодежь, стекались в те районы, где в населении появлялись проблески контрреволюционных настроений. Уходили из развалившихся войсковых частей, из городов, подпавших под власть большевиков. Одним удавалось прорываться легко и благополучно, другие попадали в большевицкие тюрьмы, заложниками в красные отряды... чаще же всего в могилу. Шли они сначала одиночками, потом группами. Шли они, не имея никакого представления о том, что их ожидает, шли ошупью, во тьме, через сплошное бушующее революционное море, неся в своем сердце одно только желание: спасти Россию. И подобно тому, как противохристианские гонения привели к большему укреплению веры среди тех, кто смел продолжать ее исповедовать, подобно этому большевицкие гонения обратили и без того присущее этой молодежи чувство патриотизма до форм крайнего национализма. Это приведет к прочному

господству среди героической молодежи так называемой союзнической ориентации. Картина запломбированного вагона, в котором был доставлен в Россию Германией Ленин со своей свитой, останется навсегда врезанной в их память. Денежная помощь, которую принимали большевики от Германского генерального штаба, еще теснее свяжет в их представлении обе эти действовавшие против России силы. Поэтому борьба с большевиками принимала для них **не характер гражданской войны, а являлась продолжением большой войны**. Отсюда родится в рассматриваемой нами здесь среде нетерпимость к «немецкой» ориентации, а также преувеличенная вера в союзников, которая принесет потом массу разочарования. Обостренный национализм предопределит и появление в Белом Движении лозунга «за Единую, Неделимую». Последнее сохранит за этим видом противобольшевицкого движения ярко выраженный общероссийский характер. Напряженность этого настроения приведет к нетерпимости, с которой участники этого вида противобольшевицкого движения будут относиться к проявлениям «местных патриотизмов» в тех областях России, в которых противобольшевицкое движение примет «областнический» характер.

В следующих 4-х главах я буду рассматривать оба вида противобольшевицкого движения отдельно, хотя они тесно зависели друг от друга: общероссийское противобольшевицкое движение для своего нового формирования должно было пользоваться прикрытием и территорией «областного» противобольшевицкого движения; «областные» же противобольшевицкие движения, в критические минуты своей борьбы с большевиками, нуждались в помощи элементов «общероссийского» противобольшевицкого движения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 18

Сводка данных о настроении фронта

к 6 часам вечера 7 ноября (25 октября)

Настроение войсковых организаций на фронтах и в Петрограде к 18 час. 7 ноября (25 окт.)

— Исп. комит. Румчерода^I, осведомившись о событиях в Петрограде, признал, что никакие выступления в настоящий момент недопустимы и что они наносят тяжелый удар революции и увеличивают силы контрреволюции. В обращении к войскам исп. комитет просит сохранить полное спокойствие и заявляет, что он располагает достаточными силами для ликвидации посягательств, как справа, так и слева. Общеармейский комитет при Ставке обратился к Румчероду оказал(ть) ему поддержку в обращении к армии.

— Председатель Искозюм (мюз) я^{II} решительно разделил точку зрения общеармейского комитета при Ставке в отношении недопустимости вооруженного захвата власти со стороны большевиков. В этом смысле ожидается резолюция происходящего в настоящий момент заседания Искомюза.

«Искомзап. Члены Искомзапа^{III} в разговоре с членами общеармейского комитета при Ставке выразили уверенность, что Искомзап также разделил точку зрения общеармейского комитета. Резолюция к 18 час еще не была вынесена. Во 2 армии настроение не определилось.

— Искомсев^{IV}. Члены Искомсева сообщают, что вполне определилось настроение 12 армии в смысле осуждения большевиков. Настроение 5 армии неопределенно. Есть основание предполагать, что выступление большевиков найдет там поддержку. Таковое же настроение и в тыловых организациях Северного фронта. Областной совет северной области колебался в своем решении и определенного ответа не дал.

— Петроград. Розенблат, председатель совета при Военмине сообщает членам общеармейского комитета, что выступление большевиков

^I Исполнительный комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

^{II} Исполнительный комитет Юго-Западного фронта.

^{III} Исполнительный комитет Западного фронта.

^{IV} Исполнительный комитет Северного фронта.

не нашло себе поддержки ни в совете Военмина, ни в ЦИК среди старых членов с. р. и с. д.

— По получении резолюций со всех фронтов Общеармейский комитет выпустит обращение к армии. Предполагается передать его на фронты до 24 часов.

Приложение № 19
Телеграфный разговор генерала Духонина
со штабом Северного фронта

между 10 часами в. и 1 часом н. в ночь
с 7 ноября (25 октября) на 8 ноября (26 октября)

— У аппарата Наштасев^I генерал Лукирский¹²⁶.

— У аппарата Наштаверх^{II}. — Здравствуйте, Сергей Дмитриевич. Хотел у Вас узнать, какие у Вас имеются сведения относительно положения в настоящее время войск фронта, посланных в Петроград согласно Вашей телеграмме 5845, и насколько сроки прибытия, указанные в ней, будут соблюдены(,) насколько на это можно рассчитывать.

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Главкосев^{III} узнав, что я буду говорить с Вами, приказал мне передать Вам, что он, окончив разговор с Главкозапом^{IV}, подойдет к аппарату для переговоров с Вами. Все распоряжения, посланные сегодня о направлении названных Главковерхом войсковых частей в Петроград и в копии представленных(е) мною Вам, Главкосев сегодня, в 10 ч. вечера отменил, и эти последние распоряжения я вновь представил Вам в копиях. О причине отмены я не знаю. Главкосев указал мне по телефону, что он выяснит мне такое распоряжение несколько позже. Ныне войсковые части и эти задержаны на местах посадки или возвращаются с пути. (Ко)мкор 3 конного^V прислал запрос на мое имя, сообщая, что он имеет личное приказание ввести первую Донскую в Петроград от Главковерха и поэтому недоумевает, получив последнее приказание об отдаче (отмене) такового движения. Мы сговорились с ним, что для выяснения такого вопроса он приедет сегодня час ночи в Псков и лично явится к Главкосеву. Лукирский.

— Я не понимаю, чем вызывается такая отмена, буду ждать объяснения Главкосева. А где сейчас находятся самокатные батальоны?

^I Начальник штаба Северного фронта.

^{II} Начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген. Духонин.

^{III} Главнокомандующий Северным фронтом — ген. Черемисов.

^{IV} Главнокомандующий Западным фронтом — ген. Балув.

^V Командир 3-го конного корпуса — генерал Краснов.

— По имеющимся у меня сведениям, самокатные батальоны должны были сегодня в 3 часа дня прибыть в Петроград.

— Подожду Главкосева, если Вы мне не можете объяснить отмены распоряжения.

— Иду доложить об этом Главкосеву.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Вы что-то начали сейчас говорить.

— Генерал Лукирский мне сообщил, что Вами отдано распоряжение, отменяющее отправку войск в Петроград по приказанию Главковерха, чем это вызывается.

— Это сделано с согласия Главковерха, полученного мною от него лично. Известна ли Вам обстановка в Петрограде.

— Будьте добры мне подробно сообщить обстановку, и где сейчас находится Главковерх.

— Временное правительство прежнего состава уже не существует; власть перешла в руки революционного комитета; казачьи полки остались пассивны в своих Петроградских казармах, броневики перешли на сторону революционного комитета. Сегодня вечером кто-то, по-видимому, правые элементы, назначили генерал-губернатором Петрограда Кишкина¹²⁷, принадлежность которого к кадетским партиям известна на фронте. Это назначение вызвало резкий перелом в войсковых организациях фронта не в пользу Временного правительства, в Петрограде привело к тому, что революционные войска заняли Штаб округа и, по-видимому, прекратили деятельность генерал-губернатора. Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность Главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производят на других фронтах, были прекращены. Главковерх у меня. Не имеете ли Вы что передать ему.

— Можно ли просить его к аппарату?

— Невозможно в его интересах. Будете ли Вы что-нибудь говорить.

— Да. Мною получены следующие сведения из Зимнего дворца.

В Петрограде день прошел спокойно. Была лишь днем незначительная перестрелка на углу Невского и Дворцовой площади. Восставшие захватили Государственный Банк, Центральную телефонную станцию, Мариинский дворец, предпарламент был удален. Вечером настроение прогрессирует, около часу назад захвачен кучкою людей 50 человек Петроградский штаб. На стороне Правительства юнкера и казачий полк, да два орудия Михайловского артиллерийского училища. Министр-председатель уехал к самокатчикам еще утром, до сих пор не возвратился. Полагаю, что он будет возвращаться не один, а

с войсками, которые окажутся преданными. Ныне и несколько ранее шла и идет стрельба сравнительно редкая и, думаю, нервная, так как нападения пока не произошло, и большевики держат себя сравнительно пассивно, во время моего разговора с Вами было 3—4 оружийных выстрела, которые, судя по звуку, идут из нашего стана. Временное правительство в полном составе в Зимнем дворце и не думает отсюда уходить до ликвидации конфликта. Вот, кажется, всё из более главного. Главнoначальствующим над Петроградом назначен Кишкин с двумя помощниками Пальчинским и Рутенбергом. Понемногу налаживается организация и руководство теми немногими частями, которые у нас есть. Лично думаю, что если действительно будет использовано хотя то, что есть, то положение Правительства не безнадежно. Скажите, действительно ли пойдут, по Вашим сведениям, к Петрограду направленные войска. Присутствие их, полагаю, успокоило бы восставших, и они расползлись бы по своим местам, не принимая боя. Всё. Данилевич. — От всех фронтовых комитетов и армейских (и) общеармейских (ого) комитетов (а) Ставки получил следующее: комитеты все безусловно на стороне Временного правительства, резолюция их в общем аналогична резолюции совета Республики, то есть требования активной политики Правительства в смысле скорейшего заключения мира и передачи земли в руки земельных комитетов.

Я Вас вызову часа через полтора, чтобы сообщить решение некоторых вопросов, сейчас меня зовут, можете ли Вы тогда подойти к аппарату.

— Сейчас я получил телеграмму Главкозапа и согласен с ним, что разъединение фронта, в настоящее время в общем однообразного в смысле поддержки Правительства, явилось бы чрезвычайно опасным и сделало бы положение наших армий безумно тяжелым, при котором легко мог бы быть поколеблен фронт. Сейчас на фронте спокойно, большевики притихли, фронтовой комитет Западного фронта и съезд крестьянских депутатов вынесли резолюцию, что всякое выступление большевиков и беспорядки будут подавляться силой оружия. Почтово-телеграфный союз высказался за поддержку Правительства. Телеграммы призывающих к возв(ст)анию против Временного правительства не принимались и не передавались. Прибытие Петроград войск, верных Правительству, могло бы дать результат (при) пассивности войск, восставших против Правительства, признаки этого — крайняя вялость и нерешимость большевиков. Если кандидатура Кишкина неприемлема, то в таком случае можно просить Временное правительство заменить его другим лицом военным. Если Главковерх Керенский предполагает передать должность Вам, то я

во имя горячей любви к Родине умоляю Вас разрешить мне передать об этом Временному правительству, с которым есть у меня связь, Вас же — не останавливать отданных распоряжений о движении войск, назначенных в Петроград. Я убежден, что при надлежащей организации всё обойдется без особых кровопролитий, зато будет сохранен неприкосновенности фронт и Вам, как будущему Главковерху, не придется считаться с весьма тяжелыми...

— Извиняюсь, Николай Николаевич, меня давно уже зовут, можно ли будет Вас вызвать часа через два.

— Я считал только своим долгом осветить Вас(м) всю обстановку и возможные последствия, минута слишком серьезная и ответственная перед Родиной.

— Сейчас меня снова зовут, часа через два я Вас должен буду вызвать, пока всё, что говорил, держите про себя, но имейте в виду, что Временного правительства в Петрограде уже нет. Пока до свидания. Через два часа мне будет крайне необходимо Вас вызвать.

— Слушаю, через два часа я буду у аппарата, но содержание ленты известно комитету, который находится тут же в одной комнате со мной.

— От комитета это не секрет, я говорю в смысле сношений Ваших с оставшимися в Петрограде членами Временного правительства.

Приложение № 20

Телеграфный разговор Главнокомандующего Западным фронтом генерала Балугева со Ставкой

7 ноября (25 октября) между 10 часами вечера и 1 часом ночи

Разговор Начвосоверха с Главкозапом

— У аппарата по поручению Наштаверха Начвосоверх просит к аппарату Главкозапа.

— У аппарата Главкозап. Здравствуйте, Николай Иосифович. Сейчас меня вызвал к аппарату Черемисов, сообщил, что в Петрограде вся власть (перешла) в руки революционного комитета, генерал губернатор(ом) Петрограда назначен Кишкин, и так как он кадет, то посылка войск в Петроград является бесцельной и даже вредной, так как, очевидно, войска на сторону Кишкина не станут, и просил меня объединить действия (и) взгляды на ближайшее будущее хотя бы двух фронтов Северного и Западного, на это я ему ответил: очень жаль, что ваши войска участвуют в политике, мы присягали Временному правительству, и не наше дело рассуждать (со)стоит ли Петроградским губернатором Кишкин или другой кто, а должны принять все меры

к тому, чтобы сохранить свой фронт, чтобы не прибавить к разрухе в России прорыва его немцами, и я не понимаю, о каком объединении фронтов он говорит, так (как) объединение это должно быть сосредоточено в Ставке, где по закону в случае отсутствия Главковерха должен делать Наштаверх, что у меня на фронте пока всё спокойно, большевики притихли, а фронтовой комитет и съезд большевиков и беспорядки будут подавляться силой оружия, вот что хотел я доложить Николай Николаевичу и в то же время просить ориентировать меня и дать указания, если вы это можете сделать, то буду очень вам благодарен.

— У аппарата Главкозап.

— А... очень прошу извинить за задержку. Вашу депешу докладывал Наштаверху, который непрерывно продолжает говорить с Главкосевым. Для Наштаверха переданное Вами явилось полной неожиданностью. По окончании разговора с генералом Черемисовым Наштаверх передаст соответствующие указания. Связь с Временным правительством в Петрограде всё время была.

— (Если) больше я ничего не имею сказать, я только опасаясь, чтобы Северный фронт не испортил мне всего дела и не колыхнул бы моего фронта, необходимы быстрые и решительные действия Николая Николаевича, чтобы удержать Главкосева в должных границах и чтобы Северный фронт (не) отделился в своих воззрениях и действиях от нас. Я копию разговора приблизительно пришлю завтра с нарочным. Ожидаю указаний, а пока имею честь кланяться, желаю всего лучшего, привет Николаю Николаевичу(;) в пятницу я чуть-чуть было не отдал Богу душу, или камни и(ли) воспалилась слепая кишка, только сегодня встал с постели, еще раз желаю Вам всего лучшего. До свидания. Балуев.

Приложение № 21

**Копия телеграфного разговора
генерала Балуева с генералом Черемисовым,
сообщенная в Ставку генералом Балуевым**

Разговор генерала Балуева с генералом Черемисовым

— У аппарата Главкозап.

— Здравия желаю. У аппарата Главкосев. Благоволите сообщить, известны ли вам Петроградские события и как на них реагируют армии Западного фронта.

— Здравствуйте, известны. У меня на фронте пока всё спокойно. Фронтовой комитет, армейские комитеты и съезд крестьянских депутатов вынесли резолюцию о верности Временному правительству, поддержке его и о прекращении всяких выступлений крайних левых и беспорядков силою оружия. Каких-либо беспорядков на этой почве я не ожидаю, хотя фронт главным образом большевицкий, и с моей стороны приняты меры к тому, чтобы предупредить эти беспорядки. Точности, что творится в Петрограде, мне неизвестно, знаю только, что там очень скверно, что туда от вас посланы войска. Связь со Ставкой держу, если что Вам известно подробнее, то буду благодарен, если сообщите.

— Временное правительство прежнего состава фактически не существует, власть находится в руках революционного комитета, войска Петроградского гарнизона за ничтожным исключением оказались не на стороне Временного правительства. Некоторые члены которого арестованы, гарнизоном заняты правительственные учреждения(;) с Петроградом прервана связь. На Северном фронте в данную минуту объединившиеся организации фронта и тыла вырабатывают резолюцию, которую я вам сейчас же пришлю. На фронте у нас пока спокойно, постановление организации фронта ожидается не в пользу Временного правительства прежнего состава, но и захват власти советами, также у большинства не встречает сочувствия. По последним сведениям генерал-губернатор(ом) Петрограда назначен, без участия Керенского, кадет Кишкин, в силу этого обстоятельства посылка войск в Петроград является бесцельной и даже вредной, так как очевидно войска на сторону Кишкина не станут. Было бы желательно во избежание анархии объединить действия и взгляды на ближайшее будущее, хотя бы двух фронтов Северного и Западного, вот это я хотел вам всё доложить, дабы вы были ориентированы в обстановке.

— Очень жаль, что ваши войска участвуют в политике, мы присягали Временному правительству и не наше дело рассуждать, состоит ли Петроградским губернатором Кишкин или кто другой, а должны принять все меры, во-первых, к тому, чтобы сохранить свой фронт, чтобы не прибавить разрухи в России и прорыва его немцами, а во-вторых, я считаю большим несчастьем для России, если власть будет захвачена такими безответственными партиями, как большевиков, так как тогда будет анархия и гибель России неизбежна, что же касается до объединения фронтов, то это объединение должно быть сосредоточено в Ставке, где по закону, в случае отсутствия Главковерха, все распоряжения должен делать Наштаверх, так что я не понимаю, о каком объединении вы говорите наших фронтов. То, что вы сообщили о Петрограде, мне известно.

— Всё, что я вам сообщил, не слухи, а достоверные факты. Временного правительства не существует. Министр-председатель Керенский от власти устранился, власть и Петроград находятся всецело в руках революционного совета, назначение Кишкина генерал-губернатором вызвало немедленное занятие штаба округа войсками. Донские полки не исполнили отданного им приказа выступить на защиту Временного правительства и остались в Петрограде в своих казармах, броневики перешли на сторону революционного комитета. По некоторым имеющимся у меня данным, указаний соответствующих обстановке не (и) я, не (и) вы не можете получить из Ставки, так как, судя по ее последним телеграммам, она не ориентирована в положении дел, сейчас я буду говорить с Духониным и ориентирую его в положении дел. Фронт, конечно, должен быть удержан против неприятеля, потому я и говорю о необходимости объединить действия хотя бы двух фронтов.

— Я употребляю все силы к тому, чтобы армии, несмотря ни на какую разруху в России, знали бы только одно, это удержать немцев в случае их наступления, несмотря на то, есть ли (в телеграмме если) (sic!) и какое Временное правительство, затем то, что Петроград в руках большевиков и Временное правительство арестовано, еще не значит, что всё потеряно, так как, кроме Петрограда, имеется обширная Россия и еще вопрос, как она посмотрит на всё это, во всяком случае, я как солдат в настоящее время признаю для нас только одну политику — спасение России от немцев, и в этом буду с вами солидарен.

— К сожалению, вопрос не ограничивается оперативной стороной, как бы мы сами этого ни желали, и вы вскоре убедитесь в этом, так как комиссар Северного фронта, несомненно, будет говорить с вашим комиссаром, а наши комитеты с вашими комитетами. Я считаю при настоящем положении дел, которое мне достоверно известно, мы не имеем права уклоняться от политики и не считаться с политическим настроением массы, мы обязаны с этим настроением считаться, дабы фронт не оказался открытым для противника, сообщу вам дополнительные данные или попрошу Духонина сделать это. Извиняюсь за беспокойство, пока имею честь кланяться.

— Напротив, я очень рад, что вы меня вызвали к аппарату, но все-таки скажу на это, что я буду ждать указаний от Ставки. Мне решительно всё равно, кто будет стоять в Временном правительстве, лишь бы оно было и лишь бы оно уничтожило эту разруху, царствующую в России. Я сам хотел говорить с Духониным, но сейчас получил от него по аппарату, что он говорит с Петроградом и просит обождать. Имею честь кланяться.

— До свидания. Черемисов.

Приложение № 22
Радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров,
разосланная 22 (9) ноября 1917 года

(Принято в 7 час 35 мин)

Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам. Всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота. — 7 ноября^I ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8 ноября^{II} в 5 час 5 мин утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления. Переговоры велись от 2 до 4^{1/2} часов утра. 9 ноября^{III} Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснения своего поведения и акта дачи точного ответа на предписание правительства. Но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. Солдаты, дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный

^I 20 ноября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} 21 ноября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} 22 ноября по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами, подписать окончательный договор о перемирии может только Совет Народных Комиссаров. Солдаты, дело мира в ваших руках; бдительность, выдержка, энергия, дело мира победит. Именем Правительства Российской Республики.

Председатель Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (Ленин).

Народный Комиссар по военным делам
и Верховный Главнокомандующий

Н. КРЫЛЕНКО.

9 ноября¹ 1917 г.,
г. Петроград.

¹ 22-го по нов. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ,

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть II.

**Образованіе областныхъ противобольшевицкихъ
движеній.**

Книга 4-я

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЛАСТНЫХ ПРОТИВОБОЛЬШЕВИЦКИХ ДВИЖЕНИЙ

ГЛАВА IX ОБРАЗОВАНИЕ ОБЛАСТНЫХ ПРОТИВОБОЛЬШЕВИЦКИХ ДВИЖЕНИЙ

События на Украине

Попытка большевиков произвести одновременно с переворотами в **Петрограде** и **Москве** такой же переворот в **Киеве** не удалась¹. «Думалось, — записывает в своих воспоминаниях один из наиболее объективных свидетелей событий, происходивших на Украине^{II}, — что зажиточный, замкнутый и рационалистически настроенный крестьянин-собственник, украинец или малоросс... устоит...»

Сформировавшаяся еще при Временном правительстве Центральная Рада объявила себя Правительством Украинской Народной Республики. Эта Центральная Рада состояла исключительно из левых элементов: из украинских с.-д. и с.-р. По своему настроению эти элементы имели много общего с общероссийской революционной демократией. В их среде также происходила борьба между неприятием большевизма и страхом перед контрреволюцией. Это ставило их в невыгодное положение пассивно обороняющегося против крайне агрессивно настроенного противника.

Однако между элементами, из которых составлялась Центральная Рада, и общероссийской революционной демократией существовало и различие. Все элементы Центральной Рады были украинскими националистами. Эта особенность имела большое психологическое значение. Она ослабляла влияние социализма, объясняющего современную социальную жизнь борьбою классов и считающего национализм ненужным пережитком.

Вследствие своих националистических настроений, украинские с.-д. и с.-р. оказались более способными к борьбе с большевиками, нежели общероссийские.

¹ 9 ноября 1917 года.

^{II} Профессор Н. М. Могиланский. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив Русской революции, т. XI, с. 75.

Осенью 1917 года большинство Рады, в том числе и наиболее энергичный из членов Рады — Петлюра¹²⁸, стояли лишь на точке зрения автономии Украины. Но со стороны крайних украинцев уже слышались голоса о самостоятельности, то есть о полной независимости Украины от России. Это был разбуженный революцией протест против унитарной и централистической политики павшего Царского правительства.

Самостийные тенденции были на руку воюющим против России Центральным державам. Еще в мирное время Австро-Венгрия усиленно культивировала идею отделения от России Украины среди левой части галицийской¹ интеллигенции. С началом войны это политическое оружие было пушено в ход в виде пропаганды в лагерях пленных русских солдат. По мере увеличения хаоса, созданного революцией, для Центральных держав открылись возможности влиять и на самостийно настроенные элементы малорусской интеллигенции в России. Однако в конце 1917 года эти влияния еще не сильны. Вопреки объявлению Ленина о прекращении войны, Рада решает продолжать войну с Центральными державами. С этой целью Петлюра пытается организовать «украинский» фронт в союзе с Румынией. Верховное Главнокомандование этим фронтом предлагается главнокомандующему русских войск в Румынии — генералу Щербачеву. Деятельную роль в подталкивании Центральной Рады продолжать войну с немцами играет французский военный представитель в **Киеве**, генерал Табуи. Он обещает материальную поддержку, и вместе с тем он проводит признание Францией Центральной Рады как правительства самостоятельной Украины. Это признание состоялось 18 декабря. 25 же января, после разгона большевиками Всероссийского Учредительного Собрания, Радой был опубликован 4-й универсал¹¹, в силу которого «Украинская народная республика» становилась «самостоятельной, суверенной державой украинского народа», причем украинскому Учредительному Собранию предстояло решить «про федеративную связь с народными республиками бывшей Российской империи...». 4-й универсал оформлял то положение, которое естественно вытекало из решения Рады продолжать войну с Центральными державами вопреки заключенного большевиками перемирия.

Но решение Рады продолжать войну до чрезвычайности ослабляло ее положение в отношении борьбы с большевиками.

На организуемом Петлюрой противонемецком Украинском фронте оставалась Русская Армия, численностью в три миллиона солдат.

¹ Главная масса населения с.-в. провинции Австрии, Галиции, состояла из украинцев.

¹¹ Указы, в которых Рада объявляла основные законы, назывались ею «универсалами».

Большинство последних не принадлежало к жителям Малороссии. Хотя Петлюра и проводил ряд мер по украинизации бывших русских войсковых частей с тем, чтобы отпустить домой солдат-неукраинцев, но произвести подобную сложную перетасовку было невозможно. К тому же сжившиеся в старых Российских войсковых частях солдаты не понимали происходящего, и все, как неукраинцы, так и украинцы, стремились скорее по домам, видя в Раде «врага народа», мешающего прекращению войны. И вот в армиях бывшего русского Юго-Западного фронта, превращаемого Петлюрой в Украинский, наблюдается следующее явление: солдаты некоторых из войсковых частей пользуются существующей военной организацией для того, чтобы с оружием в руках пробиться домой. Местные большевики используют эти части для борьбы против Центральной Рады.

Среди русских армий, находившихся в Румынии, этот процесс был прекращен генералом Щербачевым, который при помощи сохранивших дисциплину румынских войск обезоруживал все уходящие с фронта русские войсковые части, после чего последние сами распылялись.

Распылялись и воинские части Юго-Западного фронта, но только после того, как солдаты убеждались, что никто не будет противодействовать их возвращению домой.

Интересно отметить, что на всех прочих русских фронтах (кроме Кавказа) воинские части растаивали на самих позициях; не ожидая препятствий на своем пути домой, солдаты сразу же распылялись¹. Солдаты Кавказского фронта, как я буду говорить в последующих главах, встретили на своем пути домой препятствия, и потому там опять мы увидим в руках большевиков целые воинские части, носящие старые наименования.

Совокупность приведенных фактов показывает, что здесь придется встретиться с процессом объективного характера, представляющего собою одно из явлений стихийного окончания войны, которую народные массы продолжать не хотели.

Центральная Рада, пошедшая наперекор этому объективному процессу, была обречена на гибель. Между тем и без того ее положение было чрезвычайно трудным. Расчет Рады пробудить в малороссийском крестьянстве «украинский» патриотизм, при помощи которого можно было бы защищаться от надвигающегося из Великороссии большевизма, не оправдался. Во-первых, Рада преувеличивала силу лозунга «Хай

¹ В Русской Армии не был проведен принцип территориального комплектования. Исключение составляли казаки. Поэтому казаки со всех фронтов уходили целыми войсковыми частями и расходились лишь по прибытии в свою область.

живе вильна Украина» для народных масс Малороссии. Во-вторых, малороссийское крестьянство тоже переживало в эти минуты самый бурный период аграрной революции: все крестьяне, как бедные, так и богатые, были всецело поглощены «черным переделом» помещичьих земель. Правда, 3-м Универсалом Центральная Рада передала землю крестьянству. Но этот универсал мало чем отличался от подобного же декрета Ленина, так как оба они являлись продуктом той же идеологии, а именно эсеровский. Поэтому не было никаких оснований к тому, чтобы на почве решения аграрного вопроса крестьяне предпочли Раду правительству Ленина.

Состязаться с большевиками было тем труднее, что почти каждый солдат, вернувшийся с фронта, хвалил Ленина и его правительство за окончание войны.

Положение Рады затруднялось еще одною особенностью, присущей Малороссии. Рабочий пролетариат не принадлежал к коренному населению страны. Сосредоточенный в крупных городских центрах, а также в районе рудников и шахт Донецкого бассейна, он предопределял там не только господство большевизма, но вместе с этим и враждебное отношение к самостийному украинскому движению.

Сейчас же вслед за неудачей большевицкого восстания в Киеве (9 ноября) в Донецком бассейне начали спешно образовываться отряды Красной гвардии, они вошли в состав тех большевицких эшелонов, которые, как я говорил в прошлой главе, вместе с деклассированными солдатами и с всплывшим с народного дна криминальным элементом составили наиболее организованные и действенные части большевицкой вооруженной силы.

Под воздействием этих красных отрядов 27 декабря в Харькове^I было объявлено большевицкое украинское Правительство. На следующий же день происходит восстание рабочих в Екатеринославе^{II}, которые и тут провозглашают власть большевиков. 12 января такое же восстание происходит в Мариуполе^{III}, а 18 января матросы Черноморского флота, после обстрела с судов Одессы, легко покоряют «под ножи» Ленина этот город (главный порт на Черном море). Через несколько дней большевики утверждают в Николаеве^{IV}.

В результате находившаяся в Киеве Центральная Рада оказывалась окруженной: с юга и востока — удачными восстаниями большевиков,

^I Ближайший к Донецкому бассейну крупный городской промышленный центр.

^{II} Важнейший центр железодобывающей промышленности Юга России.

^{III} Важнейший угольный порт на Азовском море.

^{IV} Важнейший судостроительный центр Юга России.

с запада на нее надвигались пробольшевицкие части, уходящие с противонемецкого фронта (2-й гвардейский корпус), а с севера (вдоль по железной дороге, ведущей на Киев) наступали красные солдатско-матросские отряды Берзина и красный латышский отряд Вацетиса.

Выдержать весь этот напор наскоро сформированные Петлюрой украинские воинские части, конечно, не могли.

Окончательный удар Раде был нанесен красным отрядом Муравьева, сформировавшимся в Харькове и двинувшимся оттуда по железнодорожным магистралям на Киев. Численность отряда Муравьева достигала 5000 человек. За несколько дней до подхода Муравьева к Киеву в последнем вспыхнуло восстание местных большевиков во главе с рабочими Киевского арсенала. Это восстание было подавлено войсками Рады, общая численность которых не превосходила 1200 человек. 30 января эшелоны Муравьева подошли к Киеву и начали артиллерийский обстрел «матери русских городов».

«Это были первые выстрелы по Киеву большевиков, — записывает в своих воспоминаниях профессор Могилянский¹²⁹. — Начался первый акт трагедии Киева за многострадальный 1918 год, какого не было в истории его со времени взятия города Батыем в XIII веке»¹³⁰. После 9-дневной «ожесточенной бомбардировки», как свидетельствуют сами большевики¹³¹, бомбардировки, направленной главным образом против мирного населения с целью его устрашения, Киев был занят «красными».

«Началась, — пишет тот же мемуарист¹³², — в самом прямом смысле отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства... Из гостиниц и частных квартир потащили несчастных офицеров буквально на убой в «штаб Духонина» — ироническое название Мариинского парка — излюбленное место казни, где погибли сотни офицеров Русской Армии. Казнили, где попало: на площадке перед Дворцом, и по дороге на Александровском спуске, а то и просто где и как попало... Кроме офицеров казнили всякого, кто наивно показывал красный билетик — удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольского за его злые куплеты против большевиков; казнили первого встречного на улице, чтобы снять с него новые ботинки, приглянувшиеся красноармейцу. Начались повальные грабежи

¹ Профессор Н. М. Могилянский. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив Русской революции, т. X.

¹² Там же, с. 74.

¹³ Гражданская война 1918–1921 гг. Гос. изд., 1930. Т. III, с. 49.

¹⁴ Вышеуказанная статья проф. Н. М. Могилянского, с. 77, 78.

в домах «буржуев», обыски, вымогательства с избиением недостаточно уступчивых и покорных судьбе. Кто и когда расскажет о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханалии произвола, насилия, глумления и издевательства над личностью мирного обывателя?.. Из обывательских квартир тащили всё, что попало, сначала наиболее ценное: деньги, золото и серебро, всякого рода ценности...»

Со взятием Киева Юг России подпал под власть большевиков.

«В городах провинциальных, маленьких, с незначительным числом населения, большевизм переживался весьма различно в зависимости от личного характера стоявших во главе временной власти большевицких диктаторов, ибо трудно иначе назвать тех местных царьков, которые в буквальном смысле этого слова являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже о личном имуществе обывателей. Так, например, город Чернигов в этот первый приход большевиков отделался чуть ли не 50 000 рублей контрибуции, которых хватило для того, чтобы верховный комиссар мог день и ночь пить горькую, а наряду с этим г. Глухов пережил трудно поддающиеся описанию ужасы. В Глухове полномочным владыкой был матрос Балтийского флота... Неудовлетворенный количеством вырезанных помещиков, он велел перебить и перерезать даже детей, воспитанников местной гимназии, как будущих буржуев...¹

Оккупация Украины Центральными державами

9 февраля красный отряд Муравьева вступил в Киев, и большевики праздновали покорение Украины. Но в этот же день совершилось политическое событие, которое предопределило потерю большевиками всего Юга России.

Центральная Рада, видя невозможность защищать Киев от Муравьева, перешла в Житомир, куда и оттянула жалкие остатки своих войск. Отсюда же она обратилась с просьбой о помощи к Центральным державам.

В это время в политике Германии по отношению к большевикам происходила перемена. Становилось ясным, что последние не собираются «договариваться», а стремятся устроить в Брест-Литовске центр интернациональной революционной пропаганды в тылу Центральных держав. Смехотворная формула Троцкого: «Ни мир, ни война», которой он прикрыл свой отказ подписать предъявленные Центральными державами условия мира, конечно, только ускорила решение Германии заставить правительство Ленина силой оружия принять эти условия и подписать мирный договор.

¹ Вышеупомянутая статья Н. М. Могилянського, с. 78.

Просьба о помощи Украинской Рады была теперь на руку Германии. Она решила использовать эту просьбу как формальный предлог для оккупации хлебобродного Юга России.

Как раз в день вступления Муравьева в Киев был подписан представителями Германии и Рады «союзный» договор. Согласно этому договору, в благодарность за военную помощь Центральная Рада обязывалась поставить немцам 60 миллионов пудов муки (один миллион тонн) и дать право каждому солдату отправлять на родину ежедневно продовольственную посылку в двенадцать фунтов. «Конечно, — записывает в своих воспоминаниях Могиланский^I, — были у немцев и другие намерения... Первая задача была воспользоваться огромными складами военного имущества... Вторая заключалась в широком грюндерстве, которое должно было опутать прочной стальной паутиной немецкого капитала экономическую жизнь богатейшего края... Но хлеба! прежде всего: хлеба!»

18 февраля, не получив ответа на предъявленный правительству Ленина ультиматум, немцы перешли на всем своем Восточном фронте в решительное наступление^{II}. Остатки прежней Русской Армии, не успевшие еще разойтись по домам и маскировавшие фронт, сразу же панически побежали, бросая оружие и оставляя в руках немцев все фронтовые склады.

Атмосфера паники распространилась на всю страну. «Совет Народных Комиссаров» бежал из Петрограда в Москву. Свое спасение Ленин видел только в одном: подписать любые условия мира. Во исполнение его указания 3 марта в Брест-Литовске таковой и был подписан.

По этому мирному договору от России отторгались: Украина, Финляндия, Аландские острова, Лифляндия, Эстляндия и юго-западная часть Закавказья (Ардаган, Карс и Батум). На основании официальной большевицкой статистики, опубликованной комиссаром торговли, Россия потеряла по Брест-Литовскому миру:

- 26 % населения,
- 27 % пахотной площади,
- 32 % среднего урожая,
- 26 % железнодорожной сети,
- 33 % промышленности,
- 73 % добычи железа,
- 75 % добычи каменного угля^{III}.

^I Вышеуказанная статья Н. М. Могиланского, с. 84.

^{II} Вторгшиеся силы Центральных держав достигали: 50 пех. и 7 кавал. дивизий (из них германских: 42 пех. и 5 кавал. дивизий).

^{III} *Майский*. Внешняя политика РСФСР 1917–1922 гг. Москва: Красная Новь, 1922, с. 37–40.

После подписания большевиками Брест-Литовского договора немцы остановили наступление в северной части России на линии Нарва—Псков—Полоцк—Могилев. В южной же части России движение их, во исполнение «Союзного» договора с Радой, продолжалось, пока они не достигли линии Гомель—Купянск—Ростов.

Это наступление германцев и присоединившихся к ним на юге австро-венгров продолжалось до начала мая. Оно неизменно и везде сопровождалось явлением, с нашей точки зрения, весьма характерным.

«...Дня за два, за три до прихода немцев большевики, нагрузив себя всяким добром, бежали из города, — записывает в своих воспоминаниях Н. М. Могилянский. — ...Картина бегства большевиков была весьма оригинальна: казалось, полгорода обывателей уезжают или переезжают на новые квартиры. Извозчики и подводы, груженные всяким домашним скарбом — подушками, самоварами, перинами, стульями... всё мчалось второпях...»

Самому автору настоящей работы приходилось лично наблюдать картину занятия немцами Одессы. Большевики сдали ее двум германским офицерам, приехавшим на автомобиле. Через полчаса после приезда этих германских офицеров все главные улицы города были полны бегущими из него солдатами; комиссары же и наиболее организованные красные отряды торопливо грузились в поезда, а суда Черноморского флота разводили пары для скорейшего ухода из гавани.

Какие причины вызывали эту панику?

Ведь оккупанты шли как «союзники» Украины. И нужно сказать, что главная масса населения Юга Россия встретила приход немцев, скрыто радуясь избавлению от только что пережитых ужасов большевицкого владычества.

Паника и бегство большевицких элементов представляли собою явление социально-психического порядка. Неисчислимые кровавые преступления, совершенные ими, заставляли их бояться мести со стороны населения. Боялись они также и того, что, даже избегнув проявлений этой мести в первые дни, им трудно будет избежать впоследствии уголовного суда.

Не менее характерным явлением, сопровождавшим движение немцев по Украине после заключения мира с большевиками, были произошедшие местами столкновения немцев с красными отрядами.

Такие столкновения имели место:

6 марта у **Слободки**,

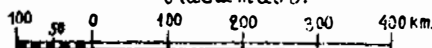
7 марта у **Бирзулы**,

7—10 марта под **Бахмачем**,

во второй половине апреля в **Донецком бассейне**.

АВСТРО-ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦІЯ (18¹¹ - 8¹² 1918г.)

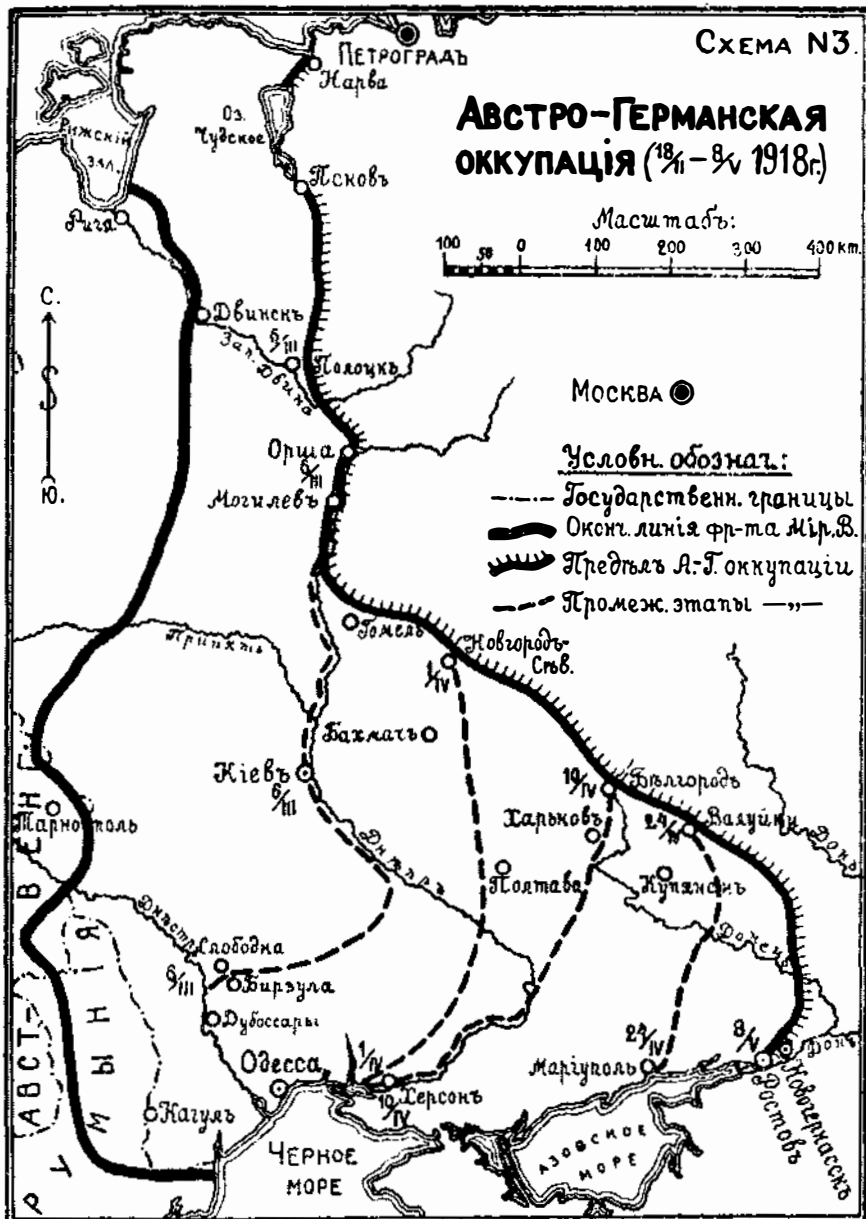
Масштаб:

МОСКВА ©

Условн. обознач:

- Государственн. границы
 Оксн. линия фр-та Мир.В.
 Предель А.Т. оккупации
 --- Промеж. этапы ---

В этих столкновениях войска Центральных держав легко и быстро оттесняли находившиеся против них силы. Затяжной бой имел место только под Бахмачем. Здесь главную роль в борьбе с немцами играл Чехословацкий корпус, заканчивавший свое формирование в районе **Киева и Полтавы** и выигрывавший этими боями время для отхода в глубь России.

С кем же происходили столкновения оккупантов? Кто же дрался против оккупантов?

По свидетельству всех источников, в том числе и большевицких, крестьянской партизанской войны не было. Крестьяне были всецело поглощены аграрной революцией, а солдатские массы, жаждавшие окончания войны, не имели никакого желания возобновлять ее. С другой стороны, правительство Ленина, подписывая Брест-Литовский договор, признавало отторжение Украины и обязывалось вывести из ее территории свои войска. А между тем с немцами дрались как раз те «красные» отряды, при помощи которых, как я говорил в прошлой главе, утверждалась власть большевиков.

Как мы говорили выше, эти отряды были составлены из революционно-настроенных рабочих, матросов и солдат с извращенной войной психикой, не желавших возвращаться к мирному труду, а также из криминальных элементов всех слоев российского населения. В начале своего существования эти отряды представляли собою, и по внешнему облику и по внутреннему содержанию, скорее разбойничьи шайки, нежели регулярную армию. Но по истечении известного срока в руках наиболее энергичных начальников, некоторые из таких красных отрядов всё более и более превращались в довольно прочные военные организмы. Одновременно они переименовывались в «революционные армии». Так, например, отряд Муравьева превратился в 1-ю и 2-ю «революционные» армии, отряд Сиверса — в 5-ю «революционную» армию, отряд Ворошилова, боровшийся против немцев в **Донецком каменноугольном бассейне**, — в Донецкую «революционную» армию...

Эти «революционные армии» и стали теми кадрами, вокруг которых выросла впоследствии «Красная армия» большевиков. Однако по своему внутреннему содержанию все эти «революционные армии» оставались разбойничьими шайками, этим и предопределялось их поведение на Украине.

Уже совершив неисчислимое количество тяжелых и кровавых преступлений, они, конечно, не могли остановиться на этом пути. Они продолжали свои злодеяния из инстинкта самосохранения. Чтобы избегнуть кровавой расправы населения, смелевшего по мере получения известий о приближении немцев, «революционные» армии усугубляли

свои жестокости в последние дни перед своим отступлением. Несомненно, что подобным способом они обеспечивали себе более безопасный уход. Троцкий формулировал этот метод словами: «хлопнуть дверью перед уходом».

Приходившие через несколько дней германские и австро-венгерские войска не могли, конечно, спокойно отнестись к подобному варварству. Командование этих войск считало себя до некоторой степени морально ответственным, ибо оккупация Украины производилась под лозунгом спасения населения от ужасов большевизма. А это неминуемо увеличивало шансы на столкновения с уходящими красными отрядами.

Стремясь, насколько возможно, сократить кровавые эксцессы, предшествующие вступлению оккупантов в различные пункты Юга России, Германское командование повело свое наступление в глубь Украины, выдвинув уступом вперед левофланговый корпус. Этим «революционные армии» большевиков, задерживавшихся на Юге России, подвергались угрозе быть отрезанными от Великороссии.

Подобный метод оказал свое воздействие и ускорил отступление «революционных армий». Эта стратегическая форма германского наступления привела и к другому следствию: отрезанная от путей отступления на север, большая часть этих «революционных армий» оказалась прижатой к Донской области, в которой, как будет видно дальше, в это время вспыхнуло казачье восстание. Захват немцами ст. Чертково перерезывал меридиональную Воронежско-Ростовскую магистраль, представлявшую собою последнюю железнодорожную связь этих «революционных армий» с Великороссией. Им оставалось только одно: пробиться к г. **Царицыну**, лежащему на Волге к востоку от Области Войска Донского.

В местах пересечения Воронежско-Ростовской магистрали с железнодорожными линиями, ведущими на Царицын, образовались два сгустка красных сил.

Один из них образовался в районе станицы Каменской¹, где собралось 12—15 тысяч под общим начальством Ворошилова («Донецкая революционная армия» и красный отряд Щаденко). 5 мая немцы с боя заняли станицу Лихую, Ворошилов покатился на восток к Царицыну.

¹ Станица Каменская расположена у моста через р. Дон Воронежско-Ростовской магистрали. К югу от станицы Каменской, в ж.-д. узле *Лихая*, только что упомянутая магистраль пересекает ж. д. линию, ведущую из Донецкого бассейна на Царицын. Далее к югу находится узловая станция *Зверево*, в которой к В.-Р. магистрали примыкает одна из веток железнодорожной сети Донецкого бассейна. Подобную же смычку представляет собой ж.-д. узел *Миллерово*, к северу от станицы Каменской.

Второй красный сгусток образовался у Ростова¹. Здесь собрались 1-я, 2-я и 5-я революционные армии (бывшие красные отряды Муравьева, Сиверса и Саблина). 8 мая немцы заняли Ростов и через несколько дней наносят под **Батайском**² решительное поражение этим красным силам, которые, через ст. Тихорецкую, откатываются к Царицыну.

На этом заканчивается продвижение вперед войск Центральных держав.

Исторические предпосылки противобольшевизма казаков

Из всего изложенного в предшествующих главах читатель видел, что развал казачьих частей шел медленнее, нежели разложение остальных воинских частей Русской Армии.

Корни этого явления лежат глубоко в истории.

История России является историей страны, которая непрерывно колонизируется, — так определял важнейшую особенность русской истории ее лучший знаток проф. В. О. Ключевский. Наиболее активным элементом в этом основном процессе русской истории являлось казачество. Оно представляло собою авангарды тех коалиционных истоков, которыми потекло русское крестьянство после того, как начали убывать волны монгольских кочевников, залившие весь юг и юго-восток Восточно-Европейской равнины и прокатившиеся в середине XIII века в виде татар Батыя через всю Киевскую и Московскую Русь.

Ко времени свержения татарского ига, во второй половине XV века, северо-западная граница владения татарской Золотой Орды и отделившихся от нее Крымского и Казанского ханств проходила в общем по линии, идущей от порогов на р. Днепр к впадению в р. Волгу р. Оки. Когда иго было свергнуто, великорусское крестьянство потянулось на плодородные земли, лежащие в бассейне р. Дон, а малорусское — в южнорусские степи.

Уходя уже в XIV веке «казаковать» на эти земли, крестьяне селились небольшими общестиями, готовыми своими собственными силами защитить себя от набегов кочевников. Эти первые колонисты и образовали: великорусские — **Донское** казачество, малорусские — **Низовое** (малороссийское) казачество.

В середине XVI века окрепшее Московское государство переходит в наступление против разваливающихся к этому времени татарских

¹ Ростов представляет собою ж.-д. узел, в котором сходятся три магистрали: из Донецкого бассейна (через Таганрог), из Воронежа и из Владикавказа; от последней, со ст. *Тихорецкой*, шла ж.-д. линия на Царицын.

² Железнодорожный узел в 15 км к югу от Ростова.

приволжских государств (на Средней Волге — Казанское ханство, на Нижней Волге — Золотая Орда). Иван IV Грозный овладевает Казанью, и вскоре его рати спускаются вниз по Волге и берут **Астрахань**. Это открывает пути для Великорусской колонизации на юго-восток и на восток. Первое из указанных направлений закрепляется образованием на Среднем и Нижнем Дону «Войска Донского». Это было первое объединение казачьих общин в своего рода военное государство. Поэтому Донское казачество и считается «старшим братом» среди прочих казачеств. На восточном направлении начинает образовываться Волжское казачество. После покорения Казани и Астрахани распространение России на восток встречает очень малое сопротивление. Уже в конце жизни Царя Ивана IV небольшой отряд Донских казаков, вооруженных «огнестрельным боем» под начальством атамана Ермака Тимофеевича, переваливает через Уральский хребет в Азию, где покоряет под скипетр Грозного обширное Сибирское ханство. Это завоевание закрепляется при наследнике Ивана Грозного поселением казаков вдоль р. Иртыш. Дальнейшее продвижение России в глубь Азии всегда предшествуется проникновением на новые территории небольших казачьих отрядов с атаманами типа Ермака Тимофеевича, часто действующими по собственному почину. Следующим этапом является образование казачьих поселков, после чего уже начинают приливать волны крестьянской колонизации.

Отсутствие серьезного противника на пути продвижения вперед казачества в Азиатской России привело к двум существенным следствиям. С одной стороны, наиболее энергичные элементы казачества всё время утекали вперед, с другой — колонизационные волны переселенцев растворяли в себе многие из осевших казачьих общин. Вследствие этого мы не видим случая самообразования в Азиатской России «вольных казачьих государств», как это имело место в Европейской России на Дону, на Днепре, на Волге, Тереке и на Яике (р. Урале).

С достижением Россией берегов Тихого океана казачество стало на стражу доступной части нашей длинной границы с Китаем: в Западной Сибири — в Семиречье, а к востоку от озера Байкал — в так называемом Забайкалье и далее, растянувшись длинной лентой вдоль берегов р. Амур и р. Уссури.

Земельная реформа Ивана Грозного и происходящее в последующие века «прикрепление крестьян к земле» вызывают усиленное бегство «холопов» в казаки. Так создаются казачества на р. Яике (р. Урал) и в южной части Уральского хребта (Оренбургский и Верхнеуральский районы). Вместе с казачеством, осевшим в Сибири на Иртыше, они образуют «охраняющий пояс» от монгольских кочевников, ушедших в Киргизские степи, прикрывая от них заселение нами нижнего и сред-

него Поволжья, а также продвижение нашей колонизации на восток по Западной Сибири.

В Европейской России казачество продвигается до северных склонов Кавказского хребта. Здесь, на реке Кубани, впадающей в Черное море, и на реке Тереке, впадающей в Каспийское море, оно становится на стражу нашей колонизации плодородных земель Северного Предкавказья, защищая ее от набегов воинственных горских племен.

Царская власть умело использовала «казачество». Ту часть его, которая более покорно следовала ее велениям, она использует для формирования «городовых» и «слободских» казаков. Из них она образует сторожевую линию, которая охраняет Московское царство с юга, со стороны «**Дикого Поля**»¹. К такому же типу казачеств нужно отнести казачества Азиатской России.

Те же элементы, которые образовали из себя «вольные» казачества, Царская власть использует как тараны, пробивающие пути для колонизации, направляя их против монгольских народов, утративших прочную военную организацию. Однако каждый раз, когда русская колонизация наталкивалась на сопротивление более организованных в военном отношении народов, Царская власть вводила в борьбу свои собственные рати. Так наступает Иван Грозный, нанося окончательный сокрушающий удар татарским государствам на Волге. По этой же причине Царская власть рассматривает стратегическое направление, ведущее от Москвы к Черному морю, как главную операционную линию действий своих регулярных войск. Дело в том, что здесь, за спиной слабейшего Крымского хана, появляется новая сильная и воинственная Азиатская держава — Турция. Когда во второй половине XVIII столетия Россия доходит до берегов Черного моря, окончательно поглотив в себя остатки крымских татар, и процесс колонизации юга Европейской России принимает совершенно мирные формы, Екатерина Великая упраздняет низовое (малороссийское) казачество как таковое и переселяет его «вольную» часть — «Запорожскую Сечь» — на реку Кубань, впадающую в Черное море, образуя Черноморское казачество (впоследствии названное Кубанским). Точно так же упраздняется Волжское казачество с переселением его «вольной» части на Терек. По мере превращения Московского Царства в обширнейшую Российскую Империю Царская власть превращает «вольные казачества» в своего рода «поселенные войска», охраняющие границы Империи от азиатских народов. Она даже пытается привлечь часть этих народов для несения «казачьей» службы. Таким опытом являлось привлечение бурят для усиления казачьей службы в

¹ См. главу VIII, примечание на с. 76, 335—336 наст. издания.

Забайкальском районе (в конце XVII века)¹, а также формирование (в середине XVIII века) Астраханского казачьего войска из принявших православие калмыков.

Однако вмешательство Царской власти в процесс образования казачества не лишает его стихийного существа. Эта стихийность обуславливается тем, что по мере того, как ослабевало могущество монгольских кочевников, пустующие земли втягивали в себя «оседлый» русский народ.

Начиная с XV века в казачество уходят самые жизнеспособные соки великорусского и малорусского крестьянства. Это были энергичные люди, которые не боялись идти на земельный простор хотя бы под угрозой упорной борьбы с кочевниками. Мероприятия Московского правительства, прикреплявшие крестьян к земле, усилили процесс всасывания казачеством наиболее энергичных элементов крестьянства. Когда же, в XVI и XVII веках, произошло окончательное закрепощение крестьян, этот процесс достиг своей наибольшей силы. Теперь крестьянство стремилось в казачество не только на простор земли, но и на свободу. Вступление в ряды казачьей вольницы было синонимом превращения рабов в свободных людей.

Таким образом, в среде русского крестьянства в течение нескольких веков действовал своего рода «социальный подбор». Последствия этого социального подбора были огромны. Когда вспыхнул большевизм, наиболее покорными его рабами стали крестьяне бывших основных земель Московского государства. Здесь же аграрная революция приняла наиболее анархические формы.

Как мы видели выше, в царствование Императрицы Екатерины было упразднено Малороссийское казачество. Вместе с этим малороссийские крестьяне подпадали под тот же рабский режим, как и их братья великороссы. Но так как масса упраздненного низового казачества осталась в составе своего крестьянства, то в этом крестьянстве сохранилось в большей мере индивидуальное начало, чем в крестьянстве основных Московских земель.

«Лучшей формой для сохранения индивидуальности южнорусского народа, — пишет в своей истории Запорожских казаков Д. И. Зварницкий², — по понятию малороссийской массы, считалось казачество. Оттого малороссийский народ впоследствии и изукрасил казаков всеми цветами народа — поэтического творчества; от этого и теперь народ,

¹ Азиатская Россия. Изд. Переселенч. управления Главного Управления землеустройства и земледелия. 1914. Т. I, с. 368.

² *Зварницкий Д. И.* История Запорожских казаков. С.-Петербург, Типография П. И. Бабкина, 1897. Т. III, с. 3.

в своих воспоминаниях о казаках, ставит казака выше человека и приписывает ему сверхчеловеческие достоинства...»

Более сильное развитие индивидуальности в Малороссийском крестьянстве отразилось на том явлении, о котором мы упоминали, когда говорили о крестьянстве: на Украине «община», то есть коллективное владение землей, не привилась. Более сильное развитие индивидуальности малороссийского крестьянина делало из него менее покорного «подданного», и Юг России представлял собою зону с более легко вспыхивавшими крестьянскими восстаниями.

Аналогичную роль сыграли элементы Волжского казачества в среде поволжского крестьянства. Свободолюбие последнего выразилось в эпоху прикрепления крестьян к земле рядом восстаний, из которых «бунт Разина» (во второй половине XVII века) и «Пугачевский бунт» (во второй половине XVIII века) достигли громадных размеров. Следует указать здесь, что и Разин, и Пугачев вышли из рядов Донского «вольного» казачества, а другое «вольное» казачество, Яицкое (уральское), составило боевой стержень повстанческих действий Пугачева. И впоследствии Поволжье являлось зоной легко вспыхивающих крестьянских волнений.

Это социально-психологическое влияние духа казачьей вольницы доставляло много хлопот в эпоху крепостного права Московскому, а потом Российскому правительству. Несомненно, что Екатерина Великая, упраздняя Днепровское (Малороссийское) казачество и переселяя Запорожскую Сечь, руководилась не только тем, что последняя нарушала единство внешней политики Российской Империи. Вольный казачий дух мешал в еще большей мере внутренней политике. Происходила колонизация Юга России, но не свободными, а крепостными крестьянами. Перелом, происшедший в настроениях Императрицы Екатерины под впечатлением потрясшего всё Поволжье Пугачевского восстания, выразился в том, что широкой рукой она стала раздавать земли на Юге России дворянам, превращая живущих на них крестьян из государственных в помещичьих. А это, как я уже упоминал выше, превращало крепостное состояние крестьян в простое рабство.

Самое бегство крестьян в казаки не могло нравиться служилому (дворянскому) сословию, составлявшему главную опору Царского правительства, но каждый раз, когда производилась попытка потребовать от казаков выдачи бежавшего к ним человека, с Дона звучал гордый ответ: «С Дона выдачи нет». По иронии судьбы, в 1917 году, как мы уже знаем, тот же ответ прозвучал, когда Правительство Керенского попробовало получить с Дона генерала Каледина.

Таким образом, в течение веков в России происходил своеобразный исторический процесс расслоения крестьянства.

После освобождения крестьян этот социально-психологический процесс прекратился. Но в том же направлении продолжали воздействовать экономические условия жизни русских народных масс. Острое малоземелье в центре Европейской России не могло содействовать развитию хозяйственного почина живущих там крестьян; только с приближением к периферии Империи крестьянин мог действительно превратиться в крестьянина-фермера.

Крестьянин, бежавший к казакам, не только приобретал свободу личности. Он приучался также, в ограниченных рамках своей общины, а затем своей области, к элементам государственной жизни. В этом отношении наиболее поучительная история самого старого из казачеств — Донского казачества.

Вот как излагает возникновение «Войска Донского» один из современных исследователей истории Донского казачества С. Г. Сватиков¹.

«Войско Донское было **вольной колонией** русского народа... Около 1549 года известное число вольного казачества, сошедшееся в одном месте ради общей цели — борьбы с общим врагом, степными хищниками, — сплотилось в единую военную, государственную и общественную организацию и осело на землю... «Войско Донское» не было результатом Царского повеления или правительственной деятельности, оно не было провинцией или колонией Царства. Войско Донское было народной колонией, вольной и независимой. Оно было государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела своим источником народную волю, и Донская колония представляла из себя республику. Суверенная, Верховная власть в Донской республике принадлежала общему народному собранию, носившему название **Круга**, или **Войскового Круга**».

Все власти были выборными и именовались атаманами, во главе же всего «Войска» стоял тоже выборный «Войсковой Атаман». Мы не будем занимать внимание читателя рассмотрением устройства этих казачьих республик. Укажем только, что для историка государственного права изучение казачьих республик, возникших в XVI веке на Дону, Волге, Тереке и Яике и вошедших впоследствии в состав Российского Государства в виде областей, а также переселенного на Кубань Императрицей Екатериной II Запорожского Войска, представляет собою не меньший интерес, чем изучение демократий античного мира, республик итальянского и германского средневековья.

Поглощение примитивных казачьих государств метрополией, выросшей из Московского Царства в величайшую Российскую Империю,

¹ Сватиков С. Г. Донской Войсковой Круг // Донская Летопись. Изд. Донской Исторической Комиссии. 1923, № 1, с. 169, 170.

сопровождалось утратой не только их самостоятельности, но и всего демократического строя их политической жизни. Ярко выраженный абсолютизм Верховного управления Россией не мог, конечно, мириться с республиканством казаков. В этом отношении очень характерна резолюция Императрицы Екатерины о Запорожской Сечи. Она называет Запорожскую Сечь «совсем особливим политическим сонмищем», помышлявшим «составить из себя посреди отечества область совершенно независимую под своим неистовым управлением». В конечном результате «Войсковые Круги» превратились лишь в декоративные собрания, созываемые в торжественных случаях; выборные же «Войсковые Атаманы» были заменены назначаемыми «Наказными Атаманами», большею частью даже не казачьего происхождения.

Однако следует отдать справедливость Царскому правительству, что, превращая прежние вольные казачьи государства в простые области автократического государства, оно, тем не менее, не разрушало веками сложившегося демократического уклада внутренней жизни казачества. С этой целью оно обособило его как бы в отдельное сословие. Более того, оно не боялось создавать из казаков большие местные объединения под названием «войск», используя то наименование, которое приняло Донское казачество при формировании своего «государства».

Всё это позволяло прочнее сохранять среди казачества его традиции и дух, который был очень демократический¹.

Сохранение в повседневном казачьем быту демократической традиции укрепило в казачьих народных массах чувство социальной дисциплины и воспитало в нем сознательное отношение к Государственному началу^{II}. Это, а не «классовые» выгоды, как любят утверждать большевики, явилось причиной того, что казачество служило верной опорой Российской государственности в эпоху Царского режима и осталось наиболее надежной из народных сил, находившихся в распоряжении Временного правительства, несмотря на всеобщий революционный угар.

Но кроме автократичности и унитаризма внутренней политики Царского режима, была причина объективно-исторического порядка, которая предопределяла независимым казачьим государственным объединениям лишь временное существование.

¹ Таким образом остались не объединенными в «казачьи войска» лишь очень незначительные части казаков, а именно живущие в Енисейской и Иркутской губерниях и Якутской области.

См. Атлас, приложенный к «Азиатской России», изданной Переселенч. Упр. Главн. Упр. землеустройства и земледелия. Петроград, 1914.

^{II} Во время Великой войны «казачество, в противовес всем прочим... частям армии, не знало дезертирства». — *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты, т. I, вып. 2, с. 118.

Я указывал выше, что казачество, как социальное явление, представляет собою лишь часть общероссийского процесса колонизации. На каждом этапе этого процесса наступал момент, когда Царская власть брала в свои руки урегулирование переселения крестьян, и тогда казачества, как независимые территориальные объединения, должны были прекращать свое существование. Здесь опять Царская власть учла, что казачества являлись коренными хозяевами на занятых ими территориях и рядом так называемых «привилегий», даваемых каждому «Войску» сообразно с той исторической ролью, которую оно сыграло, она сохранила за казачеством различные преимущественные права на владение землей и угодьями. Взамен этого казачество обязывалось нести усиленную, по сравнению с прочим населением Империи, воинскую службу, но в формах, соответствующих их традициям и быту.

Вселение в казачьи области крестьян привело к тому, что экономическое положение вселяемых крестьян, получивших наименование «иностранцев», было несравнимо хуже, нежели экономическое положение рядового казачества. Подобное положение окажется чреватым крупными политическими последствиями для Донского и Кубанского казачеств. С началом революции народные массы, населяющие эти казачьи области, разделились на два враждебных лагеря: казаков, считающих себя историческими хозяевами своего края, и «иностранцев», считающих себя несправедливо обиженными.

С захватом центральной государственной власти большевиками эта вражда перейдет в чрезвычайно напряженную борьбу.

По мере уразумения разрушительного и деспотического характера большевизма, казаки представят собою среду, в которой противобольшевизм обретет благодарную почву. Иностранцы же, принесшие из крестьянства центральной Европейской России анархический уклад мыслей, порожденный долгим пребыванием в «крепостном» положении, составят в казачьих областях большевистствующий элемент.

Падение Царской власти, с ее резко выраженными централизационными тенденциями, и происшедший затем развал Центральной Российской власти вызовет в казаках подъем «местного патриотизма». Иностранцы же останутся совершенно глухи к этому движению и даже иногда проявят к нему враждебность. Это еще более углубит социальное расслоение, происходящее в казачьих областях, и будет сильно затруднять нарастание областного противобольшевизма.

Таковы были те общие объективные предпосылки, которые предопределяли выступление казачества против разрушительных сил революции. Не является ли в этом отношении характерным факт, что все «войсковые правительства», не сговариваясь между собою, без колебаний, отказались признать захват Центральной Российской власти большевиками!

Со своей стороны, и большевики сразу же почувствовали в казаках своих смертельных врагов. В декабре месяце, вопреки обещаниям, данным большевиками казакам ген. Краснова, Совет союза казачьих войск был закрыт, и члены его должны были бежать из Петрограда.

Еще до захвата власти Лениным, под впечатлением быстро прогрессирующего развала страны, руководители Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачеств делают попытку «организации в государственном масштабе в целях противодействия разбушевавшейся народной стихии»¹. Эта попытка заключалась в образовании Юго-Восточного Союза. В договоре, заключенном 3 ноября (20 октября) 1917 года правительствами поименованных выше четырех казачеств, указывалось, что целью Юго-Восточного Союза является: борьба с анархо-большевизмом на территории членов Союза, взаимная поддержка с целью сохранения порядка и законности внутри Союза и доведение России до Учредительного Собрания.

Однако, прежде чем казачье противобольшевицкое движение выльется в формы народного движения, оно должно будет пройти через целый цикл тяжелых испытаний. Наиболее полную картину всех стадий развития этого движения можно увидеть, изучая события, происходившие среди самого старого и многочисленного казачества — Донского.

Положение на Дону

Хотя развал в казачьих частях и происходил медленнее, чем в других частях Русской Армии, тем не менее, бушевавшая революционная стихия не могла не отразиться также и на казачестве. Это выразилось прежде всего в духовном разрыве между казаками, бывшими на фронте, и казаками старших возрастов, остававшимися дома. Последние представляли собою старшее поколение отцов, которых казачество, в силу врожденной дисциплинированности, привыкло уважать, как людей более опытных и понимающих социальную жизнь. В казачьем обиходе они назывались «стариками», причем этим наименованием казачьи массы выделяли не саму старость годами, а умудренность жизненным опытом. Поэтому, когда казачество хотело почтить какое-либо выдающееся лицо за оказанные услуги, оно избирало его «почетным стариком» своей станицы.

¹ Харламов В. А. Юго-Восточный Союз в 1917 году // Донская Летопись, № 2, с. 284.

В. А. Харламов, член Государственной Думы, принадлежал к радикальному крылу русских либералов. В 1917 г. Донские казаки избрали его вместе с ген. Калединым и другими лицами в Учр. Собрание.

«Фронтное казачество, распропагандированное углубителями революции, — пишет один из председателей Донского Войскового Круга В. Харламов¹³⁰, — приходя домой, не могло сразу найти общего языка со «стариками». Оно воевало, а эти жили дома и богатели. Молодые казаки не могли представить себе, чтобы солдат-крестьянин, солдат-рабочий, с которыми они провели три года на фронте, вернувшись домой, стали их врагами...» Они не могли себе представить, что большевики, так громко кричавшие на всех митингах против пролития крови на войне и отпустившие их с фронта тотчас же, как захватили власть, решатся начать против них еще более кровавую войну. В их уме не укладывалась мысль, что новая власть, называвшаяся «Рабоче-крестьянским правительством», сможет пойти на братоубийство. Их прирожденный демократизм заставлял их ошибочно предполагать в другом наименовании, также присвоенном Лениным своему правительству — «Советское правительство» — залог того, что рабочие и крестьяне, являясь в лице своих советов хозяевами, не допустят уничтожения своего же брата — казака.

Как следствие подобного рода образа мыслей и получила широкое распространение идея «нейтралитета».

«Зачем нам бороться против большевиков? Они нас — рядовых казаков не тронут; они будут распоряжаться промеж рабочих и крестьян, а мы у себя», — вот обычное для того периода рассуждение казаков.

Большевики стремились всеми силами использовать это колеблющееся настроение рядового казачества. Под громким названием «трудового казачества, они старались восстановить беднейшую его часть против зажиточной и внушить мысль, что Войсковое правительство составлено из «классовых врагов». Хотя эта пропаганда и не имела того эффекта, на который рассчитывали большевики, тем не менее ее влияние было отрицательно: рядовое казачество находило в пропагандируемых идеях оправдание «нейтралитету»; обещаемый же ему мир с крестьянином и рабочим привлекал его, как в силу сродства с первым, так и в силу усталости от трехлетней тяжелой войны.

К тому же Ленин, объявив сейчас же после захвата власти прекращение войны с Центральными державами, расположил казаков-«фронтовиков» в свою пользу. Теперь они возвращались домой, в то время как раньше, «на все просьбы о вызове полков на Дон^{II}, Каледин постоянно отказывал, указывая, что для поддержания порядка и охраны

^I Харламов В. Юго-Восточный союз в 1917 году // Донская Летопись, №. 2, с. 287.

^{II} Дезертирства казачьи полки не знали, но измышляли всевозможные предлоги для возвращения домой целыми полками. — Прим. Н. Н. Г.

имущества достаточно и тех полков, которые стояли в Области, а отрывать с фронта части, которые так были нужны, он считал вредным для жизни государства и полковым депутатам всячески доказывал, что их работа и служба в такое тяжелое время особенно нужны России»¹. При таком настроении возвращающихся с фронта казачьих полков генералу Каледину рассчитывать на них, как на противобольшевицкую силу, не приходилось. Многие из этих полков не сопротивлялись отнятию у них оружия небольшими красными отрядами, находящимися на железнодорожных путях, ведущих в Донскую область. Генералу Каледину оставалось только одно: немедленно же распускать по домам эти приходившие с фронта части.

А между тем сложившаяся на Дону к концу 1917 года обстановка была крайне тяжелой: в главных городах преобладало «пришрое» население и там господствовали социалистические партии, относившиеся недоброжелательно и с недоверием к казачьей власти над краем. Особенно сильны были эти настроения в **Ростове** и в **Таганроге**. Эти города, присоединенные Царской властью к Донской области лишь в конце XIX столетия, не имели никакой духовной и культурной связи ни с историей Дона, ни с коренным населением Донского края. По составу своего населения они всегда были чужды Области, так же как и по характеру своего политического настроения. Тем более были они чужды особенностям казачьего быта.

В Таганроге положение ухудшалось тем, что настроение рабочих его округа было сильно пробольшевицким. В северной части Таганрогского округа находились копи и шахты южного выступа Донецкого каменноугольного бассейна. Здесь, а именно в Макеевском горнозаводском районе, и была провозглашена 29 ноября местными большевиками «Донская Социалистическая Республика».

Город **Ростов** в отношении казачества играл отрицательную роль другого рода. Он стал центром протеста иногородних «против казачьего засилия». Присутствие в этом городе запасного (солдатского) полка давало местным лидерам большевиков ощущение силы, что, в свою очередь, увеличивало интенсивность их пропаганды.

20 (7) ноября Каледин, неудачно пытавшийся перед этим связаться с обломками Временного правительства, обратился к населению Донской Области с декларацией о том, что Войсковое правительство^{II} не признает большевицкую власть за Всероссийскую и что Донская Об-

¹ Статья А. П. Богаевского «Ответ перед историей» // Донская Летопись, № 2, с. 361.

^{II} Примечание для переводчика: «Войсковое правительство» нужно переводить «Казачье правительство». — *Прим. Н. Н. Г.*

ласть провозглашается независимой впредь до образования всенародно признанной Российской власти.

9 декабря (26 ноября) ростовские большевики, призвав на помощь матросов Черноморского флота, выступили против Донского Войскового правительства и объявили, что власть над областью переходит в руки Ростовского военно-революционного комитета.

В течение недели это большевицкое восстание Калединым было подавлено.

О тяжелом чувстве, с которым вступал Каледин в это междуусобие, свидетельствует следующий характерный факт: на овации приветствовавшей его ростовской толпы, видевшей в течение недели кровавые ужасы большевизма, Каледин ответил: «Мне не нужно устраивать оваций. Я не герой, и мой приход не праздник. Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита братская кровь, и мне радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполнил свой гражданский долг, овации мне не нужны»¹.

Однако усмирение ростовского большевицкого восстания воочию обнаружило печальную картину. Казаки строевых частей, остававшихся на Дону, не подчинились приказу Атамана и в бой не пошли. Противобольшевицкие силы состояли из офицеров и юнкеров, к которым присоединилась юная молодежь кадетов и гимназистов.

Напрасно призывал к участию в борьбе помощник Войскового Атамана — М. П. Богаевский, дополняя доклад генерала Каледина, который он делал о Ростовских событиях в Войсковом Круге, говоря: «Я с тоской и мукою стоял над гробом тех юношей, которых мы похоронили; я искал ответа: лежит ли эта кровь на моей душе?.. Нет, не преступление мы делаем, а осуществление гражданского долга. Мы, рискнувшие на этот шаг, совершаем его во имя тех целей, которых надо достигнуть во что бы то ни стало. Я не стану вас призывать проливать свою и чужую кровь. Но когда приходят чужие и отнимают у нас Ростов, я заявляю: не боюсь я этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час России, а мы и Россия еще не хотим умирать»¹¹.

«Паритетное» правительство

Так говорило Войсковое правительство. Его призывы находили отзвук в членах Круга, но в казачьих массах отзвуков было мало, это был самый разгар «нейтральных» настроений. Такое положение и толкнуло генерала Каледина на решение, которое он и высказал на том же Войсковом Круге:

¹ «Донская Летопись», № 2, с. 150.

¹¹ Там же, с. 150.

«Управлять Областью, опираясь только на одну часть населения, невозможно. В местных делах необходимо привлечь всё население Области»¹.

В этих словах намечалась радикальная реконструкция областной власти. Вместо казачьей, эта власть становилась всеобщей: к участию в ней привлекались не только все «иногогородние» крестьяне, но и «иногогородние» рабочие и горожане.

Войсковой Круг одобрил идею подобной реконструкции.

В середине января, после рассмотрения этой реконструкции на съезде представителей «иногогородного населения», вопрос разрешился образованием коалиционного министерства на паритетных началах: 7 мест было предоставлено казакам и 7 мест «иногогородним».

Учреждение паритетного Правительства, расширявшее базу, на которую могло бы опираться Правительство Края, в условиях революционного бурления, таило в себе великие трудности.

Крестьянство («иногогородние»), составлявшее более 40 % населения области, увлеченное широкими посулами большевиков, не удовлетворилось теми мероприятиями, которые принимала Донская власть — введением земства в крестьянских округах, привлечением крестьян к участию в станичном самоуправлении, широком приеме их в казачество и наделением тремя миллионами десятин отбираемой у помещиков земли.

Рабочая среда — наименьшая численно (около 10 %), но сосредоточенная в важных городских центрах и наиболее беспокойная, — не скрывала своих явных симпатий к большевицкой власти.

Казачья масса в своих глубинах не могла быть довольной превращением «казачьего» правительства в «паритетное», ибо это превращение означало потерю казачеством господствующего положения в их родном краю. Оно могло лишь увеличить нежелание казаков выступить с оружием в руках против большевиков, так как рядовая казачья масса не могла еще уразуметь различия между последователями Ленина и социалистами вообще. Такому непониманию содействовала линия поведения, усвоенная в то время местной «революционной» демократией. Так же как и в прочих частях России, «революционная» демократия Донской области не могла, несмотря на надвинувшуюся большевицкую опасность, побороть в себе страх перед контрреволюцией. Она продолжала относиться с крайним недоверием к проявлению сильной власти, без чего вести войну против большевиков нельзя было.

Блок с.-д. меньшевиков и социалистов-революционеров царил на всех съездах (иногогородних) крестьян, в городских думах, советах сол-

¹ «Донская Летопись», № 2, с. 151.

датских и рабочих депутатов, в профессиональных организациях. Очень часто выносились резолюции протестов против мер, вызванных военными обстоятельствами и анархией. С.-д. меньшевики и социалисты-революционеры протестовали против разоружения обольшевиченных запасных солдатских частей, против арестов большевицких агитаторов. По существу дела они проводили идею нейтралитета по отношению к той силе, которая шла напролом и, устами одного из начальников красных отрядов, шедших покорять Дон, объявляла: «Требую от всех встать за нас или против нас. Нейтральности не признаю»¹.

Недоверие «революционной» демократии усилилось с прибытием на Дон генералов Корнилова, Деникина и других «быховских узников». Несомненно, что это было откликом той вражды, которую вызвало в этой среде выступление Корнилова в сентябре. Но была и еще одна существенная причина: это было определенное нежелание этих генералов подчиниться генералу Каледину. Такое нежелание более усиливало и без того существовавшее подозрение, что и генерал Корнилов, и генерал Деникин с большой настойчивостью везде доказывали необходимость единства командования. Казалось бы, что наиболее логичным разрешением вопроса и было бы подчинение избранному главе Донского края, к тому же в данном случае олицетворяемому генералом Калединым, одним из старших и лучших генералов Русской Армии.

По мере того как генерал Алексеев, создатель Добровольческой Армии, оттеснялся прибывшими из Быхова генералами на второй план, усиливалось недоверие «революционной» демократии к самой Добровольческой Армии, и эта демократия всё настойчивее требовала подчинения последней, по крайней мере, контролю Главы Донской Области.

Объяснение нежелания старшего генералитета Добровольческой Армии подчиниться генералу Каледину можно найти в следующих строчках, взятых из труда генерала Деникина, в которых он говорит о нарастании «недоверия и неудовлетворенности деятельностью» Атамана Каледина в среде бежавших на Дон представителей либеральной демократии, а также в среде руководящих кругов Добровольческой Армии. Им казалось «недопустимым полное отсутствие дерзания» со стороны генерала Каледина. Они «осуждали медлительность в деле спасения России, политиканство, нерешительность Донского правительства»¹¹.

¹ Приказ Петрова, командовавшего большевицким отрядом, двигавшимся из Воронежа, отданный после взятия им станицы Каменской.

¹¹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 172.

Эти обвинения вызвали на одном собрании горячую отповедь генерала Каледина. «А Вы что сделали? — спросил он группу общественных деятелей, осуждавших его политику. — Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни. Но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение?.. Развал общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной».

Внутренним своим чутьем Каледин верил, что казачество образумится, а до этого момента он не хотел растрачивать его сил. Его ум подсказывал ему, что на этом пути придется пройти тяжелые испытания. Но он поступал аналогично генералу Духонину, понимавшему, что в деле государственного управления нельзя связывать дело общего спасения исключительно со своею личностью. Не всем героям суждено быть людьми «двенадцатого часа»: многим суждено погибнуть для того, чтобы подготовить успех других.

Личная трагедия Каледина, так же как и личная трагедия Духонина, заключалась в том, что его не хотела поддержать как раз та среда, которая была ему наиболее родной по духу. Морально утомленный, генерал Каледин особенно нуждался в такой поддержке. Не встретив ее, он заколебался и уступил.

Эта уступка выразилась в его согласии на учреждение «Триумвирата» в лице генералов Алексеева, Корнилова и его самого. В следующей главе мы подробно остановимся на учреждении этого коллегиального органа управления, вступлением в который генерал Каледин впал в противоречие с той политикой, которая до тех пор велась им. Несомненно, что он предполагал этим компромиссом более полно использовать для защиты Дона Добровольческую Армию, формирующуюся из офицерства и молодой интеллигенции неказачьего происхождения. Но этим признавалось наличие на Дону неподчиненной генералу Каледину вооруженной силы, что нарушало важнейший принцип военного искусства — единство командования, и, конечно, увеличивало недоверие и Краевой власти местной революционной демократии.

Генерал Каледин рассчитывал, что мудрость генерала Алексеева и лояльность генерала Корнилова смягчат отрицательные последствия, вытекающие из учреждения Триумвирата. Помощь же Добровольческой Армии была генералу Каледину необходима: казаки строевых частей драться не хотели, а одних только донских добровольцев, получивших наименование донских партизан, было слишком мало.

Между тем положение на Дону становилось критическим. Приходилось бороться не только с внутренним большевизмом, поднимающим голову в Таганрогском и Ростовском округах, а также и среди многочисленного иногороднего крестьянства, но и с нашествием внешних большевиков.

Наступление большевиков на Дон

С первых же дней своего существования Ленинское правительство оценивало Каледина как самого опасного врага большевизма. Поэтому оно и наметило Дон главным объектом своих действий. Для покорения его был направлен максимум имеющихся налицо красных сил. Большевицкий главнокомандующий Крыленко призывал эти «эшелоны» бороться «ожесточеннее, чем с врагом внешним».

К 7 января к Донской области подошли: с севера вдоль железнодорожной магистрали, ведущей от Воронежа — колонна Петрова, с запада сформированные в Донецком бассейне отряды Сиверса и Саблина. Общая численность этих сил достигала 10 тысяч человек.

Тесная зависимость красных отрядов от линий железных дорог локализовала борьбу с наступающими на Дон «внешними» большевиками в двух районах: а) в районе узловых станций **Миллерово, Лихая, Зверево**¹, которые для упрощения я назвал выше «районом **станции Каменской**»², б) вторым районом борьбы являлась полоса местности, лежащая вдоль железнодорожной магистрали, идущей из Донецкого бассейна через Таганрог к Ростову.

В районе станции Каменской создавался главный очаг борьбы. Сюда и направлялись отряды Петрова, Саблина, а первоначально и Сиверса. Генерал Каледин собрал здесь все сохранившие хоть некоторую боеспособность казачьи части. Они были очень малочисленны, а главное тоже были склонны к «нейтралитету». Были даже случаи перехода казачьих частей на сторону большевиков. Правда, такой переход не был искренним. Большинство таких казаков быстро отпадало от большевиков. Последние, пользуясь колеблющимся настроем казаков, создали в конце января в станице Каменской казачий «военно-революционный» комитет, при котором под начальством казачьего офицера Голубева был сформирован красный «Северный казачий отряд».

¹ Как я говорил выше, это были станции смычек жел. дорог, идущих из сев. части Донецкого бассейна, с меридиональной железнодорожной магистралью *Воронеж—Новочеркасск—Ростов*; от станции Лихая шла, кроме того, пересекая Донскую область с запада на восток, жел. дорога на *Царицын*.

² *Станица Каменская* находилась у перехода Воронежско-Ростовской железнодорожной магистрали через Дон.

«При помощи перешедших на его сторону некоторых частей Каледина, — пишет большевицкий историк гражданской войны¹, —отряд (Голубева) захватил станцию Лихую и Звереву. Ревком начал было переговоры с Калединым, окончившиеся безрезультатно, так как партизанский отряд белых, под командой Чернецова¹³¹, захватив Лихую и Звереву, заставил Ревком перебраться на станцию Миллерово».

Кто же были эти «партизаны Чернецова»?

«В то время, как дух казачества угасал в душах служилых казаков, — пишет один из историков последних дней Дона¹¹, — этот дух ярким пламенем загорался в сердцах Донской молодежи. Партизаны — это были те добровольцы — уроженцы Дона, которые откликнулись на призывы Атамана в то время, когда казачья масса оставалась глуха к этим призывам... В среде партизан можно было встретить и старых, убеленных сединами, и молодых, безусых и безбородых, и казака, и офицера... и студента, и богатого, и бедного... Люди всех возрастов, всех положений, всех состояний, но ядром партизанства была учащаяся молодежь — кадеты, гимназисты, студенты... Отзывчивая, самоотверженно действенная, идеалистически-народнически настроенная, охваченная патриотизмом, учащаяся молодежь оставляла свои учебники и с религиозным воодушевлением, часто тайно от родителей бежала в ряды партизан и героически там умирала.

Партизанство дало многих героев, многие подвиги превратились в легенды и перейдут в историю, как светлые страницы трагической для казачества эпохи. Здесь в партизанстве ярко сияла казачья идея. Погибающий Дон в партизанстве звал своих верных сынов для своего спасения...»

Так заключает свои слова о партизанстве донской историк. Однако, для более точной обрисовки донского партизанства в его первичный период, нужно в эти слова внести существенную поправку: учащаяся молодежь, пошедшая в него, шла защищать не только Дон, но и саму Россию. В этом легко убедиться, прочитав приводимую в приложении¹¹¹ декларацию штаба Студенческой дружины, первой откликнувшейся на вооруженную борьбу с большевизмом в ноябре 1917 года. Вся декларация проникнута духом всероссийского патриотизма.

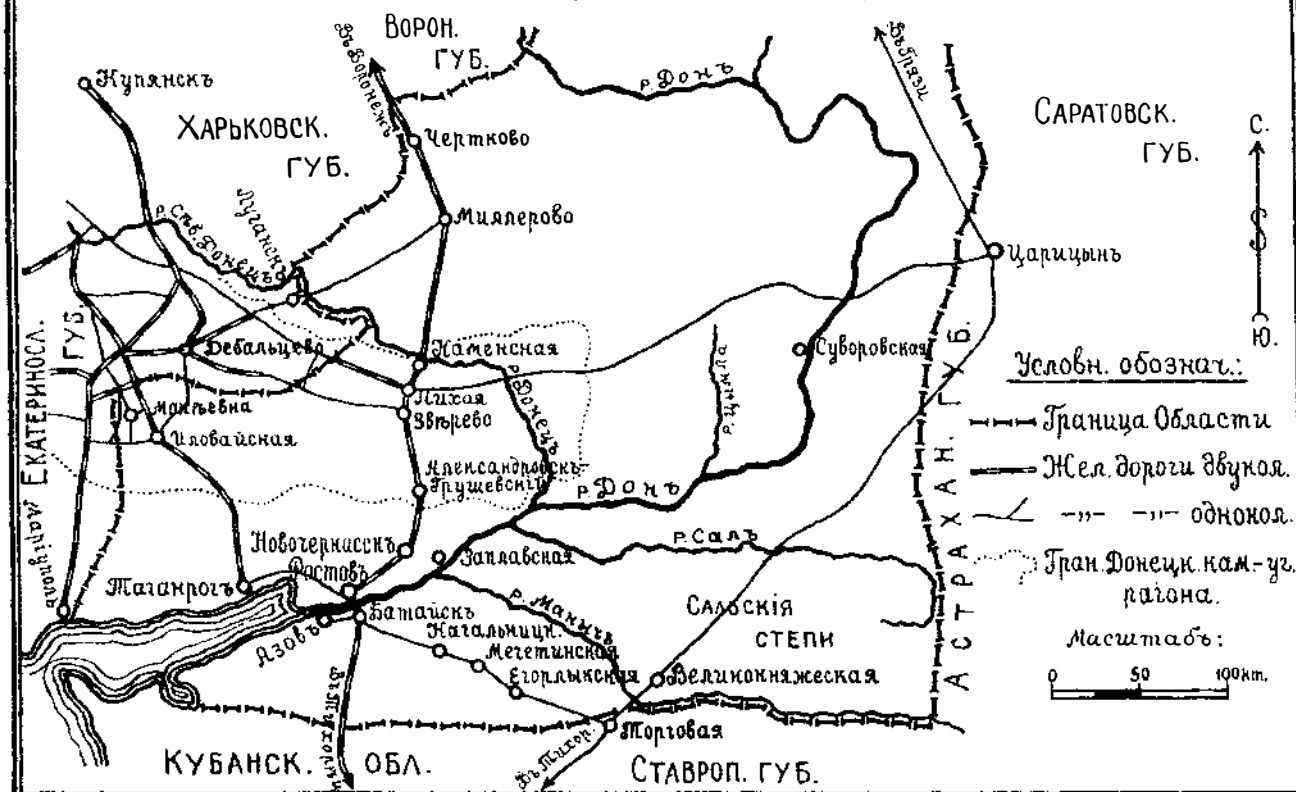
Только что сделанное мною замечание важно в психологическом отношении. «Всероссийская» ориентация учащейся молодежи заставляла

¹ Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 46.

¹¹ Каклюгин К. П. Войсковой Атаман А. М. Каледин и его время // Донская Летопись, № 2, с. 156.

¹¹¹ См. приложение № 23.

СХЕМА N4.

ее предпочитать везде, где только были части Алексеевской организации, впоследствии получившей наименование «Добровольческой Армии», идти к тем добровольцам. Это в свою очередь объясняет, почему генерал Каледин так нуждался в помощи генералов Алексеева и Корнилова.

Впоследствии в Донское партизанство пойдут казаки среднего и низшего возраста, и «партизанское» движение будет носить яркую печать «местного» патриотизма. Но в этот период, который здесь рассматривается, в партизаны шла, как я указывал выше, главным образом учащаяся молодежь со свойственным ей широким Всероссийским патриотизмом.

«Душой партизанства был есаул Чернецов. Это яркая звезда в плеяде «младших богатырей»... Чернецов воплощал в себе идею, воодушевление и идеалы партизанства. Он был окружен любовью, преданностью, обожанием, глубокой верой, безусловным повиновением. О нем слагались легенды, ему посвящались стихотворения, в его честь пелись песни, его слова-афоризмы передавались из уст в уста...»¹ «Мои партизаны, — говорил Чернецов вновь прибывающим к нему, — знают только один приказ — вперед. Осмотритесь здесь хорошенько: малодушным и неженкам нет у меня места. Если покажется тяжелым, можете вернуться»².

В результате боевые действия Чернецова представляют собою разительный пример того, что может сделать «дух» войска против «числа». Имея в своем распоряжении всего несколько сот партизан, Чернецов становится душой всех боевых действий в районе станицы Каменской. Неожиданно нападая то на один, то на другой из красных отрядов, двигавшихся по концентрически сходящимся в районе станицы Каменской железнодорожным путям, он бьет их и отбрасывает к исходным станциям. Это затягивает борьбу в этом районе на месяцы.

Но 4 февраля Чернецов предательски убит казаками Голубева. С его смертью сопротивление в районе станицы Каменской падает; отряды Петрова и Саблина соединяются и, наступая вдоль Воронежско-Ростовской жел.-дорожной магистрали, приближаются с севера к столице Донского Войска — Новочеркасску. Для прикрытия последней атаман Каледин попросил ген. Корнилова направить часть Добровольческой Армии. Генерал Корнилов отправил в Новочеркасск две офицерские роты.

Защиту Дона от внешних большевиков, наступавших на Таганрог-Ростовском направлении, Атаман Каледин передал Добровольческой

¹ *Каклюгин К. П.* Донской партизан Чернецов // *Донская Летопись*, № 2, с. 156, 157.

² Там же, с. 158.

Армии, штаб которой и перешел в Ростов. Численность последней была около 2¹/₂ тысяч бойцов. Добровольческой Армии пришлось иметь дело с красным отрядом Сиверса, всё время усиливавшимся «красногвардейскими» формированиями Макеевского горнозаводского района. Несмотря на доблесть, проявляемую Добровольцами под командой полковника Кутепова¹³², положение их у Таганрога было тяжелым. В особенности же оно затруднялось ростом большевизма в г. Таганроге и Ростове. И без того слабая Добровольческая Армия должна была уделять часть своих сил для предохранения от большевицких выступлений в этих городах. 3 февраля в Таганроге вспыхнуло большевицкое восстание, поднятое 5000 рабочих Балтийского завода. Добровольцы вынуждены были отступить к Ростову. Вслед за ними стал приближаться с запада Сиверс. В то же время в тылу Добровольческой Армии начали появляться части старой 39-пехотной дивизии, возвращавшиеся с Кавказского фронта. Собравшись в районе станции Тихорецкой, эта дивизия собиралась пробиться через Ростовский железнодорожный узел, дабы затем разойтись по домам.

Положение становилось тяжелым, и генерал Корнилов решил бросить Дон и уйти на Кубань. 10 февраля он послал об этом своем решении телеграмму атаману Каледину.

Самоубийство генерала Каледина

Эта телеграмма ген. Корнилова сыграла для жизни ген. Каледина роковую роль.

Мы предоставим рассказать обстоятельства смерти Каледина Н. Мельникову — одному из его ближайших сотрудников, бывшему непосредственным свидетелем этого конца:

«Рано утром 29 января (по новому стилю 11 февраля) 1918 года меня разбудили — пришел из Атаманского дворца вестовой: Войсковой Атаман приглашает членов Правительства во дворец на экстренное заседание. Собрались.

А. М. Каледин вызвал Походного Атамана А. М. Назарова¹³³ и предложил осветить обстановку на фронте.

Спокойно и бесстрастно ген. Назаров нарисовал совершенно безнадёжную картину: противник в нескольких верстах от Новочеркасска; казаки драться не желают; молодежь изнемогает; Донское войско защищают немного больше 150 человек и две роты Добровольческой Армии...¹

¹ Две офицерские роты, прикрывшие по просьбе атамана Каледина столицу края от большевиков, наступавших с севера. — *Прим. Н. Н. Г.*

Алексей Максимович дополнил... и в заключение прочитал полученную ночью от ген. Корнилова телеграмму, в которой сообщалось, что Добровольческая Армия решила ввиду безнадежности положения на Дону уходить на Кубань; телеграмма заканчивалась просьбой Корнилова к ген. Каледину отдать распоряжение последним добровольческим ротам сняться с Новочеркасского фронта и идти в Ростов на присоединение к уходящей армии...

Алексей Максимович тихо добавил: «Распоряжение это мною уже отдано. Дальнейшая борьба бесполезна. Предлагаю Правительству обсудить вопрос о своем дальнейшем существовании; лично полагаю, что нам всем надо сложить свои полномочия и передать власть городскому самоуправлению».

Некоторые члены Правительства (и я в том числе), не теряя надежды на то, что казаки еще одумаются и что нам нужно выиграть время, для чего необходимо отойти от железнодорожной линии, вдоль которой продвигались большевики, предложили оставить Новочеркасск и уйти в степи... но А. М. Каледин необычным для него раздраженным тоном заявил, что это невозможно и на это он не пойдет.

Митрофан Петрович Богаевский начал говорить — точнее, вслух размышлять, но Алексей Максимович тем же раздраженным тоном прервал его: «Довольно говорить — от болтовни Россия погибла. Давайте кончать. Я для себя решил: слагаю полномочия Атамана; я уже не Атаман...»

М. П. Богаевский, а за ним и все остальные, обменявшись короткими репликами, решили передать власть городской управе, члены которой и были немедленно вызваны во дворец. Условились в 4 часа встретиться в Управе и подписать акт передачи. Алексей Максимович передал отдельным членам Правительства имевшиеся у него на руках деньги со словами: «Ну, от этого очистился», облегченно вздохнул и затем вышел в маленькую комнату — рядом с его большим кабинетом, где происходило заседание.

То, что он делал во время заседания — открывал ящик за ящиком своего стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги, его лицо, голос — всё не оставляло сомнения, что он жить больше не будет — и как только он вышел, члены Правительства заговорили о необходимости предотвратить несчастье.

Алексей Максимович в это время снова вошел в кабинет, и разговоры на эту тему прекратились. Заседание кончилось, и мы стали расходиться, причем Алексей Максимович, прощаясь, говорил каждому: «До 4 часов в Управе». Эти слова несколько успокоили.

Я уходил из кабинета одним из последних, и, прощаясь с Атаманом, сказал, что ему необходимо теперь же уехать из Новочеркасска.

Атаман безнадежно махнул рукой. Я сказал что-то в этом смысле, что всё еще впереди, что силы его еще понадобятся родине, на что он ответил: «Оставьте это мне», и быстро протянул мне руку, чтобы прекратить этот разговор.

Около двух часов дня мы шли от Атамана, а через $1/2$ часа его уже не стало...

Уничтожив еще некоторые бумаги, Алексей Максимович прошел к своей жене, которая в это время была занята разговором с одним из посетителей, молча посмотрел на нее, вернулся в маленькую комнату около кабинета, снял с себя форменную тужурку, лег на кровать и выстрелил в сердце из револьвера.

Много говорилось о причинах, заставивших А. М. Каледина покончить с жизнью.

Зная хорошо Алексея Максимовича, я полагаю, что его конец иным и не мог быть. Безнадежность положения была для него ясна более чем для кого-либо другого, уйти же из Новочеркасска с Корниловым или партизанами он не смог — гордый Атаман старейшего войска не мог уйти со своего поста.

«Прошу верить — долг свой исполню до конца». Эти слова были им сказаны недаром. Можно спорить о правильности такого понимания долга, но раз Каледин так думал — иначе он поступить не мог, ибо это был человек долга, по преимуществу¹.

После самоубийства ген. Каледина ген. Корнилов отменил свое решение увести Добровольческую Армию с Дона.

«Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех, — записывает ген. Деникин¹¹. — Явилась надежда, что Дон опомнится после такой тяжелой искупительной жертвы... Из Новочеркасска поступили к нам¹¹¹ сведения, что на Дону объявлен «сполох», подъем растет, собравшийся Круг избрал Атаманом ген. Назарова и призвал к оружию всех казаков от 17 до 55 лет. В Парамоновском доме настроение вновь поднялось. Приходившие к нам постоянно ростовские и пришлые общественные деятели... в каждом малейшем просвете военного положения жадно искали симптомов перелома...»

Но чтобы использовать этот подъем, нужно было бы воскресить Каледина.

¹ Статья Н. Мельникова «А. М. Каледин. Личность и деятельность» // Донская Летопись, № 1, с. 39–41.

¹¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 220, 221.

¹¹¹ Штаб Добровольческой Армии находился в это время в Ростове в «Парамоновском доме». — *Прим. Н. Н. Г.*

Лишь небольшая часть казаков пошла в партизаны. Этого было совершенно недостаточно для того, чтобы остановить надвигающийся большевизм.

Большевизм на Дону

В начале марта Новочеркасск был занят большевиками, и вся область подпала под их иго.

1500 казаков-партизан не пожелали им подчиниться. Под начальством своего походного атамана — генерала Попова¹³⁴, ушли они в Задонье, в Сальские степи. Они решили выждать в глубине степей то время, когда казаки «одумаются» и призовут их на помощь.

Избранный для стоянки генералом Поповым район представлял собою район «зимовников» (поселки и хутора, к которым на зиму сгонялись табуны лошадей и скота). В нем можно было рассчитывать на запасы хлеба и фуража. С севера он был прикрыт Доном. Из этого района легко можно было развивать партизанские действия в любом направлении¹. Но главное: этот район лежал вне железных дорог, и потому для «красных эшелонов» был недостижим. Самый факт существования «Степного отряда» показывал, что дух казачества не умер и что Каледин в своих надеждах был в конце концов прав.

Настроения казачества отличались от настроений неказачьей части населения области. Сочувствующих большевизму, захваченных и зараженных большевицким ядом, среди казаков было ничтожное количество. Несмотря на все усилия большевиков, они смогли привлечь в ряды «красных полков Миронова» и «революционной дивизии» Голубева не более двух тысяч человек. Остальная часть «фронтовиков», поддавшаяся на демагогические обещания большевиков создать на Дону власть «трудового народа», предпочла остаться по станицам и хуторам. Но с каждым днем большевицкого режима последний всё более и более отталкивал от себя казаков, пробуждая любовь к родному краю и ненависть к кровавому насилию новых владык... Среди многочисленных жертв большевицких палачей были первый выборный Войсковой Атаман, предшественник Каледина — Волошинов¹³⁵, а также заместитель Каледина — доблестный генерал Назаров; расстрелян был также чрезвычайно популярный на Дону общественный деятель М. П. Богаевский, избранный помощником Войскового Атамана при Каледине. В одном Новочеркасске было «уничтожено» около 200 офицеров и 400 граждан¹¹.

¹ Лукомский. Воспоминания, т. II, с. 9.

¹¹ Ген. Денисов. Записки, с. 44 и 50.

Большевицкие декреты требовали от казаков коренного изменения векового уклада станичной жизни. Выборные станичные и хуторские атаманы с их выборными же правлениями заменяются «советами», окружные атаманы — окружными советами. Донское Войско переименовывается в «Донскую советскую республику» во главе с «Областным военно-революционным комитетом», учрежденным в Ростове. Фактически же на Дону начинает управлять диктаторская власть лиц весьма низкого морального уровня. Верные своей доктрине, большевики пытаются раздуть огонь «классовой борьбы»; иногородние представляют в этом отношении благодарный материал, и в результате повсеместно возникает их засилье, и при их поддержке начинается уничтожение казачества.

28 марта большевицкий областной съезд советов издал постановление о «национализации» казачьих земель; через три дня после этого на Дону началось казачье восстание.

Восстание Донского казачества

1 апреля 1918 года — дата, «когда Донское казачество, охваченное любовью к своему краю, национально оскорбленное, как часть русского народа в лучших своих государственных чувствах, не потерявшее здорового государственного разума, вскормленное свободой своего исторического прошлого, видя издевательство над всем, что составляло святое святых каждого народа и государства, возмущенное кошунством над религией и религиозными святынями, поднялось против узурпаторов Российской власти и поработителей не только Донского края, но и всей Русской земли.

Трагедия «нейтралитета» создала трагедию сознания, что содеянное «фронтовиками» придется исправлять голыми руками, ибо не было ни оружия, ни патронов, не говоря уже об орудиях, пулеметах и различных технических средствах, необходимых для вооруженного выступления.

Трагедия была и в том, что казаки сознавали, как был прав А. М. Каледин и те, кто призывал казаков к защите Дона в тот момент, когда для этого не потребовалось бы тех огромных жертв и крови, необходимых теперь во имя спасения Дона.

Положение создалось не из легких.

Вся Донская Область была большевиками как бы разделена пополам. Север оторван от юга... Средний Дон изолирован от верховных и низовых станиц. По всей же земле Войска Донского были вкраплены красногвардейские гарнизоны — недремлющее около различных комиссаров и главковерхов.

Каждый округ изолирован. У станиц одного округа была отнята возможность сносятся со станицами другого. К этому нужно добавить — наблюдение за станицами, зараженными большевизмом, крестьянских и иногородних сел и слобод, готовыми в любой момент выступить на стороне большевиков против казаков.

...Но несмотря на все эти невыгодные условия предстоящей борьбы, в душе казака любовь к своему краю была настолько сильна, что победила всякие сомнения и колебания, и заставила многих еще колеблющихся схватить оружие и присоединиться к общему противобольшевицкому движению, начатому храбрыми и сильными духом станицами и хуторами¹.

Однако в этой тяжелой обстановке контрреволюционного выступления, очерченной одним из историков Дона, появилось одно «внешнее» условие, сильно облегчающее это выступление: март—апрель — это время вторжения германо-австрийских войск в Южную Россию и их подхода к западной границе Области Войска Донского. Это обстоятельство не могло не отразиться сильно на «духе» большевиков, находившихся в этой Области.

1 апреля восстала против большевиков Суворовская станица, и по всей области, без предварительного сговора, начались в разных местах восстания казаков. «...И всюду одна картина: появляется небольшая группа, дружины, советы связываются, объединяются, растут численно, дело переносится на хуторские и станичные сборы, там оно расширяется, крепнет, организуются хутора и станицы, организуются «советы вольных хуторов и станиц Дона», «Совет обороны Дона», назначаются руководители военной борьбой, создается власть, ведающая разными отраслями управления. Это движение и по способу и по времени возникновения в самой гуще казачьего населения, по аналогичным методам действий, по порыву, воодушевлению массы — является **стихийным народным движением...**»

Так характеризует это движение один из историков Дона². Другой историк³ того же движения так объясняет его внутренние причины:

«1) Казаки в 1917 году восприняли революционный переворот, как волеизлияние русского народа. Но в том же году «воля народа» была поработана противогосударственной и противосоциальной силой. В 1918 году казакам стало ясно, что над русским народом, как и над

¹ Янов Г. П. Дон под большевиками весной 1918 года и восстание станиц на Дону // Донская Летопись, № 3, с. 19, 20.

² Там же, с. 30.

³ Каклюгин К. П. Степной поход в Задонье 1918 года и его значение // Донская Летопись, № 3, с. 5—11.

казаками, произведено грубое насилие. С этим насилием и обманом казаки примириться не могли.

2) В режиме большевицкой власти казаки видели всё, кроме законности, права и порядка. Большевицкие лозунги, как и способы и принципы управления, были чужды душе казака, как был чужд и весь большевизм всему укладу казачьей жизни.

3) Всё внутреннее «я» казака протестовало против насилий над личностью, против массового избиения невинных людей, против всех ужасов и крови, сопровождавших каждый шаг большевицкой власти.

4) Казак не мог примириться и с обезличением казачества, с насилием над казачьими обычаями, над традициями, освященными веками и передаваемыми из поколения в поколение.

5) Стремление неказачьего элемента захватить преобладающее значение на Дону и подчинить себе казачью общину разъяснило казакам чаяния «трудового народа»¹ и суть будущей власти последнего.

6) Глубокая любовь к родимому краю, цельность казачьей натуры, казачья гордость, высокая степень религиозности и патриархальность жизни, влияние семьи оттолкнули казака от большевицкого цинизма и разврата.

7) Оскорбленное религиозное чувство кощунством над святынями и храмами, глумление над национальным чувством и над Россией, с коей казаки были связаны неразрывными узами вековой борьбы за ее могущество и величие, и любовь к ней, униженной и страдающей — создало у казаков ненависть к большевикам и к большевицкой власти.

И в результате ясное представление, что большевики создали гибель Русского государства и позор русского народа, в коем Донские казаки, как часть русского народа, участвовать не желали и не могли. Более же высокий уровень умственного развития казака, в сравнении с общекрестьянской массой, дал возможность казаку скорее разобраться в сути большевизма и выступить против власти, уничтожившей Русскую государственность.

Вот те главные причины, всколыхнувшие Дон и поднявшие Донское казачество на неравную, тяжелую, но героическую борьбу с большевицкой властью, на борьбу **не классовую, не партийную или кастовую**, а на борьбу **народную, стихийную**. В этой борьбе участвовало всё казачье население Дона. И когда началось, а затем развивалось восстание в станицах и хуторах — старики, казачки, казачата-выростки, кто с оружием в руках, а чаще с вилами и колями, кто заботой

¹ В большевицком понимании. — *Прим. Н. Н. Г.*

о «снабжении фронта» и уходом за ранеными, поголовно принимали участие в борьбе — не на жизнь, а на смерть, — казачества с красной напастью многострадальной России...

...Огромное влияние на восстание имели «старики» и интеллигентные силы Войска Донского, и из них главным образом интеллигенция станиц: офицеры, учителя и местные общественные деятели. В Войске Донском было то, чего не было в России: интеллигенция духовно была связана с народом и не жила вне интересов своего народа. Моральная и повседневная жизненная близость интеллигентных казачьих верхов с казачьей народной толщей — создала единый народный фронт против разрушительных принципов большевизма и двинула казачью массу на борьбу во имя права, законности и порядка и тех государственных основ, кои могли возродить родину и возвратить России ее мощь и былое величие...»¹.

14 апреля казаки из ближайших к Новочеркасску станиц захватывают в свои руки свою столицу. Однако через несколько дней они должны, под давлением превосходящих количественно и хорошо вооруженных большевистских сил, отойти в расположенную вблизи Новочеркасска станицу Заплавскую.

В станице Заплавской образуется главный центр восстания, куда быстро приливают казачьи силы. Здесь же образуется «Совет обороны», превращающийся 21 апреля во «Временное Донское правительство». К этому времени организуется у станицы Заплавской «Донская Армия», достигающая 6 1/2 тысяч. Одновременно Временное Донское правительство получает известия об удачных действиях «Степного отряда» в долине р. Маныча.

В рассматриваемый мною период времени «Степной отряд» составлял единственную уже хорошо организованную и вполне вооруженную воинскую часть (1500 всадников при 5 орудиях и 40 пулеметах). Поэтому роль «Степного отряда» в успехе всего восстания очень велика.

«Великая вера в казачество жила в сердцах донских партизан Степного отряда, переносившего мужественно и терпеливо в безбрежных донских степях все физические и моральные страдания своего скитания без крова и приюта, в холоде и в голоде, под страхом быть раздавленным сильным и жестоким врагом, — но и велика была радость осуществления своей веры...»²

¹ Янов Г. П. Дон под большевиками весной 1918 года и восстание станиц на Дону // Донская Летопись, № 3, с. 29.

² Каклюгин К. П. Степной поход в Задонье 1918 года и его значение // Донская Летопись, № 3, с. 9.

24 апреля Временное Донское правительство издает приказ¹, которым командование всеми силами восставших казаков объединяется в руках командующего «Степным отрядом» генерала Попова. Этим же приказом объявлялось, что сейчас же по освобождении столицы Дона Временное Донское правительство созывает «Круг Спасения Дона», которому и передаст верховную власть над краем. 28 апреля Временное Донское правительство рассылает станицам и повстанческим отрядам следующее обращение:

«Казаки! близится светлый день освобождения родного края исстари знаменитого Войска Донского от насильников и грабителей, красногвардейцев, — купленных слуг проклятой власти большевиков.

Разорена наша родная земля, унижен и оскорблен Тихий Дон, но с Божьей Помощью начатое вами дело освобождения станиц от Красного засилья близится к концу.

Необходимо последнее усилие, и казачий подвиг восстания — не забудется во веки веков.

Но рядом с вашими подвигами необходима усиленная работа по воссозданию мирной жизни и укреплению законности и порядка на родной земле.

Вами с огромными жертвами и рядом подвигов освобождается Тихий Дон, вашим же разумом и волею должна быть организована и Власть, избраны люди, способные упрочить казачью победу.

По исконному казачьему обычаю, по заветам прадедов — все дела Войска решаются Войсковым Кругом.

Временное Донское правительство считает необходимым созвать «Круг Спасения Дона», дабы Круг установил порядок, законность и, избрав Войскового Атамана, тем самым помог бы всю борьбу с большевиками довести до конца.

Поэтому Временное Донское правительство приказывает:

1) Во всех станицах, полках и дружинах — произвести незамедлительно всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, выборы на «Круг Спасения Дона» с расчетом: от станиц по одному, а от полков и дружин по два представителя.

2) Выборы должны быть закончены к 23 апреля настоящего года по старому времяисчислению.

3) О дне созыва и месте работ Круга станицы, полки и дружины будут заблаговременно извещены.

4) Все путевые расходы до разрешения денежного вопроса Кругом — должны быть произведены за счет станиц полков и дружин.

¹ См. приложение № 24.

5) Постановления станиц, полков и дружин о произведенных выборах, с указанием лиц, избранных на «Круг Спасения Дона», должны направляться на имя председателя Временного Донского правительства».

К концу апреля число организованных казачьих сил превосходило 10 тысяч. Но эти силы еще разбросаны и борются против большевиков в разных частях области. Большевицкие силы, собранные в районе ст. Каменской (Ворошилов), терпят ряд поражений от восставших казаков, пользующихся содействием приближающихся немцев¹. 5 мая у ст. Лихой для большевиков, по свидетельству их собственных историков², «положение создавалось невообразимое. Мчались группами, в одиночку..., бросались орудия, пулеметы...». После этой неудачи около 60 эшелонов Ворошилова потянулись на восток и затем, по жел. дорогам, на Царицын. Часть же большевиков двинулась на юг, намереваясь пробиться к Ростову.

6 мая Заплавская группа казаков захватывает Новочеркасск, но через день, однако, она атакована теми красными войсками, которые отступали из района ст. **Каменской** на юг.

Положение казаков, захвативших **Новочеркасск**, становилось трудным. Но в критическую минуту боя казаки получили совершенно неожиданную помощь: из Румынии пришел отряд полковника Дроздовского³⁶.

Этот отряд был сформирован главнокомандующим Русскими Армиями в Румынии — генералом Щербачевым. Он состоял из тысячи Добровольцев ($\frac{2}{3}$ офицеров, $\frac{1}{3}$ солдат) и был хорошо снабжен артиллерией (16 3-дюймовых пушек и две 4,8 гаубицы). Поход отряда полковника Дроздовского из Румынии на Дон длился 61 день. Шли форсированным маршем, делая иногда 60—70 верст в сутки и избегая встречи с немцами, войска которых в это время двигались по югу России в том же направлении³. 4 мая полковник Дроздовский атаковал Ростов и захватил его, но на следующий день был выбит большевиками. Тогда он двинулся к Новочеркасску и подошел к нему 8 мая в трудную для казаков минуту. Появление сильной, по условиям рассматриваемого периода гражданской войны, артиллерии полковника Дроздовского решило бой в пользу казаков.

В этот же день 8 мая немцы заняли Ростов. Вся часть Козлово—Воронежско—Ростовской магистрали, проходящая через Донскую

¹ Донская Летопись, № 3, с. 26.

² Гражданская война 1918—1921 гг. Москва, Госиздат, 1928, т. I, с. 14.

³ Отряд Дроздовского перешел Днестр у Дубоссар 6 марта, переправился через Буг 28 марта, а 17 апреля был у Мелитополя.

область, была очищена от большевиков. Это упрочивало владение казаками своей столицей. К этому же времени освободилось от большевицкого ига около половины всей области.

Верное своему обещанию Временное Донское правительство уже 12 мая, т.е. через шесть дней после завладения столицей, открыло в Новочеркасске «Круг Спасения Дона», которому и передало свою власть.

Всего одну неделю работал «Круг Спасения Дона». Он выбрал войсковым атаманом генерала Краснова и передал ему власть «во всем ее объеме», постановив вместе с тем, что не позже чем через два месяца должен быть созван Большой Войсковой Круг. Этот Большой Войсковой Круг должен был сыграть роль Краевого Учредительного Собрания для окончательного установления основных краевых законов и для принятия отчета в управлении избранного войскового атамана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 23

ДЕКЛАРАЦИЯ¹

Штаба Студенческой боевой дружины

Дружина состоит из учащихся высших учебных заведений и имеет в своем распоряжении все средства новейшей боевой техники. Официально дружина называется «Боевая студенческая дружина для борьбы с анархо-большевизмом», и находится она в распоряжении Войскового правительства. Это значит, что дружина вполне доверяет и подчиняется Войсковому правительству. Дружина знает, что Войсковое правительство — орган законной демократической власти, избранной населением, а не навязанной извне, действует в интересах всего населения, стоит на страже законности, права и охраняет культуру, свободу, жизнь и безопасность граждан. Мы всецело поддерживаем только такую власть и готовы словом и делом содействовать ее начинаниям. В случае нужды мы с оружием в руках выступим на защиту законности, права и свободы и власти, их охраняющей. Мы, дружинники, не признаем ни единоличной власти монарха, ни власти кучки узурпаторов, при посредстве грубой силы и произвола старающихся навязать свою волю большинству страны, ибо мы не признаем насилия. На нашем боевом знамени написано: «За Родину, свободу, право и культуру». Русское студенчество всегда боролось за свободу и блага культуры для всего народа, и за это цари ссылали его в Сибирь и морили по тюрьмам, а теперь, в дни революции, мы оставили книги и взялись за оружие, чтобы отстоять эти лозунги от напора темных сил.

Мы боремся не с идейным большевизмом, с которым мы боролись и ныне боремся словом; нет, оружием мы боремся с тем шкурным, анархическим и разбойничьим большевизмом, который попирает всякое право и грозит погубить Россию. Мы боремся с теми бандами, куда вошел всякий сброд, начиная от черносотенцев и погромщиков и кончая анархистами, к которым примыкают такие темные, невежественные люди, идущие за лживыми обещаниями несчастных своих вождей. Эти вожди называют себя социалистами-большевиками, но это ложь. Они написали на своем знамени «Сво-

¹ Эта Декларация Штаба Студенческой боевой дружины была напечатана в № 196 «Вольного Дона» от 1 (14 по нов. ст.) декабря 1917 года.

бода, равенство и братство» и втоптали это знамя в грязь. Вместо свободы они устроили произвол и насилие хуже Романовского, они уничтожали равенство, и вместо братства они начали братоубийственную бойню. Они говорили о свободе личности, а теперь арестовывают народных избранников и старых честных социалистов. Вместо свободы печати они установили цензуру, более жестокую, чем при царском режиме. Они протестовали против смертной казни, а сами теперь убивают и расстреливают тысячами. Они протестовали против войны и устроили войну внутри страны и готовят нам новую ужасную войну со всеми нашими союзниками. Они не считаются с демократиями союзных стран — и готовы разговаривать с монархическими правительствами врагов. Они говорили о самоопределении народов, а сами посылают карательные экспедиции, не позволяя народам устраиваться так, как они хотят. Наконец, они стараются сорвать Учредительное Собрание. Поэтому мы говорим: Вы, именующие себя большевиками, не социалисты. Вы — контрреволюционеры и предатели. Вы втоптали в грязь знамя социализма и наносите удар в спину Родине и революции. Вы показали демократии мира ужасный пример развала страны, и теперь ни один народ на земном шаре не рискнет устроить революцию. Вы — провокаторы в семье социалистов. Довольно. Мы, студенты, боролись за счастье и свободу народа тогда, когда Вы покорно гнули шеи под царским ярмом, и мы гибли в этой борьбе. Теперь мы действительно хотим свободы, равенства и братства. Не мы начали гражданскую войну, и мы неповинны в том, что льется братская кровь. Но и раз Вы идете против всего, что есть на земле святого и дорогого для людей — долг каждого честного гражданина дать Вам должный отпор, и мы заявляем Вам, что готовы Вас встретить.

Никто не посмеет сказать, что интеллигенция предала народ. Всякий, кому дороги Родина, ее культура и счастье и личная безопасность ее граждан, кто желает свободного развития свободных народов России — становись в наши ряды. Кому дороги права человека и гражданина, кто хочет свободы личности, совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов и равноправия — идите под наше знамя.

Начальник Штаба Студенческой боевой дружины

Михей Гребенников¹³⁷

Адъютант **Евгений Виноградов**

Станица Бесергеновская-
Заплавская

11 апреля 1918 года¹

После тяжелого похода в станицу Раздорскую прибыл в главе своего отряда Походный Атаман генерал-майор Петр Харитонович Попов.

Временное Донское правительство в полном единении с доблестным Командованием Донской Армии решило для пользы дела и успешности борьбы против насильников над Донским казачеством — передать высшее Командование и полноту военной власти Походному Атаману генерал-майору П. Х. Попову.

Временное Донское правительство, избранное и облеченное доверием восставших казаков, оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам, связанным с успешностью борьбы против большевиков.

Круг Спасения Дона должен быть создан немедленно же по освобождении столицы Дона от большевиков.

Временное Донское правительство в настоящее время приступило к предварительной работе по созыву Круга.

О порядке выборов, числе уполномоченных и дне созыва Временное Донское правительство своевременно известит станицы, хутора, полки и дружины.

Председатель Временного Донского правительства

Г. Янов¹³⁸

Товарищи председателя:

Есаул **Ф. И. Бабкин**¹³⁹,

М. А. Горчуков¹⁴⁰

Секретарь: **П. Сычев**

¹ 24 апреля по новому ст. — Прим. Н. Н. Г.

ГЛАВА X

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЛАСТНЫХ ПРОТИБОБОЛЬШЕВИЦКИХ ДВИЖЕНИЙ (продолжение)

Кубань

Даже большие размеры настоящего труда не позволяют проследить образование противобольшевицкого движения в каждом из казачеств столь же подробно, как это было сделано для Донского казачества. Тождество причин приводит к тождеству следствий. Поэтому противобольшевицкий процесс во всех казачествах по своей психической сущности протекал аналогично. Различие было лишь в степени напряженности и в быстроте его развития. В этом отношении влияли привходящие обстоятельства, создавшие для каждого из казачеств обстановку, несколько отличающуюся от той, в которой восставало Донское казачество.

Прежде всего, оказывала влияние сама численность казаков. Естественно, что чем было сильнее численно казачество, тем смелее восставало оно против большевиков.

В приводимой ниже таблице показана приблизительная численность казачьего населения (лиц обоего пола и всех возрастов) в 1917 году:

Донское.....	1 800 000
Кубанское	750 000
Оренбургское.....	600 000
Терское.....	250 000
Забайкальское	250 000
Сибирское	200 000
Уральское.....	150 000
Семиреченское.....	75 000
Астраханское	50 000
Амурское.....	50 000
Уссурийское.....	25 000

В Кубанском казачестве существовала, кроме того, особая привходящая данная, вытекающая из его исторической связи с «Запорожской Сечью». Автономные тенденции проявлялись в нем сильнее, чем в каком-либо другом казачестве, вызывая деление самого Кубанского казачества на «Черноморцев» — сторонников «самостийности», и

«линейцев» — сторонников тесной федеративной связи с Россией¹. Эта рознь ослабляла внутреннюю силу Кубанских казаков и делала их более зависимыми от «иностранцев», составлявших, как и на Дону, около половины населения Кубанской области. Вследствие этого Кубанское казачье правительство вынуждено было, еще в большей степени, нежели Донское, проделать опыт «паритетного» управления.

25 декабря был созван совместный съезд представителей казачьего и неказачьего населения области. Как и на Дону, «паритет» не уменьшил тяготения «иностранцев» к большевикам, а казаков-фронтовиков к «нейтралитету». В результате на борьбу с большевиками выступили собравшиеся на Кубани офицеры и учащаяся молодежь. Во главе этих Кубанских добровольцев стал капитан Покровский, произведенный вскоре Радой в генералы.

Так же как и Донские партизаны, Кубанские добровольцы бьют большевиков, несмотря на то что в числе во много раз уступают им. Но и здесь доблесть партизан не могла преодолеть численность большевиков. На Кубани создались совершенно особые условия непрерывного накопления большевистских сил извне. Против Дона направлялись уже организованные «красные отряды», которые шли покорять Дон. Если эти отряды и были во много раз многочисленнее, чем Донские партизаны, то все-таки возможности большевиков для комплектования этих отрядов были в то время ограниченными. Кубанскому же казачеству пришлось бороться хотя и с гораздо хуже организованной, но зато и более многочисленной силой. Это были непрерывные потоки эшелонов, шедших по Владикавказской железной дороге с солдатами, возвращавшимися из Кавказской армии. Один из этих потоков шел по жел. дороге от Владикавказа на Ростов (Владикавказская жел. дор.). На узловой станции Тихорецкой солдаты Поволжья поворачивали по железной дороге на **Царицын**. Все же остальные оседали в северной части Кубанской области, в районах узловых станций **Армавир—Тихорецкая**, из боязни войти в область «страшного» Каледина, к которому присоединился еще более страшный Корнилов. Второй, более мощный солдатский поток шел из **Новороссийска**, куда демобилизующиеся солдаты подвозились морем из Трапезунда. Эти солдатские массы накапливались на ж.-д. станциях к югу от Екатеринодара.

На верхах большевистской власти склонны были до крайности преувеличивать «силы» Каледина. Большевистские сводки до смешного раздували численность войск, находившихся в распоряжении Ата-

¹ «Черноморские» казаки были потомками «Запорожского» казачества; предки «линейцев» происходили с Дона.

мана. Так, 31 декабря с южного большевицкого фронта доносилось: «Положение крайне тревожное. Каледин и Корнилов идут на Харьков и Воронеж... Главнокомандующий просит присылать на помощь отряды красногвардейцев»¹. Большевицкий комиссар Склянский¹⁴¹ сообщил Совету народных комиссаров (так называло себя правительство Ленина), что Дон мобилизован поголовно, вокруг **Ростова** собрано 50 тысяч. Ленин рассылал во все стороны отчаянные телеграммы, подымая Красную гвардию против «Каледина, напавшего на русскую революцию».

Паника наверху передалась вниз и там давала себя чувствовать еще долго после того, как верхи несколько успокоились.

На солдатских массах, возвращавшихся из Кавказской армии, это отразилось в том, что они стали стремиться сплотиться и сорганизоваться. Этим обстоятельством воспользовались местные большевики.

Образовавшийся в Армавире «Кубанский краевой революционный комитет» взял организацию этих сил в свои руки, направив их в первую очередь против столицы Кубанского казачества — Екатеринодара. Для того чтобы влить энергию борьбы в солдатскую массу, не желавшую драться и жаждавшую только поскорее вернуться домой, солдатам была обещана раздача плодородных кубанских земель, принадлежащих казакам.

В ночь на 14 марта малочисленные Кубанские добровольцы должны были очистить Екатеринодар и уйти в горы. С ними вместе ушли Войсковой Атаман и Рада.

В Кубанской области воцарилась большевицкая власть. Она продолжает формировать из пришлых солдатских масс свою вооруженную силу. Хотя эта сила остается по-прежнему на весьма низком уровне в качественном отношении, но зато она хорошо вооружена, и численность ее всё растет благодаря непрекращающемуся притоку из Кавказской армии. В состав этой вооруженной силы вошло и коренное население Кубани, но в подавляющей части это «иностранцы».

В труде историка Кубанского края — Ф. Щербины¹⁴² можно найти интересные статистические данные, показывающие, насколько большевизм был чужд казачьей массе.

На 947 151 жителя Кубанских станиц¹⁴³ к весне 1918 года большевиками стало 164 579, то есть 17 %. Среди кубанских большевиков 97 %

¹ «Московские Известия».

¹¹ Цитировано у Деникина, т. II, с. 176.

¹¹¹ Всего на Кубани было 87 станиц (т. е. казачьих поселений). В станицах жили также и «иностранцы». Остальные селения Кубанской области были населены всецело крестьянами (иностранцами), в горной части Кубанской области находились аулы, населенные горскими племенами черкесов.

было «иногородних» и только 3 % казаков. Из 770 видных большевистских деятелей (комиссаров, членов совета и агитаторов), на которых держалась большевистская диктатура в 50 станицах, только одна треть была из казаков.

Интересно воспользоваться данными этой статистики для характеристики лиц, выносимых большевистской революционной волной для управления страной.

Из вышеуказанных 770 большевистских лидеров 69 были интеллигентами и полуинтеллигентами, 711 были же людьми совершенно необразованными, стоявшими на низших ступенях общественной лестницы и, по большей части, имевшими уже **уголовное** прошлое.

Эти данные иллюстрируют положение не только на Кубани, но и по всей России вообще, так как причины этого явления лежали не в местных условиях Кубани, а в самой социологической сущности большевизма, представляющего собою социальную болезнь.

Захватив в середине марта столицу Кубани — Екатеринодар, большевики приступили к распространению своего владычества над всем краем. В труде Ф. Щербины можно найти цифры, характеризующие темп распространения большевизма в казачьих станицах Кубани:

	Число станиц, переходивших к большевикам
1917 г.	
август	3
сентябрь	2
октябрь	5
ноябрь	5
декабрь	10
1918 г.	
январь	20
февраль	16
март	24
апрель	1
май	1
<hr/>	
Всего 87 станиц	

Проводимая новой Екатеринодарской властью внутренняя политика представляла собою обычную картину ужасающей жестокости и ничем не ограниченного произвола, которую можно видеть везде, где водворялась большевистская власть.

По отношению к казачеству проводится идея его полного уничтожения. Результат получается тот же, что и на Дону, — начинаются казачьи восстания.

Однако теперь Кубанцам приходится горько раскаиваться в той легкости, с которой они первоначально признали большевицкую власть. Последняя приняла энергичные меры для их разоружения, и вспыхивающие восстания представляют печальную картину. Так, в упомянутом выше труде Ф. Щербины можно встретить описание восстания казаков одиннадцати станиц Ейского отдела в начале мая. «У казаков было не более 10 винтовок на сотню, остальные вооружились, чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружились острой, а иные просто захватили лопаты и топоры».

Восстание было жестоко подавлено. Против беззащитных станиц выступали обыкновенно бронепоезда и карательные отряды, вооруженные артиллерией. «Иногда за этими карательными отрядами шли большие обозы; в них нагружалось награбленное добро женщинами красногвардейцев, которые не раз превосходили в жестокости и садизме мужчин».

Большая трудность положения Кубанцев по сравнению с Донцами заключалась еще в том, что восстание Донских казаков встречало ослабевшую силу большевиков, ибо подход немцев к западным границам из Донской области парализующе действовал на последних: страх перед немцами сильно поохладил пыл преступного элемента, представлявшего важную составную часть красной силы.

На Кубани положение было иное: немцы были далеко, количественно же большевицкие силы всё время возрастали за счет солдат, прибывавших с Кавказского фронта.

Терское, Оренбургское, Уральское и Астраханское казачества

Еще более трудным было положение Терского казачьего войска. В его области тоже происходило оседание обольшевиченной солдатской массы, текшей с Кавказа. Но были еще другие обстоятельства, очень ухудшавшие положение Терских казаков.

Разноплеменное население Северного Кавказа волновалось. Это были горские племена: кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши, хотя и замиренные Русской Царской властью, но еще не изжившие психологической вековой розни и не забывшие взаимных обид. Объединявший эти племена русский элемент составлял только 40 % населения края.

При этом он сам был разделен на две враждующие стороны: казаков и «иногородних».

В таких условиях Терское казачество, затерянное среди враждебной стихии, переживало несравненно труднее те же социально-психические процессы, что и его «старшие» братья на Дону и на Кубани.

Еще до конца декабря, когда был жив Атаман Караулов¹⁴³ (бывший член Государственной Думы) и до некоторой степени сохранилось еще несколько Терских полков, оставался хотя бы какой-то призрак областной казачьей власти. Караулов вел определенную политику борьбы с большевизмом и примирения с горцами. Последнее выразилось в образовании «Временного Терско-Дагестанского правительства». Но 26 декабря на станции Прохладной толпа солдат совета убила Караулова. Со смертью последнего власть на Тереке фактически перешла в руки местных большевистских советов, поддерживаемых бандами пришлых солдат.

В начале марта власть над краем и формально тоже перешла в руки большевиков, Терский край был объявлен составной частью «РСФСР».

Правительство Оренбургского казачьего войска во главе со своим Атаманом генералом Дутовым¹⁴⁴, первое из всех казачьих правительств заявило о непризнании власти Ленина.

Большевики направили против **Оренбурга** отряды Красной гвардии, выбрав для этого на Уральских заводах наиболее идейно преданных большевизму рабочих, к которым были присоединены формирования из обольшевиченных солдат запасных полков.

Хотя Оренбургское казачество переживало тот же моральный кризис, что и вышеперечисленные казачества, все-таки на призыв Дутова откликнулось наибольшее число казаков-добровольцев.

31 января большевики заняли Оренбург, и Дутов, вместе со своими казаками-добровольцами, отошел к Верхнеуральску, откуда в мае он должен был уйти в Тургайские степи.

«Одновременно, — пишет большевицкая «История Гражданской войны», — развивалось **сильное** бело-партизанское движение в Уральской области, первоначально носившее **чисто стихийный** характер. С этими партизанами Красная армия вела борьбу, действуя преимущественно вдоль железнодорожных магистралей, приближаясь к административному и политическому центру области Уральску, занятому контрреволюционным правительством»¹.

Уральское казачество, хотя и малочисленное, явилось единственным из всех казачеств, не допустившим большевиков захватить свою

¹ Гражданская война 1918—1921 гг., т. III. Госиздат, 1930, с. 52.

столицу — Уральск. Большевики правы, указывая на стихийность, которую сразу же приняло здесь противобольшевицкое движение: рядовая масса Уральских казаков с первых же дней оказалась непримиримым принципиальным врагом большевизма.

Одним из важных обстоятельств являлось то, что в Уральской области не было внутренней борьбы с «иногородними», ибо земли было для всех много, и главное богатство Уральского казачества заключалось в его «привилегиях» рыбного промысла на реке Урале.

Очень важным фактом являлось и то, что казаки-уральцы принадлежали к «старой вере». Гонения, которые испытывали в течение целого длинного периода русские раскольники, содействовали моральному сплочению даже тех их сект и исповеданий, которые испытывали эти гонения в меньшей степени.

Одна интересная подробность: Уральское казачье войско, единственное из казачьих войск, было лишено права со времен Екатерины иметь свою артиллерию; это было наказанием Яицкому войску (так раньше называлось Уральское войско) за его участие в Пугачевском восстании. Свободолюбие, даже в примитивных его формах, всегда являлось самым сильным противником большевизма.

В противоположность Уральскому, Астраханское казачество оказалось единственным, совершенно не оказавшим сопротивления большевикам. Причина этого лежала не столько в его малочисленности, сколько в том, что это казачество было таковым только по названию; его составляли не коренные русские, а инородцы-калмыки, которых, как я указывал выше, Царское правительство хотело привлечь к воинской службе в виде иррегулярной конницы казачьего образца.

Большевицкий историк Какурин¹ так оценивает политическую обстановку, создавшуюся к началу мая в казачествах Европейской России. Хотя большевицкие войска «и занимали все крупные административные центры всех казачьих областей (за исключением одного Уральска), но первые судороги будущих казачьих мятежей в виде партизанских выступлений, как результат работы организующихся контрреволюционных сил, уже начинали колебать почву под их ногами».

Казачества Азиатской России

Процесс развития казачества в Азиатской России имел свои особенности, наложившие известный отпечаток на эти казачества, отличавший их от казачеств, развивавшихся в Европейской России.

¹ Стратегический очерк Гражданской войны. Москва—Ленинград: Госиздат, 1926, с. 40.

Я уже указывал выше, что в Азиатской России не было случаев образования из какой-либо части казаков самостоятельного государственного организма, как это имело место при создании «Войска Донского» или «Запорожской Сечи».

Другой особенностью в развитии казачества в Азиатской России является то, что, по мере удаления его в глубь Азии, приток «беглых холопов» из Великороссии прекращается. Этот приток перехватывался Волжским, Донским, и Низовым казачествами. Вследствие этого рука Царского правительства чувствуется в формировании казачеств в Азии значительно ранее и сильнее, нежели в Европе, и казачества там сразу же приняли характер «поселенных войск», предназначенных для поддержания спокойствия среди инородческих племен или для несения сторожевой службы на государственной границе.

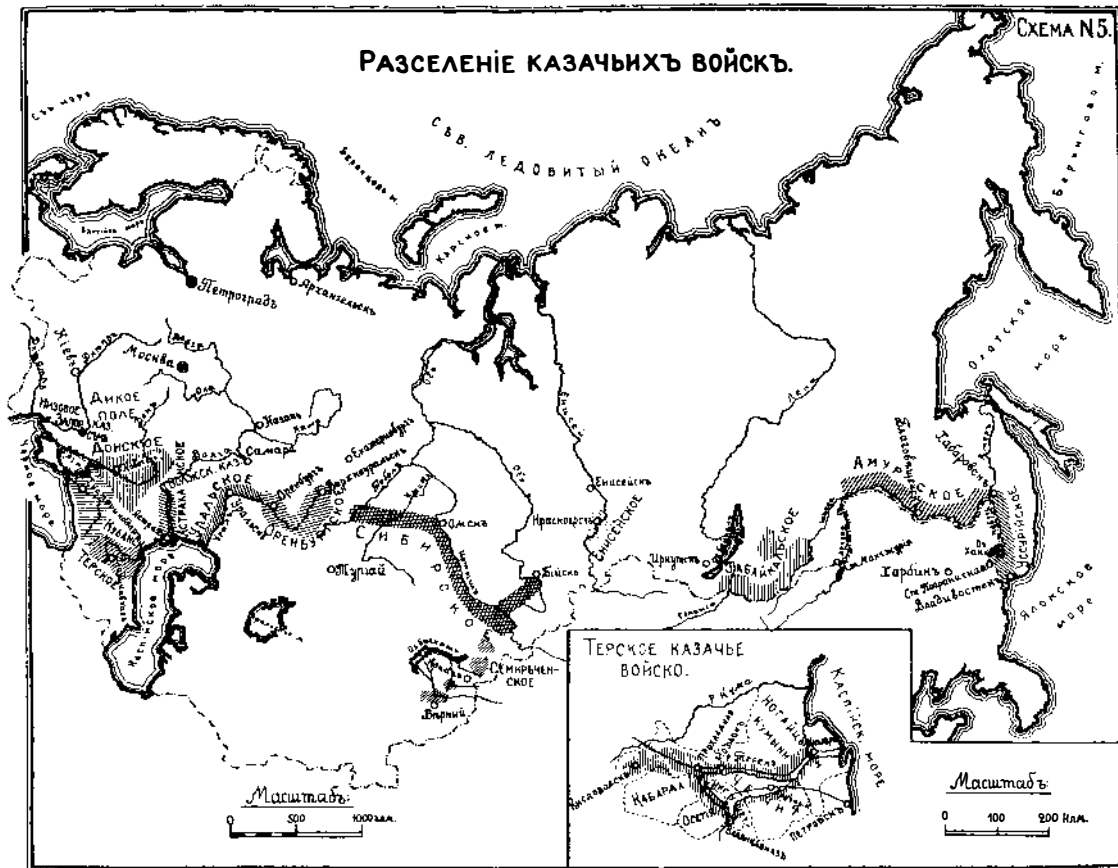
Наконец, третьей особенностью в жизни казачеств Азиатской России являлся «Сибирский простор», вследствие которого в тамошних станицах не могло создаться острого «иногогородного» вопроса, как это имело место на Дону. Сибирские «староселы» жили в своих селениях бок о бок с казачьими станицами. Их земли были не хуже казачьей, и потому они представляли собою по большей части элемент вполне зажиточный, хозяйственный и столь же любящий порядок, как и казаки. По существу говоря, между сибирскими староселами и казаками не было и большого различия в психологическом отношении, ибо сибирское крестьянство «крепостного состояния» в смысле «рабства» не знало. Это было крестьянство государственное, или удельное. Если и было некоторое различие между ним и казаками, то только в силу внутреннего уклада жизни, который среди казаков шел согласно казачьих традиций. Собственно говоря, это было единственное, что поддерживало в них «казачий дух».

Вышеуказанные особенности отразятся в том, что большевицкая власть в рассматриваемый здесь период своего первоначального распространения не встретит сразу же в Сибири «контрреволюционных» казачьих областей, как это имело место в Европейской России. Эти же особенности наложат определенную печать и на само участие Сибирского казачества в противобольшевицком движении по мере того, как оно будет заканчивать изживание болезни «нейтралитета», из его среды начнут формироваться партизанские отряды.

Посланный генералом Алексеевым весной 1918 года, для установления связи с военными противобольшевицкими организациями Азиатской России, старый и опытный генерал Флуг¹⁴⁵ в своем отчете¹ отмечает недостатки местных казачьих организаций: «...некоторая

¹ Архив Русской революции, т. IX, с. 252.

РАЗСЕЛЕНІЕ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

моральная распущенность, неразборчивость в средствах, стремление больше руководствоваться честолюбивыми побуждениями своих атаманов, чем сознанием гражданского долга»...

Другой, такой же опытный генерал, пребывавший в это время в Харбине и наблюдавший жизнь на нашей Дальневосточной окраине, дает еще более строгий отзыв об этих организациях. Генерал барон Будберг¹⁴⁶, который впоследствии был военным министром Адмирала Колчака, в своем апрельском дневнике (1918 г.) записывает: «...разные вольные атаманы Семенов¹⁴⁷, Орлов¹⁴⁸, Калмыков¹⁴⁹, своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом... внутреннее содержание их разбойничье»...¹

Однако генерал Болдырев¹⁵⁰, имеющий личные причины относиться предвзято отрицательно к казачьим организациям, свидетельствует¹¹, что во всех этих отрядах **без исключения**, наряду с признаками «нравственного уродства и анархичности», было и «своеобразное идейное служение стране». Атаманские же части, по наблюдению того же Болдырева, ставшего Главнокомандующим Сибирскими войсками летом 1918 года, оказались «наиболее дисциплинированными».

Сам адмирал Колчак, хорошо видевший отрицательные стороны атаманского командования, о самом составе их отрядов и частей дает хорошие отзывы. Так, например, «Орловцев», с которыми он имел непосредственные сношения в Харбине, Колчак характеризует, как «твердых и честных людей».

Историк Мельгунов, касаясь рассматриваемого здесь вопроса, указывает на то, что «большинство этих отрядов, как показала последующая практика, было наиболее устойчиво в смысле антибольшевизма».

В чем же лежит причина того явления, которое в Сибири получило нарицательное имя «атаманщины», то есть беззакония и произвола, проявляемых на противобольшевицкой стороне?

Эту причину нужно искать среди объективных предпосылок. Став на такую точку зрения, читатель обратит внимание на следующий факт: в уже освобожденной от большевиков Сибири особо громкой известностью в отношении чинимых ими беззаконий будут пользоваться Войсковой Атаман Забайкальского войска — Семенов, Войсковой Атаман Уссурийского войска — Калмыков, Походный Атаман Семиреченского войска — Анненков¹⁵¹. Отличительными чертами этих лиц являются личная храбрость, авантюризм, некультурность и отсутствие элементарного понимания начал законности. В дореволюционное

¹ Архив Русской революции, т. XIII, с. 199.

¹¹ Болдырев В. Г. Директория, Колчак и интервенция, с. 81.

время весь служебный стаж этих лиц не подымался выше сотенного командира. После ноябрьского переворота они, одни из первых, стали формировать партизанские отряды: Семенов — в районе станции «Маньчжурия» (на границе Забайкалья и Китая), Калмыков — в районе станции «Пограничная» (на границе Приморской области и Китая), Анненков — в Семиречье.

Сравним эти имена с именами ставших наиболее известными Атаманами казачьих войск Европейской России: Каледин, Караулов, Дутов, Краснов. Все это крупные государственные люди. Они хорошо известны и по своей дореволюционной карьере: Каледин — известный командующий армией, Караулов — член Государственной Думы, Дутов — выдающийся офицер Генерального штаба, Краснов — отличный боевой генерал и хорошо известный на Дону писатель.

Если продолжить списки и внести в них не только всех войсковых атаманов, но и прочих атаманов, то легко увидеть, что все лица, имена которых вносятся в список Европейских казачьих войск, более или менее приближаются к типу Каледина, Караулова, Дутова, Краснова. Такое же соответствие было бы найдено и в другом списке. Это всё лишь храбрые начальники партизанских отрядов и авантюристы, типа Семенова, Анненкова, Калмыкова.

Мне кажется, что причину этого явления нужно искать в том, на что я уже указывал выше, говоря об исторических предпосылках противобольшевизма казаков.

В Азиатских казачествах, в силу условий их исторического развития, казачье самоуправление не переросло рамки быта. В Азии мы не видим случая самообразования «казачьих государств», как это имело место в Европейской России.

Это создало такие психологические условия, при которых атаманы партизанских отрядов, представляющие собою авантюристов и иногда даже мало отличающиеся от атаманов разбойничьих шаек, легко захватывали власть над казачествами. Отсутствие привычки «государственного» самоуправления среди казаков вело к отсутствию противодействия подобному захвату власти.

Затрагиваемый здесь вопрос представляет собою большой социологический интерес. Подтверждение высказываемой точки зрения можно найти в том, что, по свидетельству внимательного наблюдателя сибирских событий, профессора Г. К. Гинса, Сибирское казачество «весьма мало» отличалось от староселов крестьян¹.

В Европейской России тоже имела место «атаманщина», но только она возникнет в среде крестьянства, когда оно пойдет против боль-

¹ [Гинс Г. К.] Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 60.

шевиков. Этот факт лишний раз подтверждает то, на что я указывал в первых главах настоящего труда: настроение и психический (моральный) уровень масс предопределяет тип выдвигаемых ими вождей. Этим «канализуются» в русло, предопределенное законами развития человеческого общества, те отклонения, которые вносятся в ход истории индивидуальными особенностями вождей.

В Сибирском противобольшевицком движении казачество сыграло большую, положительную роль. По сравнению с прочей народной массой оно даст наиболее действенные и устойчивые элементы для этого движения. Но оно окажет и отрицательное влияние, которое историк Мельгунов формулирует следующими словами: «Военная власть освобожденной Сибири, к сожалению, как бы с молоком матери всосала в себя многие из тех черт «атаманщины», которые пагубно отозвались впоследствии»¹.

Сибирское крестьянство

Если во всей России сельское население составляло 85 % всего населения, то в Сибири оно численно господствовало в еще большей мере. Здесь оно составляло 89 %. Принимая во внимание, что в сибирских городах не было сколько-нибудь сильного рабочего пролетариата, можно утверждать, что настроения сибирского крестьянства должны были предопределять линию поведения всякой образовавшейся местной власти.

Аграрный вопрос в Сибири представлялся совсем иначе, чем в Европейской России. В первой предоставление земли всем желающим означало, за самыми незначительными исключениями, расхищение не частновладельческих, а казенных участков, участков, предназначенных для переселенцев или же для показательных хозяйств. Коренное население Сибири относилось к земельному вопросу равнодушно, и аграрная демагогия говорила ему мало. Поэтому, в то время как в Европейской России вовсю бушевала аграрная революция, в Сибири было сравнительно спокойно.

Однако и среди сибирского крестьянства были элементы, которым идея «черного передела» была любя. Это были так называемые «новоселы». В эту категорию крестьян входили переселенцы, прибывшие в Сибирь не более 10–15 лет тому назад и еще не обжившиеся. В то время как ранее севшие на сибирскую землю крестьяне-«старожилы» имели лучшие участки земли, прочно устроились и стали зажиточными фермерами, многие из «новоселов» были устроены плохо или даже совсем

¹ [Мельгунов С. П.] Трагедия Адмирала Колчака, ч. I, с. 75.

не устроены. Они представляли собою до некоторой степени «пролетариат, частью безземельный, частью безлошадный, ютящийся в землянках, пробивающийся батрачеством»^I. Для них крестьянин-«старожил», живущий нередко «в каменном доме с крашеными полами», являлся таким же барином, как и помещик, на имение которого они привыкли зариться в Европейской России. Из последней «новосел» принес свои симпатии к социалистам-революционерам. Когда же он увидел, что большевики потворствуют «черному переделу», «новосел» откликнулся на их пропаганду, и большевики стали считать его своим «надежным союзником»^{II}.

В некоторых районах Сибири (например, в Алтайском), где земельного фонда для переселенцев не хватало и куда все-таки инстинктивно стремился переселенец, чутьем угадывая богатства земли и ее недр, сосредоточилось перед мировой войной и во время ее много таких «неблагополучных» новоселов, и среди них большевизм, как психология ненависти и злобы ко всякому превосходству в положении, свил себе прочное гнездо.

В других, более восточных районах, например, между Красноярском и Иркутском, «большевицкому настроению» в смысле морального озлобления содействовала природа — суровая зима, тощая земля, упрямая неподатливость тайги делали условия жизни и борьбы за существование крайне тяжелыми, и новоселы теряли обычное благодушие русского человека и становились жестокими и озлобленными^{III}.

Вот как сами большевики рисуют политический облик сибирского крестьянства^{IV}:

«Сибирский крестьянин-старожил, прочно сидевший на своем самостоятельном хозяйстве, никогда не знал власти помещика, и острота взаимоотношений с ним на почве борьбы за землю ему была неведома. По социальному содержанию этот слой крестьянства Сибири можно было бы уподобить кулацкой^V прослойке Украины и Южной России. Но кроме этого слоя крестьян имелся еще многочисленный пласт так называемых «новоселов»... Новоселы преимущественно

^I Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, Харбин, Изд. общ. Возрождения России, 1921, т. I, с. 33.

^{II} Гражданская война 1918—1920 гг., Москва—Ленинград: Госиздат, 1930, т. III, с. 41.

^{III} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 33, 34.

^{IV} Гражданская война 1918—1921 гг., Москва—Ленинград, Госиздат, 1930, т. III, с. 52.

^V «Кулаками» большевики называли всех зажиточных крестьян. — Прим. Н. Н. Г.

осели по обе стороны железнодорожной магистрали и по течению вблизи нее лежащих рек. Далеко не все занятые ими земли были хороши. Поэтому среди них даже в Сибири наблюдалось развитие процесса пауперизма. Этот слой тянул в политическом отношении не в сторону крестьян-старожилов, а в сторону сибирского пролетариата». Вот почему большевицкая власть в Сибири «наиболее прочно утвердилась вдоль линии железной дороги, водных путей и в больших населенных пунктах».

Наиболее «морально здоровым» являлось крестьянство, обосновавшееся на степных пространствах Западной Сибири, в районе Тобольск—Омск—Томск—Семипалатинск. Здесь тон крестьянскому настроению давал старосел. Последний же представлял собою тип крепкого сибирского крестьянина с развитою индивидуальностью, способностью к личной инициативе и в то же время любовью к порядку. Из этого района преимущественно и пришли те герои-солдаты, которые сделали Сибирские войска хорошо известными нашим бывшим врагам в мировую войну.

Вместе с пониманием общероссийских интересов в западносибирском крестьянстве можно найти элементы и некоторого «местного» патриотизма. Здесь крестьянин-старосел любит «свою» Сибирь, которая оказалась для него доброй матерью, вознаградившей материальным благополучием его, хотя подчас и тяжелый труд. Не случайно поэтому центром Сибирского областничества¹⁵² с самого начала этого движения (во второй половине XX века) являлся Омск.

Для суждения об отношениях западносибирского крестьянства к большевикам очень показательна анкета, произведенная газетой «Земская Деревня» весной 1918 года, то есть в эпоху первого господства большевиков.

В 16-м пункте этой анкеты значилось: «Отношение деревни к современной политической власти (в центре и на местах), взгляд на большевиков? отношение к социалистическим партиям? замечаются ли монархические симпатии и среди каких кругов населения (старики, бабы, молодежь)¹».

Хотя число ответов на анкету и не велико (102), все-таки она является документом редкой ценности для уразумения психологии сибирского крестьянства.

В пользу большевиков дано только семь ответов. Из них три безусловно восхваляют новую власть. Они очень кратки, и я приведу их полностью:

¹ Обзор этой анкеты был напечатан в «Сибирском Вестнике» от 8/21 октября 1918 года.

«Большинство примыкает к большевикам, разных разногласиев нет».

«Благоприятное, и довольны правлением большевизма большинством».

«Хорошо, к другим партиям недоброжелательно, о монархии нет и речи».

Четвертый сторонник большевиков дает более подробный ответ, и картина отношений крестьянства к большевизму получается иная, чем так смело нарисованная ответами предыдущих трех корреспондентов.

Этот четвертый корреспондент пишет: «Взгляд на большевиков в начале января был очень неблагоприятный, ввиду ложной агитации, но в настоящее время взгляд на большевиков самый благоприятный, и, кроме того, возвратившиеся с фронта солдаты разъясняют хорошие отзывы о большевиках. Другие партии (других партий) совершенно, по темноте своей, не знают, монархических симпатий не замечается, хотя действительно некоторые старики и старые бабы говорят, что как жить без царя, что уже конец света».

Ссылку на стариков, «более глупых и темных», которые «вспоминают царя» и имеют «презрение к большевикам», можно найти и в пятом пробольшевицком ответе, который уверяет, что «молодое население всё симпатизирует современной власти».

Остальные два сторонника большевиков пишут уклончиво: «Деревня к современной власти относится ничего, взгляд на большевиков тоже ничего».

47 ответов отмечает отрицательное отношение к большевизму. Выражения, коими определяется отношение к новой власти, разнообразны. Так, во многих ответах говорится о «недоверии», в других указывается на «неприятное», «отрицательное», «плохое» отношение. «Население так напугано, что никому не доверяет». «Все еще будто чего-то ждут, на более хорошее надежда потеряна».

В десяти ответах видна открытая вражда и злоба по отношению к новой власти. Крестьянин из Тарского уезда пишет: «Деревни волости относятся к большевицкой власти с недоверием и презрением». «Взгляды на большевиков суровые», — отмечает другой крестьянин.

Один из корреспондентов, на вопрос анкеты об отношении к власти делает краткую пометку: «не важен», а к следующему пункту вопроса о взгляде на большевиков добавляет: «тоже; взгляд на большевиков неприятный».

Поэтически настроенный корреспондент указывает: «Отношение и взгляды к современной политической партии носят характер с искрой негодования».

Из Ишимского уезда пишут: «Взгляд на большевиков прямо отвратительный. Население к другим социалистическим партиям относится без внимания. Одно только теперь население ждет, когда их избавят от большевиков».

Между двумя группами друзей и врагов большевизма находится группа в 18 ответов, проводящих основную мысль о безразличном отношении массы крестьянства к большевицкой власти. Однако в части таких ответов имеются указания, что на общем фоне безразличия уже произошло разделение во взглядах на большевицкую власть. Среди отдельных групп выделяются группы «стариков и баб», которые ненавидят большевиков, и группа молодежи, особенно «солдат с фронта», всецело тяготеющих к большевизму. В десяти ответах можно найти, как определение отношения к большевицкой власти, такие слова: «безразличное», «неопределенно», «безучастное». Некоторые дают пояснения своей основной мысли. Приведем наиболее характерные. Отношение к власти «безучастное» — пишет крестьянин Тюменского уезда. «Для деревни безразлично, какая бы власть ни была, лишь была бы справедливость. Лишь среди солдат и приезжих на жительство из России замечается тяготение к большевизму». В другом ответе находим: «Население волости безучастно смотрит на всё, как на большевиков, так и на другие социалистические партии. Большевиками наша волость была обложена на 4000 рублей, но мы до сих пор не заплатили денег, предлагали взять с имущего класса волости. После обложения контрибуцией замечается опасение, чтобы с имущего класса не перешли на неимущего».

В этой категории «нейтральных» по отношению к большевицкой власти ответов особенно ярко проглядывает «мужицкий эгоизм». «Крестьяне то судят, что будет, то будь, только бы дали земли вдоволь, да поменьше налогу, а в партиях мы разобраться не можем. Старики и бабы боятся большевиков, а молодые большевиков хвалят». Другой корреспондент пишет: «Нашей деревне всё равно, хотя какая хочешь будет власть, но только чтобы нам, крестьянам-хлебопашцам, не было никакого притеснения со стороны правительств. Но солдатам большевики лучше, за то, что войну прикончили и их домой отпустили, но на каких условиях война кончена, нашей деревне неизвестно ничего, и мы программ никаких партий не знаем; монархической симпатии не замечается в нашей деревне».

30 корреспондентов уклонились от прямого ответа на 16-й пункт анкеты (спрашивающий об отношениях к большевизму).

Причину этого уклонения нельзя искать только в страхе перед большевиками. Те, кто боялись, вообще не отвечали на анкету. Как много было таких «молчальников», видно из ничтожности общего

итога ответов (102). Уклонение от ответа только на 16-й пункт анкеты среди посмеявшихся откликнуться на нее, мне кажется, свидетельствует о другом, а именно о том, что русская крестьянская поговорка характеризует словами: «Моя хата с краю, ничего не знаю». Вот почему я считаю, что группа в 30 «уклонившихся» от прямого ответа на 16-й пункт анкеты может быть психологически объединена с группой в 18 ответов, трактующих о безразличном отношении к большевицкой власти, в одну срединную группу тяготеющих к «нейтралитету» во вспыхнувшей в России борьбе за государственную власть.

Выше было указано, что казачество в это время тоже изживало подобные настроения. В крестьянстве же, даже в западносибирском, эти тенденции должны были быть сильнее, нежели в казачестве. В течение многих веков Царского режима крестьянин был устранен от какого бы то ни было участия в управлении государством. Учреждение Государственной Думы в 1906 году не могло пробудить в этом отношении активности в крестьянстве, во-первых, потому, что прошло слишком мало времени, во-вторых, из-за слишком «цензового» состава Думы. Одновременно тот же Царский режим приучил крестьянина к мысли, что государство могло дорасти до размеров Величайшей Державы и развиваться и без его, крестьянского, участия в управлении. Поэтому серьезный крестьянин часто и с искренним убеждением говаривал, что вопросы общего государственного порядка «не мужичьего темного ума дело». Не характерен ли в этом отношении вышеприведенный ответ одного из врагов большевизма, кончающийся словами: «Одно только теперь население ждет, когда его **избавят** от большевиков». Ждет, когда **избавят**, а не собирается **избавиться**...

Для того чтобы отучиться от подобного пассивного отношения к общегосударственным вопросам, русскому крестьянству нужно было пройти школу прикладного обучения. Между тем создавшаяся осенью 1917 года политическая обстановка предъявила к русским народным массам сразу максимальное требование: проявить державную волю народа, выступив с оружием в руках для низвержения засевших в центре государственного управления Ленина и его сподвижников. Говоря иными словами, русские крестьянские массы стояли лицом к лицу с необходимостью вступить в гражданскую войну. Колебания их вполне естественны. Не только они, но и более просвещенные слои народа, а именно русская интеллигенция, за исключением большевиков, не раз отступала в первый период революции перед этим призраком. Попустительство Временного правительства во многом объяснимо желанием во что бы то ни стало избежать «братоубийственной» войны. В этом легко убедиться, прочитав речи, письма, статьи членов Временного правительства, а также представителей либеральной и так называемой

«революционной» демократии. Нерешительное поведение последней после захвата власти большевиками я уже описывал. Даже в среде военных вождей отвращение, внушаемое гражданской войной, оказывало иногда парализующее влияние на их действия. Генерал Каледин только после долгих колебаний, уступая настойчивым просьбам донских патриотов, разрешил для обороны Дона организовать партизанские отряды. «Эти колебания, — записывает один из свидетелей событий¹, — объясняются мучительным нежеланием Атамана рисковать молодыми жизнями и подвергать молодежь опасностям и ужасам гражданской войны».

Во сколько раз подобные колебания должны были быть сильнее в душе малообразованного крестьянина. Он был совершенно сбит с толку. Царское правительство, освященное исторической традицией, было низвергнуто бунтом Петроградского гарнизона, и крестьянину пришлось считаться с уже совершившимся фактом. Теперь он стоял перед новым совершившимся фактом — ноябрьским переворотом. Соблазн опять примириться со случившимся был для него очень велик. Во-первых, кого он будет защищать, если глава Временного правительства Керенский убежал? Отвлеченную идею Временного правительства, каждые два месяца менявшего свой состав? И почему Ленин будет хуже Керенского? Первый, по крайней мере, «войну прикончил и солдат домой отпустил...». А тут еще великое смущение в душе крестьянина возбуждает само название, которым Ленин прикрыл свою диктатуру: «Рабоче-Крестьянское правительство».

Зарождение противобольшевицкого движения в Сибири

Также как и в Европейской России, в Азиатской распространение большевицкой власти шло по линиям железных дорог. Поэтому в Сибири настоящий большевицкий режим протянулся тонкой красной ленточкой вдоль Сибирской магистрали, трудно проникая в глубь страны. Но и там, где большевизм фактически властвовал, он был сравнительно более «мягок», чем в Центральной России. Сибирь была слишком далека, и всё внимание Ленина и его сотрудников было направлено сначала на завоевание самой Центральной России, а затем на покорение Украины и Дона. Эти последние и притянули на себя все наиболее прочные красные отряды, сформированные в большевицких очагах Европейской России. Даже из Уральской горнозаводской области нельзя было уделить большевицких дрожжей в

¹ Янов Г. П. Паритет // Донская Летопись, № 2, с. 174.

Сибирь: наиболее идейные большевики-рабочие были направлены оттуда для участия в покорении Оренбургского и Уральского казачеств.

Водворение большевицкой власти могло производиться лишь местными силами. Главной из таковых являлись местные запасные войска. Но солдаты этих частей принадлежали к местному крестьянству и не достигли того же градуса большевизма, которого достигли солдаты запасных частей Европейской России (кроме Украины). С прекращением войны солдаты торопились вернуться по домам. Для формирования же им на смену отрядов Красной гвардии в Сибири подходящего элемента было меньше, чем Европейской России. Криминальный элемент, конечно, был в наличности, но не было того хаоса, который вносился в Красную гвардию идейным большевиком-рабочим. Формирование же «интернациональных» отрядов из многочисленных пленных, интернированных в Сибири, шло медленно.

При таких условиях распространение большевизма в Сибири растянулось на три месяца. В Томске, например, большевицкая власть пришла лишь в марте.

Одним из последствий подобного положения вещей было то, что сибирское население проходило курс практического ознакомления с истинной сущностью большевизма гораздо медленнее, чем население Европейской России. В среде так называемой «революционной демократии» долго была популярна концепция общесоциалистического фронта, то есть стремление так или иначе договориться с большевиками. Этим объясняется то, что переход власти к большевикам произошел во всех городах бескровно, за исключением Омска и Иркутска. Органом социалистической коалиционной власти должна была явиться Сибирская Областная Дума.

Еще в дни Временного правительства началась в Сибири работа по организации местной областной власти. В августе месяце, в Томске, для этой цели собралось совещание представителей «революционных демократических» организаций. В декабре же месяце те же организации собрали «Чрезвычайный Сибирский Областной съезд». Этот съезд избрал исполнительный орган — «Временный Совет», которому и было поручено собрать «Сибирскую Областную Думу»; последняя должна была состоять из представителей фронтовых (солдатских) и профессиональных организаций; представители буржуазии не приглашались. Это было продуктом творчества социалистов-революционеров, пробовавших в Сибири, также как и в прочих частях России, творить государственное дело, как партийное. К счастью для Сибири, в составе ее «революционной демократии» было два животворных элемента: это были «областники» и «кооператоры».

«Областниками»^I назывались те местные общественные деятели, которые являлись проводниками «местного патриотизма» в виде автономии Сибири. У них были связи со старожилым крестьянством, с сельской интеллигенцией и с казачеством, но они были застигнуты революцией врасплох и, по выражению одного из их представителей^{II}, «политическое оформление народных масс в 1917 году было захвачено эсерами. Областники, оказавшиеся на Чрезвычайном Сибирском съезде в меньшинстве, всеми силами боролись и против возможного союза с большевиками, и против отрицания коалиции с буржуазией»^{III}.

Среди же деятелей кооперации, имевшей большое распространение в сибирском крестьянстве, господствовало в это время влияние эсеров^{IV}. Относительно прочности этого влияния не следует забывать замечание французского наблюдателя сибирской жизни того времени полковника Пишона. Он писал в своем докладе: «Как общее правило нужно заметить, что каждый теперь в России и Сибири считает нужным кутаться в социалистический плащ: это модное одеяние всех людей, делающих или желающих делать политику. И поэтому нельзя себя обманывать политическими вывесками: под ними зачастую прячутся

^I Общеизвестным вождем «областников» являлся председатель Областного Совета Г. Н. Потанин¹⁵³, наиболее уважаемый и популярный человек в Сибири. «Потанин, всю свою жизнь посвятивший служению родной Сибири, тщательно исследовавший как ее, так и соседние с ней страны, в частности Монголию, обладал исключительной честностью и бескорыстием; его ясный ум, чуждый фанатизма, свойственного партийной русской интеллигенции, невольно привлекал всех. Потанин живо интересовался и принимал деятельное участие в Сибирских съездах, происходивших в конце 1917 г., и был избран Председателем Областного Совета на последнем декабрьском чрезвычайном Сибирском съезде. Однако глубокая старость (Потанин родился в 1835 г.) и физическая слабость не позволили ему оказать заметного влияния на ход событий 1917—1918 гг. Свой ясный ум Потанин сохранил, но в бурное время, когда темперамент и энергия брали перевес над доводами и знаниями, он был бессилён осуществить свою задачу — примирить крайности, внести трезвость в действия партийных политиков» (*Гинс*, I, 73). Собравшиеся вокруг Потанина «областники» образовали союз под названием «Потанинского кружка».

^{II} *Якушев И. Я.* Февральская революция и собрание областного съезда // *Вольная Сибирь*, № 2, 15.

^{III} *Ракитников.* Сибирская реакция и Колчак. Издание «Народ», 1920. Цитировано у Мельгунова: «Трагедия адмирала Колчака», ч. I, с. 60.

^{IV} На Всесибирском кооперативном съезде, происходившем в январе в Новониколаевске, из 88 делегатов 65 числилось в партии эсеров. — *Мельгунов.* Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 62.

мысли и программы, диаметрально противоположные официальным девизам, начертанным на вывеске»¹.

Сибирская кооперация освободится впоследствии от эсеровского засилья, но в рассматриваемый здесь период это засилье не было еще ею изжито.

Большевики не допустили открытия Областной Сибирской Думы. В начале февраля они арестовали некоторых из членов Областного Совета и будущей Думы. Тогда 40 членов Сибирской Думы, из съехавшихся в Томск 93-х, собрались на конспиративной квартире, составили декларацию в духе решений разогнанного большевиками Всероссийского Учредительного Собрания^{II} и объявили себя «единственно законной властью для Сибири». Они избрали *par acclamation*^{III} «Временное Сибирское правительство», в состав которого вошли 19 министров (из них 4 без портфеля) и избранный на том же конспиративном собрании председатель Сибирской Областной Думы.

Министром-председателем и временно министром земледелия был избран Дербер^{IV} (фракция социалистов-революционеров потребовала, чтобы пост министра земледелия был предоставлен ее кандидату); министром иностранных дел — Вологодский¹⁵⁵; министром здравоохранения — Крутовский¹⁵⁶; военным министром — Краковецкий; министром внутренних дел — Новоселов; министром финансов — Ив. Михайлов¹⁵⁷; министром снабжения и продовольствия — Серебренников¹⁵⁸; министром юстиции — Патушинский¹⁵⁹; министром народного просвещения — Ринчино; министром торговли и промышленности — Колобов; министром путей сообщения — Устругов¹⁶⁰; министром труда — Юдин; министром туземных дел — Тибер-Петров¹⁶¹; министром экстерриториальных народнос-

^I Цитировано у Мельгунова, «Трагедия адмирала Колчака», ч. I, с. 62.

^{II} Полный текст декларации напечатан в «Хронике», прил. 12. Цитировано у Мельгунова, «Трагедия адмирала Колчака», ч. I, с. 63.

^{III} Единодушно, без баллотировки (*франц.*). — *Прим. ред.*

^{IV} Г. К. Гинс так характеризует П. Я. Дербера: «Человек недюжинных способностей, хороший оратор, он обладал к тому же большой энергией и настойчивостью, которая как-то не гармонировала с его необычайно миниатюрною, почти карликовою фигурой и забавным детским личиком. Задолго до революции Дербер работал в партии социалистов-революционеров, был профессиональным ее деятелем и жил за ее счет. Это особый в России, нелюбимый широкими кругами русского общества тип чисто политического деятеля. Несмотря на живость характера и способность трезво оценивать обстановку, Дербер всё же был типично партийным человеком в политике. О нравственных качествах его давались неблагоприятные отзывы даже в среде лиц, близких к его партии» (*Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак*, ч. I, 74).

тей — украинец Сулима; государственным контролером — Жернаков; государственным секретарем — Моравский; министрами без портфелей — Шатилов, Кудрявцев, Захаров, Неометулов. Председателем Думы был избран Якушев¹⁶².

Необходимо сказать, что согласие на вхождение в состав Сибирского правительства было получено только от находившихся в Томске Дербера, Моравского, Колобова, Тибер-Петрова, Юдина, Неометулова.

Со многими из избранных, в частности с Вологодским, Серебренниковым, Крутовским, Михайловым и др. переговоры никогда не велись; некоторые об избрании их министрами узнали только накануне противобольшевизского переворота в Сибири¹.

Председатель этого правительства Дербер с большей частью своих министров решил пробраться в Маньчжурию, в город Харбин, находившийся в так наз. полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги. Здесь, под прикрытием иностранной силы, они намеревались открыть свою правительственную деятельность. Для руководства же подготовки восстания против большевиков в Зап. Сибири был сформирован законспирированный «Западно-Сибирский комиссариат».

На какие силы могла опираться эта «единственно законная власть для Сибири», намеревавшаяся отстаивать эсеровские партийные позиции? Сначала ставка была поставлена на сибирских солдат. Из раньше сказанного известно, что в Действующей Армии социалисты-революционеры имели в первый период революции головокружительный успех. Но это всё были так называемые «мартовские социалисты», то есть примкнувшие к партии не из-за идеи, а из расчетов личного характера. К ноябрю месяцу солдатские массы уже изжили этот социализм, и теперь возвращавшиеся «фронтовики» были в огромном большинстве сторонниками большевиков.

Рассчитывать на деревню тоже не приходилось. «Каждая деревушка проделывала свою местную революцию, совершенно не заботясь о соседях», — так записывает свои впечатления о Сибири французский полковник Пишон^{II}. «В общей массе крестьянин очень доволен тем обстоятельством, что полученная свобода дала ему «право» рубить казенные леса бесплатно, пользоваться бесплатно всякими бывшими угодьями и т. п. Колоссальному повышению цен на продукты сельского хозяйства крестьянин тоже рад: он начал копить деньги».

¹ Гунс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, ч. I, с. 77.

^{II} [Colonel Pichon. Le coup d'état de l'amiral Koltchak // Revue de Monde Slave, 1925, кн. I, II.] Ссылка у Мельгунова: Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 65.

Деревню, у которой была «тоска по правительству, по власти»¹, активной могла сделать только хорошая организация и здоровая, непартийная агитация. Это был единственный положительный стимул; другим могло быть близкое практическое ознакомление с властью большевиков. Между тем, как раз сибирское крестьянство проходило этот курс прикладного изучения существа большевизма медленнее, чем любая другая часть русского крестьянства. «Сибиряки, — упрекнет впоследствии сибирское крестьянство участник приуральского рабочего противобольшевизмского движения, представитель знаменитых в летописях Гражданской войны Ижевцев и Воткинцев, — не пережившие большевизма, не хотели защищаться от него»^{II}.

Оставалась одна только сила, на которую можно было сразу же рассчитывать для противодействия большевикам. Это было, как и везде в России, многострадальное русское офицерство. Условия для создания тайных организаций в этой среде в Сибири были более легкими, чем в Центральной России. Это отмечает в своем отчете генерал Флуг.

«Большевики, — пишет Флуг, — на первых порах избегали применения крайних террористических приемов управления, обычных в то время в Европейской России» и вследствие этого проявляли сравнительную «слабость репрессий в отношении заведомых врагов советской (большевицкой) власти...»^{III}.

Большинство офицерских организаций возникло совершенно независимо от эсеровской партии, игравшей первую роль в Сибирской Думе. Наиболее активную роль сыграл полковник Гришин-Алмазов¹⁶³. Посредством постоянных разъездов он вполне конспиративно организовал целый ряд офицерских дружин на Сибирской магистрали от Аткарска до Челябинска. Уже в марте месяце эти дружины добыли себе оружие — частью покупкой, частью путем набегов на арсеналы, плохо охранявшиеся большевиками. Деньги на покупку дала «кооперация», а так как кооперация в то время находилась всецело в руках эсеров, то по необходимости пришлось вступить в сношения и с «однобоким» Сибирским правительством, в котором эсеры имели перевес. Гришин-Алмазов и тут сыграл роль посредника, убеждая офицерство, относившееся крайне недоверчиво к эсерам, что в лице Сибирского правительства они поддерживают не конкретную власть,

¹ Письмо эсера Неупокоева от 12 марта «Правительству Автономной Сибири» в Харбине // Красный Архив, т. XXIX, 93. Цитировано у Мельгунова, ч. I, с. 66.

^{II} «Берлинская Заря», № 6.

^{III} Ген. В. Флуг. Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 г. // Архив Русской революции, т. IX, с. 250—251.

а «идею власти», имеющей хоть какие-нибудь признаки законности. «В конце концов, — говорил он, — власть будет иметь тот, у кого будет реальная сила».

Нужно отдать справедливость и деятелям Западно-Сибирского комиссариата: вся работа по организации военных сил «велась в Сибири не от имени партии, а именем Сибирского правительства». При этом Якушев, один из самых энергичных из этих деятелей, сам свидетельствует, что это «облегчало» работу¹. Подобная постановка дела была следствием влияния «областников», престарелый вождь которых Потанин, исповедовавший решительную и бескомпромиссную борьбу с большевиками, пользовался доверием среди главарей местных офицерских организаций. Так же точно офицерство питало некоторое доверие к представителям кооперации. Чувствовалось, что Сибирская кооперация быстро освободится от того антигосударственного налета, который придавала ей партийная вывеска.

В результате общая численность военных организаций на всей обширной территории Сибири к западу от озера Байкал к маю месяцу может исчисляться в 7000 человек. Из них самой сильной была Омская «организация тринадцати», возглавляемая Ивановым-Риновым¹⁶⁴ и насчитывавшая до 3000 человек. В нее входило небольшое число казаков Сибирского войска.

Следующие по численности организации находились в Томске, Иркутске и Новониколаевске. В остальных же городах они были совершенно ничтожными.

Все эти организации готовились к перевороту. Но все-таки они были слишком слабы. «Даже в наилучших условиях, — пишет в своем отчете генерал Флуг¹¹, — офицерские организации в большинстве крупных центров не могли рассчитывать удержать захваченную власть более 1–2 недель, после чего неминуемо должна была наступить реакция».

Другой внимательный наблюдатель сибирских событий — Г. К. Гинс, так оценивает сложившуюся в мае месяце обстановку¹¹¹: «В общем, к лету 1918 года Сибирь еще не была подготовлена к свержению большевиков. Ни крестьяне, ни тем более рабочие не могли к тому времени проникнуться враждебным к большевикам настроением. Не могло его чувствовать и казачество, весьма мало отличающееся в Сибири от старожилов-крестьян. Восстание против большевизма могло захватить только поверхность — городское мещанство, но это элемент, наименее

¹ «Вольная Сибирь», № 4, с. 100–103.

¹¹ Отчет Флуга, с. 271.

¹¹¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 60.

надежный в борьбе. Сила противобольшевиков заключалась поэтому, главным образом, в слабости самих большевиков. Коммунизм в Сибири немислим. Большевики держались только на поверхности, не проникая вглубь. Но рисковать выступлением, пока оно не началось в Европейской России, было неблагоприятно. Слабо населенная и лишенная промышленности окраина была бы не в состоянии справиться со взятой на себя задачей».

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академін,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть II.

**Развитіе общероссійскаго противобольшевицкаго
движенія.**

Книга 5-я

**ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

РАЗВИТИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОТИБОБОЛЬШЕВИЦКОГО ДВИЖЕНИЯ

ГЛАВА XI

РАЗВИТИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОТИБОБОЛЬШЕВИЦКОГО ДВИЖЕНИЯ

Протест интеллигенции

В первой главе настоящего труда, излагая события мартовского переворота, я указывал на факт полного отсутствия сопротивления новому строю со стороны многочисленной бюрократии и чиновничества. «Прямо поразительно, — писала тогда газета «Речь», — как легко чины различных ведомств приспособились к новому строю. Не нашлось, кажется, ни одного человека, который заявил бы, что он по своим убеждениям не может оставаться после всего совершившегося...»

Теперь, после ноябрьского переворота, картина была совершенно иная. Все государственные учреждения фактически забастовали. И забастовка эта произошла без всякого сговора. Она выросла сама собою, как один из видов протеста интеллигенции против захвата власти большевиками.

О широком распространении, которое получила эта забастовка, свидетельствуют все большевицкие источники. «Когда на меня легло министерство иностранных дел, — записывает в своих воспоминаниях Троцкий¹, — невозможно было... подступить к делу. Начиная с товарищей министров, кончая переписчиками, все участвовали в саботаже. Шкафы были заперты. Ключей не было...»

Новым властителям приходилось встретиться с полным параличом государственного аппарата.

Указываемый нами факт чрезвычайно показателен, ибо бюрократия и чиновничество, в силу профессиональной психологии, являются средой, наиболее легко подчиняющейся власти. Если протест в этой наиболее покорной части интеллигенции достиг таких размеров,

¹ Троцкий Л. Моя жизнь, т. II, с. 13.

то в еще большей степени он проявился в среде общественных деятелей и политических партий.

Первоначальное выражение этого протеста выразилось, как я говорил в главах VII и VIII, в виде формирования комитетов «Спасения Родины и Революции». Там же я указал, что большевики преодолели сопротивление, оказанное этими комитетами. Среди ставших во главе этих последних эсеров царил большой внутренний разлад. Такой же разнотой существовал в действиях меньшевиков-эсдеков. Разрыв между социалистическими и буржуазными партиями оставался по-прежнему полным.

Подобная общественная психология, по совершенно верному замечанию историка Мельгунова¹, «не благоприятствовала созидательной работе, и потому с такой необычайной трудностью складывались в общественных кругах единство воли и действия. С трудом возникало это единство для того, чтобы подчас рассыпаться, как карточный домик... С большими оговорками поэтому можно назвать первоначальный период противобольшевизмского движения **единым**, как это делает в своем исследовании «Россия на переломе» П. Н. Милюков. Единение между противниками большевиков было весьма относительным; центробежные, взаимно отталкивающие силы скорее преобладали над призывами к общей работе...»

Одним словом, здесь приходится встретиться с главной слабостью всякого контрреволюционного движения, и при этом резко выраженной: протестующее настроение имело общую негативную цель, но оно не нашло общей, хотя бы временной, позитивной цели. В результате было всеобщее настроение протеста, но не было единства намерений.

Чтобы представить себе совершенно ясно всю трагичность подобного положения, интересно ознакомиться с материалами лидера народных социалистов Н. В. Чайковского. Последний являлся ярким представителем той части революционной демократии, в которой чувство глубокого патриотизма и государственное понимание не были заглушены узким партийным доктринерством, что так характерно для большинства лидеров русских социалистических партий. Являясь в этом отношении исключением, Н. В. Чайковский представлял собою скорее тип западноевропейского социалиста, нежели русского. Вот почему его оценки являются более объективными, чем те, которые можно прочесть в мемуарах других представителей нашей социалистической интеллигенции².

¹ [Мельгунов С. П.] Н. В. Чайковский [в годы Гражданской войны], с. 65.

² Н. В. Чайковский был избран в Учредительное Собрание от родной ему Вологодской губернии. Впоследствии Н. В. Чайковский стал главою с.-р. правительства.

«Все мы, люди левых партий, — записывает Н. В. Чайковский, — стоявшие за активную борьбу с большевистским засильем, ясно сознавали настоятельную необходимость образовать, как можно скорее, политический центр для серьезного противодействия разрушительному процессу, порожденному войной. Ни частичные попытки агитации в войсках, ни даже организация частичных вооруженных восстаний, казалось, не приводили и не могли привести ни к чему без Всероссийского Политического центра с определенной действенной, демократической программой, вокруг которой могли бы образоваться крупные идейные, государственные и боевые силы. Но как было достигнуть этой цели? Из каких элементов и по какому признаку образовать такой центр, не вызвавши оппозиции или подражания и самозванства в собственных противобольшевицких рядах... Политические партии уже доказали и в Совете Республики, и в Комитете Спасения Родины и Революции, и в Учредительном Собрании свою неспособность объединиться в единодушное и действенное целое»¹.

Позорный Брест-Литовский мир усилил противобольшевицкие настроения во всех слоях русской интеллигенции. От большевиков отвернулась даже часть примкнувших к ним в ноябре левых эсеров.

Образование общественных противобольшевицких центров

Была произведена попытка поставить вопрос о концентрации борющихся с большевиками сил вокруг находившихся в Москве членов междупартийного совета Учредительного Собрания.

«С этой целью, — рассказывает Чайковский, — в феврале—марте 1918 года... созывался длинный ряд совещаний..., но из них ровно ничего не вышло, пока люди не устали говорить и спорить, и один по одному не перестали посещать их»¹¹.

Было произведено еще несколько неудачных попыток объединения, но из них тоже ничего не вышло. Тогда теми, кого Н. В. Чайковский в своих записках называет «более уравновешенными людьми», способными к созидательной работе, была создана внепартийная организация под названием «Союз возрождения России», составленный по принципу персонального представительства. В этот союз вошли представители народных социалистов, правых эсеров (единомышленники Авксентьева и Аргунова), часть конституционалистов-демократов (Астров¹⁶⁵, Щепкин¹⁶⁶ и их единомышленники), социал-демократы группы «Единство»

¹ [Мельгунов С. П.] Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны. Париж, 1929, с. 47, 48.

¹¹ Там же, с. 49.

(оставшиеся около Плеханова¹⁶⁷), часть правых меньшевиков социал-демократов (единомышленники Потресова¹⁶⁸). Таким образом, «Союз возрождения России» охватил правое крыло «революционной демократии». Левое ее крыло, в лице левых эсеров и подавляющей части эсдеков-меньшевиков, продолжало отрицательно относиться к вооруженной борьбе с большевиками, правильно видя в этом «контрреволюцию». Наиболее же многочисленная центральная часть эсеров (с Черновым во главе) участвовала в работе «Союза возрождения России» более чем условно; это были лишь случайные «контактные» соглашения, чисто «технического» характера. Большинство представителей центральной части эсеров не хотело примириться с утратой своего политического господства и во что бы то ни стало хотело его себе вернуть при посредстве разогнанного большевиками Учредительного Собрания. Они рассчитывали на свои связи в крестьянстве и вели свою работу по подготовке вооруженного восстания против большевиков самостоятельно.

««Союз возрождения России» ставил себе задачей, — пишет в своих воспоминаниях первый его председатель Мякотин¹⁶⁹ ¹, — воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей и защиту ее от внешних врагов. Задачу воссоединения России Союз рассчитывает осуществить в полном согласии с союзниками России, добиваясь того, чтобы Россия вместе с ними вела борьбу против Германии и союзных с нею держав, захвативших части русской территории. Задачу восстановления разложенной ныне государственности Союз будет стремиться выполнить в согласии с народной волей, выраженной путем всеобщего и равного голосования. В соответствии с этим Союз считает необходимым, чтобы та новая власть, которая должна будет возникнуть в борьбе за свободу и целостность России и которой он будет оказывать поддержку, опиралась по мере своего созидания на органы местного самоуправления, и с освобождением русской территории от врага собрать Учредительное Собрание, которое и должно будет установить формы государственной жизни России».

В своих воспоминаниях В. А. Мякотин упоминает, что «в платформе «Союза возрождения России» шла речь о выборах нового Учредительного Собрания; Собрание же 1917 года оставалось совершенно в стороне, как пройденный уже этап, к которому незачем возвращаться».

Истинной душой «Союза возрождения» был Н. В. Чайковский. В своих письмах к родным он говорит, что целью всей его деятельности

¹ В. А. Мякотин, народный социалист и известный историк Украины. Возникновение и первоначальная деятельность «Союза возрождения России» изложены им в его воспоминаниях «Из недалекого прошлого». Цитировано в «Н. В. Чайковский...», с. 50—51.

является «образование союза из здоровых и разумных частей всех главных партий для восстановления Российского Государства», «всех», «и левых, и правых», отмечая лишь большевиков и левых эсеров слева, и крайних националистов и монархистов типа «Союза русского народа», исповедовавших идею полного абсолютизма Царской власти, справа. Собрать наиболее популярных и активных людей и объединить их на «самой общедемократической платформе», установить отношения, сговориться, объединить силы с вооруженными образованиями на юге России, которые представляются ему «лишь в очень приблизительной форме» — вот мысль Чайковского. Он не боится коалиции с «правыми». Но, настаивая на этом, Чайковский проводит идею не коалиции с «монархическими» элементами как таковыми, а лишь с теми из них, которые выдвигали национальные лозунги борьбы с большевиками. Таковой была, с точки зрения Чайковского, та вооруженная сила, которую начал собирать на Дону генерал Алексеев.

Исходя из идеи Чайковского — создания наиболее широкого фронта национальной борьбы против большевиков, — «Союз возрождения России» установил контакт с другим противобольшевицким центром, возникшим также в Москве. Это объединение образовалось из «Московского Совета общественных деятелей», из «Торгово-Промышленного союза» и партии к.-д. В начале оно носило название «девятки» (по три представителя от каждой организации). К «девятке»¹ потянулись и правые партии, и организация разрослась в «Московский центр».

Целью этой организации было объединение несоциалистических элементов страны для борьбы с большевизмом. Некоторое «полевение» и чувство одиночества и оторванности, испытанное правой общественностью в первый период революции — с одной стороны, «поправение», вызванное разочарованием и озлоблением либеральных кругов в отношении революционной демократии, — с другой, облегчали объединение правых и либеральных элементов. Но глубокое противоречие в политической и социальной идеологии, тем не менее, сказывалось постоянно: и в неожиданных откровенных речах некоторых членов на общих заседаниях, и в работе комиссий, где подготавливались проекты государственного устройства, социальных реформ и экономического возрождения страны. Эти противоречия, сглаживаемые и смягчаемые на общих заседаниях, вполне ясно и откровенно рассказывались на частных собраниях членов центра совместно с группами им близкими, но стоящими официально вне организации.

С самого же начала своего существования «Московский центр» связался с генералом Алексеевым, который, как я говорил, присту-

¹ Статья В. И. Гурко в т. XV «Архива Русской революции», с. 8.

пил к формированию на Дону противобольшевицкой вооруженной силы.

Общение между «Московским центром» и «Союзом возрождения России» происходило через членов конституционно-демократической партии (кадет), представители которой входили в обе эти организации.

Таким образом, к весне 1918 года некоторое идейное объединение между политическими и общественными деятелями начало образовываться. Нужно было превратить их добрые намерения в действия.

Вот какие мысли высказывает Чайковский в своих записках об этом периоде своей деятельности¹:

«В общественных делах есть какое-то маховое колесо, как в большой сложной машине: пока не преодолена инерция этого махового колеса, машину пустить в ход не удастся, — она кряхтит, свистит, делает несколько оборотов и станет, как заторможенная. В машине это настолько обыкновенно, что при некоторых очень больших двигателях имеется маленькая вспомогательная машинка, назначение которой в том только и состоит, чтобы разгонять маховик при пускании машины в ход. А раз это сделано, пускается в ход и большой двигатель — и вся машина завертелась и заохала нормально и правильно.

Так и в наших человеческих движениях: маховику соответствует **настроение**, психологический элемент в людях не только сознательный, но отчасти и подсознательный, порожденный многими скрытыми и незаметными влияниями. Когда настроение умов взбудораженное, тревожное или истеричное, разрушительную работу организовать легко, успех и новые силы нарастают сами собою — только успевай принимать и размещать. И совсем иначе со всякими попытками наладить спокойную и уравновешенную жизнь, — в этих условиях они фатально не удаются. И, наоборот, апатично или весело настроенную массу людей трудно убедить организовать и взяться всерьез за разрушительную работу. Поэтому-то, вероятно, наши демагоги-большевики, врываясь в какое-нибудь спокойно живущее селение или деревню, прежде всего считают нужным ошарашить умы каким-нибудь возмутительным поступком, беспричинным убийством или избиением лучших людей, или набегом, или ложною тревогою, для того, чтобы маховик завертелся, страсти разгорелись, а тогда уже можно пускать в ход главную машину — организацию для уничтожения своих классовых врагов и захвата их имуществ, и только тогда делается возможным и включение этого местного механизма для разрушительной работы и насилия в большой государственный аппарат того же назначения.

Так же вот и в описываемую эпоху неизжитые, тревожные и утопические настроения людей не позволяют им серьезно заинтересоваться

¹ [Мельгунов С. П.] Н. В. Чайковский..., с. 64.

и сорганизоваться для правильной созидательной работы. Там же, где эта работа начиналась более уравновешенными людьми, она тормозилась какими-то скрытыми, не всегда сознательными мотивами, и попытки наладить здоровую жизнь фатально терпели неудачу...

Война и революция в атмосфере войны, очевидно, взбудоражили наши восприимчивые русские нервы на много лет, и всё искусство коммунистов сводится к тому, чтобы поддерживать инерцию этого настроения атмосферой гражданской войны. Недаром давно уже было сказано, что большевизм возник в атмосфере войны и войной же он держится, хотя бы это была гражданская война вместо мировой».

В приведенной только что выдержке из записей Н. В. Чайковского чрезвычайно интересна мысль о необходимости своего рода «машинки» для того, чтобы перебороть инерцию народных масс. Ленин нашел для себя такую «машинку». Это был криминальный элемент. Контрреволюция тоже имела свою «машинку»: это была подобравшаяся в атмосфере войны и революции во время войны в ряды младшего офицерства наиболее патриотично и действенно настроенная часть русской молодой интеллигенции. Что это было именно так, свидетельствует тот факт, что офицерство ищут и стараются завербовать в свой лагерь решительно все противобольшевицкие организации и политические деятели. Союз Возрождения России ставит во главе своей тайной и военной организации генерала Болдырева, крестьянина по происхождению, бывшего до войны профессором Военной академии и дошедшего во время войны до поста командующего армией. В лице генерала Болдырева Союз Возрождения России намечает ближайшего помощника Алексееву, авторитет которого признается Союзом.

«Московский центр» тоже пытается в начале своей деятельности создать свою собственную тайную офицерскую организацию, но, связавшись очень скоро с генералом Алексеевым, превращает свою деятельность в офицерской среде в вербовку добровольцев в ряды собираемой генералом Алексеевым на юго-востоке вооруженной силы.

Центральная часть эсеров также старается залучить в свои тайные центры офицерство, как «машинку» для пуска в ход такого тяжелого «маховика», как русское крестьянство.

Ищут офицерство и такие честолюбцы, как Савинков, стремящиеся «персонифицировать» собою спасение России. Ищут русское офицерство и лидеры зарождающихся «областных противобольшевицких движений: на Украине — Петлюра, на Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Оренбурге — местные войсковые правительства, в Сибири — Западно-Сибирский комиссариат и атаманы Семенов, Калмыков и так далее...

Офицерство откликается на эти призывы. Но не нужно обманываться — союз этот не всегда прочен, ибо это союз «постольку

поскольку». И эта «условность» зависит не столько от политического разномыслия, сколько от «психологии чувств». Гонения и моральные страдания, перенесенные офицерством и их любимыми вождями, еще слишком свежи в памяти. Виновниками этих страданий, справедливо или нет, масса рядового офицерства считает революционную демократию, и в особенности социалистов-революционеров. Поэтому доверия к лидерам из этого лагеря не только нет, но существует даже затаенное подозрение в возможном с их стороны предательстве. Нужно сказать, что подобное недоверие усилилось неудачной деятельностью «комитетов спасения Родины и революции», при посредстве которых социалисты-революционеры руководили первыми актами противобольшевических выступлений. Та легкость, с которой они толкали на выступления юнкерские части, а также та легкость, с которой они заключали затем с «большевиками» перемирия в конце этих выступлений, питали это затаенное подозрение в предательстве.

Естественно, что всё офицерство и примкнувшая к ним интеллигентная молодежь тянулись к военным вождям. В этом тяготении играло роль не только чувство профессиональной симпатии, но также и чувство «самосохранения».

Таким образом, используя сравнение Чайковского, — «машинка» для пуска в ход «махового колеса» сама могла быть пущена только через военных вождей. Последние же могли связать эту «машинку» с «маховым колесом» большой машины, то есть с народными массами, тогда при помощи если не всей, то по крайней мере части революционной демократии. Это представляло собою, в создавшейся психологической атмосфере взаимного недоверия, чрезвычайно сложную и трудную задачу. Читателю уже известно, что за попытки, сделанные в этом направлении генералами Духониным и Калединым, они заплатили смертью.

Формирование «Добровольческой Армии»

В середине ноября генерал Алексеев прибыл в Новочеркасск. Через неделю после своего приезда он послал письмо в Ставку, которая в это время еще не была захвачена большевиками. Это письмо написано наспех, но тем не менее оно представляет собою интересный исторический документ для суждения о мыслях генерала Алексеева в тот момент, когда он приступал к созданию своей организации, превратившейся вскоре в «Добровольческую Армию» и сыгравшей такую выдающуюся роль в общероссийском противобольшевическом движении¹.

¹ Текст этого письма приведен в приложении № 25.

Так же как генерал Каледин, генерал Алексеев думает, что спасение России должно быть начато с оздоровления ее Юго-Востока. «Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности», — образно выражает эту мысль генерал Алексеев. «Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели», — пишет он дальше. — Юго-Восток имеет все данные стать источником такого спасения. Но нужно его поддержать, спасти самого от потрясений... Под покровом силы промышленно-экономической и порядка (нужно) здесь именно создать сильную власть, **сначала местного** значения, а **затем общегосударственно-го...**» Он приветствует шаги, предпринятые Казачьими правительствами¹ с атаманом Калединым во главе для образования Юго-Восточного Союза.

Однако в оценке существующей обстановки генерал Алексеев расходится с генералом Калединым. Он упрекает Войсковое правительство и казачьих общественных деятелей «в крайней осторожности», в тенденции ограничить задачи Союза лишь «внутренним благоустройством, поддержанием порядка и спокойствия», исключая «внешние предприятия», так как «завоевание» России им «не по силам». Он считает даже, что настроение «местной пожилой массы» (то есть казаков-стариков) настолько «государственное», что она стоит впереди своих вождей, будучи убеждена, что она обязана так или иначе спасти Россию. «Правда, — пишет генерал Алексеев в другом месте своего письма, — военные наличные силы Казачьего Союза действительно ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (Донецкий угольно-рудный район, Ростов, железные дороги). С ними на внешние предприятия, конечно, идти нельзя...»

Жизнь очень скоро показала, насколько генерал Алексеев переоценивал политические возможности Юго-Восточного Союза. Через несколько дней после его письма «Объединенное Правительство Юго-Восточного Союза» было сформировано¹¹ и в начале декабря начало функционировать в Екатеринодаре (столица Кубанского Войска). Но с первых же дней оно оказалось не «правительством», а, скорее, «комиссией для согласования действий различных казачьих правительств». Даже в столь суженной сфере его деятельность вылилась по преимуществу в ряд решений, имевших чисто платонический характер. Винить в этом членов Правительства нельзя. Причина заключалась в том, что в переживаемый период времени задачи, предъявляемые жизнью, носили слишком острый местный характер и при этом требовали экстренного разрешения.

¹ Донское, Кубанское, Терское и Астраханское.

¹¹ Председателем его был избран известный донской политический деятель — В. А. Харламов, бывший член Государственной Думы и член Всероссийского Учредительного Собрания.

Переоценка генералом Алексеевым политических возможностей Юго-Восточного Союза не имела практических последствий. Со свойственными ему мудростью и самопожертвованием, он не стремится непременно навязать свою точку зрения Донскому правительству. «Только энергичная, честная работа всех сохранивших совесть и способность работать может дать результаты, — говорит он в заключительной части своего письма. — Нужно поставить дело так, чтобы получить возможность повести за собою местных деятелей. **Они пойдут.** В них проснется общегосударственная точка зрения. Но сами они не начнут, равно не пойдут только своими силами». Для того, чтобы получить эту возможность, генерал Алексеев и ставит себе целью «приступить здесь к формированию прочной, хотя и небольшой вооруженной силы для будущей активной политики», иначе говоря, для выполнения задач Всероссийского масштаба. «Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемаринов из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначальное формирование — на частные пожертвования, но по мере готовности — принятое на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого. Вот схема начинающейся работы. Работа пока чуть теплится, так как приток средств скуден, русский человек не хочет рисковать и жертвовать ничем».

Ознакомившись с планами генерала Алексеева, Атаман Каледин выразил свое принципиальное согласие, но указал, что задуманное генералом Алексеевым формирование Общероссийской вооруженной силы должно происходить на ее собственной территории. Он назвал Ставрополь или Камышин, как возможные центры деятельности генерала Алексеева ввиду того, что эти города были прикрыты от Петрограда и Москвы Донскою Областью. Г. Камышин, кроме того, представлял собою еще одну выгоду для созидания противобольшевицкой вооруженной силы. К северу от него, в районе Камышин—Саратов—Красный Кут главную массу населения составляли так называемые немецкие колонисты в числе около 400 000 жителей. Это были потомки немецких иммигрантов, приглашенных Императрицей Екатериной Великой для заселения Нижнего Поволжья. Эти немецкие колонисты представляли собою богатых крестьян-собственников, никогда не знавших крепостного права. Было много оснований рассчитывать на то, что они дадут крепкий противобольшевицкий контингент для пополнения Алексеевской организации недостающим ей солдатским составом. Но для использования этой возможности требовалось, чтобы будущая Добровольческая армия своим лозунгом имела бы только борьбу с большевиками, а не продолжение борьбы с немцами.

Ген. Каледин предлагал ген. Алексееву избрать место формирования его Добровольческой Армии вне Донской Области потому, что

для борьбы с захватившими всероссийскую власть большевиками он находил необходимым объявление временной независимости Дона и поднятие чувства «местного» патриотизма. При подобной политике ему трудно было допустить существование на Дону какой-либо вооруженной силы, которая ему, как Выборному Атаману, не была бы подчинена.

Лидер радикального крыла либеральной демократии — П. Н. Миллюков так оценивает положение, создающееся при формировании всероссийской вооруженной силы «в гостях у казаков»: «Конечно, казаки, — пишет он, — были сторонниками общерусского единства. Но они слишком привыкли опасаться старой централистической политики Петербургского правительства, чтобы питать полное доверие к вождям, в рядах которых они видели так много старых имен. Обещания «областной самостоятельности» всегда были несколько подозрительны. В особенности Кубанские казаки шли далеко в своих стремлениях к независимости... Первый выборный (Донской) атаман Каледин, высокоблагородная личность, вынужден был считаться с этим настроением казаков...»¹

Положение на Дону осложнилось еще тем, что, как я указывал выше, генерал Каледин вынужден был производить опыт «паритетного» управления. Этот опыт ставил Войсковое правительство в зависимость от местной «революционной» демократии. Последняя же, так же как и во всей России, переживала моральный кризис. Она стояла на перекрестке дорог; ей надо было выбирать, куда идти далее: по пути ли углубления революции, приводившему ее в большевицкий лагерь, или по пути применения вооруженной силы для остановки революции, приводившему ее в противобольшевицкий лагерь.

В первый из двух лагерей революционная демократия не хотела идти, второго же боялась. Она искренне была убеждена, что контрреволюция является синонимом реставрации старого режима. Требовались мудрая политика и некоторый срок времени для того, чтобы «революционная» демократия убедилась, что до сих пор в русском контрреволюционном движении реставрационных мотивов не было.

Для генерала Каледина, вступившего на путь «паритетного» управления, добиться этого переубеждения было необходимо. Да иначе действовать генерал Каледин не мог, вследствие основных свойств своей личности. Вот как характеризует его один из его ближайших сотрудников Н. М. Мельников²: «Царский генерал, сын простого Дон-

¹ Россия на переломе, т. II, с. 59.

² Н. М. Мельников был последним председателем Донского правительства. Его статья, характеризующая ген. Каледина, напечатана в «Донской Летописи» (№ 1, с. 15–42) под заглавием: «А. М. Каледин (Личность и деятельность). Воспоминания».

ского офицера, никогда не бывший реакционером, а теперь искренне признавший, что без народа управлять нельзя, честно и искренне и последовательно проводил в жизнь начала народоправства, признанные им **единоспасающими**. Это был безукоризненно корректный конституционный глава Донской Земли».

Можно ли было при наличии времени и мудрой политики достигнуть того, к чему стремился Каледин?

Иногородний съезд, созданный для организации «паритетного» правительства и признавший необходимость вести вооруженную борьбу с большевиками, в то же время вынес резолюцию о разоружении и роспуске формируемой генералом Алексеевым Добровольческой Армии. Генерал Каледин добился, после известного срока, пересмотра этого решения «паритетным правительством». На заседание, в котором пересматривался этот вопрос, был приглашен сам генерал Алексеев.

Последний сделал доклад об истории возникновения Добровольческой Армии, ее задачах, ее конструкции. Со свойственной ему мудростью, он спокойно отвечал на вопросы представителей революционной демократии. Он указывал на то, что Добровольческая Армия не преследует иной цели как «спасение России», и потому члены Армии дают подписку не принимать участия в политике и политической пропаганде. «Доклад генерала Алексева и его ответы имели своим последствием то, что Савл превратился в Павла»¹. Ростовский эmissар, один из представителей революционной демократии, наиболее подозрительно относившийся к «Алексеевской организации», по окончании доклада взволнованно обратился к докладчику: «Ваше Превосходительство, после Ваших разъяснений мы видим, что под Вашим руководством можно идти куда угодно»¹¹.

В результате Каледину удалось отстоять существование на Дону Общероссийской Добровольческой Армии и провести решение: Добровольческую Армию оставить в неприкосновенности, установив лишь общий контроль в смысле политическом¹¹¹.

Но если тяжело было положение генерала Каледина, то не менее тяжело было и положение генерала Алексева. Перенести центр формирования Добровольческой Армии в Ставрополь или Камышин он не мог.

¹ *Каклюгин К. Г. Войсковой Атаман А. М. Каледин и его время // Донская Летопись, № 2, с. 164.*

¹¹ Описание этого заседания, составленное одним из офицеров, состоявших при генерале Алексееве, было напечатано в № 13 «Донской Воли» от 24 марта (6 апреля) 1919 г. Оно представляет собою интересный документ, характеризующий психологическую сторону обстановки, и приведено полностью в приложении № 26.

¹¹¹ Вышеуказанная статья Каклюгина // Донская Летопись, № 2, с. 164.

Силы «Алексеевской организации», как называлась в своем зачатке Добровольческая армия, были настолько ничтожны, что она была бы сразу задушена местным большевизмом. Использовать же благоприятные условия, которые представлял собою лежащий к северу от Камышина район Поволжских немецких колонистов, не представлялось возможным потому, что «психология войны» с немцами не была еще изжита в русском командном составе. Приходилось оставаться на Дону, на что, зная лояльность генерала Алексеева, атаман Каледин и согласился.

Алексеев «горячо взялся за дело. В Петроград, в одно благотворительное общество была послана условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров; на Барачной улице (в Новочеркасске) помещение одного из лазаретов было обращено в офицерское общежитие, ставшее колыбелью Добровольческой Армии, и вскоре было получено первое доброхотное пожертвование на Алексеевскую организацию — 400 рублей — это всё, что в ноябре (по старому стилю) месяце уделило русское общество своим защитникам. Некоторые финансовые учреждения оправдывали свой отказ в помощи циркулярным письмом (ссылаясь на циркул. письмо) генерала Корнилова, требовавшим направления средств исключительно по адресу Завойко¹. Было трогательно видеть и многим, может быть, казалось несколько смешным, как бывший Верховный Главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахара и хоть ничтожную сумму денег...»^{II}

В декабре на помощь Алексееву пришел Атаман Каледин. По соглашению с представителями Государственного банка, половина находившихся на Дону сумм Российской казны, что составило около 15 миллионов рублей^{III}, была передана генералу Алексееву. Начали поступать и пожертвования.

«В первой половине января в Новочеркасск приехали из Москвы представители Великобританской и Французской военных миссий. Эти представители интересовались тем, что сделано и что предполагается делать вперед, и заявили, что пока союзники могут помочь нам только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить сто миллионов рублей, которые будут выдаваться в распоряжение генерала Алексеева по десять миллионов в месяц. Первая получка ожидалась в январе, но запоздала, и от союзников в этот период мы ничего не получили»^{IV}.

^I Ординарец ген. Корнилова.

^{II} Деникин, т. II, с. 156.

^{III} Лукомский. Воспоминания, т. I. Берлин: Изд-во Отто Кирхнер, 1922, с. 289.

^{IV} Там же, с. 289.

Но самая большая трудность в осуществлении задуманной генералом Алексеевым идеи была психически-социального порядка. В Добровольческую Армию поступали офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, и почти не приходило солдат. Последние пришли, главным образом, в составе Корниловского ударного полка, ядро которого было приведено на Дон в начале января доблестнейшим командиром его — полковником Нежинцевым.

Таким образом, Добровольческая армия с самого начала приобрела характер «офицерской» части, то есть явилась ополчением «патриотически настроенной интеллигентной молодежи», морально оторванным от народных масс.

Несмотря на все трудности, встречаемые Алексеевской организацией, уже в первых числах декабря ее добровольцы помогли генералу Каледину при разоружении обольшевичившегося «солдатского» запасного полка, расквартированного в Новочеркасске, а через несколько дней эти же добровольцы оказывают огромную помощь при прекращении большевицкого выступления в Ростове. Численность «Алексеевской организации» в эти дни не превосходила 500 бойцов.

Генерал Деникин высказывает мнение, что невозможность для вождей Добровольческой Армии отдать на территории Дона «приказ» об обязательном поступлении в ряды собираемой ими армии лишила эту последнюю той численности, на которую можно было бы рассчитывать.

Мне кажется, что здесь мы имеем дело с несколько упрощенным пониманием сущности массовых явлений, разрешение которых не всегда зависит от столь простых актов, как, например, приказ сверху. Боеспособное офицерство шло не только в армию, собираемую Алексеевым и Корниловым. Оно откликнулось и на призыв Каледина и пошло в Донские партизаны. Оно пошло в Кубанские добровольцы. Оно входило в состав всех противобольшевицких организаций самых различных наименований и собираемых самими различными лицами. Оно составляло основной стержень этих организаций, и в казачествах, и в обширной Сибири. Наконец, когда на территории Европейской России, несмотря на царящий красный террор, возникали тщательно законспирированные местные организации, там опять главным действующим лицом был русский рядовой офицер. Его звали все, и революционная, и либеральная демократия; его будут продолжать звать и в будущем, правильно видя в нем единственную имеющуюся пока в руках общероссийскую действенную силу. И он шел всюду, несмотря иногда на полное расхождение политических идеалов, лишь бы только главной целью действий ставилось спасение погибающей России. Несомненно, что охотнее всего русский офицер шел к известным ему военным вождям.

Но и в спаянной одной идеей необходимости спасти Россию, ставшей своего рода религией, массе русского офицерства существовали свои сомнения и колебания.

Поэтому «приказ», даже отданный совместно Алексеевым и Корниловым, не усилил бы приток офицерства. Нужен был просто некоторый срок, в течение которого еще колеблющаяся часть офицерства изжила бы свои сомнения и поверила бы в способности зовущих его под свое начало военных вождей.

Поверить же в них офицерство хотело всей душой. Этим желанием верить объясняется та полная политическая покорность, которую проявит офицерство, раз пошедшее за избранными им военными вождями, а также его стремление выдвинуть этих вождей на диктатуру, которое приведет к ряду внутренних переворотов в самом противобольшевистском движении.

Трения на верхах Добровольческой Армии, которые начались с прибытием на Дон генерала Корнилова, не могли ускорить изживание колебаний в среде офицерства.

«После первого свидания его¹ с Алексеевым, — записывает Деникин^{II}, — стало ясным», что совместная работа их будет нелегкой. О чем они говорили, не знаю; но приближенные вынесли впечатление, что «расстались они мрачнее ночи». В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чаду которой наезжие деятели сводили старые счета, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершавшихся на Дону событий. Собрались и лица, игравшие злополучную роль в Корниловском выступлении... Завойко я уже не застал. Он вызвал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плел какую-то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность Атамана... генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск...»

На Дон пробрались и представители так называемого «Московского центра». 1 января состоялось первое большое совещание московских делегатов и генералитета, входящего в состав «Алексеевской организации». Предстояло решить основной вопрос существования, управления и единства «Алексеевской организации». По существу вопрос сводился к определению роли генерала Корнилова.

«Произошла тяжелая сцена, — пишет Деникин^{III}, — Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе

^I Ген. Корнилова.

^{II} Деникин, т. II, с. 187.

^{III} Там же, с. 188—189.

управлять ею, и заявил, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей... которые говорили о самопожертвовании и государственной необходимости соглашения... После второго заседания оно как будто состоялось: вся военная власть переходила к Корнилову.

«Недоразумения начались вновь при приеме «Алексеевской организации», когда выяснилась полная материальная необеспеченность армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях. Корнилов опять отказался от командования Армией; но после новых уговоров было достигнуто соглашение. На Рождестве¹ был объявлен «секретный» приказ о вступлении генерала Корнилова в командование Армией, которая с этого дня стала именоваться официально Добровольческой».

«Триумвират»

«Предстояло разрешить еще один вопрос — о существе и формах органа, возглавляющего все движение, — продолжает генерал Деникин^{II}. — Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и привходящие интересы Дона, форма «Верховной власти» естественно определялась в виде **триумvirата Алексеев—Корнилов—Каледина**. Так как территория, подведомственная триумvirату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой Армии, то триумvirат представлял собою в скрытом виде **первое общерусское противобольшевицкое правительство**. В таком эмбриональном состоянии оно просуществовало в течение месяца, до смерти Каледина».

«Конституция новой власти всё еще обсуждалась и грозила внести новые трения в налаживавшиеся с таким трудом отношения. Поэтому я набросал проект «конституции» приблизительно по следующей схеме:

1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Корнилову — власть военная.
3. Генералу Каледину — управление Донской областью.
4. Верховная Власть — триумvirат. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумvиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

¹ 7 января по новому стилю.

^{II} Деникин, т. II, с. 189.

Моя записка, прочтенная на конспиративной квартире К-ва совещанию генералов¹, была одобрена и, проредактированная затем начальником штаба армии — генералом Лукомским, подписана триумвирами и послана «Московскому центру» с одним из возвращающихся делегатов.

Если этот документ попадет когда-нибудь в руки государствоведов, то для сведения сообщаю: это не было упражнение в области государственно-правовых форм власти, а исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели. В то время и при той необыкновенно сложной обстановке, в которой жили Дон и Армия, формы **несуществующей фактически государственной власти** временно были совершенно безразличны. Единственно, что было тогда важно и нужно, — создать мощную вооруженную силу, чтобы этим путем остановить потоп, заливающий нас с севера. С восстановлением силы пришла бы и власть».

Учреждение Триумvirата упраздняло недавно возникшее «Объединенное Правительство Юго-Восточного Союза». Правда, как я указывал выше, это правительство не успело еще обратиться в реальную силу. Но последнее происходило не потому, что идея, положенная в его основание, была ложной, а только потому, что развал страны достиг такой степени, что восстановление нормальной социальной жизни было возможно, только начиная с государственных объединений меньшего объема. При таких политических условиях образование сразу же Всероссийского Правительства являлось еще большей фикцией. Поэтому Триумvirат оказался фактически не преждевременно рожденным ребенком, каковым было Объединенное Правительство Юго-Восточного Союза, а мертворожденным. В самом деле идея, положенная в основу Триумvirата, самим Деникиным, согласно изложенному выше, формулируется так: «единственно, что было тогда важно и нужно — создать мощную вооруженную силу, чтобы этим путем остановить потоп, заливающий нас с севера...»

Этой единственной задачи Триумvirат и не выполнил: уже через месяц после того, как генерал Корнилов в качестве триумвира стал «главную военную властью», он телеграммой от 10 февраля отказался защищать Дон. Самоубийство Каледина, вызванное этой телеграммой, явилось концом и самого Триумvirата.

Кратковременность существования «Триумvirата» привела к тому, что исследователи русской революции не уделяют почти никакого внимания этому учреждению. Между тем в психологическом отношении

¹ Генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Лукомский, Романовский, Марков и я (Деникин).

это явление очень интересно, так как в основе его лежат те же психологические причины, которые вызовут в будущем ряд внутренних переворотов в противобольшевицком движении. Поэтому я и останавливаю внимание читателя на психологическом анализе предпосылок, вызвавших образование Триумvirата.

Создание мощной вооруженной силы, которая могла бы победить большевиков, было возможно только одним путем: привлечением в эту вооруженную силу народных масс. В условиях всеобщего разрушения это могло быть достигнуто скорее всего привлечением этих масс по частям. Возбуждение «местного» патриотизма являлось для этого одним из возможных способов. Генерал Каледин и пытался идти по этому пути. Письмо генерала Алексеева показывает, что он был близок к приятию того же пути. Напомню здесь, как генерал Алексеев формулировал свою мысль: нужно прежде всего создать сильную власть «местного значения...», потом уже «общегосударственного».

Такая местная власть на Дону зарождалась. Конечно, она не могла быть сразу сильной. Тем более важно было поддержать ее и помочь ей окрепнуть.

Носителем этой местной власти был генерал Каледин. Несмотря на все старания революционных кругов подорвать его моральный авторитет, когда в середине декабря генерал Каледин поставил перед собравшимся Большим Войсковым Кругом вопрос о доверии, сложил Атаманские полномочия и категорически потребовал перевыборов, результат был таков: «свыше 700 голосов было подано за Каледина; за него голосовали все, кроме одного, и этот один был молодой хорунжий Автономов¹⁷⁰, который через два-три месяца окажется в стане большевиков в роли главнокомандующего войсками на Северном Кавказе»¹.

Для того чтобы оценить этот факт в полном его значении, нужно вспомнить тот величайший внутренний разлад, который царил в это время во всей России и коснулся также Дона. Это было время, когда в глазах народных масс, в том числе и казачьих, были подорваны решительно все авторитеты. Но «чем больше жили казаки с А. М. Калединым, — пишет в своих воспоминаниях один из непосредственных свидетелей событий¹¹, — чем больше узнавали его в процессе ответственной и текущей работы, тем выше становился он в их глазах... Как-то само собою исчезло самое слово «генерал» — не в смысле заподозривающем, а в простом значении — «генерал Каледин». «Генерал» — действительно, полный, настоящий, с достоинством, покрытый славой Луцкого

¹ Мельников Н. М. А. М. Каледин (Личность и деятельность): Воспоминания // Донская Летопись, № 1, с. 20.

¹¹ Там же, с. 20—21.

прорыва¹, носивший это высокое звание — просто перестал существовать как термин: остался «наш Атаман», «Алексей Максимович»: так или иначе, все называли его в глаза и за глаза — и произносили эти слова, вкладывая в них большое чувство»...

«После семимесячной работы на посту в самых тяжелых условиях — большинство 700 голосов против одного... В числе этих 700 — и северяне, подходившие в мае месяце к кандидатуре А. М. Каледина с такой подозрительностью, в том числе и фронтовики. На примере с представителями от фронтовых частей можно было особенно выпукло проследить влияние личности Алексея Максимовича. Почти все они приезжали с фронта на Круг Савлами, а уезжали Павлами. Особенно сказалось это в декабрьских пере выборах: в то время власть вне Донского Войска была уже в руках большевиков, которые вели чрезвычайно сильную пропаганду в казачьих частях, оставшихся на фронте, и фронтовые казаки — члены Круга — приезжали на Войсковой Круг распропагандированные, озлобленные, уверенные в том, что засевающий на Дону Каледин... кровожадный изверг, стремящийся отнять у народа свободу. И наши казаки приезжали с фронта мрачнее тучи, решившиеся покончить одним ударом с «гидрой контрреволюции» и «в первую очередь избавиться от Каледина»... Фронтовая группа в Круге была значительной силой, ибо в рядах ее насчитывалось около 200 человек. Группа эта шумела и кипела, но проходили дни, казаки встречались с Атаманом, всматривались в него, узнавали ближе, вникали в свободные порядки, установленные на Дону, и разводили руками. Проходило еще немного времени — и в частых заседаниях фронтовой группы исчезал «генерал Каледин», превращавшийся в «Алексея Максимовича». И молчаливый, суровый Атаман, на лице которого так редко можно было увидеть улыбку, улыбался в эти дни своей кроткой улыбкой, делавшей его необыкновенно привлекательным.

Я помню растерянность фронтовиков, обратившихся в сентябре 1917 года ко мне, бывшему в то время председателем Круга, с просьбой дать совет, как им выйти из создавшегося тяжелого для них положения. В сентябре Круг был созван в чрезвычайную сессию, вне программы, в связи с объявлением А. Ф. Керенским ген. Каледина изменником, заподозренным в организации восстания для поддержки генерала Корнилова. Круг судил А. М. Каледина и единогласно оправдал — за

¹ Генерал Каледин командовал 8-й армией во время Брусиловского наступления в Галиции в 1916 году. Своей блестящей победой генерал Брусилов в значительной мере обязан ген. Каледину, наносившему главный удар. Действия ген. Каледина в этой грандиознейшей Битве, продолжавшейся около четырех месяцев и приведшей к захвату 430 тысяч пленных и занятию территории в 25 тысяч кв. км, выявили в нем таланты крупного полководца. — *Прим. Н. Н. Г.*

оправдание голосовали и фронтовики, а между тем они явились с фронта на Круг с «наказом» свалить «контрреволюционного» Атамана. Фронтовики боялись появиться перед своими частями, не надеясь, что они, люди от сохи, сумеют убедить пославших их, что генерал Каледин в действительности не такой, каким его описывают социалисты и большевики. Рассказывая мне о своем горе, казаки такими трогательными словами говорили об «Алексее Максимовиче», объясняя мне, почему они не могли действовать в духе «наказа», что мне оставалось только посоветовать им и в своих полках рассказывать то самое, что они говорят мне: я успокоил их, выразив уверенность, что казак не может не понять казака, что казаки, как бы они ни расходились во взглядах по разным вопросам, всегда должны найти общий язык в вопросах общеказачьих».

Характеризуя генерала Каледина, Деникин пишет¹: «Этот всю революционной демократией и темной массой подозреваемый и обвиняемый человек проявил такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции»... Да, революционная демократия вообще и темные народные массы во всей России боялись Каледина. Но на Дону, даже в кульминационном пункте революционного психоза, Каледин оставался **единственным** контрреволюционным вождем, который мог влиять на местную революционную демократию. Несомненно, это влияние было пока слабым, но оно могло, по мере того как революционная демократия убеждалась бы в истинной демократичности генерала Каледина, усилиться; что это было возможно, свидетельствуют многие мемуары.

Рассказанный выше случай, происшедший на заседании Паритетного правительства после доклада генерала Алексева, показывает, что подобная эволюция во взаимоотношениях с революционной демократией была вполне возможна. А тогда Каледину могло быть суждено сыграть роль, аналогичную послевоенной роле Гинденбурга. «Моральная трагедия, — пишет лидер радикального крыла нашей либеральной интеллигенции¹¹, — приведшая к самоубийству этого сильного человека (Каледина), была трагедией всей России»... «Юго-Восток, — говорится в заключительных строках неоднократно уже цитированного письма генерала Алексева, — имеет все данные стать источником такого (всей России) спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясений. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжидания»...

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 166.

¹¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. II, с. 59.

Учреждение Триумvirата **подрывало** политический авторитет генерала Каледина; рядом с ним, носителем высшей власти, появлялась независимая от него политическая власть в лице генерала Алексеева и неподчиненный ему главнокомандующий в лице генерала Корнилова. Согласие генерала Каледина на учреждение Триумvirата, противоречащее той политике, которую он до тех пор вел, объясняется, как я говорил выше, той моральной усталостью, которая подорвала сильную волю этого человека.

«Триумvirат, — говорит в вышеприведенной выдержке генерал Деникин, — был психологическим средством, вполне достигшим цели», подразумевая под этим создание возможности совместной работы генералов Корнилова, Каледина и Алексеева. Читатель видел, что это покупалось ценой отстранения от главенствующей роли генерала Каледина. А через две недели после образования Триумvirата оказался отстраненным от главной политической роли в созданной им Добровольческой Армии и генерал Алексеев. «Внутренние трения в триумvirате не прекращались, — пишет генерал Деникин^I. — 9 января^{II}, незадолго до переезда в Ростов, меня и Лукомского вызвали спешно в канцелярию генерала Алексеева. Пришли мы поздно, когда всё уже кончилось, и с удивлением ушлышали о происшедшем столкновении.

Некто капитан Капелька^{III}, состоявший при Штабе Алексеева, со слов Добрынского^{III} доложил Алексееву о предстоящем «перевороте»: с переездом в Ростов генерал Корнилов должен был свергнуть триумvirат и объявить себя диктатором...

Невзирая на мутный источник этих сведений, генерал Алексеев, предубежденный в отношении Корнилова, не переговорив с кем-либо из нас, собрал членов Совета^{IV} и старших генералов и пригласил генерала Корнилова для выяснений.

^I Очерки Русской Смуты, т. II, с. 193.

^{II} По новому стилю — 22 января, т. е. недели две после создания Триумvirата. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Добрынский представлял собою одного из тех авантюристов ближайшего окружения ген. Корнилова, которые сыграли уже отрицательную роль во время выступления Корнилова против Керенского.

^{IV} Генерал Алексеев, стремясь сообразовать свое политическое руководство с желаниями общественных кругов, образовал при себе особый «Совет», членами которого были: М. М. Федоров¹⁷², П. Б. Струве, кн. Е. Трубецкой¹⁷³ — делегаты «Московского центра», П. Н. Милюков, Белецкий, Б. В. Савинков, Вензягольский. Из Донских общественных деятелей в него входили: М. П. Богаевский (помощник Войскового атамана), П. М. Агеев¹⁷⁴ (Председатель 3-го Войскового Круга), Н. Е. Парамонов¹⁷⁵, С. П. Мазуренко. Из этих 11 членов 4 были социалистами, остальные принадлежали к либеральным партиям.

Корнилов, взбешенный подобным обвинением и инсценировкой «судилища», ответил резким словом и удалился»... Однако при ликвидации этого столкновения генерал Корнилов не удовольствовался извинениями генерала Алексеева, а предъявил ряд требований, по существу нарушавших «конституцию» триумvirата.

Генерал Корнилов потребовал¹:

1. Письменного извещения, что Совет признает себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение Совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц.

2. Включение в состав Совета начальника штаба армии и председателя вербовочного комитета.

Иначе говоря, роль генерала Алексеева, как главного политического руководителя, умалялась, введение же в состав Совета лиц, непосредственно подчиненных генералу Корнилову, обеспечивало последнему влияние на голосование Совета.

3. Третьим требованием генерал Корнилов выставлял: «Признание за командующим Добровольческой Армией права назначения лиц (обязательно из военных), возглавляющих военно-политические центры... с указанием, что эти лица получают инструкции по военным делам только от штаба армии». Эта мера давала возможность генералу Корнилову вести свою собственную политику, независимо от генерала Алексеева.

Все эти требования генерала Корнилова были приняты; это привело к тому, что генерал Алексеев был отодвинут на второй план.

Для более полного выяснения мотивов поведения ген. Корнилова в отношении ген. Алексеева полезно ознакомиться с выдержкой из воспоминаний ген. Лукомского. В этой выдержке описывается свидание ген. Лукомского с ген. Корниловым, происходившее в самые последние дни декабря 1917 г., т. е. приблизительно за неделю до создания «Триумvirата».

«Я застал ген. Корнилова, — пишет ген. Лукомский^{II}, — в большом колебании. Формирование Добровольческой Армии было уже начато ген. Алексеевым. По характерам генералы Алексеев и Корнилов мало подходили друг к другу»...

Корнилов считал, что дело может пойти успешно лишь при условии, если во главе будет стоять один человек; Алексеев говорил, что роли можно распределить; он указывал, что в его руках останутся

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 193.

^{II} Воспоминания генерала А. С. Лукомского, т. I, с. 279, 280. Берлин: Изд-во Отто Кирхнер и К^о, 1922.

финансовые вопросы и политика (внешняя и внутренняя); а Корнилов всецело займется формированием армии и ее управлением.

Корнилов доказывал, что их параллельная деятельность будет вызывать постоянные трения и, прежде всего, в финансовых вопросах, так как каждую копейку на организацию и нужды армии ему придется спрашивать у Алексеева.

Затем Корнилов указывал, что с развитием дела ему, как командующему армией, придется вплотную подойти к внутренней политике, которая будет находиться в ведении Алексеева; что это опять-таки породит недоразумения и трения.

В сущности говоря, это сознавал и генерал Алексеев, предложивший генералу Корнилову такое решение: «Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там совершенно самостоятельно приступайте к формированию частей Добровольческой Армии, а я буду производить формирования на Дону».

Генерал Корнилов категорически от этого отказался, сказав, что это не выход из создавшегося положения и что это будет еще хуже.

— Если бы я на это согласился, то, находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с Вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке.

Генерал Корнилов хотел ехать на Волгу, а оттуда в Сибирь. Он считал более правильным, чтобы генерал Алексеев оставался на юге России, а ему дали возможность вести работу в Сибири¹.

Он доказывал, что для дела это будет лучше; что один другому они мешать не будут и верил, что ему удастся создать в Сибири большое дело.

Он рвался на простор, где возможна была самостоятельная работа. Но приехавшие в Новочеркасск из Москвы представители Национального Центра настаивали на том, чтобы Корнилов остался на юге России и работал совместно с Алексеевым и Калединым.

Так как Корнилов не соглашался, то было заявлено, что московские общественные организации совершенно определенно поручили объявить, что руководители противобольшевицкого движения могут рассчитывать на моральную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на юге России совместно, распределив между собою роли и подписав составленное между собою соглашение: при этом было указано, что только после того, как это соглашение состоится и, подписанное всеми тремя генералами, бу-

¹ Генерал Корнилов по происхождению был сибирский казак. — *Прим. Н. Н. Г.*

дет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников.

Генерал Корнилов принужден был согласиться...

Рассказав мне всё это, генерал Корнилов предложил мне быть у него начальником штаба.

При следующем свидании, когда мы разбирались с тем, что было уже сделано и что надо делать дальше, Корнилов вновь заговорил о том, что он остается на юге по принуждению; что он согласился на это по настоянию московских общественных деятелей; что он боится за успех работы, когда во главе будет стоять не один полноправный распорядитель, а двое¹ равноправных, не подчиненных один другому; что он опасается возникновения постоянных недоразумений, особенно по финансовым вопросам; что он, наконец, мало верит в успех работы на юге России, где придется создавать дело на территории казачьих войск и, в значительной степени, зависеть от войсковых атаманов.

Закончил Корнилов так: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что там можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорее, чтобы не упустить время.

Этот взгляд Корнилова отразился на всей его работе в Новочеркасский период. Он всей душой и сердцем стремился в Сибирь, хотел, чтобы его отпустили, и к работе по формированию Добровольческой Армии на Дону относился без особого интереса.

Придавая большое значение Сибири и Поволжью, генерал Корнилов послал в Сибирь ряд писем к местным политическим деятелям... и по его просьбе генералом Алексеевым был командирован туда генерал Флуг^{II}, на которого была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевицкого фронта...

...Я лично считал, — заключает генерал Лукомский свою запись, — что лучше предоставить генералу Корнилову свободу действий и не возражать против его желания ехать в Сибирь, но бывшие в Новочеркаске общественные деятели продолжали считать необходимым, чтобы генерал Корнилов оставался на юге России. Они считали, что если уедет Корнилов, то за ним в Сибирь поедут очень многие из вступивших в ряды Добровольческой Армии, и дело, начатое в Новочеркаске, может развалиться»...

¹ «Не считая генерала Каледина, который в вопросы формирования и управления Добровольческой Армии не вмешивался».

^{II} Выдержки из доклада которого я приводил выше. — *Прим. Н. Н. Г.*

Просматривая воспоминания Лукомского, Деникина и множества других, нельзя не обратить внимания на то, какое громадное влияние имело на учреждение Триумvirата мнение прибывших из Москвы представителей «Национального центра». Алексеев, Каледин и Корнилов связывали с ними «представление о широком фронте русской общественности, — пишет генерал Деникин¹. — Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших также добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого». И все-таки нужно констатировать, что эти представители, выражая свои мнения, совершенно верно выражали определенное настроение главной массы нашей либеральной интеллигенции.

Доминирующей идеей этого настроения являлось скорейшее восстановление Великой, Единой, Неделимой России. Присущая русской интеллигенции оторванность от реальностей жизни и, вследствие этого, непонимание народных масс мешали ей увидеть ту степень разрушения, до которой уже дошла Россия. Интеллигенция переоценивала ближайшие возможности восстановления, представляя его себе как акт, хотя и требующий большого напряжения, но акт короткий. Иначе говоря, вся наша либеральная интеллигенция была ярой сторонницей «прямого действия», выраженного в наиболее решительной и короткой форме. В данном случае это выливалось в убеждение, что победа над большевиками достижима легко одной только вооруженной силой. Эта мысль и выражена в словах Деникина: «Единственно, что было тогда важно и нужно — создать мощную вооруженную силу... С восстановлением этой силы пришла бы и власть»...

В этом своем убеждении наша «либеральная демократия» стояла как раз на полюсе, противоположном тому, на котором стояла «революционная демократия». Последняя, как было сказано, всё еще боялась вступить в контрреволюционный лагерь, не отдавая себе отчета, что всякая, даже самая демократическая идея нуждается в защите силой против злой воли.

Алексеев, Каледин, Корнилов, да и сам Деникин были введены в заблуждение не столько тем, что говорили представители Московского Центра, сколько своими личными чувствами, так как все они были типичными русскими либеральными интеллигентами.

Сердцам этих горячих патриотов слишком дорога была Великодержавная Единая Россия. «Областническая» политика генерала Каледина и вышеприведенное письмо генерала Алексеева показывают, что их государственные умы позволяли им видеть всю трагичность создавшие-

¹ Деникин, т. II, с. 194.

гося положения. Но деяния человеческие управляются не только умом: в еще большей мере они зависят от сердца или, выражаясь научно, от сложного комплекса, именуемого «подсознанием».

Если сами вожди противобольшевицкого движения не могли отвести своего внутреннего взора от образа только что бывшей Великой России, то в еще большей степени под влиянием этого образа находилась рядовая масса, из которой создавалась Добровольческая Армия. Я уже имел случай говорить, что даже среди учащейся молодежи, откликнувшейся на зов Атамана Каледина и пошедшей в Донские партизаны, господствующим чувством был не «местный» патриотизм, а патриотизм «всероссийский»: эта молодежь шла спасать «Дон» потому, что это значило спасать «Россию».

При подобного рода настроениях естественно было ожидать, что сердцу большинства добровольцев имя генерала Корнилова было ближе, нежели имя генерала Алексева и генерала Каледина. Это предположение и дало право генералу Деникину утверждать¹, что «в случае ухода генерала Алексева Добровольческая Армия раскололась бы, а в случае ухода генерала Корнилова она развалилась бы». Опасение этого развала и явилось главным мотивом создания Триумвирата.

Для того чтобы выяснить, насколько подобные опасения были справедливы, я закончу настоящую главу очерком духовного облика Добровольческой Армии.

Духовный облик Добровольческой Армии

«Много уже написано, еще больше напишут о духовном облике Добровольческой Армии^{II}. Те, кто видел в ней сиянный страданием и мученический подвиг, — правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях искренни. Весь вопрос в правильном синтезе сложных явлений в жизни армии — явлений, рожденных войной и революцией... В нашу своеобразную Запорожскую Сечь шли все, кто действительно сочувствовал идее борьбы и был в состоянии вынести ее тяготы. Шли и хорошие, и плохие. Но четыре года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны. Было бы лицемерием со стороны общества, испытывавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высших добродетелей. Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть...

^I Очерки Русской Смуты, т. II, с. 188.

^{II} Там же, с. 205—208.

Первые явления возносили, со вторыми боролись. Но вторые не были преобладающими: история отметит тот важный для познания русской народной души факт, как на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма могло вырасти такое положительное явление, как добровольчество, при всех его теневых сторонах сохранившее героический образ и национальную идею.

Добровольцы были чужды политики, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданы Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих — смерть... Они дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение. Одиночные добровольцы, случайно попадавшие в Темерник — рабочие кварталы Ростова — часто не возвращались... Однажды в Ростове, когда юнкерский караул, спровоцированный выстрелом на большом железнодорожном митинге, пустил в ход оружие, в результате чего оказались один или два рабочих убиты, это событие вызвало огромную демонстрацию; с разрешения Донского правительства «жертвам» были устроены грандиозные похороны с толпами народа, депутациями, венками и речами, направленными против «врагов народа». А «враги народа» в это время каждый день тихо, без венков и речей, в наскоро сколоченных гробах, иногда и без гробов, опускались в холодную могилу возле чужих и незнакомых станций и полустанков Донской земли. И редко когда их провожала слеза друга или брата, ибо звериное время зачерствляло сердца и понижало цену жизни.

Гражданская война довершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте.

Вскоре стало известным, что большевики **убивают всех добровольцев**, захваченных ими, **предавая** перед этим **бесчеловечным мучениям**. Сомнений [в этом]¹ не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков. Помню, какую жутью повеяло на меня, когда первый раз привезли восемь замученных добровольцев из Батайска — изрубленных, исколотых, с обезображенными лицами, в которых подавленные горем близкие едва могли различить родные черты... Поздно вечером, где-то далеко на заднем дворе товарной стан-

¹ Так в подлиннике у Деникина. — *Прим. ред.*

ции, среди массы составов я нашел вагон с трупами, загнанный туда по распоряжению ростовских властей, «чтобы не вызвать эксцессов». И когда при тусклом мерцании восковых свечек священник, робко озираясь, возглашал «вечную память убиенным», сердце сжималось от боли, и не было в нем прощения мучителям...

Помню свою поездку на «Таганрогский фронт» в середине января (ст. стиль). На одной из станций возле Матвеева Кургана, на платформе лежало тело, прикрытое рогожей. Это был труп начальника станции, убитого большевиками, узнавшими, что его сыновья служат в Добровольческой Армии. Отцу порубили руки и ноги, вскрыли брюшную полость и закопали еще живым в землю. По искривленным членам и окровавленным, израненным пальцам видно было, какие усилия употреблял несчастный, чтобы выбраться из могилы. Здесь же были два его сына — офицеры, приехавшие из резерва, чтобы взять тело отца и отвезти его в Ростов. Вагон с покойником прицепили к поезду, в котором я ехал. На какой-то попутной станции один из сыновей, увидев вагон с захваченными в плен большевиками, пришел в исступление, ворвался в вагон и, пока караул опомнился, застрелил несколько человек...

Среди кровавого тумана калечились души молодых, жизнерадостных и чистых [сердцем] юношей. Однажды в Ростове, в Парамоновском доме, до слуха моего долетел веселый разговор. Рассказывал о чем-то молодой подпоручик, почти мальчик, 17 лет. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, шел он по улице, как обычно, с винтовкой через плечо. Наткнулся на облаву, устроенную милиционерами на бандитов, принял участие и одного бандита убил выстрелом:

— Вскинул ружье, бац, прямо в глаз, так и свалился, не пикнув!

И он сопровождал рассказ веселым смехом. Я обрушился на него:

— Стыдитесь вы! Неужели вы не понимаете всего цинизма вашего смеха? Если судьба привела убить человека, так разве можно этому радоваться?

По мере того, как я говорил, лицо у подпоручика сводило сильной судорогой, глаза наполнились слезами и он опустил беспомощно на стул. Мне рассказали потом его историю. Большевики убили его отца, дряхлого отставного генерала, мать, сестру и мужа сестры — полного инвалида последней войны. Сам подпоручик, будучи юнкером, принимал участие в октябрьские дни (по старому стилю) в боях на улицах Петрограда, был схвачен, жестоко избит, получил сильные повреждения черепа и с трудом спасся.

И много таких людей, исковерканных, изломанных жизнью, потерявших близких или оставивших семью без куска хлеба там, где-то далеко — на произвол бушующего красного безумия. Не они создавали основной облик армии, но их психология должна быть учтена теми,

в особенности, кто на крестном пути добровольцев склонен видеть только мрачные тени».

Большевики с самого начала выкинули основным лозунгом своих военных действий **истребление...**

«Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая Армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении — без своей территории, без тыла, без баз, представлялось только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или «не брать пленных». Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это не верно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачевщины и французской Вандеи... Когда во время боев у Ростова от поезда оторвалось несколько вагонов с ранеными добровольцами и сестрами милосердия и покатило под откос в сторону большевицкой позиции, многие из них в припадке безумного отчаяния кончали самоубийством. Они знали, что ждет их... Корнилов же приказывал ставить караулы к захваченным большевицким лазаретам. Милосердие к раненым — вот всё, что мог внушать он в ту грозную пору. Только много времени спустя, когда большевицкое правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации, подлинный народ, организовав Красную армию¹, тогда Добровольческая Армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это вообще возможно в развращенной атмосфере гражданской войны.

Она калечила жестоко не только тело, но и душу».

Вот очерк психологии Добровольческой Армии в момент ее зарождения, сделанный ближайшим соратником Корнилова, ставшим после смерти последнего ее вождем. Из этого очерка видно, что Добровольческая Армия может быть уподоблена коню, на котором не всякий мог бы поехать: всадник должен быть подходящим. Таким именно подходящим «всадником» оказался Корнилов. И не только в силу своей способности к боевому командованию, но в еще большей мере потому, что его командование было наиболее приемлемо для психологии Добровольческой Армии.

Во-первых, с прибытием в ее состав Корниловского ударного полка, явившегося наиболее прочно сколоченной частью Добровольческой Армии, личное влияние Корнилова чрезвычайно возросло.

¹ Красная армия заменила собою Красную гвардию, составленную из добровольцев-большевиков и преступного элемента.

Во-вторых, здесь опять приходится встретиться с проявлением закона социального подбора. Об объективных предпосылках, влиявших на направление этого подбора, я говорил в конце глав VI и VIII.

Как только Корнилов появился на Дону, в среде собираемых Алексеевым добровольцев «его имя сразу заняло центральное место и стало тем нравственным стержнем, вокруг которого группировались боевые элементы армии...»¹. Та клевета и поношение, посредством которых Керенский и революционная демократия сделали имя Корнилова ненавистным народным массам, в значительной части офицерства создали Корнилову ореол героя-мученика за Россию. Заключение в Быхове, говорил я в конце главы VI, было своего рода моральным стажем для выдвижения на верхи Белого движения.

Характерной иллюстрацией только что сказанного может служить следующий факт.

Записка, в которой генерал Деникин набросал «конституцию» Триумвирата, по его собственным словам была одобрена «совещанием генералов». Согласно его же перечислению, это совещание, явившееся своего рода учредительным собранием, состояло из семи генералов: Алексеева, Каледина, Корнилова, Лукомского, Романовского и Маркова. Седьмым был сам Деникин. Из этих семи генералов — пять было «Быховцами».

Психология Добровольческой Армии с трудом могла бы мириться со сложным стратегическим водительство, при котором главенствующее значение получает метод «непрямого воздействия», метод, который может быть уподоблен постепенному восхождению по извилистой лестнице. Гонения и страдания всегда имеют психологическим эффектом уменьшение терпения и терпимости. В стратегии и в политике это выражается в стремлении к «прямому и скорому действию». А в таких условиях стратегическая мудрость кажется слабостью и отсутствием дерзания. Так и судили линию поведения Каледина не только рядовые добровольцы, но и сами вожди из «быховского» лагеря. Чтобы убедиться в правильности этого утверждения, достаточно прочитать те страницы, на которых Деникин «оценивает» Каледина. По той же психологической причине Алексеев вынужден был уступить место фактического вождя Добровольческой Армии Корнилову.

«Генерал Алексеев, — пишет П. Н. Милюков^{II}, — мудрый старец, крайне осторожный и осмотрительный в своих планах, глубокий знаток военного дела, что не мешало ему обладать исключительной для военного человека широтой кругозора в политических вопросах,

^I Деникин, т. II, с. 196.

^{II} Россия на переломе, т. II, с. 57.

либерально настроенный, был как бы предуказанным вождем всего движения. Он прекрасно понимал, что военная борьба с большевиками должна опереться на широкий фронт политических партий, чтобы найти поддержку в населении. Дав своим авторитетом победу февральской революции¹ хотя и мог позднее раскаиваться в сыгранной им роли, но никогда не доходил до отрицания основных принципов революции, сохранял лояльность по отношению к ним и потому пользовался полным доверием прогрессивных политических деятелей. Совершенной противоположностью во всех отношениях был Корнилов. Он был прежде всего солдат, храбрый рубака, способный воодушевить личным примером армию во время боя, бесстрашный в замыслах, решительный и настойчивый в выполнении их. Но его интеллектуальная сторона далеко не стояла на высоте его воли... Политический кругозор Корнилова был крайне узок...»

Изучение коллективной психологии показывает, что коллективы людей в несравненно меньшей степени способны руководствоваться в своих поступках логикой, чем отдельные лица. Идея обретает в коллективе людей действительную силу только тогда, когда она тесно связывается с чувством. Корнилов с его всегдашним стремлением идти кратчайшим путем, напролом, был гораздо ближе сердцу «добровольца», нежели Алексеев. Неспособность Корнилова к глубокому стратегическому, а следовательно, и к политическому мышлению усиливала в нем веру в исключительность «методов прямого действия», а это как раз отвечало обостренному чувству патриотизма той действительно настроенной интеллигенции, которая уже подобралась в среде молодого «фронтового» офицерства и которая продолжала подбираться в рядах добровольцев.

На призыв белых вождей отзывались, пишет генерал Деникин, «офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создавшихся условий комплектования армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая **классовый** характер. Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам...»

Как я говорил уже несколько раз, приписывать патристически и действительно настроенной учащейся молодежи, составившей с офицерством главную часть Добровольческой Армии, сословный или классовый характер совершенно неправильно. Отличие ее от прочей народной массы тех же возрастов заключалось только в одном: в образовании.

¹ Вернее сказать, началу революции. — *Прим. Н. Н. Г.*

Здесь приходится сталкиваться с тем особо характерным для социальной структуры России явлением, на которое указывалось в самом начале настоящего труда, а именно с резким психическим разделением между русской интеллигенцией и темными народными массами. Большевизм, поставивший ставку как раз на темноту этих последних, естественно, должен был вызвать реакцию в противоположном лагере. Это было только проявлением одного из социологических законов, согласно которому всякое действие в области социальных явлений стремится вызвать соответствующее противодействие.

Совершенно очевидным является то, что наиболее быстро реагирующей средой всегда и везде является молодежь. По этой причине еще задолго до революции 1905 года Россия не выходила из хронических студенческих беспорядков. По этой же причине интеллигентная молодежь тотчас же по появлении у власти Ленина ринулась защищать идеалы, которые грубо попирались большевиками.

Та же бóльшая отзывчивость молодежи привела к тому, что именно тяжесть испытаний войны привлекла наиболее патриотически настроенные ее элементы в офицерские ряды, заменяя на низах командной лестницы выбитого офицера-профессионала офицером-интеллигентом.

Попадая в духовно-родственную ей теперь среду, учащаяся молодежь естественно подчинялась своим старшим товарищам, уже ставшим офицерами, и это придавало общероссийскому добровольческому движению «офицерский» характер, который вводил в заблуждение солдатские и народные массы.

Этим очень умело пользовались большевики, окрестив добровольцев словом «кадеты». В той части солдатских и народных масс, которая добивалась окончания войны, это наименование вызывало озлобление в силу воспоминания, что офицерство окончанию войны препятствовало. Другой же, меньшей части этих масс, воспринимавшей и саму большевицкую доктрину, слово «кадеты» напоминало сокращенное наименование конституционно-демократической партии, которую большевики совершенно правильно считали наиболее сильной из либеральной демократии.

В таких условиях для превращения Добровольческой Армии во «Всенародное Ополчение» требовалась особо мудрая политика и стратегия. Чтобы пойти по этому пути, от вождей Добровольческой Армии потребовались бы те качества, которые в глазах крайне действенно, а потому и нетерпеливо настроенной добровольческой среды казались недостатками.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 25

Письмо^I генерала от инфантерии М. В. Алексеева
к генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу^{II}

Г. Новочеркасск
8-го ноября^{III} 1917 г.

Пришлось уходить из Петр(ограда). В Смол(енск) нельзя было попасть. Поехал в Новочерк(асск), имея в виду не только найти врем(енный) приют, но и начать работу, если только это окажется возмож(ным). Вы, вероятно, знаете, что заключен союзный договор Юго-В(осточного) союза. Экземпляр этого договора я Вам прилагаю. Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из центра деятелями, такая: юго-вост(очный) угол России — район относительного спокойствия и сравнительного госуд (арственного) порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме — в известной степени — угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай. Здесь, если теперь же приложить капитал, энергию, знания, временно оказавшиеся ненужными для центра и севера, можно толкнуть вперед промышленность, удовлетворить потребности не только нуждающегося во всем местного населения, но поделиться с соседн(ими) губ(ерниями), не принадлеж(ащими) к союзу, создавая тем и для них условия наступления порядка и нормальной жизни. Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности. Такова ближайшая цель **эконом**(ическая). Цель более отдаленная — дать краю стать на ноги, чтобы, по заключении мира, он оказался способным отбиться от нем(ецкого) капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска для мирного завоевания. Из этой цитадели — должна затем начаться борьба за экономич(еское) спасение наше от немца, при участии капитала англо-америк(анского).

^I В этом письме, написанном собственноручно наспех ген. Алексеевым в первые дни формирования Добровольческой Армии, было сделано им много сокращений. Для облегчения чтения в приводимом тексте эти сокращения дополнены и поставлены в скобки.

^{II} Ген.-лейт. М. К. Дитерихс был генерал-квартирмейстером Штаба Верховного Главнокомандующего и находился в Могилеве, в Ставке, тогда еще не занятой большевиками.

^{III} По старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

Под покровом силы промышленно-эконом(ической) и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд(арственного). Это — цель политическая, кот(орая) в своем осуществл(ении) не должна быть откладываема далеко. Нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться.

Пользуясь пока некоторым моральным престижем и всеобщим убеждением, что казачьи области имеют достаточную силу не только для обороны, но и для акт(ивных) предприятий, то есть пользуясь видимой недосыгаемостью и безопасностью, приступить здесь к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы, вооруж(енной) для будущей акт(ивной) политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемарин из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначальное формирование — на частные пожертвования, но, по мере готовности — принятое на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого.

Вот схема начинающейся работы. Работа пока чуть теплится, так как приток средств скуден, рус(ский) человек не хочет рисковать и жертвовать ничем.

Пока я писал эти страницы, сюда дошла пресловутая телегр(амма) Ленина и Троцкого к Вам, заключающая поручение заключить перемирие. Союзники, конечно, ответят молчанием; противники используют это нелепое сепаратное выступление в своих интересах; наша современная «доблестная» армия может ответить стихийным движением «по домам». Но всё это не изменяет, по моему мнению, общей схемы спасения Р(оссии) и ее остатков.

Теперь кратко изложу В(ам) результаты изучения в течение недели общего положения моральных и физических сил каз(ачьего) союза. Общая, резко выраженная тенденция всех стоящих во главе и влиятельных, виднейших советников: задача союза — внутреннее благоустройство, поддержание порядка и спокойствия, внешние предприятия исключаются; «завоевание» Р(оссии) казакам «не по силам». Крайняя осторожность положена в основу всех решений. Но по части экономической — мысль о необходимости скорейшего крупного займа является более или менее общей. Намечавшаяся пришлыми деятелями осторожная мысль о создании при военно-пром(ышленном) комитете комиссии совещательного характера, получила более смелое, а главное более быстрое осуществление в виде органа правительства — «экономического совещания», которому я склонен придавать большее значение, и не только промышленно-экономическое, но и политическое, а следовательно, косвенно и военное. К работам этого совещания, думаю, будут привлечены и выдающиеся деятели центра.

Военные наличные силы каз(ачьего) союза, действительно, ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район, Ростов, жел. дор.). С ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя. Возвращаемые с фронта части, особенно Донские, заражены немногим меньше, чем «товарищеские». Нужно время, прежде чем на месте старый прочный каз(ачий) элемент успеет выколотить навеванную дурь из голов более молодых казаков. Настроение же местной пожилой массы — государственное: она стоит впереди своих вождей, будучи убеждена, что она обязана так или иначе спасти Россию. Но это настроение пока не может повлиять на правительство, которое, кстати сказать, в виде общего «объединенного» еще не создано и создастся, по моему мнению, не без трений, как не без трений пойдет и первоначальная его работа. Хорошо будет, если от него изойдут энергичные меры по развитию материального благосостояния, удовлетворению насущнейших нужд населения, по поддержанию безусловного порядка, по сохранению своего престижа в глазах «Вр. прав.» и по обеспечению возможности формирования прочных частей. Всё это не останется без влияния на общее положение дел государства, на работу текущую и на последующее исполнение задачи по спасению государства.

Задача последняя разветвляется на две основные: **политич(ескую)** — печать, пропаганда, агитация, обработка умов, внушение побольше смелости, специальная работа в отношении «рады»; **воен(ную)** — подготовка войсковых частей, усиление казачьих. **Политическая** часть требует крупных денежных средств и большого числа идейных и умных работников. Для последней цели завязываются сношения с организациями, отдельными лицами. Приток денежных средств, как я говорил, пока ничтожен. Но верится, кто, когда увидят приступ к серьезному делу, дадут. **Военная** часть требует тоже денег, но, кроме того, общего плана, общей помощи, крупной работы. Если штат основных работников должен быть создан на территории союза каз(ачьих) в(ойск), то тайные филиальные отделения его должны существовать в Петр(ограде), Москве, Киеве, Харьк(ове) и других центрах. Если гл(авные) силы должны создаваться здесь, то местные организации, возможно по обстановке сильные, нужно образовать в тех же центрах. Офицеры, студенты, интеллигенция должны составить контингент. Если в Москве этот элемент оказался раздавленным, то только потому, что он не имел совершенно предвар(ельной) организации, не был никем управляем и, наконец, по-видимому, прямо продан полк. Рябцевым¹. Этим уроком нужно хорошо воспользоваться.

¹ Убит при взятии Харькова Добровольческой Армией в 1919 году. — *Прим. Н. Н. Г.*

Перехожу теперь к организации и сбору сил здесь для будущего удара, шире и деятельнее подготовленного мерами политическими).

Прежде всего, нужно направить всё, что можно, под благовидными предложениями с фронта, так, например):

1. Для формирования все чешско-слов(ачские) полки, кот(орые) охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения Р(оссии). Некоторые связи установлены; в скором времени они получают дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы.

2. Георг(иевский) зап(асный) полк, формировавшийся в Киеве, рассыпался. Но офиц(ерский) состав с ничтожным числом солдат прибыл сюда. Он послужит кадром. Послал командира сговориться со Ставрополем, желающим получить прочную часть для защиты населения. Узаконьте формирование такового, якобы запасного полка, в Ставрополе и формирование крупной части обеспечено.

3. Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехо-словаков, то командирование от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения.

4. Нужно освободить область от совершенно большевистских зап(асных) полков, или расформировав их, или безоружными потребовав на фронт. Здесь они ничего не делают, являются источником постоянной тревоги, опасения, и в полном смысле не только не полезны, но вредны и опасны. Вывод их освободит помещения и даст хотя небольшое количество винтовок.

5. Частным почином Киев(ское) Никол(аевское) арт(иллерийское) уч(илище) переезжает на террит(орию) сюда. Но матер(иальная) часть осталась в Киеве. Нужно это вызволить от Рады и передать в училище. Это будет остов и инструк(орский) отдел артиллерии.

6. Изучить вопрос о польских войсках. Хотя, мне думается, они уклонятся от участия в этом деле.

7. Затем нужно приступить к созданию из тех элементов, на которые указал, новых частей на прочных началах дисциплины и порядка. Наплыв офицеров и юнкеров только сдерживается пока чисто искусств(енными) мерами, невозможностью без подготовки и средств наводнить Новочерк(асск). Но затем число желающих будет значительно. Нужно будет начать извлечение из частей честных, желающих солдат и прибегнуть к добровольцам. Сколько формировать таких частей, нужно бы сговориться, условиться, изучив вопрос совместно с Вами.

8. В то время, когда в деле снаряжения, обуви, отчасти обмундирования здешний военно-промышл(енный) комитет, отчасти вновь формируемый в(оенно)-технич(еский) отдел «экономического совещания»

пойдут навстречу этим вновь формируемым частям, в деле вооружения на месте сделать ничего нельзя и всё может быть сделано только Вами и УпАртом, отчасти ГАУ и ГВТУ¹.

9. Дело в том, что существует Новоч(еркасский) Арт(иллерийский) Склад, правда, с ничтожным личным составом и с полным отсутствием каких-либо запасов. ГАУ в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 т. винтовок из Петр(ограда) и 12 800 винт(овок) из Москвы. 1-я партия наверно разграблена; о 2-й никаких вестей нет; надо думать, подверглась той же участи. Надо повторить наряд; вытребовать приемщиков и конвой. Довести наряд до 30 т. винт(овок) на первое время.

10. Нужны пулеметы. Ко всему этому побольше патронов, так как на богатстве запасов здесь будет, гл(авным) образом, зависеть питание.

11. Нужно направить 4—5 мест(ных) арт(иллерийских) парков с арт(иллерийскими) патронами в виде резерва для Кавк(азской) армии. Здесь даже наличная арт(иллерия) не имеет боевого комплекта.

12. Для батарей, здесь формир(уемых), нужно направить орудия и матер(иальную) часть. Лучше, быть может, расформировать что-либо существующее. Аммуницию и коншей^{II} части потребовать заготовить на месте.

13. Для ручных гранат здесь изготавливают только оболочки. Нужно снаряженных доставить.

14. Всё это нужно направить в местный Арт(иллерийский) Склад.

15. Не можем на месте дать телегр(афного) имущ(ества); котелки, пох. палатки, часть шанц(евого) инстр(умента).

16. Обоз, пох(одные) кухни, сбрую... можно в большей части потребовать заготовить на месте.

Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патр(онов), а то и наличные офиц(еры), могшие принять участие в обороне Зимн(его) Дв(орца), остались без всякого оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов. В результате — гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная.

Вот краткий набросок предположений, мечтаний, пожеланий. От мечтаний в некоторых направлениях перейдем к делу, но в вопросах организационных нужно соглашение с Вами и совместная разработка плана. Нужно заботливо собрать оружие.

Привходящий частный вопрос. В Астрах(анском) каз(ачьем) в(ойске) предположено формирование 6—10 кон(ных) полков калмыков.

^I Управление Генерал-Инспектора Артиллерии, Главное Артиллерийское Управление, Главное Военно-Техническое Управление. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Так в тексте. Видимо: для конной — *Прим. ред.*

Сколько и какого оружия могут получить они? Инструкторов офиц(еров) найдем из числа ныне выброшенных милыми «товарищами».

Повторяю, что начальный период формирования надеюсь провести на средства, которые будут даны лицами, организациями, но нужно определить время и порядок перехода в состав вооруженных сил, состоящих в ведении шт(аба) В(ерховного) Гл(авнокомандующего). Иначе может настать момент, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и всё дело рухнет. — Как видите, прежде чем начинать развивать дело, нужно много разработать совместно. Дело спасения госуд(арства) должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет при той степени развала, до которого его довели представители Вр(еменного) прав(ительства) и деятельность большевизма. Только энергичная, честная работа всех сохранивших совесть и способность работать может дать результаты. Нужно поставить дело так, чтобы получить возможность повести за собой местных здешних деятелей. Они пойдут. В них проснется общегосуд(арственная) точка зрения. Но сами они не начнут, равно не пойдут только со своими силами.

Накопилось два дополнит(ельных) серьезных вопроса:

1. В упр(авлении) Рады мы имеем противника умного, серьезного, искусно руководимого извне и оттуда же питаемого деньгами. Одной печатью с нею бороться нельзя. Нужно дискредитировать отдельных лиц, ее составляющих, а целое, — как изменническое, наносное. Контрразв(едовательное) отделение Радою же разгромлено с вполне определенной целью. Следовательно, нужно спасти уцелевшие документы и восстановить негласное к(онтр)разв(едовательно) отд(еление) с этой основной задачей — изучать и расшифровывать лиц и целое. Поводы и целое, и лица дают, и работа не будет бесплодной, но ее нужно отдать в хорошие руки. Информаторы же деятельности Рады и разветвлений ее найдутся. Работа спешная, ибо Рада пока прочных корней не имеет, но каждый месяц упрочивает ее положение и увеличивает число вольных и невольных сторонников. Открытая борьба с этим учреждением, слившимся с большевизмом, пока не по средствам. Но изыскание способов к дискредитированию возможно и полезно.

2. Состояние Ч(ерноморского) фл(ота), находящегося в стадии скрытого, но сильного разложения, требует серьезных мер. Совет флота уже прислал Каледину нечто вроде ультиматума, с угрозами враждебных действий, которые могут выразиться в появлении миноносца у Ростова. Между тем нужно удержать фл(от) от присоединения к Раде. Нужна здоровая, энергичная пропаганда; нужно уменьшить состав фл(ота), выбросив наиболее негодные и опасные элементы, нужно очистить Севастополь от вредного гарнизона, занять крепость более сохранившуюся

частью; нужно обеспечить Керч(енский) пролив. А все-таки самое главное — так или иначе спасти флот, хотя бы купив людей.

Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства гл(авным) образом на Ю(го)-В(осток), проявим всю энергию, стойкость. Если позорно окончится война, то с этим не окончатся страдания Рос(сии), разложение ее на части. Откуда-то должно будет идти спасение от окончат(ельной) гибели политич(еской) и экономич(еской). Ю(го)-В(осток) имеет данные стать источником такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясений. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжидания. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать всё достижимое, чтобы и погибнуть со спокойной совестью.

Приложение № 26 **«Допрос» генерала Алексеева¹**

Среди многочисленных, зачастую конфликтного характера вопросов, поднимаемых представителями иногороднего населения Донской области во второй половине 1917 года, главное значение, несомненно, приобретал вопрос об образовании краевой власти на так называемых «паритетных началах».

Вопрос этот в декабрьской^{II} сессии 1917 года Большого Войскового Круга получил, наконец, благоприятное разрешение и на последовавшем 29 декабря в Новочеркасске областном съезде иногородних, кстати сказать, ярко показавшем свое враждебное отношение и к Войсковому Правительству, и к Добровольческой Армии, были избраны семь представителей, которые и вошли в первых числах января 1918 года в состав Объединенного Войскового Правительства.

Не касаясь сущности взаимоотношений между казачьей и неказачьей частями этого правительства, нельзя все-таки не отметить, что того тесного единения, которое обеспечивает успех всякой работы, между ними не было и что, по-видимому, присутствие в составе Правительства таких лиц, как гг. Кожанов и Боссе, непримиримо настроенных ко всему, носящему отпечаток казачества, и являющихся скрытыми сторонниками большевизма, — не обещало единства действий и в будущем.

Казачья часть Войскового Правительства, как известно, относилась к Добровольческой Армии с нескрываемыми симпатиями и уже этого одного было вполне достаточно, чтобы неказачья часть в этом же вопросе заняла позицию, если не отрицательного отношения, то, во

¹ Был напечатан в № 13 «Донской Волны», 24 марта 1919 г.

^{II} Все даты по ст. стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

всяком случае, крайней подозрительности и осторожности; несомненно также и то, что деятельность генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, а также прочих Быховских узников, привлекала их особенное внимание, заставляя всё время быть начеку «революционных свобод».

Справедливость требует, однако же, отметить, что далеко не весь состав казацкой части Правительства относился к Добровольческой Армии и ее вождям отрицательно, — так, например, В. Н. С....в и М....в были не только не враждебно настроены, но, скорее, наоборот... остальные держались скорее холодно-нейтрально, и если в их взглядах и не было острой враждебности, то, во всяком случае, Добровольческой Армии нельзя было надеяться на какое-либо сочувствие с их стороны.

В середине января 1918 года в среде Войскового Правительства, по инициативе казацкой его части, начали возникать вопросы о роли и задачах Добровольческой Армии, о средствах, на которые она существует, о необходимости осуществления над действиями ее контроля и т. п.

Уступая этим запросам, делавшимся всё более и более настойчивыми, — казацкой частью Войскового Правительства решено было пригласить генерала Алексеева и просить его дать соответствующие по этому поводу разъяснения.

18 января состоялось в кабинете М. П. Богаевского¹ заседание Войскового Правительства, на которое был приглашен Председатель Областной Управы В. В. Брыкин. Отсутствовали лишь только Кожанов и Боссе, которые, ввиду резко отрицательного отношения их к Добровольческой Армии и из опасения могущего возникнуть инцидента, на это заседание приглашены не были.

Вскоре прибыл и генерал М. В. Алексеев, и заседание или, вернее, совещание открылось; председательствовал М. П. Богаевский.

Открывая совещание, М. П. Богаевский, в краткой, но по обыкновению выразительной и всеисчерпывающей речи охарактеризовал цели и задачи, преследуемые Добровольческой Армией; особенно подчеркнул он ту помощь, которая в свое время была ею оказана Дону взятием Ростова, и те боевые тяготы по обороне границ области, которые добровольцы несли совместно с прочими немногочисленными защитниками. После этого генералу М. В. Алексееву был предложен ряд вопросов, которые задавались главным образом Председателем Областной Управы В. В. Брыкиным.

Настроение известной части Правительства было сухо-сдержанное, — требовался особый такт, особая выдержка, чтобы, с одной стороны, достойным образом ответить на не совсем тактичные подчас

¹ Помощник Войскового Атамана. — *Прим. Н. Н. Г.*

вопросы, с другой — чтобы ответ этот должным образом удовлетворил присутствующих и рассеял все их подозрения.

— Съезд крестьян, — так начал сухим, бесстрастным тоном Василий Васильевич Брыкин, — поручил нам всесторонне ознакомиться с организацией, деятельностью и задачами Добровольческой Армии.

В интересах полной осведомленности неказачьей части Правительства позвольте, генерал, задать Вам ряд вопросов.

— Каковая история возникновения Добровольческой Армии?

Спокойно и мягко взглянув своими близорукими глазами на говорившего, генерал Алексеев быстро что-то отметил в своей записной книжке и затем, выдержав небольшую паузу, ответил:

— В октябре месяце в Москве был организован Союз спасения Родины; организаторами этого союза являлись, главным образом, представители кадетской партии. Этот союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами, для каковой цели я и приехал на Дон, как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы офицеры и юнкера, из которых мною и была образована Добровольческая Армия. В последнее время, как вам известно, в совещание при мне вошли и представители демократии, а в настоящий момент ведутся переговоры с лидерами других, кроме кадетской, партий, как, например, Плехановым, Кусковой, Аргуновым и др. Конечно, с Черновым и его партией никаких переговоров быть не может — нам с ними не по пути. В совещание при генерале Алексееве, которое носило вообще характер внешнего особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, входили следующие представители демократии: Б. В. Савинков, К. М. Вендзягольский, П. М. Агеев, С. П. Мазуренко.

— Если у Вас, генерал, существует, как Вы говорите, контакт с демократическими партиями, — продолжал Брыкин, — то почему члены Вашей армии нисколько не стесняются выражать свое презрение демократическим организациям, допуская в своих разговорах такие выражения, как «Совет собачьих депутатов» и пр.

На одно только мгновение что-то неуловимо-ироническое мелькнуло в глазах генерала, и сейчас же раздался всё тот же спокойный, мягкий и убедительный ответ:

— Прежде чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. Войдите в их психологию, и Вы поймете происхождение этих разговоров; ведь 90 % их буквально выбралось из когтей смерти и, по приезде на Дон, не оправившись еще от пережитого, вынуждены были вступить в бой с советскими войсками; из трех ночей мне приходится спать только одну. Кроме того, я не понимаю, почему это Вас так волнует: ведь Добровольческая Армия не преследует

никаких политических целей; члены ее при своем вступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике и заниматься какой бы то ни было политической пропагандой.

— А скажите, генерал, откуда Вы получаете средства для существования?

— Средства, главным образом, национального характера и добываются путем добровольных жертвований частных лиц.

Кроме того, не скрою от Вас, что некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку.

— Скажите, пожалуйста, генерал, — раздается всё тот же сухой голос Брыкина, — даете ли Вы какие-нибудь обязательства, получая эти средства?

Генерал М. В. Алексеев всем корпусом повернулся в сторону говорившего и медленно, отчеканивая каждое слово, произнес:

— При обыкновенных условиях я счел бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос Вам отвечу: Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины, — Добровольческую Армию купить нельзя.

Среди присутствующих легкий одобрительный шепот.

— Существует ли какой-нибудь контроль над армией?

— Честь, совесть, сознание принятого на себя долга и величие идеи, преследуемой Добровольческой Армией и ее вождями, служат наилучшими показателями для контроля с чьей бы то ни было стороны: никакого контроля армия не боится.

Все эти исчерпывающие по своей полноте ответы, так просто и ясно изложенные, не могли, конечно, не оказать благотворного влияния на присутствующих.

Вместе с тем во всей фигуре допрашиваемого чувствовалась какая-то могучая сила человека, которая вместе с мощностью обнаруженного им государственного ума невольно располагала и влекла к нему его собеседников, из которых, следует отметить, многие видели его в первый раз.

Один из участников этого совещания, представитель неказачьей части Правительства, говорил впоследствии, что он тогда впервые столкнулся с человеком выдающегося государственного ума и как-то сразу стало всем ясно, что сидевший невдалеке маленький генерал силою этого своего ума овладел настроением всех присутствующих, покорила их простотой и вместе с тем глубиной своего мышления, а самое главное, как-то незаметно разрушил то средостение, которое наблюдалось в самом начале совещания.

А вопросы, правда, в более мягкой форме, между тем продолжались.

— Не сможете ли Вы нам осветить вопрос: почему союзники поддерживают Добровольческую Армию?

— Потому что мы, борясь с большевиками, вместе с тем продолжаем войну и с немцами, так как большевизм и германизм тесно переплетены между собой.

Кроме того, защищая хлебородный угол России от большевиков, мы тем самым отстаиваем его и от немецких поползновений, что, во всяком случае, не безвыгодно для наших союзников, — вот почему им, затрачивающим на борьбу с немцами миллиарды, ничего не стоит рискнуть некоторой суммой на поддержку движения, совпадающего с их интересами.

— Каковы Ваши надежды на будущее и на что Вы рассчитываете при осуществлении его?

— Я твердо верю в полное очищение России от большевизма, и в этом нам окажет поддержку вся толща российской интеллигенции и, кроме того, крестьянство, которое уже устало от большевиков и готово принять хоть плохенького царя, лишь бы избавиться от насильников.

— Разрешите предложить Вам еще один последний вопрос.

Генерал молча кивнул утвердительно головой.

— Если Вы не враг демократии, то как бы Вы отнеслись к тем формированиям, которые предположила произвести Ростовская Дума из демократических элементов?

— Ничего не имею против принятия их в Добровольческую Армию, конечно, если они откажутся от всего того, что сделало из русской армии человеческую нечисть, и отдам распоряжение о принятии их.

— Простите, генерал, но еще один последний вопрос: кто стоит во главе командования Добровольческой Армии?

— Генерал Корнилов и Деникин; называю их потому, что шила в мешке не утаишь.

Наступило невольное молчание, казалось, всё было исчерпано и... вдруг, совершенно неожиданно для всех присутствующих, с одного из мест раздается:

— Ваше Превосходительство.

Все невольно повернулись в сторону говорившего; говорил Х...ий, эмиссар города Ростова — один из наиболее подозрительно относившихся к Добровольческой Армии.

— Ваше Превосходительство. Теперь только, после Ваших разъяснений, мы видим, что под Вашим руководством можно всем куда угодно идти...

— Ваше Превосходительство... под Вашим руководством... куда угодно идти... — внезапный переход к титулованию, эти слова в этой

аудитории чего-нибудь да стоили, и они еще раз показали ту присущую только этому генералу способность одерживать победу над всеми человеческими сердцами и исключительное умение, присущее опять-таки одному ему, спланировать во имя великой идеи людей различных партий, классов, профессий...

— Меня сегодня допрашивали, — сказал, чему-то улыбаясь, генерал по возвращении с этого совещания, и на вопрос присутствующих подробно изложил весь ход «допроса»...

Я. М. Лисовой.

ГЛАВА XII

РАЗВИТИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ПРОТИВОБОЛЬШЕВИЦКОГО ДВИЖЕНИЯ (Продолжение)

Первоначальная политическая программа Добровольческой Армии

Кончая первую главу этого труда, посвященную мартовским дням революции, в виде заключения я сказал: Старый режим был настолько психологически подорван, что зарождение контрреволюционного движения не могло произойти во имя каких-либо реставрационных идей. И как мы видели, офицерство приняло начало революции без сопротивления, с горячей верой, что Временное правительство доведет войну до победного конца. Офицерство верило также, что революция «патриотична» и что смысл ее заключается в замене несостоятельного правительства более состоятельным.

Но жизнь разбила эти надежды. Временное правительство оказалось неспособным дать России победу. Несправедливые же гонения, которым подверглось офицерство как со стороны солдат, так и со стороны большей части революционной демократии, оттолкнули его от самой революции. Разгон Учредительного Собрания большевиками, при полном молчании народных масс, разрушал веру в возможность осуществления в России демократического строя.

В результате в настроениях офицерства произошел перелом: отрицательные стороны старого режима забывались, и свергнутая Царская власть превращалась в символ Великой России. Деспотизм и жестокости большевицкой власти, с одной стороны, и заключенный ею позорный Брест-Литовский мир, оскорблявший патриотические чувства, с другой, могли только усилить эту тенденцию.

П. Н. Милюков утверждает, что «в составе офицерства, собравшегося на Юге, было не менее 80 % монархистов — и среди них немало сторонников Самодержавия...»¹.

Другой же историк — С. П. Мельгунов, оппонируя ему, пишет²: «Откуда П. Н. Милюкову известно, что в составе офицеров, собравшихся на юге, было не менее 80 % монархистов? Это находится в противоречии с другими утверждениями (этого) исследователя».

¹ Россия на переломе, т. II, с. 57.

² Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова, с. 70.

Спор этот празден, и не потому, что П. Н. Милюков не указывает, к какому периоду существования Добровольческой Армии относится его цифра, а потому, что приходится считаться с разницей между понятиями, выражаемыми одним и тем же словом «монархист». С одной стороны, оно может означать принадлежность к партийной монархической организации; с другой — лишь известные симпатии. В первом случае мы имеем дело с организованной общественной силой, во втором — только с предрасположением или даже с временным настроением.

По отношению к Добровольческой Армии важно установить факт, что, говоря о монархичности офицерства, речь идет только о предрасположении, о настроении, а отнюдь не о партийной принадлежности.

В предыдущих главах моего исследования я часто останавливал внимание читателя на том социальном подборе, посредством которого с начала война, а затем революция собирали в офицерском лагере всю наиболее действенно и патриотично настроенную молодую русскую интеллигенцию. Добровольческая Армия явилась продуктом этого стихийного процесса. Ни в коем случае ее нельзя считать детищем какой-либо правой политической организации; нельзя даже считать, что ее идеология родилась из правого политического мировоззрения. «Спасение Великой России» — вот формулировка ее Символа Веры, формулировка одинаково сочетающаяся и с правыми, и с левыми политическими убеждениями и требующая лишь наличия сильного патриотического чувства.

Вот почему, несмотря на растущие в офицерской среде монархические симпатии, Добровольческую Армию нельзя назвать «Монархической армией». Она резко отличалась от эмигрантской «белой» армии эпохи французской революции. Последняя защищала идею легитимной монархии и взяла для своего флага «белый» цвет — цвет королевского Дома Бурбонов. Не случайностью являлось, что на флаге Добровольческой Армии красовались не «Романовские» цвета (черный, оранжевый, белый), а цвета национальные (белый, синий, красный). Добровольческая Армия была названа «Белой» большевиками; это было сделано с целью ввести в заблуждение общественное мнение, изобразив Добровольческую Армию силой реставрационного порядка. Название мало-помалу привилось, но приняло совершенно иной смысл; «белый» цвет стал символом мирного сотрудничества всех слоев и групп населения России, противопоставляемого классовой ненависти и «перманентной» революции, олицетворявшихся цветом крови — красный флаг.

Как я уже неоднократно указывал, состав нашего младшего офицерства к концу войны был, в полном смысле слова, всенародный. Поэтому и склонность его к монархизму сочеталась с вполне демократическим мировоззрением. В этом отношении наша Добровольческая

Армия духовно была родственна французской армии, возведшей на престол Наполеона. Это сходство увеличивалось еще тем разочарованием в революции, которое было присуще обоим этим армиям. Враждебное недоверие к «штатским политикам» сочеталось в них с верой в спасение через выдвинутых ими на свои верхи военных вождей. От этих вождей фактически и зависело, в какого рода силу превратятся уверовавшие в них армии: в силу демократического или реставрационного порядка.

Рядовой доброволец искал военного вождя и, найдя его, готов был пожертвовать не только своею жизнью, но и своими политическими идеалами. Несмотря на возрастающие в его среде монархические симпатии, его, как я говорил в прошлой главе, тянуло к генералу Корнилову. И это несмотря на то, что ген. Корнилов самолично арестовывал Семью Императора Николая II и многократно во всеуслышание заявлял, что он республиканец. Молодой доброволец предпочитал генерала Корнилова генералу Алексееву, хотя общая молва и считала последнего монархистом. Причина этого предпочтения была только одна: действенная фигура генерала Корнилова внушала веру в быструю и решительную победу, в возможность которой так хотелось верить.

Таков был доброволец-боец, дравшийся в рядах Добровольческой Армии.

Но в ее тылу собирался и другой элемент — элемент, который не хотел рисковать своей жизнью в боях, но которого прельщал героический облик бойца-добровольца. Чувство патриотизма, не оказавшееся столь сильным, чтобы увлечь этот элемент под неприятельские снаряды и пули, было недостаточным и для того, чтобы заглушить в нем политические симпатии. К этим оказавшимся в тылу «добровольцам» должны быть отнесены все обвинения Добровольческой Армии в реставрационных тенденциях, в существование которых искренне верила большая часть революционной демократии.

Обыватель видел только тыл Добровольческой Армии. Он не видел ее самоотвержения и героизма на поле боя. Описание того, что видел этот обыватель, даже на заре формирования Добровольческой Армии, можно прочесть в записи одного из свидетелей событий, происходивших в рассматриваемое время на Дону¹.

«Необходимо отметить, — пишет Г. П. Янов, — что поведение многих офицеров формирующейся армии создавало для большевиков благодарную почву для агитации. Офицеры нередко в пьяном виде пели в кабаках и ресторанах гимн «Боже, Царя храни»...»

Чтобы избежать подобных случаев, вносивших ненужное раздражение в толпу и искажавших истинный облик Добровольческой Армии,

¹ Янов Г. П. Паритет // Донская Летопись, № 2, с. 172.

прежний гимн был заменен «Преображенским маршем». Добровольческая Армия подчинилась этому; нарушения производились, но почти всегда тем элементом, который пристроился в тылу и драться не шел.

Я уже говорил выше, что бойцы-добровольцы жаждали уйти подальше от политики, но Добровольческая Армия в целом уйти от нее, конечно, не могла. Политика прилеплялась к ней в лице тех политических и общественных деятелей, которые стекались под ее защиту. В подавляющем большинстве это были представители либеральной демократии и буржуазии, сильно поправевшие после всего пережитого. Начали собираться и люди правого лагеря. Образовалось то, что генерал Деникин образно назвал «политической кухней». Опасность этой «политической кухни» заключалась в том, что она могла ввести в заблуждение верхи Добровольческой Армии, выдавая свои собственные желания за настроения всей страны.

Впервые политическая программа Добровольческой Армии или, применяя более общее выражение, программа Белого Движения была выражена в воззвании, опубликованном 9 января 1918 года. В этом воззвании были изложены цели, преследуемые Добровольческой Армией.

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевицкому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих погранных прав.

2. Первая непосредственная цель Добровольческой Армии — противостоять вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевицкого ига, — все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся оплотом независимости, последней надеждой на восстановление России.

3. Но рядом с этой целью — другая ставится Добровольческой Армией. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России... Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут

беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием».

В заключение воззвание призывало стать в ряды Российской рати «всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истосковалась к ней сыновней болью...»

Это воззвание было составлено в тот период, когда политическое руководство находилось всецело в руках ген. М. В. Алексеева. Но с 25 января, как говорилось в прошлой главе, генерал Алексеев был отодвинут на второй план. Поэтому для суждения о политической программе Добровольческой Армии нужно прежде всего считаться с политическим мировоззрением генерала Корнилова.

Для правильного суждения о последнем может служить один из секретных документов, которыми был снабжен для своей миссии в Сибири генерал Флуг. Этот документ озаглавлен: «Политическая программа ген. Корнилова». Ввиду его исключительного интереса и важности, я привожу его полностью в приложении № 27. В приложении же № 28 я привожу политическую инструкцию, выданную тому же ген. Флугу «военно-гражданским управлением» генерала Алексеева. Оба эти документа относятся к половине¹ февраля 1918 года.

В отношении будущей формы правления в восстановленной по окончании борьбы России, «Корниловская программа» стояла на «непредрежденческой» точке зрения. Учредительное Собрание считалось «единственным хозяином земли русской», только оно может «выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй» (§ 9).

Правда, вопрос идет не о старом Учредительном Собрании. «Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь», — говорится в § 8. В этом отношении точка зрения «Корниловской программы» совпадает не только с точкой зрения либеральной демократии, но и с той, на которую как раз в это время становилась та часть революционной демократии, которая объединилась в «Союзе Возрождения России».

«Непредрежденство» проявляется Корниловской программой и в аграрном вопросе. § 11 откладывает разрешение этого важнейшего и остро актуального вопроса тоже до Учредительного Собрания.

В основу политической жизни «Корниловская программа» кладет равенство всех граждан и обещает все виды гражданских свобод в полном объеме (§§ 1, 2, 3, 10, 12, 13).

В отношении внешней политики «Корниловская программа» настаивает (§ 6) на доведении войны до конца в тесном единении с нашими

¹ Середине. — *Прим. ред.*

союзниками. Падение Временного правительства, пытавшегося продолжать войну вопреки желанию народных масс, не сокрушило волю к победе той среды, в которой создалась «Корниловская программа». Психологически это совершенно понятно, так как это та соль Армии, в которой героизм и упорство в борьбе были развиты до крайней степени.

Осуществить труднейшую задачу продолжения войны «Корниловская программа» предполагает путем создания новой армии на добровольческих началах (§ 5).

Сравнивая «Быховскую программу», приведенную в конце VI главы, с разбираемой здесь «Корниловской программой», мы увидим полную тождественность.

И та, и другая в основных вопросах (форма правления и аграрный вопрос) стоят на непредрежденческой точке зрения. В этом непредрежденстве ни в коем случае нельзя увидеть скрытых реставрационных намерений, как это любят делать противники Добровольческой Армии. Требуемый «Корниловской программой» строй столь же демократичен, как тот, который думало осуществить Временное правительство. «Непредрежденство» «Корниловской программы», так же как и Быховской, является следствием другой психологической причины. Обе эти программы представляют собою продукт творчества «военной» среды, которая видит перед собою только одну цель: доведение войны до победного конца. Для этого обе эти программы и требуют установления диктатуры. Правда, ни в той, ни в другой слово «диктатура» не произносится. Но весь тон и редакция «Корниловской программы» не оставляют никаких сомнений в затаенном стремлении к диктатуре, при этом к диктатуре **персонифицированной в Корнилове**. Не характерно ли в этом отношении само название выданной генералу Флугу штабом Добровольческой Армии инструкции: «**Корниловская** программа»? Самый текст документа полон повторением имени Корнилова: «Корниловская программа», «Корнилов... ставит себе ближайшей целью», «Корнилов видит», «Корнилов признает» — вот выражения, которыми пестрит его текст.

Несомненно, что подобная редакция инструкции штаба Добровольческой Армии может быть объяснена убеждением генерала Корнилова в своем «мессианстве». Но вместе с тем здесь имеет место явление объективного характера.

Настроение Добровольческой Армии требовало «персонификации» всего движения в личности выдвинутого ею вождя; военная диктатура — вот чего хотела рядовая среда добровольцев.

Рассмотрим теперь, в какой мере «Корниловская программа» могла связать «Добровольческое Движение» с народными массами.

«Корниловская программа» требовала продолжения войны. Выше указывалось, что главной причиной падения Временного правительства

являлось как раз то, что оно не поняло, что народные массы продолжать войну не желали. Теперь, когда солдаты уже расходились по домам, заявление о продолжении войны еще в большей мере действовало на них отталкивающе.

«Непредрешенство» в вопросе о форме Государственного Правления не могло в рассматриваемом здесь отношении играть серьезной роли. Вспомним, что провозглашение Керенским в середине сентября Республики не спасло его Правительства от падения в ноябре.

Привлечь на сторону Белого движения народные массы можно было лишь постановкой задач, улучшающих социальный и экономический быт этих масс.

Рабочим «Корниловская программа» обещала сохранить «все политико-экономические завоевания революции... за исключением рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность» (§ 13). При малом государственном сознании, присущем нашим народным массам, мотив подобного рода не являлся для рабочих убедительным. В частности, нужно помнить, что рабочие как раз в это время переживали «медовый месяц» диктатуры пролетариата.

Что же делала «Корниловская программа» для привлечения главной массы русского народа — крестьянства?

Эта программа предлагала прекратить аграрную революцию, отложив решение животрепещущего для крестьянства вопроса о земле до нового Учредительного Собрания. Из вышесказанного известно, что аналогичное решение Временного правительства, даже в несравненно более легкой в психическом отношении обстановке, привело к тому, что крестьянство отвернулось от этого правительства. Теперь же, когда как раз аграрная революция достигла своего апогея, такое предложение могло только еще более оттолкнуть крестьянские массы.

Связывала ли «Корниловская программа» «Добровольческую армию» с нарождающимися «областными противобольшевицкими движениями?»

В § 14 этой программы говорится о «широкой местной автономии». Только по отношению к Польше, Финляндии и Украине, «образовавшимся в отдельные национально-государственные единицы», можно встретить намек на федерацию в виде туманного выражения: «вечный и несокрушимый союз братских народов».

Сравнивая в этом отношении «Корниловскую программу» с Алексеевской инструкцией, видно, что последняя была ближе к истинному пониманию создавшейся обстановки. Инструкция генерала Алексеева считается с «областническими» противобольшевицкими движениями и стремится использовать их в общих интересах.

Из изложения событий, имевших место на Дону и приведших к самоубийству генерала Каледина, можно довольно ясно увидеть, какая политика по отношению к зарождающемуся областному противобольшевицкому движению практически осуществлялась вождями Добровольческой Армии. Своим желанием сразу же выдвинуть на первое место Великодержавные — общероссийские задачи они обезличивали местное движение. Это неминуемо должно было привести к отталкиванию не только «местных» вождей, но и народных масс восставших областей от вождей Добровольческой Армии.

Уход Добровольческой Армии с Дона

В ночь на 22 февраля генерал Корнилов очистил город Ростов¹ и переправил Добровольческую Армию на левый берег Дона, сосредоточив ее в переходе к юго-востоку от этого города, в станице Ольгинской. Нижеприводимое описание этого перехода даст читателю представление о том, что представляли собою в это время носившие громкое название «армии» силы, которыми распоряжался Корнилов.

«По бесконечно[му,] гладкому снежному полю, — пишет генерал Деникин^{II}, — вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех ценными запасами и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины — в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно затерянные среди «табора», войсковые колонны... Шли мерно, стройно. Как [они] одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках. Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — всё.

Вот проехал на тележке генерал Алексеев; при нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя — «деньгонош» — вся наша тощая казна; около шести миллионов рублей кредитными билетами... Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания...»

«Солнце светит ярко. Стало теплее. Настроение у всех поднялось: вырвались из Ростова, перешли Дон — главное, а там... Корнилов выведет.

¹ О том кровавом напряжении, которое потребовалось от Добровольческой Армии с начала ее зарождения в виде «Алексеевской организации» до выхода ее из Ростова, свидетельствуют следующие цифры: в ее ряды поступило до 6000 добровольцев; единовременно ее боевой состав никогда не превышал 2 с половиной тысяч; таким образом Добровольческая Армия в менее чем три месяца переменяла состав бойцов два или три раза...

^{II} Деникин, т. II, с. 227–228.

Он здороваётся с проходящими частями. Отвечают радостно. И затем, пройдя несколько шагов, продолжают нескладную, но задушевную песню:

Дружно, Корниловцы, в ногу,
С нами Корнилов идет;
Спасет он, поверьте, отчизну,
Не выдаст он русский народ.

Молодость, порыв, вера в будущее и вот эта крепкая, здоровая связь с вождем проведут через все испытания».

В станице Ольгинской, под прикрытием Дона, Добровольческая Армия простояла около недели. Здесь она несколько усилилась в своем составе. К ней присоединились офицеры, спасавшиеся от большевических репрессий в Ростове. Прибыли раненые, добровольцы из новочеркасских лазаретов, «притворившиеся здоровыми» из опасения, что их не возьмут в поход; присоединилось несколько Донских партизанских отрядов^I. Боевая численность Добровольческой Армии подошла к 4 тысячам; с обозом ее общая численность колебалась между пятью и шестью тысячами^{II}.

Патронов было очень мало, снарядов не более 600—700. Для этого рода снабжения оставался только один способ: брать его с боя у большевиков ценою крови.

В станице Ольгинской разрешился вопрос о дальнейшем плане действий. 25 февраля Новочеркасск, столица Войска Донского, был занят большевиками, Донской походный Атаман — генерал Попов, уехавший со своим отрядом («Степным отрядом») в Сальские степи, уговаривал генерала Корнилова идти вместе с ним. Генерал Корнилов склонялся к этому решению. Генерал же Алексеев был против его принятия. Был собран военный совет. На нем мнения разделились: одни настаивали на движении к Екатеринодару (столица Кубанского казачества), другие (в том числе и Корнилов) склонялись к походу в Сальскую степь.

Вот как объясняет решение идти на Кубань главный защитник этой стратегической идеи — ген. Деникин^{III}:

«...Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, представлял большие затруднения для жизни Добровольческой Армии, с ее пятью тысячами ртов. Зимовники^{IV}, значительно удаленные

^I Т. е. добровольцы — донские казаки.

^{II} Обоз увеличивался группой гражданских лиц, которые хотели оставаться при армии.

^{III} Очерки Русской Смуты, т. II, с. 230—231.

^{IV} Небольшие селения в степях, около которых на зиму собирались табуны лошадей. — *Прим. Н. Н. Г.*

друг от друга, не обладали ни достаточным числом жилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район кроме зерна (немолотого), сена и скота не давал ничего для удовлетворения потребностей армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили нас в покое и не постарались уничтожить по частям распыленные отряды.

На Кубани, наоборот: мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но, в противоположность Дону, сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвою. Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр власти — Екатеринодар, давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу».

А вот защита противоположного решения генералом Лукомским, только что бывшим начальником штаба генерала Корнилова¹:

«... При нашей армии или, правильнее сказать, при нашем небольшом отряде более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани... При наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить через железную дорогу... Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и тут, и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Будет трудно спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинаясь распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменить выбывающих из сил лошадей другими будет трудно. Наконец, мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчет на восстание Кубанских казаков ошибочен и нас там встретят как врагов... Лучше поступить так, как предлагает сделать походный атаман Войска Донского, то есть пока перейти в район зимовников и в этом районе, прикрываясь с севера Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть¹¹... Большевики месяца два... не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-либо операцию, то будут

¹ Воспоминания, т. II, с. 10—11.

¹¹ В противоположность заявлению ген. Деникина, походный атаман ген. Попов считал, что в районе зимовников имеется «много хлеба, фуража, лошадей, скота и повозок для обоза». — *Лукомский*, т. II, с. 9.

разбиты. Месяца же через два, с новыми силами, мы, в зависимости от обстановки, которая к этому времени выяснится, примем то или иное решение»...

Для правильной оценки обоих этих мнений нужно вспомнить переживаемую в это время Кубанским казачеством, аналогично и Донским, болезнь «нейтралитета». Генерал Лукомский, предупреждая об ошибочности расчетов на немедленное восстание Кубанских казаков, был совершенно прав. Поэтому единственно правильным стратегическим решением было уйти в степи подальше от железных дорог и там переждать перемену настроения казаков. Из вышеизложенного уже известно, как прав был Донской походный атаман Попов; приняв такое решение, он сохранил кадры для будущего восстания. Малочисленность Добровольческой Армии требовала не менее бережливого к ней отношения, и потому стратегия «прямого» и «скорейшего» воздействия на события должна была уступить место более осторожной и глубоко продуманной стратегии. Принятое решение немедленного наступления на Кубань являлось типичным выявлением стратегии «прямого действия». По игре судьбы за подобное решение стоял стратегически мудрый и опытный генерал Алексеев, за «стратегию непрямого действия» в данном случае стоял генерал Корнилов. Но важно не то, что Алексеев мог сделать ошибку, а Корнилов, несмотря на свой крайне импульсивный характер, мог принять осторожное решение. Важно то, что, вопреки тому, что решения генерала Корнилова имели для Армии несравненно большее моральное значение, чем решения Алексеева, в жизни все-таки проводится решение ген. Алексеева. Невольно возникает вопрос: почему же много мудрых решений генерала Алексеева отбрасывались и не исполнялись, а его редкая стратегическая ошибка проводится в жизнь и при этом, в этом редком случае, Корнилов уступает, будучи правым?

Здесь приходится иметь дело с влиянием среды, которая окружала Корнилова и которая требовала упрощенных и кратчайших стратегических действий. Стратегическое мышление было ослеплено переживаемыми чувствами.

«Мы начинали поход, — записывает генерал Деникин¹, — в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой Донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих Русской Армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 224.

в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства, в неизвестные скитания...

— За синей птицей».

Только что приведенные строки генерала Деникина обрисовывают настроение выступавшей в поход Добровольческой Армии. Мало сказать, что это была армия героев; не будет преувеличением утверждать, что в военной истории всех времен и народов редко встречается такой подбор героев. Старый, больной генерал Алексеев перед самым выходом написал своим близким следующие строки: «... Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»...

Если способность к подвигу армии составляет первую необходимую данную для победы, то, с другой стороны, нужна также и правильная руководящая мысль, направляющая «подвиг армии» по линии, обещающей наибольшую отдачу. Я позволю себе здесь несколько банальное сравнение: способность армии к подвигу есть капитал, которым распоряжается стратегия; как бы велик этот капитал ни был, его, однако, всегда можно растратить; только поместив его с умом и знанием, можно сделать его производительным. Лица, призванные руководить другими людьми, будь то промышленники, государственные деятели или полководцы, не должны вести их к недостижимым целям. Личная незаинтересованность героя увеличивает красоту его подвига. Однако стратегия «погони за синей птицей» — плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами.

Движение Добровольческой Армии на Кубань

В последних числах февраля Добровольческая Армия двинулась в так называемый Первый Кубанский поход.

Армия шла по сплошным пространствам воды и грязи. Дожди, сменяемые снегом и морозом, пронизывающие мартовские ветры, переправы через реки с ледяной водой, ускоренные марши и беспрестанные бои — вот обстановка, в которой протекало движение на Кубань. В память наиболее тяжелого дня участники Первого Кубанского похода часто называют его «Ледяным походом»¹.

От бойцов Добровольческой Армии требовались сверхчеловеческие усилия, при отсутствии возможности какого-либо отдыха. Тяже-

¹ Интересующихся подробным описанием этого похода я отсылаю к книгам ген. Деникина «Очерки Русской Смуты» (т. II) и Романа Гуля «Ледяной поход с Корниловым» (Берлин, изд. С. Ефрона).

1-й КУБАНСКИЙ ПОХОДЪ

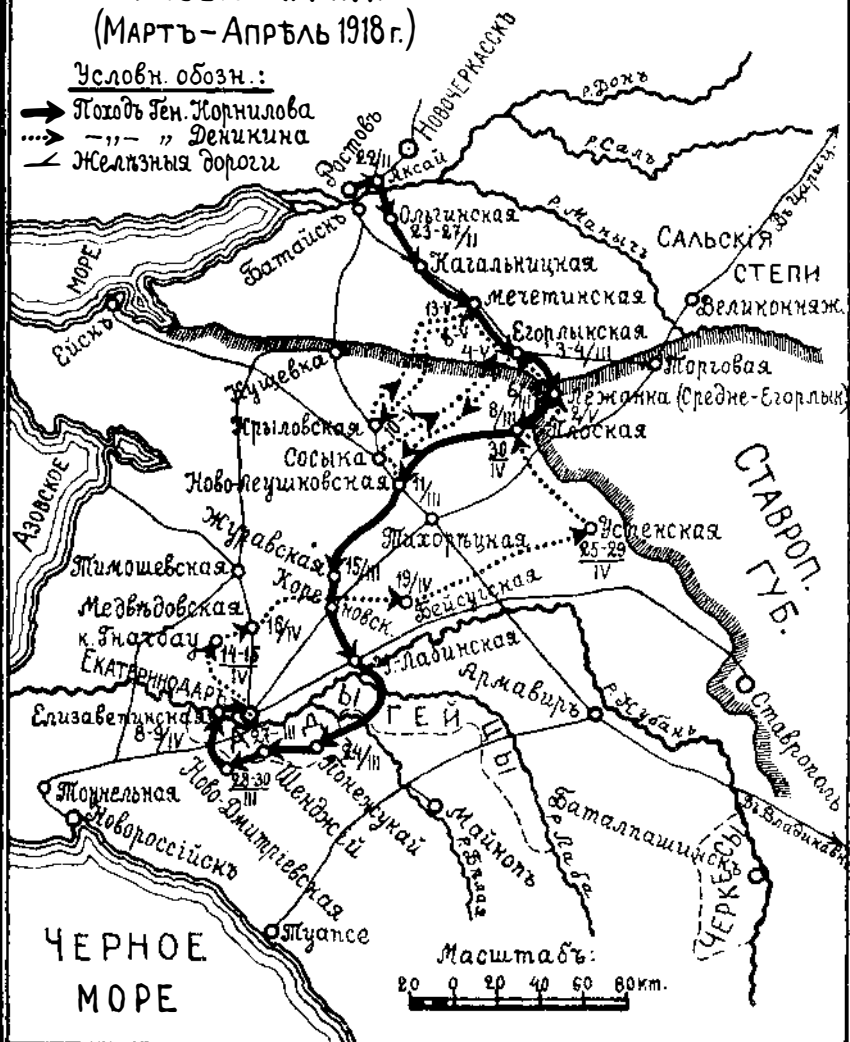
СХЕМА №6.

ДОБР. АРМІИ.

(МАРТЪ - АПРѢЛЬ 1918 г.)

Условн. обозн.:

- Походъ Ген. Корнилова
- " " Деникина
- Железные дороги

лые условия, в которые попал Донской «Степной отряд» походного атамана Попова, ушедший, в Сальскую степь, оказались более легкими. Там приходилось иметь дело только с природой, здесь же, кроме того, и с противником, так как, двигаясь на Екатеринодар, Добровольческая Армия попадала в сеть железных дорог, находившуюся во власти большевиков.

Я говорил в главе X, что трудность положения Кубанского казачества в эту эпоху заключалась в том, что в северной части его области оседали солдатские массы, уходившие из Кавказской армии и прибывавшие по железнодорожным линиям из Владикавказа и Новороссийска. В районах узловых станций Армавир, Тихорецкая и Тимошевская образовывались их скопления, которыми и воспользовались местные большевики для формирования сил для отбития Корнилова с «кадетами», шедшего «поработать русский народ» и «принуждать солдат возвращаться на покинутый ими фронт». Прав был генерал Лукомский, когда предупреждал о той опасности, которую представляло для Добровольческой Армии, во время похода на Екатеринодар, пересечение, при сложившейся обстановке, железнодорожных линий. Даже генералу Деникину, защищавшему стратегическую идею движения на Кубань, пришлось при описании самого похода констатировать это¹: «Добровольческой Армии, противно всей природе военного дела, приходилось двигаться не вдоль, а поперек железных дорог, находившихся в руках большевиков; эти нормальные средства связи и питания были нашими злейшими врагами, которых нужно было портить и разрушать; они сжимали нас в своих тисках, готовя тактические западни и окружения; простая сама по себе операция перехода осложнялась до крайности наличием 8—10-верстного обоза, который требовал для своей переброски сносной дороги, железнодорожного переезда и не-сколько часов времени».

Я обращаю внимание читателя на маленькую, но интересную, мне кажется, деталь: в приведенной выше выдержке произошедшее во время Кубанского похода оценивается как «противное всей природе военного дела». Сопоставление этих слов с афоризмом Наполеона, что «на войне обстановка повелевает», вырисовывает ту тенденцию к «ирреальной стратегии», которая характерна для многих случаев русской стратегии конца XIX и начала XX столетия. В этой тенденции, несомненно, появилась та оторванность русской интеллигенции от реальностей русской жизни, столь характерной для политической деятельности этой интеллигенции. Генерал Деникин являлся типичным представителем русского либерального интеллигента, действовавшего всегда в вооб-

¹ Деникин, т. II, с. 311—312.

ражаемой им обстановке и считавшего, что учет реальностей жизни является изменой своим идеалам. Какой внутренней трагедией звучат те страницы, на которых генерал Деникин записывает свои впечатления после взятия с боя одного из кубанских селений, где большевики оказали сопротивление¹:

«Офицерский полк не выдержал долгого томления: одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Там — смятение, и скоро всё поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский... преследуют.

Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков... Много их...

Кто они? Зачем им, «смертельно уставшим от четырехлетней войны», идти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт полк и батарея, буйная деревенская вольница, человеческая накипь Лезжанки² и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, советами и терроризировавший всю губернию; быть может, и мирные мужики, насильно взятые советами. Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас, как о «врагах» — какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом.

— «Кадеты»... Офицеры... хотят повернуть к старому...

Член Ростовской управы, с.-д.-меньшевик Попов, странствовавший как раз в эти дни по Владикавказской железной дороге параллельно движению армии, такими словами рисовал настроение населения:

«... Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, всё взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям железных дорог... — Дайте нам оружие, дабы мы могли защищаться от кадет, — таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян... Толпа с жадностью ловила известия с «фронта», комментировала их на тысячу ладов, слово «кадет» переходило из уст в уста. Всё, что не носило серой шинели, казалось не своим; кто был одет «чисто», кто говорил «по-образованному», подпадал под подозрение толпы. «Кадет» — это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; «кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделить ее; «кадет» это злой дух, стоящий на пути

¹ Деникин, т. II, с. 237.

² Название взятого села. — Прим. Н. Н. Г.

всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить»¹.

«Это, несомненно, преувеличенное определение враждебного отношения к «кадетам», — продолжает генерал Деникин, — в особенности в смысле «всеобщности» и активности его проявления, подчеркивает, однако, основную черту настроения крестьянства — его беспочвенность и сумбурность. В нем не было ни «политики», ни «Учредительного Собрания», ни «республики», ни «Царя»; даже земельный вопрос сам по себе здесь, в Задонье, и в особенности в привольных Ставропольских степях, не имел особенной остроты. Мы, помимо своей воли, попали просто в заколдованный круг социальной борьбы; здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая Армия, часть населения более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучие — заслуженное или незаслуженное — на безвременье и безвластие, была ей враждебна. И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю **проходящая** армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства»...

Последний абзац выдержки из труда генерала Деникина чрезвычайно показателен. В нем вскрывается вся стратегическая несостоятельность предпринятого наступления на Екатеринодар.

Генерал Деникин правильно утверждает, что наблюдения соц.-дем. Попова односторонни. Несмотря на это, он сам констатирует факт, что Добровольческая Армия натыкалась на «непроницаемую стену» недоверия и страха. Общая ссылка на «сумбурность» настроений крестьянства всего не объясняет. Другим это настроение в данный момент и не могло быть; ведь это был как раз кульминационный пункт аграрной революции.

Как тоже правильно утверждает дальше генерал Деникин, земельный вопрос в Задонье и в Ставропольской губернии не мог так остро давать себя чувствовать, как в центральных Российских губерниях. Зато здесь была налицо другая существенная данная, влиявшая на настроение крестьянства. Этой данной была солдатчина, возвращавшаяся с Кавказского фронта. Сродство солдатской массы с крестьянством обуславливало их влияние друг на друга. Солдатские же массы в этот период были настроены большевизки или, по крайней мере, сочувствовали большевизской власти. Эта власть только что осуществила свое обещание и окончила войну «по телеграфу». Имя же Корнилова, воодушевлявшее

¹ «Рабочее Слово», № 10 от 1918 года, цитировано у Деникина, т. II, с. 237.

офицерство и патриотически настроенную интеллигентную молодежь, для солдатской массы было одиозным. Для нее, как совершенно правильно отмечает в своих воспоминаниях генерал Краснов¹, Корнилов являлся тем генералом, который хотел во чтобы то ни стало продолжать войну и который ввел для них смертную казнь. Клевета, которой обвела имя генерала Корнилова революционная демократия, принесла свои плоды: крестьянские массы были убеждены, что Корнилов реставратор, все помышления которого направлены к тому, чтобы отобрать у крестьян захваченную ими землю и вернуть ее помещикам.

Появление Добровольческой Армии, предводимой Корниловым, в гуще солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта, затягивало изживание местным населением Кубани первоначального большевизма. С другой стороны, оно содействовало формированию из оседавшей на Кубани солдатской массы большевицкой вооруженной силы. Страхом перед Корниловым солдаты как бы «загонялись» в руки местных лидеров большевиков.

Здесь мы встречаемся с одним из проявлений диалектического развития революционных процессов: усиление воздействия в одном направлении неминуемо вызывает формирование противодействия. Несомненно, если бы у Добровольческой Армии были шансы подчинить себе эти солдатские массы силой с тем, чтобы дальнейшими мерами показать им на примере, что Корнилов и его «кадеты» не являются «врагами народа», избранный путь на Кубань явился кратчайшим стратегическим путем к победе. Но количественное соотношение сил было таково, что тактические победы, одерживаемые добровольцами, не могли превратиться в стратегические: горсть героев-добровольцев могла победоносно пробиваться в любом направлении через окружающую ее массу, но как только она проходила, путь ее опять заливался большевистствующими толпами.

Каждая тактическая победа давалась ценой кровавых потерь добровольцев. Много раз на протяжении этого труда выяснялось, что ряды Добровольческой Армии укомплектовывались молодежью, наиболее патриотично настроенной частью интеллигенции. Последняя же, сама по себе, представляла лишь очень тонкую пленку на толще темного и малокультурного русского народа.

Вот причина тех колебаний, которые испытывал такой исключительно сильный человек, как Каледин, прежде чем разрешить призыв в Донские партизаны учащейся молодежи. Как крупный государственный ум, он смотрел дальше, чем ближайшие следствия.

¹ «Для солдат имя Корнилова стало равнозначным смерти и всяким наказаниям. Корнилов хочет войны, — говорили они, — мы хотим мира». — «Архив Русской революции», т. I, с. 104. (См. также мою гл. IV, с. 167–168 наст. изд.)

Малочисленность русской интеллигентной молодежи, делавшей ее особенно ценной для русского народа, требовала бережливого ее расходования. Уменьшить кровавое напряжение боев было не во власти высшего командования. Поэтому эта бережливость должна была отразиться на глубоко продуманной стратегии. Та ошибка, которая была уже сделана в июле 1917 года, когда сформированные «отборные» части были принесены в жертву непродуманной стратегии, не должна была быть повторена.

Уход Добровольческой Армии в степи, куда звал походный атаман Попов и куда склонялся идти генерал Корнилов, сберегал бы силы этой армии для действий в более благоприятной для нее политической и психической обстановке. Генерал Лукомский был совершенно прав, когда утверждал, что вдали от железных дорог Добровольческая Армия была для большевиков трудно достижима. Это был как раз период большевицкой «эшелонной» стратегии, когда все их боевые действия были прикованы к линиям железных дорог.

Порочность стратегической идеи, легшей в основу первого Кубанского похода, сказалась особенно ярко, когда Добровольческая Армия приблизилась к цели этого похода, к Екатеринодару.

Соединение Добровольческой Армии с Кубанской Армией и штурм Екатеринодара

Столица Кубанского казачества оказалась в руках большевиков. Кубанское правительство и Рада, вместе с Кубанской Добровольческой Армией, отошли за реку Кубань на переход к юго-востоку от Екатеринодара. Численность Кубанской Армии была около 2 1/2 тысяч человек.

24 марта Кубанская Армия нанесла поражение большевикам, наступавшим из Екатеринодара. Несмотря на победу, ее положение было трудным, но Добровольческая Армия Корнилова уже подходила.

Общая радость по поводу соединения, царившая в обеих армиях, не помешала возникновению трений на верхах. Первое свидание генерала Корнилова с командующим Кубанскими войсками молодым генералом Покровским чрезвычайно в этом отношении характерно.

Корнилов потребовал не только полного подчинения ему Кубанской Армии, но и влития Кубанских войск в состав Добровольческой Армии. Говоря другими словами, Корнилов потребовал уничтожения «Кубанской Армии».

«Покровский¹⁷⁶, — пишет Деникин¹, — скромно, но настойчиво оппонировал: Кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»... Он предлагал сохранение

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 273.

самостоятельного «Кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову».

На это Корнилов сказал внушительно и резко: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему Правительству».

Для продолжения переговоров приехали Кубанский войсковой Атаман (полковник Филимонов¹⁷⁷), председатель и товарищ председателя Рады (Рябовол¹⁷⁸ и Сулиман-Шахим-Гирей^{179 1}) и председатель правительства (Быч¹⁸⁰).

«Начались томительно долгие, нудные разговоры, — записывает дальше генерал Деникин^{II}, — в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации^{III}, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «Конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии», как опоры правительства и т. д.»...

«Кубанское правительство согласилось, наконец, на соединение армий, но устами Быча заявило, что оно устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия.

Корнилов вспылал и, ударяя по столу пальцем с надетым на нем перстнем — [его] характерный жест — сказал:

— Ну нет. Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией...»

«Кубанские представители попросили разрешения переговорить между собою. Мы вышли в другую комнату и, набросав там проект договора, послали его Кубанцам.

В окончательной редакции протокол совещания^{IV} гласил:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой Армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду^V, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

^I В оригинале у А. И. Деникина: Султан-Шахим-Гирей. — *Прим. ред.*

^{II} Очерки Русской Смуты, т. II, с. 278.

^{III} Единство командования, — причем это единство командования понималось только в смысле подчинения генералу Корнилову. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} Этот протокол был подписан 30 марта в ауле Шенджий.

^V Это выражение употреблено для того, чтобы избежать слов «Кубанская Армия». — *Прим. Н. Н. Г.*

3. Командующий войсками Кубанского Края с его начальником Штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования Кубанской Армии».

Последние строки 3-го пункта, введенные по настоянию Кубанских представителей, объясняют тот компромисс, при посредстве которого было найдено соглашение. Примиряясь с уничтожением «Кубанской армии» в текущий момент, Кубанская краевая власть стремилась сохранить за собою право в будущем опять воссоздать автономную «Кубанскую армию». Мотивы, по которым она примирялась с временной утратой этого права, ясны. Она хотела воспользоваться помощью Добровольческой Армии генерала Корнилова для того, чтобы выбить завладевших ее столицей большевиков. Это обещание и давалось командованием Добровольческой Армии в начальных словах 1-го пункта договора: «Ввиду прибытия Добровольческой Армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду»...

В ближайшие же дни генерал Корнилов использовал свое право, сформулированное в последних словах того же 1-го пункта: «... реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым». «Кубанская армия» была расформирована и ее части были включены вперемешку с частями Добровольческой Армии в состав трех смешанных бригад (две пехотных и одна кавалерийская) под командой генералов Корниловской армии.

Происшедшее расформирование Кубанской армии является актом, имеющим не только военное значение. В гораздо большей мере оно было актом политическим. С этой более широкой точки зрения оно являлось следствием стремления Белого Движения сразу же поглотить областные противобольшевицкие движения. Несомненно, что оно этим «обезличивало» эти последние, что должно было усилить в среде наиболее энергичных «местных патриотов» отталкивание от Белого Движения. Само Белое Движение политически также проигрывало от немедленного поглощения Кубанского противосоветского движения. Если можно так выразиться: общерусское контрреволюционное движение «провинциализировалось»; оно вынуждалось расходовать свои силы для достижения «местных» кубанских целей, которые могли быть достигнуты «местными» же кубанскими силами.

Только что указанное отрицательное последствие временного поглощения Белым Движением Кубанского Краевого движения не замедлило сказаться. Генерал Корнилов был вынужден немедленно же приступить к штурму Екатеринодара — предприятию, характеризуемому самим же генералом Деникиным как среднее между «рискованным» и «безрассудным». В гражданской войне ошибки политические ведут к стратегическим ошибкам.

Переправив на северный берег р. Кубани свою реорганизованную армию, генерал Корнилов атаковал большевиков, занимавших столицу Кубанской области. Сила последних достигала 18 тыс. бойцов при 10—14 орудиях и 2—3 броневиках¹. Сила атакующих войск генерала Корнилова достигала 5—6 тысяч при 12—16 орудиях.

В последовавшем трехдневном бою войска генерала Корнилова понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе; части перемешались и были до крайности утомлены физически и морально. Хотя добровольцам и удавалось во время некоторых атак врываться в окраины Екатеринодара, но противник все-таки продолжал держаться.

Генерал Корнилов решил дать однодневную передышку своим войскам и вновь штурмовать Екатеринодар 14 апреля.

Однако судьба решила иначе.

Смерть Корнилова и отступление Добровольческой Армии из-под Екатеринодара

13 апреля утром генерал Корнилов был убит большевицкой гранатой, попавшей случайно в его комнату. Эта потеря произвела на Добровольческую Армию потрясающее впечатление.

«Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась, словно по внушению. Казалось, что самый воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что там в окопах еще не знают, но уже чувствуют, что свершилось роковое.

Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь всё: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевицких силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

— Конец всему!

В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных — животный страх за свою собственную жизнь»¹¹.

¹ Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 69. Москва—Ленинград: Госиздат, 1930.

¹¹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 299.

Заместителем генерала Корнилова в командовании Д. А. мог явиться только генерал Деникин. Его резкое поведение по отношению к Временному правительству, его красноречивые патриотические речи, его упорное стремление продолжать войну, наконец, участие в Корниловском выступлении и «Быховский стаж» — всё это делало его очень популярным среди рядового офицерства вождем.

Возникал вопрос: каким образом придать заместительству генерала Деникина в командовании Д. А. «легитимный» характер. Исходя из того, что создателем Добровольческой Армии являлся генерал Алексеев, естественно было, чтобы он и «назначил» генерала Деникина командующим Добровольческой Армии. Но, как я указывал выше, результатом столкновения ген. Корнилова с ген. Алексеевым явилось отстранение ген. Алексеева на второй план и превращение командующего Добровольческой Армии в фактического вождя Белого Движения. Болезненное состояние генерала Алексеева, доживавшего последние месяцы своей жизни, и благожелательное его отношение к генералу Деникину помогло найти «дипломатический» выход.

«В тот момент, когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, — пишет генерал Деникин¹, — его начальник штаба^{II} обратился ко мне:

— Вы примете командование армией?

— Да.

Не было ни минуты колебания. Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклоняться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно — здесь, на поле боя...

Поэтому когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в Елисаветинскую генералу Алексееву, с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослав фразу: «Доношу, что»... Этим я признавал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему.

Штаб перешел в конец рощи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом, в ожидании генерала Алексеева и Кубанского атамана полковника Филимонова.

Приехал Алексеев и обратился ко мне:

— Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите Вам Бог!

¹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 303.

^{II} Генерал Романовский, тоже быходец. — Прим. Н. Н. Г.

Мы обменялись крепким рукопожатием.

Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: неписаная конституция Добровольческой власти не знала иного определения ее, как термином «командующий армией». От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

— Подпишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

Принявший командование Добровольческой Армией генерал Деникин отменил назначенный генералом Корниловым штурм и решает ночью же отступить из-под Екатеринодара. По его собственным словам, вопрос шел «о спасении Армии»^I. Для этого нужно было возможно скорее вывести ее из-под ударов большевиков. А так как эти последние владели железными дорогами, то ближайшей стратегической задачей являлось отвести Добровольческую Армию в район, лежащий вне железных дорог. Намеченный им район генерал Деникин обозначает в своей книге туманным выражением: «на перепутье трех «республик» и трех военных командований — Дона, Кубани и Ставрополя». Если посмотреть на карту, то сразу станет видно, что это «перепутье» лежало как раз в степном районе, северная часть которого носила название «Сальских степей», где переживал начало восстания Донского казачества «Степной отряд» генерала Попова.

Жизнь властной рукой возвращала стратегию «погони за синей птицей» в русло реальности.

Операция отступления из-под Екатеринодара была сопряжена с величайшими трудностями. Приходилось пробиваться через район, перерезанный железными дорогами, по которым большевицкие блиндированные поезда и «красные эшелоны» легко могли перехватывать путь походного движения Добровольческой Армии. Вследствие этого пришлось прибегнуть к крайней форсировке движения, а это в свою очередь привело к необходимости оставить на попечении местных жителей около 200 тяжелораненых^{II}, несмотря на грозящую им гибель; пришлось также бросить часть и без того малочисленной артиллерии^{III}. И тем не менее переход через каждую железную дорогу представлял собою трудную боевую операцию. Только высокий героизм Добровольческой Армии позволил ей выйти из созданного для нее неудачной стратегией положения.

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 304.

^{II} Там же, с. 306 и 311.

^{III} Там же, с. 306.

Пройдя в девять дней 225 километров, Добровольческая Армия вырвалась наконец из сжимавшей ее железнодорожной сети. Продвигаясь дальше на восток вне железных дорог, генерал Деникин повел ее медленным темпом, давая отдохнуть своим измученным героям. В 70 километрах от Владикавказской железной дороги (магистраль, соединяющая Ростов с Владикавказом) Добровольческая Армия была остановлена на более продолжительной отдых, в станице Успенской. Здесь до нее дошли радостные вести о восстании казаков на Дону. Как уже известно, это восстание началось еще 1 апреля. Получив известие об этом, генерал Деникин решает возвратиться на Дон. «Пригласил Кубанских правителей, — записывает генерал Деникин^I, — и сообщил им свое решение. Приняли с грустью, но без протеста... Окончательное успокоение среди Кубанцев внесло мое заявление: Кубани я не брошу...»

16 апреля Добровольческая Армия выступила на северо-запад в направлении на Ростов. На этом пути она с боем пересекает железнодорожную линию, идущую от Тихорецкой на Царицын, и приходит 8 мая в район станиц Егорлыкской и Мечетинской, километрах в ста к юго-востоку от Ростова.

8 мая уже вырисовывается полная победа восстания на Дону. Попытка большевиков выбить казаков из захваченной ими еще 6 мая столицы Дона — Новочеркаска, была как раз ликвидирована 8 мая. Наиболее прочно организованные большевицкие войска, разбитые немцами и казаками в районе станицы Каменской^{II}, уходили вдоль железнодорожной линии на Царицын. В районе Ростова другая часть наиболее прочно организованных большевицких войск, теснимая немцами, торопливо откатывалась также на Царицын, используя для этого Владикавказскую железную дорогу до Тихорецкой и далее железную дорогу Тихорецкая—Царицын. 8 мая, в день приближения Добровольческой Армии в район станиц Егорлыкская и Мечетинская, немцы заняли Ростов и, преследуя большевиков, выдвигались к Батайску^{III}. «... Разведка упорно доносила, — пишет генерал Деникин^{IV}, — об огромном хаотическом движении большевицких эшелонов по линии Ростов—Тихорецкая—Царицын, — движении, закупорившем все узловые станции. Шло массовое перемещение военных материалов, которые могли ускользнуть окончательно из наших рук».

^I Там же, с. 320 и 321.

^{II} Нужно показать это на схеме (Д. III, 63). — Так у автора. — *Прим. ред.*

^{III} Железнодорожный узел в 10 километрах к югу от Ростова на другом берегу р. Дона.

^{IV} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 344.

Генерал Деникин решает использовать свое нахождение в тылу большевических войск, дравшихся против немцев, не для того, чтобы окончательно сокрушить эти кадры Красной армии, а только для набега на ближайшие ж.-дор. станции с целью пополнить истощенные боевые запасы. Этот набег вполне удался ген. Деникину. «Должен сказать откровенно, — поясняет эту операцию генерал Деникин¹, — что нанесение более серьезного удара в тыл тем большевическим войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи...»

Указанный только что факт и в еще большей степени объяснения генерала Деникина чрезвычайно важны для уяснения психологии Добровольческой Армии.

Великая война 1914—1918 гг., являясь сама по себе продуктом особой массовой психологии, вызвала в воюющих народах чрезвычайно сложные внутренние процессы. Как я уже неоднократно указывал, культурный уровень различных слоев населения России был очень различен, а внутреннее сцепление ее социальных элементов — слабо. Тяжелая война потребовала непосильного напряжения от всех. Но в то время, как более сознательные элементы русского народа готовы были ее еще продолжать, менее сознательные его элементы от продолжения войны уже отказываются.

Составленная из духовно самой крепкой и сознательно героической части Русской Армии, Добровольческая Армия продолжала войну с Центральными державами. Офицерство, впитав в себя наиболее патриотически настроенную и действенную часть русской интеллигенции, не могло помириться с поражением, ведущим к потере Россией Великодержавия.

Поэтому утверждение представителей Белого Движения, что Добровольческая Армия продолжала, после Брестского мира, великую войну, не является только метафорой, а выражает реальное положение вещей.

В рассматриваемом здесь случае генерал Деникин, во имя продолжения войны с немцами, не воспользовался возможностью полного уничтожения одного из ядер, вокруг которых создавалась Красная армия. Большевицкие войска, дравшиеся под Ростовом и потерпевшие от немцев поражение под Батайском, прошли в Царицын. Они создадут там, вместе с другими красными отрядами, прошедшими через Донскую область из района Каменской, важнейший в стратегическом отношении сгусток военных большевических сил.

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 345.

13 мая считается в летописях Добровольческой Армии окончанием ее первого Кубанского похода. Описав длинную петлю общим протяжением около 1200 километров, Добровольческая Армия вернулась к своему исходному положению. О физическом и моральном напряжении, потребовавшемся этой операцией, свидетельствуют следующие цифры: из 80 дней похода 44 дня добровольцы находились в бою; кровавые потери достигали 40 % их первоначального состава. Красота подвига достигла в этом походе небывалой высоты. Первый Кубанский поход стал Анабазисом¹⁸¹ «Добровольческой Армии». Участие в нем сделалось своего рода строевым стажем для получения в ней командных должностей.

Вступив на территорию Дона, генерал Деникин поручил своему представителю спросить Временное Донское правительство: 1) об отношении Донского Казачества к Добровольческой Армии и об осуществлении единства командования¹ всеми военными силами, оперирующими на территории Дона; 2) об отношении Донского Казачества к немцам.

Ответ Временного Донского правительства, подтвержденный 13 мая только что собравшимся Войсковым Кругом, гласил¹¹: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского Войска, должно принадлежать Войсковому Атаману или, как в данном случае, Походному Атаману». Для выяснения же отношений к Украине и Германии, «Войсковой Круг командирует в г. Киев посольство от Войска Донского».

«Ответ этот не удовлетворил генерала Деникина, — записывает избранный Кругом Спасения Дона Войсковой Атаман Краснов. — Планы генерала Деникина были иные. Он думал в лице Донских казаков получить большие пополнения людьми и материальной частью, усилить Добровольческую Армию, а не иметь рядом «союзную» армию¹¹¹.

Изменения в политической программе Добровольческой Армии

5 мая в станице Егорлыкской ген. Деникин выпускает свое «первое политическое обращение к Русским людям»^{1V}:

¹ В данном случае, так же как и во время переговоров с Кубанской Краевой властью, «единство командования» понималось в смысле подчинения вооруженной силы Донского Казачества командующему Добр. Армии.

¹¹ Постановления «Круга Спасения Дона» с 12 апреля по 5 мая (ст. ст.) 1918 года. Изд. Областной Типографии, с. 3.

¹¹¹ *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 140.

^{1V} *Деникин.* Очерки Русской Смуты, т. II, с. 341—342.

«ОТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привело Россию на край гибели.

Добровольческая Армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предreshали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного Собрания, созванного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой и была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория т. н. Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Указав далее на мотивы оставления Добровольческой Армией Дона во время первого большевицкого нашествия и сделав краткий очерк первого Кубанского похода, генерал Деникин заканчивает свое обращение так:

«Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой Армии (Эрдели¹⁸², Романовского, Маркова и Богаевского¹⁸³), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши не велики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан Родине.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой Армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедленно организовать кадры будущей армии и, в единении со всеми государственно-мыслящими русскими людьми, свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

Командующий Добровольческой Армией
Генерал-Лейтенант Деникин»¹.

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 342.

Первое, что бросается в глаза при чтении этого «обращения», — это что в нем не говорится ни о каких определенных политических задачах, кроме свержения народных комиссаров. Но ведь для того, чтобы привлечь на сторону Белого Движения народные массы, указания на одну эту негативную задачу было недостаточно.

О политике говорится всего несколько строчек. Редакция их настолько характерна, что я опять повторяю их здесь: «Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предreshали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного Собрания, созванного по водворении в стране правового порядка».

Что означало употребленное прошедшее время — «не предreshали...»? Означало ли оно, что теперь, с появлением во главе Белого Движения генерала Деникина эти вопросы решаются иначе? Присоединялся ли генерал Деникин к политической программе ген. Корнилова, или его взгляды были иными? Естественно было ожидать, что вполне определенные ответы на эти вопросы будут заключаться в первом политическом обращении нового вождя Белого Движения к русским народным массам.

Объяснение туманности первого политического воззвания генерала Деникина можно найти в его же книгах.

Через два дня после обнародования «Обращения» к генералу Деникину приходит генерал Марков «и смущенно докладывает: «Среди офицерства вызывает толки упоминание о народоправстве и об Учредительном Собрании...»^I. С подобного же рода заявлениями пришли к генералу Деникину «начальники бригад»^{II}, то есть командиры высших боевых единиц тогдашней Добровольческой Армии.

«Мы решили поговорить непосредственно с офицерами, — пишет генерал Деникин^{III}. — В станичном правлении [в] Егорлыкской были собраны все начальники, до взводного командира включительно. Мы не сговаривались с генералом Алексеевым относительно темы беседы, но вышло так, что он говорил о немцах, а я о монархизме.

В пространной речи ген. Алексеев говорил о немцах, как о «враге — жестоком и беспощадном» — таком же враге, как и большевики...^{IV} Об их нечестной политике, об экономическом порабощении Украины...

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 342.

^{II} Там же, т. III, с. 131.

^{III} Там же, т. III, с. 132.

^{IV} Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: «Да, но это враг — культурный...» — *Прим. ген. Деникина.*

О колоссальных потерях немцев, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о малых шансах ее на победу... О Восточном фронте... О том будущем, которое сулит России связь с Германией; «политически — рабы, экономически — нищие...» Словом, обосновал два наши положения:

1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен.

2) **Пока** — ни мира, ни войны.

Я сказал кратко и резко:

— Была сильная Русская Армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны или мира, монархии или республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделить на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с которым теперь идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную армию в предстоящем нашем походе? Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует естественно требование **имени**. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно, или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

Вникнем в содержание этой речи. В ней оратор стремится отстоять «непредрешенство» формы государственного правления. Но это «непредрешенство» радикально отличается от такового же только что убитого вождя Белого Движения.

«Непредрешенство» генерала Корнилова являлось предоставлением решения основных государственных вопросов Учредительному Собранию. «Непредрешенство» же генерала Деникина было умалчиванием о способах их разрешения.

В своих книгах генерал Деникин указывает на сильное поправление русского офицерства... Но упомянутое выше заявление генерала Маркова имело место 8 мая, то есть всего через три недели после смерти генерала Корнилова. За это время в политических настроениях рядового добровольчества не могло произойти столь резкого изменения, чтобы, по существу говоря, отказаться от программы недавно убитого вождя. Тем более что эта политическая программа должна была считаться не столько с настроениями Добровольческой Армии, сколько с желаниями русского народа, который эта армия так хотела спасти.

Тотчас после речи генерала Деникина в Егорлыкском станичном правлении выступил генерал Марков. От имени всех своих офицеров он заявил, что «все они верят в своих вождей и пойдут за ними». То же сделали и другие старшие начальники. К вечеру же, успев переговорить со многими офицерами, Марков пришел к Деникину и сказал: «Отлично. Теперь публика поуспокоилась».

Эти заявления генерала Маркова подтверждают то, что я говорил в начале этой главы: офицеры-добровольцы представляли собою весьма политически послушную воле признанного ими военного вождя среду. Новый вождь Добровольческой Армии этой воли не проявил.

Дней через десять после объявления своего «обращения», он разослал в свои военно-политические центры наказ¹. В этом наказе упоминание об Учредительном Собрании, сделанное в первой прокламации генерала Деникина, заменено ничем не обязывающей общей фразой: «отражением воли русского народа».

Сравнение «наказа» генерала Деникина с подобным же наказом генерала Корнилова (см. приложение № 26 под заглавием: «Политическая программа генерала Корнилова») резко обнаруживает, насколько политическое мировоззрение нового вождя Белого Движения осталось скрытым. По существу говоря, его наказ, так же как и его первое обращение, проникнуты не «непредрешенством», а просто уклонением от политики. Но если рядовой доброволец, как воин, должен был быть вне политики, то Главнокомандующий Д. А., являвшийся в то же время вождем Белого Движения, уйти от политики не мог. В самом деле, при подобной тенденции вопрос о земле повисал в воздухе. Между тем это был как раз тот вопрос, от решения которого зависело присоединение крестьянских масс к Белому Движению.

¹ См. приложение № 29, где этот Наказ приведен полностью.

Неясности и недомолвки в политической программе не могли также содействовать связи Белого Движения и с другими слоями населения.

Это и привело к той психически-социальной обособленности Белого Движения, которое, согласно приведенному в конце предшествующей главы свидетельству генерала Деникина, представляло собою его «глубокий органический недостаток».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 27

Политическая программа генерала Корнилова

Преступное легкомыслие либо сознательное предательство людей, вознесенных к власти стихийной революционной волной, привело страну в состояние полной дезорганизации и анархии. То, что предсказывал генерал Корнилов в первые дни освободительного движения, с чем он рыцарски боролся, как горячий русский патриот, наконец, совершилось: Россия оказалась в руках политических авантюристов, делающих под флагом социальной революции — великогерманское дело разрушения боевой мощи страны. Играя, с одной стороны, на низменных инстинктах темных народных масс, с другой — на моральной и физической усталости широких слоев русского общества, вызванной тяжелой четырехлетней войной, так называемый «Совет народных комиссаров» — утвердил у нас деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всем культурно-историческим завоеваниям страны.

Печальный опыт революции показал полную несостоятельность власти, созданной представителями различных нынешних политических партий, слишком связанных в своих действиях мертвою буквою программы. Как в рядах партийной демократии, взявшей на себя инициативу управления страной, так и в противоположном лагере, вследствие этого не могло быть достаточной уверенности и твердости в определении своей линии поведения. В результате пожар анархии, вспыхнувший в центрах и перекинувшийся в армию и на окраины, неизбежно сметал все политические комбинации, выдвигаемые сторонами, и привел, наконец, к господству германо-большевизма. Поэтому ген. Корнилов, вступая снова на арену политической борьбы, во имя спасения России и чести нации, ставит своей ближайшей задачей сокрушение большевицкого самодержавия и замену его таким образом правления, который обеспечивал бы в стране порядок, восстановил бы попранные права гражданства и, закрепив целесообразные завоевания революции, вывел бы Россию на светлый путь свободы и прочного почетного мира, столь необходимого для культурно-экономического прогресса государства.

Такой образ правления ген. Корнилов видит в создании в стране временной сильной верховной власти из государственно-мыслящих людей, для коих интересы родины стоят бесспорно выше вопросов преуспевания их партийной политики и которые в своих действиях руководились бы исключительно искренней любовью к родине и горя-

чим самоотверженным стремлением спасти ее от неизбежной гибели. Низвергнув губительную диктатуру черни и оперевшись на все здоровые национальные и демократические элементы народа, эта власть должна прежде всего все свои усилия направить к подавлению анархии и возрождению армии, и урегулированию транспорта, и поднятию производительных сил страны.

Общие основы Корниловской программы таковы:

1. Восстановление прав гражданина: все граждане России равны перед законом, без различия пола и национальности; уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и пр.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, то есть с правом на самоопределение поработанных народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, к которому оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти — Учредительное Собрание, как единственный хозяин земли русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, —

всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тяжчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов.

Приложение № 28 **Наказ делегации в Сибирь**

Секретно

I. Завязать сношения с Краевым правительством. Выяснить его состав и направление. При возможности войти с ним в соглашение по вопросу о формировании добровольческих частей и взаимной поддержки.

II. Широко развить пропаганду идей добровольческой армии путем соглашения с местными органами печати и издания отдельных брошюр и листов.

III. При посредстве Краевого правительства или путем частного соглашения с железнодорожной администрацией в первую очередь организовать охрану железной дороги.

IV. Учесть все имеющиеся запасы продовольствия и, при возможности, сосредоточивать их в близких к железной дороге пунктах, дабы в любой момент можно было бы вывезти их в направлении по указанию штаба.

V. По возможности объединить работу всех организаций, по цели своей сходных с нашей целью, как в центре, так и путем рассылки своих агентов во все наиболее важные пункты Сибири.

VI. На местах желательно проведение в жизнь прилагаемой при сем инструкции.

VII. При наличии правительства, по составу своему могущего не только разрешить работу делегации, но и желающего помочь ей, все мероприятия проводить через его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить с ней договор для совместных действий по воссозданию России.

VIII. При правительстве равнодушном или враждебном нам, ту же работу производить тайно, путем организации целого ряда ячеек во многих пунктах, объединяя их общим руководством.

IX. Возможно чаще и подробнее информировать штаб, как о мероприятиях Краевого правительства, так и по прилагаемому к сему перечню наиболее важных сведений.

X. По возможности установить непосредственные связи с соседними с Сибирью городами для информации их и получения необходимых сведений.

XI. Обеспечение беспрепятственного сквозного пути по жел.-дорожной линии Владивосток—Омск и далее на Челябинск и Екатеринбург.

(Без подписи).

Приложение № 29

НАКАЗ

**генерала Деникина, данный для общего руководства
в середине мая представителям армии,
разосланным в разные города**

I. Добровольческая армия борется за спасение России путем:
1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии;
2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственного и правового порядка.

II. Стремясь к совместной работе **со всеми русскими людьми**, государственно-мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа, после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Русского государства, и на началах, указанных в 1914 году русским Верховным Главнокомандующим.

Составитель д. и. н. с. в. Волков

¹ **Корнилов Лавр Георгиевич**, р. 18 авг. 1870 в Семипалатинске. Сын коллежского секретаря. Обр.: Сибирский КК 1889, МАУ 1892, АГШ 1898. Офицер Туркестанской стр. арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба в Туркестанском военном округе. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Подполковник с 1901, полковник с 1905, генерал-майор с 1911, генерал-лейтенант с 1915, генерал от инфантерии с 1917. С 1907 военный агент в Китае, с 1911 командир 8-го пех. полка, с июня 1911 начальник 2-го Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1913 командир 1-й бригады 9-й Сибирской стр. дивизии, с авг. 1914 командующий 48-й пех. дивизией, с 11 сен. 1914 командир 1-й бригады 49-й пех. дивизии, с 30 дек. 1914 начальник 48-й пех. дивизии, с мая 1915 по июнь 1916 был в плену в Австро-Венгрии, откуда совершил побег. С 13 сен. 1916 командир 25-го арм. корпуса, с 2 мар. 1917 командующий войсками Петроградского ВО, с 29 апр. 1917 командующий 8-й армией, с 18 июля 1917 Верховный главнокомандующий. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1905), Георгиевское оружие (1907). Орд. Св. Георгия 3-й ст. (1915). 27 авг. 1917 выступил против предательской политики Временного правительства, был арестован, содержался в Быхове. С 5 дек. 1918 в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию, которую вывел в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Убит 31 мар. 1918 под Екатеринодаром.

² **С. А. С. Ш.** — Северо-Американские Соединенные Штаты, наименование Соединенных Штатов Америки, принятое в русском языке до Второй мировой войны.

³ **Князь Голицын Николай Дмитриевич**, р. 31 мар. 1850 в имении Поречье Можайского уезда. Обр.: Александровский лицей 1871. Действительный тайный советник. С 1885 Архангельский, Тверской, затем Калужский губернатор, с 1903 сенатор, член Государственного Совета, с 1916 председатель Совета министров и премьер-министр. Арестовывался в Москве 18 окт. 1918 и в ночь с 18 на 19 июля по 12 нояб. 1921 как заложник. В начале 1925 вместе с сыном Николаем арестован в с. Александровское под Рыбинском и заключен в Рыбинскую тюрьму. Расстрелян 2 июля 1925 в Петрограде.

⁴ **Протопопов Александр Дмитриевич**, р. 18 дек. 1866 в с. Марысово Нижегородской губ. Обр.: кадетский корпус 1883, Николаевское кавалерийское училище 1885, академия Генштаба 1890 (не окончил).

Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Действительный статский советник. С 1914 тов. председателя Государственной Думы, Симбирский губернский предводитель дворянства, с 18 сен. 1916 управляющий МВД, с 2 дек. 1916 министр внутренних дел. Расстрелян большевиками 7 окт. 1918 в Москве.

⁵ **Беляев Михаил Алексеевич**, р. 23 дек. 1863 в Санкт-Петербурге. Обр.: 3-я Санкт-Петербургская гимназия 1883, МАУ 1886, АГШ 1893. Офицер 29-й арт. бригады, затем на должностях Генерального штаба. Капитан с 1893, подполковник с 1898, полковник с 1902, генерал-майор с 1908, генерал-лейтенант с 1912, генерал от инфантерии с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1906 начальник отделения, с 1909 ген.-кварт. Главного штаба, с 1910 начальник отделения по устройству и службе войск ГУГШ, с 1 авг. 1914 и. д. начальника, с 2 апр. до конца 1916 начальник Генерального штаба, с 23 июня 1915 до конца 1916 одновременно пом. военного министра, затем представитель русского командования при румынской Главной квартире, с 3 янв. по 2 мар. 1917 военный министр и член Военного совета. Зол. оружие (1905). В марте, с 1 июля по окт. 1917 и с янв. 1918 находился под арестом. Расстрелян большевиками в 1918 в Петрограде.

⁶ **Хабалов Сергей Семенович**, р. 21 апр. 1858. Обр.: 2-я Санкт-Петербургская ВГ 1875, МАУ 1878, АГШ 1886. Офицер 1-й Терской конной батареи, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1888, подполковник с 1894, полковник с 1898, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1910. С 1900 преподаватель Павловского военного училища, с 1901 инспектор классов Николаевского кавалерийского училища, с 1903 начальник Алексеевского, а с 1905 Павловского военных училищ, с 1914 военный губернатор Уральской области и атаман Уральского каз. войска, с 13 июня 1916 главный начальник, с янв. 1917 командующий войсками Петроградского ВО, с 2 мар. 1917 в резерве чинов при штабе того же округа. Во время Гражданской войны — в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован 1 мар. 1920 из Новороссийска в Салоники. В эмиграции. Ум. в 1924.

⁷ **Великий князь Михаил Александрович**, р. 22 нояб. 1878. В службе с 1897, офицером с 1898. Офицер л.-гв. Конной артиллерии и гвард. кавалерии. Ротмистр гвардии с 1908, полковник с 1909, генерал-майор с 1912, генерал-лейтенант с 1916. С 1909 командир 17-го гусарского полка, с 1912 — Кавалергардского полка. 1912—1914 был в отставке, с 1915 начальник Кавказской Туземной конной дивизии, с 19 янв. 1917 генерал-инспектор кавалерии. С 31 мар. 1917 в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Расстрелян большевиками 13 июня 1918 в Перми.

⁸ **Великий князь Кирилл Владимирович**, р. 30 сен. 1876 в Царском Селе. Сын Великого князя Владимира Александровича. Обр.: МК 1896,

Морская академия. Офицер Гвардейского Экипажа. Капитан 2-го ранга с 1902, контр-адмирал с 1915. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1909 старший офицер, а с 1912 командир крейсера «Олег», с 25 июля 1914 штаб-офицер для поручений военно-морского управления при Верховном главнокомандующем, с 16 мар. 1915 командир Гвардейского Экипажа и начальник морских батарей в Действующей армии. С мар. 1917 в отставке. Зол. оружие (1904). В эмиграции во Франции. С 8 авг. 1922 местоблюститель российского престола, с 13 сен. 1924 Император. Ум. 12 окт. 1938 в Нейи близ Парижа.

⁹ **Комаров Владимир Александрович**, р. 27 сен. 1861. Обр.: ПК 1881. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Капитан гвардии с 1894, полковник с 1899, генерал-майор с 1907, генерал-лейтенант с 1916. С 1904 командир Сводно-гвардейского батальона, с 1907 — Собственного Его Величества Сводного пех. полка, с 13 авг. 1914 по 1917 начальник Петроградского дворцового управления. Взят заложником в сен. 1918 в Петрограде.

¹⁰ **Фон Бюнтинг Николай Георгиевич**, р. 15 июля 1860. Училище правоведения 1883. Гофмейстер, Тверской губернатор. Убит революционной толпой 2 мар. 1917 в Твери.

¹¹ **Пуришкевич Владимир Митрофанович**, р. 12 авг. 1870 в Кишиневе. Из дворян Бессарабской губ. Окончил Новороссийский университет (историко-филологический факультет) 1895. Чиновник МВД. Член Государственной Думы, один из лидеров правых. Во время Гражданской войны — в Вооруженных силах Юга России; издатель журнала «Благовест» в Ростове. Ум. от тифа в фев. 1920 в Новороссийске.

¹² **Чхеидзе Николай Семенович**, р. 1864 в с. Пути Кутаисской губ. Обр.: Кутаисская гимназия, Новороссийский университет (не окончил), Харьковский ветеринарный институт (не окончил). С 1892 участник социал-демократического движения, с 1898 член РСДРП (меньшевик). Депутат Государственной Думы, где возглавлял фракцию меньшевиков. В ходе февральских событий 1917 г. возглавил исполком Петроградского Совета. В сентябре 1917 — член Предпарламента. В фев. 1918 возглавил Закавказский сейм, затем председатель Учредительного собрания Грузии. В эмиграции с 1921 во Франции. Покончил самоубийством 7 июня 1926 под Парижем.

¹³ Имеется в виду речь П. Н. Милюкова, произнесенная им в Думе 1 ноября 1916 г., содержавшая прозрачные намеки на деятельность ближайшего окружения императрицы Александры Федоровны.

¹⁴ **Великий князь Дмитрий Павлович** (сын Великого князя Павла Александровича), р. 6 сен. 1891. Офицер с 1911. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка, шеф л.-гв. 2-го стрелкового полка. В эмиграции во Франции. Ум. 5 мар. 1942 в Давосе (Швейцария).

¹⁵ **Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович**, р. 11 мар. 1887. Обр.: гимназия в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский университет (не окончил), Пажеский корпус 1916. Был женат на дочери Великого князя Александра Михайловича Ирине Александровне (3 июля 1895 — 26 фев. 1970 в Париже). В эмиграции во Франции. Ум. 27 сен. 1967 в Париже. Автор книги «Конец Распутина» (Париж, 1927).

¹⁶ **Родзянко Михаил Владимирович**, р. 9 мар. 1859 в Екатеринославской губ. Обр.: Пажеский корпус 1877. Офицер Кавалергардского полка, затем на гражданской службе. Действительный статский советник, председатель Государственной Думы. Председатель Белого Креста. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В Вооруженных силах Юга России по ведомству министерства внутренних дел. Эвакуирован в мар. 1920 из Новороссийска в Салоники и затем во Вранья-Банью на пароходе «Габсбург». Летом 1920 в Сербии. Ум. 24 янв. 1924 в с. Беодра (Югославия).

¹⁷ **Шульгин Василий Витальевич**, р. 1 янв. 1878 в Киеве. Из дворян, сын профессора Киевского университета. Обр.: 2-я Киевская гимназия, Киевский университет (1900). Журналист, редактор газеты «Киевлянин». Член Государственной Думы. В годы Гражданской войны руководитель подпольной разведывательной организации «Азбука», с авг. 1918 в Добровольческой армии; член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР до 31 мая 1919, с янв. 1919 председатель комиссии по национальным делам, редактор газет «Россия» и «Великая Россия». В эмиграции с 1921, член Русского Совета, жил в Германии, Болгарии, Югославии, в 1925—1926 нелегально посетил Россию. В 1944 захвачен советскими войсками и до 1956 находился в заключении. Ум. 13 фев. 1976 во Владимире.

¹⁸ **Мартынов Евгений Иванович**, р. 22 сен. 1864 в Свеаборге. Из дворян, сын офицера. Обр.: 1-я Московская ВГ 1881, АБУ 1883, АГШ 1889. Офицер Санкт-Петербургского гренад., а с 1885 — л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1889, подполковник с 1894, полковник с 1898, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1910. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1894 член комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877—1878, с 1904 командир 140-го пех. полка, с 1905 нач. штаба 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1906 состоял при Главном штабе, с 1908 начальник 1-й стр. бригады, с 1910 начальник Заамурского округа пограничной стражи, с 1912 начальник 35-й пех. дивизии, с 13 апр. 1913 был в отставке. 26 июля 1916 определен на службу в резерв чинов при штабе Петроградского ВО, с авг. 1917 в плену. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1905). Автор ряда военно-исторических и публицистических статей, работ

по стратегии и тактике. В 1918 мобилизован большевиками, до 1928 в РККА. Арестован 23 сен. 1937. Расстрелян 11 дек. 1937.

¹⁹ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 3 нояб. 1857. Сын майора из солдат сверхсрочной службы. Обр.: Тверская гимназия 1873 (не окончил), Московское ПЮУ 1876, АГШ 1890. Офицер 64-го пех. полка. После окончания академии — на должностях Генерального штаба, с 1898 одновременно профессор академии Генштаба. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской войн. Подполковник с 1894, полковник с 1898, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1914. С 1894 младший, а с 1899 старший делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1900 начальник отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, с 1904 ген.-кварт. 3-й Маньчжурской армии, с 1906 обер-квартирмейстер ГУГШ, с 1908 нач. штаба Киевского ВО, с 19 июля 1914 нач. штаба Юго-Западного фронта, с 17 мар. 1915 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 4 авг. 1915 — Западного фронта, с 18 авг. 1915 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 1 апр. по 21 мая Верховный главнокомандующий, 30 авг.—9 сен. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего; 1898–1914 также профессор академии Генштаба. Зол. оружие (1906). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1914). Генерал-адъютант (1916). Автор работ по русской военной истории и воспоминаний. Основоположник Добровольческой армии. В сен. 1917 основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 нояб. 1917 прибыл в Новочеркасск; с дек. 1917 член триумvirата «Донского гражданского совета», с 18 авг. 1918 Верховный руководитель Добровольческой армии. Ум. 25 сен. 1918 в Екатеринодаре.

²⁰ **Рузский Николай Владимирович**, р. 6 мар. 1854. Обр.: 1-я Санкт-Петербургская ВГ 1870, КВУ 1872, АГШ 1881. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1882, полковник с 1885, генерал-майор с 1896, генерал-лейтенант с 1903, генерал от инфантерии с 1909. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1887 нач. штаба 11-й кав. дивизии, с 1891 нач. штаба 32-й пех. дивизии, с 1896 командир 151-го пех. полка, с дек. 1896 ген.-кварт. Киевского ВО, с 1904 нач. штаба Виленского ВО, затем нач. штаба 2-й Маньчжурской армии, с 1909 командир 21-го арм. корпуса, с 1910 член Военного совета, с 1912 пом. командующего войсками Киевского ВО, с 19 июля 1914 командующий 3-й армией, с 3 сен. 1914 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 13 мар. 1915 член Гос. совета (с 20 мая — также Военного совета), с 30 июня 1915 командующий 6-й армией, с 18 авг. по 6 дек. 1915 и с 1 авг. 1916 по 25 апр. 1917 главнокомандующий армиями Северного фронта, затем в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й,

3-й и 2-й ст. (1914). Генерал-адъютант (1914). Убит большевиками 18–19 окт. 1918 в Пятигорске.

²¹ **Великий князь Николай Николаевич**, р. 6 нояб. 1856. Обр.: НИУ 1873, АГШ 1876. Офицер л.-гв. Гусарского полка и учебного пех. батальона. Капитан гвардии с 1876, полковник с 1878, генерал-майор с 1885, генерал-лейтенант с 1893, генерал от кавалерии с 1900. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и 1-й мировой войн. С 1884 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1890 командир 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизии и начальник той же дивизии, с 1895 генерал-инспектор кавалерии, с 1905 главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского ВО, 1905–1908 также председатель Совета государственной обороны, с 20 июля 1914 Верховный главнокомандующий, с 23 авг. 1915 наместник Его Величества на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией, 2–11 мар. 1917 Верховный главнокомандующий. С 11 мар. 1917 в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й (1877), 3-й (1914) и 2-й (1915) ст., Георгиевское оружие (1915). Генерал-адъютант (1894). В эмиграции с 1919 в Италии, затем во Франции. Возглавлял русскую военную эмиграцию. Ум. 5 янв. 1929 в Антибе (Франция).

²² **Брусилов Алексей Алексеевич**, р. 19 авг. 1853 в Тифлисе. Обр.: ПК 1873. Офицер 15-го драгунского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Ротмистр с 1882, подполковник с 1887, полковник с 1892, генерал-майор с 1901, генерал-лейтенант с 1906, генерал от кавалерии с 1912. С 1883 адъютант, с 1900 пом. начальника и начальник отделения, с 1893 начальник отдела, с 1898 пом. начальника, с 1902 начальник Офицерской кав. школы, с 1906 начальник 2-й гвард. кав. дивизии, с 1909 командир 14-го арм. корпуса, с 1912 пом. командующего войсками Варшавского ВО, с 1913 командир 12-го арм. корпуса, с 19 июля 1914 командующий 8-й армией, с 17 мар. 1916 главнокомандующий Юго-Западного фронта, 21 мая — 19 июля 1917 Верховный главнокомандующий. Орд. Св. Георгия 3-й и 4-й ст. (1914), Георгиевское оружие (1916). Генерал-адъютант (1915). 1917–1918 содержался под арестом, с 1919 в РККА, 1923–1924 инспектор кавалерии. Ум. 17 мар. 1926 в Москве.

²³ **Эверт Алексей Ермолаевич**, р. 20 фев. 1857. Обр.: 1-й Московская ВГ 1874, АБУ 1876, АГШ 1882. Офицер л.-гв. Волынского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1886, полковник с 1891, генерал-майор с 1900, генерал-лейтенант с 1905, генерал от инфантерии с 1911. Участник Русско-турецкой 1877–1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1893 нач. штаба 10-й пех. дивизии, с 1899 командир 130-го пех. полка, с 1900 нач. штаба 11-го, а с 1903 — 5-го арм. корпуса, с 1904 ген.-кварт. штаба главнокомандующего силами, действующими против Японии, с 1905 нач. штаба 1-й Маньчжурской армии, с 1906 начальник Главного штаба, с 1908 ко-

мандир 13-го арм. корпуса, с 1912 командующий войсками Иркутского ВО, с 11 авг. 1914 командующий 10-й, с 22 авг. 1914 — 4-й армией, с 20 авг. 1915 по 11 мар. 1917 главнокомандующий армиями Западного фронта, с 22 мар. 1917 в отставке. Зол. оружие (1906). Орд. Св. Георгия 4-й (1914) и 3-й ст. (1915). Генерал-адъютант (1915). Арестован 28 мар. 1918. Ум. 10 мая 1926 в Верее.

²⁴ **Сахаров Владимир Викторович**, р. 20 мая 1853. Обр.: 2-я Московская ВГ 1869, ПВУ 1871, АГШ 1878. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1881, полковник с 1884, генерал-майор с 1897, генерал-лейтенант с 1900, генерал от кавалерии с 1908. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878, китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1886 начальник Елисаветградского кавалерийского училища, с 1891 нач. штаба 14-й пех. дивизии и Кронштадтской крепости, с 1893 командир 38-го драгунского полка, с 1897 нач. штаба 5-го арм. корпуса, с 1899 нач. штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1901 начальник Заамурского отряда того же корпуса и начальник 4-й кав. дивизии, с 1903 командир 1-го Сибирского арм. корпуса, с 1904 нач. штаба Маньчжурской армии и штаба главнокомандующего всеми силами, действующими против Японии, с 1905 член Александровского комитета о раненых, с 1906 командир 7-го, а с 1912 — 11-го арм. корпуса, с 25 окт. 1915 командующий 11-й армией, с окт. 1916 — Дунайской армией, с 12 дек. 1916 по 2 апр. 1917 главнокомандующий армиями Румынского фронта. Зол. оружие (1904). Орд. Св. Георгия 4-й (1914) и 3-й ст. (1915). С 1918 в Крыму. Расстрелян «зелеными» в авг. 1920 у Карасу-Базара.

²⁵ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. 10 июля 1868. Из дворян Полтавской губ. Обр.: Полтавский КК 1885, НИУ 1888, АГШ 1897. Офицер 11-го саперного батальона, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1903, полковник с 1907, генерал-майор с 1913, генерал-лейтенант с 1914. С 1907 нач. штаба 42-й пех. дивизии, с 1909 начальник мобилизационного отдела ГУГШ, с 1913 пом. начальника, а с июля 1914 начальник канцелярии Военного министерства (с июня 1915 одновременно пом. военного министра), с 2 апр. 1916 начальник 32-й пех. дивизии, затем нач. штаба 10-й армии, с 21 окт. 1916 ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 2 апр. 1917 командир 1-го арм. корпуса, с 2 июня 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1916). Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, содержался в Быховской тюрьме. В Добровольческой армии и ВСЮР нояб. 1917, начальник штаба Алексеевской организации. С 24 дек. 1917 начальник штаба Добровольческой армии, с 2 фев. 1918 представитель Добровольческой

армии при атамане ВВД. С фев. 1918 в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 возвратился на Дон, с авг. 1918 зам. председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с окт. 1918 начальник Военного управления. С 12 окт. 1919 председатель Особого совещания до фев. 1920. В мар. 1920 выехал в Константинополь, с апр. 1920 представитель Русской Армии при союзном командовании. С нояб. 1920 в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Вел. князя Николая Николаевича, с 1928 в распоряжении председателя РОВС, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба. Автор воспоминаний. Ум. 25 фев. 1939.

²⁶ **Данилов Георгий (Юрий) Никифорович**, р. 13 авг. 1866 в Киеве. Из дворян Киевской губ. Обр.: Киевский КК 1883, МАУ 1886, АГШ 1892. Офицер 27-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1899, полковник с 1903, генерал-майор с 1909, генерал-лейтенант с 1913, генерал от инфантерии с 1914. С 1904 начальник отделения Главного штаба, с 1905 — начальник отделения ГУГШ, с 1906 командир 166-го пех. полка, с 1908 обер-квартирмейстер ГУГШ, с 1909 ген.-кварт. Генерального штаба, с 1910 председатель Крепостной комиссии при ГУГШ, с 19 июля 1914 ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 30 авг. 1915 командир 25-го арм. корпуса, с 11 авг. 1916 нач. штаба Северного фронта, с 29 апр. 1917 командующий 5-й армией, с 9 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1914). В начале 1918 был привлечен большевиками в качестве эксперта. Во время Гражданской войны — в Русской Армии: пом. начальника Военного управления. В эмиграции во Франции. Автор военно-исторических трудов «Россия в мировой войне», «Великий князь Николай Николаевич», «Русские отряды на французском и македонском фронтах, 1916—1918 гг.» и воспоминаний. Ум. 3 фев. 1937 в Булони под Парижем.

²⁷ **Саввич Сергей Сергеевич**, р. 1 апреля 1863 в с. Однорабовке Харьковской губ. Обр.: Полтавский КК 1881, МАУ 1884, АГШ 1890. Офицер 31-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1896, полковник с 1900, генерал-майор с 1906, генерал-лейтенант с 1909, генерал от инфантерии с 1915. С 1900 начальник отделения управления военных сообщений, с 1904 начальник отдела военных сообщений Главного штаба, с 1905 нач. штаба Отдельного корпуса жандармов, с 1907 командир 1-й бригады 42-й пех. дивизии, с 1908 нач. штаба 21-го арм. корпуса, с 1909 нач. штаба Приамурского ВО, с 1913 комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского арм. корпуса, с 8 мая 1915 нач. штаба Юго-Западного

фронта, с 13 дек. 1915 командир 16-го арм. корпуса, с 22 окт. 1916 главный начальник снабжений Северного фронта. С 9 мая 1917 в отставке. Во время Гражданской войны — в белых войсках Северного фронта; осенью 1918 в Архангельске, к 27 нояб. 1918 генерал для поручений при штабе командующего союзными силами, на 8 мар. 1919 инспектор военных школ, с сен. 1919 начальник Национального ополчения, начальник снабжения и железнодорожных сообщений. Эвакуирован в Норвегию. В эмиграции в Бельгии. Ум. ок. 8 июля 1939 в Брюсселе.

²⁸ **Хан Нахичеванский Гуссейн**, р. 28 июля 1863. Обр.: ПК 1883. Офицер л.-гв. Конного полка. Ротмистр гвардии с 1898, полковник с 1903, генерал-майор с 1907, генерал-лейтенант с 1914, генерал от кавалерии с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1904 командир 2-го Дагестанского конного полка, с 1905 — 44-го драгунского полка, с 1906 — л.-гв. Конного полка, с 1911 в расп. командующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского ВО, с 1912 начальник 1-й отдельной кав. бригады, с 1914 — 2-й кав. дивизии, с 19 окт. 1914 командир 2-го кавалерийского корпуса, с 25 окт. 1915 в расп. командующего Кавказской армией, с 9 апр. 1916 командир Гвардейского кавалерийского корпуса, с 15 апр. 1917 в резерве чинов при штабе Киевского, а с 23 июня — Петроградского ВО. Орд. Св. Георгия 4-й (1907) и 3-й (1914) ст. Взят заложником в сен. 1918 и расстрелян большевиками в янв. 1919 в Петрограде.

²⁹ **Граф Келлер Федор Артурович**, р. 12 окт. 1857 в Курске. Обр.: Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища 1877, офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, ОКШ. Произведен в офицеры за боевое отличие 1878. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Ротмистр с 1887, подполковник с 1894, полковник с 1901, генерал-майор с 1907, генерал-лейтенант с 1913, генерал от кавалерии с 1917. С 1904 командир 15-го драгунского полка, с 1906 командир л.-гв. Драгунского полка, с 1910 командир 1-й бригады Кавказской кав. дивизии, с 1912 начальник 10-й кав. дивизии, с 3 апр. 1915 командир 3-го кавалерийского корпуса. С 5 апр. 1917 в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й (1914) и 3-й ст. (1915). Во время Гражданской войны — предполагаемый возглавитель Северной армии. 19—26 нояб. 1918 главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии. Убит петлюровцами 21 дек. 1918 в Киеве.

³⁰ **Деникин Антон Иванович**, р. 4 дек. 1872 в д. Шпеталь-Дольный Варшавской губ. Сын майора. Обр.: Ловичское реальное училище 1890, Киевское ПЮУ 1892, АГШ 1899. Офицер 2-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Подполковник с 1904, полковник с 1905, генерал-майор с 1914, генерал-лейтенант с 1916. С 1910 коман-

дир 17-го пех. полка, с 1914 генерал для поручений при командующем войсками Киевского ВО, с 19 июля 1914 ген.-квартир. штаба 8-й армии, с 19 сен. 1914 начальник 4-й стр. бригады, с авг. 1915 — дивизии, с 9 сен. 1916 командир 8-го арм. корпуса, с 28 мар. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 31 мая 1917 главнокомандующий армиями Западного, с 2 авг. 1917 — Юго-Западного фронтов. Орд. Св. Георгия 4-й (1915) и 3-й ст. (1915), Георгиевское оружие (1916). Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917. С 29 авг. по 19 нояб. 1917 под арестом в Быхове. В начале янв. 1918 командующий войсками Добровольческой армии, с 30 янв. 1918 начальник 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, заместитель ген. Корнилова, с 31 мар. 1918 главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 дек. 1918 по 22 мар. 1920 Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции апр.—авг. 1920 в Англии, до мая 1922 в Бельгии, с июня 1922 в Венгрии, с весны 1926 во Франции (Париж, с мая 1940 д. Мимизан), с 1945 в США. Автор воспоминаний «Путь русского офицера», военно-исторических трудов «Очерки русской смуты» (т. 1—5), «Старая армия», «Офицеры», «Брест-Литовск», а также ряда работ по военно-политическим вопросам. Ум. 7 авг. 1947 в Энн Эрбор (США).

³¹ **Сухомятов Владимир Александрович**, р. 4 авг. 1848. Обр.: 1-й КК 1865, НКУ 1867, АГШ 1874. Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1874, подполковник с 1877, полковник с 1880, генерал-майор с 1890, генерал-лейтенант с 1898, генерал от кавалерии с 1906. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. С 1884 командир 6-го драгунского полка, с 1886 начальник Офицерской кав. школы, с 1890 начальник 10-й кав. дивизии, с 1899 нач. штаба, с 1902 пом. командующего, с 1904 командующий войсками Киевского ВО (также Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор), с 1908 начальник Генерального штаба, с 1909 по 13 июня 1915 военный министр, с 1911 также член Гос. Совета. Орд. Св. Георгия 4-й ст. и Зол. оружие (1878). Генерал-адъютант (1912). В эмиграции в Финляндии, затем в Германии. Автор воспоминаний. Ум. 2 фев. 1926 в Берлине.

³² **Маклаков Николай Алексеевич**, р. 1871. Из дворян, сын профессора. В службе и классном чине с 1894. Гофмейстер (с 1913), член Государственного Совета, 1912—1915 министр внутренних дел. Расстрелян большевиками 23—25 авг. 1918 в Москве.

³³ **Штюрмер Борис Владимирович**, р. 1848. В службе и классном чине с 1872. Тайный советник. Член Государственного Совета с 1904. Председатель Совета министров до нояб. 1916. После Февральской революции арестован и ум. в 1917 в тюрьме.

³⁴ **Иванов Николай Иудович**, р. 22 июля 1851. Сын солдата сверхсрочной службы. Обр.: 2-й КК 1866, МАУ 1869. Офицер 3-й гвард. и гренад. арт. бригады. Капитан гвардии с 1878, полковник с 1884, генерал-майор с 1894, генерал-лейтенант с 1901, генерал от артиллерии с 1908. Участник Русско-турецкой 1877—1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1884 командир 2-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады, с 1888 заведующий мобилизационной частью ГАУ, с 1890 командир кронштадтской креп. артиллерии, с 1899 в расп. генерал-фельдцейхмейстера, с 1904 — командующего Маньчжурской армией, с июля 1904 начальник Восточного отряда, командир 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1905 начальник тыла маньчжурских армий, с дек. 1905 командир 1-го арм. корпуса, с 1907 главный начальник Кронштадта, с 1908 командующий войсками Киевского ВО, с 19 июля 1914 главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с 17 мар. 1916 член Гос. Совета, с 27 фев. по 2 мар. 1917 командующий войсками Петроградского ВО. Зол. оружие (1905). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1905) и 3-й ст. (1907). Генерал-адъютант (1907). С 1917 жил в Новочеркасске. Во время Гражданской войны с 11 окт. 1918 командующий Южной армией. Ум. от тифа 29 янв. 1919 в Одессе.

³⁵ **Князь Львов Георгий Евгеньевич**, р. 18 нояб. 1861 в Дрездене. Обр.: Московский университет (юридический факультет) 1885. Земский деятель, гласный и председатель (1903—1905) Тульской губернской земской управы. Член Государственной Думы. Председатель Временного правительства до 7 июля 1917. В начале 1918 под арестом в Тюмени и Екатеринбурге. В эмиграции с 1918 во Франции, член Русского политического совещания, 1920—1921 председатель Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Ум. 7 мар. 1925 в Париже.

³⁶ **Гучков Александр Иванович**, р. 14 окт. 1863 в Москве. Из купцов. Управляющий Московским учетным банком. Председатель 3-й Государственной Думы, с 1915 член Государственного Совета, 2 мар. — 30 апр. 1917 военный и морской министр Временного правительства. В эмиграции член Русского Совета. Ум. 14 фев. 1936 в Париже.

³⁷ **Щербачев Дмитрий Григорьевич**, р. 6 фев. 1857. Обр.: Орловская ВГ 1873, МАУ 1876, АГШ 1884. Офицер 3-й конно-арт. батареи и л.-гв. Конной артиллерии, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1890, полковник с 1894, генерал-майор с 1903, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1914. С 1898 нач. штаба 2-й гвард. пех. дивизии, с 1901 командир 145-го пех. полка, с 1903 командир л.-гв. Павловского полка, с 1906 начальник 1-й Финляндской стр. бригады, с 1907 начальник академии Генштаба, с 1912 командир 9-го арм. корпуса, с 5 апр. 1915 командующий 11-й, с 19 окт. 1915 — 7-й армией, с 11 апр. 1917 главнокомандующий армиями

Румынского фронта. Орд. Св. Георгия 4-й (1915) и 3-й ст. (1915). Генерал-адъютант (1915). С апр. 1918 представитель Добровольческой армии в Румынии, с 13 окт. 1918 представитель при Союзном командовании (утв. 2 фев. 1919), с 30 дек. 1918 военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с янв. 1919 по май 1920 представитель Верховного правителя адм. Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции, 1931 член учебного комитета Высших военно-научных курсов, член полкового объединения л.-гв. Павловского полка. Ум. 18 янв. 1932 в Ницце (Франция).

³⁸ **Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович**, р. 8 мая 1864 в Санкт-Петербурге. Сын генерал-фельдмаршала. Обр.: гимназия, ПК 1885, АГШ 1892. Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. 1899—1900 военный агент при войсках буров. Подполковник с 1895, полковник с 1900, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1910, генерал от кавалерии с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1901 военный агент в Германии, с 1905 командир 2-й бригады Урало-Забайкальской каз. дивизии, с 1906 — 2-й бригады 4-й кав. дивизии, 1906—1911 председатель комиссии по описанию Русско-японской войны, с 1911 начальник 1-й кав. дивизии, с 9 нояб. 1914 командир 6-го арм. корпуса, с 6 дек. 1915 командующий 5-й армией, с 14 авг. 1916 — Особой армией (10 нояб. 1916 — 17 фев. 1917 врио начальника штаба Верховного главнокомандующего), с 31 мар. 1917 главнокомандующий армиями Западного фронта, с 23 мая 1917 в расп. Верховного главнокомандующего. Орд. Св. Георгия 4-й (1914) и 3-й ст. (1915). В июле 1917 арестован, в сен. 1917 выслан за границу. С 14 окт. 1917 в отставке. В эмиграции в Италии. Член РОВС. Автор воспоминаний о Первой мировой войне и революции. Ум. 9—10 фев. 1937 в Риме.

³⁹ **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сен. 1868 в Санкт-Петербурге. Сын генерала от инфантерии. Обр.: ПК 1887, АГШ 1893. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1898, полковник с 1902, генерал-майор с 1912, генерал от кавалерии с 1916. С 1902 нач. штаба 7-й, с 1903 — 10-й кав. дивизии, с 1910 командир 9-го гусарского полка, с 1912 нач. штаба Ковенской крепости, с авг. 1912 командир 2-й бригады 9-й кав. дивизии, с нояб. 1912 командир 2-й отдельной кав. бригады, с дек. 1914 начальник 16-й кав. дивизии, с 6 апр. 1915 командир 9-го арм. корпуса, с 14 авг. 1916 командующий 5-й армией, с 29 апр. 1917 главнокомандующий армиями Северного фронта, с 1 июня 1917 в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1914). С авг. 1918 пом. верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 окт. 1918 — сен. 1919 одновременно

председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сен. 1919 по дек. 1919 главнначальствующий и командующий войсками Киевской области. С 8 мар. 1919 заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сен. 1920 председатель кавалерской думы Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 во Франции, руководитель особой работы РОВС, к 1 янв. 1934 член, затем председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы 2-й мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Ум. 9 дек. 1955 в Ганьи (Франция).

⁴⁰ **Набоков Владимир Дмитриевич**, р. 21 июля 1869 в Санкт-Петербурге. Сын министра юстиции. Обр.: Санкт-Петербургский университет. Чиновник Государственной канцелярии. Управляющий делами Временного правительства. В нояб. 1918 — апр. 1919 министр юстиции Крымского Краевого правительства. В эмиграции в Германии. Убит в Берлине 28 мар. 1922.

⁴¹ **Граф Игнатъев Николай Николаевич**, р. 9 авг. 1872. Обр.: Александровский КК 1889, ПК 1891, АГШ 1897. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Капитан гвардии с 1903, полковник с 1910, генерал-майор с 1915. С 1911 старший штаб-офицер, а с 12 июля 1914 командир л.-гв. Преображенского полка, с 28 нояб. 1915 нач. штаба Гвардейского отряда, с 21 апр. 1916 командир 1-й бригады 1-й гвард. пех. дивизии, с 17 мая 1916 нач. штаба войск гвардии, с 14 апр. 1917 командующий Гвардейской стр. дивизией, с 29 апр. 1917 — 1-й гвард. пех. дивизией, с 31 июля 1917 в резерве чинов при штабе Киевского ВО. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915), Георгиевское оружие (1916). Во время Гражданской войны — в Вооруженных силах Юга России. На май 1920 в Югославии. В эмиграции в Болгарии. Ум. 20 фев. 1962 в Софии.

⁴² **Скобелев Матвей Иванович**, р. 1885 в Баку. Сын промышленника. Член РСДРП с 1903 г. член Государственной Думы (фракция меньшевиков). С фев. до 6 сент. 1917 член и тов. председателя исполкома Петроградского Совета, летом—осенью 1917 канд. в члены ЦК РСДРП. В 1922 вступил в РКП(б) и находился на советской работе в Москве. Расстрелян 29 июля 1938.

⁴³ **Церетели Ираклий Георгиевич**, р. 20 нояб. 1881 в Кутаисе. Из дворян. Обр.: гимназия, Московский университет (не окончил). Член РСДРП с 1903 г. (меньшевик). Член 2-й Государственной Думы. После фев. 1917 член исполкома Петроградского Совета, с 5 мая 1917 министр почт и телеграфов Временного правительства. С янв. 1918 в Грузии, член исполкома Национального совета Грузии, 1919—1920 член грузинской делегации на конференциях в Версале и Сан-Ремо. В эмиграции с 1921 во Франции, с 1940 в США. Ум. 21 мая 1959 в Нью-Йорке.

⁴⁴ **Колчак Александр Васильевич**, р. 4 нояб. 1874 в Санкт-Петербурге. Сын отставного генерал-майора корпуса морской артиллерии. Обр.: МК 1894. Капитан 1-го ранга с 1913, контр-адмирал с 1916, вице-адмирал с 1916. Участник ряда полярных экспедиций, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1904 командир миноносца «Сердитый», с 1906 в прикомандировании к Морскому Генеральному штабу, с 1908 начальник отдела того же штаба, затем командир транспорта «Вайгач», с 1911 начальник 1-й оперативной части Морского Генерального штаба, с 1912 командир эсминца «Уссуриец», с 1913 — эсминца «Пограничник», с 1914 флаг-капитан при командующем Балтийским флотом, с дек. 1915 начальник минной дивизии Балтийского флота, с 28 июня 1916 командующий Черноморским флотом, с июля 1917 в составе военно-морской миссии в США. Зол. оружие (1905). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Выдающийся ученый-гидрограф и полярный исследователь. Его именем назван остров у берегов Таймыра. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта, с 4 нояб. 1918 военный и морской министр Уфимской Директории, с 18 нояб. 1918 Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. Адмирал (с 18 нояб. 1918). Орд. Св. Георгия 3-й ст. (20 апр. 1919). 15 янв. 1920 выдан большевикам и расстрелян 7 фев. 1920 под Иркутском.

⁴⁵ **Баткин Федор Абрамович (Исаакович)**. Присяжный поверенный, матрос 2-й статьи. 1917 член Комитета Черноморского флота. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии. В эмиграции, в 1920 вернулся в СССР.

⁴⁶ **Лечицкий Платон Алексеевич**, р. 18 мар. 1856. Сын священника. Обр.: Литовская духовная семинария (не окончил), Варшавское ПЮУ 1880, ОСШ. Офицер 39-го пех. рез. кадрового батальона. Подполковник с 1896, полковник с 1900, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1913. Участник китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. 1901—1905 командир 1-го и 10-го Восточно-Сибирских, 7-го Кавказского и 24-го Восточно-Сибирского стрелковых полков, 1905—1906 командир 1-й бригады 6-й Восточно-Сибирской стр. дивизии и командующий той же дивизией, с 1906 командующий 1-й гвард. пех. дивизией, с 1908 командир 18-го арм. корпуса, с 1910 командующий войсками Приамурского ВО и атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск, с 9 авг. 1914 командующий 9-й армией. С 18 апр. 1917 в отставке. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1904). Зол. оружие (1904). Летом 1918 член антисоветской организации в Петрограде. Ум. 18 фев. 1923 в тюрьме в Москве.

⁴⁷ **Суханов (Гиммер) Николай Николаевич**, р. 27 нояб. 1882 в Москве. Сын железнодорожного служащего. Обр.: 1-я Московская гимназия 1902, Московский университет (не окончил). Эсер, с 1903 активный член

революционного движения, масон. После фев. 1917 член исполкома Петроградского Совета, с марта 1917 меньшевик. После большевистского переворота член ВЦИК (исключен 14 июня 1918), 1919—1920 в советских органах, 1920 член РВС 1-й трудовой армии. В мар. 1931 осужден на 10 лет тюрьмы (1935 заменена ссылкой). Арестован 1937, расстрелян 29 июня 1940.

⁴⁸ **Каледин Алексей Максимович**, р. 12 окт. 1861. Из дворян Области Войска Донского, сын майора. Обр.: Воронежская ВГ 1879, МАУ 1882, АГШ 1889. Офицер артиллерии Забайкальского каз. войска, затем на должностях Генерального штаба. Капитан с 1891, подполковник с 1895, полковник с 1899, генерал-майор с 1907, генерал-лейтенант с 1913, генерал от кавалерии с 1917. С 1903 начальник Новочеркасского каз. юнкерского училища, с 1906 пом. начальника штаба Донского каз. войска, с 1910 командир 2-й бригады 11-й кав. дивизии, с 1912 начальник той же дивизии, с мар. 1915 командир 2-го кавалерийского корпуса, с 18 июня 1915 — 41-го арм. корпуса, с 5 июля 1915 — 12-го арм. корпуса, с 20 мар. 1916 командующий 8-й армией, с 29 апр. 1917 член Военного совета, с 19 июня 1917 войсковой атаман Донского каз. войска. Георгиевское оружие (1914). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1914) и 3-й ст. (1915). Не признав власти большевиков, пытался организовать оборону от них Дона. Застрелился 29 янв. 1918 в Новочеркасске.

⁴⁹ **Князь Трубецкой Григорий Николаевич**, р. 14 сен. 1873 в им. Ахтырка Московской губ. Действительный статский советник МИД, российский представитель в Сербии. 1917—1918 член Совета общественных деятелей, летом 1918 член и руководитель «Правого центра» в Москве. В Добровольческой армии 1917—1918, во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; помощник министра иностранных дел правительства ген. Врангеля. Ум. 6 янв. 1930 в Кламаре (Франция).

⁵⁰ **Терещенко Михаил Иванович**, р. 18 мар. 1886 в Киеве. Сын сахарозаводчика. Обр.: Киевский университет, Лейпцигский университет. Владелец сахарных заводов и издательства «Сирин». Член Государственной Думы. Масон. 1915—1917 председатель Киевского областного Военно-промышленного комитета. Министр финансов в первом составе Временного правительства, с 5 мая 1917 министр иностранных дел. С 25 окт. 1917 и до весны 1918 в заключении в Петрограде. В эмиграции во Франции. Ум. 1 апр. 1956 в Монако.

⁵¹ **Носков Петр Алексеевич**, р. 11 нояб. 1867. Сын подполковника. Обр.: Харьковская гимназия 1888, Киевское ПЮУ 1891. Офицер Новогеоргиевского креп. батальона и 35-го пех. полка (до 1914). Участник Русско-японской войны. Подполковник с 1905, полковник с 1910, генерал-майор с 1915. С 16 авг. 1914 командир 239-го пех. полка, с 3 июля 1915 командир бригады 71-й пех. дивизии, с 21 авг. 1915 — 60-й

пех. дивизии, с 29 янв. 1917 командующий 184-й пех. дивизией. Зол. оружие (1905). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Убит революционными солдатами осенью 1917.

⁵² **Савинков Борис Викторович**, р. 19 янв. 1879 в Харькове. Сын судьи. Обр.: гимназия в Варшаве, Санкт-Петербургский университет (не окончил). В революционном движении с конца 1890-х, с 1903 эсер, один из руководителей боевой организации партии эсеров. В 1917 комиссар 8-й армии, затем — Юго-Западного фронта, с 19 июля 1917 товарищ военного министра и управляющий военным министерством Временного правительства. 1918 создатель и возглавитель Союза защиты Родины и Свободы, затем представитель адм. Колчака в Париже, 1920 председатель Русского политического комитета в Польше. После нелегального прибытия в СССР в авг. 1924 арестован и осужден. Убит в тюрьме 7 мая 1925 в Москве.

⁵³ **Чернов Виктор Михайлович**, р. 19 нояб. 1873 в Камышине. Из дворян. Обр.: гимназия, Московский университет (юридический факультет) 1894. В революционном движении с конца 1880-х. Лидер партии эсеров. С 5 мая 1917 министр земледелия Временного правительства. С сен. 1918 член Комуча. В эмиграции в США. Ум. 15 апр. 1952 в Нью-Йорке.

⁵⁴ **Крымов Александр Михайлович**, р. 23 окт. 1871. Из дворян Варшавской губ., сын чиновника. Обр.: Псковский КК 1890, ПВУ 1892, АГШ 1902. Офицер 6-й арт. бригады, затем на должностях Генерального штаба; подполковник с 1904, полковник с 1908, генерал-майор с 1914, генерал-лейтенант с 1917. С 1911 командир 1-го Аргунского полка Забайкальского каз. войска, с 1913 и. д. генерала для поручений при командующем войсками Туркестанского ВО, с 18 авг. 1914 — при штабе 2-й армии, с 7 сен. 1914 командир бригады 2-й Кубанской каз. дивизии, с 27 мар. 1915 начальник Уссурийской конной бригады, с 18 дек. 1915 командующий Уссурийской конной дивизией, с 7 апр. 1917 командир 3-го конного корпуса. Георгиевское оружие (1914). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1916). В авг. 1917 поддержал выступление ген. Л. Г. Корнилова против Временного правительства. Застрелился 31 авг. 1917 в Петрограде.

⁵⁵ **Родичев Федор Измаилович**, р. 9 фев. 1854 в Вельегонском уезде. Из дворян Тверской губ. Обр.: Санкт-Петербургский университет (юридический факультет) 1876. Статский советник. Вельегонский уездный предводитель дворянства. Член Государственной Думы, один из лидеров партии кадетов. В марте—мае 1917 министр по делам Финляндии Временного правительства. 1918 член «Национального центра» и СГОР. В Вооруженных силах Юга России; член делегации в Сербию. В эмиграции в Швейцарии. Ум. 1933 в Лозанне.

⁵⁶ **Львов Владимир Николаевич**, р. 2 апр. 1872. Из дворян Самарской губ. Обр.: Московский университет. Земский деятель. Октябрист. Член Государственной Думы (член «Прогрессивного блока»). С 2 мар. по 21 июля 1917 обер-прокурор Святейшего Синода. Во время Гражданской войны отступал с белыми войсками Восточного фронта. В эмиграции с янв. 1920 в Японии, затем во Франции. 1922 вернулся в СССР («сменовеховец»). Арестован 2 фев. 1927 и выслан в Томск. Ум. 1934.

⁵⁷ Генералы и офицеры, арестованные по обвинению в участии в выступлении ген. Корнилова, содержались в тюрьме г. Быхова.

⁵⁸ **Филоненко Максимилиан Максимилианович**, р. 1880. Сын офицера. Обр.: Санкт-Петербургский политехнический институт. Штабс-капитан, комиссар Ставки Верховного главнокомандующего. 1918 член антисоветской организации в Петрограде. В белых войсках Северного фронта летом — нояб. 1918. В эмиграции во Франции. Ум. в нач. авг. 1960 в Париже.

⁵⁹ **Добрынский И. А.** В Добровольческой армии; оставлен для подпольной работы в Ростове, глава подпольной офицерской группы, руководитель выступления 19 апр. 1918 в Ростове.

⁶⁰ **Аладьин Алексей Федорович**, р. 15 мар. 1873 в с. Новиково Самарской губ. Из крестьян. Обр.: 3-я Казанская гимназия, Казанский университет. Член Государственной Думы, журналист, общественный деятель. Лейтенант английской армии. Летом 1917 поддерживал связь с ген. Корниловым. Участник выступления ген. Корнилова, быховец. Участник Степного похода. Во ВСЮР и Русской Армии (апр. 1920 в Севастополе). Участник организации эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне. Ум. 30 июля 1927 в Лондоне.

⁶¹ **Завойко Василий Степанович**. Обр.: Александровский лицей 1895. Гайсинский предводитель дворянства. Прапорщик Текинского конного полка, адъютант ген. Л. Г. Корнилова. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 на Дальнем Востоке, с лета 1920 начальник личной канцелярии атамана Г. М. Семенова. В эмиграции в США (в Нью-Йорке). Ум. после 1929.

⁶² **Некрасов Николай Виссарионович**, р. 1 фев. 1879 в Санкт-Петербурге. Сын священника. Обр.: Санкт-Петербургский институт путей сообщения 1902. Инженер путей сообщения. Член Государственной Думы. Масон. С 2 мар. по 2 июля 1917 министр транспорта Временного правительства, 8—21 и с 24 июля 1917 заместитель премьер-министра и министр финансов, с сен. 1917 генерал-губернатор Финляндии. С нояб. 1917 проживал в Казани, работал в кооперативе. 13 апр. 1921 арестован, отправлен в Москву в Особый отдел ВЧК, позднее переведен в Бутырскую тюрьму. Затем на советской службе. Арестован 3 нояб. 1930, приговорен к заключению в лагерь и отправ-

лен на строительство Белбалтканала. Вновь арестован 13 июня 1939. Расстрелян 7 мая 1940.

⁶³ **Клембовский Владислав Наполеонович**, р. 28 июня 1860. Брат Артура-Оскара Наполеоновича. Обр.: 1-я Московская ВГ 1877, АБУ 1879, АГШ 1885. Офицер л.-гв. Измайловского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1890, полковник с 1894, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1912, генерал от инфантерии с 1915. В 1897—1901 нач. штаба 7-й пех., 11-й кав. и 31-й пех. дивизий, с 1901 командир 122-го пех. полка, с 1904 нач. штаба 4-го, с 1906 — 10-го арм. корпуса, с 1912 начальник 9-й пех. дивизии, с 13 окт. 1914 командир 16-го арм. корпуса, с 13 дек. 1915 нач. штаба Юго-Западного фронта (дек. 1915 — янв. 1916 был командующим 5-й армией), с окт. 1916 командующий 11-й армией, с 20 дек. 1916 пом. начальника штаба, с 11 мар. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 28 мар. 1917 член Военного совета, с 31 мая 1917 главнокомандующий армиями Северного фронта, с 9 сен. 1917 член Военного совета. В 1918 мобилизован большевиками. Арестован в авг. 1920. Ум. 19 июля 1921 в советской тюрьме.

⁶⁴ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сен. 1869 в Санкт-Петербурге. Обр.: Александровский КК 1887, ПВУ 1889, ОКШ. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Есаул гвардии с 1906 (1909 переименован в войсковые старшины), полковник с 1910, генерал-майор с 1914. С 1911 командир 1-го Сибирского каз. полка, с 1913 — командир 10-го Донского каз. полка, с 1 апр. 1915 командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, с 16 сен. 1915 командующий 2-й каз. сводной дивизией, с 10 июня 1917 — 1-й Кубанской каз. дивизией, с 24 авг. 1917 командир 3-го конного корпуса. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Известный военный писатель. С 25 ок. 1917 возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. С 3 мая 1918 по 2 фев. 1919 войсковой атаман ВВД. Генерал от кавалерии (26 авг. 1918). С 22 июля 1919 в Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии. Автор воспоминаний, «Исторических очерков Дона» (1944), а также свыше 20 исторических и иных романов. С 31 мар. 1944 начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в мае 1945 и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 янв. 1947.

⁶⁵ **Новосильцев Леонид Николаевич**, р. 9 июля 1872. Из дворян Калужской губ. Обр.: Нижегородский кадетский корпус 1889, Михайловское артиллерийское училище 1892, Военно-юридическая академия 1900. Подполковник, командир 19-й ополченской батареи, член Государственной Думы, председатель Главного комитета Союза офицеров. Быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник (с июня 1918). В эмиграции в Югославии,

член Общества офицеров-артиллеристов; с мар. 1922 член ЦК «Русского народно-монархического союза». 10 янв. 1923 — 1 сен. 1926 преподаватель Первого русского кадетского корпуса. Ум. 22 окт. 1934 в Сараево (Югославия).

⁶⁶ **Роженко Владимир Ефремович**, р. 1887. Из крестьян. Обр.: 5-я Санкт-Петербургская гимназия, Михайловское артиллерийское училище 1909, академия Генштаба 1914. Капитан, и. д. младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений особого делопроизводства управления генерал-квартирмейстера при Ставке ВГК, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917; янв. 1918 начальник оперативного отдела штаба ВВД. Подполковник. Направлен с поручением в Москву. Убит 22 мар. 1918 около ст. Великокняжеской.

⁶⁷ **Лембич Мечислав Станиславович**, р. 21 фев. 1890 в Бендерах. Сын нефтепромышленника. Реальное училище. Военный корреспондент «Русского слова». В Добровольческой армии и ВСЮР, издатель-редактор газеты армии. Георг. крест 4 ст. В белых войсках Восточного фронта с 1919; участник Сибирского «Ледяного» похода. В эмиграции в Китае. Редактор газеты «Заря», к 1928 сотрудник «Казны Вел. князя Николая Николаевича». Ум. 29 нояб. 1932 в Шанхае.

⁶⁸ **Самарин Сергей Николаевич**, р. 15 мая 1877 в Кронштадте. Из потомственных почетных граждан. Обр.: Николаевский кадетский корпус 1895, Михайловское артиллерийское училище 1898, академия Генштаба 1910, Офицерская кавалерийская школа 1911. Офицер конной артиллерии, 4-го уланского полка и штаба 2-й кавалерийской дивизии, и. д. начальника штаба Уссурийской конной дивизии. Генерал-майор, начальник кабинета военного министра, командующий войсками Иркутского военного округа. Георгиевский кавалер. Участник восстания в Иркутске в дек. 1917. В белых войсках Северного фронта; с 22 авг. 1918 2-й помощник начальника военного отдела ВУСО, с 18 сен. 1918 начальник военного управления ВУСО, сен.—окт. до 3 нояб. 1918 помощник генерал-губернатора Северной области по военной части, затем начальник управления командующего войсками и начальник штаба командующего русскими войсками Северной области, затем командир роты Славяно-британского легиона, 20 нояб. 1918 — 6 окт. 1919 во французском Иностранном легионе, с лета 1919 во Франции. В Северо-Западной армии с 18 окт. 1919; с 29 окт. 1919 начальник походной канцелярии Главнокомандующего, с нояб. 1919 и. д. начальника штаба 1-го корпуса, с 23 нояб. 1919 — 21 янв. 1920 начальник штаба армии. В эмиграции во Франции. Ум. 1 сен. 1942 близ Теннера.

⁶⁹ **Дитерихс Михаил Константинович**, р. 1874. Из дворян, сын офицера. Обр.: ПК 1894, АГШ 1900. По окончании академии — на

должностях Генерального штаба. Подполковник с 1905, полковник с 1909, генерал-майор с 1914, генерал-лейтенант с 1917. С 1913 начальник отделения ГУГШ, с 23 авг. 1914 генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 30 сен. 1914 ген.-кварт. 3-й армии, с 1 апр. 1915 — Юго-Западного фронта, с 28 мая 1916 командир 2-й Особой пех. бригады во Франции, с июля 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО, с 10 сен. 1917 генерал-квартирмейстер, а с 3 нояб. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего. Георгиевское оружие (1915). 8 нояб. 1917 уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до янв. 1919), с которым начал белую борьбу. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта (1918—1922); в июне 1922 избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати. В эмиграции в Китае, начальник Дальневосточного отдела РОВС. Автор труда «Убийство царской семьи и дома Романовых на Урале» (т. 1—2). Ум. 8 окт. 1937 в Шанхае.

⁷⁰ **Марков Сергей Леонидович**, р. 7 июля 1878. Обр.: 1-й Московский КК 1895, КАУ 1898, АГШ 1904. Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1890, подполковник с 1909, полковник с 1913, генерал-майор с 1916, генерал-лейтенант с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1911 преподаватель академии Генштаба, с авг. 1914 начальник отделения управления генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, с дек. 1914 нач. штаба 4-й стр. дивизии, с 1915 командир 13-го стр. полка, с 20 апр. 1916 нач. штаба 2-й Кавказской каз. дивизии, с 1 янв. 1917 генерал для поручений при командующем 10-й армией, с 15 апр. 1917 начальник 10-й пех. дивизии, с 12 мая 1917 2-й ген.-кварт. Ставки Верховного главнокомандующего, с 10 июня 1917 нач. штаба Западного, а с 4 авг. 1917 — Юго-Западного фронтов. Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917, с 24 дек. 1917 начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с янв. 1918 начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 фев. 1918 командир Сводно-офицерского полка, с апр. 1918 командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 у ст. Шаблиевка.

⁷¹ **Верховский Александр Иванович**, р. 27 нояб. 1886 в Санкт-Петербурге. Из дворян Смоленской губ. Обр.: ПК 1905 (не окончил), АГШ 1911. Произведен в офицеры за боевое отличие 1905. По окончании академии — на должностях Генерального штаба; подполковник с 1915, 1914—1915 в штабах 3-й Финляндской стр. бригады, 22-го арм. корпуса, 9-й и 7-й армий, с мар. 1916 нач. штаба десантного отряда, предназна-

ченного для овладения Трапезундом, затем пом. русского представителя при румынской главной квартире, с 31 дек. 1916 пом. флаг-капитана по сухопутной части штаба начальника высадки Черного моря, с 16 фев. 1917 нач. штаба отдельной Черноморской дивизии, с 31 мая командующий войсками Московского ВО (с пр-вом в полковники), с 30 авг. 1917 военный министр (с пр-вом в генерал-майоры). Арестовывался летом 1918, с 1919 в РККА, 1920—1922 главный инспектор ГУВУЗ. В 1931 осужден к расстрелу с заменой 10 лет лагерей по делу «Весна» (освобожден в 1934). Комбриг. Расстрелян 19 авг. 1938.

⁷² **Орановский Владимир Алоизович**, р. 7 янв. 1866. Сын Алоизия Казимировича. Обр.: ПК 1884, АГШ 1891. Офицер л.-гв. Драгунского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1892, подполковник с 1895, полковник с 1899, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1910, генерал от кавалерии с 1914. Участник китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1896 заведующий передвижением войск Приамурского района, с 1899 штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской стр. бригады, с 1904 ген.-кварт. штаба Приамурского ВО, с 1905 ген.-кварт. штаба войск, действующих против Японии, с 1907 начальник 2-й отдельной кав. бригады, с 1908 нач. штаба генерал-инспектора кавалерии, с 1910 начальник 14-й кав. дивизии, с 1913 нач. штаба Варшавского ВО, с 19 июля 1917 нач. штаба Северо-Западного фронта, с 31 янв. 1915 командир 1-го кавалерийского корпуса, с 19 апр. 1917 командир 42-го арм. корпуса, с 26 июля 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО, с 9 авг. 1917 в расп. главнокомандующего армиями Северного фронта. Зол. оружие (1905). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1907). Убит революционными солдатами 29 авг. 1917 в Выборге.

⁷³ **Романовский Иван Павлович**, р. 16 апреля 1877 в Луганске. Из дворян, сын офицера. Обр.: 2-й Московский КК 1897, КАУ 1899, АГШ 1903. Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1908, полковник с 1912, генерал-майор с 1916. С авг. 1914 нач. штаба 25-й пех. дивизии, с 6 авг. 1915 командир 206-го пех. полка, затем нач. штаба 52-й пех. дивизии, с 14 окт. 1916 ген.-кварт. 10-й армии, с 9 апр. 1917 нач. штаба 8-й армии, с 10 июня 1917 1-й ген.-кварт. Ставки Верховного главнокомандующего. Георгиевское оружие (1914). В Добровольческой армии с нояб. 1917, с дек. 1917 начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с фев. 1918 начальник штаба Добровольческой армии, с 8 янв. 1919 начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР, затем помощник Главнокомандующего ВСЮР; уволен 20 мар. 1920. Генерал-лейтенант (с 12 нояб. 1918). Убит 5 апр. 1920 в Константинополе.

⁷⁴ **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич**, р. 2 июня 1877. Обр.: Александровский КК 1895, КВУ 1898, АГШ 1905. Офицер л.-гв. 1-й арт. бригады, состоял в прикомандировании к л.-гв. Семеновскому полку, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1911, полковник с 1914, генерал-майор с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 20 дек. 1914 старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, с 17 дек. 1915 командир 202-го пех. полка, с 13 янв. 1917 заведующий офицерами, обучающимися в академии Генштаба, с 3 фев. 1917 генерал для поручений Ставки Верховного главнокомандующего, с 10 июня — 2-й ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 10 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. В Добровольческой армии с дек. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии; с 27 нояб. 1918 генерал-квартирмейстер штаба армии, янв. 1919 по фев. 1920 генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР. Генерал-лейтенант (13 фев. 1919). В эмиграции с 22 мар. 1920 в Югославии, член Общества офицеров Генерального штаба, затем во Франции. Ум. 9 фев. 1926 в Париже.

⁷⁵ **Пронин Василий Михайлович**, р. 22 фев. 1882. Из дворян Черниговской губ., сын тайного советника. Обр.: Нежинское городское училище, Чугуевское военное училище 1904, академия Генштаба 1913. Подполковник, штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при Ставке Верховного главнокомандующего, товарищ председателя Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. Во ВСЮР с 22 сен. 1918 помощник начальника управления Генерального штаба, с 1 окт. 1918 помощник начальника части Генерального штаба Военного и Морского отдела в Русской Армии редактор газеты «Военный Голос» до эвакуации Крыма. Полковник (до окт. 1918). В эмиграции в Югославии, начальник канцелярии Государственной комиссии в Белграде. 1921 основатель и председатель Общества ревнителей военных знаний, учредитель Военно-научного института и Археологического общества в Белграде, член правления Общества офицеров Генерального штаба, 1921—1941 редактор «Военного Сборника», 1930—40 редактор газеты «Русский Голос», 1933—1938 редактор газеты «Первопоходник», преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде. С 1948 в Бразилии. Ум. 30 янв. 1965 в Сан-Пауло (Бразилия). Автор книг: Последние дни царской ставки. Белград, 1929; Крымская война. Сан-Пауло, 1954; Во имя правды о Белом движении и его вождях. Сан-Пауло, 1954.

⁷⁶ **Сахаров Константин Вячеславович**, р. 18 мар. 1881. Обр.: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1898, Николаевское инже-

нерное училище 1901, академия Генштаба 1908. Офицер 8-го саперного батальона. Полковник. В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 (бежал из Астраханской тюрьмы). С 2 нояб. 1918 во Владивостоке, в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 15 нояб. 1918 генерал-майор, с 23 нояб. 1918 начальник гарнизона Русского Острова, с 5 дек. 1918 начальник Учебно-инструкторской школы, с 29 мар. 1919 генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 20 мая 1919 начальник штаба, с 20 июня командующий Западной армией, с 14 июля 1919 — 3-й армией, с 10 окт. 1919 командующий Московской группой армий, с 4 нояб. 1919 главнокомандующий армиями Восточного фронта, с 9 дек. 1919 в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 23 янв. 1920 (с дек. 1919) до 22 фев. 1920 снова командующий 3-й армией. Генерал-лейтенант (с окт. 1919). Орд. Св. Владимира 3 ст. (7 мая 1919). Орд. Св. Георгия 3-й ст. (12 сен. 1919). В эмиграции в Германии, к 1 окт. 1921 член Общества взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота. Ум. 23 фев. 1941 в Берлине. Автор книг: Чешские легионы в Сибири. Берлин, 1930; Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.

⁷⁷ **Шабловский Иосиф Сигизмундович**, р. 27 дек. 1873. Из дворян. Обр.: Митавская гимназия, Московский университет. Адвокат. С 1917 главный военно-морской прокурор. В эмиграции в Латвии. Ум. 30 окт. 1934 в Риге. Автор воспоминаний.

⁷⁸ **Мельников Николай Михайлович**, р. 23 сен. 1882. Из казаков ст. Качалинской Области Войска Донского. Обр.: Гимназия в Царицыне, Московский университет. Председатель съезда мировых судей. 1917 председатель Войскового Круга, член, с дек. 1917 товарищ председателя, а с дек. 1919 председатель Донского правительства, с мар. 1920 председатель Южно-Русского правительства. В эмиграции во Франции (Париж), председатель Общеказачьего союза. 1929—1931 редактор журнала «Родимый Край», 1933—1934 редактор журнала «Казак». Ум. 11 дек. 1972 в Аржантее (Франция). Автор книг: Ермак Тимофеевич. Париж, 1961; А. М. Каледин герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Париж, 1968.

⁷⁹ **Богаевский Митрофан Петрович**, р. 1881. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера, казак ст. Каменской. Обр.: Новочеркасская гимназия 1903, Санкт-Петербургский университет 1911. Директор гимназии в ст. Каменской. С 18 июня 1917 помощник войскового атамана ВВД и председатель Войскового Круга. Расстрелян большевиками 1 или 10 апр. 1918 в Ростове.

⁸⁰ **Авксентьев Николай Дмитриевич**, р. 29 нояб. 1878 в Пензе. Из дворян. Обр.: Московский университет (не окончил). Эсер. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 член Директории. 1918—1919 член

«Союза возрождения России». В эмиграции 1920—1921 член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. В эмиграции во Франции, с 1940 в США. Ум. 4 мар. 1943 в Нью-Йорке.

⁸¹ **Духонин Николай Николаевич**, р. 1 дек. 1876. Из дворян, сын полковника. Обр.: Киевский КК 1894, АБУ 1896, АГШ 1902. Офицер л.-гв. Литовского полка; подполковник с 1907, полковник с 1911, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917. С 1912 старший адъютант штаба Киевского ВО, с 2 сен. 1914 старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, с 20 апр. 1915 командир 165-го пех. полка, с 8 сен. 1915 генерал для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта, с 22 дек. 1915 пом. генерал-квартирмейстера, с 5 июня 1916 генерал-квартирмейстер, с 29 мая 1917 и. д. начальника штаба того же фронта, с 4 авг. 1917 нач. штаба Западного фронта, сен. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 1 нояб. 1917 врио Главнокомандующего. Георгиевское оружие (1915). Орд. Св. Георгия 4-й (1915) и 3-й ст. (1916). Убит большевиками 20 нояб. 1917 в Могилеве.

⁸² **Прокопович Сергей Николаевич**, р. 28 июля 1871 в Царском Селе. Из дворян, сын генерал-майора. Обр.: Брюссельский университет 1899. Член ЦК партии кадетов. С 14 июля 1917 министр торговли и промышленности, с 25 сен. 1917 — министр продовольствия Временного правительства. В эмиграции в Швейцарии. Ум. 4 апр. 1955 в Женеве.

⁸³ **Неженцев Митрофан Осипович (Иосифович)**, р. 1886. Сын коллежского асессора. Обр.: Николаевская гимназия, Александровское военное училище 1908, академия Генштаба 1914. Подполковник, командир 1-го Ударного полка. Участник боев в Киеве окт. 1917. В Добровольческой армии; 19 дек. 1917 привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского ударного полка. Полковник. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 мар. 1918 под Екатеринодаром.

⁸⁴ Самокатными тогда назывались части велосипедистов.

⁸⁵ **Новицкий Василий Федорович**, р. 18 мар. 1869. Из дворян Смоленской губ. Обр.: МАУ 1889, АГШ 1895. По окончании академии — на должностях Генерального штаба, подполковник с 1901, полковник с 1905, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917. С 1906 делопроизводитель ГУГШ, с 1911 командир 120-го пех. полка, сен. 1914 ген.-квартирмейстер 1-й армии, с 21 мар. 1915 начальник 5-й стр. бригады, с 22 окт. 1915 начальник 73-й пех. дивизии, с 20 мар. 1917 пом. военного министра, с 9 мая — в расп. военного министра, с 17 июля командир 2-го Сибирского арм. корпуса. С 1918 в РККА, преподаватель военной академии. Ум. в янв. 1929 в Москве.

⁸⁶ **Печерский Яков Борисович**. Меньшевик. В 1917 член Петроградского Совета, член Предпарламента от 10-й армии.

⁸⁷ **Иков Владимир Константинович** (он же В. Миров). В сент. 1917 член Предпарламента.

⁸⁸ **Бильдюкевич Антон Викторович**. Эсер. В 1917 — член Предпарламента.

⁸⁹ **Сизиков Владимир Семенович**. В 1917 — член Предпарламента от земства.

⁹⁰ **Кульман Николай Карлович**. В 1917 — член Предпарламента от торговли и промышленности.

⁹¹ **Кускова Екатерина Дмитриевна**, р. 1869 в Уфе. Дочь чиновника. С 1880-х в народническом движении. С 1900 член «Союза освобождения». Жена С. Н. Прокоповича. После фев. 1917 — деятель кооперативного движения, член Предпарламента. 1922 выслана за границу. Ум. 22 дек. 1958 в Женеве.

⁹² **Малевский Арсентий Дмитриевич**. В 1917 — член Предпарламента от 4-й армии.

⁹³ **Дмитриенко Петр Петрович**. Член партии кадетов. В 1917 — член Предпарламента.

⁹⁴ **Струве Петр Бернгардович**, р. 26 янв. 1870 в Перми. Из дворян, сын Пермского губернатора. Обр.: Санкт-Петербургский университет 1885. Профессор Санкт-Петербургского политехнического института. 1917—1918 член «Совета общественных деятелей», «Правого центра» в Москве, 1918—1919 член «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; 1919 редактор газеты «Великая Россия», член Особого совещания, с 29 мар. 1920 начальник управления внешних сношений правительства ген. Врангеля. В эмиграции в Югославии, преподаватель экономики Высших военно-научных курсов в Белграде, затем во Франции. Ум. 22 фев. 1944 в Париже.

⁹⁵ **Савич Никанор Васильевич**, р. 22 дек. 1869. Член Государственной Думы. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 представитель Главнокомандующего ВСЮР в конфедерации казачьих войск; член Особого совещания. Эвакуирован в 1920 из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В Русской Армии до эвакуации Крыма; министр госконтроля правительства ген. Врангеля. В эмиграции во Франции, 1920—1921 член «Делового комитета» по помощи Русской Армии. Ум. 1 мар. 1942.

⁹⁶ **Дан (Гурвич) Федор Ильич**, р. 19 окт. 1871 в Санкт-Петербурге. Сын аптекаря. Обр.: Юрьевский университет 1895. Врач. В революционном движении с 1894 г. Член и один из руководителей «Союза борьбы за освобождения рабочего класса». Меньшевик. После фев. 1917 — член бюро исполкома Петроградского Совета. 1918 член ВЦИК. Арестовывался, 1922 выслан за границу. Ум. 22 янв. 1947 в Нью-Йорке.

⁹⁷ **Винавер Максим Моисеевич**, р. 1863 в Варшаве. Адвокат, кадет. С нояб. 1918, весной 1919 министр внешних сношений Крымского Кра-

евого правительства. В эмиграции с апр. 1919, 1920—1921 член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Ум. 10 окт. 1926 в Ментон-сюр-Бернаре (Франция).

⁹⁸ **Антонов** (наст. фам. **Овсеенко**) **Владимир Александрович**, р. 9 мар. 1883 в Чернигове. Сын офицера. Обр.: Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище 1904. Исключен из службы и приговорен к расстрелу за участие в мятежах 1905 г. в Севастополе и Польше. С мая 1917 большевик, член Военной организации при ЦК РСДРП(б). Один из руководителей большевистского переворота в Петрограде, затем на военно-политических постах в РККА. После Гражданской войны — на дипломатической работе. Арестован 13 окт. 1937. Расстрелян 10 фев. 1938.

⁹⁹ **Полковников** **Георгий Петрович**, р. 23 фев. 1883. Из казаков ст. Кривянской. Обр.: Сибирский кадетский корпус 1902, Михайловское артиллерийское училище 1904, академия Генштаба 1912. Офицер артиллерии Донского казачьего войска. Офицер штаба 11-й кавалерийской дивизии. Полковник, командующий войсками Петроградского военного округа. Участник сопротивления большевикам в Петрограде. Повешен большевиками в мар. 1918 в Задонской степи на зимовнике Безуглова.

¹⁰⁰ **Гоц** **Абрам Рафаилович**, р. 1882 в Москве. Из купцов. Обр.: реальное училище в Москве, Берлинский университет (не окончил). В революционном движении с 1896, с 1906 член боевой организации партии эсеров. После фев. 1917 организатор Иркутского Совдепа, с 29 мар. 1917 член исполкома Петроградского Совета. С весны 1918 член «Союза возрождения», участник антибольшевистского подполья. 1920 арестован и осужден к расстрелу с заменой заключением на 5 лет. 20 июня 1939 осужден на 25 лет лагерей. Ум. 4 авг. 1940 в лагере в Красноярском крае.

¹⁰¹ **Коновалов** **Александр Иванович**, р. 17 сен. 1875 в Москве. Из купцов. Обр.: Костромская гимназия, Московский университет 1895 (не окончил). Мануфактур-советник. Министр торговли и промышленности Временного правительства (2 мар. — 8 мая 1917). В эмиграции во Франции. 1920—1921 член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Ум. 28 янв. 1949 в Париже.

¹⁰² **Рябцев** **Константин Иванович**, р. 1879. Из крестьян. Обр.: Тифлисское пехотное юнкерское училище 1904, академия Генштаба 1912. Генштаба полковник, командующий войсками Московского военного округа. Возглавлял сопротивление большевикам в Москве в окт. 1917, в ходе которого 29 окт. подписал с большевистским ВРК соглашение о прекращении военных действий и фактически прекратил руководство сопротивлением. Арестован и расстрелян 29 июля 1919 в Харькове.

¹⁰³ **Черемисов** **Владимир Андреевич**, р. 9 мая 1871. Обр.: Бакинское реальное училище 1889, Московское ПЮУ 1891, АГШ 1899. Офицер 12-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального

штаба. Подполковник с 1904, полковник с 1908, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917, генерал от инфантерии с 1917. С 1908 нач. штаба 7-й кав. дивизии, с 1911 преподаватель академии Генштаба, с лета 1914 командир 120-го пех. полка, с 8 апр. 1915 ген.-кварт. 12-й армии, с 6 фев. 1916 командир бригады 32-й пех. дивизии, с 12 июля 1916 генерал для поручений при командующем 7-й армией, с 31 мар. 1917 начальник 159-й пех. дивизии, с 12 апр. 1917 командир 12-го арм. корпуса, с 7 июля 1917 командующий 8-й, с 11 авг. 1917 — 9-й армиями, с 9 сен. 1917 Главнокомандующий армиями Северного фронта. Орд. Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевское оружие (1914). Автор трудов: Основы современного военного искусства (1909), Русско-японская война 1904—1905 (1909), Основы германской тактики (1914) и воспоминаний. В эмиграции с 1918 в Дании, с 1930-х во Франции. Ум. после 1937.

¹⁰⁴ **Краковецкий Аркадий Антонович**, р. 1884. Обр.: Кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище 1905. Офицер Варшавской крепостной артиллерии (с 1908 в отставке), с мая 1917 подполковник. Руководитель восстаний юнкеров 27—29 окт. 1917 в Петрограде и в дек. 1917 в Иркутске. В белых войсках Восточного фронта; с фев. 1918 военный министр Временного Сибирского правительства в Томске, с мар. 1918 в Харбине, затем во Владивостоке и Омске; авг. 1918 военный министр Временного правительства автономной Сибири. В 1919—1920 руководитель выступлений против адм. Колчака во Владивостоке, один из членов руководства «земской» власти Приморья в янв.—фев. 1920. 16 фев.—7 апр. 1920 командующий сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы. 1921 в партизанском отряде, 1922 судим на процессе эсеров в Москве. Затем на советской службе, в 1928—1934 в ОГПУ. Расстрелян 1938.

¹⁰⁵ **Шингарев Андрей Иванович**, р. 19 авг. 1869 в с. Боровое Воронежской губ. Из купцов. Обр.: Московский университет 1891. Врач. Член Государственной Думы, один из лидеров партии кадетов. Убит большевиками 7 янв. 1918 в Петрограде.

¹⁰⁶ **Мельгунов Сергей Петрович**, р. 24 дек. 1879 в Москве. Из дворян. Обр.: Московский университет 1904, Лазаревский институт восточных языков (не окончил). Член партии кадетов, с 1907 — Народно-социалистической партии. 1918—1919 член «Союза возрождения» и «Тактического центра». Арестовывался 1918—1919, авг. 1920 приговорен к расстрелу, но 1922 выслан. В эмиграции во Франции. Историк. Председатель «Союза борьбы за свободу России». Ум. 26 мая 1956 в Шампиньи-сюр-Марн (деп. Сена).

¹⁰⁷ **Руднев Вадим Викторович**, р. 5 янв. 1879 в Воронежской губ. Эсер. Обр.: Московский университет (не окончил) 1902, Базельский университет. Военный врач. Московский городской голова, член Уч-

редительного Собрания. В 1917 — Московский городской голова, в окт. 1917 возглавил противостоящий большевикам Комитет общественной безопасности в Москве. Член СВР, апр. 1919 организатор Совета земств и городов Юга России. Эвакуирован из Одессы. В эмиграции во Франции. 1920—1921 член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Ум. 19 нояб. 1940 в По.

¹⁰⁸ **Вайнштейн Арон Исаакович**, р. 23 нояб. 1977 в Вильне. Сын приказчика. Обр.: Виленский учительский институт 1897. В революционном движении с 1893. Меньшевик. Член ЦК Бунда. После фев. 1917 председатель городской думы Минска, председатель Бунда. С 1920 член РКП(б). Арестован 9 фев. 1938. Ум. 12 фев. в тюрьме в Москве.

¹⁰⁹ **Чайковский Николай Васильевич**, р. 26 дек. 1850 в Вятке. Из дворян. Обр.: Санкт-Петербургский университет 1872. Руководитель Земгора. 1918 член Директории. 1918—1919 член «Союза возрождения». В авг. 1918 — мар. 1920 глава Временного правительства Северной области, с мар. 1920 член Совета министров Южно-Русского правительства, министр пропаганды и агитации. В эмиграции в Англии, 1920—1921 член Земгора (Российского Земско-городского комитета помощи беженцам). Ум. 30 апр. 1926 в Лондоне.

¹¹⁰ **Вальтер Ричард-Кирилл Францевич**, р. 15 окт. 1870. Обр.: Александровский КК 1888, НИУ 1890, АГШ 1897. Офицер 1-го железнодорожного батальона и 8-го саперного батальона, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1899, подполковник с 1903, полковник с 1907, генерал-майор с 1913, генерал-лейтенант с 1916. С 1906 пом. агента, а с 1911 военный агент в Китае, с 18 янв. 1915 командир бригады 7-й пех. дивизии, с 11 окт. 1915 нач. штаба 5-го арм. корпуса, с 29 мая 1916 начальник 7-й пех. дивизии, с 18 апр. 1917 нач. штаба Особой армии, с 31 авг. 1917 командир 42-го арм. корпуса, с 10 сен. 1917 нач. штаба Западного фронта. Георгиевское оружие (1916). Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, с 9 янв. 1922, на 1929 председатель Союза военнослужащих в Шанхае. Ум. в янв. 1945 в Шанхае.

¹¹¹ **Балуев Петр Семенович**, р. 21 июня 1857. Обр.: Киевская ВГ 1874, ПВУ 1876, АГШ 1882. Офицер Александропольской креп. артиллерии, по окончании академии — на должностях Генерального штаба; подполковник с 1888, полковник с 1892, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1910, генерал от инфантерии с 1915. С 1901 командир 127-го пех. полка, с 1904 командир 2-й бригады 16-й пех. дивизии, с окт. 1904 нач. штаба 6-го арм. корпуса, с 1910 начальник 17-й пех. дивизии, с 30 авг. 1914 командир 6-го арм. корпуса, с 9 нояб. 1914 в резерве чинов при штабе Минского ВО, с 6 дек. 1914 командир 5-го арм. корпуса, с 18 мар. 1917 командующий Особой армией, 9—19 июля

1917 — 11-й армией, 24–31 июля Главнокомандующий армиями Юго-Западного, 5 авг.—12 нояб. 1917 — Западного фронтов. Георгиевское оружие (1916). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1916). С 1918 в РККА, член Особого совещания, затем на научной работе. Ум. 1923.

¹¹² **Кусонский Павел Алексеевич**, р. 7 янв. 1880. Обр.: Полтавский кадетский корпус 1897, Михайловское артиллерийское училище 1900, академия Генштаба 1911. Офицер 10-й артиллерийской бригады. Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1918 генерал для поручений при Главнокомандующем, с 1 янв. 1919 генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с мая — Кавказской армии), летом — осенью 1919 начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии и. д. начальника гарнизона Симферополя, с авг. 1920 начальник штаба 3-го армейского корпуса, к окт. 1920 начальник штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем помощник начальника штаба Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 16 фев. 1922). В эмиграции в Югославии; 1923–1924 член Общества офицеров Генерального штаба, затем во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 начальник канцелярии РОВС, с 1938 в Бельгии. Арестован немцами 1941 в Брюсселе. Ум. 22 авг. 1941 в лагере Брендонк.

¹¹³ **Крыленко Николай Васильевич**, р. 2 мая 1885 в д. Бехтеево Сычевского уезда. Обр.: Санкт-Петербургский университет 1909 (экстерном). Член РСДРП с 1904. Прапорщик 13-го Финляндского стрелкового полка. После фев. 1917 член полкового, дивизионного и армейского (11-й армии) комитетов. После большевистского переворота 9 нояб. 1917 Верховный главнокомандующий. 1918 член ВЦИК, затем член коллегии Наркомюста, прокурор РСФСР. Расстрелян 29 июля 1938.

¹¹⁴ **Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович**, р. 23 июля 1883. Обр.: Симбирский кадетский корпус 1900, Николаевское кавалерийское училище 1902. Офицер 20-го драгунского полка. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В авг. 1917 член офицерской организации в Киеве. В Добровольческой армии; прибыл в Новочеркасск 2 нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант ген. Алексеева до сен. 1918. С 30 дек. 1918 начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста, затем адъютант ген. Деникина, с осени 1918 полковник. Во ВСЮР 17 июля–23 нояб. 1919 командир 2-го конного полка, с янв. 1920 генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Генерал-майор. 22 мар. 1920 выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии. Ум. 10 июня 1947 в Брюсселе.

¹¹⁵ **Соколов Борис Федорович**, р. 1893. Врач-бактериолог. Доцент Петроградского университета. Председатель военной комиссии ЦК партии эсеров, депутат Учредительного Собрания. В белых войсках Север-

ного фронта; с июля 1919 в Северной Области, в фев.—мар. 1920 член ВПСО. Арестовывался 1920, затем в эмиграции. Писатель и публицист (псевд. Борис Чужой).

¹¹⁶ **Кокошкин Федор Федорович**, р. 1871 в Холме. Из дворян, сын надворного советника. Обр.: Владимирская гимназия 1889, Московский университет 1893. Один из основателей и член ЦК партии кадетов. Убит большевиками 7 янв. 1918 в Петрограде.

¹¹⁷ **Князь Долгоруков Павел Дмитриевич**, р. 9 мая 1866 в Москве. Обр.: 1-я Московская гимназия, Московский университет 1890. Статский советник. Член Государственной Думы. 1918 член и тов. председателя «Национального центра». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 окт. 1918 в Осваге. Эвакуирован до авг. 1920 из Новороссийска. В эмиграции с 1920 в Константинополе, Белграде, Париже, Варшаве. 1921 член Русского Совета. Арестован 1926 в Харькове после перехода границы СССР. Расстрелян большевиками 9 июня 1927 в Москве.

¹¹⁸ **Аргунов Андрей Александрович**, р. 1866 в Иркутске. Эсер. В белых войсках Восточного фронта; 1918 член Директории. 1918—1919 член «Союза возрождения». В эмиграции в Чехословакии. Ум. 6—7 нояб. 1939 в Праге.

¹¹⁹ **Гуковский Александр Исаевич**, р. 25 янв. 1865. Эсер. Член Учредительного Собрания. В белых войсках Северного фронта; авг. — сен. 1918 член ВУСО, управляющий отделом юстиции, затем городской голова Архангельска. В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 17 янв. 1925 в Париже.

¹²⁰ **Сорокин Питирим Александрович**, р. 21 янв. 1889 в Яренском уезде. Из крестьян. Обр.: Учительская семинария, Санкт-Петербургский университет. Эсер. В эмиграции в США. Известный социолог и культуролог. Ум. 12 мар. 1968 в Кембридже, Массачусетс.

¹²¹ **Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович**, р. 1883. По образованию юрист. Эсер. Журналист, редактор и общественно-политический деятель. В эмиграции с 1919. Ум. 1976.

¹²² **Аванесов (он же Мартиросов) Варлаам Александрович** (Сурен Карпович), р. 1884. Из крестьян. Обр.: Цюрихский университет 1913. Член РСДРП с 1904. Меньшевик. В окт. 1917 член Петроградского ВРК, 1917—1919 член Президиума и секретарь ВЦИК, с мар. 1919 член коллегии ВЧК, с авг. 1919 начальник Особого отдела ВЧК, 1920—1924 член коллегии ВЧК и зам. Наркома РКИ. Ум. 1930.

¹²³ **Скворцов-Степанов Иван Иванович**, р. 1870. Сын чиновника. Член РСДРП с 1896. Нарком финансов первого состава СНК, в дальнейшем член ЦРК и ЦК ВКП(б). Ум. 1928.

¹²⁴ **Спиридонова Мария Александровна**, р. 16 окт. 1884 в Тамбове. Из дворян, дочь коллежского советника. Обр.: Тамбовская гимназия

(не окончила). С 1905 член боевой организации партии эсеров. С нояб. 1917 член Президиума ВЦИК, член ЦК партии левых эсеров. Арестована 18 фев. 1919, бежала, находилась на нелегальном положении, с 1920 вновь под арестом и в ссылках. Расстреляна 11 сен. 1941 под Орлом.

¹²⁵ **Железняков Анатолий Григорьевич**, р. 1895. Матрос-анархист. Член морского ВРК. Во время Гражданской войны в Одесском подполье, затем командир бронепоезда. Убит 26 июля 1919 под Екатеринославо.

¹²⁶ **Лукирский Сергей Георгиевич**, р. 19 мар. 1875. Обр.: Симбирский КК 1893, КАУ 1895, АГШ 1901. Офицер 13-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1903, подполковник с 1907, полковник с 1911, генерал-майор с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1907 преподаватель Елисаветградского кавалерийского училища, с 1911 штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского ВО, с 29 авг. 1914 начальник отделения управления генерал-квартирмейстера, а с 10 сен. 1915 пом. генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта. В 1918 мобилизован большевиками. Остался в СССР, преподаватель военной академии. В 1931 осужден на 5 лет лагерей по делу «Весна», затем комдив, редактор «Военной Энциклопедии». Расстрелян в 1938.

¹²⁷ **Кишкин Николай Михайлович**, р. 29 нояб. 1864 в Москве. Из дворян, сын офицера. Обр.: 1-я Московская гимназия, Московский университет. Врач, министр государственного призрения Временного правительства, руководитель Особого совещания по разгрузке Петрограда. 25 окт. 1917 получил полномочия по водворению порядка в Петрограде и пытался организовать отпор большевистскому перевороту. 1918—1919 член «Союза возрождения». 1919 осужден по делу «Тактического центра», арестовывался в 1921. Ум. 16 мар. 1930 в Москве.

¹²⁸ **Петлюра Симон Васильевич**, р. 10 мая 1879 в Полтаве. Из мещан. Обр.: Полтавская духовная семинария (не окончил) 1901. В революционном движении с 1900. После фев. 1917 председатель Украинского Совета войск Юго-Западного фронта. В мае 1917 возглавил Генеральный военный комитет при Центральной Раде. Весной 1918 глава Всеукраинского союза земств. 14 нояб. 1918 возглавил восстание против гетманской власти на Украине и армию Украинской Народной Республики. С 11 фев. 1919 глава Директории. С окт. 1920 в эмиграции в Польше, с 1924 во Франции. Убит 25 мая 1926 в Париже.

¹²⁹ **Могилянский Николай Михайлович**, р. 18 дек. 1871 в Городце. Обр.: Санкт-Петербургский университет 1893. Географ и антрополог. Преподаватель кадетского корпуса и Высших военно-педагогических курсов. В эмиграции в Чехословакии; к 1931 член Союза русских педагогов в Чехословакии. Ум. 1 фев. 1933 в Праге.

¹³⁰ **Харламов Василий Акимович**, р. 1 янв. 1875 в ст. Усть-Быстрянской Области Войска Донского. Обр.: Московский университет, Московская духовная академия. Член Государственной Думы. 1918 председатель Донского Войскового Круга. Эвакуирован из Феодосии. Летом 1920 на о. Лемнос. 1920—1921 член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. В эмиграции в Аргентине, член правления Союза Российских антикоммунистов. Ум. 13 мар. 1957 в Буэнос-Айресе.

¹³¹ **Чернецов Василий Михайлович**, р. 22 марта 1890 в ст. Калитвенской. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Обр.: Каменское реальное училище 1907, Новочеркасское казачье училище 1909. Офицер 9-го Донского казачьего полка. Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полковник (с янв. 1918). Взят в плен и убит 21 января 1918 под Глубокой.

¹³² **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сен. 1882 в Череповце. Сын надворного советника корпуса лесничих (усын.; наст. — личного дворянина Константина Матвеевича Тимофеева). Обр.: Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище 1904. Офицер 85-го пехотного полка. Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с нояб. 1917; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с дек. 1917 командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апр. 1918 командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 нояб. 1918 генерал-майор, с дек. 1918 Черноморский военный губернатор, с 13 янв. 1919 командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 генерал-лейтенант, с дек. 1919 — Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с авг. 1920 командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 дек. 1920). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 начальник РОВС. Убит 26 янв. 1930 при попытке похищения в Париже.

¹³³ **Назаров Анатолий Михайлович**, р. 12 нояб. 1876. Из казаков х. Жукова ст. Филипповской Области Войска Донского. Сын коллежского регистратора, учителя. Обр.: Донской кадетский корпус 1894, Михайловское артиллерийское училище 1897, академия Генштаба 1903. Офицер 3-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 2-й Забайкальской казачьей бригады, в окт. 1917 назначен командиром корпуса на Кавказском фронте, но по приказу атамана Каледина остался на

Дону; с нояб. 1917 начальник гарнизона Таганрога, с 15 дек. 1917 походный атаман Донского казачьего войска, с 29 янв. 1918 войсковой атаман Донского казачьего войска. Расстрелян большевиками 18 фев. 1918 в Новочеркасске.

¹³⁴ **Попов Петр Харитонович**, р. 10 янв. 1867 в ст. Казанской. Из дворян Области Войска Донского, сын статского советника. Обр.: Новочеркасская гимназия 1889, Новочеркасское казачье юнкерское училище 1891, академия Генштаба 1899. Генерал-майор, начальник Новочеркасского военного училища. В Донской армии; с 30 янв. 1918 походный атаман Донского казачьего войска, в мар. 1918 возглавил Степной поход в Сальские степи, с 25 апр. по 6 мая 1918 командующий Донской армией, с 5 мая 1918 генерал-лейтенант, с 6 мая 1918 в отставке, председатель военной комиссии Войскового Круга. Вновь на службе с 7 фев. 1919, возглавлял Донское правительство и его отдел внешних сношений, с 19 окт. 1919 в отставке генералом от кавалерии, с конца 1919 представитель Донского атамана в Новороссийске и за границей, в начале 1920 вновь на службе, генерал для поручений при Донском атамане. Эвакуирован в нач. 1920 из Новороссийска на корабле «Борис». Вышел в отставку 24 июня 1920, с 16 мар. 1921 представитель Донского атамана в Болгарии, с 4 нояб. 1921 до 1924 и.о. помощника Донского атамана. В эмиграции в Болгарии, с апр. 1921 представитель ОСДКТ в Софии, во Франции с 1928 США, с 1938 в Европе (во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии); с 1938 Донской атаман части казачества (наряду с гр. Граббе), с 1946 в США. Ум. 6 окт. 1960 в Нью-Йорке.

¹³⁵ **Волошинов Евгений Андреевич**, р. 17 дек. 1881. Из дворян Области Войска Донского, сын войскового старшины. Обр.: Донской кадетский корпус 1899, Константиновское артиллерийское училище 1901. Офицер 6-й Донской казачьей батареи. Войсковой старшина Донской артиллерии, воспитатель приготовительного пансиона Донского казачьего войска. Председатель Войскового Круга ВВД. Расстрелян большевиками 18 фев. 1918 в Новочеркасске.

¹³⁶ **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 окт. 1881 в Киеве. Из дворян, сын генерала. Обр.: Киевский кадетский корпус 1899, Павловское военное училище 1901, академия Генштаба 1908. Офицер л.-гв. Волынского полка. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которым 26 фев. 1918 выступил на Дон и 27 мая 1918 соединился с Добровольческой армией. В Добровольческой армии начальник 3-й дивизии. Генерал-майор (8 нояб. 1918). Ранен 31 окт. 1918 под Ставрополем. Ум. от ран 1 янв. 1919 в Ростове.

¹³⁷ **Гребенников Михай Тимофеевич**, р. 1896. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован 25 мар. 1920 из Новороссийска на корабле

«Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Чехословакии; 1926—1931 член Общества русских, окончивших вузы в Чехословакии.

¹³⁸ **Янов Георгий Петрович**, р. 23 дек. 1878. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Кадетский корпус 1896, Павловское военное училище 1898. Есаул л.-гв. Атаманского полка, в штабе войскового атамана ВВД. В Донской армии; янв. 1918 войсковой есаул — член Донского правительства; глава Совета Обороны во взятом восставшими казаками 1 апр. 1918 Новочеркаске, до 28 апр. 1918 председатель временного Донского правительства, затем председатель «Круга спасения Дона», с 5 мая управляющий отделом внутренних дел Донского правительства, с 7 мая 1918 войсковой старшина, затем полковник, с 12 июня 1918 товарищ председателя Войскового Круга, сен.—окт. 1918 начальник войсковой стражи, с 25 окт. 1918 в составе посольства ВВД в страны Антанты, с начала 1919 окружной атаман Черкасского округа, редактор газеты «Донские областные ведомости». Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, 1922—1923 атаман казачьей станицы в Белграде. Ум. 28 дек. 1924 в Белграде.

¹³⁹ **Бабкин Федор Иванович**, р. 6 мар. 1887. Донской кадетский корпус 1905, Михайловское артиллерийское училище 1907. Есаул, командир 17-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; янв.—фев. 1918 на той же должности, в апр. 1918 руководитель съезда Черкасского округа, с 7 мая 1918 — войсковой старшина, на 1 янв. — 25 июля 1919 командир 1-й Донской конной батареи (войсковой старшина), затем командир дивизиона Донской артиллерии. Полковник. Ум. от ран мар. 1920 на Кубани.

¹⁴⁰ **Горчуков Мирон Афиногенович**, р. 16 дек. 1883. Из казаков ст. Кочетовской Области Войска Донского. Директор Новочеркасского реального училища. В Донской армии; апр. 1918 член Донского правительства, с 29 апр. 1918 член посольства в Киеве; с 23 июня 1918 член комиссии по выборам на Большой Войсковой Круг, затем тов. председателя Донского Войскового Круга. Во ВСЮР по ведомству министерства просвещения. Летом 1920 на о. Лемнос. В эмиграции в Чехословакии; 1922—1926 член Союза русских педагогов в Чехословакии. После 1945 — в США. Профессор Свято-Троицкой семинарии. Ум. 9—10 авг. 1952 в Джорданвилле (США).

¹⁴¹ **Склянский Эфраим Маркович**, р. 1892. Из мещан. Обр.: Киевский университет 1916. Член РСДРП с 1913. Военный врач. 1917 член Петроградского ВРК, в нояб. 1917 комиссар Ставки в Могилеве, с 23 нояб. 1917 зам. Наркома по военным делам, затем член Высшего Военного совета, зам. Председателя РВСР. Ум. 1925.

¹⁴² **Щербина Федор Андреевич**, р. 31 янв. 1849. Из казаков ст. Новодеревянковской Кубанской области. Сын священника. Обр.: Кавказская

духовная семинария 1866. Петровская земледельческая академия (не окончил), Новороссийский университет (не закончил). Профессор Кубанского политехнического института. В Вооруженных силах Юга России; член Кубанской Рады и Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, председатель Верховного суда на Кубани и финансово-бюджетной комиссии Рады. В эмиграции с 1921 в Чехословакии, профессор и ректор Украинского института в Праге. Ум. 28 окт. 1936 в Праге. Автор книги: Казачьи герои и сподвижники. Прага, 1930.

¹⁴³ **Караулов Михаил Александрович**, р. 3 нояб. 1878 в ст.Тарской Терской обл. Из казаков той же области. Обр.: Екатеринодарская гимназия, Санкт-Петербургский университет 1901, офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище 1902. Подъесаул (с 1917 в отставке есаулом). Редактор журнала «Казачья неделя», член 2-й и 4-й Государственной Думы, командир 4-й сотни 1-го Кизляро-Гребенского полка. С 13 мар. 1917 войсковой атаман Терского казачьего войска. Убит большевиками 13 дек. 1917 на ст. Прохладной.

¹⁴⁴ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 авг. 1879 в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Обр.: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1896, Николаевское кавалерийское училище 1898, академия Генштаба 1908. Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 окт. 1917), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) дек. 1917 командующий войсками Оренбургского военного округа, с авг. 1918 генерал-майор, с 17 окт. 1918 командующий Юго-Западной армией (с 28 дек. 1918 Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 генерал-инспектор кавалерии (до 18 сен. 1919) и одновременно походный атаман всех казачьих войск (до 16 окт. 1919), 18 сен.—16 окт. 1919 командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 окт. 1918). В марте 1920 отступил в Китай. Смертельно ранен 24 янв. в руку и живот и скончался 25 янв. (6 фев.) 1921 в Суйдуне при попытке похищения.

¹⁴⁵ **Флуг Василий Егорович**, р. 19 мар. 1860. Обр.: 2-я Санкт-Петербургская ВГ 1877, МАУ 1880, АГШ 1890. Офицер 7-й и 23-й конно-артиллерийских батарей, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1896, полковник с 1900, генерал-майор с 1903, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1914. Участник китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1902 нач. штаба Квантунской области, с 1904 ген.-кварт. штаба наместника на Дальнем Востоке, с 1905 — 2-й Маньчжурской армии, сен. 1905 военный губернатор Приморской области и атаман Уссурийского каз. войска, с 1909 начальник 37-й пех. дивизии, с 1912 начальник

2-й гвард. пех. дивизии, с 1913 пом. командующего войсками Туркестанского ВО, с 22 авг. 1914 командующий 10-й армией, с 23 сен. 1914 в расп. Верховного главнокомандующего, с 8 июня 1915 командир 2-го арм. корпуса, с 30 мая 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. Зол. оружие (1901). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии (с нояб. 1917), в начале 1918 командирован в Сибирь для работы в тылу большевиков, затем в белых войсках Восточного фронта, с начала 1919 во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, после 1945 — в Германии, затем в США. Ум. 3 дек. 1955 в Сан-Франциско (США).

¹⁴⁶ **Барон Будберг Алексей Павлович**, р. 21 мая 1869 в Лифляндской губ. Из дворян той же губ., сын полковника. Обр.: Орловский КК 1886, МАУ 1889, АГШ 1895. Офицер л.-гв. 3-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1895, подполковник с 1899, полковник с 1904, генерал-майор с 1910, генерал-лейтенант с 1916. Участник китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1902 нач. штаба Владивостокской крепости, с 1913 ген.-квартирмейстер штаба Приамурского ВО, с 15 авг. 1914 генерал-квартирмейстер, а с 23 дек. — нач. штаба 10-й армии, с 13 фев. 1915 генерал для поручений при командующем 1-й армией, с 19 авг. 1915 начальник 40-й, а с 21 окт. 1915 — 70-й пех. дивизии, с 22 апр. 1917 командир 14-го арм. корпуса. Георгиевское оружие (1914). В белых войсках Восточного фронта; в распоряжении начальника штаба ВГК, с 3 мая 1919 главный начальник снабжений и инспекций при Верховном главнокомандующем, с 23 мая 1919 помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра с правами военного министра по управлению военным министерством, с 27 авг. 1919 и. д. военного министра, с 5 окт. 1919 в распоряжении ВГК, с 19 нояб. 1919 начальник штаба Приамурского военного округа. В эмиграции с 1921 в Сан-Франциско, член Русского общества помощи национальной России, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества русских ветеранов Великой войны; на 1 апр. 1937 член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 15 дек. 1945 в Сан-Франциско.

¹⁴⁷ **Семенов Григорий Михайлович**, р. 1890 ст. Дурулугуевской Забайкальской обл. Обр.: Оренбургское казачье училище 1911. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. Осенью 1917 член подпольной антисоветской организации в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта; с 19 нояб. 1917 в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник

сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 окт. 1918 командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 дек. 1918 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 мая 1919 по 3 авг. 1919 командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 16 июня 1919 также уполномоченный командующего войсками Приамурского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия, с 18 июля 1919 генерал-майор и помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 11 нояб. 1919 командующий войсками Читинского (с 5 дек. Забайкальского) военного округа, с 24 дек. 1919 главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 10 фев. 1920 главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 нояб. 1918 походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апр. 1919 походный атаман Забайкальского и с 23 апр. 1919 Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апр. 1920 — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апр. 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант (с 24 дек. 1919). В эмиграции в Китае, к 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Арестован 22 авг. 1945 в своем доме в пос. Какахаша, под Дайреном. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве.

¹⁴⁸ **Орлов Николай Васильевич**, р. 1870. Обр.: Оренбургское казачье юнкерское училище (офицером с 1891). Полковник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи и 1-й Заамурской пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 начальник отряда своего имени в Харбине («Отряда защиты Родины и Учредительного Собрания»). В эмиграции в Китае, к 1939 в Харбине. Ум. 28 апр. 1944 в Харбине.

¹⁴⁹ **Калмыков Иван Михайлович**. Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20—31 янв. 1918 атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 мар. 1919 командир Уссурийского особого отряда, с 29 авг. 1919 — начальник Уссурийской отдельной своего имени бригады, с 1 янв. 1920 — Уссурийской отдельной сводной дивизии, с 30 янв. 1920 начальник Уссурийской группы войск (с правами командующего отдельной армией). Генерал-майор (1919). Убит ок. 8 сен. 1920 в Китае.

¹⁵⁰ **Болдырев Василий Георгиевич**, р. 5 апр. 1875 в Сызрани. Из крестьян. Обр.: Пензенское землемерное училище 1893, Военно-топографическое училище 1895, АГШ 1903. Офицер корпуса военных

топографов, по окончании академии — на должностях Генерального штаба, с 1914 также профессор академии Генштаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Подполковник с 1908, полковник с 1911, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917. С 1911 заведующий офицерами, обучающимися в академии Генштаба, с авг. 1914 нач. штаба 2-й гвард. пех. дивизии, с 1915 командир 30-го пех. полка, с 29 фев. 1916 генерал для поручений при командующем 4-й армией, с 8 сен. 1916 ген.-кварт. Северного фронта, с 19 апр. 1917 командир 43-го арм. корпуса, с 9 сен. 1917 командующий 5-й армией. Георгиевское оружие (1914). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1915). Арестован большевиками, в нояб. 1917—мае 1918 в советской тюрьме. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта 1918—1922 (осенью 1918 Верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории). Остался во Владивостоке, окт. 1922 арестован, летом 1923 освобожден. Расстрелян 20 авг. 1933.

¹⁵¹ **Анненков Борис Владимирович**, р. 9 мар. 1889 в Киевской губ. Из дворян Новгородской губ. Обр.: Одесский кадетский корпус 1906, Александровское военное училище 1908. Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 войсковой старшина, с 19 окт. 1918 полковник, с середины 1919 на Семиреченском фронте, с дек. 1919 командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор (15 окт. 1919). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (15 окт. 1919). В эмиграции с весны 1920 в Китае, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». В 1925 выдан большевикам. Расстрелян 24 авг. 1927 в Семипалатинске.

¹⁵² Имеется в виду движение за автономию Сибири.

¹⁵³ **Потанин Григорий Николаевич**, р. 4 окт. 1835 в пос. Ямышевский Акмолинской обл. Обр.: Сибирский кадетский корпус 1852, Санкт-Петербургский университет 1862 (не окончил). Географ и геолог, исследователь Сибири. Почетный член Русского географического общества. В 1917 председатель Сибирского Областного совета. В белых войсках Восточного фронта; член Сибирского областного правительства. Ум. 30 июня 1920.

¹⁵⁴ **Дербер Петр Яковлевич**, р. 1888. Член Учредительного Собрания от партии эсеров. С 27 янв. 1918 председатель Временного Сибирского правительства в Томске. 29 июня — 30 июля 1918 председатель Временного правительства автономной Сибири.

¹⁵⁵ **Вологодский Петр Васильевич**, р. 30 янв. 1863 в с. Комарово Канского уезда. Присяжный поверенный. Участник восстания юнкеров в Омске, 1918 член Директории, министр иностранных дел, затем предсе-

датель Временного Сибирского правительства, с сен. 1918 председатель Совета министров Директории в Уфе, до 23 нояб. 1918 председатель Омского правительства, затем председатель Совета министров и министр иностранных дел правительства адм. Колчака. С 1919 в эмиграции в Китае. Ум. 19 окт. 1925 в Харбине.

¹⁵⁶ **Крутовский Владимир Михайлович**, р. 1856. Врач. В белых войсках Восточного фронта; министр внутренних дел Временного Сибирского правительства, член Уфимской директории. Ум. 1938.

¹⁵⁷ **Михайлов Иван Адрианович**, р. в январе 1891 в Сибири. Сын врача (участника заговора Петрашевского). Обр.: Гимназия в Чите, 1-я Санкт-Петербургская гимназия, Санкт-Петербургский университет. Доцент того же университета, служил в министерстве земледелия, гражданский шифровальщик штаба Балтийского флота. Прибыл в Сибирь из США, министр финансов Сибирского Временного правительства и с 4 нояб. 1918 — Уфимской директории, затем министр финансов правительства адм. Колчака. В эмиграции в Китае (Харбин), в 1945 схвачен в Дайрене. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве с ген. Семеновым и другими.

¹⁵⁸ **Серебренников Иван Иннокентьевич**, р. 14 июля 1882 в Знаменском Верхоленского уезда. Обр.: Гим., Военно-медицинская академия (не окончил) 1902. Секретарь Иркутской городской думы. В белых войсках Восточного фронта; министр снабжения Сибирского Временного правительства и правительства адм. Колчака. В эмиграции в Китае (Тяньцзинь). Ум. ок. 14 июля 1953. Автор книги «Великий отход» (Харбин, 1936).

¹⁵⁹ **Патушинский Григорий Борисович**, р. 1873. Иркутский адвокат. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 министр юстиции Временного Сибирского правительства, член Уфимской директории. Ум. 1931.

¹⁶⁰ **Устругов Леонид Александрович**, р. 23 нояб. 1877. Обр.: Санкт-Петербургский институт путей сообщения 1902. Инженер путей сообщения. Начальник Омской железной дороги, помощник начальника управления железных дорог. В белых войсках Восточного фронта; с 4 нояб. 1918 министр путей сообщения Временного Сибирского правительства и правительства адм. Колчака. В эмиграции в зоне КВЖД в Китае, 1921—1923 член Союза русских инженеров. Ум. 1938.

¹⁶¹ **Тибер-Петров Виктор Тимофеевич**, р. 1879 в с. Ухлан Алтайской губ. Врач. В белых войсках Восточного фронта; министр туземных дел Временного Сибирского правительства. Арестован 25 июня 1920 Особым отделом 5-й армии, передан в Алтайскую ЧК.

¹⁶² **Якушев Иван Александрович**, р. 1882 в Сургуте. Обр.: Гимназия, техническое училище в Омске. Председатель Иркутского продовольственного комитета. В белых войсках Восточного фронта; с 27 янв.

по 21 сен. 1918 председатель Сибирской областной думы, затем во Владивостоке. В эмиграции в Чехословакии. В 1926 создал «Общество сибиряков». Ум. 11 окт. 1935 в Праге.

¹⁶³ **Гришин Алексей Николаевич (Гришин-Алмазов)**, р. 1880 в Кирсановском уезде Тамбовской губ. Обр.: Воронежский КК, МАУ 1902. Служил в 5-м Мортирном арт. полку. Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию ген. М. В. Алексеева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сен. 1918 командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий военным министерством; уволен 6 сен. 1918. В сен. 1918 отбыл в Екатеринодар, с 29 нояб. 1918 в Одессе, с 4 дек. 1918 военный губернатор Одессы и (до 15 янв. 1919) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 фев. по 23 апр. 1919 врид командующего Войсками Юго-Западного края. В апр. 1919 послан в Омск во главе делегации к адм. Колчаку. Генерал-майор (с 11 июля 1918). Застрелился под угрозой плена 22 апр. (5 мая) 1919 в Каспийском море.

¹⁶⁴ **Иванов Павел Павлович (Иванов-Ринов)**, р. 26 июля 1869 в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Обр.: Сибирский кадетский корпус 1888, Павловское военное училище 1890. Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сен. 1918 командир Степного корпуса (с 2 июля 1918 генерал-майор), с 15 июля 1918 войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сен. врио (с 7 сен. 1918 постоянно) до 2 нояб. 1918 управляющий военным министерством и 5 сен. — 13 окт. 1918 командующий Сибирской армией (до 24 дек. 1918), с 3 дек. 1918 — одновременно помощник Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15 мая 1919), с 23 дек. 1918 командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919). С июля 1919 командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сен. 1919). Осенью 1919 помощник командующего 3-й армией, с 5 нояб. 1919 помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сен. 1919). Генерал-лейтенант (10 авг. 1919). С 23 мар. 1920 в Харбине, с 7 июля 1921 начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродеково, 1922 начальник тыла армии до эвакуации Приморья. В конце 1922 — весной 1923 при управлении снабжения в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, сотруд-

ник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», состоял в Калганской группе советских военных советников. Осенью 1925 выехал в СССР.

¹⁶⁵ **Астров Николай Иванович**, р. 26 фев. 1868 в Москве. Московский городской голова, председатель Главного комитета Союза городов. 1917—1918 член Совета общественных деятелей, член «Правого центра», 1918—1919 член «Союза возрождения». Летом 1918 член «Национального центра» в Москве, затем член Уфимской директории, член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Эвакуирован 1920 из Новороссийска на корабле «Св. Николай». 1920—1921 член Земгора (Российского Земско-городского комитета помощи беженцам). В эмиграции в Чехословакии. Ум. 12 авг. 1934 в Праге.

¹⁶⁶ **Щепкин Николай Николаевич**, р. 7 мая 1854 в Москве. Из дворян. Обр.: Московский университет. Член ЦК партии кадетов. Член Государственной Думы. 1918—1919 член «Союза возрождения России» и «Правого центра», а также руководитель московской организации «Национального центра». С весны 1919 военный комиссар «Тактического центра» и политический руководитель «Штаба Добровольческой армии Московского района». Арестован 29 авг. 1919. Расстрелян 15 (23 сен.) 1919 в Москве.

¹⁶⁷ **Плеханов Георгий Валентинович**, р. 29 нояб. 1856 в д. Гудаловка Липецкого уезда. Из дворян. Обр.: Санкт-Петербургский горный институт (не окончил). С 1876 в народническом движении, с 1879 глава организации «Черный передел», затем марксист, член редколлегии ЦО РСДРП. Меньшевик. Во время 1-й мировой войны — оборонец. Ум. 30 мая 1918 в Питкяярви (Финляндия).

¹⁶⁸ **Потресов Александр Николаевич**, р. 19 авг. 1869 в Москве. Из дворян, сын генерал-майора. Обр.: Санкт-Петербургский университет. Меньшевик. 1918—1919 член «Союза возрождения». Арестовывался 1 сен. 1919. В эмиграции с 1924 во Франции. Ум. 11 июля 1934 в Париже.

¹⁶⁹ **Мякотин Венедикт Александрович**, р. 14 мар. 1867 в Гатчине. Обр.: Санкт-Петербургский университет. Профессор. Историк и публицист. 1918 председатель «Союза возрождения» России. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 5 окт. 1937 в Праге.

¹⁷⁰ **Автономов Александр Исидорович**, р. 1890. Хорунжий Донского казачьего войска. С янв. 1918 главнокомандующий Юг-Восточной революционной армией на Кубани, весной 1918 главнокомандующий войсками Кубанской советской республики. Ум. от тифа 2 фев. 1919 на Северном Кавказе.

¹⁷¹ **Князь Ухтомский** (штабс-капитан Капелька). Полковник гвардии. В Добровольческой армии; янв. 1918 в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир роты в Партизанском полку. Убит 9 мар. 1918 под с. Филипповским.

¹⁷² **Федоров Михаил Михайлович**, р. 6 мая 1858. Один из лидеров партии кадетов, товарищ министра торговли и промышленности. 1917—1918 член Торгово-промышленного комитета, член «Правого центра». 1918—1919 член «Национального центра». С нояб. 1917 оказывал помощь Добровольческой армии, с осени 1918 член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, с 11 дек. 1918 председатель Особого (агитационного) комитета при армии, член Донского Гражданского совета, апр. 1919 председатель «Национального центра», в июня 1919 представитель Главнокомандующего ВСЮР в конфедерации казачьих войск. С начала 1920 в эмиграции во Франции. Ум. 30 янв. 1946 в Париже.

¹⁷³ **Князь Трубецкой Евгений Николаевич**, р. 1863. Обр.: Московский университет 1885. Профессор-правовед. 1917—1918 член Совета общественных деятелей и «Правого центра». В Вооруженных силах Юга России. Ум. от тифа мар. 1920 в Новороссийске.

¹⁷⁴ **Агеев Павел Михайлович**. В Донской армии и ВСЮР. Янв. 1918 член Донского правительства, с фев. 1920 министр землеустройства и земледелия Южно-Русского правительства.

¹⁷⁵ **Парамонов Николай Елпидифорович**, р. 1876 г. в семье известного ростовского купца-миллионера. В студенческие годы сочувствовал деятельности революционеров. В 1903 г. основал в Ростове издательство «Донская Речь», имевшее большой коммерческий успех. Окончил Киевский университет. После смерти отца вместе с братом Петром основал товарищество «Е. Т. Парамонова сыновья в Ростове-на-Дону», выполнявшее военные заказы. В 1918 г. Н. Е. Парамонов был одним из организаторов сбора средств для поддержки Добровольческой армии; в его доме в Ростове располагался штаб армии. С 16 янв. 1919 по март 1919 — управляющий отделом пропаганды (начальник Освага), член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, председатель военно-промышленного комитета ВСЮР. В феврале 1920 семья Парамоновых на собственном пароходе «Принцип» уплыла в Турцию. Жили какое-то время в Константинополе, в начале 1921 переехали в Германию, где удалось развернуть новый бизнес: строительство гаражей, автозаправок, мастерских автосервиса. В эмиграции Николай Парамонов заметно «поправел», поддерживал дружеские отношения с атаманом Красновым, с которым остро конфликтовал в 1918—1919 гг.; был членом «Братства русской правды», ставившего своей целью вооруженную борьбу с большевиками. После прихода к власти нацистов в 1933 г. продолжал жить в Германии, в 1944 г. вместе с женой переехал в Чехословакию, в Карлсбад. В мае 1945 г. им пришлось бежать в американскую зону оккупации, проживали в небольшом немецком городе Байройте в Баварии. В 1946 г. Н. Е. вновь затевает «книжки для народа» — десятков тысяч соотечественников, оказавшихся в лагерях для

перемещенных лиц. Издательство проработало до 1950 г. Умер 21 июня 1951 г. и похоронен на городском кладбище баварского города Байройт.

¹⁷⁶ **Покровский Виктор Леонидович**, р. 1889. Из дворян. Обр.: Одесский кадетский корпус 1906, Павловское военное училище 1908. Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добровольческой армии; в янв. 1918 сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 янв. 1918 полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 фев. командующий Кубанской армией, с 13 мар. 1918 генерал-майор, с июня 1918 командир Кубанской конной бригады, с июля 1918 начальник 1-й Кубанской конной дивизии, с 3 янв. 1919 командир 1-го конного корпуса, янв. — авг. 1919 командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 (21, 26) нояб. 1919 по 8 мар. (21 янв.) 1920 командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апр. 1919). В мае 1920 покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 нояб. 1922 в Болгарии жандармами.

¹⁷⁷ **Филимонов Александр Петрович**, р. 14 сен. 1866 ст. Григорово-Полеской. Обр.: Киевский кадетский корпус 1884, Александровское военное училище 1886, Военно-юридическая академия, Археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 председатель Кубанского правительства, с 12 окт. 1917 войсковой атаман Кубанского казачьего войска до 10 нояб. 1919. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии, на 8 окт. 1921 член отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС в Нови Саде, председатель Союза первопоходников. Ум. 4 авг. 1948 в Осеке (Югославия).

¹⁷⁸ **Рябовол Николай Степанович**, р. 17 дек. 1883. Из казаков ст. Динской Кубанской обл., сын писаря. Обр.: Екатеринодарское реальное училище, Киевский политехнический институт (не окончил), Школа прапорщиков инженерных войск 1917. Прапорщик саперного батальона. Председатель правления Черноморско-Кубанской железной дороги. Председатель Кубанской законодательной Рады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской Рады. Убит 13 июня 1919 в Ростове.

¹⁷⁹ **Султан-Гирей Шахим**. Член Кубанского правительства, в начале 1918 представитель горцев, товарищ председателя Кубанской Рады. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе ген. Покровского.

¹⁸⁰ **Быч Лука Лаврентьевич**, р. 1870 в ст. Павловской Кубанской обл. Обр.: Московский университет. Бакинский городской голова. С мар. 1917 начальник снабжения Кавказской армии. В Добровольческой армии и ВСЮР. Председатель Кубанского правительства 1917—1918. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанском отряде. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 1945 в Праге.

¹⁸¹ **Анабазис** (греч. anabasis) — восхождение, движение в глубь страны.

¹⁸² **Эрдели Иван Георгиевич**, р. 15 окт. 1870. Из дворян Херсонской губ. Обр.: Николаевский кадетский корпус 1888, Николаевское кавалерийское училище 1890, академия Генштаба 1897. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал от кавалерии, начальник 14-й кавалерийской дивизии, 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917; янв. — мар. 1918 представитель Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отдельной конной бригады С июня 1918 начальник 1-й конной дивизии, с 31 окт. 1918 в распоряжении Главнокомандующего, с 16 апр. 1919 Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до мар. 1920 начальник Владикавказского отряда. Эвакуирован. 20 июля 1920 прибыл из Севастополя в Варну на корабле «Цесаревич Георгий». 24 авг. 1920 возвратился в Русскую Армию в Крым на корабле «Русь». В Русской Армии в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, с 1930 председатель Союза офицеров — участников войны во Франции, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба, с июня 1934 начальник 1-го отдела РОВС. Ум. 30 июля 1939 в Париже.

¹⁸³ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 дек. 1872. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера, казак ст. Каменской. Обр.: Донской кадетский корпус 1890, Николаевское кавалерийское училище 1892, академия Генштаба 1900. Офицер л.-гв. Атаманского полка, командир 4-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; янв. 1918 командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 мар. 1918 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918, председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 фев. 1919 войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 авг. 1918). В эмиграции с нояб. 1921 в Софии, с окт. 1922 в Белграде, с нояб. 1923 в Париже, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 21 окт. 1934 в Париже.

Аванесов (Мартиросов) В. А. 315, 533
 Авксентьев Н. Д. 211, 212, 278, 296, 307, 313, 316, 427, 526
 Автономов А. И. 442, 544
 Агеев П. М. 445, 465, 545
 Акаемов 23
 Аладьин А. Ф. 159, 167, 202, 520
 Александр II, Император 37, 38, 40, 74, 92, 326
 Александр III, Император 38, 39
 Александра Федоровна, Императрица 20, 25, 26, 29, 47, 48
 Алексеев М. В. 23, 32–35, 37, 48, 50, 51, 53, 66, 78, 80, 86, 96, 98, 101, 102, 105, 107, 126, 137, 145, 160, 189–198, 208, 215–221, 229–231, 284, 308, 309, 379, 380, 384, 406, 429, 432–450, 454, 463–466, 471, 473, 475–477, 479, 490, 491, 495, 496, 508
 Алексей Николаевич, Цесаревич 19, 26, 35, 43, 52, 120
 Ане Клод 204
 Анненков Б. В. 408, 409, 541
 Антоний (Храповицкий), митрополит 147
 Антонов (Овсенко) В. А. 276, 277, 333, 529
 Аргунов А. А. 313, 316, 427, 465, 533
 Астров Н. И. 427, 544
 Бабкин Ф. И. 398, 537
 Базилев 300
 Балув П. С. 304, 305, 345, 348, 349, 531
 Барановский, полк. 155, 158, 164, 176, 180, 198, 199, 293

Баткин Ф. А. 105, 517
 Беляев М. А. 17, 23, 505
 Берзин Р. И. 359
 Бильдзюкевич А. В. 259, 528
 Блок А. А. 333
 Богаевский А. П. 376, 495, 547
 Богаевский М. П. 209, 377, 386, 388, 464, 526
 Богданов Б. И. 259, 296
 Болдырев В. Г. 408, 431, 540
 Брусилов А. А. 33, 52, 66, 68, 80, 86, 87, 89, 106, 107, 119, 131, 137, 144, 443, 509
 Брыкин В. В. 464, 465
 барон Будберг А. П. 408, 539
 Бурцев В. Л. 238
 Быч Л. Л. 487, 546
 Бьюкенен Дж. У. 21
 Бюнтинг Н. Г. фон 24, 506
 Вайнштейн А. И. 301, 531
 Вальтер Р.-К. Ф. 302, 531
 Вандервельде Э. 103
 Вацетис И. И. 333, 359
 Вендзягольский К. М. 465
 Вендорф О. И. 22
 Верховский А. И. 189, 195, 196, 212, 227, 229, 237–239, 251, 255–260, 282, 523
 Вильгельм II, Император 95–97, 179
 Винавер М. М. 263, 528
 гр. Витте С. Ю. 38
 Вишняк М. В. 311, 315, 317, 326, 533
 Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский 23
 Владимирова В. 155
 Вологодский П. В. 419, 420, 541

Волошинов Е. А. 388, 394, 536
Волынский 334
Ворошилов К. Е. 364, 365
барон Врангель П. Н. 6

Гинс Г. К. 409, 419, 422
кн. Голицын А. Д. 271
кн. Голицын Н. Д. 17, 22, 48, 504
Головин Н. Н. 5–11
Голубев 381, 382, 388
Горчуков М. А. 398, 537
Гоц А. Р. 278, 296, 529
Гребенников М. Т. 397, 536
Гришин (Гришин-Алмазов) А. Н.
421, 543
Гуковский А. И. 313, 316, 533
Гуль Р. Б. 480
Гурко (Ромейко-Гурко) В. И. 66,
73, 74, 86, 94, 96, 97, 99, 236,
429, 515
Гутор А. Е. 110
Гучков А. И. 35, 63, 69, 82, 92, 94,
101, 514

Дан (Гурвич) Ф. И. 121, 263, 278,
279, 528
Данилов Ю. Н. 35, 511
Деникин А. И. 8–11, 36, 37, 63,
80, 101, 102, 114, 115, 146, 148,
154, 159, 160, 170, 183–191, 200,
216, 218, 229, 231, 232, 236, 243–
245, 288, 304, 308, 335–337, 374,
375, 379, 387, 438–441, 444–450,
454, 464, 472, 477–484, 487, 488,
492–496, 498, 499, 512
Дербер П. Я. 419, 420, 541
Дитерихс М. К. 183, 302, 522
Дмитриенко П. П. 261, 262, 264,
528
Дмитрий Павлович, Великий
князь 25, 506
Добрынский И. А. 159, 520

кн. Долгоруков П. Д. 312, 316, 533
Достоевский Ф. М. 269
Драгомиров А. М. 66, 86, 89, 515
Дроздовский М. Г. 394, 536
Дутов А. И. 404, 538
Духонин Н. Н. 230–236, 282, 288,
303–309, 311, 345, 351, 352, 380,
432, 527
Дыбенко П. Е. 295

Егоров А. И. 333
Екатерина II, Императрица 369,
371, 373, 405, 434

Жданов В. А. 233
Железняков А. Г. 318, 534
Жернаков 420

Завойко В. С. 159–161, 172–174,
202, 437, 439, 520
Зайцов А. А. 8
Зварницкий Д. И. 369

Иванов (Иванов-Ринов) П. П. 422,
543
Иванов Н. И. 48, 514
гр. Игнатъев Н. Н. 69, 516
Игнатъев 303
Иков В. К. (В. Мирон) 259, 528
Иорданский 200

Какурин Н. Е. 211, 405
Каклюгин К. П. 211, 382, 436
Каледин А. М. 126–129, 158,
159, 207–213, 218, 229, 235, 301,
370, 374–389, 400, 401, 409, 415,
432–438, 440–447, 449, 450, 476,
485, 518
Калмыков И. М. 408, 409, 431, 540
Кашен М. 103
Караулов М. А. 404, 409, 538
гр. Келлер Ф. А. 36, 512

Керенский А. Ф. 13, 55, 56, 63, 67, 74, 83, 86, 96, 99, 104, 105, 115, 121–126, 135, 143–151, 155–159, 161–165, 167–184, 188–190, 192, 194–214, 220–225, 228–232, 241, 244–246, 274–284, 287–296, 298, 302–307, 315, 319, 340, 346, 347, 350, 351, 416, 443, 454, 475

Кирилл Владимирович, Великий князь 20, 505

Кишкин Н. М. 346–348, 350, 351, 534

Клембовский В. Н. 166, 521

Ключевский В. О. 366

Кожанов 463, 464

Кокошкин Ф. Ф. 312, 316, 533

Колчак А. В. 6, 105, 202, 408, 517

Комаров В. А. 23, 506

Коновалов А. И. 280, 289, 529

Корнилов Л. Г. 13, 109, 112, 115, 118–120, 125, 126, 128, 129, 143–221, 223–225, 228–233, 235, 237, 241–246, 274, 285, 288, 291, 306, 308, 309, 379, 380, 384–387, 401, 437–451, 453–455, 464, 471, 473–479, 483–491, 498, 500–504, 520

Краковецкий А. А. 296, 419, 530

Краснов П. Н. 8–10, 168, 169, 181, 182, 187, 291–296, 298, 305, 306, 340, 345, 374, 409, 485, 494, 521

Крутовский В. М. 419, 420, 542

Крыленко Н. В. 308, 311, 352, 353, 532

Крымов А. М. 150, 182–184, 193, 195, 197, 218, 220, 291, 519

Кудрявцев С. А. 420

Кульман Н. К. 260, 528

Куприн А. И. 71

Кускова Е. Д. 260, 261, 465, 528

Кусонский П. А. 308, 532

Кутепов А. П. 385, 535

Лацис М. И. 334

Лебедев, полк. Г.ш. 182, 183, 191

Лембич М. С. 172, 522

Ленин (Ульянов) В. И. 120, 149, 150, 213, 240, 268, 270–272, 274, 286, 295, 297, 303, 313–318, 321, 326, 327, 331, 332, 335–339, 341, 343, 352, 353, 356, 358, 364, 378, 401, 404, 415, 416, 431, 456

Лечицкий П. А. 108, 517

Лисовой Я. М. 468

Лукирский С. Г. 345, 346, 534

Лукомский А. С. 34, 149, 163, 165, 176, 184, 189, 191, 192, 194, 196–199, 201, 218–221, 441, 445, 446–448, 454, 478, 479, 481–484, 486, 510

Львов В. Н. 157–164, 166, 167, 176–178, 520

кн. Львов Г. Е. 54–56, 67, 74, 77, 97, 99, 121, 157, 204, 271, 514

Мазуренко С. П. 445, 465

Маклаков В. А. 169, 176, 178

Маклаков Н. А. 47, 165, 513

Малевский А. Д. 261, 528

Марков С. Л. 189, 454, 495, 496, 498, 523

Маслов С. 326, 327

Мартов Л. (Цедербаум) 241, 258, 263

Мартынов Е. И. 31, 32, 153, 154, 161, 173, 180, 184, 507

Мельгунов С. П. 8, 9, 299–302, 338, 339, 408, 410, 426, 469, 530

Мельников Н. М. 208, 385, 387, 435, 526

Менделеев Д. И. 321, 322

Милюков П. Н. 25, 27, 67

гр. Милютин Д. А. 40
 Минор О. С. 317
 Митропольский 172
 Михаил Александрович, Великий
 князь 17, 19, 20, 23, 27, 29, 43,
 44, 47, 52, 225, 505
 Михайлов И. А. 419, 420, 542
 Могилянский Н. М. 359–362, 534
 Моравский 420
 Муравьев М. А. 333, 359–361,
 364, 366
 Мякотин В. А. 428, 544
 Набоков В. Д. 69, 126, 157, 242, 516
 Назаров А. М. 385, 387, 535
 Наполеон Бонапарт 14, 147, 321,
 471, 481
 Неженцев (Нежинцев) М. О. 243,
 438, 527
 Некрасов Н. В. 162, 165, 169, 173,
 204, 520
 Неометулов 420
 Нивель Р. 103
 Николай II Александрович, Им-
 ператор 17–22, 25–28, 33–36,
 39, 43, 46, 48–53, 67, 73, 76, 95,
 120, 282
 Николай Николаевич, Великий
 князь 7, 33, 51, 76, 509
 Новицкий В. Ф. 249, 527
 Новоселов А. Е. 419
 Новосильцев Л. Н. 169, 170, 521
 Нокс А. 70
 Носков П. А. 139, 518
 Орановский В. А. 193, 524
 Орлов Н. В. 408, 540
 Осинский Н. 337
 Пальчинский П. 347
 Парамонов Н. Е. 445, 545
 Патушинский Гр. Б. 419, 542

Переверзев П. Н. 150
 Петен А.-Ф. 103
 Петлюра С. В. 356, 357, 431, 534
 Печерский Я. Б. 258, 527
 Пишон 418, 420
 Плеханов Г. В. 428, 465, 544
 Плющевский-Плющик Ю. Н.
 196, 199, 525
 Подвойский Н. И. 180
 кн. Пожарский Д. М. 147
 Покровский В. Л. 486, 546
 Полковников Г. П. 277, 280–282,
 296, 304, 529
 Половцев П. А. 150
 Попов П. Х. 388, 393, 398, 479,
 481, 483, 484, 491, 536
 Потанин Гр. Н. 418, 422, 541
 Потресов А. Н. 428, 544
 Пржевальский М. А. 185
 Прокопович С. Н. 232, 527
 Пронин В. М. 196, 525
 Протопопов А. Д. 17, 47, 68, 504
 Пугачев Е. 325, 370
 Пуришкевич В. М. 25, 119, 120,
 506
 Пушкин А. С. 269
 Пятницкий Н. В. 9
 Разин С. 330, 370
 Ракитин-Браун 296
 Распутин Гр. Е. 25, 26, 47, 120
 Ринчино Э. Д. 419
 Родзянко М. В. 26–30, 32, 33,
 44–50, 67, 71, 153, 507
 Родичев Ф. И. 151, 519
 Роженко В. Е. 169, 170, 522
 Розенблюм Д. 259
 Романовский И. П. 176, 196, 441,
 454, 490, 491, 524
 Руднев В. В. 300, 530
 Рузский Н. В. 32–35, 45–50, 508
 Рутенберг 347

Рябовол Н. С. 487, 546
Рябцев К. И. 282, 298, 459, 529
Саблин 333, 366, 384
Саввич С. С. 35, 511
Савинков Б. В. 110, 144, 148, 149, 155–159, 162–165, 171, 175, 176, 178, 179, 202, 203, 295, 308, 431, 445, 465, 519
Савич Н. В. 263, 264, 528
Сазонов Л. И. 70
Самарин С. Н. 183, 184, 522
Сахаров В. В. 33, 34, 53, 510
Сахаров К. В. 196, 525
Сватиков С. Г. 371
Свердлов Я. М. 315
Семенов Гр. М. 408, 409, 431, 520, 539
Серебренников И. И. 419, 420, 542
Сиверс Р. Ф. 333, 334, 364, 366, 385
Сизиков В. С. 260, 528
Синегуб А. 285
Скворцов-Степанов И. И. 316, 533
Склянский Э. М. 401, 537
Скобелев М. И. 74, 98, 99, 211, 212, 222, 251, 257, 258, 278, 289, 307, 516
Соколов Б. Ф. 139, 309, 310, 532
Сокольский С. А. 359
Сорокин П. А. 313, 316, 533
Спиридонова М. А. 317, 533
Сталин И. В. 274, 352
Станкевич Б. В. 31
Струве П. Б. 262, 528
Сулима Д. Г. 420
Султан-Гирей Шахим 487, 546
Суханов (Гиммер) Н. Н. 121, 123, 124, 283, 517
Сухомлинов В. А. 47, 513
Терещенко М. И. 129, 257, 258, 518

Тибер-Петров В. Т. 419, 420, 542
Тома А. 103
Трепов А. Н. 152
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 13, 150, 222, 228, 274, 275, 279, 283, 289, 295, 303, 311, 360, 425
кн. Трубецкой А. Н. 116
кн. Трубецкой Гр. Н. 129, 164, 173, 518
кн. Трубецкой Е. Н. 445, 545
Устругов Л. А. 419, 542
кн. Ухтомский (штабс-капитан Капелька) 445, 544
Федоров М. М. 445, 545
Фейт 296
Филатьев 63
Филимонов А. П. 487, 490, 546
Филоненко М. М. 159, 162–164, 177, 178, 520
Фишер Г. Г. 16
Флуг В. Е. 406, 421, 422, 448, 449, 473, 474, 538
Фредерикс В. Б. 43
Хабалов С. С. 17, 22, 23, 28, 30, 505
Хан Нахичеванский Гуссейн 36, 512
Харламов В. А. 374, 375, 535
Церетели И. Г. 55, 97, 99, 156, 222, 301, 516
Чайковский Н. В. 302, 426–432, 531
Черемисов В. А. 282, 290–293, 304, 305, 345, 348–351, 529
Чернецов В. М. 382, 384, 535
Чернов В. М. 147, 148, 222, 302, 307, 315–318, 428, 465, 519
Чхеидзе Н. С. 25, 222, 506

Шабловский И. С. 196, 219, 526
Шапрон дю Ларрэ А. Г. 309, 532
Шатилов М. Б. 420
Швцов С. П. 315
Шингарев А. И. 297, 312, 316, 530
Штюмер Б. В. 47, 513
Шуберский А. Н. 7
Шульгин В. В. 27, 35, 507

Щаденко Е. А. 356
Щепкин Н. Н. 427, 544
Щербачев Д. Гр. 6, 66, 86, 92, 185,
356, 357, 394, 514
Щербина Ф. А. 401–403, 537

Эверт А. Е. 33, 52, 509
Эйлер 300
Эрдели И. Г. 495, 547

Юдин И. С. 419, 420
Кн. Юсупов Ф. Ф., граф Сумаро-
ков-Эльстон 25, 507

Яковлев 159, 321
Якушев И. А. 420, 422, 542
Янов Г. П. 398, 471, 537
Яхонтов А. Н. 20

<i>Волков С. В. Николай Николаевич Головин и его труд.....</i>	5
--	---

РОССИЙСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В 1917–1918 гг.

Часть I

Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка

Книга 1

Предисловие.....	13
------------------	----

Глава I. Отсутствие противодействующих сил в начале революции

Быстрота свержения Царской власти.....	17
Слабость сопротивления Царской власти.....	18
Настроение и поведение различных общественных группировок и политических партий	24
Настроение в Действующей Армии.....	32
Настроение народных масс.....	37

Приложения

Приложение № 1. Об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти.....	43
Приложение № 2. Об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной Власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых Основных Законов Государства Российского.....	44
Приложение № 3. Воззвание к народу Врем. Комитета Государственной Думы, выпущенное в ночь с 12 марта (27 февраля) на 13 марта (28 февраля) 1917 г.	44
Телеграммы Врем. Комитета Государственной Думы начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, Главнокомандующим фронтами и командующим Балтийским и Черноморским флотами, посланные в ночь с 12 марта (27 февраля) на 13 марта (28 февраля) 1917 г.	45
Приложение № 4. Телеграфный разговор по прямому проводу Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с Главнокомандующим Северным фронтом генералом Рузским в ночь с 14 (1) на 15 (2) марта 1917 года.....	45

Приложение № 5. Телеграммы начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексева и Главнокомандующих фронтами об отречении Императора Николая II.....	50
---	-----------

Глава II. Зарождение контрреволюционных настроений.....	54
Распад Государственной власти	54
Борьба за власть в Действующей Армии и разложение Армии.....	62
Вопрос о мире	67
Зарождение контрреволюционных настроений	74

Приложения

Приложение № 6. Декларация Временного правительства.....	81
Приложение № 7. Приказ № 1, выпущенный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 14 (1) марта 1917 года	81
Приложение № 8. Выдержки из речи военного министра А. И. Гучкова, сказанной им на съезде делегатов фронта 12 мая (29 апреля) 1917 г.....	82
Приложение № 9. «Декларация прав солдата», отданная военным министром А. Ф. Керенским в Приказе по Армии и Флоту 22 (9) мая 1917 года.....	83
Приложение № 10. Отчет соединенного заседания Временного правительства и Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 17 (4) мая, на котором были заслушаны доклады Верховного Главнокомандующего ген. Алексева и Главнокомандующих: Юго-Западным фронтом ген. Брусилова, Северным фронтом генерала А. М. Драгомирова, Румынским фронтом генерала Щербачева и Западным фронтом генерала В. Гурко.....	86

Глава III. Нарастание контрреволюционных настроений	100
Вопрос о переходе Русской Армии в наступление	100
Подготовка к наступлению облегчает формирование контрреволюционной силы	104
Провал июльского наступления вызывает некоторую временную депрессию в революционных настроениях.....	108
В либеральных кругах июльские события вызывают контрреволюционные настроения и стремление к военной диктатуре	116
Керенский на пути к диктатуре	120
Московское Государственное Совещание.....	125

Приложения

Приложение № 11. Речь Главнокомандующего Западным фронтом генерала Деникина, сказанная на совещании министров и главнокомандующих, происходившем в Ставке (в Могилеве) 29 (16) июля 1917 года	130
--	------------

Глава IV. Выступление генерала Корнилова	143
Генерал Корнилов	143
Столкновения Керенского с генералом Корниловым	147
Разрыв Керенского с ген. Корниловым	157
Выступление ген. Корнилова против Временного правительства	164

Приложения

Приложение № 12. Вторая часть переговоров генерала Корнилова с Савинковым и Маклаковым по аппарату между 2 и 7 часами пополудни 9 сентября (27 августа) 1917 года	176
--	-----

Глава V. Неудача выступления генерала Корнилова	180
Неудача Корниловского выступления	180
Ликвидация Корниловского выступления и роль генерала Алексеева в этой ликвидации	189
Арест генерала Корнилова и предание его суду	198
«Мятеж» генерала Каледина	207

Приложения

Приложение № 13. Телеграфный разговор генерала Алексеева с генералом Корниловым между 1 и 3 часами пополудни 12 сентября (30 августа) 1917 г.	215
Приложение № 14. Письмо генерала Корнилова к генералу Крымову, написанное днем 12 сентября (30 авг.) 1917 г.	218
Приложение № 15. Телеграфный разговор генерала Алексеева с начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Лукомским в три часа полуночи 14 (1) сентября 1917 г.	218

Глава VI. Последствия неудачи первой контрреволюционной вспышки	222
Сильное повышение революционных настроений	222
Полное падение авторитета Временного правительства	223
Окончательное расчленение Русской Армии на два враждебных лагеря: офицерский и солдатский	228
«Обреченность» спасательной работы генерала Духонина	230
Вопрос о мире становится еще более острым	237
Зарождение Белого Движения	241

Приложения

Приложение № 16. Сводка донесений о настроении Действующей Армии за время с 28 (15) октября по 12 ноября (30 октября) 1917 года	247
Приложение № 17. Журнал соединенного заседания Комиссии (Совета Российской Республики) по обороне и по иностранным делам 2 ноября (20 октября) 1917 г.	251

Книга 3. Большевицкий переворот превращает контрреволюцию в противобольшевицкое движение

Глава VII. Свержение большевиками Временного

правительства.....	267
Социологическая сущность большевизма	267
Силы большевиков	272
Решительность большевиков и «балансирование» Керенского	276
Противодействующие силы, которые могла встретить новая вздымающаяся волна революции	278
Большевицкий переворот и защита Временного правительства.....	288

Глава VIII. Распространение большевицкой власти в стране и превращение контрреволюционного движения

в антибольшевицкое.....	298
Нерешительность «революционной демократии»	298
Захват большевиками центрального аппарата управления Действующей Армии (Ставки)	303
Разгон Учредительного Собрания	309
Большевизм и крестьянство.....	320
Завоевание большевиками страны	331
Красный террор — главный метод утверждения большевицкой власти	334
Контрреволюция принимает форму антибольшевицкого движения	339

Приложения

Приложение № 18. Сводка данных о настроении фронта к 6 часам вечера 7 ноября (25 октября)	344
Приложение № 19. Телеграфный разговор генерала Духонина со штабом Северного фронта между 10 часами в. и 1 часом н. в ночь с 7 ноября (25 октября) на 8 ноября (26 октября)	345
Приложение № 20. Телеграфный разговор Главнокомандующего Западным фронтом генерала Балужева со Ставкой 7 ноября (25 октября) между 10 часами вечера и 1 часом ночи	348
Приложение № 21. Копия телеграфного разговора генерала Балужева с генералом Черемисовым, сообщенная в Ставку генералом Балужевым	349
Приложение № 22. Радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров, разосланная 22 (9) ноября 1917 года	352

Книга 4. Образование областных противобольшевицких движений

Глава IX. Образование областных противобольшевицких движений.....	355
События на Украине.....	355
Оккупация Украины Центральными державами.....	360
Исторические предпосылки противобольшевизма казаков	366
Положение на Дону.....	374
«Паритетное» правительство.....	377
Наступление большевиков на Дон	381
Самоубийство генерала Каледина	385
Большевизм на Дону.....	388
Восстание Донского казачества.....	389

Приложения

Приложение № 23. Декларация Штаба Студенческой боевой дружины	396
Приложение № 24. Приказ № 3 Станицам, хуторам, полкам и дружинам	398

Глава X. Образование областных противобольшевицких движений (продолжение).....	399
Кубань.....	399
Терское, Оренбургское, Уральское и Астраханское казачества	403
Казачества Азиатской России.....	405
Сибирское крестьянство	410
Зарождение противобольшевицкого движения в Сибири	416

Книга 5. Развитие общероссийского противобольшевицкого движения

Глава XI. Развитие общероссийского противобольшевицкого движения.....	425
Протест интеллигенции	425
Образование общественных противобольшевицких центров.....	427
Формирование «Добровольческой Армии».....	432
«Триумвират».....	440
Духовный облик Добровольческой Армии	450

Приложения

Приложение № 25. Письмо генерала от инфантерии М. В. Алексева к генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу	457
Приложение № 26. «Допрос» генерала Алексева	463

Глава XII. Развитие общероссийского противобольшевистского движения (Продолжение)	469
Первоначальная политическая программа Добровольческой Армии	469
Уход Добровольческой Армии с Дона	476
Движение Добровольческой Армии на Кубань	480
Соединение Добровольческой Армии с Кубанской Армией и штурм Екатеринодара	486
Смерть Корнилова и отступление Добровольческой Армии из-под Екатеринодара	489
Возвращение Добровольческой Армии на Дон	492
Изменения в политической программе Добровольческой Армии	494
Приложения	
Приложение № 27. Политическая программа генерала Корнилова.....	500
Приложение № 28. Наказ делегации в Сибирь.....	502
Приложение № 29. Наказ генерала Деникина, данный для общего руководства в середине мая представителям армии, разосланным в разные города.....	503
Комментарии (<i>Составитель д. и. н. С. В. Волков</i>)	504
Указатель имен	548

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТОСХЕМ

Схема 1. Фронты наших армий в 1917 году	65
Схема 2. Земельные пространства России с точки зрения с.-хоз. обработки	323
Схема 3. Австро-Германская оккупация (18.II — 18.V 1918 г.)	363
Схема 4. Южная часть Области Войска Донского	383
Схема 5. Расселение казачьих войск.....	407
Схема 6. 1-й Кубанский поход Добровольческой Армии (март—апрель 1918 г.)	481

РУЖНО ЗА ОБЩЕЕ ДѢЛО

ВНЕШНИЙ ВОПРОСЪ.

ДЕНИКИНЪ приказалъ
прислуживать къ рѣше-
нью вопроса на следу-
ющихъ основаніяхъ:

1) Интересы труде-

ваго народа.

2) Интересы труде-

ваго народа.

3) Интересы труде-

ваго народа.

4) Интересы труде-

ваго народа.

5) Интересы труде-

ваго народа.

6) Интересы труде-

ваго народа.

7) Интересы труде-

ваго народа.

8) Интересы труде-

ваго народа.

9) Интересы труде-

ваго народа.

10) Интересы труде-

ваго народа.

11) Интересы труде-

ваго народа.

12) Интересы труде-

ваго народа.

13) Интересы труде-

ваго народа.

14) Интересы труде-

ваго народа.

15) Интересы труде-

ваго народа.

16) Интересы труде-

ваго народа.

17) Интересы труде-

ваго народа.

18) Интересы труде-

ваго народа.

19) Интересы труде-

ваго народа.

20) Интересы труде-

ваго народа.

21) Интересы труде-

ваго народа.

22) Интересы труде-

ваго народа.

23) Интересы труде-

ваго народа.

НАЗЪ РЪЧИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

на Восточномъ Фронте, 2-го февраля 1919 г.

Пойдемъ на сѣверъ спасать Россію,
пойдемъ туда не для того, чтобы
вернуться изъ старымъ порядкомъ,
но для защиты сословныхъ и клас-
совыхъ интересовъ, а чтобы соз-
дать новую, свѣтлую низшуе воймъ,
правымъ, и лѣвымъ,
назакну, и
остынную
рабочему.

РАБОТНИ

Генералъ ДЕН
НЕМЕДЛЕННО
для рабочихъ

- 1) Обезпеченіе
- 2) Восемь часовъ
- 3) Примирительныя камеры
- 4) Страхование рабочихъ
- 5) Охрана труда
- 6) Прекращеніе безр

СЫНЪ МОЙ ИДИ И СПАСАЙ РОДИНУ!

ISBN 978-5-8112-4317-4

9 785811 243174

АЙРИС ПРЕСС